

ЦИК СССР
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ А. С. ЕНУКИДЗЕ

26

Б. А. Романов

РОССИЯ В МАНЬЧЖУРИИ

(1892—1906)

Очерки по истории внешней политики самодержавия
в эпоху империализма

ЛЕНИНГРАД 1928

Издание Ленинградского Восточного Института имени А. С. Енукидзе

PRINTED IN RUSSIA.

Ch 262.4

✓

Ленинградский Областлит № 48844. — 38 $\frac{5}{8}$ печ. л. - 1 карта. — Тираж 1000.

Государственная Академическая Типография.

В. О., 9 июня 12.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Выпуская в свет труд Б. А. Романова „Россия в Маньчжурии“, издательство Ленинградского Восточного Института имени А. С. Енукидзе прежде всего руководилось целью дать новый, главным образом, фактический материал по столь актуальному вопросу, как политика русского империализма на Дальнем Востоке.

И, как полагает издательство, Б. А. Романову в полной мере удалось привлечь свежий материал, почерпнутый из наших богатейших архивных фондов, — дав, таким образом, богатую фактическим содержанием, тщательно документированную монографию по этому крупнейшему вопросу восточной политики царской России.

Б. А. Романов, подвергая анализу свой большой документальный материал, ставит в центр своего исследования вопрос о вывозе русского капитала на территорию Маньчжурии в эпоху перед русско-японской войной и выявляет империалистическую сущность политики русского самодержавия в Китае вообще и в Маньчжурии в особенности — рассматривая развитие местного конфликта (не только русско-япон-

ского, но и англо- и американо-русского) из-за маньчжурского рынка в широком плане нарастания мирового империалистического столкновения.

Такая установка темы подводила автора к общей проблеме русского империализма, как она ставится в нашей марксистской литературе.

Но не вскрывая борьбы классовых сил, лежавших в основе всей империалистической политики царской России, Б. А. Романов явно переоценивает роль отдельных лиц и не вносит нового в решение общей проблемы русского империализма — примыкая к той концепции монополистического капитализма в России, какая дана в последнее время в работах тов. Е. Грановского на ином материале.

Издательство, таким образом, полагает, что выпускаемая книга Б. А. Романова вызовет интерес не только в сравнительно узком кругу специалистов-востоковедов, а представит интерес и для всякого марксиста-историка.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемая книга выросла из первоначально намеченного к изданию сборника статей по истории дальневосточной политики России конца XIX—начала XX ст., напечатанных мною в 1923—1926 гг. Введение и две первые главы книги были написаны, когда мысль о таком сборнике не была еще оставлена, и представляют результат переработки старых текстов для нового издания¹. Как бы ни был велик размер потребовавшихся при этом изменений и дополнений, они все же не ломали первоначального плана и грозили только увеличить объем сборника. Но уже в процессе работы над третьей главой все виднее становилась невозможность выдержать этот план: собранный мною к тому времени (нач. 1927 г.) материал при ближайшем изучении не укладывался в рамки прежних построений и побуждал писать заново детальное исследование. А когда оно, для третьей главы, было написано, предположенный объем издания оказался уже превзойденным. Так явилась необходимость или остановить дальнейшую работу и выпускать книгу оборванной на полуслове или продолжать ее уже в масштабе цельного исследования. К сожалению, по техническим условиям, для завершения набора третьей главы пришлось отпечатать и рассыпать набор первых 12 листов, и, когда вопрос о продолжении работы разрешился в положительном смысле, я уже не имел возможности вернуться к переработке тех страниц (3—128), которые писались в расчете

¹ Введение является переработкой конспективного обзора «Основных моментов русской политики на Дальнем Востоке», напечатанного в «Сибирских Огнях», 1926 г., № 4; главы первая и вторая развиты из отделов I—V статьи о «Дихунчангском фонде», помещенной в журн. «Борьба Классов», Л., 1924, № 1—2, стр. 77—110.

еще только на «сборник»¹. Главы же третья — восьмая написаны заново.

Таково происхождение выпускаемых теперь в свет «очерков». Они связаны единством темы, указанной в их заглавии. Основным предметом исследования в них является лишь один из вопросов внешней политики императорской России на протяжении всего полутора десятка лет. Но активная политика самодержавия в 90-х и в начале 900-х гг. была направлена именно на Манчжурию и преимущественно на Манчжурию, сыграла решающую роль в развитии русско-японского конфликта, содействовала сложению международной конъюнктуры, чрезвычайно благоприятной для того, чтобы довести дело до военной развязки, лишила в конечном счете русское правительство свободы маневрирования относительно обозначившегося уже тогда мирового империалистического столкновения и через войну и революцию 1905 г. привела Россию в лоно Антанты, в котором самодержавие и нашло свою гибель в 1917 г. Думаю, поэтому, что ограничение, которое я придаю предмету и хронологическому объему моего исследования, не нарушает цельности и не умаляет значения темы предлагаемых очерков. Я надеюсь, при этом, что они имеют отношение и к общей проблеме русского империализма, занявшей центральное место в нашей новейшей историографии. Выбирая для монографического изучения внешнюю политику самодержавия именно в эпоху империализма, я, разумеется, имел в виду эту проблему и в своих специальных исследованиях мог уже опираться на те ее решения, которые были предложены в работах М. Н. Покровского и его школы. Следя шаг за шагом за работой русской дипломатии, я ставил своей задачей изучить приемы и ресурсы, которыми она располагала, программу, которую она пыталась осуществлять, движущие силы, так или иначе влиявшие на эволюцию этой программы, наконец, борьбу, вернее, разложение,

¹ Это было бы особенно желательно мне относительно «введения» и главы первой, в частности II раздела ее.

которое на верхушке аппарата самодержавия давало себя знать чем ближе к войне, тем сильнее, — и вел это изучение под углом зрения того противоречия, которое должно было создаваться для самодержавия во всей совокупности условий развития капитализма, вступавшего в монополистическую стадию. По мере довольно пристального, как мне кажется, изучения материалов, оставшихся от дипломатической кухни русского правительства той поры, у меня копились и уточнялись наблюдения над тем, как самодержавие (тщетно) пыталось не только приспособиться к этим условиям, но и вложиться в это развитие и занять позиции, которые, обеспечивая ему господство внутри страны, давали бы ему возможность, не отставая от других, свободно маневрировать на международной арене империализма. Наблюдения, относящиеся преимущественно к манчжурскому участку дальневосточного сектора этой арены, с возможной точностью и изложены в моих очерках.

Я далек от мысли о сколько-нибудь исчерпывающем характере этих наблюдений даже в пределах того материала, который был мне доступен. Но всякий, кто занимался вопросами новейшей истории по архивным материалам, знает, какие трудности здесь встают перед исследователем в количестве и в состоянии архивной массы. Основным фондом для этой работы служили документы делопроизводства III Отделения Общей канцелярии министра финансов, возникшего в 1895 г., как только встал вопрос о проведении Забайкальского участка Сибирского пути через Манчжурию, и быстро вошедшего в роль как бы дипломатической канцелярии министра. Но, помимо того, ряд ценнейших документов найден был мною и в других фондах¹. По чисто внешним условиям мне удалось в свое время поработать над архивным фондом министерства иностранных дел

¹ Далее в примечаниях к тексту книги, когда ссылка делается, без упоминания фонда, просто на дело № такой то («д. №...»), она означает, что дело принадлежит фонду III Отделения Общ. канц. м-ра финансов. При упоминании фонда без обозначения, где он находится, следует разуметь Лен. Центр. Ист. Архив. Нахождение фонда в Москве всегда оговорено.

в Москве не в той мере, как я того хотел бы. Но при невозможности воспользоваться в одинаковой мере фондами иностранного и финансового ведомств, может быть, выгоднее для этой книги, что более доступен мне был именно второй. Далеко не случайно, что в исследуемые годы, почти целиком падающие на министерство Витте, в направлении русской политики и в работе русской дипломатии на Дальнем Востоке руководящую роль играл министр финансов, — и основной материал для изучения того, как и в какой мере экономическая политика самодержавия пыталась тогда ставить и разрешать свои задачи в сфере международных отношений России, следует искать, в первую очередь, не в министерстве иностранных дел. Это последнее, к тому же, довольно исправно снабжало канцелярию министра финансов обильным материалом в виде копий документов (своих и чужих), а с лета 1900 г., при Ламсдорфе, обратилось до известной степени как бы в подчиненный орган, на Дальнем Востоке и шагу не делавший без ведома министра финансов, который, в свою очередь, располагал там исполнительной и чуткой собственной агентурой и всем аппаратом О-ва Кит. Вост. жел. дор. и Русско-Кит. банка.

Маньчжурская эпопея настолько тесно связана с именем Витте, что возможность проникнуть в самую лабораторию его дальневосточной политики значительно облегчила мне уточнить и обосновать критическую сторону моего исследования, которой я придавал существенное значение по следующим соображениям. То обстоятельство, что Витте был перебежчиком из частно-капиталистического лагеря, создавало ему, с его опытом и природными данными, исключительное положение в составе правительства Александра III, потому что делало его более других годным взять на себя приспособление политики самодержавия к новым условиям. Директор крупнейшей и доходнейшей акционерной железнодорожной компании и затем первый мастер единой тарифно-экономической политики железных дорог во всероссийском масштабе, Витте вместе с мундиром министра получил в свои руки разработку и осуществление грандиозного плана расширения террито-

риальной базы русского капитализма на всю Сибирь. Международно-политическое значение этого плана с первых шагов и чем дальше, тем больше увлекало Витте на путь деятельного вмешательства во внешнюю политику страны, и стремление Витте «все захватить в свои руки» было не просто (как должно было казаться его современникам) проявлением его личной природы, а питалось и объективной потребностью сообразовать политику, внутри страны стремившуюся обеспечить самодержавию руководящие позиции в обстановке бурно развивающегося капитализма, с политикой, которая во внешнем империалистическом окружении брала на себя приобретение рынка. Поскольку такое вмешательство удавалось Витте, постольку и активная политика России на Дальнем Востоке, в условиях подъема 90-х гг. и поступательного движения империализма в международном масштабе, выступала в тесном союзе с финансовым капиталом, опираясь на СПб. Международный банк и выдвигая на первый план Русско-Китайский и сращенное с ним Об-во Китайской Восточной жел. дор., а затем и те частные промышленные предприятия, которые на территории Манчжурии обещали не уйти из под влияния русского министерства финансов. Чем большее участие на деле в этом банковско-железнодорожно-пароходно-горнопромышленном комбинате принимала казна, и чем безнадежнее в условиях кризиса 1900 и сл. годов становились ближайшие перспективы собственно частно-капиталистической эксплуатации манчжурских богатств, тем грубее выступала монополистическая природа этой политики, которая именно в силу такой своей природы чем дальше, тем больше принимала относительно Манчжурии *боевой* характер и сохранила его до самой своей военной развязки. Между тем Витте, — который, именно в качестве министра финансов и в частности в роли политического директора основанного и руководимого им «треста», был вдохновителем этой политики — всеми доступными ему приемами при жизни и затем своими «Воспоминаниями» после смерти содействовал образованию и

широчайшему распространению легенды о якобы исключительно «мирном» характере его политики. Легенда эта, несмотря на всю ее грубость, оказывается еще и сейчас настолько живучей, что разрушение ее требует применения приемов детального монографического изучения каждого шага и всех изгибов этой политики. Ставя себе задачу именно такого изучения, я мог найти нужные мне детали вернее всего в подлинном делопроизводстве дипломатической канцелярии министра финансов. Не упуская, по возможности, ни одной из таких деталей, на этом пути я и стремился со всею наглядностью вскрыть подлинную природу и действительное значение политики, которую эпоха империализма диктовала самодержавию устами его «верного слуги».

Выпуская в свет эту книгу, считаю долгом благодарить Правление Ленинградского Восточного Института им. Енукидзе, принявшее ее в число своих изданий. Возможностью приступить к работе над архивным материалом, положенным в основу этой книги, и довести ее до конца я обязан благожелательному отношению, какое неизменно встречал со стороны администрации как Центархива в Москве, так и Центрального Исторического Архива в Ленинграде. Что же касается окончательной отделки текста книги, то здесь я чувствую себя особенно обязанным А. Е. Преснякову, охотно взявшему на себя труд предварительной критики этой работы еще в рукописи.

К книге приложена карта Манчжурии, на которую нанесены все упомянутые в тексте как состоявшиеся, так и проектированные промышленные, лесные и железнодорожные концессии, русские и иностранные. Составлением этой карты незаменимую услугу оказала мне Т. Ф. Копылова.

30 сентября 1928 г.

Автор.

Россия в Манчжурии

(1892 — 1906 гг.)

ВВЕДЕНИЕ.

Основные моменты в русской политике на Дальнем Востоке
в 1892—1917 гг.

Манчжурский вопрос в истории международных отношений Российской империи встал во весь свой международный рост в 1895 году и занял первенствующее и боевое место, сделался основным вопросом русской внешней политики — на все ближайшее десятилетие без перерыва. В этом своем качестве возник он в прямой и исключительной связи с приступом к работам по постройке Сибирского сплошного железнодорожного пути, существеннейшим образом грозившего изменить темп и масштаб активной политики России на берегах Японского моря. Чем бы ни была вызвана эта постройка, каким бы потребностям и интересам она ни отвечала, она явилась основным фактом во *внешней* политике этой страны. Последующие факты этой политики выстраиваются в непрерывный и компактный ряд, смена и последовательность их становится стремительной и непредотвратимой именно с того момента, когда давние намерения перевести громадные сибирские пространства на железнодорожную связь с центральной Россией, после ряда частичных приступов и оттяжек, облеклись, наконец, в 1892 г. в форму не только официально утвержденного, но и принятого к срочному исполнению, детально разработанного как в техническом, так, главное, и в финансовом отношении, плана постройки «великого» Сибирского, ширококолейного и сплошного, железного пути до самого Владивостока, по протяженности (более 7 тысяч верст) бывшего

*

мировой рекорд. В такой форме план этот рассчитан был уже не на простое расширение базы внутреннего железнодорожного обращения или, тем более, на лишь коммерчески выгодное прерывистое соединение отдельных торговых пунктов в Сибири, а приобретал, казалось, мировое значение. На острии железной линии Россия вводилась в сферу международного экономического и политического соперничества в Тихом океане, в надежде на то, что обусловленный этой линией «переворот в направлении сообщений между Европой и азиатским востоком должен последовать в ее [России] пользу»/ Сибирская железная дорога официально провозглашалась «мировым событием», «которыми начинаются новые эпохи в истории народов, и которые нередко вызывают коренной переворот установившихся экономических соотношений между государствами», и рассматривалась, как орудие такого усиления русского военного флота в Тихом океане, которое даст России «господство над всем международным коммерческим движением в тихоокеанских водах»¹.

Другой вопрос, — что этот пышно изложенный в докладе тогдашнего министра финансов Витте план составлялся, повидимому, под прямым впечатлением жестокого голода, сжавшего в свои тиски Европейскую Россию в 1891 г. с беспрецедентною силою, а выполнение его возлагалось в течение ближайших лет на плечи в-первую очередь того самого русского крестьянства, которому прокладывался теперь ускоренный путь бегства от голода и безземелья в далеко еще незаселенную Сибирь. Рассчитанный на революционизирующее действие в сложившемся сочетании *мировых* экономических сил, — план этот неизбежно приобретал одновременно такое же значение в развитии классовых отношений *внутри страны*, чувствительнейшим образом смыкавшейся теперь железной дорогой, как приводным ремнем, с мировым империалистическим механизмом на Дальнем Востоке. Решающий в этом

¹ Из всепод. докладной записки управляющего министерством финансов от 6 ноября 1892 г. См. ниже гл. 1, стр. 56—60.

смысле внешний факт — русско-японская война 1904-5 гг. — был бы немыслим, в таком именно масштабе и столь коренном значении, для России сибирских водных путей и почтовых трактов. Лозунг «господства над всем международным коммерческим движением в тихоокеанских водах», провозглашенный Витте в 1892 г., заключал в себе программу, которая в дальнейшем толкала русское правительство вести Сибирский путь на 2 с лишним тысячи верст по территории всей Манчжурии — и это как нельзя больше ускорило назревание и военную развязку империалистического конфликта на русско-японском участке.

Поражение России в японской войне не вывело России из Манчжурии. Оно лишь сократило там, в пользу Японии, район русского влияния, проводником которого осталась в русских руках главная линия Китайской Восточной ж. д. через Северную Манчжурию на Владивосток. Правда, монополистическая программа, со всем упорством проводившаяся относительно Манчжурии правительством Николая до самой войны и потерпевшая теперь полное фиаско, отпала, и в новой международной ситуации, в какой оказалась Россия после войны и революции, манчжурский вопрос утратил свою остроту и непосредственно боевой характер. Но громадный железнодорожный селъмент в Северной Манчжурии, в виде полосы отчуждения с рядом растущих населенных пунктов и с вытекавшими для России из концессии 1896 г. правами управления им, — как бы ни было велико ослабление России после войны — оставался попрежнему для Китая угрозой, рано или поздно, прямого отторжения Северной Манчжурии; а последовавшие в 1907—1916 гг. русско-японские соглашения повели дело к такому военному союзу этих недавних врагов, который был действительно рассчитан на раздел Китая. — Только Октябрьская революция в России полностью освободила Китай от каких либо открытых или скрытых захватнических угроз, в предшествующем периоде связанных с русской программой «мирного завоевания» восточно-азиатских рынков, которую политика Витте сделала особенно боевой в отношении ко всем трем провинциям Манчжурии.

I.

При всей давности русских (с XVII века) и европейских (с XVI века) торговых сношений с Китаем, собственно «открытие» Китая для иностранного капитала, в современном нам смысле слова, падает на 1842—44 гг., когда в результате первой англо-китайской войны «из за опаума» (1839—42 гг.) Китай вынужден был «открыть» для европейской торговли 5 портов, установить однообразную 5% пошлину с цены товара и признать экстерриториальность англичан (затем американцев и французов в 1844 г.). В круглых цифрах к этому моменту (1844 г.) европейский торговый оборот с Китаем выражался по ввозу в Китай в сумме ок. 28 милл. долларов, по вывозу — в сумме ок. 33 миллионов, при след. процентном соотношении: по ввозу на долю Англии приходилось 68%, на долю России — 19%, Америки — 7%, прочих держав (Голландии, Португалии, Франции, Бельгии, Дании, Швеции и Германии) — 6%; и по вывозу — на долю Англии 60%, России — 16%, Америки — 20%, прочих — 4%¹. Если принять во внимание, что русский торговый оборот сосредоточивался для этого времени в Кяхте и шел преимущественно по сухопутной русско-китайской границе, при чем в последующие десятилетия обнаруживал явную и неуклонную тенденцию к понижению², то можно сказать, что «собственно Китай» (China proper, т. е. 18 провинций застенного Китая) являлся тогда почти целиком «сферой влияния» английского (в слабом пока сопутствии американского) капитала.

Таким образом, вся дальнейшая история как экономического, так и территориально-политического раздела Китайской империи в целом, должна была проходить под знаком относительно убы-

¹ См. «Статистические сведения о торговле России с Китаем», в Трудах Статистического Отделения Департамента Таможенных Сборов, СПб., 1909, стр. 21 и 8.

² Там же, стр. 11 и 15, особенно цифры ввоза в Китай по пятилетиям с 1851 г. по 1890 г. (в тыс. руб.): 9.272 р., 8.366 р., 5.585 р., 4.635 р., 3.984 р., 2.487 р., 2.126 р., 2.186 р.

вающего значения фактической монополии Англии, с 1860 г., после второй войны 1858—60 гг., получившей свое знаменательное выражение в том, что во главе ведомства китайских морских таможен, в звании главного его инспектора, стоял англичанин Роберт Харт — положение, в 1898 г. формально закрепленное договором на срок, пока английская торговля в Китае будет превосходить торговлю любой державы, в отдельности взятой. Начатый именно самой Англией военный натиск на Китай открыл во второй половине XIX ст. ряд покушений на отдаленные от центра империи области со стороны других держав: России — на Амурскую (1858), Приморскую (1860) и западную часть Илийской (1881), Франции — на Кохинхину (1862) и Аннам (1874), Японии — на о-ва Рю-Кю (1879—1881), самой Англии — на Бирму (1886) и Сикким (1890), — покушений, пока не влекших за собою прямых столкновений между покусителями, но намечавших отправные точки дальнейшего проникновения каждого из них вглубь территории Китая¹.

К 90-м годам пункт короткого замыкания империалистических проводников на этой территории ясно обозначился в Корее, королевстве, находившемся издавна в вассальной зависимости от Китая, который, однако, во избежание возможных осложнений и столкновений с Японией, предоставил этой последней заключить с Кореей непосредственный договор, как с независимой державой (1876), а затем также точно не только устранился от всяких переговоров, но даже и подстрекнул корейское правительство на заключение подобных же договоров с западными державами, как на средство парализовать внедрение политического влияния Японии на Сеульский дворец (1879). Американцы, с начала 70-х гг. интересовавшиеся проникнуть в Корею, первые воспользовались такой позицией Китая: американо-корейский договор 1882 г. открыл целый ряд подобных же дипломатических актов других

¹ Овладев Приморской областью, Россия продала Америке Аляску (1867) за 14,32 милл. р. и уступила Японии Курильские острова, считавшиеся последней исконно-японскими, в обмен на южную половину Сахалина (1876).

европейских держав (Англии и Германии в ноябре 1883 г., Италии и России в июне 1884 г., Франции в июне 1886 г.). Такая политика перекрестной системы международного страхования Кореи получила свое завершение в приглашении Китаем в 1883 г. на пост управляющего корейским таможенным ведомством и советника по экономическим вопросам чиновника немецкой консульской службы в Китае (Мёллендорфа), немедленно принявшего и за иностранную политику своей новообретенной «родины» — с крутым поворотом на союз с Россией. План Мёллендорфа, имевший в виду предупредить возможность повторения военного вмешательства Японии в Сеуле (инцидент 1882 г.,) посредством приглашения в корейскую армию русских инструкторов и предоставления России незамерзающего порта Лазарева, вызвал, однако, угрожающее сопротивление со стороны Англии, занявшей порт Гамильтона на одном из островков у самого входа в Корейский пролив — и план отпал перед призраком неприемлемого тогда для России морского столкновения и образования для нее в дальневосточных водах как бы вторых Дарданелл (1885). А вторичное столкновение китайских и японских военных отрядов в Сеуле (1884) вынудило Китай пойти на временное — до лучших времен! — соглашение с Японией об обоюдном отказе вводить в Корею войска без взаимного предупреждения (1885). При том условии, что в ближайшие затем годы Китай, — опираясь на поддержку Англии, через Р. Харта настойчиво проводившей политику подготовки подчинения корейских таможен китайскому таможенному ведомству, — отнюдь не собирался отказываться от своих прав на Корею, Япония же, на основе главенства в торговых оборотах Кореи, готовилась к изгнанию китайцев и провозглашению формальной независимости Кореи, а Америка и Россия — первая просто не признавала китайского сюзеренитета, вторая, в полном сознании своего «исторического призвания» на Дальнем Востоке, раскачивалась на соединении своей Приморской окраины с центром на первых порах хотя бы смешанной железнодорожною комбинацией сообщений — при всем этом

нельзя было и думать, что японо-китайское соглашение 1885 г. хотя бы в малейшей степени решало столь усложнившийся корейский вопрос¹.

В таких условиях решение строить непременно сплошной железный путь от Москвы до Владивостока, принятое русским правительством 23 февраля 1891 г. и провозглашенное особым императорским рескриптом 17 марта 1891 г., получало значение прямой угрозы резко изменить соотношение сил на Дальнем Востоке, открывая России возможность ввести в игру там уже не только местные свои войска, поневоле ограниченные какими-нибудь десятком тысяч пштыков и оторванные от питающих центров, а любую сплу из обще-имперской своей армии, и оперировать там ни с чем несообразными массами. Российская империя, грузно ползущая в течение всего XIX ст. по сплошной сусе Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, в последний раз приостановленная на Ближнем в 1878 г., в Средней Азии приостановившаяся в 1885 г., — на Дальнем Востоке теперь, как выяснилось к концу 1892 г., нашла средства устремиться в неудержимом движении рекордной скорости: средняя быстрота постройки Сибирского пути превысила все прецеденты, давая на круг по 587 верст в год и достигнув в 1895 г. 1254 верст². Ни Англия, ни тем более Америка, не располагавшие ни у себя, ни тем более на территории крайней Азии сколько-нибудь серьезными сухопутными силами, не могли бы оказать этому движению России, — питавшемуся за счет Парижской биржи и ни в малейшей степени не зависевшему ни от Лондонской, ни от Нью-Йоркской, — никакого непосредственного сопротивления. Только Япо-

¹ Ср. Н. В. Морсе, «The international relations of the Chinese Empire», London, 1918, т. III, pp. 6—19. Сравн. движение цифр торгового оборота за 1886—1894 гг. с Кореей: Китая — с 455.337 дол. до 2.226.573 дол., Японии — с 2.508.830 дол. до 5.697.633 дол. За те же годы обороты России возросли (1) от 14.243 дол. до 218.572 дол. (см. «Описание Кореи», изд. Канц. Мин. Фин., ч. III, приложения, СПб. 1900, стр. 176—179).

² Ср. Э. Д. Гримм, «Китайский вопрос в 1895—1914 гг.» (Новый Восток, № 6, стр. 50).

ния, кровно заинтересованная перебраться на материк, и могла еще попытаться противостать на суше этой кошмарной перспективе русского *«господства над всем коммерческим движением в тихоокеанских водах»* — пока еще не было поздно.

Японо-китайская война 1894—1895 гг., прорепетированная в 80-х гг. в нескольких вооруженных столкновениях в Сеуле, и явилась попыткой Японии поспеть на место первой¹. Внешним образом, именно эта война завязала тот международный узел, который разрублен был спустя 10 лет Портсмутским договором. Она окончательно и для всех очевидно ввела Д. Восток в круг вопросов мировой политики европейских держав. В ходе ее неожиданно для всех обнаружилось: совершенное бессилие Китая к сколько-нибудь действительному военному сопротивлению даже в непосредственной близости к собственной столице, во-первых, во-вторых, бесспорная высокая боевая готовность Японии, выставившей 70 тысячную армию, и, в третьих, крайняя великодержавность планов японского правительства. Сущность этих последних сводилась: 1) к установлению протектората (т. е. в будущем — захвата) над Кореею, под видом ее независимости от Китая, 2) к устройству большой военной базы у берегов среднего Китая, между Шанхаем и Кантоном, в целях защищенного экономического проникновения туда, и 3) к овладению Манчжурией — через захват *всей* береговой южно-манчжурской линии, с Ляодунским полуостровом в том числе².

¹ Военные действия начались 20 июля 1894 г. Временное движение по Сибирской ж. д. в августе 1894 г. было открыто только до Омска.

² Ср. Симоносекский мирный договор между Японией и Китаем, статьи 1 и 2 (в «Сборнике договоров и дипломатических документов по делам Д. Востока. 1895—1905 гг.», изд. МИД, СПб, 1906). О. о. Формоза и Пескадорские, потребованные Японией, расположены против самой провинции Фуцзянь. В 1898 г. Китай вынужден был дать Японии обязательство не отчуждать Фуцзянь, в 1915 г. — не разрешать иностранцам постройки там доков, угольных станций, морских баз, и не пользоваться для этого иностранным капиталом (см. «Изв. МИД», 1915 г., кн. IV, стр. 70). Что касается Ляодуна, то Япония требовала уступки в вечное владение (не в аренду) не только Ляодунского п. о. в тех границах, в коих он потом был взят в аренду Россией, а всей территории от устья

Такое сочетание требований в предложенных Японией весной 1895 г. условиях мира, собрав у «постели больного» Китая весь европейский концерт, расстроило намечавшуюся было в начале японо-китайской войны перспективу согласованного вмешательства держав.

С английской точки зрения, наименее приемлемым, казалось, было второе требование, вводившее Японию в английскую, преимущественно, «сферу влияния» в среднем Китае. Наоборот, с русской точки зрения, такой сдвиг Японии на юг и в море имел прямой смысл — сплетения англо-японских антагонистических интересов вдали от намечавшейся на севере русской сферы. Совершенно в такой же степени Англия была заинтересована, при выяснившемся бессилии Китая, удержать Японию в Корее, связав там ее с Россией и тем парализуя ее на юге. Зато Россия, при всей неоспоримости первого японского требования относительно «независимости» Кореи, как программы-минимум для того и предпринятой войны, должна была озаботиться обеспечением действительной независимости Кореи (от Японии), хотя бы в форме двойного русско-японского протектората над этой неспособной, особенно при данном ее международном положении, к самостоятельному существованию страной, — протектората, может быть, подкрепленного занятием какого либо из давно при-считываемых Россией удобных портов на берегу корейского залива. Наконец, третье (манчжурское) требование Японии, задерживая ее на севере безмерно надолго, представляло величайший соблазн для Англии: загодя дать Японии действительные средства стать несокрушимым барьером в Манчжурии против России и накормить ее здесь до отвала — это должно было оказаться решающим в выборе Англией между защитой Китая от территориальных захватов, как предполагал лорд Кимберлей в начале войны (и вызванной то скрытой поддержкой Англией

Ялу на Фынхуанчэн-Хайчэн-Инькоу с этими тремя пунктами включительно. Обладание, в частности, Инкоу — тогда главный порт Манчжурии — обеспечивало бы Японии экономическое господство над всей Манчжурией.

Китая в вопросе о корейском суверенитете), с одной стороны, и непротивлением японским домогательствам, что и предпочла Англия, — с другой. Наоборот, для России, как то в последний момент заставил Николая II признать Витте, — именно занятие Японией южной Манчжурии представлялось недопустимым и угрожающим в будущем большими жертвами. Манчжурия, как видно, уже тогда рассматривалась Витте, как необходимое ближайшее поле колониальной эксплуатации, призванное: 1) косвенно окупить те колоссальные расходы, которые несла и имела еще нести Россия, частью за счет французского кредита, на осуществление транзитного пути, и 2) удовлетворить непосредственно вывозную тенденцию французского капитала, который Витте, вероятно, уже тогда имел в виду завлечь за Урал в целях подъема сибирских провинций — на подкрепление придавленной нуждой, давшей новую трещину в 1891 году, европейской базы Российской империи.

Так определилась группировка держав в 1895 г. Америка с самого начала уклонилась от совместных с остальными выступлений, ограничившись советами умеренности в Токио и в Пекине, по просьбе самой Кореи. Англия, на первых порах, — пока не выяснились условия Японии, — готовая к соглашению с Россией, теперь явно перешла на сторону Японии, и только внезапность происшедшего оставила ее в состоянии пассивности в момент решительного выступления трех остальных держав на стороне Китая. Россия, — с того момента, как выяснились японские условия, готовая на немедленную войну с Японией, хотя бы на ее стороне и выступила Англия, — обратилась с предложениями ультимативно потребовать у Японии отказа от Манчжурии: 1) к Германии, которая с удивившей русское правительство поспешностью и рвением предоставила свой флот к услугам России, усмотрев здесь легкий повод в дальнейшем проникнуть на Д. Восток, где до того времени она лишь искала возможности занять место, и 2) к Франции, все колебавшейся, оглядывавшейся на Англию и чуть было не соблазненной в последний мо-

мент России удовлетвориться компенсациями за счет Китая, наконец, все же примкнувшей к русской стороне, чтобы не оставить ее вдвоем с Германией.

Обозначившаяся, таким образом, в 1895 г. бескровная победа России, — с той парадоксальной существеннейшей подробностью, что Россия гарантировала французскому буржуа уплату процентов по займу, который она устроила Китаю на французском рынке для уплаты контрибуции Японии, т. е. на вооружение Японии против России же, — вызвала в русских правительственных кругах необычайный прилив империалистической энергии, еще более углубивший конфликт между Россией и Японией-Англией. Оборвав Японию в гонке на перегонки за Манчжурией и Кореей, но и признав теперь же Японию в ранге равноправной европейской державы¹, Россия именно в 1895 г., как указано выше доводит работы по укладке Сибирского полотна до лихорадочной быстроты, учреждает Русско-Китайский Банк (на $\frac{5}{8}$ с французским капиталом) и выдвигает проект *трансманьчжурской линии* для соединения Иркутска с Владивостоком. В мае 1896 г. — в самые дни Ходынской катастрофы — результаты одержанной победы облачаются в договорные, юридические формы. Союз с Китаем, персональная покупка, с рассроченным платежом, главы китайской правящей знати Ли Хунчжана, ряд договоров, которыми обеспечивалась принадлежность русскому правительству разрешенной Китаем Китайской Восточной ж. д. — закрепляли, совершенно очевидно, за Россией монопольное господство в Манчжурии и, в перспективе, дальнейшее «неизбежное» проникновение ее «вглубь Китая»². Также и относительно Кореи — был установлен на деле протекторат над ней, ее военными и финансовыми средствами, на паритетных между Россией и Японией началах, который однако в следующем, 1897 г., вы-

¹ Разумею торговый договор между Россией и Японией 27 мая/8 июня 1895 г., статьи XVII и XVIII которого отменяли экстерриториальность русских подданных в Японии.

² См. ниже, гл. 2, стр. 99—100.

лился, — в нарушение майских соглашений, — в форму русского преобладающего влияния, через посредство русского финансового советника, имевшего стать фактически министром финансов корейского короля, на смену такого же английского. Не в столь явственно политических формах та же тенденция и относительно Монголии получила свое выражение в образовании, в теснейшей связи с Русско-Китайским Банком, особого синдиката для эксплуатации рудных богатств Монголии (июнь 1897 г.)¹.

Стремление расширить теперь же толкование достигнутых приобретений сказывается и в манчжурском вопросе, как и в корейском. Только что воспрепятствовав дипломатическим путем постройке иностранных жел. дорог в Корее с узкой колеей и настояв на 5-ти футовой русской размера, правительственные круги в том же 1897 г. уже обсуждают возможность соединения — обязательно русской колеей — еще и не начатой постройкой Китайской Восточной магистрали «с одним из портов Желтого моря», и затем открытия переговоров с Китаем о такой же ветке к югу «пока» только до Мукденя, в том расчете, что это само собой предreshит вопрос в его целом. Что все только что перечисленные проекты и приобретения Россия прикрывала теорией необходимости ограждения Китая, в силу союзного договора 22 мая 1896 г., от Японии, — не меняло самой природы происходившего: раздел Китая на сферы влияния и интересов начался и пошел очень быстро, перемежаясь с империалистическими вспышками и в других частях света. Англия, Германия, Америка, Франция, Россия, даже Италия — именно в эти годы (1897—1899) наперебой устремляются к захватам опорных пунктов и соответствующих рынков человеческой силы, сырья и сбыта — кто впрок, кто для немедленной эксплуатации².

¹ В 1900 г. преобразован в «акционерное общество рудного дела Тухетухановского и Цеценхановского аймаков в Монголии» («Монголор»).

² Присоединение Америкой Гавайских островов (1897) и о. Кубы, Порто-Рико и Филиппин от Испании (1898), англо-французское столкновение из за Фашоды (Ц. Африка, 1898—1899), англо-бурская война (Ю. Африка, 1899—1902),

Относительно наибольшие успехи на Дальнем Востоке при этом выпали на долю России и Германии, действовавшей фактически по предварительному уговору двух императоров (согласие Николая II на занятие Германией какого либо порта на берегах Китая дано было Вильгельму II незадолго до занятия Германией Цзяочжоу). Германия, сильно запоздавшая в своем колониальном развитии, впервые прорвалась в Китай вооруженной силой и овладела (на 99 лет) богатейшей Шаньдунской территорией¹. Россия, развивая до крайних пределов свои достижения последних трех лет, обзаводилась военно-морской базой в Порт-Артуре и торговой гаванью в Дальнем, с облегающей их территорией Ляодунского полуострова. Для всех очевидно, это: 1) означало твердое решение России установить свое полное господство в Манчжурии *всей*, и 2) опирало ее формально не нарушенный союз с Китаем на соблазнительную близость военно-морских русских сил к Пекину, куда, благодаря разрешенной теперь южно-манчжурской ж. д. от Мукдена на Порт-Артур, первые русские эшелоны из Забайкалья и Приморья могли быть продвинуты в каких-нибудь пять-шесть дней. Японии, бессильной пока воспрепятствовать происходящему, пришлось при этом удовольствоваться удалением русского финансового советника из Кореи и согласием России «не препятствовать развитию торговых и промышленных сношений» Японии с Кореей, с сохранением «независимости» последней и отказом обеих сторон от сепаратного вмешательства в ее внутренние дела (протокол 13/25 апреля 1898 г.). Англия, в значительной мере связанная африканскими делами, вынуждена была даже формально признать весь Северный Китай (к северу от стены) преимущественной сферой русского железнодорожного строительства, удовольствовавшись таким же признанием со

захваты: Германией Цзяочжоу и Шаньдуна (1897—1898), Россией Ляодуна (1898) Францией Гуанчжоу (Гуандун, 1898), Англией Вэйхайвэя (1898) и Коулунского п. о., наконец, договор Японии с Китаем о неотчуждении Фуцзяня (1898).

¹ В 1914 г. Шаньдун занят Японией, возвращен Китаю постановлением Вашингтонской конференции 1921—1922 г.

стороны России относительно бассейна Янцзы в пользу Англии (16 апреля 1899). Наконец, Франция, не упустив своей доли в общем дележе (Гуанчжоувань), беспокоилась лишь о том, как бы Англия не усилила своего влияния посредством займа Китаю, и — впервые в китайских делах — выдвинула вопрос о международном займе¹.

Никакого участия в китайском дележе не приняла Америка. Именно в эти годы, как было упомянуто, американский капитал искал себе выхода и опорных пунктов вне материка — пока на соседних островах в океане². И именно потому на этот раз Америка уже не могла не выступить в защиту своих (торговых) интересов в Китае против угрозы ограничения коммерческой свободы и равноправия наций в разделенной на замкнутые сферы влияния стране. Выступая осенью 1899 г. с предложением ко всем державам, только что запасшимся такими «сферами влияния», заявить о сохранении полного равноправия всех, не исключая собственной, национальностей «в пределах так называемых сфер влияния или в арендованных территориях», Америка впервые в сущности провозглашала тот принцип «открытых дверей» по отношению к Китаю, который, неустанно с тех пор ею повторяемый, фактически, по мере роста экономического преобладания Америки в мировом масштабе, вел бы к образованию из «единого и нераздельного» Китая сплошной «сферы влияния» американского капитала³. В более откровенной ноте (19 сентября того же года) английскому правительству, как мы видели, не имевшему возможности воспротивиться натиску своих молодых конкурентов, американский статс-секретарь Гэй прямо высказал, что Америка «отнюдь не желает связывать себя как бы то ни было признанием исключительных прав какой либо державы в пределах какой либо провинции или контроля над какой либо провинцией

¹ Тел. русского посла из Парижа 14/26 I 98 г. ЛЦИА, Канц. М. Ф., № 51/2.

² Испанская война стоила Америке 776 милл. р.

³ За непосредственно предшествовавшие два года (1897—1898) Европа уплатила Америке по торговому балансу 1.897,3 милл. р.

Китайской империи», основанных на договорах 1898 г., — в полном убеждении, что *как для английских, так и для американских капиталистических групп* только политика открытых дверей позволит *«сохранить их положение на китайском рынке и расширить их будущие операции»*¹.

Начавшееся в Китае еще в 1899 г., под прямым действием совершившегося раздела, противоевропейское движение боксеров, покровительствуемое до известной степени китайским правительством, в лице его сплотившихся вокруг императрицы-матери националистических и реакционных элементов, весной 1900 г. приняло настолько угрожающий как непосредственно для жизни европейцев, так и для сохранности европейских предприятий в Китае характер, что на время объединило все державы, не исключая и Америки, на борьбу с общей опасностью и повело к дикой расправе над Китаем, получившей свое международно-правовое выражение в знаменитом «заключительном протоколе» 7 сентября 1901 г., и в частности к обложению Китая так называемым «боксерским вознаграждением» в 450 мил. лан (ок. 640 милл. руб.), на 39 лет сроком. При этом Россия, принявшая участие в общей военной экспедиции на Пекин и, кроме того, оккупировавшая своими войсками всю Манчжурию во имя защиты строящейся железной дороги, пыталась прикрыть свои дальнейшие империалистические планы, как и самую военную экспедицию 1900 г., публичными заверениями о защите китайского правительства от революционного движения и вела, одновременно с общими, сепаратные переговоры с Ли Хунчжаном о соглашении, которое обеспечило бы монопольное право России на эксплуатацию естественных богатств Манчжурии, разрешило бы проведение русской железной дороги на Пекин и фактически очистило бы Манчжурию от китайских войск. Переговоры эти, требовавшие, разумеется, соблюдения полной тайны, становились

¹ См. Э. Д. Гримм, «Доктрина «Открытых дверей» и американская политика в Китае (от 1899 до 1921—22 г.г.)», в «Международной Жизни», 1924 г., № 4—5, стр. 114—115.

однако известны третьим заинтересованным сторонам и вызывали протесты, двигались поэтому крайне медленно и туго и привели к заключению англо-японского союзного договора в январе 1902 г., — срок, к которому Россия успела справиться со всеми разрушениями, произведенными на манчжурских линиях в 1900 г., и открыть временное движение по всей длине Сибирского пути (с переправой через Байкал, оправдавшей себя еще при мобилизации 1900 г.). Как прямое предупреждение, этот открытый англо-японский договор, в связи с одновременным выступлением Америки против экономических притязаний России в Манчжурии (нота 3 февраля 1902 г.), — заставил Россию ускорить заключение с Китаем договора о полной эвакуации Манчжурии (к сентябрю 1903 г.), состоявшееся 26 марта 1902 г.

Формально явившийся точным выражением торжества консервативной, не ищущей никаких новых приобретений и выгод, политики, провозглашенной Россией в 1900 г., — вплоть до оговорки (ст. 2) о действительности его лишь при условии «буде образ действий других держав тому не воспрепятствует» — договор 26 марта 1902 г. на деле был для России таким дипломатическим поражением, которое ставило остро не один манчжурский вопрос — в условиях надвинувшегося на страну глубокого социально-экономического кризиса. Именно в эти годы (1901—1903) он дал себя знать вспышками массового проявления крестьянского и рабочего движения, сигнализовавшими предельное его обострение, и раскол буржуазно-феодальный правительственный блок: борьба же в правительственной верхушке неизбежно сказалась и на вопросе о русской восточной политике, до известной степени служившей и раньше предметом этой борьбы и ставшей теперь ее ареной. Решение манчжурского вопроса в первую очередь и отразило на себе, в своих колебаниях, эту борьбу (Николай II, Плеве и Безобразовцы против Витте), с начала 1903 г. явно склонившуюся к победе воинствующей клики, в области внешней политики вдохновлявшейся мыслью

о русско-германском союзе против Англии и, повидимому, поддерживаемой в этом пункте и из Берлина.

Между тем необходима была исключительная внутренняя уравновешенность всего государственного организма, чтобы сохранить и внешнее равновесие в международной обстановке, имевшейся налицо последние месяцы перед войной на Дальнем Востоке. В Америке прекрасно понимали (Гэй), что протягиваемая оттуда Китаю рука «будет менее убедительна для бедных китайцев, чем поднятая над ними [русская] дубина», но думали, что «все же мы [американцы] должны сделать все, что возможно, при помощи находящихся в нашем распоряжении средств» — и шли рука об руку с Японией в переговорах с Китаем об открытии манчжурских «портов», с тем чтобы, как только началась война, предупредить Германию и Францию, что если они вмешаются, то Америка не остановится ни перед чем, чтобы помочь Японии¹. Англия, еще в 1897 г. предоставив Японии заем в 40 мил. р. и в 1902 г., союзным договором, гарантировав ей войну с Россией один на один и охрану всех ее морских берегов и сообщений, всячески поддерживала Японию в ее подготовке к войне и в манчжурском вопросе заняла положение «наблюдательное и критикующее»², не докучая протестами и словесно не отвергая даже мысли о соглашении с Россией, в уверенности, что вопрос разрешится однако благоприятно иным путем³. Германия только и ждала случая обратить русскую военную силу на Дальний Восток подальше от западной границы, пошатнуть давящие стенки двойственного (Франко-русского) союза и перезаклучить торговый договор с Россией, срок которому истек в 1904 г., — на еще более выгодных для себя условиях. Наконец, Япония, широко и без передышки готовив-

¹ Ср. письмо статс-секретаря С. Ш. А. Гей от 22 мая 1903 г., цит. у Э. Д. Гримма. «Международная Жизнь», 1924 г., № 4—5, стр. 118, и Tyler Dennett, «Roosevelt and the Russo-Japanese War», New-York, 1925, p. 2.

² Выражение Лэнсдоуна в разговоре с росс. послом, см. тел. Лэнсдоуна от 12 августа 1903 г. в английской Синей Книге (China № 2), № 142.

³ См. T. Dennett, Op. cit., p. 137.

шаяся к войне с самого 1895 г., сохранившая тогда в своем бюджете некоторый остаток от накопленного к 1894 г. военного фонда и значительно приумножившая его за счет китайской контрибуции 1895 г., порывавшаяся, как казалось, к вооруженному выступлению еще в 1898 г. против захвата Россией Ляодуна, в 1900 г. шедшая, по числу выставленных против Китая войск, впереди всех прочих держав¹, с 1898 г. никак не успевавшая дипломатически добиться от России признания своего преобладающего положения в Корее, отрезанная теперь от Манчжурии широкой зоной Ялуцзянской лесной концессии, обращаемой русскими без стеснения в «военный (против нее) заслон», как выражался в своих стратегических проектах Безобразов, — Япония прекрасно понимала, что «установление русской верховной власти в Манчжурии равнялось бы для Японии поражению в борьбе за существование» и что в дальнейшем каждый лишний год и месяц внедрения России в Манчжурию дает врагу все труднее превосходящую силу сопротивления: именно летом 1903 г. открыто было, наконец, регулярное движение по Китайской Восточной ж. д. и, кроме мелких недоделок, оставалось только заменить водный перерыв Сибирского пути на Байкале круговой линией — препятствие, с которым справились в России уже после открытия военных действий. А так как Япония по прежнему оставалась на суше лицом к лицу с Россией совершенно одна, то — если вообще не отказываться раз навсегда от программы 1895 г. и идти за нее на войну — необходимо было воевать теперь же. Но и в России, при сложившихся внутренних отношениях, шла речь о том, — с одной стороны — не вызовет ли непосильное уже экономически и преждевременное пока технически военное напряжение революцию «наружу» (Витте-Ламсдорф) и не лучше ли бросить Порт-Артур и всю южную Манчжурию, продав, что можно, Китаю (Куропаткин)

¹ В походе на Пекин 6 августа 1900 г. участвовали отряды: японский — 8000 чел., русский — 4800, английский — 3000, американский — 2100, французский — 800 (см. Morse, Op. cit., p. 268).

или Америке (Суботич), или — с другой стороны — не нужна ли России «маленькая победоносная война» для выхода из внутреннего политического кризиса (Плеве), а потому не надлежит ли затягивать начатые Японией (30 июля 1903 г.) переговоры по манчжурскому и корейскому вопросам, наскоро довооружаясь и сохраняя занятые в Манчжурии позиции (Безобразов). Решение манчжурского вопроса, согласно договору 26 марта о выводе русских войск и согласно принятой Америкой, Англией и Японией программе «открытых дверей» в Манчжурии (согласилась ли бы Россия на нее до эвакуации или вынуждена была бы к тому после), действительно, вело на смарку оба варианта русского плана, приведенного в действие в 1895 — 96 гг.: как прямого присоединения Манчжурии, так и образования из нее замкнутого монополиями и защищенного тарифами рынка, — и исключало всякую возможность оправдать сделанные затраты.

Убедившая Николая II не мириться с фактом такого предварительного поражения, окончательно возобладавшая в августе 1903 г. (отставка Витте), Безобразовская группа бралась 1) рядом военных мероприятий, не выводя русских войск из Манчжурии, подготовить возможность ее присоединения и 2) так организовать хозяйственную ее эксплуатацию, при помощи иностранного капитала, чтобы снять ее с общегосударственного бюджета. С шумом разместившись в течение лета 1903 г. на вновь сочиненных должностях по управлению делами Дальнего Востока, эти люди, все время сохраняя роль личных доверенных агентов царя, не хотели, а, может быть, и не могли додуматься непосредственно овладеть общегосударственным аппаратом; однако они расстроили его нормальное функционирование, и тем формально облегчили только дипломатическое развязывание войны. При полной боевой готовности Японии, давшей ей ценой чрезвычайного напряжения всех сил и средств и автоматически требовавшей реализации всей Симоносекской программы 1895 г., и при отставшей, как показал потом опыт войны, года на два готовности к тому России, — речь для этой последней могла идти либо о

полной уступке всех возможных стратегических позиций и отказе от манчжурской программы либо о принятии войны за нее при заведомо невыгодных условиях. Столкнувшиеся весной 1903 г. в русском правительстве стороны, однако, обе сходились на том, что можно совершить чудо: одна, что «отказавшись от захватов в Корее» и замораживая, с некоторыми все же добавками, достигнутые Россией преимущества в Манчжурии, можно избежать войны из-за Манчжурии до лучших времен (Витте), другая, что лишь манифестируя волю к победе и в частности к защите Манчжурии на ее границе с Кореей, можно удержать врага от выступления (Безобразов). При этом обе же сходились и на том, что договор 26 марта 1902 г., сам по себе, без дополнительных уступок и гарантий со стороны Китая, исполнению не подлежит, — и расходились лишь в определении содержания желаемого дополнительного соглашения (июньские 1903 г. совещания в Порт-Артуре и августовское того же года в Петербурге). Но с точки зрения англо-американо-японской коалиции¹, удерживавшей Китай от каких-либо уступок, вопрос был ясен: до 26 сентября (8 октября) 1903 г. (последний срок эвакуации по договору) Манчжурия юридически находится под действием русской оккупации и Китаю не возвращена, начиная же с указанного числа Китай вступает вполне в свои права — точка зрения, получившая открытое выражение в факте совместного, *в один и тот же день* (8 октября 1903 г.), подписания американо- и японо-китайских торговых договоров, «открывавших» для иностранцев южно-манчжурские порты Аньдун, Дадунгоу (оба в устьях Ялу) и Мукдень. Обратная — и повидимому скрывавшаяся от внимания русских властей — сторона здесь заключалась в том, что именно с октября началось и расходование Японией специального военного фонда на приведение флота в военное положение. То обстоятельство, что после этого Япония продолжала еще вести переговоры с Россией, не оборвала их теперь же, в октябре, а

¹ Такова оценка позиции Америки перед русско-японской войной и у Т. Dennett'a, Op. cit., pp. 118, 115.

сделала это в январе 1904 г., — отнюдь не означало, что и теперь была еще возможность для России уступками предотвратить войну, и может, если бы задаться подобным вопросом, найти себе объяснение в подробностях техники японской мобилизации. Зато после этого в России, при всем расщеплении и даже функциональном расстройстве затопленного Безобразовщиной правительственного аппарата, нет возможности настаивать на деловом различии в советах, подававшихся теперь сторонниками «мирной» и «захватнической» тактики. Выношенный Куропаткиным к ноябрю 1903 г. проект *продажи* Китаю (!) всей южной Манчжурии за уступку России северной, за осуществление которого брался и Витте, или полябрьские же предложения Балашова — заменить в Манчжурии всю китайскую администрацию русской, и Безобразова — лишить Пекинское правительство права выдачи там концессий, или декабрьские размышления Безобразова же о необходимости немедленно вступить в переговоры с Японией о союзе против Англии и Америки или, когда война уже началась, обсуждение по инерции предстоящей русской экономической политики на Дальнем Востоке, в предположении, что Манчжурия будет русской (Игнатьевское совещание, январь — май 1904 г.), или внушенные к сентябрю 1904 г. Абазой Николаю II измышления возможных источников получения контрибуции с Японией и способов спровоцировать (уже после Ляояна!) Китай на нарушение нейтралитета, чтобы «дипломатически» облегчить себе присоединение Манчжурии по окончании войны (инструкция наместнику 9 сентября) — все это и тому подобное вращалось вне сферы действительности и свидетельствовало о полном беспомощном непонимании твердо скристаллизовавшейся международной конъюнктуры, в которой военное ослабление России, стояло ближайшей задачей дня, и о безвыходности внутреннего положения, отразившейся каким-то горячечным бредом, в перемежку с параличными признаками в правящей верхушке.

Выступив вопреки Англии против проникновения Японии на материк в 1895 г.; получив концессию на трансманчжурскую

магистраль, стратегическое значение которой санкционировалось одновременно подписанным с Китаем союзным договором, направленным против Японии, в 1896 г.; захватив в Ляодуне ключ ко всей Манчжурии в 1898 г.; отгородив себя от железнодорожного соперничества Англии в Китае в 1899 г.; ища, приобретая и потом консервируя концессии в соседней с Японией Корее в 1898—1901 гг.; оккупируя своими войсками все господствующие, в том числе и «открытые» для иностранцев (Инкоу!), пункты в Манчжурии в 1900 г. и добиваясь затем исключительной монополии на эксплуатацию каких бы то ни было богатств этой страны и вывода оттуда китайских войск, как необходимого условия вывода русских, в 1901 г.; давая условное («буде образ действий других держав тому не воспрепятствует») согласие на эвакуацию Манчжурии в течение 18 месяцев и торопясь, пока что, сосредоточить в руках созданного на государственные средства Манчжурского Горнопромышленного Т-ва решительно все, что только может быть (прямо или через подставных лиц, с согласия ли Пекина или только местных властей) взято в концессию — в 1902 г.; задерживая эвакуацию и предлагая Китаю переговоры о дополнительных ее условиях (1903 г.), заключая соглашение с Австрией по балканским делам (Мюрцштег, сентябрь 1903 г.), наконец, прерывая с Китаем начатые было переговоры и прекращая эвакуацию Манчжурии (октябрь, 1903 г.) и передавая управление Дальним Востоком в руки англофобствующей и ярко германофильской группы Плеве-Безобразова-Абазы-Алексеева, с отстранением Витте, — Россия явно и неуклонно шла на столкновение не только с Японией, а и с Англией и с Америкой, при изменившейся к тому же и собственно европейской конъюнктуре.

В 1895 г. Россия шла втроем с Германией и Францией физически против одной Японии и дипломатически против одной Англии. Теперь накануне подготовленной в военном, финансовом и дипломатическом отношении Японией войны, Франция твердо стояла на пути соглашения с Англией, и ни о какой помощи

с ее стороны заведомо не могло быть и речи. Россия вступала в войну на Дальнем Востоке, имея небывало мощную комбинацию своих врагов и парализованную союзность. Франция, предоставив России заем в 350 милл. руб. в апреле 1904 г. и в апреле же подписав соглашение с Англией, в дальнейшем не принимала никакого участия в финансировании войны, и Россия, продержавшись некоторое время на германских займах, кончала войну на 19-м месяце, в августе 1905 г., не располагая иными ресурсами, кроме собственной банковской эмиссии.

II.

Русско-японская война в 1904—1905 гг. сопровождалась не только революционным сотрясением внутри страны, но и — в зависимости от поражения России — сдвигом в мировой группировке империалистических держав. Внутри она повела к более органическому приспособлению правительственного аппарата и политики к нуждам и интересам буржуазно-помещичьих классов (Дума 3 июня), с отстранением или некоторым ограничением феодальной группы, сохранившей все же влияние через посредство царя и отчасти Государственного совета, и к сплочению, а также очищению крестьянского и рабочего движения, — в какие бы узкие рамки они не были поставлены, — от примеси пережитков «царской легенды». Международная группировка обозначилась — еще в ходе войны — в прямой зависимости от явного ослабления России как на Дальнем Востоке, так и в Европе. Чуть было не приведя к русско-германскому оборонительному союзу (дважды: в октябре 1904 г. и в июле 1905 г.), оно, во-первых, обеспечило Германии выгодный для нее таможенный тариф, подлежавший пересмотру только в 1914 г., и развязало, до известной степени, ее экспансию как в области африканских колоний, так и на Ближнем Востоке; оно, во-вторых, дало последний толчок к франко-английскому соглашению (апрель 1904 г.) и способствовало привлечению английского денежного

рынка к участию в займе, предоставленном России в 1906 г. на ликвидацию военно-революционных брешей в бюджете, что — в-третьих — облегчило соглашение России и Англии по персидским делам в 1907 г. (о зонах влияния), а самый ликвидационный заем 1906 г., в виду преимущественно французского его состава, уплотнил франко-русский союз и лег теперь в основу будущей антантовской комбинации. Наконец, соответственное усиление Японии в Китае, в сущности, создавало там вторую Россию, с той только разницей, что Япония представляла значительно более реальную угрозу и энергичного конкурента — с точки зрения той политики «открытых дверей», ради которой Америка вмешалась в решение манчжурского вопроса в 1903 г. Антантизирование России через соглашение ее с Японией, стало таким образом одной из производных от положения, складывавшегося для России в Европе.

Русско-японские переговоры в Портсмуте, предложенные и дирижируемые Америкой именно в тот момент и в том направлении, чтобы оставить на Востоке Россию и Японию во взаимном противовесе и тесном сухопутном соприкосновении, повели к разделу между ними о-ва Сахалина и Манчжурии, где за Россией сохранялись вся Китайская Восточная железнодорожная магистраль с узкой полосой отчуждения и лишь небольшой отрожек южно-манчжурской ветви (от Харбина до ст. Куаньчэнцзы), отходившей в остальной своей части к Японии. Этим определились, естественно, и сферы влияния обеих держав. Многообещающая и богатая Южная Манчжурия, с мощными Фушуньскими каменноугольными копями и прекрасным коммерческим портом в г. Дальнем, отдавала в руки Японии ключ ко всей Манчжурии и чрезвычайно усиливала шансы Японии в Китае вообще. России доставалась Северная Манчжурия с железнодорожной линией, в любой точке открытой нападению и перерыву, требующей ежегодных миллионных приплат по эксплуатации, содержания многочисленной охранной стражи и расходов по гражданскому управлению полосой, в которой ряд пунктов (Харбин и др.)

к тому же «открывался» Китаем для свободной торговли и проживания иностранцев, до самого 1914 г. считавших себя экстерриториальными и решительно отказывавшихся участвовать в расходах по управлению¹.

Отношения с Японией, определившиеся, правда, рядом соглашений 1907 г. в сторону формальной дружбы, все же не позволяли на первых порах закрывать глаза на фактическое бессилие России оказать малейшее сопротивление в случае разрыва. Русского флота, можно сказать, на Д. Востоке не оставалось вовсе («тихие силы»), в кредитах на содержание тех сухопутных частей, которые были сформированы во время войны (около 130 тыс. чел.), приходилось отказывать в виду выяснившегося на 1907 г. 40—50-тимиллионного дефицита (одна отмена выкупных платежей — 35 мил. р.), положение Владивостока, оставшегося единственным выходом из Восточной Сибири в океан, оказывалось совершенно необеспеченным² — тем более, что и формально Китайская Восточная ж. д. могла быть использована Россией, по мирному договору, только в коммерческих целях. Так сам собою выступал на сцену — еще в эпоху I Думы — вопрос о постройке по русской территории кружной Амурской железнодорожной линии, прикрытой течением Амура от непосредственного нападения и стратегически обеспечивавшей Приморскую и Приамурскую области — иначе, в случае перерыва сообщений по Китайской Восточной ж. д., остававшиеся начисто отрезанными от остальной

¹ «Открытие» Харбина и др. пунктов в Маньчжурии для иностранцев обусловлено было ст. I дополнительного соглашения к японо-китайскому договору 9/22 декабря 1905 г. («Сборн. договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока», изд. МИД, СПб. 1906, стр. 756). Соглашение между Россией и Англией о подчинении английских подданных русским порядкам и повинностям в полосе отчуждения КВЖД, выработанное 17/30 апреля 1914 г., последовало 20 ноября/3 декабря 1914 г. (см. Изв. МИД, 1915, кн. II, стр. 1—10); аналогичное соглашение с Францией состоялось 30 января/12 февраля 1914 г. (там же, 1914 г., кн. III, стр. 39—40).

² См., напр., два письма Коковцова Столыпину от 6 сентября и 14 ноября 1906 г., опубликованные нами в сборнике «Русские финансы и европейская биржа в 1904—1906 гг.», Центрархив, 1925, № 222 и № 227.

России и открытыми нападению как китайцев со стороны Манчжурии, так и японцев со стороны Кореи. Но Амурская дорога, как элемент военной программы на Дальнем Востоке, влекла за собою, в силу опыта только что закончившейся войны, необходимость укладки и второй колеи Сибирской магистрали, и в своей совокупности эта программа по приблизительным исчислениям, произведенным к моменту внесения в Думу законопроекта о начале постройки (июнь 1908 г.), требовала около 400 милл. р. до 1912 года — конечного срока исполнения всей программы. Между тем в эпоху разработки этой программы, в 1906—1908 гг., экономическое и финансовое положение России было крайне затруднительно. Эти годы страна не выходила из промышленной депрессии, а слабые урожаи тех же лет держали весь внутренний денежный рынок в напряжении и заставляли искать новых ресурсов на стороне, щупать почву вне французского рынка в частности: давая последний — впервые такой крупный (800 милл. р. номинальных!) — заем, французы, ведь, обязали Россию воздерживаться от повторения займа не менее двух лет; а в 1909 г. наступал уже срок выкупа краткосрочных обязательств французского военного займа 1904 г. в 350 милл. р., и неизбежный к концу 1908 г. новый французский заем в первую очередь должен был пойти на погашение названных обязательств. Таким образом, Дальний Восток после разорительной войны вторично нависал над центральной Россией в железнодорожном, прежде всего, виде и грозил на ряд лет остановить всякое иное железнодорожное строительство внутри страны на средства казны¹.

При таких условиях собственно манчжурский вопрос, территориально возвратившийся после Портсмута в границы первоначальной своей фазы 1896—1898 гг., политически и экономически ставился теперь совсем по иному и должен был решаться в обстановке значительно более сложной. В центре его попрежнему стояла Китайская Восточная ж. д. Но только в этом и было

¹ См. представление министра финансов в Госуд. Совет от 6 марта 1908 г.

формальное сходство. В остальном вся ситуация радикально переменялась. Совершенно исключалось стратегическое значение дороги, как орудия союза России и Китая против Японии, не только в виду формального обязательства ст. VII Портсмутского договора, но и потому, что распался самый союз. России пришлось иметь теперь дело с Китаем, вступавшим в полосу национально-революционного возрождения, отдававшим себе ясный отчет в ослаблении России и ищущим поводов свести ее роль в Манчжурии к возможному минимуму. Широкие перспективы неизбежного отпочкования от магистрали железнодорожных ветвей «вглубь Китая» и развития правового положения дороги отпадали и заменялись необходимостью консервативной и оборонительной политики, щепетильно согласуемой с буквой контракта и устава. Вместо речей о плотном заселении полосы отчуждения русскими приходилось считаться с поднимавшейся туда колонизационной китайской волной, представлявшейся на случай осложнений опасной для самого обладания дорогой. Говорить теперь о возрождении прежней политики «миролюбивой» и «отдельной от других стран» было просто утопией¹. При неустойчивости общего политического положения внутри страны (по крайней мере до 3 июня 1907 г.), указанных темных финансовых перспективах (до 1909 бюджетного года) и необходимости сосредоточения всей ослабшей дипломатической энергии (в связи с франко- и англо-русскими соглашениями 1906 и 1907 гг.) на западном фронте — приходилось на Дальнем Востоке отвечать на вопрос: «оставаться ли» нам там, и если да, то на кого опереться, — или «уйти»? «Уйти» — означало не что иное, как отказаться от дальнейшего обладания Китайской Восточной ж. д., единственным, что еще оставалось у нас на китайской территории способ-

¹ См. резолюцию Николая II на телеграмме Покоотилова от 29 апреля/12 мая 1906 г.: «В Китае нам не следует отождествлять свои интересы с интересами государств Зап. Европы; нужно стремиться к продолжению нашей политики до 1898 г., т. е. действовать *миролюбиво* и *отдельно* от других стран» (Московский архив революции и внешней политики, всеподданнейшие доклады министра иностранных дел за 1906 г.).

собного породить международный конфликт в любую минуту: т. е. пойти на досрочный выкуп ее китайским правительством. Имеются данные, что именно с русской стороны такое предложение было сделано, разумеется, не Китаю, не имевшему для того никаких средств, а американской банковской группе (1908 г.), — предложение, вскоре вернувшееся к русскому правительству в официальной форме через посла Соединенных Штатов Америки (1909 г.), как проект, направленный не только к облегчению положения России, но и к ограничению «дальнейших захватов Японии». Речь шла здесь об образовании международного банковского синдиката для реализации займа на выкуп всех манчжурских железных дорог в собственность Китая, с сохранением контроля и эксплуатации за синдикатом. А затем последовал и письменный меморандум в том же смысле, обращенный правительством С. Ш. А. к обоим заинтересованным сторонам (так называемый «проект Нокса»).

Что Россия ответила на него вежливым отказом (8 января 1910 г.), означало, что она сделала выбор между Америкой и Японией — в пользу последней. Еще во время русско-японской войны Америка, выражая готовность «оказывать всемерную поддержку» любому «законному» домогательству Японии, признавала права Японии на Корею и Ляодунский полуостров, но считала обязательным для Японии возвращение Манчжурии Китаю и верность ее политике «открытых дверей»¹. Но уже тогда (март 1905 г.) высказывался взгляд, что «лучшей преградой, непреодолимой в будущем ни для России, ни для Японии», была бы передача Китаю манчжурских железных дорог под международной гарантией². Есть признаки, что в Америке уже тогда считались с опасностью бурного развития японской экспансии после победы. Таков меморандум от 31 июля 1905 г., найденный недавно в бумагах Рузвельта, относительно Филиппин; такой же

¹ См. T. Dennett, *Op. cit.*, pp. 161, 178, 179.

² *Ibid.*, p. 157. Эта мысль высказана была Conger'ом, американским посланником в Пекине.

смысл имело вмешательство Рузвельта в Портсмуте против требования японцами контрибуции, удовлетворение которого резко изменило бы относительное равновесие, устанавливавшееся мирным договором; к тому же клонились и повторные предложения американцев, обращаемые, после мира, к Японии дважды в 1905 и 1906 гг. относительно продажи южно-манчжурской ветви Китайской Восточной ж. д.¹

В обоих последних случаях полученный от Японии отказ и лихорадочная поспешность в стратегической и экономической работе Японии как в Корее, так и в южной Манчжурии, столь тревожившая Россию, не менее тревожили и Америку. Что как бы в ответ на демонстрацию американского флота лета 1908 г. Япония отвечала заверением о полной тождественности принципов ее политики в Тихом океане и в Китае с политикой Америки (обмен нот Рут-Такахира, 30 ноября 1908 г.)², отнюдь не мешало ей форсировать свою железнодорожную и промышленную программу в Манчжурии даже путем ультимативных угроз Китаю (август 1909 г., соглашения об Аньдун-Мукденской ж. д. и Фушуньских и Яньтайских копях). Вся напряженность, создававшаяся в манчжурском вопросе между Японией и Америкой, может быть измерена тем, что упомянутое выше предложение американского посла в С.-Петербурге, формально заостренное против Японии, всего буквально на несколько минут опередило более определенное и заманчивое для России предложение японского посла, по существу исключавшее американский проект «коммерческой нейтрализации» Манчжурии: предложение «формального союза» для защиты обоюдных интересов в Манчжурии, где «одни лишь Россия и Япония затратили деньги и кровь». В России к этому времени уже выяснились размеры согласенного в 1908 г. французского займа, со свободным остатком в 100 милл. р. за покры-

¹ Ibid., pp. 112—114. — Об американских предложениях выкупа южно-манчжурской ветви, см. у Payson J. Treat, «Japan and the United States, 1853—1921», 1921, pp. 190—191.

² См. Mc. Murray, «Treaties and Agreements», v. I, p. 769.

тием старого долга, принято было решение спешно строить Амурскую дорогу и не приступать к продаже Китайской Восточной ж. д., и снят впервые после 1905 г. обильный урожай. Отказываться от японского предложения, обещавшего внести успокоение по всей линии русско-японской границы и развязать России руки относительно Китая, для России было даже связано с риском — и 21 июня/4 июля 1910 г. Россия подписала секретное соглашение с Японией относительно разграничения сфер влияния и обоюдной защиты интересов в Манчжурии¹. А это означало, что Россия «возвращалась» на Дальний Восток далеко не в пассивной роли и в весьма агрессивном сочетании с державой, откровенно заявлявшей, что она готовится к разделу Китая, так как «не верит в его возрождение». И первая проба сил, с целью пока реставрации своих договорных прав в Монголии и Манчжурии, после Портсмута легко нарушавшихся Китаем, и ради возобновления основного торгового договора (Петербургского, 1881 г.), кончавшего свой очередной десятилетний срок, — оказалась для России удачной: на ультимативные требования в этом смысле, предъявленные Россией 30 января 1911 г., Китай вынужден был дать удовлетворительный ответ. В соглашении 1910 г. Россия нашла, наконец, такую форму международного решения Манчжурского вопроса, которая придавала положению ее на Дальнем Востоке недостававшую раньше устойчивость и ясность.

В дальнейшем, усложнение и рост напряженности в отношениях империалистических держав в мировом масштабе уточняли и упрощали это положение — в четко очерченных между Россией и Японией зонах в Манчжурии и Монголии. Англо-японское соглашение, возобновленное в третий раз в 1911 г., на этот раз лишь укрепляло его, подтверждая антантовскую ориентацию

¹ Секретное соглашение 21 июня/4 июля 1910 г. опубликовано у А. М. Зайончковского, «Подготовка России к мировой войне в международном отношении», М., 1926, стр. 370. — Открытое соглашение от того же числа — у Э. Д. Гримма, «Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925)», М., 1927, стр. 176.

Японии, и совпало с рядом русско-японских соглашений по разным вопросам, в том числе и о полной ликвидации претензий, связанных с войной 1904—1905 гг. Попытки Америки — и до и после китайского переворота 1911 г. — «интернационализировать» в финансовом отношении весь Китай (путем образования банковского консорциума для «реорганизационного» займа Китаю, с установлением контроля над управлением этой «независимой» страны) и под этим флагом провести политику контроля и в Манчжурии, — кончались ничем, так как Франция и Англия силою вещей вынуждались считаться с протестами и претензиями своих союзников, Японии и России. И Америке пришлось самой же отступить в виду этого от своих попыток — до лучших времен! — под предлогом нарушения державами «административной независимости» Китая (!)¹. Несмотря на всю значительность начавшегося в 1911 г. в Китае национального революционного движения, было ясно, что основная ось империалистического вращения прошла в эти годы по Центральной Европе и Ближнему Востоку, где от вспышки к вспышке шло к мировому костру.

Секретное соглашение 21 июня 1910 г. не было еще «формальным союзом», о котором заговаривал Мотоно с Извольским в ноябре 1909 г. Но именно оно, — а не Портсмутский договор, — решало для России манчжурский вопрос. В 1895 г., как и теперь, его решение требовало союза двух против третьего — по условиям политико-географической его природы. Пятнадцать лет работала Япония над тем, чтобы твердо стать на севере Китайского материка и создать себе базу для дальнейшего развития своей континентальной политики: к 1910 г. Япония не только формально владела Кореей, но и обратила ее в сплошной военный склад и лагерь, рассчитанный на быструю приемку и снаряжение миллионной армии, налегке перекидываемой с японских островов. Предлагая при таких условиях союз России, Япония очевидно нака-

¹ См. вышецитированное исследование Э. Д. Гримма в «Международной Жизни» за 1924 г., № 4—5, стр. 125.

пливала силы в ожидании такого мирового столкновения, которое развязало бы ей руки во всем Китае, а вовсе не имела в виду одну только легкую возможность «истребить» в любой момент жалкие русские силы на всем протяжении от Байкала до Владивостока, как можно было думать до заключения июньской конвенции¹. А следовательно и союз с Россией оставался теперь лишь вопросом времени, тем более, что неудача с проектом Нокса отнюдь не остановила Америку в ее попытках проникнуть в русскую и японскую сферы влияния либо посредством, как упомянуто выше, финансового контроля либо посредством железнодорожных ветвей (Цзиньчжоу — Айгунь — Благовещенск! и Пекин — Калган — Урга — Кяхта!). Подобные выступления Америки придавали июньскому соглашению весьма действенное значение.

Китайская революция, центробежные тенденции которой ранее учитывались договаривавшимися сторонами, дала повод к дальнейшему развитию положенных в основу июньского соглашения начал. Именно относительно Монголии, легко отложившейся от обратившегося в 1912 г. в республику Китая, тотчас же было заключено секретное соглашение, отдававшее России, как сферу влияния, Западную или Внешнюю Монголию, а за Японией закреплявшее Восточную или Внутреннюю².

Мировая война 1914 г. политически и в значительной степени экономически вывела из строя на Дальнем Востоке всех

¹ См. в д. № 178 донесение фон-Гойера от 19 августа/1 сентября 1908 г.: «Между Россией и Японией при нынешних обстоятельствах не может быть войны, а может быть только безжалостное избиение русских».

² Текст проекта секр. соглашения 1912 г. см. у Siebert, «Diplomatische Aktenstücke zur Geschichte der Ententepolitik der Vorkriegsjahre», Berlin, 1925, s. s. 288—289. Русско-монгольское соглашение 21 октября/3 ноября 1912 г., см. в Изв. М. И. Дел., 1913 г., I, стр. 46 сл. и II, стр. 6 сл. — Соглашение России с Китаем о признании автономии внешней Монголии последовало 23 октября/5 ноября 1913 г. (Изв. М. И. Д., 1914., I, стр. 15 сл.). Тройное соглашение России, Китая и Монголии о том же подписано 15 мая 1915 г. (см. там же, 1915 г., V, стр. 6 сл.). Дипломатическая переписка по монгольским делам за 23 августа 1912 г. — 2 сентября 1913 г. опубликована в прилож. к кн. II Изв. М. И. Д. за 1914 г. Соглашение России с Ургинским правительством о железных дорогах в Монголии от 17 сентября 1914 г., там же, 1915 г., I, стр. 1 сл.

воюющих европейцев, предоставив Китай в распоряжение Японии и Америки. Опираясь на свое право участницы общей войны, Япония вооруженной рукой изгнала Германию из Шаньдуна и, заняв его, предъявила Китаю ряд требований («21-требование»), клонившихся к дальнейшему его разделу и нарушавших его «независимость» и «целость»¹. Америка ответила на это обращением к Китаю и к Японии о непризнании ею никаких обязательств Китая, нарушающих политику неприкосновенности Китая и открытых дверей, но воспрепятствовать осуществлению новых японских захватов на деле в состоянии не была². Ответом на это все же угрожающее выступление Америки отчасти и было заключение Японией и Россией нового тайного соглашения о взаимной вооруженной поддержке против всякой державы («питающей враждебные замыслы против России и Японии»), которая покусилась бы на «политическое господство» в Китае³.

Наметившаяся, таким образом, на период после окончания мировой войны, грозная комбинация двух держав, в военном отношении на территории Китая не знавшая себе равной, пошатнувшись, однако, после февральского переворота, при временном правительстве, вступившем на путь займов в союзной теперь Америке, — распалась в октябре 1917 г., как и все прочие международно-правовые связи до-революционной России.

С заключением советско-китайского политического соглашения 31 мая 1924 г., которым СССР отказывался от консульской юрисдикции в Китае, от концессий, полученных Россией в 90-х и 900-х гг., и от «боксерского вознаграждения» и соглашался на совместное с Китаем управление Китайской Восто-

¹ «21 требование» опубликовано в Изв. М. И. Дел., 1915 кн. III, стр. 95 сл.; японо-китайские соглашения 26 мая 1915 г. там же, 1915, кн. IV, стр. 57 сл.

² См. Э. Д. Гримм, цит. соч., стр. 126—127.

³ Тайное соглашение 20/VI—3/VII 1916, см. в изд. Н. К. И. Д. «Сборн. секр. док. из архива 6. М. И. Д.», № 1 стр., 5 сл.

чной ж. д. и вывод красных войск из Монголии, и с заключением советско-японского соглашения 20 января 1925 г., на основе полного восстановления территориальных прав СССР после длительной японской оккупации Приморской и Сахалинской территорий, — на арену международной борьбы на Дальнем Востоке уже формально выступал Союз Советских Социалистических Республик, твердо противопоставлявший как американской политике «интернационализации» Китая посредством банковских консорциумов, так и европейско-японской политике «сфер влияния», политику, которая, целиком опираясь на жизненные интересы китайских трудящихся масс, в корне порывала с политикой до-октябрьской России. Но это — уже иная тема.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Происхождение Манчжурского вопроса.

(1892—1895 гг.).

I.

Осенью 1903 г., когда упорство России в нежелании эвакуировать Манчжурию не оставляло уже места, казалось, и малейшему сомнению в неизбежности военного столкновения с Японией с минуты на минуту, военный министр Куропаткин выступил с проектом «компромиссного» решения манчжурского вопроса, которое дало бы «возможность восстановить дружеские отношения как к Китаю, так и к Японии» и внесло бы «спокойствие в дела не только России, но и всего света». В записке, представленной Николаю II 23 ноября, Куропаткин предлагал «отдать обратно Китаю Квантун с Порт-Артуром и Дальним, отдать южную ветвь Восточно-Китайской железной дороги, но взамен получить от Китая права на Северную Манчжурию и, кроме того, до 250 милл. р. в возврат произведенных Россией расходов на железную дорогу и на Порт-Артур»¹. Экземпляры этой записки были сообщены, кроме царя, только трем лицам: Алексееву, находившемуся тогда в Порт-Артуре в роли наместника, Ламсдорфу, с грехом пополам державшемуся еще на посту министра иностранных дел, и Витте, четвертый месяц уже томившемуся в опале и отстранении от дел. Николай никак не откликнулся на это очередное многословное произведение: Куропаткин

¹ См. «Записки ген. Куропаткина о русско-японской войне. Итоги войны». Berlin. I. Ladyschnikoff, 1909, стр. 173 и 174. — Квантун = Ляодун.

ничего об этом и не отметил в своем, неизменно в таких случаях точном, дневнике. Алексею же мысль о продаже столицы дальневосточного наместничества Китаю, с которым только что (7 октября н. с.) были прерваны всякие переговоры об очищении Манчжурии, могла показаться только ересью. И предложение Куропаткина осталось втуне. Сколько знаем, он и не искал случая возобновлять его ни при последующих докладах, ни в тех совещаниях, которые еще не раз имели место в течение двух месяцев до открытия военных действий.

Куропаткин, правда, и не был целиком автором своего предложения. Если мысль о необходимости присоединения Северной Манчжурии не раз высказывалась им и раньше, то мысль о промене ее на *всю* Южную, по Ляодун включительно, явилась у него здесь впервые и, весьма вероятно, заимствована им из обстоятельного и проникнутого внутренним единством письма-проекта ген. Суботича, доставленного Куропаткину в октябре 1903 г.¹ Эта мысль у Суботича вытекала органически из общей его концепции положения России на Дальнем Востоке и в частности в Манчжурии. Суботич искренно думал, что: 1) естественный колонизационный напор в Манчжурию и в Корею идет со стороны Китая и Японии, колонизационные возможности России там соотнositельно ничтожны и сопротивление желтой колонизации там со стороны России «просто невозможно»; 2) Россия, как страна континентальная, «занимающая в одном сплошном куске громадную территорию в $\frac{1}{8}$ земного шара», даже и не способна к обладанию колониями, и потому не нуждается ни в каких особых «выходах» через «незамерзающие порты» в Тихий океан, имея там Владивостокский порт, замерзающий не дольше Петербургского и Кронштадтского; 3) следовательно, Россия не может и мечтать о каком либо превосходстве там своего военного флота и развивать там «мировую политику», которая за

¹ См. Д. И. Суботич, «Амурская дорога и наша политика на Дальнем Востоке», СПб. 1908, стр. 19—32.

последние десять лет уже стоила «не менее миллиарда рублей» и теперь (в октябре 1903 г.) «в ожидании со дня на день войны» требует 200-тысячной ежедневной «контрибуции» на содержание в боевой готовности военной силы; 4) такое положение создалось в 1895 г., когда Россия из состояния страха, как бы не проложить полотно Уссурийской ж. д. слишком близко к манчжурской границе, резко перешла к мысли о возможности «беспрепятственно» провести железную дорогу «на протяжении 1500 верст прямо по Манчжурской территории в расстоянии 400—500 верст от русского берега Амура». Отсюда Суботич делал для России «практический вывод» — «ликвидировать свое предприятие в Манчжурии». Однако, произвести эту ликвидацию «в той полноте, как это было бы желательно, в настоящее время, уже [было] невозможно» — для Суботича «к сожалению»: так далеко за последние 5—6 лет мы зашли. Но совершенно исполнимым Суботич считал усвоенный теперь от него Куропаткиным промен Южной Манчжурии на Северную. Только Суботич и не заикался о какойнибудь доплате при этом в пользу России.

Как видим, оба генерала подходили к одной и той же мысли с разных концов: один с сожалением, что приходится так мало уступить, другой — с удовлетворением, что можно сохранить за собою как раз то, что следует, да еще дополучить и некоторую разницу. Но в данный момент, перед прямой угрозой войны, их можно было считать единомышленниками.

Совсем неожиданно к проекту Суботич-Куропаткина целиком присоединились два других читателя секретной записки давнишнего сторонника аннексии Северной Манчжурии, до той минуты упорно отрицавшие как допустимость, так и возможность какой-либо аннексии китайской территории после захвата Ляодунского полуострова. Витте говорил теперь Куропаткину, «что год тому назад [т. е. осенью 1902 г.] он был бы против предложенного [в записке] решения, но теперь, после всего сделанного, он не видит другого исхода из того тяжелого, неопределенного положения, в которое мы попали, кроме предложенного, т. е. закре-

пить за Россию Северную Манчжурию ценою уступки Южной Манчжурии и Квантунской области. Он, Витте, если бы государь пожелал, взялся бы убедить в необходимости этого решения и гр. Ламсдорфа»¹. Но убеждать Ламсдорфа не было и надобности: оказалось, что он «с наслаждением прочел... записку... и очень был бы рад принятию этого плана»². Витте, с своей стороны, «взялся бы реализовать указанные [в записке] 250 милл. р. за южную ветвь и сооружения на Квантуне и вполне согласен, чтобы употребить их на дела устройства Дальнего Востока. Результаты получились бы огромные»³.

Витте и Ламсдорф, не надо забывать здесь, делали двойную уступку, не только в том, что соглашались на аннексию Северной Манчжурии, но и в том, — не меньше, — что шли на отказ ото всего, приобретенного на юге. Действительно, еще год тому назад они дружно провалили эту последнюю мысль, как кажется, искавшую тогда доступа в высшие сферы. Вскоре после опубликования договора об эвакуации Манчжурии, в мае 1902 г. в Берлинской типографии Розенталя была отпечатана — на прекрасной бумаге и всего в 25 экземплярах — брошюра под заглавием: «Манчжурский вопрос. Посвящается С. Ю. Витте». Экземпляр ее был доставлен или раздобыт Витте и передан им Ламсдорфу; тот распорядился составить возражения на нее и представил их царю. Не ища раскрыть псевдоним автора брошюры, скрывшегося под литерой Z, можно все же подозревать, что целью брошюры было нанести удар политике Витте-Ламсдорфа не в широкой публике, а в тесном и высоком кругу, и что автор при этом не лишен был в этом кругу и опоры. Иначе трудно объяснить себе значение, какое придали брошюре оба заинтересованные и задетые ею министра, тем более, что практические выводы брошюры заведомо были неприемлемы для Николая. Эти практические выводы сводились:

¹ См. «Дневник Куропаткина», запись 3 декабря 1903 г. («Кр. Архив», кн. II, стр. 91).

² См. там же, запись 11 декабря, стр. 93.

³ См. там же, стр. 91.

1) к оставлению Россией Порт-Артура; 2) к «превращению манчжурских ж. д. из стратегических в чисто коммерческие», посредством прокладки соединительного звена Сибирского пути между Сретенском и Благовещенском и присоединения от Китая отсеченного новой линией крайнего северного сегмента Манчжурии и 3) к продаже Китаю, как магистрали Китайской Восточной ж. д., так и южной ее ветви. Россия тогда «вернулась бы разом на *традиционный* путь мирных и дружеских отношений к Китаю, ... который немислим при наличности Манчжурского вопроса». Весь яд и вся опасность брошюры, написанной подчеркнуто спокойно и корректно, заключены были, однако, не в этих выводах, а в том, что: 1) автор как раз их то и не считал «непогрешимыми» и на них не настаивал, и 2) придавал главное значение основным критическим посылкам своим, из которых допускал возможность и иных «практических» выводов. Основной недостаток договора 26 марта 1902 г. об эвакуации Манчжурии автор указывал в том, что договор этот сам по себе не решал Манчжурского вопроса и оставлял вечно открытою возможность международных осложнений на почве сосуществования в Манчжурии двух администраций и двух вооруженных сил — русской и китайской, между которыми неизбежны «беспрестанные конфликты» особенно потому, что обе железно-дорожные линии являются «не столько коммерческими, сколько военно-стратегическими». Механически возвращая Манчжурский вопрос в его первоначальное состояние до 1900 г., договор 26 марта по существу, однако, совершенно не считается с изменившеюся, благодаря англо-японскому союзу, международной обстановкой, дающей Китаю «негласную опору наших постоянных и непримиримых врагов». Посвящая свою брошюру Вигте, как «автору Манчжурского вопроса», давшему «ему первый толчок» («контракт 1896 г. о манчжурских железных дорогах — *Ваше личное дело*»), составитель соглашался «взять назад все сказанное», «если договор 26 марта является *первым* шагом обдуманного и твердого плана действия». В противном же случае одно из двух: или «приобрести от Китая боль-

шую часть Манчжурии, или отказаться от рискованной системы проведенных через чужую территорию стратегических линий, которые требуют целой армии для своей охраны». — Возражения Ламсдорфа, показавшиеся Николаю «прекрасным ответом», выдержаны были в стиле снисходительного обличения анонимного автора в невежестве, и не шли дальше педантических, не всегда относящихся к делу, перепевов официальных деклараций и нот на тему о бескорыстии русской политики, «неизменном ее дружелюбии» и соответственно особом отношении к ней Китая. Типичен для этого стиля был и ответ Ламсдорфа о Порт-Артурском пункте: «на это можно возразить, что возвращение Порт-Артура теперь, после принесенных жертв, явилось бы конечно еще более опрометчивым шагом, чем, по мнению автора, его занятие. Мало сказать «опробетчивым шагом» — возвращение при нынешних условиях сделанных уже Россией приобретений с затратой на них многих миллионов рублей — было бы прямо безумием. Советовать подобное решение могут только люди не знакомые с положением дел на Дальнем Востоке»¹.

Отдавая дань теперь, в ноябре 1903 г., этому «безумию», Витте фатально встречался с односторонним происхождением идеи отказа от Ляодуна — с напоминанием о первоначальном решении спрямить Сибирский путь через Манчжурию, — как с собственной тенью. И в разговоре с Куропаткиным 2 декабря «конечно он возражал [Куропаткину] и доказывал ошибочность мнения, что занятие Порт-Артура явилось следствием постройки, по предложению Витте, магистрали через Северную Манчжурию»². И со свойственной ему резкостью, точно его не хотели понять, Витте пояснил: «представьте себе, что я повел своих гостей в Аквариум, а они, напившись пьяны, попали в публичный

¹ См. записку, составленную в м-ве ин. дел.: «Возражения на брошюру «Манчжурский вопрос» — в д. № 105. Записка в подлиннике была прислана Витте Ламсдорфом, с возвращением и самой брошюры. На записке — пометка Николая: «Прекрасный ответ», датированная 19 июля 1902 г.

² См. «Дневник Куропаткина», запись 3 декабря 1903 г. («Кр. Архив», т. II, стр. 91).

дом и наделал там скандала. Неужели я виноват в этом? *Я хотел ограничиться Аквариумом. Далее тянули другие*».

Стоимость этого «скандала» — в предположении победоносности предстоящей войны, — один из собеседников, Куропаткин, вычислял в 1903 г. в 700—800 миллионов руб. прямых военных расходов¹. Витте в 1909 г. имел возможность назвать цифру этих расходов в 2½ миллиарда². По другому подсчету, более позднему, эта цифра, включая платежи по заключенным для ведения и ликвидации войны займам, вырастает до 7 миллиардов³. Но еще и задолго до войны, независимо от «скандала», оба собеседника отдавали себе ясный отчет в том, что самая прогулка в «Аквариум» требует громадных жертв. Куропаткин еще в 1901 г. жаловался (Половцову), что «наши действия на Востоке уже теперь стоят нам более 800 милл. р. и что еще далеко окончание этого нескончаемого расхода»⁴. Тогда же и Витте говорил, что «китайские осложнения обошлись нам доселе в 1 миллиард рублей», что «продолжать эту глупую затею невозможно: идя по этому пути, Россия идет к разорению — и финансовому и политическому»⁵. Об этом же миллиарде в 1903 г. Витте отозвался так, что он «ослабил Европейскую Россию», но Витте при этом «не был убежден, что было бы лучше, если бы мы его не израсходовали», а затем совместно с Куропаткиным докладывал царю о необходимости «умерить расходы по Дальнему Востоку»⁶. О том, что Дальний Восток несоразмерно

¹ См. С. Ю. Витте, «Вынужденные разъяснения по поводу отчета ген.-ад. Куропаткина о войне с Японией». М., 1911 г. стр. 48.

² См. там же. Текст этой брошюры Витте был готов в 1909 г., но разрешен к печати лишь в 1911 г.

³ См. Г. Д. Дементьев, «Во что обошлась нашему Государственному казначейству война с Японией. Статистическое исследование, составленное по отчетам Государственного Контроля и по сведениям Министерства Финансов». Петр., 1917, стр. 34.

⁴ См. «Дневник Половцова», запись 30 марта («Кр. Архив», т. 3, стр. 87).

⁵ См. там же, запись 19 августа, стр. 103.

⁶ См. «Дневник Куропаткина», записи 19 февраля и 22 марта 1903 г., стр. 33 и 39.

сосет соки из остальной Империи, в сущности не было двух мнений, и даже в устах таких врагов Витте справа, как Безобразов и комп., эта мысль стала полемической, направленной против него же: напр., их проекты Дальневосточного наместничества и Особого Комитета по делам Дальнего Востока формально обосновывались отчасти необходимостью обособления окраины в бюджетном отношении и перевода ее на «хозрасчет». Именно в этой связи составлена была, по требованию Безобразова, в 1903 г. в министерстве финансов подробная справка «о расходах и доходах по областям, входящим в состав наместничества на Дальнем Востоке, за 1897—1902 гг.» — итоги ее по обыкновенным и чрезвычайным статьям представляются в след. виде:

Годы	Доходы	Расходы	Разница	Средний го- довой дефи- цит
	в р у б л я х			
1897	9.601.322	92.726.073	83.124.751	143,9 мил- лиона руб.
1898	12.573.550	123.952.316	111.378.766	
1899	15.753.201	201.030.426	185.277.225	
1900	21.914.523	263.592.269	241.677.746	
1901	29.846.505	247.647.796	217.801.291	
1902	196.835.609	220.816.797	23.931.188	
Всего . .	286.574.710	1.140.765.677	863.190.967	

В частности же по одному Обществу Китайской Восточной жел. дор. за те же годы «справка» давала след. расходы:

Годы	Жел. дорога	Морское парокходство	Порт Дальний	Город Дальний	Всего
1897	5.000.000	—	—	—	5.000.000
1898	26.300.000	—	—	—	26.300.000
1899	62.700.000	3.500.000	3.000.000	—	69.200.000
1900	76.160.000	4.340.000	2.150.000	1.850.000	84.500.000
1901	64.111.750	3.547.430	3.827.970	1.624.430	73.111.580
1902	67.975.000	942.979	500.000	—	69.417.979
Всего.	302.246.750	12.330.409	9.477.970	3.471.430	327.529.559 ¹

Не располагая этими точными цифрами, Куропаткин в январе 1903 г. строительную стоимость предприятий о-ва Китайской

¹ См. дело № 129: «О доходах и расходах казны на Дальнем Востоке».

Восточной ж. д. принимал в 400 милл. р., а ежегодную убыточность их, при неопределенно длительной бездоходности, исчислял в 40 милл. р. (20 милл. ‰ на затраченный капитал, 10 милл. р. на содержание охранной стражи и 10 милл. р. убытков по эксплуатации)¹. Таким образом, около 40% пресловутого «миллиарда» падали на так называемые «предприятия Витте». Чрезмерно дорогие, надолго бездоходные и прославленные молвою о героических «злоупотреблениях», предприятия эти становились предметом более или менее сильных и злобных нападок на их всевластного хозяина. Все в том же 1903 г., когда постройка Китайской Восточной ж. д. подходила к концу, в правительственных кругах серьезно становился вопрос об изъятии «предприятий» из ведения министра финансов и о распределении заведывания ими в нормальном порядке по принадлежности. Отстаивая, в особом всеподданнейшем докладе (14 марта), необходимость сохранения прежнего порядка и давая объяснения по существу высказываемых этому порядку упреков, Витте и сам не отрицал, что цифра затрат казначейства на предприятия действительно «крупна», что окончательное оборудование их потребует еще не менее 30 милл. р., что поверстная стоимость дороги «определилась в высокой цифре» и что «первые годы» эксплуатации, несомненно, будут заключены с «некоторым» дефицитом².

Немудрено, что при такой воспаленности вопроса о «предприятиях», в которые, по собственному признанию Витте, им было «вложено столько труда и сердечных забот», как «ни в одну из возлагавшихся на него государственных задач»³, и чем ближе подступала опасность военного столкновения для изнуренной внутренним кризисом страны, тем субъективно болезненнее становилась для Витте мысль, высказанная (не в первый раз) в записке

¹ См. «Дневник Куропаткина», январь 1903 г., стр. 22, 24.

² См. всеп. доклад 14 марта — в нашей работе «Лихуангангский фонд» («Борьба Классов», № 1—2, стр. 117—124).

³ См. там же.

Куропаткина от 23 ноября о том, что захват Ляодуна, который Витте считал грубой ошибкой и нарушением *своей* схемы восточной политики, — явился прямым следствием проведения русской ж. д. через китайскую территорию. Потому он с этой мыслью и спорил тогда, потому же он всеми способами старается не пустить ее в сознание читателей своих «Воспоминаний», писанных уже на развалинах грандиозной империалистической мечты — после разгрома. Ведь добрая половина «предприятий» создавалась вокруг Порт-Артура, ради него и в прямой от него зависимости. Значит, он, Витте, соглашаясь отдать теперь эту половину — отказывался от своего детища? Между тем, как показала война, Япония билась не только из за Кореи, но и за Порт-Артур и за всю Южную Манчжурию: следовательно, после войны, не попадал ли Витте в одну компанию с так называемыми «истинными» виновниками войны — Безобразовым, Абазой, Алексеевым и пр. — в качестве *главного*, подготовившего тот рычаг, за который эта компания и схватилась в последний момент?

Китайская Восточная магистраль — родное детище Витте. Порт-Артур — подкидыш, противное всем законам порождение «ребяческого» захватнического поползновения и грубого «коварства» Николая II. Магистраль — существеннейшее звено в планомерной мирной политике исконной дружбы на основе обоюдной взаимности интересов двух империй, политике, делавшей из России центр той континентальной системы франко-германо-русского и русско-китайского союзов, в которой Витте видел единственное средство спасения старой Европы в обстановке цветущего роста внеевропейских могущественных цивилизаций — от истощения в вооруженном мире и от гибели в случае европейской войны¹. Порт — захват среди бела дня, сделанный у союзника, которому только перед тем гарантирована неприкосновенность, захват, по существу опрокидывавший всю постройку. Эта антитеза, пущенная в оборот Витте со

¹ См. Витте, «Воспоминания», т. I, стр. 98—100.

всею заразительностью простоты, играла роль основной — в представлении о двух переплетшихся перед японской войной политиках: его, Витте, *мирной* и Николая — *захватнической*. Николай — Порт-Артур — Ялу — захват Манчжурии — война: это одно. Витте — союз с Китаем — магистраль — эвакуация Манчжурии — соглашение с Японией: это другое. Однако, теория, так уловившая Витте в ноябрьской записке Куропаткина, расстраивала эти два параллельных ряда, зацепляя магистраль Порт-Артуром. И в самом деле, в чем тут различие: концессия на магистраль получена Россией под предлогом союза, дружбы и взаимности интересов, но и вся история с Порт-Артуром протекала в той же терминологии и без всякого кровопролития — русские суда вошли в Порт-Артур, чтобы не дать захватить его англичанам или японцам (вслед за захватом Цзяочжоу Германией), а затем Россия осталась там, дабы иметь возможность действительно выполнять роль союзника и защитника Китая не только с суши, но и с моря. *Формально* здесь не только не было налицо *враждебного* Китаю акта; Россия наоборот шла на риск международных осложнений, педантически укрепляя силу союза. Вскрыть *враждебность* этого акта, доказать, что *по существу* о доброй воле Китая здесь говорить не приходится, что на деле Китай не имел средств противиться возможному насилию со стороны России и вынужден был покрыть этот захват формальным на него согласием, — было нетрудно, но такой ответ не удовлетворял и самого Витте, потому что не парировал возможного возражения, что и в согласии на магистраль Китай отказать России был столь же бессилён. И Витте, когда это стало возможным, прибег к ответу, имевшему целью проще и нагляднее оттенить игнорируемое здесь различие.

В вышедшем раньше «Воспоминаний», в 1916 г., «Прологе русско-японской войны», написанном по поручению Витте, этот ответ был заключен в глухой и лаконической фразе, именно — что Витте «средствами, доступными ему, как министру финансов, оказал давление на ход переговоров об аренде Порт-

Артура»¹. В «Воспоминаниях» Витте уже не был связан в раскрытии этой совершенно секретной операции и рассказал о своем вмешательстве в ход переговоров весьма подробно, а именно, как китайские уполномоченные при переговорах, Ли Хунчжан и Чжан Иньхуань, медлившие подписать соглашение, подписали его только тогда, когда Витте, во избежание кровопролития в случае насильственного занятия Порт-Артура русскими войсками, распорядился пообещать уполномоченным «значительные подарки»². Выходило так, что захват Порт-Артура удалось протащить под фикцию «дружбы с Китаем», не вызывая кровопролития, лишь путем подкупа, чего отнюдь нельзя сказать про концессию на магистраль К.-В. ж. д., — и искомое различие природы этих двух политических актов выступало на этот раз в надлежащем рельефе. Свой рассказ Витте и заключал многозначительной в этой связи фразой: *«это был единственный раз, когда в моих переговорах с китайцами я прибег к заинтересованию их посредством взяток»*³. Так очерчивалась Витте граница, лежавшая между «Аквариумом» и тем учреждением, где гости действовали, не соблюдая себя, уже в полном виде.

Однако, при внимательном чтении главы второй I тома «Воспоминаний» о «переговорах с Лихунчаном и заключении договора к Китаем», обращает на себя внимание одна едва заметная подробность. Переговоры с Ли Хунчжаном в Петербурге, на квартире министра финансов, начал и вел Витте единолично. Витте развивал перед китайцем мысль об обоюдной полезности предлагаемого Россией соглашения, а тот, «конечно, ставил различные препятствия». «Но из разговоров с ним» Витте «понял, что он на это согласится, если увидит, что этого желает наш

¹ См. Б. Б. Глинский, «Пролог русско-японской войны», СПб., 1916, стр. 56. О происхождении этого издания см. Б. А. Романов, «Витте накануне русско-японской войны», в Сборн. «Россия и Запад», Пгр., 1923 г., стр. 162.

² «Восп.», I, стр. 108—115. Часть документов по этому делу опубликована в «Кр. Архиве», кн. 2, стр. 287—293.

³ «Восп.», I, стр. 115. — Курсив наш.

император». Было сделано так, что царь принял Ли Хунчжана в частной и оставшейся неоглашенной аудиенции. Вскоре после аудиенции Витте был во дворце на «выходе», и когда он в ряду прочих, приносивших поздравления по случаю дня рождения, подошел к Николаю, у того *«засветилось лицо, и он мне почти шопотом сказал: „Лихунчан у меня был и я ему сказал“*¹. — Зачем понадобилась частная аудиенция с полномочным послом, торжественно приехавшим на коронационный обряд для принесения царю официальных поздравлений от имени богдыхана, почему «об этом приеме совсем не говорилось в официальных органах», и что такое «сказал» ему Николай?

7 марта 1908 г., когда Ли Хунчжан без малого семь лет покоился уже в могиле, а Витте в устранении от дел приступал к своим мемуарам, министр финансов Коковцов получил собственноручную записочку Николая II такого содержания: *«Примите мнѣ на известное мнѣ употребленіе 175.000 р. (сто семьдесятъ пять тысячъ) — изъ такъ называемаго Ли-Хун-Чанскаго фонда. Николай. 7 марта 1908 г.»*. Николай, видимо, спешил: свое требование послал в тот же день, как получил — в ответ на свое словесное повеление — рукой Коковцова написанную справку о наличии «так называемого Лихунчангского фонда, состоящего на особом счету министра финансов в Русско-Китайском банке». Из справки видно, что на 7 марта 1908 г. остаток «фонда» состоял в сумме 1.264.539 рублей.

«Лихунчангский фонд» — это в позднейшем просторечии. Первоначальное название его — «особый фонд, предназначенный на покрытие расходов, связанных с выдачею концессии на Китайскую Восточную железную дорогу». О выдачах из него велось специальное дело в канцелярии министра финансов. Выдачи из него китайцам начались за целый год раньше «захвата» Порт-Артура. За 1897—1902 гг. таких выдач было всего пять: Порт-Артурская на втором по времени месте. Сверх пяти —

¹ Там же, стр. 43. — Курсив наш.

несколько предположенных выдач по разным причинам не состоялось. В пять приемов китайцы получили 1.700.947 руб. 71 копейку¹.

Как видим, дело об «особом фонде» истерпывающим образом опровергает подчеркнутое выше показание Витте о том, что к подкупу в Китае он прибег всего лишь тот единственный раз. Не может быть сомнения, что *забычивость* Витте тут не при чем. *Скромностью* мемуариста можно было бы объяснить только *простое* умолчание — и непременно о *всяком* вообще политическом подкупе, как должностном секрете бывшего министра финансов. В данном же случае сообщение Витте носит грубо тенденциозный характер, изображая подкуп только как *вынужденное* средство для ликвидации последствий чужого «ребячества» и умышленно скрывая его, как *неизбежное* в данных условиях средство тактического развертывания собственного грандиозного политического плана Витте, — средство при этом отнюдь не диковинное и принимавшее на протяжении всей дипломатической истории международных отношений как европейских, так и вне-европейских стран, самые разнообразные формы. Понятно, что Витте, — при его оценке русско-японской войны 1904 — 1905 гг., как кардинального расшатывающего фактора в судьбах Российской империи, — не было никакой охоты и никакого

¹ Пока выдачи из «фонда» производились вообще на расходы, связанные с делами на Дальнем Востоке, до 1905 г., — и переписка, относящаяся к выдачам, носит политический характер. После 1905 г. остаток фонда (довольно значительный), с крайним ослаблением России на Дальнем Востоке, оказывается как бы круглым политическим сиротой, расходуется на самые разнообразные «нужды»: и переписка по нему, лаковическая, принимает характер почти только бухгалтерских записей. В течение 1908—1910 гг. Николаю II, каждый раз по письменному собственноручному его требованию, «представлено» было в девять приемов, запечатанными пакетами, отвозимыми во дворец особым чиновником, всего 1.030.000 руб. К 1 января 1914 г. в «фонде» состояло всего лишь 373.714 р. 59 к. Израсходовано же за 16 лет — 4.492.151 р. 50 к. См. Общ. Канц. Мин. Фин., секр. дело № 51, в четырех частях: «Об образовании особого фонда и выдачах из него разным лицам». Подробная «справка» о произведенных из него выдачах, составленная 6 февраля 1914 г., опубликована нами в статье: «Лихунчангский фонд», см. журн. «Борьба классов», № 1—2, стр. 124—126.

основания попадать в сообщество, как он выражался, «виновников злосчастной войны», какими он считал Николая II, Безобразова, Абазу, Алексеева и т. п., отчасти даже и Куропаткина с ними заодно. Но все его усилия, и тогда и *post factum*, отмежеваться от этой группы и от их «политики», как и данный случай с версией о Порт-Артуре, не в состоянии затушевать по существу глубоко конфликтной природы и чрезвычайной рискованности — для империи, как она была, — той политики, глашатаем и мастером которой был сам Витте. При пересмотре *узловых моментов* этой политики дело о Лихунжанском фонде позволяет чисто внешним образом не раз прорвать ту плотную литературную ткань, в которую облек Витте свою теорию «мирной» и «захватнической» политик, исключавших одна другую будто бы потому, что одна преследовала такие цели и действовала такими приемами, которые не подвергали Россию опасности войны на Дальнем Востоке, другая же в обоих отношениях безумно играла с огнем.

II.

У нас нет никаких данных о том, чтобы Витте интересовался или, тем более, занимался Дальним Востоком до назначения своего министром путей сообщения в феврале 1892 г. Зато с этого времени, чуть ли не после первого же своего доклада, он стал в особое отношение к постройке великого Сибирского пути¹. Вполне разработанный с технической стороны и уже с год как решенный принципиально, вопрос этот достался Витте, можно сказать, на ходу и в почти готовом виде. Частичное проектирование отдельных внутри-сибирских линий, начавшееся с самого присоединения Амурского края (1858 г.), поднявшееся в 1875 г. в проекте Посьета до мысли о сплошной жел. дор. от Волги до Амура, прерванное затем войной 1877—1878 гг. и финансовым кризисом, в начале 80-х гг. сосредоточившееся

¹ См. «Воспоминания», т. III, стр. 354.

исключительно на Волго-Уральском участке в виду продолжавшейся финансовой депрессии, — возродилось и приняло настойчивый характер во второй половине 80-х гг. в прямой зависимости от оборота, какой принимали международные отношения на Дальнем Востоке. Поворот с Ближнего Востока на Дальний, после русско-турецкой войны получивший, напр., свое выражение в том, что Об-во Добровольного Флота, покровительствуемое Александром III (тогда наследником) и председательствуемое Победоносцевым, поставило все свои пароходы на Черноморско-Тихоокеанские рейсы, совпал с отмеченным выше (см. стр. 7—9) обострением Корейского вопроса в японо-китайских отношениях и сосредоточением вокруг него интересов великих держав: попытка России овладеть одним из корейских портов и ввести в Корею военных инструкторов, неудавшаяся в виду вмешательства Англии (1885 г.), вскрыла там слабость России и выдвигала на очередь задачу спешного поднятия ее боевых средств, пока равновесие, установленное относительно Кореи между Китаем и Японией договором 1885 г., не будет нарушено. Действительно, в 1886 г. оба, западный и восточный, сибирские генерал-губернаторы подняли вопрос о стратегической необходимости в первую очередь железнодорожных линий Томск-Иркутск и Байкал-Сретенск, и в 1887 г. приступлено было к изысканиям, кроме названных, еще и на Уссурийском участке. Несмотря, однако, на неоднократные указания как генерал-губернаторов, так и военного и морского министров на неотложность постройки этих линий в виду принятых Китаем мер по поднятию своих военных сил, И. А. Вышнеградский, целиком занятый накоплением металлического фонда, упорно отказывал в ассигновании на это дело, пока, наконец, не получилось известие о том, что китайское правительство командировало английских инженеров для изысканий жел. дор. по южной Манчжурии на стык русской и корейской границ до манчжурского г. Хуньчуня (июль 1890), — и вопрос о постройке хотя бы одной Уссурийской линии был поставлен на обсуждение вновь. На этот раз вопрос

сдвинулся с мертвой точки: Александр III высказался за необходимость «приступить *скорее* к постройке этой [Уссурийской] дороги», вслед за ним выступил министр ин. дел Гирс, заявивший, что «положение России относительно Китая побуждает министерство иностранных дел считать постройку Сибирской жел. дор. вопросом первостепенной для России важности» (письмо 31 августа 1890 г.), и наконец Комитет министров, принимая решение об ассигновании на Уссурийскую линию, по предложению военного министра, единогласно высказался за сооружение *сплошного* Сибирского жел.-дор. пути, в виду несоответствия бессрочно-раздробительных построек отдельных линий признанной теперь неотложной стратегической цели (заседания 12 — 21 февраля 1891 г.). Однако, на деле приходилось укладываться в жесткие рамки имевшегося налицо чрезвычайного кредита на постройку новых жел. дор. (по 7 милл. руб. на 1891 и 1892 гг.), достаточного только для *приступа* к работам с двух крайних пунктов (в 1891 г. от Владивостока, в 1892 г. от Челябинска). Скала, о которую разбивалось дело вот уже целых пять лет, сдерживала напор поднявшегося вихря, пока не была снесена им разом: Вышнеградский решительно саботировал казавшееся ему рискованным предприятие — до самой своей отставки. Между тем вихрь, раз поднявшись, неудержимо нарастал сообразно своим законам. Минувя вопрос о финансовых возможностях, русское правительство на весь мир провозглашало свое решение строить «сплошную через всю Сибирь железную дорогу» (рескрипт на имя наследника 17 марта 1891 г.) и демонстративно торжественно приступало к закладке Уссурийского ее участка (май 1891 г.). В свою очередь китайское правительство отвечало на это (в июле 1891 г.) учреждением «Управления императорских китайских железных дорог» и приступом к продолжению своей Кайпин-Тяньцзиньской ж. д. к северу на Шаньхайгуань¹. А в том же

¹ См. печатную «Справку» о китайских ж. д., составленную Покотиловым в 1895 г. для министра финансов.

июле в России Гюббенет (министр путей) выступал с готовым планом шестиучастковой и трехочередной постройки Сибирского пути, рассчитанной на 12 лет в сумме около 350 милл. руб. с отказом, в видах экономии, от ряда необходимых технических условий, открыто предусматривавшим близкую необходимость коренной переукладки полотна чуть ли не на протяжении всей линии. В таком положении было дело, когда Витте сменил Гюббенета и получил, как сказано выше, разрешение начать кладку пути от Челябинска, с отпуском на это в счет 7 милл. руб. кредита в 1.100.000 руб. При том условии, что план Гюббенета не только не был поддержан Вышнеградским, но и признан был им исчисленным в слишком высокой (!) цифре, политическое вызревание вопроса бесконечно обогнало, казалось, финансовые и экономические возможности страны, кончавшей накопление золотого запаса как раз в год такого неурожая, который угрожал не только нарушением торгового баланса, но и подрывом на неопределенное время платежной способности русской деревни.

Но еще и до голодного 1891 г. Вышнеградский не ограничивался простым казначейским отказом в средствах, а и высказывался по существу вопроса. Проваливая требование по Уссурийскому участку в 1890 г., он прежде всего отрицал серьезность опасности, какую приписывали намерению Китая строить дорогу в Манчжурию, — в виду косности китайского правительства в деле сооружения жел. дор. вообще (в чем он и оказался прав), — а также и серьезность стратегического значения одинокой Уссурийской линии. Вообще вопрос о железных дорогах в Сибири Вышнеградский соглашался рассматривать только с точки зрения их коммерческой доходности и экономического значения, и сообразно с этим допускал начало постройки только с запада, предоставляя затем дело естественному росту. Когда же в 1891 г. его аргумент о бессмысленности изолированной Уссурийской линии был повернут в пользу сплошного транссибирского пути, ему оставалось предостерегать именно от «провозглашения» о приступе к работам, которые неминуемо потребуют большого

займа, а одно известие об этом должно отразиться на курсе русских бумаг. Боязнь риска, с которым сопряжен был вопрос, безраздельно царил в сознании Вышнеградского и ставила его вне действительности, увлекаемой на путь риска и крутых решений. Этот человек явно все более не соответствовал размаху событий и требованиям окружающей политической обстановки¹.

Передвижение Витте с поста министра путей на пост министра финансов (в августе 1892 г.) сразу и круто повернуло вопрос с Сибирским пути. Немыслимо было, разумеется, и думать о продолжении политики, какую проводил здесь его предшественник: это противоречило бы самому смыслу нового назначения. Оно именно свидетельствовало, что было бесповоротно решено во что бы то ни стало выйти из тупика, не останавливаясь перед затратами на предприятие, которое могло совершить вторичное присоединение к империи громадной многообещающей территории в 1.420.000 кв. верст, бросить сибирский хлеб на мировой рынок, систематически извлекать избыток населения из центральной России и образовать вокруг себя разнообразное хозяйственное движение. Именно раскрывшаяся грозная хозяйственная картина в Европейской России должна была сыграть подталкивающую роль в вопросе о великом пути, как международные осложнения вокруг Корейского вопроса и признаки английского проникновения в северный Китай уже играли некоторое время дергающую роль. Необходимо при этом иметь в виду, что выступление с планом постройки «великого Сибирского пути» и проектом бесперебойного ее финансирования, сразу сдвинувшим вопрос с мертвой точки, на которой удерживал его Вышнеградский, было для Витте (в ноябре 1892 г.) тем легче, что он мог считаться уже не только с наличием франко-русского соглашения 9—15 августа 1891 г., но и с только-что согласенным (к 17 августа 1892 г.) проектом военной франко-русской

¹ Об истории вопроса о постройке Сиб. жел. дор. см. «Сибирская жел. дор. в ее прошлом и настоящем», под ред. А. Куломзина, СПб., 1903, стр. 1—128.

конвенции. Оба эти акта, в сущности, уничтожали всякий финансовый риск, связанный ранее с предприятием. Оно приобретало теперь прочную финансовую базу и принимало вид исходного пункта большой политической программы с претензией на мировое значение¹.

Необходимо отметить, что историк напрасно будет искать каких либо существенных подробностей об этом моменте на страницах «Воспоминаний» Витте. На первом плане здесь — выделение решенной постройки в ведение особого комитета с широкими полномочиями и с наследником престола в качестве председателя. Последнему обстоятельству Витте, как видно, придавал значение счастливого хода, сообщавшего комитету фактически характер верховного органа и персонально вовлекавшего будущего царя в трудное и затяжное дело, за которое де можно было не беспокоиться только при жизни Александра III и которое легко могло захиреть при его преемнике. На этой стороне дела преимущественно и останавливается Витте в своих «Воспоминаниях», иллюстрируя целесообразность описанного хода примером сочувственного отношения Николая II к идее («чуть ли не революционной») планомерного переселения крестьян в Сибирь². Зато в своем обширном всеподданнейшем докладе (от 6 ноября 1892 г.) «*О способах сооружения великого сибирского пути и о назначении совещания для обсуждения этого дела*» Витте далеко не ограничился финансовой и технической стороной дела, а попытался охватить вопрос во всем его объеме, остановившись на «основаниях, принятых к руководству при соображении» способов постройки. Едва ли случайно, что изложение этого доклада в изготовленном под наблюдением Витте «Прологе русско-японской войны» останавливается почти исключительно на тех «осно-

¹ Предлагая на первых порах прибегнуть к некоторому финансовому трюку — обратить на расходы по постройке 92 мил. руб. кредитных билетов, подлежавших уничтожению, — Витте рассчитывал в дальнейшем покрыть эту сумму из бюджетных средств за счет займов. См. Б. Б. Глинский, «Пролог и т. д.», стр. 15 сл.

² «Восп.», т. III, стр. 354 и сл.

ваниях», которые имели в виду экономическое значение дороги в тесном смысле слова, избегая касаться более широких точек зрения, получивших небезинтересное отражение в тексте доклада¹.

Уже теперь, в 1892 г., Витте увлекает мировой масштаб поставленного перед ним задания. Он решительно отвергает узко финансовую трактовку своей темы и относит эту часть в самый конец изложения. Мало того, что «сплошная через всю Сибирь железная дорога — это предприятие государственное в широком смысле слова», сопряженное с «величайшими выгодами в области интересов экономических, культурных и политических» как для Европейской России, так и для Сибири. Тот факт, что великий сибирский путь устанавливает «непрерывное рельсовое сообщение Европы с Великим океаном и Азиатским Востоком», открывая «новый путь и новые горизонты не только для русской, но для всемирной торговли», «ставит его в ряду *мировых событий*, которыми начинаются *новые эпохи в истории народов* и которые вызывают нередко *коренной переворот* установившихся экономических соотношений между государствами». Витте отдает себе ясный отчет, — примыкая к мыслям, высказанным в записке представителей русского купечества на нижегородской ярмарке 1889 г.², — в том, что Сибирская магистраль через Владивосток вдвигает Россию вплотную к решению проблемы Тихого океана, где имеются уже все признаки неудержимо разыгрывающейся экономической борьбы. Канадская жел. дорога, «уже теперь» отвлекавшая часть шелковых и чайных грузов, которые ранее целиком шли в Европу через Суэц, стоит в воображении Витте «поучительным примером», когда он измеряет цену Сибирской, по протяжению и по характеру прорезываемых ею огромных

¹ См. Б. Б. Глинский, «Пролог и т. д.», стр. 10 сл. В дальнейшем изложении пользуемся экземпляром доклада 6 ноября 1892 г., имеющимся в деле Общ. Канц. М. Ф., 1892 г., II отд., «Об Особом Совещании по вопросу о сооружении великого Сибирского пути». Курсив в цитатах из этого доклада далее всюду наш.

² См. нашу рецензию на III т. «Воспоминаний» Витте в «Борьбе Классов», № 1 — 2, стр. 342.

районов, представляющей много аналогий с Канадской¹. Но эта последняя сократила переезд из Европы до Шанхая с 45 дней через Суэц до 35 дней через Канаду, тогда как Сибирская сократит его до 18—20 дней. Таким образом, начавшийся *«переворот в направлении сообщений между Европою и азиатским востоком»* должен последовать именно в пользу России, «не только как *посредника* в торговом обмене произведений востока Азии и Западной Европы», но и как *«крупного производителя и потребителя, ближе всех стоящего к народам азиатского востока»*. Между тем, «Китай, Япония и Корея, население которых в совокупности не менее 460 миллионов, а современные обороты международной торговли не менее 500 милл. руб. золотом, — далеко еще не развили своих торговых сношений с Европой до возможного предела, а скорее в этом отношении переживают еще начальный фазис». «Неудивительно поэтому, что народы европейской цивилизации прилагают громадные усилия для овладения восточными азиатскими рынками, не останавливаясь ни перед какими затратами». И Витте учитывал, что, «уже по своей непосредственной близости» к названным восточным странам, Россия, с проведением сибирской магистрали, получит в этом отношении *«важные преимущества перед всеми другими государствами Европы»*.

¹ Текстуально: «Между прочим, Канадская жел. дор. в самое короткое время вызвала значительное развитие земледельческой промышленности в пустынном до того пространстве центральной Канады, благодаря принятым администрацией дороги мерам и заселению этого пространства, для чего каждому желающему отводилась ферма в 160 акров. Еще в 1880 г. (до постройки Канадской ж. д.) сказанная обширная область производила хлеб в количестве едва достаточном для своих немногих обитателей, а в 1891 г. — через пять лет после открытия дороги — в той же области урожай одной пшеницы дал избыток в 30 мил. бушелей, свободный для вывоза. Вдоль главной линии жел. дороги и ее ветвей, которых ныне уже 1200 миль, выросли большие города, каковы: Брендон, Портедж, Регина, Кайльгери, и множество других менее важных селений. За короткое время своего существования Канадская жел. дор. оживила и оплодотворила огромную пустыню, ею прорезываемую, затратив большие средства. Но зато уже теперь это предприятие дает чистого дохода более 8 милл. долларов, хотя область, ею прорезанная, имела населения вполтину меньше, чем население Сибири в настоящее время».

Эту общую формулу международного значения сибирского замысла Витте пробует выверить на примере русско-китайских экономических отношений, в которых ясно прощупывается почва для не только оборонительного, но и наступательного, пока что экономического союза, направленного против Англии. Эта последняя владеет вывозом $\frac{2}{3}$ товаров, отправляемых из китайских портов, при чем число английских судов в них постоянно возрастает. С другой стороны, Англия одновременно стремится стать конкурентом Китая по *производству* чая, и чайные плантации в азиатских колониях Англии — в Индии и на Цейлоне — уже сделались главными поставщиками чая для всей Великобритании. И опять же, как и всюду, именно железнодорожная сеть в Ост-Индии дает Англии крупные преимущества по доставке чая к портам, которые притом в два раза ближе к Европе, чем китайские. Вследствие этого вывоз китайских чаев в Лондон и др. страны потребления *«постоянно и быстро падает»*, что представляет как «для значительной части китайского населения», так и «для китайской казны» (при высокой вывозной пошлине) «вопрос серьезного значения». Значит, «в этом отношении *Сибирская жел. дор. может послужить для китайской чайной промышленности большою поддержкою*, отстранив опаснейшего конкурента Китая от посредничества в торговле китайскими чаями с европейскими странами и обеспечив китайским чаям гораздо более быструю доставку в Европу не только сравнительно с морской перевозкой из Китая через Лондон, но и сравнительно с более скорой перевозкой ост-индских чаев». — «Посему, — заключал Витте — *не только Россия, но и Китай* заинтересованы в том, чтобы роль Англии в перевозке чаев и торговле ими с европейскими странами перешла к России, которая, к тому же, сама представляет обширный и, можно сказать, с каждым днем расширяющийся рынок потребления чая».

Тот же английский призрак стоял перед глазами Витте, когда он предвидел, что «Россия может значительно расширить отпуск в Китай хлопчатобумажных и шерстяных изделий,

а также металлов» — товаров, которых Китай ввозит на сумму 80—90 милл. руб. золотом, «но не из России, весь вывоз которой в Китай по ценности не превышает 3 милл. р., при общем обороте по сибирской границе с Китаем не свыше 17—18 миллион. руб.».

Что касается «политического и стратегического» значения великого Сибирского пути, то Витте оно представлялось «очевидным», и он останавливался на этом сюжете лишь в нескольких строках, — но тем они ценнее. «Наша сила» на востоке возрастает пропорционально сокращению расстояния, а укрепление экономических связей поведет к упрочению «дружеских» политических отношений с «восточными странами», при «сознании осязаемых обоюдных интересов на поле *всемирной экономической деятельности человечества*». Ему казалось даже, что открояющаяся при этом «возможность стать в более непосредственные отношения с Северо-Американскими Штатами» обнаружит «солидарность политических интересов» России и с этой страной. Наконец, Сибирская ж. д. «обеспечит русскому военному флоту все необходимое и даст ему твердую точку опоры в наших восточных портах». «Посему, *с открытием дороги*, этот флот может быть *значительно усилен* и, в случае *политических осложнений* как в Европе, так и на азиатском востоке, получит в высокой степени важное значение, *господствуя над всем международным коммерческим движением в Тихоокеанских водах*».

Таков первый набросок «Аквариума», куда намеревался везти Витте своих «гостей». Когда они «напились пьяны», то стал разыгрываться «скандал» из-за того, что они возомнили себя «адмиралами Тихого океана» и не захотели принимать никаких резонов. В это время (1898 и сл. гг.) их «тянули» уже другие. В частности, крылатое слово приветия адмирала Атлантического океана адмиралу Тихого — брошено было Вильгельмом II в один из его приездов к Николаю и крепко вошло в обиход этих двух «друзей». И Витте без раздражения не мог вспоминать, уже после разгрома, этой провокационной выходки «злого гения»

падкого на подобную лесть царя. Но феерическое и манящее «господство» «русского военного флота» «над всем международным коммерческим движением» «в тихоокеанских водах» — значилось и в программе «Аквариума», когда звал туда своего гостя Витте в 1892 еще году.

Тут, в фиоритурах первоначальной редакции русской политической программы на Дальнем Востоке, нет, да и не могло быть, какой либо разработки конкретных дипломатических вопросов, попытки учесть всю совокупность международных политических сил, как они будут слагаться в тихоокеанской борьбе. Зато две крупнейшие, Англия и Китай, введены в этот учет отчетливо и твердо. Сибирский путь, как орудие политического союза с Китаем и как средство подрыва колониального могущества Англии, представлялся Витте совсем конкретно. Но уже Япония и Корея рисуются ему лишь в самых общих контурах, за одно с Китаем, как полосы одного поля, — далеко еще невыпаханного, — предстоящей экономической деятельности России на Востоке. Относительно же С. Ш. А. Витте просто — грубо ошибся.

Как видим, эта первая редакция программы манила перспективами, но не заключала в себе никаких конкретных практических выводов относительно способов осуществления обещанных перспектив. Что она не удовлетворяла Витте именно с этой стороны, судить можно по тому, как быстро и легко ухватился он за первую попавшуюся возможность восполнить этот пробел — на редкость фантастическим, шарлатанским проектом пресловутого Бадмаева. Разумеется и на сей раз мы не найдем в «Воспоминаниях» ничего, разъясняющего этот предмет. Как Витте «познакомился с Бадмаевым через Ухтомского, к которому он подлез во время одного из его путешествий в Китай»: по инициативе ли Ухтомского, что вероятнее, или Бадмаева, или самого Витте, что тоже не исключено, — остается неизвестным¹. Во всяком случае

¹ См. «Воспоминания», I, стр. 39.

этот бурят-славянофил и скотовод-политик — последовательно воспитанник иркутской гимназии, студент-восточник Петербургского Университета, потом чиновник министерства иностранных дел и одно время лектор монгольского языка в столичном Университете, заручившийся при переходе в православие таким крестным отцом, как Александр III, прямо с филологической скамьи (с 1875 г.) начавший свою лекарскую практику, крепко присосавшийся к Петербургу, но и не порывавший своих восточных связей — Бадмаев выступил со своим проектом в феврале 1893 г. отнюдь не в обход министру финансов. Соблазнительна мысль, что, представляя этому последнему (13 февраля 1893 г.) обширную записку относительно неотложных исторических задач России на Дальнем Востоке, с просьбой доложить Александру III как эту записку, так и о результатах, достигнутых Бадмаевым в занятиях тибетской медициной, интересовавших, оказывается, царя, Бадмаев действовал по соглашению с Витте¹. Что Витте немедленно передал Александру III Бадмаевскую записку при своем собственном пояснительном докладе и что при этом он ни полсловом не обмолвился о медицинской части просьбы Бадмаева, — и дает повод говорить о предварительном соглашении². Надо сознаться, что Бадмаев, построив свое изложение исторически, из глубины еще московских веков, не соразмерил дозы своей идеологической смеси и масштаба своих конкретных предложений, и несомненно понаввившаяся Александру III записка его вызвала некоторое изумление царя: «все это так ново, необыкновенно и фантастично, что с трудом верится в возможность успеха». Суть этих предложений Бадмаева, вкратце, сводилась к тому, чтобы повести сибирскую дорогу от Байкала не только к Владивостоку, а и к югу, вглубь Китая на 1800 верст, до г. Ланьчжоуфу, в провинции Ганьсу,

¹ Записка Бадмаева, как и некоторые другие документы, далее цитируемые, издана В. П. Семенниковым в книге: «За кулисами царизма. Архив Тибетского врача Бадмаева», Л., 1925, стр. 49—75. Курсив в цитатах наш.

² Доклад Витте — там же, стр. 81 — с запиской был представлен царю до 27 февраля, которым помечена резолюция царя на докладе.

где предварительно создать потайной политический центр восстания тибетского, монгольского и китайского населения против маньчжурской династии, с последующим за восстанием добровольным обращением торгово-феодальной знати этих народностей к русскому («белому»!) царю о принятии их в его подданство. Бадмаев предлагал самому взять на себя организацию подготовки такого бескровного присоединения к России «всего монголо-тибетско-китайского востока» при посредстве «нескольких тысяч» пограничных бурят-пионеров, командруемых им, Бадмаевым, по всем направлениям в качестве подвижных торговцев ходкими предметами массового потребления и разного рода оружием. «Ознакомившись с содержанием этой записки», Витте нашел, что Бадмаев «высказывает *весьма серьезные* взгляды», «устанавливающие новую точку зрения в *практических* вопросах политики, что особенно имеет значение в настоящее время, так как сооружение великого Сибирского пути... будет иметь могущественное влияние... на отношения России... не только с азиатским Востоком, но и с европейским Западом»¹. Развивая перед царем в славянофильском духе мысль об особливости политической позиции России между Востоком и Западом, Витте высказывал опасение, что «европейская политика предпримет попытки возбудить против нас агрессивные стремления Китая для захвата слабо охраняемого восточного участка Сибирской ж. д. со всей прилегающей территорией, включая и приморскую полосу с Владивостоком». Между тем, если предприятие Бадмаева даст ожидаемые результаты, то «Россия с берегов Тихого океана и высот Гималая будет господствовать не только в азиатских, но и в европейских делах». Но и сам по себе «вопрос о питательных ветвях в китайские пределы» казался Витте «заслуживающим полного внимания». И Витте готов был тотчас же поставить предложенное Бадмаевым предприятие на практическую почву, предлагая «изыскать соответственные способы материальной поддержки» — «вне всякой офи-

¹ Доклад Витте царю, там же, стр. 81.

циальности» — для его осуществления. Однако, приведенная выше скептическая резолюция царя приостановила Витте в самом начале такого «практического» решения политической проблемы Сибирской магистрали. А когда к лету того же года дело дошло — что собственно и интересовало Бадмаева — до устройства его «частного предприятия», то оно приняло вид «торгового дома Бадмаев и К-о», никак не осуществимого без ссуды от казны в 2.000.000 руб. сроком на 10 лет из 4% — «для правильной организации и эксплуатации скотоводного хозяйства»¹. Бадмаев заверял при этом, что ссуда «непременно будет возвращена, после того, как уже будет поставлено прочно множество хорошо мне известных предприятий... с оборотами в десятки миллионов», и что только доходы с этих предприятий и дадут ему «возможность постепенно приближаться к намеченной цели»². И царь, к этому времени, видимо, успевший освоиться с «фантастическим» проектом, согласился на выдачу ссуды³.

Витте проделывал здесь первый опыт — идти к «скрытым политическим целям» мирным путем при посредстве «частных предприятий» на казенные деньги. Надо отдать ему справедливость: в последний момент он «под различными предложениями» пробовал задержать ссуду, в полном сознании своей личной ответственности и заведомой для него безвозвратности ссуды⁴. Но идти против самого же себя было уже поздно, тем более, что заменить самим предложенную и усвоенную политическим воображением царя пищу было пока и нечем. И ссуда Бадмаеву была таки выдана. Лишь последовавшие вскоре на Дальнем Востоке крупные события международного характера заставили вплотную пересмотреть и бесповоротно решить практический вопрос о русской политике там в связи с сибирской магистралью.

¹ Докладные записки Бадмаева Витте от 19 июня и 28 августа 1893 г., там же, стр. 83—85.

² Письмо Бадмаева к Александру III от 22 июля 1893 г., там же, стр. 85.

³ Там же, стр. 85, записка Бадмаева 28 августа 1893 г.

⁴ Там же, стр. 87 и 106.

III.

Ноябрьский план Витте давал возможность приступить к строительным работам сразу на протяжении более 3000 верст и не заботясь в прямом смысле о завтрашнем дне¹. Работы так называемой первой очереди рассчитаны были на 7—8 лет (1900 г.), но вопрос о без малого 4000 верст второй и третьей очередей оставался открытым. Так совпало, что с проектом уточнения этого вопроса и ускорения постройки в целом (к 1899 г. открытия движения по всей линии, кроме Амурского участка и Байкала, к 1901 г. — по всей, кроме Байкала) Витте вошел в Сибирский Комитет весной 1894 г., а решающее заседание Комитета пришлось на 3 мая ст. ст. — тот самый день, когда на юге Кореи началось восстание под лозунгом «долой японцев и всех иностранцев», повлекшее за собою ввод туда сначала китайских, потом японских войск и создавшее предлог Японии для открытия войны якобы в защиту независимости Кореи². Совместное требование Америки, России, Франции и Англии об одновременном выводе войск обеими сторонами (25 июня н. с.) успеха не возымело, японцы овладели Сеульским дворцом и установили регентство над царствующим королем (23 июля н. с.), потопили английский транспорт с китайскими войсками (25 июля) и привели дело 1 августа к формальному объявлению войны³. Что касается при этом позиции России, то со времени англо-русского глухого столкновения в корейском вопросе в 1885 г. ей приходилось прежде всего считаться, при исключительных экономических успехах в Корее японцев, с бесспорно преобладающим политическим влиянием английской дипломатии на Китай не в одних только корейских делах, и опасаться

¹ В счет общей сметы на работы первой очереди Витте располагал 92,7 милл. руб. кредитных билетов, составлявших долг Гос. Банка Гос. Казначейству. О финансовых подробностях плана Витте, см. «Сибирская железная дорога в прошлом и настоящем», стр. 118—122.

² См. Morse, «The international relations of the Chinese Empire», v. III, p. 19.

³ Там же, стр. 19—25.

этого влияния на всем протяжении восточной китайской границы. Вторжение теперь Японии в Корею вынуждало Россию искать средств отсрочить преждевременное решение корейского вопроса, потому что «судьба Кореи, как составной части Российской империи, в силу географических и политических условий, была заранее нами предопределена»¹. Но и Япония «сражалась в Корее за свое будущее» и «за свою независимость», которая будет нарушена, «как только Корея попадет в руки какой-либо европейской державы»². Англия таким образом опять оказывалась в положении *tertius gaudens*, и вся трудность для России заключалась именно в том, чтобы склонить к совместному действию этого своего противника.

Естественно, что, как только началась война, перед русским правительством встал вопрос о том, какого образа действий держаться России в этой войне и что предпринять в случае, если бы победившая сторона «вознамерилась нарушить территориальную неприкосновенность Кореи». Вопрос этот четыре раза в течение 1894—95 г. обсуждался в особых совещаниях заинтересованных министров и вызвал, в зависимости от хода военных действий, коренные разногласия, с точки зрения последующей русской политики имеющие свой интерес³.

Формальное объявление войны предупредило совсем было уже согласованный английский проект международного вмешательства в конфликт с предложением временного раздела Кореи на две сферы оккупации: южную, японскую, и северную, китайскую. В совещании 9 августа Гирс, поэтому, счел возможным предложить *совместно с Англией* добиваться прекращения воен-

¹ Так формулировал «исконные» задачи России на Дальнем Востоке Ламсдорф в записке, представленной им в ответ на обвинительную записку Вогака по поводу договора 26 марта 1902 г., зачитанную в совещании 7 мая 1903 г., см. д. № 120.

² См. Морзе, *op. cit.*, p. 29.

³ Журналы совещаний 9 августа 1894 г., 20 января и 30 марта 1895 г., см. в копиях в д. № 20. О четвертом совещании 4 апреля 1895 г. см. у Витте, «Воспоминания», I, стр. 37. — Курсив дальше в цитатах наш.

ных действий и мирного соглашения на основе «сохранения statu quo в Корее», «не оказывая каким-либо способом предпочтения той или другой из воюющих держав». Предложение это не встретило возражений и легло в основу постановлений совещания. Но далее Витте первый выступил с указанием, что по окончании войны «в дело может вмешаться Великобритания, никогда не упускающая случая воспользоваться обстоятельствами, чтобы усилить свое положение на Дальнем Востоке» и что «вмешательство это не должно быть допущено, а потому нам *следовало бы приготовиться дать отпор Англии* в случае проявления ее честолюбивых замыслов». А за ним и Ванновский заговорил о возможности, после поражения Китая, англо-китайского союза и необходимости «заблаговременно» предпринять подготовку войск Южно-Уссурийского края «к активным действиям», и Витте обещал открыть кредит на мобилизацию уссурийских войск. В этом смысле и было дополнено постановление совещания.

Совещание 20 января 1895 г. собиралось, когда судьба войны уже была решена и первые китайские уполномоченные прибыли в Кобэ для мирных переговоров¹. И вопрос стоял о том, продолжать ли России держаться «в корейском деле» «совместно с другими державами» или «нам следует теперь перейти к самостоятельному образу действий». Положение было довольно неопределенное: с одной стороны в руках Японии были уже Порт-Артур и Вэйхайвэй, мирные условия свои она упорно скрывала и считалось «весьма возможным», что «некоторые державы предъявят воюющим свои требования», — с другой стороны Япония заверяла, что она не намерена посягать на независимость Кореи, и Англия держала себя вполне «корректно» (докладывал Шишкин, тов. м-ра ин. дел). Поэтому обсуждение вопроса о возможных для России гарантиях против усиления Японии или на случай каких-либо захватов других держав приняло довольно

¹ См. Морзе, *op. cit.*, p. 41. Уполномоченные прибыли в Кобэ 30 января н. с. Их полномочия не были признаны достаточными, и война продолжалась.

теоретический характер. Занятие о. Каргодо у входа в пролив Броутона, предложенное министерством иностранных дел, встретило резкое возражение начальника штаба в виду удаленности этого острова от континентальной базы и слабо было поддержано морским министром, указавшим в свою очередь на возможность занятия Россией «части Манчжурии» в противовес японской оккупации портов Артура и Вэйхайвэя. Но против занятия Манчжурии, до проведения Сибирской ж. д., высказался военный министр. Практическое предложение, как бы в развитие еще августовского своего предложения, первым внес Витте: держась политики невмешательства, *увеличить* наши морские силы в Тихом океане — в расчете, что усиление нашей эскадры, «в виду возможных осложнений», побудит Англию действовать в духе скорейшего прекращения войны; причем Витте опять обещал и на это открыть соответствующий кредит. По его мнению, «нам ничего пока не оставалось, как действовать сообща с Англией», потому что только на этом пути, как присоединился к Витте директор азиатского департамента гр. Капнист, «представляется *некоторая* возможность предупредить пагубные последствия японо-китайского столкновения и *выиграть* время, *необходимое* для окончания Сибирской ж. д., когда мы будем в состоянии *выступить во всеоружии* наших материальных средств и занять соответствующее положение в делах Тихого океана». — Вопрос о соглашении с Англией, на этот раз, проходил уже не так гладко, как в августе. С возражениями выступили военные: Чихачев (морской министр) усумнился, чтобы Англия заинтересовалась отстаивать независимость Кореи, а против общего протектората держав над Кореей (вариант, допускавший Капнистом) указал на необходимость корейских портов для стоянки русских военных судов; Ванновский соглашался только в том случае, «если можно надеяться, что это не отзовется неблагоприятно на наших будущих отношениях к Японии»; а Обручев (начальник штаба) прямо высказался «*в особенности* против совместного с Англией действия, которое имело бы целью остановить успехи японцев, так как, по

его мнению, чем больше будет ослаблен Китай, тем для России будет выгоднее», потому что интерес России — изменение русской границы Приамурья. Председательствовавший в заседании в. кн. Алексей предложил все же «попытаться» достигнуть соглашения, и совещание постановило: 1) увеличить эскадру, 2) попытаться войти в соглашение не только с Англией, а и с Францией и другими относительно коллективного воздействия на Японию, имея в виду сохранение независимости Кореи и 3) если бы это соглашение оказалось возможным только о *совместной гарантии* корейской независимости державами — пересмотреть вопрос заново¹.

Между тем мирные переговоры между Японией и Китаем все оттягивались и порученные совещанием сношения с державами не могли ничего дать до выяснения японских условий². Только 13/25 марта состоялось в Симоносеки вручение текста их Ли Хунчжану³. Главный, как считали у нас до сих пор, пункт — независимость Кореи — был в их составе. Относительно других у министерства иностранных дел не было никаких определенных инструкций. Кроме Англии, которая отказывалась теперь от какого бы то ни было вмешательства в ход мирных переговоров, позиция прочих держав оставалась неопределенной, а между тем ждать дольше и не принимать никаких решений означало упускать время: срок перемирия между Китаем и Японией истекал 8/20 апреля — и кн. Лобанов, вновь назначенный (6 марта) министр иностранных дел, 25 марта доложил царю о создавшемся положении. Он не сомневался, что занятие японцами «полуострова,

¹ См. журнал 20 января в д. № 20. Кроме упомянутых в тексте лиц, журнал подписан О. Кремером, начальником главного морского штаба.

² Таков, напр., обмен мыслей между русским послом в Лондоне и лордом Кимберлэй, переданный в секретном письме посла от 22 февраля (6 марта). «Ничего положительного» не мог высказать Кимберлэй об отношении Англии к возможным территориальным требованиям Японии и речь могла идти только о выяснении в «общих чертах» тех отдельных интересов держав, о защите которых следовало бы сговориться.

³ Морзе, *op. cit.*, p. 44.

на котором находится Порт-Артур» «с точки зрения наших интересов» «было бы фактом крайне нежелательным», но если мы потребуем, а японцы отвергнут наше требование отказаться от Ляодуна, должна ли Россия «прибегнуть к принудительным мерам» — при неопределенности положения Франции и Германии и заведомо отрицательном отношении к этому шагу России со стороны Англии? Самое большее, что брал на себя Лобанов, это — «указать японскому правительству в самых дружелюбных выражениях на то, что завладение Порт-Артуром было бы вечным препятствием к восстановлению добрых его отношений к Китаю и поводом к нарушению мира на Востоке», предварительно, однако, удостоверившись, что державы присоединятся к этому шагу. Николай II «вполне разделял» мысль Лобанова, согласился *не требовать* возвращения Порт-Артура. *«Но с чисто русской точки зрения не следовало ли бы подумать о занятии нами порта Лазарева или иного порта в восточной Корее»*, — прибавлял Николай, т. е. поставил вопрос о компенсациях за счет независимости Кореи¹. По терминологии совещания 20 января, Николай намечал для России переход к «самостоятельному образу действий». Но в данных условиях, при том, что независимость Кореи включалась в Симоносекский договор по требованию Японии, мысль Николая оказывалась осуществимой путем соглашения не с Китаем, а с Японией. На этот выбор между Китаем и Японией (в пользу Японии!) толкал царя сам же Лобанов.

При докладе своем от 25 марта Лобанов представил царю и особую записку, где ребром ставил вопрос именно о выборе между Китаем и Японией, «как союзниц России в будущем». «Если настоящее наше положение на Дальнем Востоке нас удовлетворяет» и «мы стремимся лишь к тому, чтобы закрепить оное за собою», то слабый Китай будет России лучшим союзником. Но «если бы мы были вынуждены искать удовлетворения наших насущных потребностей на крайнем Востоке посредством насту-

¹ См. копию доклада Лобанова 25 марта с пометами царя — в д. № 20.

пательных действий, то постановка дела совершенно изменится». Такими «потребностями» Лобанов считал: «1) приобретение нами незамерзающего порта на Тихом океане и 2) присоединение некоторой части Манчжурии, необходимой для более удобного проведения Сибирской ж. д.» («именно» — подчеркнул эти строки Николай). Китай же: 1) не обладает «никаким» портом, который мог бы быть уступлен России и 2) «конечно не откажется добровольно от части манчжурской территории». Так как Япония «будет по всей вероятности нуждаться некоторое время в нашей опоре» против преобладающего влияния на море Англии, которая является «главным и самым опасным противником в Азии» и для России, то соглашение наше с Японией и представлялось Лобанову «не совершенно невозможным». Сам Лобанов не высказывался ни за ту, ни за другую комбинацию, и предлагал только «тщательно воздерживаться от всякого враждебного Японии воздействия помимо других держав, чтобы не повредить в будущем нашим хорошим отношениям к японскому правительству». Зато Николай категорически высказался за удовлетворение «насуточных потребностей»: «России безусловно необходим свободный в течение круглого года и открытый порт. Этот порт должен быть на материке (юго-востоке Кореи) и обязательно связан с нашими прежними владениями полосой земли». И оба эти документа — как видим, с исчерпывающими резолюциями царя — Николай распорядился передать в. кн. Алексею, председателю предстоящего совещания министров¹.

Однако, через пять дней, 30 марта, совещание открывалось при резко изменившихся условиях. Лобанов явился в совещание с только что полученными известиями: 1) что Германия заявила о своей готовности «присоединиться ко всякому шагу, который мы сочли бы необходимым сделать в Токио с целью побудить Японию отказаться не только от занятия южной Манчжурии с портом

¹ Копия записки Лобанова 25 марта так же, как и копии доклада и журнала 30 марта, имеют тождественный внешний вид и сделаны в м-ве ин. дел.

Артуром, но и от Пескадорских островов» и 2) что Франция тоже согласна «сообразовать свои действия с нашими». Эта, как выразился Лобанов, «внезапная перемена» в позиции германского правительства возвращала в сущности уже решенный Николаем вопрос к исходному положению.

В. кн. Алексей, тем не менее, в силу полученной директивы добросовестно отстаивал и даже развивал положения Лобановской записки и предложил войти в «негласное» соглашение с Японией относительно занятия Россией корейского порта и приамурской полосы Манчжурии — еще «до окончания Сибирской ж. д.». Но уже Ванновский, в отступление от высказанного им в предшествовавшем совещании, заговорил против Японии и предложил, в случае если она не откажется от Манчжурии (хотя бы на условии: южная Корея Японии, корейский порт России), «прибегнуть к силе». А затем и Лобанов, правда, не делая никакого вывода, заявил, что предпринятая Японией война была направлена не столько против Китая, сколько против России и что «на дружбу Японии ни в каком случае рассчитывать нельзя». Всю тяжесть решения вопроса самым энергичным и исключаяющим всякие возражения образом взял на себя Витте, заявив о своем праве, как министра финансов, иметь первый голос, когда «в случае неудачного решения этого вопроса, мы рискуем потерять все, что с таким трудом было сделано для упорядочения наших финансов». Он полагает, «что предпринятая Японией война является *последствием начатой нами постройки Сибирской ж. д.* Все европейские державы, а также и Япония, повидимому, сознают, что в недалеком будущем произойдет раздел Китая, и в Сибирской ж. д. видят значительное *увеличение наших шансов в случае такого раздела.* Враждебные действия Японии, направлены, главным образом, против нас. Предполагаемое японцами занятие южной части Манчжурии будет для нас угрозой и, вероятно, повлечет за собою впоследствии присоединение к Японии и всей Кореи. Получив от Китая контрибуцию в 600 милл. р., японцы укрепятся в занятых ими местностях, привлекут на свою сторону

весьма воинственных монголов и манчжур, а затем начнут новую войну. При таком положении вещей, не будет невероятно, что через несколько лет микадо делается китайским богдыханом. Если мы теперь допустим японцев в Манчжурию, то для охраны наших владений и Сибирской дороги потребуются сотни тысяч войск и значительное увеличение нашего флота, так как рано или поздно мы неизбежно придем к столкновению с японцами. Отсюда вытекает вопрос: что для нас лучше — примириться с занятием Японией южной части Манчжурии и вознаградить себя за это после окончания Сибирской дороги, или теперь же решиться активно воспрепятствовать таковому занятию. Для нас представлялось бы более выгодным перейти к активному образу действий теперь же и, не стремясь пока к исправлению нашей амурской границы и вообще к каким-либо захватам, дабы не иметь против себя одновременно и Китай и Японию, и быть корректными по отношению к Европе, заявить решительно, что мы не можем допустить занятия Японией южной Манчжурии и что, в случае неисполнения нашего требования, мы будем вынуждены принять соответствующие меры. Имеется значительная вероятность предполагать, что дело и не дойдет до войны, когда Япония, а равно и европейские державы, убедятся, что мы действительно готовы, в случае, если к тому нас вынудят, действовать энергично. Если же, сверх ожидания, Япония не послушает наших дипломатических настояний, то следует предписать нашей эскадре, не занимая никаких пунктов, начать враждебные действия против японского флота и бомбардировать японские порты. Мы приобрели бы при этом роль спасителя Китая, который оценил бы нашу услугу и согласился бы потом на исправление мирным путем нашей границы. Победы японцев над китайцами еще не доказывают силы первых. В действительности, насколько известно, действующая японская армия не превышает 70 тыс. чел., при чем она разбросана в Корее, в Манчжурии и на юге. Если бы паче чаяния дело дошло до войны, то, вероятно, оказалось бы достаточно с нашей стороны и тех сил, которыми мы можем располагать в данную

минуту. Притом можно было бы рассчитывать и на некоторое содействие китайцев, а также и корейцев, которые попрежнему относятся враждебно к японцам».

Выступив вторично, Витте еще раз подчеркнул, что он готов уступить Японии все, что угодно: Формозу, Рыбачьи острова, «даже Порт-Артур и в крайности южную часть Кореи, *но только не Манчжурию*». За это — «нам выгоднее решиться на войну теперь, ибо иначе России придется в будущем нести гораздо большие жертвы». В. кн. Алексей и Обручев пробовали предостерегать не «впутываться» в войну, Лобанов предупреждал, что без войны в этом случае будет не обойтись, но морской и военный министры засвидетельствовали боевую готовность и относительную достаточность русских сил, и вопрос был решен, как хотел Витте¹. Очевидно, план, той или иной ценой, вести Сибирскую магистраль через Манчжурию сложился в голове Витте настолько прочно, что ради этого он рисковал на войну сейчас и готов был временно отказаться от каких либо аннексий в Манчжурии, «наживая», — как предсказывал в. кн. Алексей, — в Японии «вечного и притом сильного врага» и «заставляя японцев, силою обстоятельств, быть заодно с англичанами»².

Формально решение совещанием было принято, но журнал заседания Лобанов представил царю только спустя четыре дня. Лобанов явственно колебался: он не хотел видеть Японию в Порт-Артуре, но и не хотел наживать в ней врага, он считал необходимым идти на союз с ней, но и не верил в возможность ее дружбы. А пути перед ним было два: один, предуказанный Николаем, —

¹ Ванновский заявил, что в «данную минуту» мы можем выдвинуть не более 12—15 тыс. чел., но и японские войска «для нас в настоящее время безвредны», так как без достаточного обоза и кавалерии они «не могут сделать ни шага вперед». Через 6 же месяцев цифру русских войск можно довести до 50 тыс. Чихачев высказал, что «не рискуя вдаваться в большие морские сражения», наша эскадра может прервать японские сообщения.

² Постановление совещания сформулировано в 2 пунктах: 1) «посоветовать Японии» «дружелюбным образом» «отказаться от занятия Южной Манчжурии», в случае отказа объявить, что оставляем за собою свободу действий, и 2) сообщить о том державам, в том числе и Китаю.

к аннексии корейского порта, другой, на который толкал Витте, — к изгнанию Японии с материка, т. е. как ему казалось — к немедленной войне с ней. Но с одной ли Японией? — вопрос этот страшным образом ускользнул теперь из поля зрения и *никем* в совещании затронут не был. Уже после совещания выдвинул его французский посол в беседе с Лобановым 2 апреля. Посол только что вернулся из Парижа, и словам его приходилось придавать значение не личного его взгляда, а последней редакции предложений французского правительства. Она допускала оба варианта: и путь компенсаций, при чем Франция намечала себе «китайский островок близ о. Генан», и путь «принудительных относительно Японии мер». «Но, заметил гр. Монтебелло, нельзя при этом упускать из виду, что подобные меры могли бы побудить Англию окончательно перейти на сторону Японии и *оказать ей против нас необходимую помощь*». Посол торопил с решением, указывая на «крайнее нетерпение» своего правительства. Для позиции Лобанова очень характерно, что он изложение этого разговора с французским послом представил Николаю раньше (2-го же числа), чем предложить к утверждению журнал совещания. И расчет Лобанова оправдался. Николай и в третий раз надписал: *«согласен со 2 предположением, т. е. чтобы, по соглашении с Францией, не противиться исполнению Японо-Китайского мирного договора, но во чтобы то ни стало получить желаемые нами вознаграждения в виде свободного порта»*¹. Это разумеется психологически затрудняло утверждение противоположных такой резолюции постановлений совещания, журнал которого Лобанов представил царю лишь 3 числа².

Известно, что Николай сам «выразил намерение выслушать членов, принимавших участие в этом совещании»³. Вызов во

¹ Копия письменного изложения беседы Лобанова с гр. Монтебелло, с резолюцией царя — в д. № 20. — Генан = Хайнань.

² Копия записки Лобанова, с представлением журнала совещания 30 марта, от 3 апреля — там же.

³ См. записку Лобанова от 3 апреля.

дворец четырех из них (Витте, Ванновского, Лобанова и в. кн. Алексея) состоялся 4 апреля. Витте «повторил свои мнения», «другие или совсем не возражали, или же возражали весьма слабо» и «в конце концов» Николай принял предложение Витте и тут же утвердил журнал¹. Ни один из участников этой решительной для всего дальнейшего развития событий сцены не оставил о ней и малейшего свидетельства: протокольной записи не было ведено вовсе, и мы имеем лишь эти несколько строк в «Воспоминаниях» Витте. Эти строки нельзя, однако, рассматривать вне связи с рассказом Витте целиком обо всем эпизоде с вмешательством трех держав, как он изложен на страницах 35—37 I тома. Эти последние, как сейчас увидим, страдают неточностями, которые складываются в некоторую тенденцию, искажают перспективу, уводят читателя на ложный след.

В передаче Витте, дело было так. Во время японо-китайской войны «единственно, кто занимался» вопросами Дальнего Востока, это он, Витте. Не только «наше общество», но и «даже высшие государственные деятели» в этих вопросах «были полные невежды», в том числе и Лобанов и Николай. «Поэтому» именно ему и «пришлось всесторонне обдумать», как быть, когда выяснилось содержание японских требований. Он поднял вопрос о необходимости воспрепятствовать осуществлению этих требований, и «благодаря этому» царь назначил совещание (подразумевается — 30 марта). В этом совещании он, Витте, «проводил тот принцип, что весь интерес России на многие и многие годы заключается в том, чтобы Китай оставался тем, что он есть»; и «проводил» этот принцип «весьма решительно и твердо». Его «поддерживал лишь Ванновский». «Обручев относился довольно равнодушно к этому вопросу». «Остальные же члены» «никакого определенного мнения не выражали». Тогда в. кн. Алексей только спросил: «каким образом поступить для осуществления моего жела-

¹ Витте, «Воспоминания», I, стр. 37. На журнале совещания 30 марта имеется помета от 4 апреля: «съ».

ния?» И Витте предложил поставить Японии ультиматум. *«Ничем определенным заседание не кончилось, так как мне никто определенно не возражал, но в то же время многие члены этого совещания не сказали, что они согласны с моим мнением».* Лобанов *«все время молчал».* — Далее же следовали цитированные строки о дворцовом собрании 4 апреля.

Кое-что в этой версии можно отнести просто на счет высокой самооценки рассказчика. Но сопоставляя версию «Воспоминаний» с показаниями документов, видим, как у Витте начисто выпал момент троекратно, на пространстве одной недели, повторенного Николаем ясного и мотивированного решения вопроса — в пользу попытки аннексии в Корее взамен уступки Японии Ляодуна и в порядке соглашения с ней. Вот почему у Витте «молчат» и Лобанов и в. кн. Алексей, и выходит так, что налицо вообще имелось одно только предложение его, Витте. Вот почему и самое совещание 30 марта оказывается не очередным в ряду других, намеченным еще 20 января и подготовленным Лобановым 25 марта, а внезапно возникшим по его, Витте, предложению. Потому же и Обручев, выступавший одинаково определенно против обострения отношений с Японией 20 января и за соглашение с ней ради приобретения Приамурской полосы Манчжурии 30 марта, попал просто в число «равнодушных». Это — первое, что необходимо отметить. Второе — это формулировка «всего интереса» России и того основного «принципа», который «проводил» Витте в совещании 30 марта. Выше мы намеренно привели запись речи Витте из журнала совещания целиком. Нетрудно заметить, что главный ее тезис заключался в том, что: 1) до окончания постройки Сибирской ж. д. Манчжурия не должна быть доступной японцам, 2) окончание Сибирской ж. д. увеличит наши шансы «в недалеком будущем» при разделе Китая, 3) пока (пока не закончится история с ультиматумом) следует воздержаться от исправления амурской границы и вообще каких-либо захватов и 4) роль спасителя Китая может повести к исправлению этой границы и мирным путем. В этих четырех пунктах нет и следа тех «многих и

многих» годов, на которые Витте будто бы требовал «цельности и независимости» Китая: они появились в «Воспоминаниях» после 1907 г., когда эта мысль обратилась у Витте, ретроспективно, в основной полемический догмат. И наконец, третье — это полное умолчание о «внезапной» перемене международной ситуации, со-
зданной решительным предложением Германией своих услуг по осуществлению программы действий, за которую боролся Витте.

Соображая эти наблюдения, можно, кажется, разгадать и лаконическую запись Витте относительно собрания, бывшего во дворце 4 апреля. Дело было отнюдь не так, что перед Николаем происходило состязание двух конкурирующих *точек зрения*, а не двух конкурирующих *практических предложений*: по Витте выходит, что предложение было налицо только одно, а «слабые» возражения других не сопровождались никакими контр-предложениями. Во-вторых, Николай был не в роли только суперарбитра, а одновременно автора определенного контр-предложения, и Витте приходилось бороться с ним и искать аргументов, рассчитанных именно на Николая. На деле речь для Витте шла о том, чтобы не только увлечь царя привлекательностью своего проекта, но и облегчить тому отказ от корейского порта, используя его «стихийное желание двинуться на Дальний Восток и завладеть тамошними странами» («Воспоминания», I, стр. 35). Если же надо было при этом посчитаться и с некоторою боязнью риска, связанного с воинственным проектом отстаивания Манчжурии, то, при наличии колебаний у французов, оставалось опереться именно на безоговорочную готовность на риск немцев. Вот почему приходится думать, что Николай «в конце концов» соглашался 4 апреля на риск войны не только и не столько — а скорее и вовсе не — увлекаемый «принципом», так настойчиво проводимым Витте в «Воспоминаниях», а примиренный с риском: 1) силой всех доводов Витте, которые можно теперь восстановить на основании современных событиям документов, и 2) ценой перспектив, которые открывались, в случае и после успеха, с всеми «сознаваемым» «увеличением наших шансов» «в недалеком будущем» при разделе Ки-

тая — при условии отсутствия Японии в Манчжурии и Корее и прокладки нами Сибирского пути через Манчжурию с исправленной амурской границей. Предлагал ли при этом Витте Николаю раз на всегда отказаться от мысли о «безусловной» необходимости для России незамерзающего порта — в Корее или Манчжурии, все равно?

Итак, 4 апреля Витте настоял на своем. Россия брала на себя «роль спасителя Китая» и шла на войну с Японией из-за Манчжурии. 5-го числа Вильгельм II уже имел по телеграфу копии инструкций, посланных из Петербурга в Токио, и немедленно дал приказ германской эскадре в китайских водах вступить в связь с русской эскадрой¹. Но интервенция кончилась мирно и имела желаемый успех. Соединенная нота трех держав, правда, сильно запоздала и Симонсекский договор в своей первоначальной редакции был не только подписан уполномоченными (5/17 апреля), но и ратификован (26 апреля/8 мая). Объявление о принятом Японией решении вернуть Ляодун Китаю последовало 28 апреля/10 мая, и потребовалось заключение отдельного соглашения ее с Китаем об этом изменении договора. При выработке условий возвращения Ляодуна опять не обошлось без вмешательства трех держав, и соглашение было подписано только 27 октября/8 ноября 1895 г.² Японию, таким образом, не только лишили единственного намеченного ею на материке территориального приобретения, но и самая дипломатическая процедура, с этим связанная, не обошлась для нее без некоторого формального унижения.

На этот раз риск удался Витте. Манчжурия была отбита без крови. Японии предлагалось удалиться со сцены и ждать окончания постройки Сибирской ж. д. — через Манчжурию. На сцену выступал «благодарный» Китай, готовый на исправление «мир-

¹ Тел. Вильгельма 5/17 и 6/18 апреля, см. «Переписка Вильгельма II с Николаем II», М., 1923, стр. 6.

² См. «Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895—1905», СПб., 1906, стр. 1 сл., 63 сл., 89 сл. и Mc Murragy, «Treaties and Agreements with and concerning China», т. I, p. 52.

ным путем» амурской границы. Но маньчжурский вопрос переставал быть только одним из *пограничных* вопросов. В сознании Витте он отнюдь не сводился тогда же и на вопрос о железнодорожном коридоре к Владивостоку: Россия не только не отказывалась от поисков незамерзающего порта, но и делала Манчжурию отправным пунктом своей политики империалистического наступления вглубь Китая и Кореи, заранее не определяя его границ. Как выражался Витте еще в 1900 г., «из-за *Манчжурии* не стоило и *огород городить*»: «мы историческим путем будем идти на юг», «*весь Китай — все его богатства находятся преимущественно на юге*»¹.

Так возникла третья редакция программы «Аквариума» и отвоёван был путь туда в 1895 г. Витте нигде не вспоминает, потому что, вероятно, в свое время и не заметил, что Вильгельм II, «внезапной переменной» своей позиции между 25 и 30 марта чрезвычайно облегчивший Витте толкнуть Николая на этот путь, немедленно приступил к реализации своего «права» на «благодарность» за оказанную услугу. Уже 14/26 апреля в письме к царю Вильгельм превозносил «прекрасное начало», положенное Николаем «совместным действиям всей Европы» против Японии, «с интересом» ожидал «дальнейшего развития *нашего* дела» и предлагал помочь «уладить вопрос о возможных территориальных аннексиях для России» с тем, чтобы и Николай «*благодарно*» отнесся к приобретению Германией «порта где-нибудь, где это не стеснит тебя». Мало того, Вильгельм обещал «поддержать спокойствие в Европе и охранить тыл России, так чтобы никто

¹ Пометка Витте на докладе Куропаткина «о задачах русской армии на XX ст.» по поводу слов Куропаткина, что «в ближайшие годы» России необходимо «избегать столкновений в Китае с европейскими нациями, для чего, ограничиваясь сферой сев. Китая, отказаться от железнодорожных предприятий южнее великой стены и в особенности в долине Янцзы». — Экземпляр доклада с подлинными пометками Витте хранится в фонде Куропаткина, в Центральном архиве. Следует отметить, что в копии доклада, хранящейся там же в фонде Витте (№ 269), все пометки Витте воспроизведены рукой переписчика и каждая пометка подписана самим Витте, но цитируемая здесь осталась не подписанной и зачеркнута теми же чернилами, какими подписывал Витте!!

не мог помешать твоим действиям на Дальнем Востоке», и не уставал повторять это при всяком удобном случае и в дальнейшем¹. Значит, «дружественное соглашение» России с Китаем относительно проведения русской железной дороги по китайской территории становилось возможным как раз в тот момент, когда стал на очередь «захват» китайской же территории Германией,— не по случайному совпадению: «угольная станция», как понимал просьбу Вильгельма Николай, была отнюдь не чрезмерной компенсацией за перспективы, какие открывались теперь перед Россией в Манчжурии, Корее и даже во «всем» Китае².

¹ См. «Переписка Вильгельма II с Николаем II», стр. 7, 8, 9, 15.

² Там же, стр. 10.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

«Мирное» проникновение России в Манчжурию.

(1895—1896 гг.).

I.

Мысль о проведении Сибирской ж. д. за Байкалом через Китайскую территорию, как «насущной» потребности России, родилась в обстановке японо-китайской войны, в 1895 г., путем совсем эмпирическим. Настойчивым сторонником ее, как известно, выступал в 1887—1890 гг. адмирал Копытов: сначала в докладе «о наивыгоднейшем направлении магистральной и непрерывной всероссийской, великой восточной ж. д.», прочитанном им в Имп. Русском Техническом Обществе и получившем там всего 2 положительных голоса, потом в записке, поданной им Гюббенету в апреле 1890 г.¹ В свое время мысль Копытова не нашла ходу, и как проект Гюббенета 1891 г., так и проект, приведенный в действие Витте в 1892 г., имели в виду соединение Сретенска и Хабаровска железным путем, имевшим пройти целиком по русской территории. Правда, уже в 1892 г. Витте непрочь был говорить о «ветви в китайские пределы», и ему казалось даже, что «постройка такой ветви едва ли встретит серьезные препятствия в ближайшем будущем». Но тогда здесь разумеалась не магистраль, а именно *питательная* ветвь с целью «непосредственного торгового обмена с внутренними весьма заселенными провинциями Китая», — одна из тех «питательных ветвей», о которых Витте в следующем 1893 г., в связи с Бад-

¹ См. «Сибирская ж. д. в ее прошлом и настоящем», стр. 93—95.

маевским проектом Иркутск-Даньчжоуфу, говорил уже во множественном числе¹. Только начавшиеся летом 1894 г. изыскания Амурского участка между Хабаровском и Сретенском к концу сезона показали всю трудность этого направления и толкнули Витте на мысль об обходе встретившихся препятствий через Манчжурию². Несомненно, что, выдвигая эту мысль в 1895 г., Витте учитывал беспомощное положение, в каком оказался Китай в первые же месяцы японской войны. Но конкретно-техническое происхождение этой мысли засвидетельствовано ее масштабом: как директор-распорядитель Амурского Об-ва пароходства и торговли Макеев в поданной министру финансов справке от 10 февраля 1895 г., так и Витте в представленной им в министерство иностранных дел в начале того же февраля (по случаю приезда чрезвычайного китайского посольства для поздравления Николая II со вступлением на престол) записке — оба предлагали добиться от Китая проведения ж. д. от Ново-Цурухайтуйского караула через Мergenь до Благовещенска, т. е. ограничивались, как видно, тем минимальным уклонением от русской границы, которое в военных русских кругах к тому времени уже ходило под названием «исправления нашей амурской границы», а в министерстве иностранных дел представлялось достижимым ценой одной «лишь дипломатической переписки»³. Оно и было включено в список «насуточных потребностей» кв. Лобановым, представленный Николаю 25 марта 1895 г. Только и Ма-

¹ См. представление м-ра финансов от 13 ноября 1892 г., внесенное Витте в Особое совещание для обсуждения вопроса о постройке Сибирской ж. д., в цит. выше деле II отд. Общ. канц. М. Ф. об этом совещании.

² Подробности см. «Сибирская ж. д. в ее прошлом и настоящем», стр. 233—235 и Б. Б. Глинского «Пролог и т. д.», стр. 30—33. Специальная справка о «технических трудностях, оказавшихся на 2-м участке Забайкальской ж. д. и на Амурской линии» приложена к представлению МФ от 11 ноября 1896 г. за № 4250 в Комитет Сибирской ж. д. «по вопросу об утверждении устава Общества Китайско-Восточной ж. д.».

³ См. записку директора азиатского департамента, представленную министру иностранных дел в ноябре 1895 г. — в деле № 3 в. Там же подлинная «справка Макеева».

кеев и Витте разумели здесь даже и не аннексию, а всего лишь покупку права постройки жел. дороги.

Но эта сравнительно скромная мысль, о частичном спрямлении трудной Амурской дуги, до Симоносекского мира не получила дипломатического движения. Зато после ультиматума трех держав она оказалась совсем мизерной и развернулась во всю длину прямой линии от Читы на Владивосток сразу и как бы сама собою. Уже 12 мая 1895 г. министр путей — повидимому, в полной тайне от других министров¹ — испросил у царя разрешение на производство «рекогноспировок для Манчжурской линии», предвидя, по сравнению с Амурской, сокращение около 700 верст длины постройки и сбережение 35 милл. руб. расхода². Что теперь над Манчжурией нависали какие то неустрашимые претензии России, почуяли, напр., и американцы: приехавший в Пекин «тотчас после Симоносекского мира» представитель американской группы, некий Баш, прежде всего явился к русскому посланнику гр. Кассини откровенно предупредить о намерении своих доверителей взять на себя постройку ж. д. через Манчжурию и выяснить отношение к этому русского правительства в виду очевидных преимущественных интересов там России³. Подтачивали дело и свои — прежде всего заинтересованные отвести параллельную реке железную дорогу подальше от Амура местные судовладельцы. Напр., в мае Витте получил через них сообщение о таких настроениях «мандаринов», что «лучше отодвинуть русскую границу на тысячу верст и иметь старого соседа, чем пустить на материк японцев», и что «содействие России при мирных переговорах дает ей полное право на проведение дороги Манчжурией через Никольск-Нингуту-Цици-

¹ По крайней мере еще 7 октября 1895 г. Лобанов, получив сведения о беспокоестве Пекинского правительства по поводу изыскательских работ русских инженеров в Манчжурии, просил Витте распорядиться о прекращении работ; но Витте ничего о них не знал и заподозрел, не Бадмаевские ли это молодцы (помета его на письме Лобанова: «Бадмаев?»), см. там же.

² См. всеп. доклад Хилкова 28 VI 1896 г. — там же.

³ Донесение гр. Кассини из Пекина от 10 апреля 1896 г. — там же.

кар-Цурухайтуй». Сообщавший эти сведения, тот же Макеев, думал, что момент для переговоров о покупке этого права наступил очень удобный, потому что в Китае «страшно нуждаются в деньгах»¹. Но Витте, который, за неимением пока своей официальной агентуры, охотно вел подобные сношения с местными добровольцами, не форсировал собственно железнодорожного вопроса в Манчжурии и не прекращал отпускать средства на изыскательские работы на амурском участке. На очереди стояла, до того, фундаментальная подготовка грандиозного и по тем временам не простого политического плана, обвинвшего в голове Витте собственно железнодорожный вопрос^Δ.

Международная конъюнктура на Востоке складывалась в этот момент, как по писанному, исключительно благоприятно для той основной политической формулы Сибирского пути, которая делала из него, в глазах Витте, орудие мировой политики России. Но формула эта выдвигалась им в 1892 г., когда в действительности налицо не было для нее нужных условий: идея обоюдно-выгодного экономического русско-китайского союза, заостренного против Англии, попадала тогда в атмосферу, в русско-китайских отношениях отравленную срывом Ливадийского договора 1879 г., хроническими пограничными недоразумениями и русскими интригами в Корее 80 гг., не оставлявшими в Китае сомнения относительно конечного смысла этих интриг, — а в англо-китайских отношениях характеризующуюся поддержкою Англией Китая в корейском вопросе и преобладающим политическим влиянием ее в Пекине. Эта поддержка в самые критические минуты, уже во время войны 1894 — 1895 г., достигла кульминационной точки в двух последовательно один за другим предоставленных Англией Китаю крупных займах, позволивших ему как ни как все же вести войну, а не капитулировать сразу². Зато внезапность и

¹ См. там же телеграмму Макеева из Владивостока на имя Витте от 25 мая 1895 г. «Исполняя желание» Витте Макеев виделся с тьяньцзиньским купцом Старцевым, привезшим эти сведения из Шанхая.

² См. контракты займов у Mc Murgray, «Treaties and Agreements with and concerning China», v. I, pp. 11—18 — всего на сумму ок. 45 мил. руб.

крутость поворота английской политики в сторону Японии в эпоху мирных переговоров и соответственно резкий поворот России к защите Пекина широко отворяли теперь России двери в Китай. Основной и решающий факт, с которым в первую очередь необходимо было считаться на другой день после Симоносекского мира, заключался в том, что китайскому правительству, только что впервые взявшему на себя такую крупную (около 45 милл. р.) сумму золотых обязательств, предстояло выплатить Японии в ближайшие 6 месяцев около 70 милл. р., в следующие 6 месяцев еще около 70 милл. р. и около 140 милл. р. в течение семи лет с начислением 5% годовых¹. Эти чудовищные для Китая суммы могли быть добыты лишь путем внешнего займа, и вопрос о займе немедленно был возбужден китайским правительством и вызвал движение еще в первой половине апреля ст. ст. одновременно в Берлинских, Лондонских и Парижских банковских кругах.

Очень любопытно при этом, что китайцы, повидимому, оставили в стороне Петербург: здесь узнали о деле не от них и не сразу. Первое известие о начавшихся уже переговорах банкиров явилось из Берлина. Чарыков 14/26 апреля сообщил министру иностранных дел, что китайское правительство приступило к переговорам — «главным образом в Берлине, но также и в Лондоне» — о займе для уплаты контрибуции, что в Берлине было уже два совещания банкиров и что германское правительство очень заинтересовано и «производит давление» на немецких банкиров в пользу займа. Чарыков имел уже и объяснение в германском министерстве иностранных дел, где ему не только подтвердили изложенное, но и посвятили его в некоторые подробности: о том, что дело наталкивается на конкуренцию американцев, чающих сбывать в Китай накопившиеся у них запасы серебра, и что немцы, не довольствуясь гарантией ве-

¹ Ст. IV Симоносекского договора, см. «Сб. дог. и дип. док. по делам Дальнего Востока», стр. 4.

домства китайских морских таможен, предполагают учреждение в Китае особой администрации «по образцу Турции и Египта»¹. Витте тотчас же обратился за подробностями непосредственно к Мендельсону: оказалось, что переговоры идут «об образовании группы из германских, французских и английских домов», но они еще не закончены и вообще «ничто не решено»². В дальнейшем переговоры между банкирами в интернациональном масштабе затихли, а вскоре дело перешло в руки России. Попытка вовлечь ее в наметившуюся международную комбинацию впервые была сделана в начале мая и шла из Парижа: Парижско-Нидерландский банк, ставший во главе французской группы для китайского займа, полагая, что это может заинтересовать Россию с политической стороны, предлагал Витте «образовать группу русских банков, чтобы действовать параллельно с французской»: формально это «могло бы оправдать присутствие русского делегата в администрации китайского долга», а на деле банк готов был принять русскую часть на себя³. Как видим французы усвоили пущенную немцами мысль об особой «администрации китайского долга». Необходимость ее, казалось, вытекала из того, что простая гарантия исправности платежей по займу доходами морских китайских таможен, которую мог бы предложить Китай, представлялась ненадежной, пока управление ими находилось всецело в руках одной Англии. Но участие в займе, в таком случае, России, как предлагали его французы, свелось бы прежде всего к санкционированию замышляемого учреждения, интернациональный характер которого не давал бы России никаких именно политических выгод, делал бы ее рядовой участницей покушения на суверенитет Китая. И Витте оставалось либо уклониться от участия в займе, предоставив его другим, либо предложить свою

¹ См. копию телеграммы Чарыкова от 14/26 апреля 1895 г. в деле № 17 «о заключении Китаем внешних займов».

² См. тел. Витте Мендельсону от 15 апреля и ответную тел. Мендельсона от 16 апреля 1895 г. в том же деле.

³ См. тел. Расаловича из Парижа на имя Витте от 5 мая 1895 г. — там же.

гарантию, избавляя тем китайское правительство от необходимости допущения международного финансового контроля. Однако пока и у Витте не было еще готового решения; и ответ в Париж исследовал от него уклончивый: он «недостаточно знаком с делом, чтобы дать какой-нибудь ответ на это предложение»¹. А затем через месяц стало известно, что франко-русский китайский заем — дело решенное².

Отрывочные и глухие данные, какими располагаем относительно хода переговоров о китайском займе, не позволяют пока установить, когда и при каких обстоятельствах Витте принял предложение французов и сделал выбор самой формы своего участия в операции. Повидимому, решающим здесь было то, что как французы, так и немцы, не порывая друг с другом, вступили, однако, в сепаратные переговоры с Китаем, который, в свою очередь, с самого начала обнаружил склонность вести дело «разбросанно» и «несистематично», рассчитывая выиграть на соперничестве отдельных финансовых групп³. Известно, напр., что одновременно с большим займом Китай повел переговоры в Берлине и Лондоне о двух мелких займах для местных нужд в 1 милл. фунт. стерл. и 400 тыс. фунт. стерл.⁴. Немцы в свое время считали, что здесь имел место «шахматный ход» со стороны Витте, который в неоднократных беседах с германским послом в Петербурге «пространно» объяснял, что «у него и в мыслях нет принимать участие в займе», и «совершенно неожиданно» заключил его за их спиной⁵. В ответ на такое обвинение Лобанов указывал, что Россия пошла на одностороннюю комбинацию потому, что сами немцы тогда вели отдельные переговоры с Китаем; а когда Радолин это решительно отверг, Лобанов сослался на то,

¹ Тел. Витте Рафаловичу от 5 мая 1895 г. — там же.

² Таймс, 9/21 июня: тел. из СПб. от 5/17 июня.

³ Этот метод действий китайцев отмечал Чарыков в цит. доведении от 14 апреля.

⁴ См. депешу Чарыкова из Берлина от 20 апреля ст. ст. — в д. № 17.

⁵ См. «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», 1871 — 1914, IX B., Радолин-Гоценлоз, 9 августа 1895 г. — стр. 312.

что французы не пожелали участия немцев¹. С другой стороны, знаем, что еще 18 мая ст. ст. Госкье из Парижа сообщал Витте, что «пока не было еще серьезных переговоров с китайским правительством о займе», и предлагал Витте приступить к займу для нужд самой России². А уже 29—30 мая в Париже сидел Ротштейн и в эти дни кончал переговоры с французской группой, имея в виду оба варианта, т. е. и заем «при помощи» этой последней и заем «международный»³. Что немцы в это же время не сидели сложа руки, явствует из документа (который к сожалению известен нам без даты), передававшего, что китайский посланник в Париже сообщил представителям французской группы о прекращении с нею переговоров в виду предпочтительности германского предложения и что французское правительство получило сообщение из Берлина о заключении германской операции на паритетных с англичанами началах⁴. Поскольку подобного рода данные действительно отражают соперничество, отчасти на почве тогдашнего обилия свободных капиталов и дешевизны денег, между немецкой и французской группой, самый выбор именно французской не требует особого объяснения: портить хотя бы в малейшей степени свои отношения с французским финансовым рынком вообще, а особенно в деле, имевшем еще и политическое значение, России было никак нельзя, рискуя таким образом оторвать в первую очередь осуществление своей большой политики на Дальнем Востоке от ее питательной финансовой базы. И надо полагать, что вызывая (9 июня) Готтингера, Нецлина и Ренэ Бриса в Петербург для представления их царю на 14 июня, Витте уже не думал ограничиться только подписанием с ними ряда документов о займе.

Эти документы согласены были к 23 июня и дело займа

¹ Там же, стр. 313.

² Письмо Госкье 18/30 мая в деле № 17.

³ Тел. Ротштейна Витте из Парижа от 29 мая ст. ст. — там же.

⁴ Документ этот — копия телеграммы Нецлина Ротштейну с удостоверительной подписью Ротштейна. Копия вшита в деле № 17 между двумя дешифрованными телеграммами Ротштейна из Парижа от 30 мая ст. ст..

Китаю под гарантию России в 100 милл. руб. золотом можно было считать законченным¹. И вот непосредственно после того, как был подписан и снабжен печатями контракт о займе, 24 июня в кабинете министра иностранных дел и в присутствии кн. Лобанова Витте сделал «решительные предложения» трем названным банкирам относительно учреждения при их участии русского банка — под покровительством русского правительства — «для работы в странах восточной Азии на самых широких началах»². Решительные предложения эти, сделанные в обстановке международной официальной, сопровождались именно и решившим дело обещанием не только министра финансов, но и присутствовавшего здесь министра иностранных дел: оказывать полное покровительство банку в его почти неограниченной деятельности на громадной территории, имевшей стать ареной международной борьбы — борьбы, орудием которой и должен был сделаться банк. Наряду с чисто коммерческими операциями, ему ставилась задача «упрочения русского экономического влияния в Китае в противовес тому огромному значению, которое успели приобрести здесь англичане, главным образом, благодаря фактическому захвату в свои руки администрации морских таможен»³. С этой целью банку предоставлялись и соответственно широкие права: торговли, транспортирования товаров, производства любых операций по обслуживанию китайской казны, в частности прием налогов и выпуск монеты, приобретения концессий на постройку *в пределах всего Китая* ж. д. и на проведение телеграфных линий. Делая предложение такого масштаба *иностраным*

¹ 40% китайский заем принял на себя синдикат, образованный из следующих банков: Готтингер и К^о, Парижско-Нидерландский, Лионский Кредит, Гл. Об-во для содействия развитию торг. и пром. во Франции, Национальная Учетная Контора в Париже, Гл. Об-во промыш. и торг. кредита, и Петербургские Международный, Учетный и Ссудный, Рус. для Внешней торговли и Волжско-Камский банки. — Декларация о займе опубликована в «Сборн. догов. и диплом. документов по делам Дальнего Востока, 1895—1905», СПб., 1906, стр. 56—60.

² См. письмо Витте гр. М. Н. Муравьеву от 17 января 1899 г. в д. № 24 в.

³ См. всеп. доклад Витте по Общ. канц. МФ от 14 июля 1895 г.

банкирам и связывая себя «словом» обещания правительственной поддержки банка в случаях международных столкновений, Витте, по собственному своему позднейшему признанию, ставил в зависимость от исполнения этого «слова» прочность кредита своей страны и всей финансовой ее системы¹. Зато, обеспечив себе, при большинстве русских голосов в правлении банка, достаточное влияние на общее направление работы банка, Витте получал в нем гибкое и послушное орудие своей политики, прикрытое двойным покрывалом: 1) частного и 2) преимущественно иностранного кредитного учреждения, и поднимавшее дальнейшее развертывание этой политики до уровня последнего слова политической методологии крупнейших европейских держав в Китае².

¹ См. письмо Витте гр. М. Н. Муравьеву от 17 января 1899 г. в деле № 24 в.

² Учреждение банка приняли на себя: Готтингер и К^о, Парижско-Нидерландский банк, Лионский Кредит, Национальная Учетная контора и Петербургский Международный банк. Основной капитал банка 6 милл. р., из них $\frac{3}{8}$ помещено в России и $\frac{5}{8}$ во Франции. Зато в центральном правлении банка 3 члена — представители французских акционеров, 5 членов и председатель — представители русских. Французские члены Правления: Жозеф Готтингер, Нецлин и Шабриер; русские: Ротштейн, Нотгафт, директор канц. МФ. П. М. Романов и двое на Дальнем Востоке из местных русских купцов (Старцев и Владимиров). Шанхайское отделение Национальной Учетной конторы передавалось Русско-Китайскому банку с 1 января 1896 г., директором в нем оставался француз Вуильмоя, и к нему придавался второй директор русский подданный Верт. По главе Тяньцзиньского отделения становился агент МФ Д. Д. Покотилов. См. всеп. докл. м-ра фин. по Общ. канц. МФ от 30 сентября 1895 г. Переговоры с французами в Париже вел Ротштейн; мысль о 3 французских членах Правления банка встретила оппозицию французов (см. донес. Покотилова из Лондона от 19 сентября / 1 октября 1895 г. в д. № 1, ч. I). Из разговора с французским консулом в Шанхае Дюбайлем, Покотилов вынес впечатление, что «французы рассчитывают играть в банке первенствующую роль» (см. донес. Покотилова из Шанхая от 9/21 ноября 1895 г. в д. № 1, ч. I). Надежды французов, повидимому, не оправдывались: через 2 года по основании банка французские члены Правления высказывали недовольство деятельностью Верта в Шанхайском Отделении за то, что он якобы преследует «французские элементы банка» и мешает его деятельности. Между тем с русской точки зрения Шанхайское Отделение своими успехами было обязано именно Верту. Покотилов, в связи с этим, полагал необходимым «категорично заявить французам, чтобы они оставили нас в покое и если они недовольны деятельностью Р.-Кит. банка, то пускай основывают свой собственный» (см. телегр. Покотилова от 20 октября 1897 г. в деле № 40, ч. I).

Переговоры с французами были закончены к 30 сентября 1895 г. Устав банка, получившего название Русско-Китайского, был составлен в России и подписан французскими учредителями 23 ноября т. г. в Париже в русском посольстве, утверждение же его состоялось 10 декабря.

Определяя задачи банка «по упрочению русского экономического влияния в Китае» (в докладе 14 июля), Витте указал «в частности» и на то, что банк «может оказаться весьма полезным орудием в руках русского правительства при проведении последним мероприятий, имеющих ближайшее отношение к окончанию сооружения Сибирской ж. д.». Он и не приступал к вопросу о жел. дороге, пока не были установлены все детали относительно банка (30 сентября) и пока не были приведены к окончанию крайне затянувшиеся переговоры с Японией об условиях возвращения Ляодунского полуострова Китаю (обмен нот 7/19 октября). Теперь же Витте — а не Лобанов — возобновил дело о манчжурской линии уже не на Благовещенск, а через всю Манчжурию прямо на Владивосток (всеп. докл. 30 октября) и взял на себя составить проект концессии на постройку ж. д. и руководящего *политического* меморандума, который должен был служить инструкцией для русского посланника в Пекине при ведении переговоров. Спустя 4 дня по подписании французами проекта устава банка, 27 ноября оба названные документа, в совершенно готовом виде, были представлены им на утверждение царю при собственноручно написанном Витте докладе. «В виду важности той цели, которая в данном случае преследуется» и в виду «не малого значения», какое имеют, «при получении концессий в Китае», «те подношения (часто весьма крупные), которые в этих случаях передаются ближайшим слугам богдыхана», Витте предлагал разрешить ему отпустить «надлежащую сумму» в распоряжение русского посланника в Пекине; для производства же этих подношений Витте мог уже рекомендовать «представителя Русско-Китайского банка (чиновника министерства финансов), который может явиться вместе с тем представителем

русской железнодорожной компании»¹. Несмотря на последовавшее утверждение царя, дело с открытием переговоров в Пекине почему то задержалось. Во всяком случае оно встретило возражения в русских же правительственных кругах и оказалось совсем нелегким и в порядке дипломатическом.

Не надо забывать, что требование, которое теперь собралась предъявить Китаю Россия, при всей его грандиозности, не было чем-то вышедшим вон из ряда других подобных требований, с легкой руки японцев надвинувшихся на Китай после военного разгрома. Самое решение вмешаться в ход мирных переговоров пришло в последний момент на смену франко-русскому проекту, не останавливая японцев, искать себе компенсаций хотя бы за счет Китая, и не устраняло политики компенсаций, а только подвело под нее новое основание в виде «благодарности» Китая за оказанную вмешательством услугу держав. Проявившая менее активности в решительную минуту, чем другие, Франция первая вернулась затем к психологии компенсаций — еще в начале переговоров о возвращении Ляодуна: так, по крайней мере поняли французского посла в Берлине, когда он 4 мая н. ст. заговорил о Пескадорских островах, как известных, не вошедших в ультиматум держав². И далее именно французы настояли на дополнительном обязательстве Японии «признать за Формозским проливом значение большого международного морского пути», стоящего «вне сферы» «исключительного контроля или пользования» Японии³. А затем французский посланник Жерар добился в Пекине заключения двух дополнительных (к конвенции 1887 г.) конвенций, существенно вознаграждавших Францию на юге Китая. Помимо изменения границ французского Тонкина за счет

¹ См. доклад Витте 27 ноября, с пометой Николая («Съ»), в деле «об образовании особого фонда и т. д.», № 51, ч. I., лл. 1 и 2.

² См. «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», IX B., Marschall-Hatzfeldt, 4 Mai 1895, № 2260, S. 284.

³ См. «Сборн. дог. и дил. док. по делам Дальнего Востока», обмен нот рос. посл. в Токио и японского министра иностр. дел. от 6—7/18—19 октября 1895 г., стр. 64.

китайской Юньнани, Китай открывал для французской торговли несколько городов в Гуанси и Юньнани, обязывался для разработки рудников в провинциях Юньнань, Гуанси и Гуандун обращаться прежде всего к французским предпринимателям и инженерам и предоставлял Франции право продолжить как существующие в Аннаме, так и проектированные железнодорожные пути — по Китайской территории¹. Подготавливавшееся одновременно предоставление займа Китаю и затем вложение французского капитала в банк, призванный поддерживать идущую с севера Россию с железнодорожным проектом неслыханной в Китае величины, выдвигают Францию в это время на роль первого европейского застрельщика в открывшемся натиске на Китай. «Шахматный ход» навстречу этому движению Франции, сделанный Витте в вопросе о займе, был ловок не столько относительно немцев, как тем казалось, сколько во внимание к неизбежной в противном случае конкуренции французов, становившихся теперь союзниками России и на территории Китая и вынуждавшихся при случае встречаться в первую очередь с французским же капиталом — только в оболочке русского банка². Большую ошибкою было бы думать, что ни о каких компенсациях не помышляла теперь же и Германия. Несколько отставая от Франции во времени, Германия в октябре 1895 г. заручилась двумя концессиями: в Ханькоу и Тяньцзине, и в октябре же перешла от колебаний в выборе бухты или двух (на севере и на юге зараз) к переговорам об уступке таковой, одновременно, с китайским посланником в Петербурге (29 октября н. ст.) и с Цзун-ли-ямынем в Пекине³.

¹ См. там же, доп. конвенции 8/20 июня 1895 г., стр. 14—27. Комментарий к ним — у О. Franke, «Die Grossmächte in Ostasien von 1894 bis 1914», Braunschweig, 1923, стр. 109—110.

² Примером, очень ранним, работы банковского союза в китайских делах может служить тел. Ристельгюбера, сообщавшего по поручению Неплина Ротштейну о ж. д. концессии комп. Fives-Lille из Тонкина к Лунчжоу и Наньнинфу, так как «это вас может интересовать». См. дело № 25, ч. I.

³ См. «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», XIV B., Радолин-Гогенлоз № 3654 и Шенк Ф.-Швейнберг в ж-во иностр. дел в Берлине № 3655, стр. 18—20.

Немудрено, что русское требование о концессии на манчжурскую линию должно было считаться по меньшей мере с настороженным настроением Пекинских властей. Настроение это больше всего относилось именно к России, оттягивавшей с предъявлением своих требований, и тем создававшей в Пекине атмосферу тревожной неопределенности. По наблюдениям русского посланника в Пекине (депеша 16 декабря 1895 г.), «питаемое Китаем по отношению к нам чувство признательности начинает слабеть и уступать место неопределенному чувству каких то опасений и недоверчивости, вызываемых предчувствием, что с нашей стороны предъявлены будут в непродолжительном времени *исключительные требования*, значение и размеры коих еще скрыты от него», а «разные иностранные советчики» только «растрavляют» эти опасения. Посланник «последнее время» замечал даже, что «китайские министры далеко не выказывают той же готовности исполнять некоторые сравнительно маловажные наши требования, *как это было еще несколько месяцев тому назад*»¹. Сам посланник был, видимо, крайне обеспокоен и нашел нужным бить тревогу в Петербурге по поводу «исключительных» требований, какие наряду с железной дорогой проектировались в это время, напр., приамурским и степным генерал-губернаторами (совсем в стиле французских): 1) присоединения части китайской территории к северу от линии Сретенск—Благовещенск, 2) изменения в нашу пользу уссурийской границы, включая устье Сунгари, 3) пересмотра всех постановлений Петербургского договора 1881 г., 4) уступки России Бардыкских гор и 5) общего пересмотра всей границы по Семиреченской и Семипалатинской областям. Для Кассини была очевидна невыполнимость подобных требований и он решительно рекомендовал сосредоточиться на одной «главной» намеченной цели — проведения манчжурской жел. дор.²

¹ См. депешу гр. Кассини от 16 декабря 1895 г. за № 74 в деле № 3 в, л. 29.

² См. там же. — Помета Николая II на подлиннике: «верно».

Но дело было не только в «опасениях» и «недоверчивости», нараставших в Пекине, а и в том, что приближался момент, когда там опять должно было разгореться соперничество держав — на вопросе о новом займе. Крайний срок, в течение которого ст. 16 контракта 24 июня запрещала китайскому правительству прибегать к помощи нового займа помимо французской группы, истекал 15 января 1896 г., а между тем полученные тогда 100 милл. р. далеко не покрывали даже одной только цифры военной контрибуции. Позиция китайского правительства определялась в ожидании этого момента едва ли страхом остаться без предложений займа совсем. При этом, при прочих равных условиях, китайскому правительству *политически* было выгоднее держаться англо-германской группы, чтобы восстановить равновесие, нарушение которого в пользу франко-русской стороны успело уже дать крупные, но далеко еще не все плоды. Как известно, заем и достался на этот раз Гонконг-Шанхайскому и Немецко-Азиатскому банкам¹. Не было недостатка желания взять на себя заем и у французов, но дело было сорвано отказом Витте дать гарантию: он считал обеспечение займа доходами морских таможен неверным, не хотел «надувать публику» и подрывать собственный кредит, «самим заграждать себе дорогу к займу», скрепя сердце под давлением французского посла соглашался на «моральную поддержку» займа, но с условием, чтобы этот заем «не смешивали с прежним», чтобы сумма его была ограничена «действительной потребностью» и чтобы % был не ниже 6². Смущало его и вторичное выступление против «дружественной» Германии³. Конечно, отказ России от повторения июньского займа не облегчал предстоявших переговоров с Китаем о же-

¹ См. у Mc Murray, «Treaties and Agreements with and concerning China», v. I, pp. 55—59, контракт 26 марта 1896 г.

² См. переписку о займе 1896 г. в деле № 17, ч. I, особенно: телегр. Витте Разаловичу 18 II 1896 г., и карандашный набросок рукой Витте руководящих указаний, повидимому, для ответа на французское предложение.

³ См. так же всеп. доклад Витте от 22 февраля 1896 г., в котором он просил об устном докладе совместно с м-ром иностр. дел.

лезнодорожной концессии как с китайской, так, вероятно, и с французской стороны.

Но, как упомянуто выше, решение вести манчжурскую линию по прямой на Владивосток, — встретило возражения и в русских правительственных кругах. С возражениями выступили директор азиатского департамента министерства иностранных дел гр. Капнист и приамурский ген.-губ. Духовской, оба ближайшим образом, по служебному своему положению, прикосновенные к делу. И тот и другой не отрицали необходимости спримления железной дороги через Манчжурию, но решительно высказывались за направление не на Владивосток, а на Благовещенск. Капнист упрекал Витте в том, что новый проект вызван только желанием удешевить постройку, плохо связан с соображениями о торговых интересах России в Манчжурии и вообще Северо-Восточном Китае, потому что интересы эти «являются в настоящее время лишь вопросом будущего», и не подкреплен никакими «военно-политическими соображениями», которые, однако, «играют первую и самую важную для России роль *в вопросе о Сибирском рельсовом пути вообще*». С военной точки зрения проектируемая линия в 1500—2000 верст представлялась ему единственным в истории примером «военно-этапной дороги на подобном протяжении по иностранной территории», да еще на «огромном расстоянии от наших пределов». Но и с чисто «эксплоатационной» точки зрения, «по всей вероятности», потребует «переход в наши руки всей внутренней администрации страны», *«что окажется невозможным без военного занятия»*. Даже «самая постройка ж. д.» по его мнению, «вызовет ту же насильственную меру вооруженного занятия». Между тем «захват нами всей Манчжурии или большей части оной» повлечет к разделу Китая и в частности к захвату Англией «тех или других морских станций, которые могут обеспечить за ней навсегда преобладание в Желтом море». Таким образом, даже «независимо от всяких стратегических и военных соображений», предложение Витте казалось ему «сопряженным с громадным

политическим риском» и «не представляющим соответствующих выгод», тогда как присоединение, в случае надобности, крайнего северного угла Манчжурии по прямой Ново-Цурухайтуй — Благовещенск явилось бы вопросом только дипломатической переписки¹. По всей вероятности записка Капниста была снешно составлена сразу же после представления Витте проектов концессии и меморандума министру иностр. дел лично для Лобанова и не отклонила последнего от принятия обоих проектов, которые после того, как мы видели, и были утверждены царем. И Витте не пришлось высказаться по существу возражений Капниста. Записка Духовского, составленная уже после отправки меморандума в Пекин, но до начала переговоров, вновь поднимала решенный, но доступный еще и пересмотру вопрос². Духовской тоже считал неизбежным «существенное водворение в Манчжурии русской силы», потому что в противном случае Китаю «представится много шансов прервать деятельность ж. д.» при малейшем политическом осложнении, и «проложение участка великой Сибирской ж. д. в 2000 верст *по району, который долгое время будет для нас чужеземным*», Духовской называл «*крупною историческою ошибкою*». Духовской и предлагал: 1) срезать манчжурский угол по линии Сретенск — Мergenъ — Благовещенск, 2) далее вести дорогу по русской территории вдоль Амура, обращая Приамурье в военную базу, и 3) добиться концессии на дорогу от Никольска-Уссурийского на Нингуту и Бодунэ навстречу проектируемой китайцами линии Шаньхайгуань — Мукдень — Гиринь, с тем чтобы впоследствии включить в нашу концессию и эту линию. Это третье предложение Духовского, явно стоявшее в противоречии с духом осторожности и умеренности двух первых, чрез-

¹ Записка Капниста была прислана им самим на имя Витте в копии, с датой «ноябрь 1895 г.», и содержит в себе ссылку на меморандум и проект концессии. См. дело № 3 в.

² Мы пользуемся «кратким изложением» записки Духовского, как оно дано в ответных на нее «Замечаниях» министра финансов на записку приамурского ген.-губернатора по вопросу о дальнейшем направлении сибирской магистрали между Забайкальем и Владивостоком — см. дело № 3 в.

вычайно облегчало спор, и контр-записка Витте главным образом и была построена на выяснении этого противоречия, играя отчасти и на том, что вышеприведенная резолюция Николая на депеше Кассини от 16 декабря 95 г. исключала в данный момент какие бы то ни было территориальные приобретения от Китая.

Но дело было не только в том, чтобы указать на слабые стороны своих противников. И Капнист и Духовской ставили Витте одинаковый упрек, что проект его, подробно обоснованный под углом зрения интересов Китая и понятный с чисто железнодорожно-технической стороны, упускает из виду экономические, политические и стратегические интересы собственно России. Само собою разумеется, что в меморандуме, предназначавшемся в руководство русскому посланнику при переговорах с китайцами, ничего иного и быть не могло. Зато теперь Витте вынуждался обосновать свой смелый проект всей совокупностью именно интересов России.

Прежде всего, проведение дороги прямо на Владивосток делает его главным портом для большей части Манчжурии, *за исключением самой южной ее части, непосредственно прилегающей к Желтому морю*, а это, с закрытием порто-франко, даст возможность русской торговле утвердиться не только в Манчжурии, а и «в прилегающих к ней провинциях Китая», потому что тогда «сама сила вещей заставит *в скором времени* проводить ветви от сей линии *вглубь Китая*». Но почему эти ветви нельзя вести от той же Сибирской магистрали, если она *пройдет по русской территории*? Потому, что в этом случае «осуществление их отдалится на *очень продолжительное* и при том совершенно *неопределенное время*». Между тем, именно теперь все державы (Англия, Франция, Германия, Япония) наперебой захватывают в свои руки железнодорожные концессии и подряды на поставку железнодорожных материалов в Китае¹, и Россия, думал Витте, «по необходимо-

¹ Япония «проектировала» ж. д. по сев. берегу Корейского залива и на Ляодуне, Германия в лице пияж. Киндера «является уже теперь» распорядительни-

сти должна следовать образу действий своих экономических соперников»: в противном случае «в их руки попадут главнейшие железнодорожные линии северных провинций Китая, не исключая и Манчжурии», чего Россия «*конечно*, допустить не может и *потому* должна *всемерно* стремиться к переходу в ее руки *сети дорог* в Северном Китае». Витте совершенно уверен, что раз магистраль на Владивосток будет в русских руках, то «никакая другая линия или ветвь в Северном Китае не будет построена без согласия России», а это даст возможность России «впредь до упрочения в Манчжурии своего экономического влияния», не допуская постройки ветви к порту Нючжуану, охранить Манчжурию от возрастающего через этот порт ввоза иностранных товаров вглубь страны. По мысли Витте, таким образом, Россия с манчжурской дорогой приступала, — под давлением внешней необходимости — к экономическому разделу Китая, отмежевывая себе не одну только Манчжурию, как замкнутый от посторонних рынок, и относительно Манчжурии вынужденная спешить, чтобы не «упустить» ее «навсегда из под русского экономического влияния». Вместе с тем «политическое» и «стратегическое» значение прямой трансманчжурской линии — и преимущество ее перед изогнутой через Приамурье линией Духовского — указывалось Витте в том, что она позволяла устроить военную базу в хлебодородном Забайкальи и перебрасывать оттуда «во всякое время по кратчайшему пути» военные силы не только к Владивостоку, но и в любой пункт Манчжурии, «на берегах Желтого моря» и «в близкое расстояние от столицы Китая». Кто же не понимал, что и в этом отношении перед Россией открывались широкие перспективы, раз «сама сила вещей» должна была повести «в скором времени» русские ветви «вглубь Китая»?

цей постройки Пекин-Тяньцзиньской линии (это ошибка — Киндер англичанин), Франция получила право постройки ж. д. внутрь Юньнани и хлопочет о ж. д. в Гуанси, в Лондоне обсуждается проект Бирмано-Китайской ж. д. от Рангуна в Юньнань и англичане же добиваются участия в постройке Шанхай-Сучжоуской ж. д.

II.

Открытие в Пекине переговоров о концессии на манчжурскую жел. дорогу задержалось на целые четыре месяца, состоялось (в апреле 1896 г.) в момент и при обстоятельствах совсем неблагоприятных и кончилось полною неудачей. «Неопределенное чувство каких то опасений», подмеченное Кассини в китайском правительстве еще в декабре, оказалось вовсе не таким «неопределенным»: в конце января Чжилийский вице-король представил богдыхану доклад о необходимости «немедленного» продолжения, начатой несколько лет назад и доведенной до Шаньхайгуаня, манчжурской ж. д. до Цзиньчжоу, и сообщавший об этом Кассини объяснял это желанием китайцев «предупредить предстоящие переговоры с нами»¹. Масштаб китайского проекта был жалок (в течение 3 лет предполагалось построить всего 190 верст), по существу такая линия не угрожала конкуренцией и не исключала русской транзитной линии, но формально китайцы получали серьезный довод против русских поползновений и во всяком случае показывали нежелание идти им навстречу. Известно точно, что в это время Кассини имел уже на руках ноябрьские инструкции, но переговоры «имел намерение» начать лишь «в конце февраля»². Но в конце же февраля и в Петербурге была еще томительная неопределенность в ожидании «времени, когда придется решить, как же вести далее Сибирскую ж. д.», а колебания в вопросе об участии во французском займе Китаю клонились к победе англо-германской группы³. Переговоры опять были отложены и начаты были уже после подписания контракта займа с этою группой.

Зато поведены они были теперь одновременно в двух направлениях. Вести их в Пекине было крайне неудобно — на виду

¹ См. письмо Кассини кн. Лобанову от 30 января 1896 г. в деле № 3 в.

² Об этом сообщал Покотилов из Пекина Романову телегр. 20 января 1896 г. См. там же.

³ См. цит. выше доклад Витте 22 февраля 1896 г., в деле № 17, ч. I.

у всех конкурентов. Донесения оттуда русских агентов дают яркую картину ажиотажа, в каком жила столица Китая, вторично «открываемого» европейцам уже не для торговли, а для промышленной эксплуатации. Об англичанах и говорить нечего: это они подтачивали проект Шаньхайгуаньской линии, потом, как известно, и подпавшей под английский контроль. Но и французы, на «активное содействие» которых возлагал надежды Кассини еще осенью 1895 г., оказались теперь в числе прямых соперников России: Жерар (французский посланник в Пекине) всем своим поведением показывал, что он руководится одним только желанием забронировать «выдающуюся роль» «при ожидаемом открытии Китая для иностранной промышленности» за своими соотечественниками, и вызывал подозрение, что и манчжурскую дорогу он включит в число тех «заманчивых предложений», которыми он «смущал министров богдохана»¹. А относительно американцев дело стояло совсем открыто и, на первый взгляд, очень серьезно. Тот самый американец Баш, который пробовал зондировать почву у русского посланника в Пекине весной 1895 г., явился теперь с готовым проектом необычайно широкого размаха от имени «весьма могущественного синдиката из представителей первейших железнодорожных, паровых и банковских фирм Америки», располагающего капиталом в 250 милл. долларов. По словам Баша, синдикатом этим учреждено Общество, под названием American China Development Co, на первое время с капиталом в 1 милл. долл., ставящее себе задачу «взять на себя постройку всех железных дорог, сооружение которых поставлено ныне на очереди в Китае». Главное внимание Общества останавливалось на линии Пекин—Ханькоу и Ханькоу—Кантон, но при этом считалось необходимым связать собственно китайскую систему железных дорог с Сибирской ж. д. посредством манчжурских линий. Баш выставял дело в таком свете, что именно ради

¹ См. донесение Покотилова министру финансов от 17/29 апреля 1896 г. и его же телеграмму от 13 апреля — в д. № 3 н.

осуществления всего плана в целом американцам необходимо, войдя в соглашение с Россией, взять на себя сооружение дорог в Манчжурии и избавить таким образом Китай от опасности, связанной с «политической подкладкой» русских планов, чем и облегчить себе согласие Китая на весь американский план в целом. Баш откровенно излагал свой проект Покотилову и Кассини и предлагал заключить с русским правительством «секретное соглашение», которым для русских предоставлены были бы преимущества по приобретению акций и облигаций американской компании, заверяя, что американцы «явятся в этом деле наиболее надежными союзниками России». Параллельно Баш вел, конечно, переговоры и с секретарем Ли Хунчжана, которому вручил готовый проект концессионного договора. Но в нем речь шла уже не о простом соединении Сибирской ж. д. с Пекин-Кантонской магистралью, а о мирном завоевании всей Манчжурии: дорога должна была пойти от «какого-либо» порта в Ляодунском заливе на Нючжуан—Мукдень—Гиринь—Цицикар к «какому-нибудь» пункту Сибирской линии и от Мукденя к Корейской границе, компании должно было быть предоставлено право приобретать «земли, леса и копи» в любых пунктах в Манчжурии и в прилегающих к дороге пунктах Монголии и устанавливалась на 30 лет монополия компании на всякое железнодорожное строительство в Манчжурии¹.

Как видим, не только политический, но и экономический смысл предложений американцев был прямо противоположен тому, какой влагался в манчжурский железнодорожный план, намеченный в записке Витте против Духовского: Россия не только не получала прямой линии на Владивосток — деталь, которую еще можно было бы ввести в предполагавшееся соглашение, — но и заведомо исключила бы этим соглашением Манчжурию раз навсегда из своей сферы экономического господства, допуская

¹ См. копию английского текста концессии Баша в д. № 3 в. Там же донесение Покотилова от 17/29 апреля и депешу Кассини от 10/22 апреля 1896 г.

железнодорожную сеть, приспособленную непосредственно для ввоза туда иностранных товаров через южно-манчжурские и корейские порты. Между тем инструкция, преподанная Кассини, предлагала добиваться «предоставления концессии как на магистраль, так и на дополнительные манчжурские линии безусловно в пользу русской компании» с устранением *всякого* иностранного участия¹. И Кассини воздержался «обнадеживать» Баоша. Но и положение самого Кассини, когда он явился в Цзун-ли-ямынь 6 апреля и вторично 18 апреля и «в сильных выражениях» пытался склонить министров к согласию на предоставление концессии русско-китайской компании под предлогом легкой возможности для России защитить Китай «от опасности новых столкновений с Японией или вообще с какою бы то ни было державою», оказалось тоже безнадежным. Китайцы взяли себе на размышление 12 дней и затем решительно заявили, что они «раз навсегда приняли самое твердое и неизменное решение не предоставлять подобных концессий ни одной из иностранных держав и никакому иностранному обществу», и соглашались только «строить манчжурскую дорогу в возможно непродолжительный срок при помощи русских инженеров и из русских материалов». Реплика Кассини, что де у Китая на это не хватит средств, в описанных условиях была просто смешна: в этом отношении к китайцам «со всех сторон поступают обильные предложения». И после трехчасового обмена одних и тех же мыслей посланнику оставалось пригрозить, что такой ответ произведет на русское правительство «самое тягостное впечатление», а в Петербург сообщить, что «если бы русское правительство признало не только желательным, но и безусловно необходимым сооружение нашей собственной дороги, то у нас остается лишь — решительно дать понять китайскому правительству, что отказ его непосредственно повлечет за собою самые тяжкие для Китая последствия»². Никак не подготовленные

¹ См. депешу Кассини от 10/22 апреля 1896 г.

² Меморандум, утвержденный царем 27 ноября 1895 г., не опубликован. Цитируем его по отрывку, приведенному в издании: «Китайская Восточная

и не подкрепленные из «надлежащей суммы», дипломатические переговоры в Пекине, как видим, сразу привели дело в тупик¹.

Но именно в те дни, когда в Пекине оставалось только перейти на язык прямых угроз, в Петербурге было уже готово все, чтобы привести дело к желаемому концу мирными средствами: 18 апреля Кассини имел упомянутую неудачную трехчасовую беседу с китайскими министрами, и 18-го же числа кн. Ухтомский экстренным поездом из Одессы доставил в Петербург первого канцлера китайской империи Ли Хунчжана, формально чрезвычайного представителя богдыхана на коронации царя, на деле оказавшегося уполномоченным на подписание канитальнейших международных актов.

Поездка Ли Хунчжана в Россию была решена пекинским правительством еще в самом начале февраля, при чем выбор лица для представительства на коронационных торжествах открыто и совершенно официозно мотивировался тогда же необходимостью разрешить все назревшие между Китаем и Россией вопросы. Таких в Пекине видели два: 1) проведение железной дороги через Манчжурию и 2) предоставление России незамерзающего порта для стоянки ее военных судов². Решительно отвергать как «намерение» России относительно железной дороги, так и «домо-

железная дорога. Исторический очерк, составленный канцелярией Правления Общ. Китайской Восточной ж. д., т. I (1896—1905 гг.). СПб., 1914, стр. 4—5. Для последующего см. копию донесения Кассини Лобанову от 19 апреля (1 мая) 1896 г. — в д. № 3 в.

¹ В документах, хорошо сохранившихся в министерстве финансов, относительно негласных расходов на продвижение дела Манчжурской ж. д., нет никакого следа каких-либо выдач через Кассини или Покотилова в это время. Утверждение, что переговоры в Пекине «велись без необходимой быстроты и энергии» и что «Китайское правительство... не решалось отказать России, но и не решалось также и дать свое согласие» (см. «Пролог и т. д.», стр. 33), неточно. Впервые возбудил вопрос о железной дороге в Цзун-ли-ямыне Кассини 6 апреля (см. донесение Покотилова 12/24 апреля т. г. — в д. № 3 в), вторичное посещение Кассини и отказ китайцев последовали 18 апреля (см. донесение Кассини от 19 апреля, там же).

² См. донесения Покотилова 1/13 февраля и 12/24 февраля из Шанхай — в д. № 26.

гательство» ее относительно порта китайское правительство, по-видимому, не считало возможным: в этом именно смысле можно было понимать сделанные им полушаги, когда осенью 1895 г. оно дало пропуск русским инженерам для производства изысканий в Манчжурии и разрешение на устройство зимней стоянки для русской эскадры в Цзяочжоу¹. Вопрос был только в размерах и условиях непредотвратимых уступок в пользу России. Выбор Ли Хунчжаа, авторитетнейшего специалиста по иностранным делам во всем составе пекинского правительства, мог быть понят только, как решение Китая вести переговоры в России непосредственно с министрами царя. Сообразно с этим, насколько известно, в Пекине русский посланник не сделал даже и попытки заговорить с Ли Хунчжаном о железной дороге². Точно так же и представитель Русско-Китайского банка, при отъезде чрезвычайного посольства из Шанхая, ограничился только вопросом об услугах, которые банк мог бы предложить отъезжающим по переводной операции³. Самый маршрут посольства был рассчитан так, чтобы оставить некоторое время для переговоров до начала коронационных торжеств⁴. Таким образом, едва ли можно сомневаться, что мысль о непосредственных переговорах с Ли Хунчжаном явилась в Петербурге совершенно независимо от предстоявшего хода и исхода переговоров, столь долго не двигавшихся с места в Пекине. Но с перемещением переговоров в Петербург все дело, естественно, попадало в горячие руки Витте, сразу по-

¹ Покотиллов (в донесении 23 ноября / 5 декабря 1895 г., д. № 1, ч. I) отмечал «готовность и быстроту, с которою Цзун-ли-ямынь дал свое согласие» на оба эти требования России. — Различение между «намерением» и «домогательством» проведено было в опубликованном в газете Син-вэнь-бао докладе одного китайского чиновника, в котором этот чиновник мотивировал свой отказ принять на себя звание чрезвычайного посла. Цитируем по донесению Покотилова от 12 февраля 1896 г. — в д. № 26.

² См. тел. Покотилова 13/25 апреля 1896 г. — в д. № 3 в.

³ См. донесение Покотилова 4 и 11 марта 1896 г. — в д. № 26.

⁴ Выезд посольства из Шанхая назначен был на 16 марта с тем, что в середине апреля оно прибудет через Порт-Саид в Одессу. См. письмо Лобанова к Витте 8 марта 1896 г. — в д. № 18 II отд. Общ. канц. МФ.

лучило быстрое движение и возымело, хотя и не полный, но решительный успех. Приезд Ли Хунчжана в значительной мере упрощал по существу крайне сложную и трудную по своему масштабу задачу, стоявшую перед русской дипломатией.

В Петербурге доподлинно было известно, что к разрешению ее и думать нельзя было подойти, не прибегая к подкупу¹. Но техника этого последнего в Пекине была не так проста уже по одному тому, что речь шла не о каких-либо второстепенных мелочах и третьестепенных персонажах, а о небывало грандиозном экономическом и (еще более) политическом опыте, для которого у китайского правительства поистине не было precedентов, и о правительственных фигурах такого калибра, что плавное прохождение дела было бы крайне затруднено как самими размерами суммы, так и необходимостью соблюдения полной тайны. Наоборот, в Петербурге предстоящая операция точно локализовалась на персоне чрезвычайного посла, личные свойства которого — «энергия и решительность» — открывали возможность «притти к окончательному соглашению по всем стоящим на очереди вопросам», могла быть обставлена условиями максимальной тайны и в ходе своем приобретала всю гибкость и авторитетность непосредственных устных переговоров, исключавших необходимость прибегать к шифру или дипломатической почте². Личный состав китайского посольства не оставлял желать лучшего. Как мелькнувшая было в Пекине мысль отправить в Россию двух полномочных послов (вторым намечался известный Чжан Иньхуань), так и попытка заменить в свите Ли Хунчжана третьими лицами Ли Цзинфана (славившегося своею алчностью сына Ли) и Ло Фынлу (не менее алчного доверенного переводчика) — обе не увенчались успехом. В качестве «доверенного по финансовым делам» при Ли Хунчжане оказался русский подданный, служащий морских

¹ Покотилов предупреждал, что в Пекине «иностранцы наперерыв стараются прельщать китайских министров взятками» (донесение Покотилова 17/29 апреля 1896 г. — в д. № 3 в).

² См. донесение Покотилова от 1/13 февраля 1896 г. из Шанхая — в д. № 26.

китайских таможен, Виктор Грот, особо рекомендованный вниманию Витте русским посланником в Пекине¹. Единственный англичанин, на первый взгляд портивший эту картину, любимый доктор Ли Хунчжана Ирвинг, и тот при ближайшем исследовании оказался горьким пьяницей и неспособным ни на какую интригу².

Вместе с тем в Петербурге и с русской стороны ничто не было упущено в целях желаемого исхода переговоров. Витте, на которого они были возложены царем, имел время подготовить и самое поручение дела ему, а не Лобанову, и план действий. На этот раз в ход пущен был уже не Бадмаев (теперь, в 1896 г., «плутватый аферист»)³, а кн. Ухтомский, издатель «С.-Петербургских Ведомостей», камергер, наивно-восторженный газетный воспеватель русского будущего в Китае, большой поклонник Витте, «очень приближенный в то время к государю»⁴, незадолго перед тем посаженный в дирекцию Русско-Китайского банка, — а вслед за Ухтомским и центральная деловая фигура этого банка, подлинный его директор-распорядитель А. Ю. Ротштейн. Ухтомский «в течение марта не раз советовался и беседовал с Витте» на тему о продолжении Сибирской ж. д. и «в исходе марта был у царя и коснулся важнейших пунктов вопроса о приеме» (Ли Хунчжана) и «о необходимости конфиденциального сближения с Ли Хунчжаном еще на пути его в Россию»⁵. Не только и не столько для того,

¹ См. донесение Покотилова от 11/23 марта и особое рекомендательное письмо на имя Витте от Кассини относительно Грота, от 20 февраля 1896 г., в д. № 26.

² См. в том же донесении Покотилова от 11/23 марта.

³ Витте, «Воспоминания», I, стр. 39.

⁴ Там же, стр. 38.

⁵ См. письмо Ухтомского к Витте от 26 октября 1897 г., содержащее «выписки из дневника», относящиеся к весне 1896 г. и вообще к переговорам с Ли Хунчжаном. Письмо нарочито выдвигает личную роль Витте в деле, которое едва ли бы удалось ему, Ухтомскому, если бы не содействие Витте — таков тон письма. «Выписка из дневника» иногда сбивается на эпистолярную форму (обращение: «Вы») и производит впечатление документа, написанного по просьбе Витте, — прием, к которому Витте не раз прибегал и впоследствии для закрепления в «документальном» виде тех или иных существенных для него подробностей дела, в котором он принимал участие. — Письмо Ухтомского писано чужим

чтобы перехватить китайское посольство на выходе из Суэца и не дать ему проследовать в Марсель, командирован был Ухтомский ему навстречу: маршрут на Одессу-Петербург установлен был еще при выезде китайцев из Шанхая и едва ли всерьез можно было опасаться внезапного и заведомо дипломатически неловкого отказа Ли Хунчжана сесть в Александрии на специально приготовленный для него русский пароход¹. Есть указание, что именно Ухтомскому, первому, надлежало завязать переговоры с чрезвычайным послом и наладить отношения с теми лицами свиты, которые по близости своей к послу способны были сгладить неизбежную щекотливость некоторых пунктов: «после всеподданнейшего доклада по этому делу» Витте «нарисовал» Ухтомскому «в общих чертах программу собеседований с китайским чрезвычайным послом и дал полномочия, при ходе переговоров, не скупиться на некоторые обещания влиятельнейшим лицам посольской свиты или через них их друзьям и союзникам в самом Пекине»². Нет оснований сомневаться, что Ухтомский, сопровождавший посольство в Россию от самого Порт-Саида, сумел войти в «необходимое конфиденциальное сближение» с Ли Хунчжаном, и не даром впоследствии Ухтомский до самой смерти старика в нужных случаях виделся с ним или сносился личными шифрованными денешками, когда на очередь становилось денежное воздействие на его «личного друга».

почерком и только подписано Ухтомским. В д. № 18 II отд. Общ. канц. МФ. имеется, кроме подлинника, еще и копия письма.

¹ Версия, что Ли Хунчжан взял путь не через Европу, а через Одессу только благодаря Витте и вопреки равнодушию министерства иностранных дел, — пущена Витте: см. «Воспоминания», I, стр. 40 и «Пролог и т. д.», стр. 35. — На самом деле решение ехать сначала в Россию, а потом уже в Европу и Америку, было принято независимо от министерства финансов, по соглашению с министерством иностранных дел, в бытность Ли Хунчжана еще в Пекине. Только садясь в Шанхае на пароход в середине марта, Ли Хунчжан заговорил, что Черное море слишком бурно. Но разговоры эти были прекращены замечанием Кассини, что неудобно теперь менять маршрут. См. донесения Покотилова от 29 февраля, 4 и 11 марта 1896 г. в д. № 26 и письмо Лобанова от 8 марта — в д. № 18 II отд. Общ. канц. МФ.

² См. цитир. письмо Ухтомского от 26 октября 1897 г.

Когда же посольство приехало в Петербург и только начинались еще те церемонные свидания Витте с Ли Хунчжаном, которые так выпукло описаны в «Воспоминаниях», Ротштейн приступил к обсуждению проекта «частной компании», для постройки и эксплуатации дороги, с Гротом, оказывается, «рекомендованным» и Ротштейну его «шанхайскими друзьями», и манил своего собеседника миллионом франков, который он, Ротштейн, «еще в 1895 г. мог бы предложить китайцам-участникам» обсуждаемой компании, — и предложения Ротштейна Гротом «были приняты хорошо»¹. Правда, Грот «пытался настаивать на китайской компании», Ротштейн же «говорил о предпочтительности русской», но текст цитируемого здесь письма Ротштейна не оставляет сомнения в том, что речь шла об учреждении смешанного русско-китайского акционерного общества, в котором китайская сторона могла быть представлена (разумеется, в известной доле) не определявшимся заранее количеством действительно частных лиц². Это было не совсем то, чего добился Витте в дальнейших переговорах с Ли Хунчжаном, скоро потерявших свой церемонный характер и принявших совсем деловой вид³. Соглашение, к которому пришли стороны в результате целого месяца переговоров, — московский договор 22 мая 1896 г., — явилось плодом, как кажется, обоюдной настойчивой борьбы и уступок, купленных у китайской стороны в урезанном, против намеченного, размере, но все же превзошедших русские требования, на которых построено было упомянутое только что предложение Ротштейна.

Формально обе стороны отстояли в основном каждая свою позицию: Китай не разрешает постройки дороги через Манчжурию русскому правительству — русское правительство в свою очередь не принимает предложения Китая сомкнуть сибирскую

¹ См. письмо Ротштейна к Витте от 22 апреля (4 мая) 1896 г. с изложением его разговора с Гротом — в д. № 3 в.

Говоря о китайских участниках, Ротштейн выразился, что «в подобном синдикате место будет предоставлено всем» (см. там же).

² «Воспоминания», I, стр. 42.

магистраль средствами китайского правительства, но оба правительства примут большее или меньшее участие в постройке и управлении будущей линии. Витте пытался получить концессию на дорогу прямо на имя русского правительства — и встретил решительный отказ¹. Зато китайцы не настояли и на образовании смешанной русско-китайской железнодорожной акционерной компании: концессия выдавалась на имя Русско-Китайского банка без всяких оговорок и *контракт* на постройку и эксплуатацию дороги должен был быть заключен с банком. Между правительствами заключается об этом особый *договор*, в котором дорога кладется в основу оборонительного союза России и Китая против Японии, как необходимое орудие союза². Всякое нападение Япо-

¹ «Воспоминания», I, стр. 44.

² Московский договор 22 мая 1896 г., носивший секретный характер, опубликован нами в журн. «Борьба классов», № 1—2, Л., 1924, стр. 101 сл. (в английском переводе почти целиком у Mc Murrau, т. I, р. 81). Он был составлен на китайском и французском языках, при чем руководящим считался французский текст. В д. № 20 имеется копия французского подлинника, снятая И. П. Шиповым по поручению Витте. Приводим полностью этот французский текст.

Copie

Sa Majesté l'Empereur de Russie et Sa Majesté l'Empereur de Chine, désirant consolider la paix heureusement rétablie dans l'Extrême Orient et préserver le continent Asiatique d'une nouvelle invasion étrangère, ont décidé de conclure entre Eux une alliance défensive, et ont nommé à cet effet pour Leurs Plénipotentiaires:

Sa Majesté l'Empereur de Russie, le Prince Alexis Lobanow Rostovsky, Son Ministre des Affaires Etrangères, Secrétaire d'Etat, Sénateur et Conseiller Privé Actuel et le Sieur Serge de Witte, Son Ministre des Finances, Secrétaire d'Etat et Conseiller Privé, et

Sa Majesté l'Empereur de Chine, le Comte Li-Hung-Chang, Son Grand-Secrétaire d'Etat, Ambassadeur Extraordinaire et Plénipotentiaire près Sa Majesté l'Empereur de Russie,

Lesquels, après avoir échangé leurs pleins pouvoirs, trouvés en bonne et due forme, sont convenus des Articles suivants:

Article I.

Toute agression dirigée par le Japon soit contre le territoire Russe de l'Asie Orientale, soit contre le territoire de la Chine ou celui de la Corée sera considéré comme devant entraîner l'application immédiate du présent traité.

Dans ce cas, les deux Hautes Parties contractantes s'engagent à se soutenir réciproquement par toutes les forces de terre et de mer dont Elles pourraient dis-

нии на русские владения в восточной Азии или на территорию Китая, равно как и Кореи, приводит в действие этот союзный

poser en ce moment et à s'entr'aider autant que possible pour le ravitaillement de leurs forces respectives.

Article II.

Aussitôt que les deux Hautes Parties contractantes seraient engagées dans une action commune, aucun traité de paix avec la partie adverse ne pourra être conclu par l'une d'Elles sans l'assentiment de l'autre.

Article III.

Pendant les opérations militaires, tous les ports de la Chine seront, en cas de nécessité, ouverts aux bâtiments de guerre Russes, lesquels y trouveront de la part des autorités Chinoises toute l'assistance dont ils pourraient avoir besoin.

Article IV.

Afin de faciliter aux troupes Russes de terre l'accès des points menacés et assurer les moyens de leur subsistance, le Gouvernement Chinois consent à la construction d'une ligne de chemin de fer à travers les provinces Chinoises de l'Amour et de Guirin dans la direction de Vladivostok. La jonction de ce chemin de fer avec le chemin de fer Russe ne saurait servir de prétexte à aucun empiètement sur le territoire Chinois ni à aucune atteinte aux droits de Souveraineté de Sa Majesté l'Empereur de Chine. La construction et l'exploitation de ce chemin de fer seront accordées à la Banque Russo-Chinoise et les clauses du contrat qui sera conclu à cet effet seront dûment débattus entre le Ministre de Chine à St. Pétersbourg et la Banque Russo-Chinoise.

Article V.

Il est entendu qu'en temps de guerre prévu par l'article I, la Russie aura le libre usage du chemin de fer mentionné dans l'article IV pour le transport et l'approvisionnement de ses troupes. En temps de paix, la Russie aura le même droit pour le transit de ses troupes et de ses approvisionnements avec des arrêts qui ne pourront être justifiés par aucun motif autre que les besoins du service de transport.

Article VI.

Le présent traité entrera en vigueur à partir du jour où le contrat stipulé à l'article IV aura été confirmé par Sa Majesté l'Empereur de Chine. Il aura dès lors force et valeur pendant une durée de quinze années. Six mois avant l'expiration de ce terme, les deux Hautes Parties contractantes se concerteront sur la prolongation de ce traité.

Fait à Moscou, le 22 Mai 1896.

Signé

Lobanow
м. п.

Witte
м. п.

мѣсто печати и подписи
Ли-хун-чана.

Съ подлиннымъ вѣрно.

Директоръ Общей Канцеляріи Министра Финансовъ И. Шиповъ.

договор, при чем на время военных действий в таком случае все китайские порты открываются для русских военных судов. Дорога через Манчжурию на Владивосток строится (Русско-Китайским банком) именно для того, чтобы облегчить во время войны доступ русским войскам в угрожаемые пункты, с правом для России и в мирное время на транзитные перевозки войск и припасов. Договор заключался на 15 лет с момента утверждения концессионного контракта китайского правительства с Русско-Китайским банком. 18 мая Ли Хунчжан получил разрешение Пекина на подписание этого договора и 22-го числа текст его, составленный Лобановым, был подписан в Москве¹.

Известно, что Ли Хунчжан во время переговоров с Витте «ставил различные препятствия»². Препятствия эти, конечно, не

Настоящая копія, по приказанію господина министра финансовъ снята собственноручно Директоромъ Общей Канцеляріи Министра финансовъ, Дѣйстви-тельнымъ Статскимъ Совѣтникомъ Шиповымъ, 13 ноября 1897 года, въ С. Петербургѣ.

И. Шиповъ

PROTOCOLE

faisant partie intégrante du traité.

Les Plénipotentiaires des deux Hautes Parties contractantes ayant arrêté les articles du traité conclu ce jour entre la Russie et la Chine, en ont signé et scellé de leurs sceaux deux exemplaires en langues Chinoise et Française.

De ces deux textes, dûment confrontés et trouvés concordant, le texte français fera foi pour l'interprétation du présent traité.

Fait à Moscou, le 22 Mai 1896.

Signé:

Lobanow
м. п.

Witte
м. п.

мѣсто печати и подписи
Ли-хун-чана

Съ подлиннымъ вѣрно.

Директоръ Общей Канцеляріи Министра финансовъ И. Шиповъ.

Оба документа сплошь переписаны рукою И. П. Шипова.

¹ См. всеп. доклад Витте от 18 мая 1896 г. о получении Ли Хунчжаномъ соответствующихъ полномочій и назначении церемоніи подписанія договора на 22-е — в д. № 18 II отд. Общ. канц. МФ.

² См. «Воспоминанія», I, стр. 43.

имели никакого отношения собственно к предложенному русской стороной союзу, который для китайского правительства в данной политической обстановке был и выгодным и эффективным исходом из состояния глубокого унижения, созданного манчжурской династии японской войной. Они «ставились» Ли Хунчжаном в вопросе об удовлетворении русских требований, служивших ценой предложенного Россией союза. Как упомянуто выше, китайское посольство ожидало предъявления двух основных требований: 1) о постройке дороги и 2) о предоставлении России порта для стоянки ее военных судов. Между тем договор 22 мая обходил молчанием это второе требование, точно ограничивая право пользования китайскими портами только временем военных действий, предпринимаемых Россией в защиту Китая против Японии на основании ст. 5. Значит ли это, что Витте не удалось вынудить у Ли Хунчжана согласия в этом пункте, или подобное требование не было и предъявлено вовсе?

Если довериться показаниям Витте, то единственная неудача в переговорах его с Ли Хунчжаном, — которую он неудачей не считал и принял все меры, чтобы сделать ее фиктивной на деле, — заключалась в невозможности добиться железнодорожной концессии непосредственно на имя русского правительства. Существуют, однако, неоспоримые документальные свидетельства, что Витте требовал тогда от китайца согласия не только на северо-манчжурскую магистраль, но и на южную манчжурскую железнодорожную ветвь от магистрали «до одного из портов Желтого моря»¹. Требование это, повидимому, выдвигалось Витте в столь настойчивой форме, что не встретило прямого отказа: «Ли-хунчан соглашался на ее сооружение, но лишь при условии узкой колеи». В свою очередь Витте «категорически отказал в этом, признавая безусловно необходимым, чтобы ветвь эта имела одну и ту же колею с главной линией» — и «переговоры эти не при-

¹ Ср. по секретному журналу Особого совещания Правления Общ. Китайской Восточной ж. д. от 22 января 1897 г. сообщение о том П. М. Романова в д. № 7, ч. I. — См. там же письмо Витте Муравьеву от 20 августа 1897 г.

вели ни к какому результату»¹. Это свидетельство, взятое дословно, не дает еще утверждать, что речь тогда шла об *уступке* России *китайского порта*. Зато мы имеем здесь ценнейшее показание, что Витте в мае 1896 г. не только имел в виду транзитную линию *Сибирского* пути по кратчайшему направлению, но и покусился на первый шаг к железнодорожному *внедрению* в Южную Манчжурию. Можно сказать, — по меньшей мере, — что Витте во время петербургских переговоров повернул вопрос о «порте для стоянки русских судов» на вопрос о двух вещах сразу: 1) о включении в сферу русского железнодорожного влияния той части Манчжурии, которая непосредственно граничила с Кореей и запирала движение из этой последней дальше на материк, и 2) о таком соединении одного из незамерзающих портов Желтого моря с системой русских железных дорог, которое неизбежно — именно при русской колее — сделало бы Россию фактическим хозяином такого порта и разрешило бы вопрос о стоянке для судов политически и стратегически в наиболее осторожной форме.

Итак, Ли Хунчжан поставил препятствия в двух пунктах: в вопросе о формальной принадлежности манчжурской магистрали русскому правительству и в вопросе о размере колеи южно-манчжурской ее ветви. И в обоих этих пунктах не отступил даже и за деньги. Он уступил, однако, в основном: отказался от мысли о китайской железнодорожной компании и согласился на проект русской. И это сделал, действительно, за деньги. «Препятствия», которые он несомненно ставил и в этом пункте, были устранены «обещанием» Витте, что ему, Ли Хунчжану, за удачное осуществление дела постройки дороги будет уплачено 3 милл. р.². Дело было деликатное, сделка предлагалась сложная и верному оформлению, что касалось Ли Хунчжана, не поддавалась. Собственно за подпись под договором 22 мая старик ничего на руки не получал. Уплата была обещана в разные и довольно отдаленные

¹ См. там же.

² См. в д. № 51, ч. I, лл. 30—31, всеп. доклад Витте 3 марта 1900 г.

сроки: первый миллион приурочивался к моменту получения императорского указа о предоставлении концессии Русско-Китайскому банку и документа, устанавливающего главные основания концессии; второй — к моменту окончательного подписания концессии и утверждения точного направления линии; и третий — когда постройка линии будет совсем закончена. Гарантий уплаты, кроме словесного обещания, у Ли Хунчжана не было никаких — ограничилось ли дело одним Витте, или обещание было подтверждено еще и при свидании с царем. Лишь косвенно «обещание это было оформлено» — как напомнил Витте царю в 1900 г. — «в виде протокола, подписанного т. с. Романовым, кн. Ухтомским и Ротштейном, на каковом протоколе я, с ведома вашего величества, написал: «согласен»¹. Формально, таким образом, обещание под-

¹ Подлинник этого протокола сохранился в д. № 51, ч. I. Он писан на простой бумаге рукою Ротштейна, на французском языке, с графическими подправками рукою Витте, и не имеет никакого штампа. Французский язык, вероятно, для Ли Хунчжана. Помета рукою Витте: «согласен» — для него же. Приводим текст протокола:

PROTOCOLE.

[рукою Витте:] «Согласенъ».

Pour faciliter les negotiations de la fondation du chemin de fer de l'Est en Chine, ainsi que l'exécution de cette affaire, l'administration de la Banque Russo-Chinoise decide ce qui suit:

1) sera assignée une somme jusqu'à concurrence de Roubles Credit 3.000.000 (trois millions) pour dépenses discrétionnaires à effectuer dans l'intérêt de l'affaire.

2) la somme assignée ne peut pas être versée qu'aux termes et aux conditions suivantes. On disposera: 1) d'un tiers soit R. Cr. 1.000.000 (million) après avoir obtenu l'Edit Imperial conférant la Concession de la ligne à la Banque Russo-Chinoise et un document de S. A. Li Hung Chang stipulant les conditions principales de cette concession; 2) de R. 1.000.000 (million) après la signature et la légalisation complète de la concession et après que la trace de la ligne sera complètement arrêtée et confirmée par les administrations Chinois y ayant droit; 3) de R. 1.000.000 (million) quand la construction de la ligne sera complètement finie.

3) Que les sommes en question seront mis à la libre disposition du Prince H. H. Oukhtomsky et M. A. Rothstein qui tout en observant les conditions de l'Article 2, en disposeront contre simple quittance de leur part, sans aucune responsabilité pour eux.

4) que les montants (sommes) prélevées sont à débiter à la nouvelle Compagnie de Chemin de fer de l'Est de la Chine comme frais de construction.

Moskou 23 Mai 1896

(подписи:) Prince Oukhtomsky

P. Romanoff

Rothstein

тверждалось подписями членов правления Русско-Китайского банка, ассигнующего 3 милл. р. «для облегчения переговоров об основании Восточной Китайской ж. д., так же как и для осуществления этого дела». Повидимому, протокол был спешно составлен на другой день по подписании политического договора с русским правительством, чтобы успокоить Ли Хунчжана относительно, по крайней мере, оформленности ассигнования обещанной суммы, хотя об уплате именно ему, Ли Хунчжану, в протоколе и не значилось: по смыслу п. 4 протокола, Ли мог быть уверен, что «перечисленные суммы» будут незамедлительно дебетованы банком образуемому Обществу Китайско-Восточной ж. д., «как издержки по сооружению». Но продемонстрированный Ли Хунчжану протокол скоро переключался в недра министерства финансов, как документ с точки зрения банка фиктивный, имеющий исключительно только исторический интерес и никакому исполнению не повинный. Купив у Ли Хунчжана концессию на имя Русско-Китайского банка, Витте получал возможность фактически взять дело целиком в руки правительства, установив и соблюдая необходимые для поддержания фикции внешние формы.

III.

Императорский указ о концессии появился 16/28 августа, а контракт на постройку дороги подписан был 27 августа (8 сентября) 1896 г.¹ Наступал срок первого платежа. Ротштейн с Ухтомским считали «необходимым» приступить к нему

¹ Проект контракта был передан по телеграфу в Пекин еще 26 мая, но китайское правительство поручило ведение переговоров с банком китайскому посланнику в Берлине Сюй Цзинчэну. Обсуждение проекта шло медленно, хотя ничто не было уищено для облегчения хода переговоров: Сюй Цзинчэн был заинтересован в деле тем, что ему предоставлялся пост председателя Правления Общества Китайской Восточной ж. д., в России остался для связи с Ли Хунчжаном Грот. Не обходилось и без угроз: в июле, по предложению Грота, китайской вдовствующей императрице было дано знать, что если контракт не будет подписан, то «прибегнут к другим комбинациям и союз с Китаем останется мертвой буквой» (см. письмо Грота Ухтомскому, 3/15 июля 1896 г. — в д. № 3 в).

«сейчас»: «иначе китайцы начнут очень вредить, считая себя неслыханно обманутыми». Но переслать деньги в Шанхай «с обозначением кому» — боялись «разгласить тайну, возбудить массу опасений семьи Ли и обусловить апатию союзников». И Ухтомский решил сам ехать в Шанхай, чтобы лично «передать полную сумму». Телеграфируя обо всем этом Витте в Ялту, Ухтомский просил «отпустить предварительно миллион из Государственного банка»¹. Витте ответил — не торопиться, пока не приступлено еще к постройке. Относительно же источника выдачи Витте поручил Ухтомского: «выдача денег должна быть произведена за счет Русско-Китайского банка», который «может получить на это ссуду из Государственного, и эта ссуда впоследствии вместе с процентами на нее, должна быть возвращена из облигационного капитала» (Общества Китайской Восточной ж. д.)². Как видим, при первом же практическом случае в денежной стороне Китайской Восточной ж. д. столкнулись два взгляда, сказалась двойственность ее природы. Точка зрения Ухтомского — это точка зрения существа дела, мысль Витте — строго формальная. Ухтомский прямо сводит все к выдаче из казенного сундука, Витте репетирует бухгалтерскую кавитель, требуемую правовой фикцией. Ухтомскому ясно, что «облигационный капитал» дороги — казенная приплата к бюджету дороги, Витте выправляет эту терминологию. На банковский взгляд не подлежит сомнению, что срок платежа должен быть соблюден, зато *политически* осторожнее повременить, пока контрагент бессилен вредить или нельзя еще извлечь из него чего-нибудь дополнительно. На деле, протокол 23 мая, в своем п. 4, оказался совсем фиктивным, а в остальном был выполнен в меру политической надобности: Ли Хунчжану предстояло получить свой первый миллион

¹ См. тел. Ухтомского к Витте в Ялту от 2 сентября 1896 г. — в д. № 51, ч. I.

² См. тел. Витте Ухтомскому от 3 сентября 1896 г. — там же. — Техническая трудность при передаче денег заключалась в том, что Гроту, который был в это время в Петербурге, передать деньги без особого письменного полномочия от Ли не соглашался Витте. Витте считал, что сами китайцы должны озаботиться получением денег и предложить способ передачи.

из средств казны, распоряжением министра финансов, с значительной задержкой, в сопровождении некоторой новой русской претензии, а двух остальных — не получить и вовсе.

Чтобы войти в полное разумение отмеченных искусственно-путанных денежных отношений, связавших банк, Общество Китайской Восточной ж. д. и казну, необходимо вернуться опять к эпохе московских переговоров. В самый день ходынской катастрофы, 18 мая, Витте представил на утверждение Николая II проект соглашения русского правительства с Русско-Китайским банком об образовании Общества Китайской Восточной ж. д., соглашения, «которое обеспечивало бы полнейшее правительственное влияние на сооружение и эксплуатацию дороги», «фактически» передавало концессию «в распоряжение русского правительства»¹. Статьей 4 этого соглашения, не вошедшей потом в устав Общества Китайской Восточной ж. д. и оставшейся таким образом тайной, отношения правительства и банка по акционерному капиталу будущего Общества определялись следующим образом:

«Русско-Китайский банк подпишется на весь акционерный капитал Общества (1000 акций, по 5000 руб. каждая). Из сего числа не менее 700 акций, назначаемые «для русского правительства, должны быть сохранены «в распоряжении Русско-Китайского банка впредь до передачи их в собственность правительства. Означенные «акции, немедленно после закрытия подписки на акции, «будут переданы Русско-Китайским банком в Государственный банк. Остальные, не свыше 300 акций, могут «быть помещены в частные руки как по подписке, так «и в течение полугода со времени подписки. Из Государ-

¹ См. всеп. доклад Витте, с представлением проекта соглашения, от 18 мая 1896 г. — в д. № 18 II отд. Общ. канц. МФ. Доклад писан рукой Витте. Помета Николая II: «Мнѣ кажется, что можно будетъ вамъ подписать конвенцію въ такомъ видѣ». Соглашение спроектировано было в 14 статьях. Из них 13 (кроме 4-й) вошли потом в Устав Общества Китайской Восточной ж. д.

«ственного банка будет выдана Русско-Китайскому банку «беспроцентная ссуда под упомянутые положенные в Государственный банк 700 акций, а равно и под остальные «акции, которые к тому времени окажутся не помещенными в частные руки. Ссуда эта выдается в размере «действительно внесенного по этим акциям нарицательного «капитала. За сим могущий причитаться дивиденд по этим «акциям, под которые была выдана ссуда, будет поступать «в доход русского правительства. Правительство имеет «право приобрести во всякое время по нарицательной цене «акции Общества, под кои была выдана ссуда, засчитав «в полную уплату стоимости акций выданную под них ссуду. «Когда правительство будет производить с Русско-Китайским банком расчеты по приобретению в казну упомянутых 700 акций, то в случае желания Русско-Китайского «банка правительство обязано будет одновременно про«извести с ним расчет по приобретению в казну тех из «остальных 300 акций, которые к тому времени окажутся «непомещенными в частные руки».

По смыслу этой статьи, за банком сохранялось *право* взять на себя не более 300 акций и даже выпустить их в частные руки. Можно догадываться, что эта безопасная для русского правительства уступка имела в виду возможное участие в предприятии французских финансовых кругов, связанных с банком, и выдвинута была едва ли не Ротштейном, через которого именно в эти дни французы получали «подробные известия о переговорах с Ли Хунчжаном» и знали, напр., даже, «с какою целью [была] поездка Ротштейна в Москву»¹. Вопрос, пожелают ли французы воспользоваться оставляемым на всякий случай за ними правом, оставался тогда еще нерешенным, и на случай их отказа в со-

¹ См. тел. Покотилова из Пекина от 3/15 июня 1896 г. (в д. № 3 в) о том, что эти сведения получает французский посланник «из Москвы и Петербурга».

глашение введено было *обязательство* русского правительства освободить портфель банка от резервированных за ним 300 акций. Когда же прошли переговоры банка с китайским правительством, концессионный контракт был подписан и дело дошло до образования самого Общества Китайской Восточной ж. д., вопрос об участии в нем французов решился отрицательно. 4 ноября 1896 г., представляя министру финансов проект устава Общества на утверждение, правление Русско-Китайского банка сообщило, что «в предоставлении третьим лицам акций имеющего быть утвержденным Общества Восточно-Китайской ж. д. не представилось надобности, вследствие чего банк находится в полной возможности предоставить весь акционерный капитал в распоряжение и собственность русского правительства, сообразно с соглашением, состоявшимся 18 мая сего 1896 г.»¹.

4 декабря устав Общества был утвержден, и на 17 декабря была назначена подписка на акции. Объявление о подписке было напечатано в «Правительственном Вестнике» 17 же декабря, и, так как открытие подписки назначено было на 9 час. утра, то посторонняя публика в ней никак не могла принять участия². В назначенный час в помещении банка собралось «значительное количество служащих» и «подписка была закрыта через несколько минут после открытия»³. Таким путем и пошел акционерный капитал Общества в 5.000.000 руб. в статью «расходов русской казны на Дальнем Востоке»⁴.

¹ См. прошение Русско-Китайского банка на имя министра финансов от 4 ноября 1896 г., за подписями Ухтомского и Ротштейна — в д. № 3 в.

² Эта деталь подчеркнута в «Исторической справке о событиях на Дальнем Востоке с 1895 по 1903 г.», составленной по поручению Витте в канцелярии М. Ф. — У Глинского в «Прологе и т. д.», представляющем перепечатку «справки», эта деталь опущена.

³ См. письмо Ротштейна на имя Витте от 17 декабря — в д. № 7, ч. I. «Excellence, la souscription a eu lieu ce matin à 9 heures par une affluence considérable d'employés et a dû être clôturé quelques minutes après l'ouverture. Du public nous n'en avons pas vu l'ombre».

⁴ См. выше, стр. 44, цитированную нами справку о доходах и расходах казны по Дальнему Востоку за 1897—1902 гг.

Одновременно Витте вошел, в силу ст. 9 устава Общества, в соглашение с Правлением Общества относительно суммы, которую Общество должно было уплатить русскому правительству за произведенные им в Манчжурии изыскания, и сумма эта была установлена в 4.000.000 руб. Столкнувшись, как мы видели, с некоторыми трудностями по расчетам с Ли Хунчжаном и желая избежать многократных действий бухгалтерии в этом деле, Витте прибег к образованию в своем непосредственном распоряжении «особого», прозванного потом «Ли-хун-чангским», фонда, испросив на это не подлежавший опубликованию указ¹. Существо операции, разрешенной этим указом, заключалось в том, что из акционерного капитала в 5 милл. руб., вносимого Государственным банком в Русско-Китайский банк в виде ссуды под акции Общества Китайской Восточной ж. д., 3 милл. должно было быть перенесено на особый текущий счет министра финансов в Русско-Китайском банке, а 1 милл. обращался в доход

¹ Приводим полностью текст указа (См. д. № 51, ч. I):

«Нашему Министру Финансов.

На основании § 9 Высочайше утвержденного Устава Общества Китайской Восточной железной дороги и по соглашению вашему с названным Обществом, оно приобрело от Русского Правительства за 4.000.000 руб. кред. изыскания направления железной дороги в Манчжурии, произведенные Министерством Путей Сообщения, при чем уплата Обществом означенной суммы имеет быть произведена в сроки, которые вами будут устанавливаемы.

Всемихотевейше повелеваем вам из сумм, имеющих поступить в счет означенных 4.000.000 руб., три миллиона рублей отчислить в особый фонд, предназначаемый на покрытие расходов, связанных с выдачею концессии на Китайскую Восточную железную дорогу, и один миллион рублей обратить в доход казны. Затем наличные суммы означенного трех-миллионного фонда держать на особом счету в Государственном банке или в одном из частных банков, по вашему усмотрению, и выдачи из сего фонда производить не иначе, как с особого, каждый раз, Нашего соизволения.

Указ сей во всеобщее сведение не публиковать.

(подписано) Николай.

(помечено рукою Витте): 20 декабря 1896 г. Царское Село. Министр Финансов
Статс-Секретарь Сергей Витте».

казны. Вслед за этой операцией в распоряжении правления Общества Китайской Восточной ж. д. должен был остаться из акционерного капитала лишь 1 милл. руб.¹

Такое изъятие на первых же порах 4/5 акционерного капитала Общества в распоряжение казны, которая сама и реализовала этот капитал, находит себе объяснение в условиях, на каких заключен был концессионный контракт с китайским правительством. Основной, но и неизбежный порок концессии заключался в том, что по истечении 80 лет дорога бесплатно поступает в обладание китайского правительства. Но китайцы настаивали на включении в контракт права *досрочного* выкупа дороги, и в ст. 12 контракта оговорено было право китайского правительства приступить к выкупу по истечении 36 лет со дня открытия движения. Витте, в свою очередь, требовал удлинения срока до 50 лет и, только под давлением Ротштейна, который не видел возможности добиться согласия китайцев на такое удлинение срока, готов был согласиться на 36-летний срок лишь «в крайности», «но с тем, чтобы выкуп был совершен на таких началах, чтобы нам были уплачены *без исключения* все суммы, которые мы затратим, с хорошей прибылью»². Смысл этого последнего условия для Витте был в том, чтобы условия выкупа были «вообще» «возможно более стеснительны»³. По мысли Витте, условия выкупа Манчжурской ж. д. установлены были «значительно тяжелее условий выкупа русских ж. д., а потому делают возможность сего выкупа мало вероятною»⁴. Именно, китайское

¹ 31 января 1897 г. Финансовая Комиссия при Правлении Общества Китайской Восточной ж. д. постановила: «из имеющих поступить по акциям Общества Китайской Восточной ж. д. взносов первые 3.000.000 руб. поставить Русско-Китайскому банку в распоряжение министра финансов». Постановление той же Комиссии о производстве остающихся взносов по акциям на сумму в 4.500.000 руб. и отнесении из них 3 милл. руб. на особый счет в распоряжение министра финансов, состоялось 15 марта 1897 г. — см. там же.

² См. тел. Ротштейна от 16 августа из Берлина и Витте от 18 августа 1896 г. в Берлин в д. № 3 в.

³ См. тел. Витте в Берлин от 23 августа 1896 г. — в д. № 3 в.

⁴ См. представление М. Ф. в Комитет Сибирской ж. д. от 11 ноября 1896 г. «по вопросу об утверждении Устава Общества Китайской Восточной ж. д.», стр. 7.

правительство обязывалось при выкупе выплатить «все вложенные в дело капиталы и все долги, сделанные для дороги, с наросшими на них процентами» (ст. 12 контракта). По приближительному (и преуменьшенному) подсчету, спроектированному в министерстве финансов в ноябре 1896 г., китайскому правительству через 36 лет пришлось бы заплатить при выкупе около 700 милл. руб.¹ Но если бы все же досрочный выкуп дороги состоялся, то указанное только что превращение большей части акционерного капитала в «особый фонд», образовавшийся по поводу возмещения расходов казны на изыскания, позволило бы вернуть в русскую казну суммы, назначенные для такой рассроченной выдачи Ли Хунчжану, которая должна была до известной степени обеспечить благополучное ведение и окончание постройки. Предвидение возможности всяких неожиданностей именно в течение строительного периода, как известно, побудило Витте и в контракт концессии включить обязательство Общества Китайской Восточной ж. д. уплатить китайскому правительству 5.000.000 лан (около 7 милл. руб.) *в день открытия* движения на дороге. Разумеется и эта сумма, при досрочном выкупе, подлежала бы включению в общую сумму выкупного платежа². Так создавалось положение, делавшее досрочный выкуп дороги неподсильным китайскому правительству и, кроме того, связанным с возвращением русской казне до 10 милл. руб., уплачиваемых ею *за самое право* постройки и эксплуатации дороги.

Русско-Китайский банк, не принимавший на себя ни малейшего риска, сопряженного с финансовым участием в предприятии Китайской Восточной ж. д., живейшим образом, однако,

¹ Основная ошибка этого вычисления зависела от того, что облигационный капитал Общества принимался для всех 36 лет в сумме строительной стоимости дороги, исчисленной в 115 милл. руб. Между тем только к 1901 г. облигационный капитал уже равнялся 272.895.200 руб. На деле к 10-му году эксплуатации Китайской Восточной ж. д. задолженность Общества русскому правительству выражалась в сумме 733.297.212 руб. 24 к. — см. «справку о задолженности Общества правительству к 31 декабря 1914 г.» в д. № 1 дополнит., лит. III.

² См. ст. 12 контракта.

втягивался в интересы дороги уже по одному тому, что становился ее банкиром, и *формально* оставался *единственным контрагентом* китайского правительства по концессии. В виду этого последнего обстоятельства нельзя не оценить ловкости, с которою это положение банка было укреплено предоставлением китайскому правительству внести в банк 5 милл. лан и соответственно принять участие в прибылях банка¹. Создавая столь крупную заинтересованность китайского правительства в широком развитии деятельности банка, Витте, однако, начисто устранил какое либо влияние на управление делами дороги как китайского правительства, так равно и Русско-Китайского банка².

Нечего и говорить, что становясь единственным акционером Общества Китайской Восточной ж. д. и сохраняя право оставлять за собою все облигационные займы Общества, а также беря на себя приплаты по расходам на эксплуатацию и на покрытие платежей по займам, русское правительство оказывалось фактически полным хозяином дороги³. Но так как контракт 27 августа предоставлял сообразовать устав Общества с правилами русских железных дорог, то и формально компетенция правительства в делах Общества могла быть определена очень широко. Ст. 27 Устава Общества требовала представления «на одобрение» русского министра финансов таких вопросов, как избрание товарища председателя, назначение главного инженера, начальников отдельных служб и инженеров вообще, избрание членов ревизионного комитета, установление способов помещения капиталов дороги,

¹ Право Китайского правительства внести эту сумму в Русско-Китайский банк установлено как контрактом о сооружении дороги, так и особым соглашением с банком. Ссылку на это особое соглашение см. в вышеуказанном «представлении» М. Ф. от 11 ноября 1896 г., стр. 9. Текст этого соглашения, без ручательства за его точность, печатает у себя Mc Murray, т. I, стр. 78.

² Единственный китаец — председатель Правления Общества — был строго ограничен в своих функциях: 1) наблюдением за исполнением обязательств Общества перед китайским правительством, 2) представительством Общества в сношениях его с центральными и местными китайскими властями (ст. 1 контракта).

³ Ст. 11 и 16 Устава Общества.

определение прав и обязанностей всех старших служащих и порядка управления дороною, а также направление и технические условия постройки линии. Можно сказать, что Витте добился права постройки и 80-летней эксплуатации в Манчжурии казенной русской железной дороги, защищенной в плоскости международных отношений безукоризненной формой частного акционерного предприятия, действительное местопребывание и принадлежность акций которого оставались покрыты непроницаемой тайной¹.

Понятно, что и условия контракта 27 августа Витте признавал «весьма благоприятными с точки зрения интересов России»². Таковы: 1) русская 5-футовая колея, 2) понижение на одну треть китайских таможенных пошлин с товаров, ввозимых или вывозимых по дороге, — против пошлин морских китайских таможен, 3) полная свобода Общества в вопросе о тарифах дороги, 4) полная же свобода дороги от всяких китайских налогов и сборов. Правда контракт не предоставил дороге права беспопытной разработки угольных копей в Манчжурии, но 1) к контракту было присоединено письменное обещание Сюй Цзинчэна хлопотать о том в Пекине, и 2) у дороги всегда оставалась возможность тарифными мероприятиями заставить китайские угольные копи продавать дороге уголь по сходной цене. Всем этим, в сущности, обеспечивалось экономическое завоевание всего района, втягиваемого в сферу действия дороги.

Но были два пункта в контракте, которые не ограничивали дело только экономическим завоеванием неопределенно-громадной китайской территории. Ст. 6 обещала передавать Обществу «земли, действительно необходимые для постройки, эксплуатации и защиты линии, равно как и земли в окрестностях дороги, необходимые для снабжения дороги песком, камнем, известью и проч.» — бесплатно, если земля была государственная, и за

¹ Как ст. 4 соглашения русского правительства с банком 18 мая 1896 г. так и соглашение Русско-Китайского банка с Государственным банком о ссуде под акции остались секретными.

² См. представление М. Ф. от 11 ноября 1896 г., выше цитир., стр. 6—10.

плату, если частная, и предоставляла Обществу «абсолютное и исключительное право *управления* его землями» и «право сооружения на этих землях построек *любого* рода». Ст. 5 устанавливала, довольно обще, что «уголовные преступления, тяжбы и проч. на территории дороги должны разрешаться местными властями на основании трактатов». Обе статьи эти выдвигали понятие «территории дороги» и ставили вопрос об организации отдельного управления ею. Речь шла вовсе не о применении здесь права экстерриториальности, признанного за русскими подданными трактатами, а о юридической квалификации природы нового территориального образования, относительно которого договор 22 мая 1896 г. гарантировал сохранение суверенных прав Китая (ст. IV). Ст. 5 контракта перенесена была в Устав Общества, не подлежавший утверждению китайского правительства, лишь незначительно уточнив понятие «местных властей»: «русских и китайских» (ст. 7 Устава)¹. Ст. 6 контракта вошла в ст. 8 Устава, возлагавшую на Общество учреждение своей собственной полиции на территории дороги. Мотивируя этот пункт, пояснительная записка к проекту Устава указывала на полную аналогию территории дороги с «отведенными в портах Китая для жительства европейцев участками (сетльменты), имеющими собственную полицию»².

Этот небывало протяженный сетльмент, по самой своей железнодорожной природе, должен был с развитием дела постройки и тем более эксплуатации дороги обнаружить мощную тенденцию к расширению как непосредственно своей территории, так и сферы своего экономического господства. А перспективы 80-летнего периода внутреннего роста этого, намеченного актами 1896 г., социального организма исключали, повидимому, сколько-

¹ В «пояснительной записке к проекту Устава» (стр. 4—7) указывалось на необходимость специальной разработки вопроса о судебной организации на территории дороги. Позднее вопрос был разрешен введением, по соглашению с местными властями, смешанных русско-китайских судов (Цзяо-ша-цзюй).

² См. «пояснительную записку и т. д.», стр. 7.

нибудь конкретно-мыслимую тогда для инициаторов дела возможность действительной бесплатной передачи Китайской Восточной жел. дор. в полную собственность Китая — по истечении 80 лет. Вот почему все заботы Витте сосредоточивались на том, чтобы прежде всего не дать укоротить этот период досрочным выкупом дороги, а в случае выкупа — оградить интересы русского правительства не только в финансовом отношении, но и в пользования дорогою, как соединительным звеном Сибирской магистрали, эксплуатируемым прежде всего в интересах России. Ст. 3 Устава Общества, где перечислены обязательства, принимаемые на себя Обществом Китайской Восточной ж. д. перед русским правительством, целиком была построена на мысли, что русское правительство в данном случае выступает в качестве «третьего лица» и что обязательства по отношению к этому «третьему лицу», принятые на себя Обществом на 80-летний срок, автоматически перейдут на тот же срок и на китайское правительство¹. Что подобная конструкция вовсе не вытекала из содержания собственно контракта 27 августа, и неминуемо, при первой же попытке проведения ее в жизнь, влекла бы за собою конфликт — это не нашло себе никакого отклика в документах, сохранившихся от того «счастливого» времени.

¹ См. комментарии к ст. 3 — в «пояснительной записке к проекту Устава Общества Китайской Восточной ж. д.», стр. 2—3.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

«Захват» китайской территории в Южной Манчжурии.

(1896—1898 гг.).

Союзный договор 22 мая и железнодорожный контракт 27 августа 1896 г. бесповоротно решали проблему великого Сибирского пути: его последние, по очереди, полторы тысячи верст должны были пройти по чужой территории, и соединение Владивостока с Москвой — согласно контракту, в 6-тилетний срок, т. е. к 1903 г., — становилось вопросом преодоления, как будто, лишь технических трудностей. Рекогносцировки, начатые русскими инженерами в Манчжурии еще осенью 1895 г., не дали точных положительных данных к моменту переговоров, и у русской стороны не оказалось возможности хотя бы приблизительно обозначить в контракте направление манчжурской линии, тем более, что тогда уже было видно, что технические трудности постройки будут чрезвычайно велики. Собственно к изыскательским работам приступлено было только летом 1897 г. и, при всей быстроте этих работ, направление линии и план постройки были установлены только весной 1898 г. Прошло без малого 2 года от того дня, как китайское правительство дало свое согласие на проведение русской дороги через Манчжурию — ради союза с Россией, призванного укрепить положение манчжурской династии и не только обеспечить неприкосновенность китайской территории со стороны Японии, но и охранить мир по всей 8-ми тысячной сухопутной русско-китайской границе. За эти 2 года Россия едва успела приступить к кое-каким простейшим

земляным работам по северо-манчжурской линии, которая в готовом виде должна была в дальнейшем играть роль главного и непреодолимого орудия союза. Но именно тогда, когда строительные работы могли уже принять полный ход, весной 1898 г., явилась и выступила на первый план новая и, при том, спешная задача постройки южно-манчжурской ветви на Порт-Артур. Случилось нечто «неслыханное»: Россия сама же «коварно» нарушила территориальную неприкосновенность своего союзника, совершился «захват» Ляодуна, «тот роковой шаг, который повлек за собою все дальнейшие последствия, кончившиеся несчастной для нас японской войной», «захват, который нарушил все наши традиционные отношения к Китаю и нарушил их навсегда».¹

Нет нужды преуменьшать значение этого шага, предпринятого Россией в феврале 1898 г., когда Китаю было предъявлено требование отдать в аренду России Порт-Артур и Даляньвань с прилегающей к ним территорией: Россия приобретала два незамерзающих порта для стоянки своих военных судов вне закрытого Цусимского военного базой Японского моря и вблизи от Пекина; принимала на ближайшие годы в свой бюджет дополнительную судостроительную программу в 90 милл. р., расходы на оборудование и укрепление новых портов в сумме не менее 30 милл. р. и на сооружение новых 900 верст железнодорожного пути не менее 100 милл. р.; заводила на казенный счет коммерческое пароходство («Морское пароходство Общества Китайской Восточной ж. д.»); наконец, вынуждалась считаться и с политическими последствиями своего шага. Поражения русско-японской войны именно этот то шаг и заставили Россию сделать назад и территориально войти в границы контракта 1896 г. Но отсюда, конечно, еще не следует, чтобы Порт-Артурский эпизод рвал политическую традицию и находился бы в принципиальном противоречии с русской политической программой,

¹ Витте, «Воспоминания», I, стр. 116.

осуществление которой только еще началось и далеко еще не было в полном ходу. Что касается Японии, то нельзя упускать из виду, что анулируя русские «захваты» 1898 г. и вгоняя Россию в границы 1896 г., Япония в результате войны 1904—1905 гг. сама то попадала в положение, намеченное первоначальной редакцией Симоносекского договора 1895 г., а вовсе не в то, в котором она, по милости Витте, очутилась в 1896 г. Что же касается Китая, и в частности русско-китайских актов 1896 г., то нельзя же отрицать, что в основном оба они выдержали испытание, яко бы поставленное им «захватом» 1898 г.: 1) контракт на постройку ж. д. был выполнен китайским правительством до конца, и дорога была выстроена, хотя бы Китай и не сумел обеспечить вполне ее безопасность как от нападений хунгузов, так и от разрушения ее боксерами, и 2) союзный договор, лично самим Витте отредактированный только против одной Японии, действительно предохранил Китай от повторного нападения Японии и настойчиво проводился русским правительством относительно Кореи, пока, наконец, корейский вопрос не был решен Японией военными средствами и Россия силою вынуждена была, после войны 1904—1905 гг., отступить от охраны хотя бы и призрачной независимости Кореи. В истории собственно международных отношений Китая Порт-Артурский эпизод не выделен из всего комплекса фактов той политики «сфер влияния» (Sphärenpolitik) и борьбы за концессии (struggle for concessions), которая с 1895 г. водворилась в Китае на смену политики прямых отторжений окраинных его территорий и к которой Россия, по мысли Витте, спешила примкнуть, чтобы не потерять своей доли в близком, как ему казалось, дележе Китая¹.

Однако, приходится считаться с тем, что оценка захвата

¹ Ср. речь Витте на совещании 30 марта 1895 г. и его же возражения на записку Духовского (выше, стр. 72—74 и 99—100). — Ср. также O. Franke, «Die Grossmächte in Ostasien von 1894 bis 1914», SS. 105—145 («Die Sphären-Politik 1895—1900») и M. Bau, «The foreign relations of China», pp. 37—62 («The International Struggle for concessions, 1895—1911»).

Ляодуна, нашедшая себе столь резкие формулировки в «Воспоминаниях» Витте, получила в России самое широкое распространение и, — что почти удивительно, — косвенное признание даже со стороны самого «виновника» этого захвата, Николая II¹. Не менее приходится считаться и с тем, что мы имеем тут дело у Витте не только с ретроспективной оценкой: с первого же дня, как царь поставил на обсуждение вопрос о занятии порта на Ляодунском полуострове, Витте выступил с возражениями и не сразу отступился от них. Уже по одному этому в дальнейшем исследовании необходимо уделить все доступное внимание именно тем фактам, в которых личное участие Витте дает возможность изучить природу и оценить роль той политики, которая называла себя «мирной», исконя, будто бы, не стремилась к захватам и претендовала гарантировать мир, не пасуя и не отказываясь от достижения своих целей.

I.

Если обратиться к «Воспоминаниям» самого же Витте, то убедимся, что до 14 ноября 1897 г., когда состоялось совещание у Николая II по вопросу о том, какого образа действий держаться России в виду занятия Германией Цзяочжоу, и министр иностранных дел гр. Муравьев зачитал свой проект занятия Россией Даляньваня, политика министерства иностранных дел на Дальнем Востоке не вызывала у Витте никаких возражений. Более того, он сам принимал в ней деятельное участие, и она, в целом, могла бы быть записана на его счет. Неудивительно, что Витте именно захвату Цзяочжоу приписывает первенствующее значение во «внезапной» перемене русского курса. Но именно

¹ В июле 1905 г. Николай II поручил членам гос. совета Рихтеру и Череванскому «ознакомиться с имеющимися в разных ведомствах данными о предшествовавшей войне с Японией деятельности правительства на Дальнем Востоке, начиная со времени возникновения мысли о занятии нами Порт-Артура» и «на основании этих материалов выяснить причины, которые привели нас к вооруженному столкновению с Японией». См. нашу статью «Концессия на Ялу», в сб. «Русское прошлое», № 1, стр. 88—89.

потому и нам необходимо вернуться вновь к исходному моменту интересующей нас политической ситуации, в котором Витте сыграл решающую роль — к весне 1895 г.

Как было указано ранее, мысль о необходимости не допускать Японию утвердиться на севере Китая проводилась Витте со всею горячностью, вытекавшей из общей его концепции политической роли Сибирского пути, наперекор не только возражениям министров, но и взгляду самого царя. Весною 1895 г. Николай II трижды на протяжении одной недели высказался за приобретение незамерзающего порта на побережья Кореи и готов был помириться с водворением Японии в южной Манчжурии, лишь бы этот корейский порт был соединен с русской территорией «полосой земли». Нет никаких оснований подозревать, что, отклоняя Николая от корейской компенсации и склонив его к ультимативному запрещению Японии занять весь южно-манчжурский берег Желтого моря и Печилийского залива, Витте отрицал идею незамерзающего выхода русской жел. дороги в океан. Наоборот, ни для кого, даже для китайского правительства, не было сомнения, что, кроме спрямления Сибирской линии через Манчжурию, Россия потребует себе и удобной стоянки, хотя бы на зимнее время, для военных судов, потому что пользование для этого японскими гаванями становилось затруднительным и опасным после открыто враждебного Японией русского выступления в апреле 1895 г. Как известно, осенью этого года такое право зимовки в закрытом для иностранцев порте Цзяочжоу и было предоставлено России на предстоящую зиму 1895—1896 гг. А весною 1896 г. в переговорах с Ли Хунчжаном Витте попробовал заговорить и о железно-дорожной ветви к «одному из портов Желтого моря»: только дело расстроилось из-за вопроса о ширине колеи. В этом полуфуте разницы, за прибавку которого горою стал Витте, для китайской стороны открывалась русская территориальная программа во всей полноте ее первоначального масштаба, и при той соблазнительной обстановке, в какой протекали петербургские и московские переговоры 1896 г., нельзя

недооценить значения упорства, проявленного Ли Хунчжаном относительно этой метрической подробности: России показывали предел, дальше которого в Манчжурии ее пускать не хотели, эквивалентом предложенного Россией оборонительного союза должна была служить только северная Манчжурия и ничто больше.

Содержание переговоров Витте с Ли Хунчжаном в свое время было окутано глубокой тайной, если не считать максимально какого-нибудь десятка лиц, прикосновенных к технике дела и сохранивших до конца полную скромность в этой своей профессиональной тайне. Нет никаких следов и того, чтобы какую-нибудь нескромность при этом проявили и те французы, которым через Ротштейна становились известными некоторые детали, — впрочем, вероятно, не самого хода переговоров, а лишь их деловых результатов. Скромным оказался в своих «Мемуарах» и Ли Хунчжан, если только вообще можно придавать какую-либо научную цену их английскому изданию. В интересующем нас сейчас вопросе о южно-манчжурской ветви Ли Хунчжан оказался столь же скромным и в своих Берлинских беседах летом 1896 г. Более того, он утверждал там, что де Николай отверг его предложение взять какой-нибудь из корейских портов, и что вообще не могло быть и речи, чтобы Россия ожидала какой-либо уступки от Китая в благодарность за вмешательство в Ляодунский вопрос в 1895 г.¹ Можно догадываться, что тогда же и в Лондоне Ли Хунчжан скорее склонен был успокаивать англичан относительно характера и размера уступок, сделанных Россией². Во всяком случае *тексты* всех трех актов 1896 г. — политической конвенции 22 мая, финансового протокола 23 мая и железнодорожного контракта 27 августа — подлинно сохранили свою секретность. А это открывало широкую возможность догадок

¹ См. «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», 14. Band, erste Hälfte, № 3663, стр. 31.

² См. в. д. № 40, ч. I, телегр. Покотилова из Пекина от 19 марта 1897 г. о том, что «во время пребывания Ли Хунчжана в Англии он давал самые широкие обещания представителям английского промышленного мира, приглашая их приехать в Китай».

относительно как заявленных Россией претензий, так и достигнутых ею успехов — для заинтересованных международных сфер. Даже и после опубликования 4 декабря 1896 г. устава Общества Китайской Восточной ж. д., как могли эти догадки ограничиться одною только северной Манчжурией и не коснуться той или иной версии о незамерзающем порте?

При таких условиях, месяца за полтора до распубликования устава Общества, 18/30 октября 1896 г. в «The North China Herald» был опубликован текст «специальной конвенции между Китаем и Россией», добытый в копии пекинским корреспондентом этой газеты из русского посольства и с тех пор известный в литературе под прозванием «конвенции Кассини». Как бы ни судить о происхождении этого текста, надобно иметь в виду, что до 1910 г., когда, наконец, проник в печать в точной (хотя и не удостоверенной) передаче французский текст договора 22 мая 1896 г., «конвенция Кассини» оставалась единственной документоподобной версией русско-китайского соглашения о Манчжурии, неопровержимой к тому же иначе, как посредством официального опубликования действительно подписанного Витте, Лобановым и Ли Хунчжаном договора¹. Между тем, версия эта не только не была опровергнута, но, как показал дальнейший ход событий, в основном оказалась довольно близкой к действительности, а в деталях своих отличалась подкупающей конкретностью. Что подобного рода конвенция, при наличии договора 22 мая, не была подписана русскою и китайскою сторонами осенью 1896 г., едва ли может подлежать сомнению, — даже если опубликованный текст ее точка в точку воспроизводит некий неподписанный подлинник, имевшийся в русском посольстве в Пекине осенью 1896 г. (подписи в «The North China Herald» не воспроизведены). Но без дальних рассуждений отнести «конвенцию Кассини» к числу

¹ Французский текст договора 22 мая 1896 г. приведен был в «The Daily Telegraph» от 15/II 1910 г. без вводной и заключительной частей, без даты и без «протокола». См. у Mc Murray, «Treaties and Agreements», т. I, p. 81.

чистых газетных фабрикатов и трактовать ее, как оторванную от реальной обстановки голую выдумку, кажется, тоже нет прямых оснований.

Содержание этого загадочного «документа» таково. Россия получает право на постройку двух железнодорожных линий, в конечном счете соединяющихся в Гирине в одну: 1) линию Владивосток — Хуньчунь — Гиринь и 2) линию «от одной из станций Сибирской ж. д.» на Айгунь — Цицикар — Бодунэ — Гиринь, — и на их эксплуатацию в течение 30 лет, после чего выкуп этих линий предоставляется китайскому правительству на условиях, которые будут впоследствии определены. Если Китай найдет для себя неудобным самому продолжить доведенную от Пекина до Шаньхайгуаня жел. дорогу далее на Мукдень и оттуда на Гиринь, то России предоставляется право строить эту линию с севера, начиная от Гириня, за Китаем же остается право выкупа ее через 10 лет. Все возможные варианты китайских железнодорожных ветвей от Шаньхайгуаня — на Цицикар, Инкоу, Кайпин, Порт-Артур и Даляньвань — будут строиться с русской колеей, в целях облегчения торговых сношений между обеими странами. Охрану всех русских жел. дорог на китайской территории в принципе берет на себя китайское правительство, но в виду трудности действительного осуществления такой охраны, русскому правительству разрешается содержать в важнейших станционных пунктах свои собственные кавалерийские и пехотные части. Вопрос о портах «конвенция» разрешала следующим образом: 1) в предвидении возможности возникновения военных действий на Азиатском материке, Китай отдаст России в аренду порт Цзяочжоу на 15 лет, но Россия войдет в непосредственное обладание (possession) этим портом, а равно займет господствующие над этим портом пункты только в случае прямой опасности военных действий — дабы не вызвать зависти или подозрений других держав, и 2) Китай обязуется спешно укрепить порты Артур и Даляньвань, Россия же предоставит необходимую помощь для защиты этих пор-

тов и не допустит никакую державу завладеть ими; Китай с своей стороны никому их не уступит; если же Россия будет втянута в войну и обстоятельства того потребуют, Китай разрешит России временно сосредоточить в этих портах ее сухопутные и морские силы, но, пока такая опасность не наступила, Китай сохранит за собою всецело контроль над управлением этих портов. Наконец, «конвенция» предоставляла право разведки и эксплуатации горных богатств в Гириньской и Хэйлунцзянской провинциях исключительно русским и китайским подданным, каждый раз с разрешения не Пекинских, а местных властей. Если к этому прибавить, что во всей Манчжурии за Россией обеспечивалось военное инструкторство, в случае переформирования тамошних туземных войск по западному образцу, то, действительно, как заключил корреспондент «The North China Herald», «этот документ говорил сам за себя и давал России все, чего только она могла желать»¹.

Нетрудно заметить, что «конвенция Кассини» намечала «сферу влияния» России в размере всей — как северной, так и южной — Манчжурии, при чем основным орудием такого захвата делала 5-тифутовую русскую железнодорожную колею, независимо от того, кто строил и кому принадлежала бы эксплуатация той или иной ветви — Китаю или России. Непременно и непосредственно России предназначалась ломаная железнодорожная линия в северной Манчжурии, южные же линии предоставлялись ей *формально* только условно — если бы от постройки их отказался Китай. Схема железнодорожных линий, даваемая «конвенцией Кассини», представляет некоторую комбинацию схем, данных еще в известной записке Духовского и частью в проекте американца Баша, попавшем в русское посольство в Пекине еще весной 1896 г. В частности, 30-тилетний срок концессии на основную линию в северной Манчжурии — тот же, что и

¹ «Конвенция Кассини» перепечатана у Mc Murray, «Treaties and Agreements», v. I, pp. 79—81.

в проекте Баша. Как и в договоре 22 мая, допущение России в незамерзающие порты Китая ставилось в ту или иную зависимость от необходимости вооруженного вмешательства России, в случае угрозы военной опасности, в защиту Китая. Зато всякое внедрение третьей иностранной державы в Манчжурию совершенно исключалось «конвенцией», и вся Манчжурия целиком консервировалась в пользу России, — в полном соответствии с выраженными Витте еще на совещании 30 марта 1895 г. требованием и уверенностью, что в случае проведения русской дороги в северной Манчжурии никакая другая ветвь в северном Китае не будет построена без согласия России. Таким образом, содержание разбираемого «документа» в основных его чертах представляет конкретное — и далеко не полное еще — развитие русской наступательной программы, связанной с постройкой Сибирского великого пути.

Вместе с тем, формальные черты текста «конвенции Кассини» таковы, что его никак нельзя считать за окончательный беловик дипломатического документа: 1) при наличии разработанной вводной части, «конвенция Кассини» не имеет вовсе заключительной части — подписи, даты, и др., 2) в вводной части представители китайской стороны поименно не названы, тогда как с русской стороны назван Кассини, 3) самый текст «конвенции» в экземпляре, с которого взята была копия, не разбит на статьи, и нумерация их принадлежит английскому издателю, не говоря уже о том, что 4) в стилистическом отношении в тексте заметны местами мелкие недоделки и недочистки. По этим признакам в «конвенции Кассини» можно видеть не более, как обстоятельный набросок проекта договора, не вполне готовый к подписанию в той форме, в какой он был выкраден из бумаг русского посольства осенью 1896 г. Во всяком случае, едва ли можно сомневаться, что, приступая в апреле 1896 г. к переговорам с министрами Цзун-ли-ямыня, Кассини должен был иметь наготове по меньшей мере один проект точного перечисления уступок, которые имели войти в предстоящий договор, и самый строгий

критик-современник сенсационной английской публикации вероятнее всего и остановился бы на предположении, что «Конвенция Кассини» по существу точно передавала содержание русской программы. Ведь вопрос сводился бы тогда к тому, чего именно из запрошенного действительно добились от Китая Россия. Как будет показано далее, именно так ставила вопрос германская дипломатия, когда ей представился случай искать себе успеха в Цзяочжоу, оказавшемся под защитой как будто претензии или даже права на этот порт России. «Конвенция Кассини» объективно устанавливала на международной арене презумпцию относительно русской заявки на всю Манчжурию и подступы к Чжилийской провинции и не оставляла места доверию к мысли, будто концессия на северо-манчжурскую магистраль, оформленная в уставе 4 декабря 1896 г., удовлетворила хоть ненадолго русскую экспансию на Дальнем Востоке.

Позиция, занятая к тому времени русской дипломатией в корейском вопросе могла только укрепить такой взгляд, и позволяла со дня на день ожидать от России дальнейших шагов и в районе намеченной манчжурской зоны.

II.

Японо-китайская война, кончившаяся формальным провозглашением независимости Кореи от Китая (ст. I договора 5/17 апреля 1895 г.), создавала, казалось бы, для Японии фактически господствующее положение в этой стране, тем более для Японии ценное, чем безнадежнее повернулось для нее дело с Манчжурией. С насильственным выдворением Японии из Южной Манчжурии распадался тот единый и цельный план железнодорожной обороны Японии от распространения русских владений на азиатском побережье, который был предан широкой гласности на другой день после подписания Симоносекского договора¹.

¹ Сообщение об этом плане появилось в «The North China Herald» 7/19 апреля 1895 г.

План этот предполагал: 1) снабдить корейское правительство денежными средствами с целью дать ему возможность построить *безотлагательно* железнодорожную линию от порта Фузана (на юге Кореи) до Ийчжу (в устье Ялу, на манчжурской границе); 2) провести железную дорогу от Цзиньчжоу на Нючжуан и оттуда к северу на Мукдень, чтобы связать ее с великим сибирским путем; 3) убедить китайское правительство построить в известный определенный срок рельсовый путь, связующий корейскую и японскую линии, по направлению к Пекину; 4) употребить всю контрибуцию, которая имеет быть получена с Китая, на сооружение жел. дорог, предполагаемых этими проектами. Как видим, в 1895 г. Япония в один прием хотела создать себе то положение на материке, которого ценой вторичной войны достигла спустя десять лет напряженнейшей военно-морской подготовки. Ультиматум трех держав относительно Ляодуна в апреле 1895 г. доводил корейский вопрос для Японии до предельного обострения: уступить, вслед за Манчжурией, из своих рук в чужие и протекторат над Кореей было бы для Японии равносильно полному поражению в победоносно проделанной войне. А между тем, японская дипломатия не могла не отдавать себе отчета, что международная обстановка 1895 г. была благоприятнее для России, чем десять лет назад, в 1885 г., когда Россия сделала первую попытку наложить руки на Корею. Что Россия, в момент заключения мирного договора остро поставившая один только Ляодунский вопрос, рано или поздно, в той или иной форме постарается воспрепятствовать японским планам и в Корее, не подлежало сомнению и естественно сообщало японским действиям в Корее излишнюю нервность и крутость. С самого начала войны корейское правительство вынуждено было связаться с Японией союзным договором, обеспечившим японской армии всяческую помощь и продовольствие внутри страны, и приняло от Японии заем в 3 милл. иен. Корея допустила постройку японских телеграфных линий и подверглась оккупации японских войск, продолжавшейся

и по окончании войны. Место китайского резидента при корейском королевском дворе занял теперь японский посланник, державший в страхе Сеульский дворец, круто взявший курс на повсеместное устранение из дворца и из администрации сторонников России и кончивший устройством дворцового переворота (26 сентября 1895 г.), во время которого была зверски убита корейская королева. К концу года антияпонское движение в Корее, подогреваемое беззастенчивым хозяйничаньем нахлынувшей в страну толпы всяких военных коммерсантов, подрядчиков и т. п., приняло достаточно резкий характер для того, чтобы русский представитель в Сеуле мог извлечь из создавшегося положения неожиданный, повидимому, для Японии успех: 30 января 1896 г. корейский король бежал из дворца в здание русской миссии, где и поселился в ожидании постройки нового дворца под охрану русского военного отряда¹.

Не следует преувеличивать абсолютного успеха, доставшегося на долю России с переменой королевской резиденции и открывшейся возможностью подбора министров из среды русских сторонников: основной столп администрации страны как до того, так и после оставался недостижимым для иностранного воздействия, потому что таковым был директор корейских таможен, располагавший львиною долей денежных доходов казны, англичанин Броун. Но за вычетом этого, равнозначущего и для японской и для русской стороны, обстоятельства, можно действительно говорить о «полном крушении» японской политики в Корее, где, как и в Манчжурии, плоды победы грозили уйти из японских рук в руки России². Подписанный 2/14 мая 1896 г. между русским и японским представителями в Сеуле меморандум явился соглашением, в котором четко была формулирована одержанная Россией победа и не оставалось и следа каких либо преимуществ в пользу Японии. В самом деле из 4-х статей ме-

¹ См. подробнее у O. Franke, «Die Grossmächte in Ostasien», SS. 114—115.

² Ibid., стр. 115: «man kann ohne Übertreibung von einem völligen Zusammenbruch der japanischen Politik in Korea sprechen».

меморандума две первые заключали в себе обоюдное признание нормальным того положения, которое создалось в корейском правительстве с переездом короля под покровительство русской миссии: самое возвращение короля в собственный дворец предоставлялось «собственному усмотрению» короля, а «дружеский совет» в этом смысле стороны обязывались подать ему, «как скоро исчезнет всякое сомнение в его безопасности» (т. е. когда того захочет Россия!), относительно же настоящего (руссophile-ского) состава министерства ст. 2-я просто утверждала, что министры «были назначены по свободному выбору» короля. Статьи 3 и 4 меморандума имели вид как бы уступок в пользу Японии, предоставляя ей содержать не более 200 жандармов для охраны телеграфной линии, разбросанных мелкими отрядами по всему ее протяжению, и не более 800 солдат для охраны японских поселений в Фузане, Гензане и Сеуле. Но: 1) России предоставлялось там же содержать такое же количество войск, 2) для Японии это означало эвакуацию всех прочих своих военных сил, оккупировавших тогда страну, для России же создавалось новое право, 3) относительно всех перечисленных иноземных отрядов было оговорено, что они будут отозваны, как только соответствующие опасности «исчезнут» и «спокойствие внутри страны восстановится», что при данном положении корейского правительства оставляло политическое влияние за Россией¹. Вопрос о том, как русское правительство попытается укрепить и оформить это влияние, оставался Сеульским меморандумом совершенно открытым, и перед Японией стала теперь первоочередная задача получить в этом отношении от России некоторые гарантии. Такого, повидимому, происхождения так называемого Московского протокола, подписанного 28 мая/9 июня того же года Лобановым и Ямагатой в результате переговоров, предложенных этим последним во время коронационных торжеств. Первоначальная мысль Ямагаты сводилась к разделу Кореи по 38-й параллели,

¹ Сеульский меморандум см. в «Сб. дог. и диплом. докум. по делам Дальнего Востока. 1895—1905 гг.», СПб., 1906, стр. 146 сл.

28/10

при чем южная половина со столицею Сеулом отходила бы к Японии, а северная — к России. Но «судьба Кореи, как будущей составной части Российской империи, в силу географических и политических условий, была заранее нами предопределена», между тем как, «уступая по договору Японии южную оконечность Корейского полуострова, Россия формально, раз навсегда, отказалась бы от наиболее важной в стратегическом и военноморском отношении части Кореи и таким образом добровольно связала бы свою свободу действий в будущем»¹, — и Лобанов отклонил такую постановку вопроса в виду признания «независимости» Кореи. В этом последнем стиле и был средактирован текст открытых статей протокола, возложивших на оба правительства следующие обоюдные обязательства: 1) советовать корейскому правительству упорядочить свой бюджет, 2) в случае необходимости прибегнуть к иностранным займам, — оказать Корее общими силами содействие, 3) совершенно предоставить Корее формирование и содержание туземных вооруженных сил и полиции в количестве, достаточном для поддержания внутреннего порядка *без иностранной помощи*, и 4) предоставить Корее выкупить как существующие японские, так и разрешаемые теперь России, телеграфные линии. Для Японии реальный смысл этих обязательств заключался в том, что Россия отказывалась от *сепаратных* советов и помощи Корее в финансовой сфере и в деле формирования туземных войск. Для России — в том, что «принцип целостности и независимости» Кореи и равная заинтересованность обеих сторон в его поддержании подтверждались — пока действует московский протокол, — «до прочного во всех отношениях утверждения России на берегах Тихого океана»². Пока же о действительной независимости корейского правительства, за отсутствием военной силы и ма-

¹ См. записку Ламедорфа «По поводу записки [Вогака] о значении договора 26 марта 1902 г. в развитии вопроса о Манчжурии», — представленную Николаю после 7 мая 1903 г. — в д. № 120.

² См. предыдущее примечание.

териальных средств, не могло быть серьезной речи, секретными статьями протокола устанавливалось, что без взаимного соглашения стороны не введут на территорию Кореи своих войск и, в случае такой необходимости, заранее условятся о районе действий своих войск и о нейтральной между ними зоне¹. Если бы Московский протокол свято соблюдался в последующее время, можно было бы сказать, что Корея консервировалась им (впредь до его нарушения) в положении страны в *равной мере* или подверженной *соединенному* воздействию своих соседок или независимой от сепаратного давления одной из них — в положении устойчивости на острии иглы.

Однако же нет никакого сомнения, что протокол 28 мая подписывался Лобановым в твердом намерении не считаться с принятыми на себя обязательствами. Именно в те самые дни, когда шли переговоры в Москве с Ямагатой, в Москве же принимали и посольство от корейского короля, явившееся с просьбою о помощи. А помощь, странным образом, требовалась Корее в точности по всем тем пунктам, которые вошли в русско-японский протокол, как предмет обоюдного действия России и Японии. Насколько знаем, памятником этих русско-корейских переговоров остался не какой либо двусторонний акт, а «ответные пункты корейскому послу», сформулированные Лобановым и одобренные Николаем². Гласили они дословно так:

«I. Король, во время пребывания своего в Русской Миссии, охраняется русскою стражею. Он может оставаться в Миссии, сколько сам сочтет нужным и удобным; если же воспоследует возвращение короля в свой дворец,

¹ Московский протокол 28 мая / 9 июня 1898 г. напечатан в «Сборн. договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895—1905». СПб., 1906, стр. 159 сл. — Секретные статьи протокола полностью опубликованы были Б. Э. Нольде: см. его «Внешняя политика. Исторические очерки». Петр., 1915, стр. 246—247, примечание; ср. текст их в д. № 20.

² См. в д. № 20 текст «ответных пунктов корейскому послу» при препроводительном письме Лобанова к Битте от 16 июня 1896 г., с сообщением, что они «высочайше одобрены».

«то русское правительство может принять на себя нравственное ручательство за его безопасность. Русский отряд, находящийся ныне в Миссии, останется там в распоряжении русского посланника, и, в случае надобности, может даже быть усилен.

«II. Для решения вопроса об инструкторах, в Сеул будет отправлен в ближайшем времени высокопоставленный и опытный русский офицер, которому русское правительство поручит вступить в переговоры с корейским по сему предмету; сказанному офицеру будет, прежде всего, поручено заняться вопросом о формировании отряда телохранителей короля. Такое же опытное лицо будет командировано из России для изучения экономического положения Кореи и для выяснения необходимых финансовых мер.

«III. Вопрос о присылке русских советников, для оказания содействия корейскому правительству, разрешается предшествующим пунктом. Подобными советниками, очевидно, будут служить, под руководством русского посланника, упомянутые выше доверенные лица по военной и финансовой частям.

«IV. Заключение займа корейским правительством будет иметься в виду, как скоро выяснится экономическое положение страны и потребности правительства.

«V. Русское правительство соглашается на соединение своих сухопутных телеграфных линий с корейскими и окажет этому делу зависящее от него содействие».

Давая такие обещания корейскому правительству, Лобанов как бы легализировал, в форме «ответных пунктов», предпринимавшуюся за спиной Японии сепаратную программу действий в Корею. Как видим, программа эта не ставила еще задачи в прямом смысле «захвата» страны, «независимость» и «неприкосновенность» которой провозглашалась русским правительственным сообщением, сопровождавшим опубликование Москов-

ского протокола¹. Но намеченные способы «мирного завоевания» Кореи неминуемо должны были повлечь Россию к конфликту не только с Японией, но и с Англией, поскольку на пути русского финансового советника камнем преткновения стоял английский таможенный директор: захватывая влияние над личностью короля и овладевая наличным архаическим аппаратом власти, Россия накладывала руку на основные ресурсы страны и грозила на деле установить там свое политическое господство.

Итак, в мае 1896 г. русская дипломатия *одновременно* работала в трех направлениях: 1) в Северной Манчжурии искала транзитного пути на Владивосток, 2) в Корее искала окольных путей к протекторату, впредь до полного развития своих сил для полного ее присоединения, и 3) в Южной Манчжурии искала выхода к незамерзающему порту. Совсем в стороне пока было оставлено четвертое, в международном смысле наиболее взрывчатое, направление — железнодорожный путь на Пекин. На пути к Желтому морю через Манчжурию в данный момент Россию постигла неудача. Зато по двум первым пунктам достигнут был крупный дипломатический успех. В частности в корейском вопросе он куплен был — в виде пока только благоприятной исходной позиции — ценой такого же «неслыханного коварства» по отношению к Японии, какое немногим позднее было допущено Россией в Ляодунском вопросе: с самого апреля 1895 г. взяв относительно Японии непримиримый тон, Россия решила выдерживать его последовательно до конца, не пуская ее на материк вовсе. Япония, спешившая до окончания постройки Сибирского пути встретить Россию на территории и Китая и Кореи, оказывалась сброшенной с Ляодунского полуострова и политически обогнанной на Корейском.

По собственному признанию Витте, в переговорах по корейскому вопросу в мае 1896 г. его участие было совсем второсте-

¹ Правительственное сообщение — см. в «Сборн. дог. и дип. докум. по делам Дальнего Востока», стр. 161 сл.

пенным и главная роль в них принадлежала Лобанову¹. Однако, львиная доля работы по развитию достигнутого Лобановым дипломатического успеха, начиная со следующего же дня, ложилась на ответственность Витте, потому что основным орудием завоевания Кореи становился, по замыслу всего плана, русский финансовый советник, которого первый же Витте иначе и не мыслил, как «министра финансов корейского короля»². Без малейшего колебания Витте взял в круг своего ведения Корею, не сомневаясь, повидимому, в правильности принятого курса, — и весь этот, кончившийся пучком, корейский эпизод попал под литературное покровительство автора Воспоминаний. Самый «договор с Японией» (т. е. протокол 28 мая) Витте считал «весьма удачным», тем более что «представители Японии охотно на него согласились», т. е. в данном случае, как и всегда, политика, которую взялся проводить он, Витте, подавалась читателям, как политика миролюбивого компромисса. В изображении Витте, по Московскому протоколу «мы могли иметь в Корее военных инструкторов» и «должны были назначить советника по финансовой части», чем де прочно устанавливалось «разделение влияний на Корею со стороны России и со стороны Японии». Можно подумать, точно Витте не знал, что Япония в ответ на описанное выше вопиющее нарушение данных ей в Московском протоколе обещаний ответила не только дипломатическими представлениями, но и расширением своей программы вооружений³. Курьезное по своей лживости освещение корейского эпизода, спустя десять лет, в «Воспоминаниях» — было для Витте необходимостью, в виду проводившейся им там мысли, что печальный конец попытки

¹ См. «Восп.», I, стр. 59—60.

² См. «Восп.», I, стр. 117.

³ См. «Восп.», I, стр. 59—60; переговоры по поводу «прямого нарушения Лобановского соглашения» велись с японской стороны графом Галси — см. Записки Гаяси, в Изв. МИД, 1919 г., кн. V, стр. 336. На связь между неудачным для Японии оборотом дел в Корее и расширением военной программы указывало само русское м-во ин. дел — в «Обзоре сношений по корейским делам с 1895 г.», СПб., 1906, стр. 5.

мирного завоевания Кореи явился прямым последствием захвата Россией Порт-Артура, так как захват этот вызвал такое возмущение в Японии, что во избежание войны России пришлось пожертвовать своим положением в Корее, чтобы провести зато благополучно этот захват¹. Для своего же времени Витте менее всего, повидимому, задавался вопросом о международноправовой оценке той ставки на Корею, которая в данный момент не казалась связанной ни с каким риском и представляла для России существеннейшие преимущества в будущем столкновении ее с Японией.

Однако, удержать доставшуюся России выгодную ситуацию оказалось не так просто, — уже по одному тому, что Россия не имела в Корее никаких экономических корней: русские торговые интересы там были совсем ничтожны, русское промышленное предпринимательство там отсутствовало вовсе. Преобладающее экономическое влияние в Корее принадлежало бесспорно японцам, и только в самое последнее время на сцену выступили в поисках концессий представители европейского и американского капитала. В такой обстановке русскому правительству надлежало избежать политики исключительности и искать себе опоры в союзниках на месте². Вместе с тем, всякое промедление в развитии доставшего политического успеха грозило отшатнуть корейское правительство от России и открыло бы дорогу иным влияниям на беспомощного короля. Наконец, нелепо было и думать с первых же шагов строить свою политику в Корее иначе, как при посредстве некоторого капитального вложения безотносительно к непосредственному коммерческому расчету. Если бы в данный момент перед русской дипломатией корейский вопрос стоял в изолированном виде, вероятно, такие соображения и определили бы ближай-

¹ См. «Восп.», I, стр. 117—118.

² См. тел. Покотилова из Шанхая от 27 марта 1896 г. в д. № 29/1-6. Сообщая о получении американцами концессии на ж. д. Сеул-Чемульпо, Покотиллов указывал, что «успех деятелей др. национальностей с русской точки зрения желателен», в виду преобладающего экономического влияния японцев.

шие шаги России в Корею. Но корейские события, если можно так выразиться, забежали несколько вперед и поставили Россию в необходимость считаться с более сложной обстановкой.

В самом деле, вопрос о предоставлении займа Корею для расплаты по японскому 3-милл. займу, — поставленный Россией, как мы знаем, в зависимость от «выяснения экономического положения страны», — не позволял ждать и одного дня и во всем своем политическом значении встал в Сеуле еще даже до возвращения корейского посольства из Москвы: в июне 1896 г. заем Корею предложили французы и сделали это втайне от русского посланника¹. Лобанов забил тревогу тотчас же по получении этого сообщения, обратившись к Витте с просьбой «ускорить» командирование в Корею финансового чиновника, а корейскому правительству преподав пока только совет «не входить в крупные финансовые сделки до прибытия русского финансового чиновника, особенно с английскими капиталистами»². Таким образом, русскому правительству приходилось бы приступать к решительным действиям в Корею в момент, когда далеко еще не было приведено к благополучному концу дело о разрешении на постройку Северо-Манчжурской ж. д. А между тем, одна только посылка в Сеул Покотилова, известного тогда всем и каждому на Дальнем Востоке фактотума Витте и Русско-Китайского банка, раскрывала карты ближайшей русской политики в Корею³.

Сведения, пошедшие от Покотилова из Сеула в августе 1896 г. одно за другим, подтверждали необходимость действовать «не-

¹ См. тел. Вебера из Сеула 19 июня 1896 г. в д. № 5, ч. I: 1) о «негласном» предложении корейскому правительству Компанией «Fives-Lille» 5-милл. займа и 2) о приглашении в Сеул одного из служащих английского банка в Шанхае — в виду проектируемого учреждения частного банка в Сеуле.

² См. там же письмо Лобанова к Витте от 22 июня 1896 г.

³ Тел. Покотилову в Пекин с приказанием «безотлагательно» ехать в Сеул в качестве представителя МФ. была дана 25 июня 1896 г. — см. д. № 5, ч. I. — Между тем, еще в июле, как было указано, в Пекине строили препятствия в вопросе о выработке контракта на манчжурскую магистраль. Ср. выше цитированное письмо В. Грота к Ухтомскому от 3/5 июля 1896 г. (в д. № 3в) о необходимости пригрозить пекинскому правительству разрывом, чтобы заставить его согласиться на принятие условий железнодорожного контракта.

медля»: 1) сам король, при первом же свидании с Покотиловым, просил о предоставлении 3-милл. займа, чтобы расплатиться с Японией и избежать необходимости хоронить «убитую японцами» корейскую королеву на японские же деньги, 2) в Сеуле уже шли толки об открытии корейского национального банка и ожидалось прибытие агента Гонконг-Шанхайского (английского) банка «для совета». Немудрено, что Покотиллов опасался, как бы англичане не приняли участие в этом банке «значительными капиталами», и рекомендовал немедленно открыть в Сеуле отделение Русско-Китайского банка и дать заем, который, по его мнению, мог иметь «вполне верную гарантию» в таможенных доходах Кореи¹. Несмотря, однако, на ряд последующих подталкивающих донесений Покотилова и в сентябре и в октябре, а также требование министерства иностранных дел дать ему возможность «сделать в Корее сколько-нибудь положительные заверения насчет вероятного скорого материального воспособления с нашей стороны», — Витте категорически запретил предпринимать что-либо «до ноября», а в ноябре дал лишь «принципиальное» согласие на то, чтобы Русско-Китайский банк дал заем, «когда это будет признано своевременным». При этом, непременным условием такого займа Витте ставил, чтобы таможенные доходы Кореи состояли «под ближайшим наблюдением финансового представителя России», и требовал от министерства иностранных дел «направить все усилия к тому, чтобы администрация корейских таможен перешла в заведывание русского финансового представителя, который *будет* туда послан»². Таким образом, совершенно неотложный по политическим соображениям шаг русской дипломатии

¹ Слухи о переговорах корейского правительства с английским банком в Шанхае носились в Пекине еще в июне — см. телеграммы Кассини и Покотилова от 22 июня в д. № 5, ч. I. — Покотиллов приехал в Сеул 2 августа и пробыл там до начала ноября. Здесь имеем в виду его телеграммы от 9, 13, 26 и 27 августа (см. там же).

² См. там же: тел. Витте Романову из Ялты, о приостановке всего дела до ноября, от 3 сентября, тел. Покотилова от 16 сентября и 30 октября, письмо Ламсдорфа в МФ. от 24 сентября, письмо Витте в МИД. от 2 ноября 1896 г.

в Корею — высвобождение корейского правительства от финансового контроля Японии — Витте не только откладывал на неопределенное время, но и обуславливал его изгнанием оттуда английского влияния, державшегося, как известно, только на упреждении таможенным ведомством.

Замораживая вопросы о займе и учреждении русского банка в Корею, в такое же положение Витте склонен был поставить там и железнодорожный вопрос. Вопрос о постройке жел. дорог в Корею возбуждался англичанами и японцами еще в 80-х гг., в связи с открытием корейских портов для иностранной торговли, но был снят тогда с очереди, кажется, не без влияния России¹. После провозглашения корейской независимости вопрос возник вновь, и на этот раз обещал сдвинуться с мертвой точки. Как упомянуто выше, первую железнодорожную концессию на линию Сеул-Чемульпо получили весной 1896 г. американцы, и не без их влияния король издал указ о принятии на корейских ж. д. узкой европейской $4\frac{1}{2}$ -футовой колеи (3 июля 1896 г.), а к приезду Покотилова в Сеуле оказались уже и представители известной в Китае французской компании «Fives-Lille», только что предлагавшей Корею заем за спиною России, с концессионными предложениями о железных дорогах «из Сеула по всем направлениям», в том числе и к нашей границе, повидимому, в расчете на перепродажу линии Сеул-Ийчжу России². Однако, французские домогательства не были поддержаны русским поверенным в делах в Сеуле в виду «исключительно политического значения»

¹ См. «заметку о железных дорогах Кореи г-на Мёллендорфа» в д. № 29/1а. Мёллендорф, в качестве советника корейского правительства, проводивший в 80 гг. руссофильскую политику, представил тогда доклад о необходимости отложить постройку железных дорог.

² См. телеграммы Покотилова из Сеула от 26 августа 1896 г. о концессионных домогательствах французского инженера Грива и от 3 октября о необходимости отмены указа 3 июля, изданного «благодаря влиянию американцев и слабости, уступчивости нашего поверенного в делах». Покотиллов, на этот раз, упрекал поверенного в поддержке «неизвестно зачем» американского влияния в Корею. Цит. телеграммы — в д. № 29/1а.

намеченных линий, и это обстоятельство послужило даже предметом безрезультатных объяснений французского посла с министерством иностранных дел в Петербурге¹. Тем не менее, концессию на линию Сеул-Ийчжу французы получили. Вот тут Витте и возбудил вопрос о необходимости потребовать от корейского правительства отмены указа 3 июля об узкой колее и добился указа об обязательном применении русской². Но приступить уже теперь к постройке русских жел. дорог в Корее Витте, повидимому, не допускал и мысли и остался, например, совершенно глух к сообщенному ему предложению известного Мёллендорфа о постройке всей сети жел. дорог на полуострове средствами одного американского синдиката, соглашавшегося на это при условии правительственной гарантии 5% дохода на затраченный капитал³. А в начале 1897 г. издан был — как нетрудно догадаться, по желанию русского правительства — королевский указ, объявлявший об отказе корейского правительства от постройки жел. дорог концессионным способом, кроме уже разрешенных⁴. Даже тогда, когда Витте отказался от своей пассивной тактики в корейских делах и обнаружилось, что американский концессионер ищет возможности продать свое право, что работы на линии Сеул—Чемульпо начаты с расчетом на узкую колею и что покупателями выступают японцы, — Витте и тогда ограничился требованиями к министерству иностранных дел об «энергичном противодействии» переходу концессии к япон-

¹ См. там же письмо упр. МИД. Шишкина в Мф. от 16 сентября 1896 г.

² См. там же, письмо Витте Шишкину от 10 октября и ответ Шишкина.

³ См. там же, «заметку о ж. д. Кореи г-на Möllendorff'a», доставленную управляющему делами Военно-Ученого Комитета Главного Штаба военным агентом в Китае Воганом при письме от 18/30 декабря 1896 г. Möllendorff предлагал, чтобы Россия взяла на себя гарантию «хотя бы одной половины дохода», и указывал на то, что 1) «американцы с политической точки зрения менее всего опасны» и 2) Россия «получила бы возможность беспрепятственного подвоза войск до берегов Японского моря».

⁴ См. в д. № 11а тел. Алексеева к Витте от 8 января 1898 г. о состоявшемся распоряжении корейского правительства относительно бессрочного продолжения запретительного указа.

цам и нарушению ноябрьского указа о русской коллее, но сам «вступить в это дело опасался, боясь потерь»¹.

Отчасти, повидимому, финансовыми соображениями руководился Витте и в постановке, приданной им делу о корейском займе: Тщательное обследование состояния корейских финансов, произведенное Покотиловым осенью 1896 г., вело к заключению, что 1) самая организация финансового управления Кореи совершенно примитивна и из рук вон плоха, 2) в данный момент по счастливой случайности корейское правительство располагает свободной наличностью около полутора мил. иен и следовательно имеет возможность произвести первый взнос по японскому займу и 3) остается еще невыясненным вопрос, согласится ли Япония теперь же принять этот взнос или, придерживаясь точного смысла контракта, будет настаивать на уплате в два срока, в 1898 и 1899 гг. Отсюда, с узко финансовой точки зрения, и был сделан правильный вывод: 1) отложить вопрос до законного срока первой уплаты, 2) в крайности, не торопясь, повести дело к гарантии Русско-Китайским банком уплаты взноса 1898 г., 3) предоставить самому корейскому правительству выяснить в Японии возможность досрочной уплаты, и 4) тем временем подготовить почву для перехода всего финансового управления Кореи под контроль русского финансового советника. В полной зависимости от такой точки зрения: 1) миссия Покотилова была признана выполненной, и в начале ноября 1896 г. он покинул Сеул, 2) перед отъездом он предъявил королю и министру финансов записку в только что указанном смысле с предложением отсрочки вопроса на 6 месяцев и согласием, если окажется необходимым, предоставить заем под гарантию доходов от поземельной подати и от таможен (т. е. почти всех доходов страны), 3) «под благовидным

¹ См. в д. № 29/16: тел. Покотилова из Пекина от 23 июня 1897 г., письмо Витте Муравьеву от 1 июля, тел. Покотилова от 23 июля с предложением покупки всех акций американской компании (помета Витте: «решить трудно»), письмо Витте Муравьеву от 29 июля, тел. Покотилова от 30 июля о необходимости решительного ответа (Витте: «ответить, что опасаясь вступить в дело, боясь потерь»).

предлогом» записки этой он собеседникам своим не оставил, взяв однако с министра финансов письменное обязательство о согласии принять от России заем на указанных условиях¹. Выходило так, что по истечении 5 месяцев после московских переговоров корейское правительство ничего, кроме словесного и притом условного обещания, от России не получило и предоставлялось самому себе еще на 6 месяцев. Совершенно, повидимому, не отдавая себе отчета в политических последствиях такой медлительной тактики, Витте всецело отдался под власть «боязни потерь». В январе 1897 г., когда почта доставила, наконец, в министерство иностранных дел подробное донесение о развязке Сеульских переговоров и текст упомянутого корейского обязательства, а министерство, по обычаю, сообщило об этом Витте и между прочим напомнило о посылке финансового чиновника, у Витте вырвалось: «кто будет платить нашему агенту, это нигде не говорится, хотя я говорил, что на счет Кореи»². В ответном же письме Муравьеву Витте преимущественно распространился на тему о неблагоприятном состоянии финансового управления и хозяйства Кореи и заявил, что «предварительно выбора лица [на должность финансового советника] и дальнейшего движения вопроса о займе» он просит предписать русскому дипломатическому представителю в Сеуле убедить короля оказывать всемерное содействие русскому финансовому агенту³. Муравьев так и понял, что Витте тянет с корейским вопросом, и недоумевал, чего же собственно тому нужно для того, чтобы приступить к исполнению намеченной программы⁴.

Между тем, 8/20 февраля 1897 г. корейский король покинул русскую Миссию и водворился в собственном дворце, а вскоре стало ясно, что русское влияние при корейском дворе не выдер-

¹ См. в д. № 5, ч. I, донесение Покотилова от 4 ноября 1896 г. из Сеула.

² См. помету Витте на письме Муравьева от 30 января 1897 г. — в д. № 5/I.

³ См. там же письмо Витте Муравьеву от 12 февраля 1897 г.

⁴ См. письмо Муравьева от 8 марта т. г. — там же.

живает этого искуса. Решающую роль в этом смысле должно было сыграть сообщение Японией корейскому правительству текста Московского протокола 28 мая, не исключая секретных его статей: уклонение России от исполнения обещаний, заключенных в «ответных пунктах корейскому послу», получало в глазах корейского правительства удручающее объяснение в скрытом Расеией от него соглашения с Японией об обоюдном русско-японском протекторате над Кореей¹. Вслед за японцами приняли свои меры и англичане. Директор таможен Броун, с самого начала поставивший своей задачей не допустить русский заем, убедил теперь корейское правительство приступить к расплате по японскому займу из собственных средств корейской казны: к моменту истечения 6 месячного срока, назначенного Россией, Корея уплатила Японскому банку 1 милл. пен, а вскоре затем выяснилось, что к осени 1897 г. таким же способом может быть выплачен и второй миллион². Разочарование в надежности русских обещаний овладело королем настолько, что в мае этого же года он обратился с просьбой о помощи одновременно к Франции и Германии, и в частности французам предположено было просить о присылке десанта и постоянного стационара в Чемульпо³.

Когда, наконец, Витте вышел из состояния бездействия и представил царю, 9 мая 1897 г.; доклад о назначении финансового агента в Корею, вести дело к тому, чтобы агент этот занял положение советника корейского правительства по финансовым делам, было уже далеко не так просто. Не только сам Витте отказывался требовать для него это формальное звание, во избе-

¹ См. там же тел. Покотилова из Пекина от 8 марта; по его сведениям, «после переезда короля из нашего посольства наше положение ухудшилось».

² См. письмо Покотилова Ротштейну от 9/21 апреля 1897 г. в д. № 7, ч I, о том, что «положение вещей заметно изменилось в Корее», что «корейское правительство изменило свой взгляд на русский заем» и что ассигнован 1 милл. на уплату японского долга. — О предстоящей уплате второго милл. см. тел. его же в М. Ф. от 22 мая 1897 г. в д. № 5/I.

³ См. донесение русского финансового агента в Корее Алексева от 6 февраля 1898 г. в д. № 11/а.

жание протестов и интриг представителей держав, и хлопотал лишь о подготовке благоприятной почвы для него лично у корейского короля, но и Муравьев считал обстановку в Корее настолько «значительно изменившеюся», что «затруднялся высказать какое либо заключение о том, как будет принято со стороны корейского правительства желание наше присвоить коммерческому агенту роль советника и каково будет в зависимости от этого его официальное положение»¹. Обстановка изменилась не только «сравнительно с прошлым годом, когда возник этот вопрос», но и сравнительно с тем, какою она была еще месяца два назад, когда и Покотилов, сидя в Пекине, еще в феврале учуял необходимость внушить Корее твердую уверенность в финансовой поддержке России и Муравьев, в начале марта, увещевал Витте понять все политическое значение *своевременного* захвата в свои руки контроля над финансами Кореи, отказаться от узко коммерческого подхода к этому делу и долгие не откладывать командирования финансового советника². Но именно этот последний вопрос — о советнике — Витте и протянул решением, еще целых два месяца, и двинул его тогда, когда сам счел это нужным, никак и не откликнувшись на поучение своего коллеги³. Зато к совету своего пекинского агента Витте отнесся с полным вниманием и вопрос о предоставлении займа Корее распорядился «решить немедленно по приезде [из за границы] Ротштейна»⁴. Если при этом Витте исходил из мысли, что без Ротштейна нельзя решить вопроса о займе потому, что сделка должна быть заключена с Русско-Китайским банком, то в этом он и ошибся: оказалось, что Ротштейн предпочел оставить свой банк в стороне

¹ См. в деле № 11-а: всеп. доклад Витте от 9 мая 1897 г. о назначении коммерческим агентом в Корее К. А. Алексеева, письмо Витте Муравьеву от 19 мая и письмо Муравьева к Витте от 3 июня 1897 г.

² См. в деле № 5/1: телеграммы Покотилова из Пекина от 2 и 17 февраля 1897 г. о необходимости обещать Корее заем, чтобы дать ей возможность начать переговоры с Японией о досрочной уплате, и письмо Муравьева от 8 марта т. г.

³ Ответа Витте на письмо Муравьева от 8 марта в делах МФ. не имеется.

⁴ Резолюция, положенная на тел. Покотилова от 17 февраля.

и изобрести другую комбинацию, при которой фактически заем дала бы казна. Комбинация эта заключалась в том, чтобы учредить особый Русско-Корейский банк, складочный капитал которого в 100.000 руб. оставил бы за собою Русско-Китайский банк с тем, что русское правительство имело бы право выкупить 51% акций в течение 5 лет, а 3 милл. руб., необходимые для корейского 6% займа, были бы положены в банк бессрочным вкладом из свободных сумм Общества Китайской Восточной ж. д. с начислением на них 2% годовых. Такая комбинация не могла, разумеется, удовлетворить Витте, но и Ротштейн, «при всей готовности идти [ему] навстречу», не мог «игнорировать интересы акционеров Русско-Китайского банка, так как [был] убежден, что первые годы деятельность Русско-Корейского банка будет самая незначительная, в виду полного почти отсутствия русско-корейской торговли», и можно было опасаться, что все дело постигнет заминка¹. И вот, П. М. Романов, тогда директор канцелярии министра финансов, в качестве ближайшего сотрудника Витте с самого начала ведавший всю кухню министерства по Дальнему Востоку, член правлений Общ. Китайской Восточной ж. д. и Русско-Китайского банка, видимо хорошо понимавший всю ответственность дальнейших задержек, сделал попытку склонить Витте согласиться на предложение Ротштейна, поставив вопрос в политическую плоскость:

«По моему убеждению,— писал Романов 8 марта,— Корея имеет для нас первостепенную важность; для нас Северная Манчжурия важна лишь постольку, поскольку она может «дать доступ или к Ляодуну или к Корее. Но китайцы «едва ли в скором времени допустят нас дойти с железною «дорогой к одному из портов Ляодунского полуострова, ибо «они понимают, что это совершенно отдало бы Пекина в наши

¹ См. в д. № 13 набросок, рукою Романова, оснований устава банка, и докладные записки его министру финансов от 27 марта и 8 марта 1897 г.

«руки; напротив, они не будут, вероятно, очень возражать «против проведения жел. дороги от Бодунэ через Гиринь «к одному из портов Кореи, ибо это обеспечивает их от захвата Кореи японцами. Но чтобы нам добиться такого «решения от Кореи, надо сперва получить влияние на «финансовые дела ее, и в этом отношении не следует останавливаться даже перед финансовыми жертвами, ибо это нам «окупится сторицею в сравнительно недалеком будущем». — Романов прибавлял при этом, что «во всяком случае дело «о Русско-Корейском банке требует скорейшего разрешения «(в положительном или отрицательном смысле)».

Как видим, Витте предлагали: 1) отказаться от владевшей им «боязни потерь» и 2) сделать выбор из двух, открывавшихся с разрешением вопроса о Северной Манчжурии, вариантов приобретения незамерзающего порта — Ляодунского и Корейского — в пользу последнего. Без банка, как необходимой политической принадлежности, уже не мыслилась тогда в русском министерстве финансов возможность какой либо наступательной политики на Дальнем Востоке, и отказаться от корейского банка означало бы отказаться от корейской политики — в пользу политики Ляодуна. Но какие реальные данные могли быть тогда у Витте в пользу последней, чтобы отказаться от условий Ротштейна? И Витте принял эти условия в тот же день¹. Однако, делать отсюда заключение, что в этот момент Витте целиком принял постановку вопроса о дальнейшем развитии наступательной политики на Дальнем Востоке в том виде, какой придан был ей в докладе Романова, — т. е. или Корея или Южная Манчжурия, — и отказывался от одновременного действия в обоих направлениях, что следовательно теперь оставалось только провести устав Русско-Корейского банка и поспешить командированием в Корею советника, а *затем* начать хлопоты в Пекине о железной дороге

¹ См. помету Витте в этом смысле на докладе 8 марта — там же.

через Бодунэ и Гиринь «к одному [к какому же именно?] из корейских портов» — было бы ни на чем не основано. Да незаметно и признаков, чтобы командирование в Корею советника до той поры задерживалось из за того, что оставался невырешенным вопрос о банке и займе, и чтобы принципиальное разрешение этого вопроса повлекло за собою какие либо практические шаги в вопросе о советнике: прошло, как сказано, два месяца, и только 9 мая т. г. Витте предложил послать в Сеул К. А. Алексеева, видного чиновника русского таможенного ведомства, имея в виду «упрочение русского влияния в корейских таможах»¹.

Сборы и приготовления к отъезду «русского коммерческого агента» затянулись более, чем еще на месяц, и Алексеев выехал в конце июня, рассчитывая с остановками в Лондоне и Шанхае добраться до места назначения к концу августа и имея инструкцию: действовать осторожно и не торопясь, войти в полное разумение финансового управления и экономической жизни страны, выяснить, на каких условиях могло бы быть образовано там русско-корейское кредитное учреждение, добиваться того, чтобы корейское правительство установило связь с русской телеграфной сетью, и в конечном итоге «стремиться, чтобы *современем* администрация таможен перешла вполне в русские руки»². К моменту отъезда Алексеева было, впрочем, уже известно, что русские перспективы в Корее не так безнадежны и во всяком случае сам король «относится сочувственно к агенту М. Ф.»³. Но никто не ожидал, что с прибытием русского агента в Сеул в сентябре 1897 г. события повернутся так быстро и круто в пользу России, как то случилось на самом деле: корейские события тогда

¹ В докладе 9 мая Витте объяснял свой выбор именно тем, что в Корее необходимо лицо, знакомое с «таможенным ведомством».

² Инструкция коммерческому агенту, сохранившаяся в виде отпуска в деле № 11-а, помечена 10 июня.

³ См. в деле № 11-а телегр. Вебера из Сеула от 5 июня 1897 г. на имя мин. иностр. дел. Вебер высказывал предположение, что Алексееву следует начать с упорядочения финансов дворцового управления.

опять забежали несколько вперед и поставили русскую дипломатию в необходимость считаться с еще более сложной обстановкой. Только тормаза на этот раз перешли из рук Витте в руки Муравьева, и покушение на Корею на этот раз приостановлено было вопреки упорному настоянию Витте. Оба раза корейский вопрос оказался тесно связанным с манчжурскою политикой России, и именно поэтому необходимо было остановиться на некоторых деталях русско-корейских отношений, прежде чем перейти к дальнейшим наблюдениям за движением России в Манчжурии.

III.

Современник описываемых событий, внимательно следивший за малейшими признаками роста русского влияния в Корее и располагавший к началу 1897 г. такими двумя документами, как «конвенция Кассини» и устав Общ. Китайской Восточной ж. д., едва ли мог предсказать, что Китайская Восточная ж. д. пройдет по прямой линии Цицикар — Харбин — Никольск-Уссурийский, и тем менее поверил бы, что этим и ограничивается манчжурская программа России в данный момент. За неимением ровно никаких указаний в уставе 4 декабря на направление разрешенной дороги, направление ее, точно описанное в «конвенции Кассини», приобретало всю авторитетность: оно делало излучину на Гирин, как явствовало из дальнейших пунктов «конвенции», в расчете на продолжение дороги на юг к Шавьхайгуаню, и подходило к русской границе у Хуньчуня так близко к корейской, что делало «конвенцию» комментарием не только к уставу 4 декабря, но и к ноябрьскому указу корейского короля о русской железнодорожной колее. Если современный наблюдатель, поэтому, должен был ожидать со дня на день дальнейших шагов России в обоих направлениях, то вовсе не потому, что у него было расстроенное воображение.

Переговоры о концессии на Китайскую Восточную ж. д. кончились подписанием такого контракта, который не исчерпывал

всех связанных с постройкой вопросов, в частности вопроса о направлении линии. Уже по одному этому о приступе к работам теперь же нечего было и думать. По предварительным рекогносцировкам намечалось два направления: северное на Цицикар-Хуланьчэн и южное на Бодунэ-Гиринь-Нингуту. Первое было значительно короче и, как впоследствии выяснилось, сопряжено было с меньшими физическими трудностями, второе зато ближе подводило к крупным центрам Мукденской провинции и отхватывало в зону дороги более выгодный экономически район¹. Этот кардинальный вопрос о направлении линии, предварительно серьезных изысканий, вызывал необходимость особых переговоров в Пекине. Но были и другие вопросы, связанные с постройкой ж. д. в Северной Манчжурии, находившиеся в том же положении. Решение их Витте не предполагал выпустить из своих рук и принял меры к тому, чтобы провести его в обстановке наибольшего благоприятствования, связав предстоявшие переговоры с передачей первого из трех обещанных Ли Хунчжану миллионов. Передачу эту в свое время, после подписания контракта 27 августа, Витте не задумался отложить именно потому, что «ранее нескольких месяцев мы ничего на месте делать не будем, значит мешать нам [китайцы] не могут», тем более что «необдуманным спехом можно и потерять деньги». Откладывая тогда предложенную было Ухтомским поездку в Китай специально только для расчета с Ли Хунчжаном, Витте имел уже в виду, что позднее она «может получить другое значение»². Поездка Ухтомского в Китай действительно состоялась весной 1897 г. и действительно получила «другое значение». Только до недавнего времени она не привлекала к себе внимания, а Витте не только обошел ее полным молчанием в своих «Воспоминаниях», но позабо-

¹ См. изданный канцелярией Правления Общ. Китайской Восточной ж. д. исторический очерк: «Китайская Восточная жел. дор.», т. I (1896—1905 гг.). СПб., 1914 г., стр. 49—50.

² См. в дело № 51, ч. I, телегр. Витте Ухтомскому из Ялты от 3 сентября 1896 г.

тился о том, чтобы не допустить упоминания о ней и в известном «Прологе русско-японской войны» Глинского¹.

27 декабря 1896 г. сконструировалось правление Общества Китайской Восточной ж. д., и первое же заседание правления занялось вопросами, которые оказалось необходимым выяснить в Пекине в первую очередь. Заседание это имело место 22 января 1897 г. в тот самый день, когда вопрос о поездке Ухтомского мог считаться окончательно решенным, и носило секретный характер². Вот что было занесено в пункт II журнала заседания:

«II. Засим С. И. Кербедз предложил совещанию высказаться относительно того, не следует ли Обществу Китайской Восточной ж. д. ныне же войти в переговоры с Китайским правительством о разрешении ему построитьширококолейную железнодорожную ветвь от названной линии до одного из портов Желтого моря. При этом, признавая, «со своей стороны, скорейшее осуществление упомянутой ветви, в интересах Общества, крайне желательным, С. И. Кербедз полагал бы, что в крайнем случае можно было бы согласиться на сооружение сей ветви с узкой колеей, если бы со стороны Китайского правительства встретились серьезные препятствия к устройству ее ширококолейною. По мнению С. И., к которому вполне присоединились и другие присутствовавшие в заседании совещания инженеры, устройство означенной ветви с узкой колеей не может представить каких-либо существенных неудобств, так как «в случае ее разрешения Общество могло бы устроить на

¹ Некоторые замечания о поездке Ухтомского были даны нами в исследовании о «Лихунчангском фонде», в журн. «Борьба классов», 1924 г., № 1—2, стр. 109.

² См. в д. № 7, ч. I, «Журнал Особого совещания Правления Общества Китайской Восточной ж. д.» от указанного числа. Председательствовал тов. председ. Кербедз, присутствовали члены правления П. М. Романов, кн. Ухтомский, Э. К. Циглер и Я. Г. Алексеев, главный инженер А. И. Югович и его помощник С. В. Игнациус.

«сей ветви как полотно, так и все искусственные сооруже-
«ния по ширококолейному типу, а при таких условиях пере-
«шивка сей ветви из узкой на широкую колею могла бы
«быть, в случае необходимости, проведена в течение несколь-
«ких дней. Во всяком случае, по мнению С. И., следовало бы
«немедленно войти в переговоры по сему вопросу с Китай-
«ским правительством, пользуясь для сего поездкой кн. Ухтом-
«ского в Пекин, так как пока живы Ли-хун-чанг и вдовствующая императрица Общество может рассчитывать на под-
«держку с их стороны; поэтому, а также и в виду преклон-
«ного возраста сих последних откладывать на несколько лет
«этот вопрос было бы неосторожно, ибо обстоятельства мо-
«гут измениться к невыгоде Общества.

«Разделяя вышеизложенные соображения С. И. Кер-
«бедза, С. В. Игначиус, со своей стороны, добавил, что
«благодаря тому сильному влиянию, которым пользуется
«в настоящее время русское имя на Востоке и особенно
«в Китае, время это представляется наиболее благо-
«приятным для достижения успеха в рассматриваемом деле.
«Между тем следует опасаться, что вследствие старания
«наших политических антагонистов влияние это может
«со временем уменьшиться и тогда добиться упомянутого
«успеха будет сопряжено с значительно большими затруд-
«нениями.

«По поводу вышеизложенного П. М. Романов высказал,
«что вопрос о проведении железнодорожной ветви от Китай-
«ской Восточной ж. д. до одного из портов Желтого моря
«имеет уже свою историю. Во время происходивших пере-
«говоров в мае месяце прошлого года в Москве между
«министром финансов и Ли-хун-чангом возбуждался и вопрос
«о проведении упомянутой ветви, при чем Ли-хун-чанг согла-
«шался на ее сооружение, но лишь при условии узкой колеи.
«Так как министр финансов категорически отказал в этом,
«признавая безусловно необходимым, чтобы ветвь эта имела

«одну и ту же колею с главной линией, то переговоры эти не привели ни к какому результату. В виду сего, по мнению П. М. Романова, с которым согласился и Э. К. Циглер, «в настоящее время едва ли может быть возбужден вопрос о сооружении названной ветви с узкой колеей, о чем ранее ходатайствовало само Китайское правительство и в чем министром финансов было категорически отказано. Обстоятельство это было бы нежелательным уже потому, что «в переговорах с китайцами следует держаться твердой политики, так как этим путем всегда скорее можно достигнуть желаемого успеха. При этом следует иметь в виду, что выданные в последнее время Корейским правительством французской и американской компаниям концессии на постройку узкоколейных линий: 1) от Сеула до устья Ялу, и 2) от Сеула до Чемульпо, были, по настоянию русского правительства, изменены в том смысле, что означенные линии «должны быть построены с русской колеей. Поэтому со стороны русского правительства было бы непоследовательно «соглашаться на устройство русскою компаниею на Востоке узкоколейной линии, в то время как по его же настоянию иностранные компании вынуждены строить на том же Востоке линии ширококолейного типа.

«При таком положении дела, по мнению П. М. Романова, «если бы признано было необходимым возбудить вопрос о «постройке железнодорожной ветви для соединения Китайской Восточной ж. д. с Желтым морем, то вести переговоры «следует о линии с широкой, а не узкой колеей. Но, со своей «стороны, П. М. Романов не усматривает особенной необходимости в немедленном разрешении сего вопроса. Напротив, «по его мнению, казалось бы есть основание опасаться, что «в случае возбуждения сего вопроса в настоящее время, — «когда не вполне еще улеглось волнение, произведенное на «наших соперников на Дальнем Востоке известием об образовании Общества Китайской Восточной ж. д., — обстоя-

«тельство это может только повредить успеху предприятия
«Общества, осложнив и без того слишком трудную его за-
«дачу. Что же касается высказанных в Совещании опасе-
«ний, что впоследствии будет гораздо труднее получить со-
«гласие Китайского правительства на проведение желаемой
«ветви, то в этом отношении П. М. Романов не только не
«разделяет означенных опасений, но наоборот убежден в том,
«что в будущем, когда мы построим манчжурскую линию,
«нам будет несравненно легче добиться означенного согласия,
«чем при настоящих условиях.

«Признавая, со своей стороны, скорейшее осуществление
«железнодорожной ветви от Китайской Восточной ж. д. до
«одного из портов Желтого моря крайне желательным, Со-
«вещание тем не менее, в виду высказанных П. М. Романо-
«вым соображений, полагало, что возбуждение в настоящее
«время сего вопроса может вызвать значительные затрудне-
«ния, как со стороны Китайского правительства, так глав-
«ным образом со стороны представителей иностранных дер-
«жав, что в свою очередь может сильно осложнить и без
«того трудную задачу Общества. В виду сего Совещание
«пришло к тому заключению, что Обществу следовало бы
«действовать активно в этом направлении лишь в том случае,
«если бы была полная уверенность в том, что переговоры
«по сему вопросу с Китайским правительством приведут
«к желаемому результату, или если бы Китайское прави-
«тельство само возбудило этот вопрос, вступив в переговоры
«с Обществом. При этом Э. К. Циглер, к которому присое-
«динились и другие члены Совещания, полагал, что если бы
«даже Общество и получило ныне же концессию на постройку
«названной ветви, то к сооружению ее не следовало бы при-
«ступать одновременно с магистральной линией, так как это
«на первых порах слишком обременило бы Общество, и что
«в этом отношении, т. е. в отношении срока приступа, было бы
«более осторожным не связывать себя никакими обязатель-

«ствами перед Китайским правительством. При дальнейшем
«обсуждении вопроса о том, какие меры могло бы предпри-
«нять Общество уже в настоящее время для того, чтобы,
«не возбуждая никаких политических недоразумений, подго-
«отовить почву для достижения желаемого успеха в будущем,
«Совещание остановилось на предложении С. И. Кербедза,
«нельзя ли выхлопотать у Китайского правительства кон-
«цессию на постройку железнодорожной ветви от главной
«линии к угольным месторождениям вблизи Мукденя. При-
«нимая во внимание, с одной стороны, что необходимость
«сооружения упомянутой ветви вполне объясняется потреб-
«ностью в каменном угле для нужд Китайской Восточной
«ж. д., а с другой, что в случае осуществления сей ветви,
«необходимость дальнейшего продолжения ее до одного из
«портов Желтого моря явится уже сама собою очевидной и
«во всяком случае разрешение его вызовет менее затрудне-
«ний, — Совещание пришло к тому заключению, что при
«существующих условиях было бы наиболее правильным и
«осторожным возбудить вопрос о разрешении Обществу по-
«строить ширококолейную ветвь от Китайской Восточной
«ж. д. до каменноугольных месторождений, находящихся
«в Мукденской провинции, с тем чтобы конечный пункт
«означенной ветви был установлен впоследствии в зависи-
«мости от более точного определения, на основании имеющих
«быть произведенными изысканий, местонахождения выше-
«упомянутого каменного угля.

«Вместе с тем Совещание, согласно с мнением А. И.
«Юговича, признало весьма желательным заручиться у Ки-
«тайского правительства какою-либо гарантией в том,
«что, если когда либо оно согласится на осуществление
«железнодорожной линии от Китайской Восточной ж. д.
«до одного из портов Желтого моря, то Общество будет
«пользоваться преимущественным правом на постройку сей
«линии».

Как видим, прежде всякого иного действия, претензия на «ветвь к Желтому морю» возникала, независимо от какого-либо внушения со стороны Витте (а если нет, то тем это в данной связи любопытнее!), в силу логики железнодорожной природы в той самой нерасчлененной форме, в какой она фигурировала еще в весенних переговорах Витте с Ли Хунчжаном: конечный пункт ее не поддавался никакому дальнейшему определению, и пока оставалось безразличным, пойдет ли она к одному из портов Кореи или южной Манчжурии. Именно в таком двуром виде мысль эта не только не встретила возражений в чиновном собрании, но и заслужила полное одобрение всех без исключения его членов. Разногласия обнаружались только по вопросу о более легком и верном пути ее осуществления, причем инженеры-практики отдавали себе, как будто, отчет в политическом значении этой мысли и безнадежности ее с международной точки, если будет упущен исключительно счастливый и висящий на слабом персональном волоске момент (и если хотеть избежать прямого захвата силою), а политики-бюрократы с одной стороны не дооценивали предстоявшего нарастания сложности и энергии в международных отношениях вокруг Китая, а, с другой, пасовали перед трудностями данной минуты, — точно в международной обстановке в расчете на недалекость всех остальных можно заморозить все, самым нагуливая силу. Отдавая дань второму взгляду, заявленному как бы от лица самого министра финансов, Совещание считалось, однако, и с возможностью полной удачи в этом деле. Во всяком случае все присутствовавшие считали необходимым добиться реальных гарантий успеха хотя бы в будущем и видели такую гарантию в разрешении Китайским правительством теперь же ветви в южную Манчжурию до Мукдена. В такой форме мысль о ветви к «одному из портов Желтого моря» попрежнему не предreshала вопрос о местоположении конечного ее пункта, потому что от Мукдена можно было вести ее не только в Корейские порты, но и в Манчжурские. Недаром, когда в марте 1897 г., в связи с вопросом о Русско-Корейском

банке, речь зашла о более точном определении понятия «порта на Желтом море», то к корейскому порту путь назывался не кружной через Мукдень, а прямой через Гиринь¹. Программным минимум русского правительства, как участника акционерного общества Китайской Восточной ж. д., на ближайшее время требовала, таким образом, проникновения в самое сердце южной Манчжурии.

Это отнюдь не значило, что такова именно была в данный момент и программа министерства иностранных дел, как официального присяжного представителя русского правительства. Приходится подозревать прямо обратное, если судить по тому, что от министра ин. дел Витте считал за лучшее скрыть истинные цели миссии Ухтомского и, сообщая, например, Муравьеву о последовавшем распоряжении царя о поездке Ухтомского в Пекин, указал только второстепенные: передачу царских подарков богдыхану и выяснение вопросов о монете для расплаты в Манчжурии и о обеспечении дороги топливом². При этом условии, на Дворцовой площади и не подозревали, какое покушение на Манчжурию замыслилось в том же доме, только с Мойки, и, наивно принимая тишину за беспечное бездействие, втуне обращались туда с поучениями по корейскому вопросу³.

Совершенно, однако, независимо от настояний Муравьева, корейский вопрос был рассмотрен в министерстве финансов не ранее, как только по возвращении из заграницы Ротштейна, в начале марта. Но и формулировка вопросов, которые должны были послужить предметом переговоров Ухтомского в Пекине, была представлена на утверждение Николаю II только 14 марта 1897 г.: с нею тоже, повидимому, ждали, пока не вернется Ротштейн. По корейскому вопросу Ротштейн, как отмечено выше, занял несколько сдержанную позицию, считая невыгодным сколько-нибудь серьезное участие Русско-Китайского банка

¹ См. выше, стр. 157, доклад П. М. Романова от 8 марта.

² См. в д. № 7, ч. I, письмо Витте Муравьеву от 29 января 1897 г.

³ Ср. выше письмо Муравьева к Витте от 8 марта 1897 г.

в политических комбинациях русского правительства в Коре: Русско-Корейский банк, а не отделение Русско-Китайского, должен был послужить, главным образом, орудием передачи корейскому правительству ссуды из средств Китайской Восточной ж. д., т. е. на деле из сумм государственного казначейства. К этому моменту, повидимому, курс на корейский порт в Желтом море уже определился, что до известной степени и оправдывало вложение капитала Китайской Восточной ж. д. в корейский банк¹. У нас нет прямых следов участия Ротштейна в обсуждении и вопроса об инструкции Ухтомскому, но на мысль эту наводит не только дата ее утверждения, но и то, что в свое время в январе некоторые вопросы, подлежащие выяснению на месте, отложены были обсуждением именно до его приезда². Инструкция Ухтомскому заключала в себе следующие восемь пунктов: 1) добиться от китайцев разрешения на, так называемое, южное направление манчжурской магистрали, 2) выяснить, как отнесется китайское правительство к вопросу о проведении русской линии, которая соединила бы Китайскую Восточную ж. д. с китайской предположенной линией от Тяньцзиня через Шаньхайгуань на Цзиньчжоу, и не согласится ли Китай на проведение жел. дороги от магистрали до одного из портов Кореи, 3) обеспечить добросовестное исполнение китайцами п. 4 контракта 27 августа, 4) требовать приравнения главного инженера дороги в ранге к трем манчжурским цзяньцзуням и предоставления ему права непосредственных с ними сношений, 5) получить разрешение на вывоз из внутреннего Китая медной монеты в Манчжурию, 6) заручиться для Русско-Китайского банка правом чеканить серебряную монету, безусловно обязательную

¹ Именно так оправдывал Романов в своем докладе от 8 марта такое участие в Русско-Корейском банке Китайской Восточной ж. д. Он предлагал для этого соответственно увеличить и сумму предполагавшегося тогда первого облигационного займа Китайской Восточной ж. д.

² Таков, например, обсуждавшийся в совещании 22 января вопрос о монете, какою нужно расплачиваться в Манчжурии и о втором пекинском члене правления.

к приему во всякие платежи на территории Манчжурии, 7) говорить такое же положение и для выпускаемых банком банковых билетов, 8) получить разрешение на учреждение агентств банка в пунктах, по которым пройдет дорога¹. В этой своей окончательной форме намечавшаяся в Советании 22 января программа-минимум русского правительства, как участника акционерного общества Китайской Восточной ж. д., не только обросла требованиями, утверждавшими господство в Манчжурии Русско-Китайского банка, но и выигрывала в ясности, благодаря расчленению скрытых в ней двух тенденций: корейской и южно-манчжурской — без всяких признаков их альтернативности. Но речь здесь шла уже не только о выходе железной дороги через незамерзающий порт в океан, но и о подступе к столице Китая без остановки в Мукдене. Не исключено, что в этой перемене у Витте было и не без участия Ротштейна: и позже Русско-Китайский банк не прочь был взять эту южно-манчжурскую ветвь на себя². Принимая решение выйти в океан через Корею, составитель инструкции естественно отказывался от выхода через Ляодун, но, как видим, этот отказ не имел ничего общего с отказом от южной Манчжурии и променом ее на Корею: в последний момент именно в министерстве финансов возобладал взгляд, что стоит поставить ставку на Ли Хунчжана и вдовствующую императрицу, пока они живы, и отложены были опасения за возможные международные последствия, связанные с такой чудовищной территориальной заявкой России.

Однако, нагруженный такой разросшейся программой миллион не выдержал своего груза, и миссия Ухтомского кончилась

¹ См. в д. № 7, ч. I, «Перечень вопросов, подлежащих выяснению в Пекине через кн. Ухтомского и инженера Циглера», с пометкой Витте от 14 марта о «высочайшем утверждении»; сохранился в сверенном списке.

² Дело было в первые же дни после входа немецких судов в Цзяочжоу: узнав о желании, будто бы, Китайского правительства приступить к постройке ж. д. в южной Манчжурии, Ротштейн телеграфировал Покотилову 5/17 ноября 1897 г., что если речь идет о продолжении ж. д. от Шаньхайгуаня на Мукден, то он просит попытаться обеспечить постройку за Русско-Китайским банком. См. д. № 13.

почти полною неудачей. По началу все шло как нельзя лучше. Ухтомскому подготовлена была повсюду «небывалая, торжественная, сердечная» встреча, и передача миллиона через посредников «совершилась в Шанхае со всеми предосторожностями» вполне благополучно. «Старик [т. е. Ли Хунчжан] очень истомился в ожидании» и «медлить дольше исполнением [обещания] положительно не следовало»; зато «почва для ведения переговоров» в первые же дни казалась Ухтомскому «готовой путем обмена предварительных депеш между нашим стариком и Шанхаем по мере взноса, а из Пекина, где сидел старик, приходили «все лучшие вести»¹. Но в Пекине, когда собственно финансовая операция была уже кончена, пошли иные песни. На первом же свидании Ухтомского с Цзун-ли-ямынем вопрос о южном направлении магистрали натолкнулся на сопротивление, Ли Хунчжаном же образно и мотивированное: «мы пустили вас во двор, вы же хотите влезть к нам в самые комнаты, где у нас жены и малые дети»; и окончательный ответ был несколько отложен². Не кончив с этим, в следующий раз Ухтомский заговорил о соединении магистрали с Шаньхайгуаньской линией и вызвал этим такую бурю обвинений против Ли Хунчжана «в преданности русским интересам», что, при всем своем обычно розовом оптимизме в китайских делах, сразу признал за благоразумное «ограничиться гарантией, что соединение это никому другому предоставлено не будет»³. Петербург не возражал, но надеялся еще выиграть линию на корейский порт, — но и о корейской линии Цзун-ли-ямынь «и слышать не захотел»⁴. Вопрос об этой линии в Петербурге считали более важным, чем соединение на Шаньхайгуань, и легко согласуемым с китайскими интересами, но оказалось, что именно «подобный проект китайцы считают, повидимому, вполне не осу-

¹ См. в д. № 51, ч. I, тел. Ухтомского из Шанхая от 3/15 мая 1897 г.

² См. в д. № 7, ч. I, тел. Покотилова из Пекина от 27 мая 1897 г.

³ Там же, тел. Ухтомского от 4 июня 1897 г.

⁴ Там же, тел. Романова от 6 июня с вопросом, почему нет еще ответа китайцев о ветви к корейскому порту, и с предписанием «возбудить этот вопрос».

ществимым, и заметно было, что один намек на возможность реализации этого плана при содействии с нашей стороны произвел на князей и министров удручающее впечатление»¹. В заключительном и решительном заседании 7 июня оба эти вопроса были похоронены окончательно. Но и по другим, в частности, по вопросу о южном направлении, Ухтомский получил лишь устные, впоследствии ничем не подкрепленные, заверения частью положительного, частью условного свойства»².

Как и можно было ожидать, эта неудачная дипломатическая вылазка за пределы Северной Манчжурии не прошла бесследно и внесла в дальнейшие отношения России с Китаем в манчжурском вопросе непоправимые осложнения. Вероятность таких осложнений предусматривалась еще при обсуждении вопроса о двух южных ветвях в совещании правления Китайской Восточной ж. д. 22 января, а затем и русский поверенный в делах внушал в Пекине Ухтомскому, что «в настоящее время, когда среди китайцев далеко не исчезло еще чувство недоверия и подозрительности к нашим планам в Манчжурии и когда чувства эти особенно поддерживаются в них иностранцами», возбуждение вопроса о «распространении нашей железнодорожной сети к берегам Печилийского залива, легко может оказаться опасным для успешного решения этого вопроса в будущем»³. Есть след, что в последний момент под влиянием этих внушений Ухтомский колебался и телеграфировал Витте о мнении поверенного, но получил от Витте предписание «во всяком случае» следовать точному смыслу инструкции⁴. Так как в конце концов китайцы заявили, что они не имеют намерения строить свою южную линию

¹ Там же, донесение Покотилова от 8 июня текущего года. По вопросу о южном направлении китайцы выразили готовность приказать цзян-цзюням обеих провинций оказывать содействие строителям при сооружении линии в южном направлении.

² См. то же донесение Покотилова от 8 июня 1897 г.

³ См. там же, письмо Муравьева к Витте от 18 августа 1897 г.

⁴ См. в д. № 7, ч. I, письмо Муравьева к Витте от 18 августа 1897 г. № 253 и в д. № 10, ч. I, донесение поверенного в делах в Пекине от 10 августа.

к северу вообще далее, чем до Цзиньчжоу, и что во всяком случае никому из иностранцев подобной концессии не дадут, то русская сторона и успокоилась было на этом — до лучших времен¹. Между тем, как только Ухтомский уехал в Россию, Ли Хунчжан вошел с докладом о приступе к постройке Шаньхайгуань — Гириньской ж. д. средствами казны, доклад его 19 июля был утвержден секретным указом богдыхана, а директором будущей дороги был назначен Ху Юйфын, известный, как «приверженец Гонконг-Шанхайского банка»², «находящийся под несомненным влиянием английского инженера Киндера», уже более 15 лет занимавшегося железнодорожными постройками в Китае³.

О смысле происшедшего не могло быть двух мнений: китайцы спешили вовлечь в Южную Манчжурию англичан в противовес покусившейся на нее России. Таково было впечатление от происшедшего в Петербурге, так понято было дело и русскими представителями в Пекине, при чем и там и тут совсем не ожидали такого оборота вещей. Муравьев прямо указал Витте на то, что виною всему «неосторожное и несвоевременное возбуждение Ухтомским вопроса о предоставлении нам права на сооружение *двух* вышеупомянутых соединительных ветвей» и, находя «крайне опасным участие английских капиталов в деле сооружения железной дороги в Манчжурии», телеграфировал в Пекин «воспрепятствовать передаче этого дела в руки Ху Юйфына»⁴. И между двумя министрами произошел небезынтересный обмен писем. Витте ответил на упрек Муравьева тоже упреком: дело не в том, чтобы протестовать против данного китайца, а в том, «чтобы дороги в Южной Манчжурии или не строились вовсе или... чтобы постройка их была передана никому иному, кроме Общества Китайской Восточной ж. д.». По существу же Витте пытался опро-

¹ См. цит. донесение Покотилова от 8 июня в д. № 7, ч. I.

² См. в д. № 10, ч. I, письмо Витте Муравьеву от 11 августа и донесение поверенного в делах в Пекине от 10 августа.

³ См. в д. № 7, ч. I, письмо Муравьева к Витте от 18 августа.

⁴ См. то же письмо. — Курсив наш.

вергнуть предъявленное ему обвинение в провоцировании Китая на сближение с Англией против России посредством преждевременного, ничем не вызванного, забегания года на два вперед — при помощи совсем грубой увертки: 1) «если возбуждение чувств недоверия и подозрительности у китайцев к нашим планам в Манчжурии ставить в связь с возбуждением вопроса о предоставлении нам права проложения дороги к Печилийскому заливу, то пришлось бы признать, что доверие китайцев к нам должно было быть поколеблено еще в мае минувшего года» (т. е. 1896 г.), 2) так как Ухтомский «во всех своих переговорах с китайским правительством являлся лишь простым представителем частных коммерческих интересов Русско-Китайского банка и Китайской Восточной ж. д.», то «миссия кн. Ухтомского не имела совершенно политического характера, почему и не могла возбудить опасений китайского правительства», и 3) Ухтомский «руководился при этом в переговорах своих данною ему программой, которая перед отправлением его в Китай была представлена» Витте «на благовоззрение» царя и последним одобрена. При этом Витте не отрицал, что «в отношениях наших с Китаем в последнее время произошла перемена, лучшим доказательством которой может служить то обстоятельство, что самое возбуждение вопроса о расширении сети Общества Китайской Восточной ж. д. по направлению к Печилийскому заливу представляется уже ныне неосторожным и несвоевременным», тогда как в мае 1896 г. Китай сам соглашался на узко-колейную южно-манчжурскую линию; но Витте сваливал вину за «ослабление нашего политического влияния в Китае» на то, что «наша дипломатическая миссия в Пекине уже около года остается без посланника»¹. Так как *ultima ratio* всей этой самозащиты Витте заключалась в ссылке на «высочайшую волю», то дальнейшая критика описанного неудачного дипломатического хода для Муравьева исключалась совсем. Но чем нелепее было его положение, как официального руководителя иностранной политики, без ведома которого не

¹ См. в д. № 7, ч. I, письмо Витте от 20 августа 1897 г.

только принимаются ответственные решения, но и делаются рискованные шаги, тем более оснований у него было со всею определенностью протестовать против закулисного вмешательства Витте в иностранные дела и культивирования двойной дипломатии. Муравьев в своем ответном письме и поставил Витте на вид, что: 1) если Ухтомский руководствовался утвержденной царем инструкцией, то он тем самым не являлся уже «простым представителем частных коммерческих интересов», 2) оба железнодорожные вопроса, поставленные инструкцией, по существу делились из нее «политическую программу» и 3) что «едва ли справедливо» брать мерило влияния нашего в Китае «образ действий Ли Хунчжана», который «мог, особенно под влиянием каких-либо материальных расчетов, давать нам самые торжественные и широкие обещания», а «вернувшись в Пекин и будучи, по служебному своему положению, поставлен в совершенно иные условия, тот же сановник может легко отказаться от данных обещаний»¹. Витте явно здесь обвиняли не только в политическом легкомыслии и дипломатическом легковерии, но и вскрывали то, что произошло: попытку открыть собственную дипломатическую игру под покровом личного авторитета царя и формально в интересах монополии частных предпринимателей.

Между тем в Пекине русские представители приняли спешно доступные меры к ликвидации непосредственной опасности укрепления англичан на русском пути к Печилийскому заливу: поверенным в делах был заявлен решительный протест против допущения английского участия в постройке железной дороги к северу от Шаньхайгуая и в результате настойчивых объяснений с Ли Хунчжаном и Ху Юйфыном вопрос был сведен к представлению небольшого займа Русско-Китайским банком на постройку (однако, не под залог дороги) и к отказу китайцев от обращения к английским банкам². Давая согласие на такой заем,

¹ См. в д. № 10, ч. I, письмо Муравьева от 23 августа 1897 г.

² См. в д. № 10, ч. I, донесения Покотилова от 11 августа и поверенного в делах от 10 августа 1897 г.: китайцы просили заем в 200 тыс. лан.

Витте, однако, считал такое разрешение вопроса «временным» и решительно настаивал на получении от Китая «положительных заверений» о точном выполнении заявления, сделанного Ухтомскому¹. А когда министерство иностранных дел дало в этом смысле инструкции в Пекин, Витте потребовал, чтобы кроме того «такой же категорический протест» был заявлен и китайскому посланнику в Петербурге².

Витте не только не намерен был отступать перед угрозой железнодорожного проникновения англичан в Южную Манчжурию, но в данном случае настойчивость его в желании закрепить достигнутые миссией Ухтомского результаты вызвана была еще и тем, что английский капитал («по прямому приглашению китайских властей») потянулся теперь и к горным богатствам Манчжурии: именно в сентябре 1897 г. для изысканий туда выехал из Пекина представитель английской фирмы Причард Морган, американец инженер Шоклэй, между тем как еще в марте этого года Витте имел успокоительные сведения о том, что переговоры самого Пр. Моргана «о предоставлении самых широких концессий на разработку руд во всем Китае» кончились категорическим отказом Цзун-ли-ямыня в выдаче ему каких-либо концессий³. Пока у Витте не было никаких формальных оснований требовать от Китая признания и промышленной монополии России в Манчжурии, и с «затеей» Моргана приходилось бороться партикулярными средствами⁴. Но вынудить у китайцев такое признание становилось неотложной задачей в той политике закрытых дверей, которая только и могла обес-

¹ См. там же, письмо Витте к Муравьеву от 22 августа.

² См. там же, письмо Витте к Ламздорфу от 11 октября 1897 г.

³ См. в д. № 40, т. I, тел. Покотилова от 6 сентября и от 19 марта 1897 г. Морган сам приезжал в Шанхай для переговоров зимой 1896—1897 г.

⁴ См. там же, донесение Покотилова от 3/15 декабря 1897 г.: следя за поездкой Шоклэя по Южной Манчжурии, Покотиллов решил прибегнуть к угрозе и посоветовал «приятелю Шоклэя дружески предупредить его, что всякое намерение со стороны англичан приняться за какое-либо серьезное дело в Манчжурии может вызвать разные неприятные осложнения, которые едва ли отзовутся благотворно на развитии затеянных предприятий».

печить за Россией в будущем безраздельное господство на всем манчжурском рынке, поставленное под угрозу описанным поворотом в политике пекинского правительства. Необходим был только подходящий повод для предъявления подобного требования. И он не заставил себя долго ждать: изыскания Шоклэя, успевшие охватить весь район между Ляояном, Мукденем, Фынхуанчаном и Дунхуасянем, не были еще закончены, когда эпизод с убийством в Шаньдуне католических миссионеров и последовавшая карательная высадка германского десанта в Цзяочжоу поставили китайское правительство в необходимость искать помощи России — ценою новых уступок в Манчжурии.

IV.

В те самые дни, когда Россия вошла в прямое соприкосновение с английскими интересами на почве Южной Манчжурии, более острое столкновение с ними стало фактом и в Корее. Появление там Алексеева (в начале сентября 1897 г.) сопровождалось неожиданным поворотом короля опять на сторону России и возвращением к власти ее приверженцев¹. Не теряя времени Алексей приступил к ознакомлению с хозяйственным положением страны и, добыв окольными путями точные сведения о состоянии таможенного управления, вскоре имел возможность представить королю доказательства своекорыстного обращения Броуна с поступающими по таможенным доходами². Результатом этого было назначение Алексеева финансовым советником при корейском правительстве, а затем и отставка Броуна, оформленные в особом контракте³. То, что представлялось весною достижимым ценою длительных, осторожных усилий без особенной на-

¹ См. в д. № 11 а, тел. Алексеева из Сеула от 18 сентября 1897 г. об образовании «нового состава министров» во главе с лицом, «преданным России», и о том, что «временное охлаждение кончено безусловно».

² См. там же, донесение Алексеева от 16 октября и частное его письмо к Романову от 22 октября 1897 г.

³ См. там же, тел. Алексеева от 14 октября, когда состоялся указ об отставке Броуна, и текст контракта, подписанного 24 октября 1897 г.

дежды на успех, совершилось в кратчайший срок и как бы само собою: Россия становилась формально хозяином корейских финансов и ей оставалось только безостановочно развивать свой успех. Ближайшим образом это означало — фактически овладеть таможенным управлением, т. е. 1) добиться передачи его Броуном Алексееву и 2) пустить в ход русский банк, куда и перевести депонирование таможенных сборов из японских банков, державших свои отделения в трех главных (открытых) портах — Фузане, Гензане и Чемульпо — преимущественно для этой цели¹. Поддерживаемый английским поверенным и внушениями Роберта Харта в расчете на протесты других держав, Броун не подавал и признаков готовности сдать свою должность, и Витте не устал требовать от Муравьева «энергичного содействия» устранению Броуна². С своей стороны, тотчас же по получении известия о назначении Алексеева, Витте спешно возобновил оставленное весной дело с учреждением Русско-Корейского банка: банк на этот раз выступал с капиталом не в 100, а в 500 тыс. рублей, и не только не было больше речи о ничтожности русской торговли в Корее, а и выставлялось на вид, что «русское имя и русские деньги начинают уже участвовать в эксплуатации рудных, лесных и других естественных богатств Кореи», и как пример указывалась выданная Бринеру, впоследствии столь прославленная при Безобразове, лесная концессия по всему течению пограничных рек Тумень и Ялу³. Наконец, на месте Алексеев приступил

¹ См. представление министра финансов в Комитет Финансов от 11 ноября 1897 г. об учреждении Русско-Корейского банка — в д. № 13.

² См. в д. № 11 а, тел. Покотилова из Пекина от 13 октября 1897 г. о протесте английского посланника в Сеуле и о телеграмме Харта Броуну: «держитесь крепко, можно надеяться на вмешательство других держав». Там же, письма Витте Муравьеву от 24 октября и 20 ноября т. г.

³ См. там же, тел. Романова Алексееву от 17 октября, и в д. № 13 ряд документов, из которых явствует, что 16 октября Витте одобрил устав банка (с директорами Ухтомским, Романовым, Нотгафтом, Вертом, Покотиловым, Алексеевым и Ротштейном), 20 октября учредители (Ротштейн, Нотгафт, бельгиец Кох, Ухтомский и Кербедз) представили прошение об утверждении устава, 31 октября царь приказал внести спешно устав в Комитет Финансов, 11 ноября

совместно с русскими моряками и военными к «выработке определенного плана действий» для исследования порта Ийчжу и прилегающего к нему района, как «наилучшего пункта для выхода к морю»¹. Как видно, наткнувшись на трудности и убедившись даже в опасности форсирования теперь манчжурского вопроса, Витте тем крепче решил войти в Корею и удержаться там всеми доступными средствами, не отступая перед конфликтами будь то с Англией, будь то с Японией.

Но на этот раз официальная русская дипломатия решительно отказалась в чем-либо форсировать корейский вопрос, так как готовилась к рискованному шагу в манчжурском. Еще до ввода русской эскадры в Порт-Артур, в самом конце ноября Муравьев заявил, что «затрудняется дать предписание поверенному находиться на передаче управления корейскими таможами в руки Алексеева» «в виду происходящих на Дальнем Востоке политических событий», а стоило русским судам войти в этот порт, как Япония поставила вопрос о пересмотре «соглашения о Броун-Алексееве», ссылаясь на Московский протокол. Так как Муравьев был уверен, что «при настоящих политических обстоятельствах мы поставлены в безусловную необходимость сохранять дружественные отношения с Японией», то и уступку ей делать было неизбежно в Корею, и прежде всего в самую ею указанную в вопросе о финансовом советнике². Во всяком случае, делать нажим в обоих направлениях одновременно русская дипломатия не находила возможным и выбрала одно — манчжурское. Было бы ошибкою думать, что выбор этот для нее был легок и что дело обошлось без колебаний и попытки борьбы.

Чтобы правильно оценить действия Германии, предпринимаемые ею в октябре 1897 г., надобно помнить, что она выступила

сделано представление туда, 30 ноября состоялось постановление Комитета Финансов о представлении устава на утверждение царя, состоявшееся 5 декабря, и 11 декабря поступило прошение об открытии отделения банка в Сеуле.

¹ См. в д. № 11 а, донесение Алексева от 18 января 1898 г.

² Там же, письма Муравьева к Витте от 26 и 29 ноября 1897 г., и его же тел. Шнейеру в Сеул от 11 декабря текущего года.

активно на Дальнем Востоке в 1895 г. для того, чтобы получить в Китае опорный пункт и возможность стать вровень там с другими державами: вопрос о приобретении порта на китайском побережье и был поставлен Вильгельмом Николаю II тотчас же после тройного ультиматума Японии в апреле 1895 г. Приходится удивляться, как долго с тех пор Германия тинула с выступлением, безостановочно обгоняемая державами-конкурентами — Францией, Россией и Англией¹. Опубликованные теперь германским министерством иностранных дел документы удостоверяют, что Германия еще в октябре 1895 г. приступила к дипломатической подготовке вопроса о добровольной передаче ей Китаем какого либо порта для стоянки ее судов, в декабре довела дело до Цзун-ли-ямыня и получила отказ, возобновила свои настояния летом 1896 г. перед Ли Хунчжаном и тоже безрезультатно, причем после некоторых колебаний остановила было свой выбор на Цзяочжоу, но убедилась из объяснений гр. Кассини, что, пока Россия не нашла себе подходящей бухты в Корее, Цзяочжоу остается для нее единственной близлежащей гаванью для зимней стоянки ее эскадры (август 1896 г.), и в ноябре совсем было приготовилась силою захватить Амой, поощряемая к захвату никем иным, как китайским посланником в Берлине и графом Кассини, но затем опять вернулась к мысли о Цзяочжоу². Однако попытка Радолина вскользь заговорить с Мурьевым о судьбе этой гавани в июле 1897 г., накануне поездки Вильгельма в Петергоф, привела к отрицательному результату: Радолину был дан деликатный совет 1) ждать удобного случая и 2) искать порт «по южнее», так как Россия не собирается от-

¹ Компенсируя себе успехи, достигнутые Францией по соглашениям 20 июня 1895 г. на юге Китая, Англия добилась от Китая, по соглашению 4 февраля 1897 г., исправления бирманско-китайской границы и права постройки жел. дороги из Бирмы в Юньнань. Тогда в свою очередь, Франция, в декларации 15 марта 1897 г., заручилась обязательством Китая не отчуждать какой либо другой державе о. Хайнань (в Тонкинском заливе).

² «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871—1914», Berlin, 1924, 14. Band, erste Hälfte: №№ 3654, 3655, 3659, 3663, 3664, 3666, 3668, 3672.

казываться от стоянки в Цзяочжоу и предстоящей зимой¹. Тем не менее, при свидании с Николаем в Петергофе, Вильгельм возобновил эту попытку и спросил царя, «имеет ли Россия виды на Киао-чао», на что тот ответил, что «действительно Россия заинтересована сохранить за собою доступ к этому порту до той поры, пока не завладеет более северным портом, который она уже присмотрела себе»². На вопрос же Вильгельма, будет ли царь возражать, если «германские суда, в случае надобности и с предварительного согласия русских морских властей, бросят якорь в Киао-чао», Николай ответил отрицательно. При этом Муравьев, которому была показана запись разговора двух императоров, будто бы заметил, что Россия не имеет намерения окончательно завладеть Цзяочжоу, хотя он и не может сказать, когда же Россия будет в состоянии освободить гавань, — по освобождении же ее Россия была бы склонна передать Цзяочжоу Германии, чтобы на нее не наложила руку Англия³. Таким образом, по германской же официальной версии, Вильгельм и в Петергофе не добился ничего, кроме условного согласия на *временный заход* германских судов в бухту, которая продолжала бы и далее находиться в неопределенно-бессрочном пользовании России. Но это была все же лазейка, — и в Берлине решено было воспользоваться ею, ввести германскую эскадру для зимовки в Цзяочжоу теперь же, не дожидаясь «удобного случая», сговорившись о том с Россией и предупредив о том Китай. Когда 9/21 сентября т. г. Радолин сказал Муравьеву, что Германия, «в соответствии с Петергофскими переговорами», имеет намерение сообщить Китаю о предстоящем «в случае нужды» вводе своей эскадры в Цзяочжоу и что это будет сделано только по соглашению с «тамошним русским начальством», то Муравьев принял это сообщение дружелюбно и, не высказываясь сам,

¹ См. там же, № 3677, Радолин-Гогенлоз, из СПб. 8 июля н. с. 1897 г.

² См. там же, № 3679, тел. Бюлова из СПб. в Берлин в М. И. Д. от 11 августа нов. ст. 1897 г., с резюме Петергофских переговоров. — Киао-чао = Цзяочжоу.

³ См. там же, № 3679.

обещал передать это царю¹. Когда же, не дожидаясь ответа Николая, это сообщение было сделано Цзун-ли-ямьню (19 сентября/1 октября), то там оно произвело «глубокое впечатление» тем более, что германский посланник 1) отказался указать продолжительность занятия гавани и 2) сослался на договоренность в этом вопросе с Россией². Хотя Ли Хунчжан при этом и возразил, что Россия тут не при чем, и так как Германии прекрасно было известно, что в Цзяочжоу на самом деле никакого русского «начальства» нет и сговариваться там не с кем, то дальше оставалось все-таки добиться какогонибудь ответа в Петербурге, чтобы приступить к действиям на месте с соблюдением полного дипломатического приличия. 2/14 октября Чирский сказал Ламсдорфу, что надобность воспользоваться стоянкой в Цзяочжоу уже наступила, и, ожидая ответа, подчеркнул, что вступая в переговоры в Петербурге Германия считает, что этим она одновременно исполняет и пункт о соглашении с местным начальством. Ответ с русской стороны мог быть тройкий: или что Россия не разрешает Германии воспользоваться стоянкой, но это было бы ничем не мотивированным — а при отсутствии там русских судов, и грубым — отречением от сказанного в Петергофе; или что разрешает, — но это означало бы взять на себя до известной степени ответственность за шаг, который взят впоследствии назад Германию невозможно было бы заставить; и Ламсдорф предпочел дать уклончивый, но в сущности наиболее способный удовлетворить собеседника ответ, а именно, что Россия получила разрешение зимовать в Цзяочжоу на одну только зиму 1895—6 г., а потому и не может «располагать» этой гаванью, на которую китайцы имеют к тому же «особые виды», и для него, Ламсдорфа, является вопрос, с каким лицом китайцы встретят внезапное появление там германских судов. Только Ламсдорф

¹ См. там же, № 3682, Радолин-Гогенлоз, из СПб. от 21 сентября н. с. 1897 г.

² См. там же № 3684, Гейкинг из Пекина м-ву ин. дел в Берлин от 19 сентября/1 октября 1897 г.

облек этот ответ в форму личного мнения и обещал обо всем передать Муравьеву¹.

Убийство миссионеров в Шаньдуне, как видим, подоспело уже тогда, когда и без него появление Германии в Цзяочжоу дипломатически было в значительной мере подготовлено. Теперь лишь явился предлог использовать карательный мотив для оккупации порта и захвата прилегающей к нему территории, с этим делом спешить и сделать последний нажим в Петербурге, чтобы вынудить там *формальный* ответ, который разрешил бы сомнения относительно истинной позиции России. Известная телеграмма от 26 октября/7 ноября т. г., данная Николаем в ответ на запрос Вильгельма от 6 ноября, не прибавляла ничего нового к тому, что незадолго перед тем высказал Чирскому Ламсдорф: «не могу одобрить или неодобрить твоего распоряжения направить германскую эскадру в Кио-чау, так как недавно узнал, что эта гавань была в наших руках только временно в 1895—1896 г.». Это и был искомый официальный ответ, совсем развязывавший руки Германии, потому что в нем заключалось формальное отречение от всяких прав и претензий России на облюбованный Германией предмет захвата в Китае. Приказ германской эскадре в китайских водах был дан в тот же день (7 ноября н. с.), и 2/14 ноября адмирал Дидерихс был в Цзяочжоу².

Однако, как показали ближайшие дни, ответ Николая не только не исчерпывал вопроса об отношении России к предприятию Германией шагу, но и ни в малейшей степени не соответствовал позиции, на которой оказалось русское министерство иностранных дел тотчас по отправке царской телеграммы: русскому представителю в Пекине предписано было поддержать

¹ См. там же, № 3685, Чирский-Гогенлоэ, из СПб. от 2/14 октября 1897 г.

² Убийство миссионеров в Шаньдуне произошло 23 октября/4 ноября 1897 г. Приказ адмиралу Дидерихсу идти в Цзяочжоу заготовлен был Вильгельмом в день получения этого известия в Берлине 25 октября/6 ноября. См. там же, №№ 3686, 3687, 3689; «Переписка Вильгельма II с Николаем II», изд. Центрархива, М. 1923, стр. 21.

германские требования о наказании виновников убийства, чтобы сделать «бесполезными» как «посылку германской эскадры в Кяо-чао», так и «вмешательство других держав», а если бы тем не менее выступление германской эскадры состоялось, командующему русской эскадрой предписано было войти в порт следом за ней «единственно с целью закрепить [за Россией] приоритет права якорной стоянки»¹. Чирскому Муравьев так прямо и заявил, что «в свое время» Россия получила от Китая обязательство — в случае передачи Цзяочжоу какой либо иностранной державе, сохранить преимущество за Россией, и что он, Муравьев, «сожалеет» (deplore) о сделанном Германией шаге, последствием коего будет «открытие» Цзяочжоу для всех наций². Это «невероятно бесстыдное», по выражению Вильгельма, заявление Муравьева прежде всего вызвало подозрение, не сговорился ли он с Ганото, а в таком случае немцы, если не хотели попадать в расставленную ловушку, должны были забить отбой³. В Берлине и встал было серьезно вопрос об отмене уже отданного германской эскадре приказа и направлении ее в какой либо другой китайский порт (напр., Циндао), и только Вильгельм твердо стоял на своем, уверенный, что поставленная перед «абсолютными фактами» Россия не начнет войны из за Цзяочжоу и пойдет на соглашение. Однако, попытка Гогенлоэ убедить русского посла в том, что «не было случая во всемирной истории, чтобы политический вопрос был обсужден (между двумя монархами) более открыто и дояльно, чем вопрос о Кяо-чао» и что, вероятно, Муравьев во-время не был осведомлен о телеграмме царя, осталась втуне: Муравьев продолжал стоять на своем, ссылаясь на точный смысл Петергофских переговоров⁴. Не сломили сразу упорства Муравьева и «абсолютные факты», т. е. ни высадка

¹ См. «Die Grosse Politik», 14. Band, erste Hälfte, №№ 3693, телеграммы Муравьева русскому послу в Берлине от 8 и 9 ноября н. с. 1897 г.

² Там же, № 3693, тел. Чирского из СПб. от 9 ноября н. с. 1897 г.

³ Там же, стр. 74, пометки Вильгельма на тел. Чирского от 9 ноября.

⁴ Там же, №№ 3694, 3695, 3697, 3699 (телеграмма Муравьева для передачи к-ву ин. дел в Берлине от 1/13 ноября 1897 г.).

германского десанта в Цзяочжоу 2/14 ноября, ни нота Гогенлоэ от того же числа о том, что Германия считается только с последней телеграммой царя, анулирующей все предшествовавшие заявления, «каковы бы они ни были»¹. 4/16 ноября Муравьев от имени Николая поручил послу в Берлине передать Вильгельму, что царь «очень удивлен» толкованием, приданным его телеграмме, и что Россия не может отказаться от Цзяочжоу в момент, когда в этот закрытый порт вошли иностранные суда, а 6/18 ноября русский поверенный в делах в Пекине получил из Петербурга «уведомление, что нашему морскому отряду приказано зимовать в Цзяочжоу»². Очевидно, что на этом пути дальнейшее препирательство грозило перерасти не только в «обострение» отношений, но и в конфликт. В виду этого в Берлине решили поискать поддержки в Лондоне и выяснили, что там ничего не имеют против водворения Германии на китайском берегу — чем севернее, тем лучше³. В Лондоне и не могли желать ничего больше, как столкновения России и Германии в Китае, но тем нелепее было идти на него русской дипломатии, исчерпавшей все, чтобы исправить «неосторожность», допущенную в царской телеграмме, и предотвратить резкое нарушение *status quo* вблизи от ничем пока незащищенной русской зоны. И, видя безуспешность дальнейшего упорства, Муравьев предпринял отступление: 8/20 ноября приказ, данный русской эскадре, был отменен, а затем и претензии на Цзяочжоу постепенно были забыты⁴.

¹ Там же, № 3700.

² Там же, № 3706, тел. Муравьева от 4/16 ноября 1897 г.; Б. А. Романов «Витте и концессия на Ялу» (сборн. статей, посв. С. Ф. Платонову, Петр., 1922, стр. 434). Ср. донесение Покопидова от 11/23 ноября в д. № 9.

³ Об «обострении» русско-германских отношений заговорил Гогенлоэ 4/16 ноября: «Die Grosse Politik», там же, № 3702, тел. Гацфельду в Лондон; см. также № 3708, тел. Гацфельда в Берлин от 5/17 ноября 1897 г.

⁴ См. нашу работу: «Витте и концессия на Ялу», стр. 434. — Еще от 10/22 ноября Гейкинг сообщал в Берлин, что русский и французский представители в Пекине советовали Цзун-ли-ямыню затягивать переговоры с Германией, чтобы принудить ее в конце концов к эвакуации Цзяочжоу: см. «Die Grosse Politik», там же, № 3716.

С германской стороны весь эпизод смягчен был тем, что России предоставлялось входить в Цзяочжоу своим флотом на зимовку, т. е. то самое, на что получила ранее согласие Германия, пока гавань считалась за Россией¹. Если так дипломатически обидно обернулось дело с дружественной Германией относительно порта, все же предоставленного китайским правительством в пользование России, то тем более понятен охвативший теперь Муравьева и Николая страх, как бы Англия не поступила так же с Порт-Артуром, значившимся не только в «конвенции Кассини», как эвентуальная база русских военных сил, но и в схеме русского министерства финансов, как одна из незамерзающих возможных оконечностей русской железнодорожной сети.

В тот самый день, как Витте в порядке спешности вносил устав Русско-Корейского банка на рассмотрение Комитета Финансов, 11 ноября, — Муравьев представил Николаю записку с предложением не упустить случая теперь же решить вопрос о приобретении незамерзающего порта на Желтом море. Дело с Цзяочжоу представлялось ему совсем поконченным не только потому, что противодействие немецкому захвату сделалось безнадёжным, но и потому, что по отзыву морских властей порт этот «в мирное время нам не нужен», «как по отдаленности от Владивостока, так и по совершенной отрезанности от России». Между тем «общее положение дел на Дальнем Востоке, созданное последствиями китайско-японского столкновения и нашего вмешательства в пользу Китая, не только не изменилось, но все более и более принимает определенный характер, указывающий на безусловную необходимость для России быть готовою ко всяким неблагоприятным случайностям, для достижения же этой цели нам необходимо содержать в Тихом океане значительный флот и иметь в своем полном распоряжении удобный для зимних стоянок, вполне оборудованный и обильно снабженный порт».

¹ См. «Die Grosse Politik», там же, № 3707, доклад Гогенлоэ Вильгельму от 6/18 ноября 1897 г. и № 3711, нота германского м-ва ин. дел, переданная Остен-Сакену 10/22 ноября.

На вопрос: «где искать этот порт... в Корее ли, и на восточном или западном берегу ее, либо на китайской береговой полосе и где именно» — Муравьев не находил прежде всего «вполне определенного ответа» со стороны морского ведомства, предположение же этого последнего о покупке участка береговой — полосы в Фузане не считал разрешением вопроса, так как Фузан «давно является предметом затаенных вожделений Японии» и «всякая дальнейшая попытка наша к более прочному утверждению в Фузане не только будет встречена враждебно Японией, но может легко повести к серьезным столкновениям с нею». Вообще корейские порты представлялись Муравьеву мало удобными потому, что они слишком отдалены от Сибирской магистрали, а в частности все восточные легко блокируемы японским флотом и явились бы ловушкой для русской эскадры. Не отказываясь остановиться на любом «ином порте» по указанию морского ведомства, Муравьев со своей стороны предлагал «приступить к занятию судами нашей эскадры» Даляньвана на Ляодунском полуострове. Кроме благоприятных естественных свойств Даляньваньского залива, Муравьев отмечал меньшую его отдаленность, сравнительно с корейскими портами, от Сибирской магистрали, «если иметь в виду, что главную артерию эту предполагается [а мы видели, что предположение это действительно было выдвинуто перед тем Витте] связать особою железнодорожною ветвью с Гиринем и Мукденем», и в то же время считал данный момент благоприятным для приобретения порта именно на китайском берегу. С формальной стороны, Китай сам «просит нашей защиты и покровительства» и «занятие нами Даляньвана мы поэтому легко могли бы объяснить в Пекине желанием нашим иметь твердую опору для нашей эскадры на случай возникновения в Тихом океане дальнейших неблагоприятных для Китая событий». По существу же, такой «решительный образ действий» диктуется всем «поведением китайского правительства за весь последний период времени», когда «никакие представления и советы» России в Пекине «не достигают цели» «ни по одному

из предъявленных нами требований»: в частности Муравьев указывал, что 1) вопрос о южном направлении манчжурской ж. д. через Нингуту и Бодунэ «до сего времени остается открытым», и 2) «по отношению к постройке нами соединительных железнодорожных ветвей на Гиринь и Мукдень китайское правительство проявило уже намерение отступить от данных нам заверений»¹. Как видим, предложение свое Муравьев ставил в тесную связь с тою «персменой в последнее время в отношениях наших с китайским правительством», наличием которой не отрицал и Витте: предложение Муравьева и имело в виду крутым приемом покончить раз навсегда с препонами, поставленными китайским правительством на пути к осуществлению русской программы в Манчжурии в той ее редакции, которая предъявлена была Ухтомским китайскому правительству в июне и сформулирована была Витте в марте 1897 г.

Предложение Муравьева Николай признал «вполне справедливым» и 14 ноября поставил его на обсуждение совещания 4-х министров, где оно встретило бурный протест со стороны Витте и деловые возражения морского министра, склонившие Николая к решению не занимать Даляньвань, «в виду договора с Китаем от 22 мая 1896 г. в Москве, а также нашего престижа на Востоке»². Еще накануне совещания (13 ноября) Витте высказал германскому послу, что занятие Германией Цзяочжоу вынудит Россию занять другой более северный китайский порт, а это даст повод Японии утвердиться либо на китайском материке либо в Корее, что неминуемо повлечет за собою Русско-японскую войну, и советовал Радолину уйти из Цзяочжоу куда нибудь на юг Китая³. И на совещании 14 ноября вся аргументация Витте считалась с неизбежностью русского захвата, если не будет предотвращен германский захват. Он и предложил

¹ См. копию записки Муравьева в д. № 33.

² См. в д. № 33 пометку Витте на записке Муравьева от 11 ноября.

³ См. «Die Grosse Politik», 14. Band, I Hälfte, стр. 104 примеч., письмо Радолина Бюлову от 14/26 ноября.

не «искать компенсации в неприязненных действиях против Китая», а «действовать против Германии»: «направить нашу эскадру в Цзяочжоу и приказать ей стоять там, доколе Германия не покинет этого порта». Когда же Муравьев сослался на «особые обстоятельства», которые не позволяют России препятствовать Германии, Витте перешел к доказательствам: 1) рискованности предлагаемого шага, который даст «пример» другим державам, в частности Японии (не только относительно Китая, но и относительно Кореи), и 2) преждевременности его и возможности добиться желаемого впоследствии путем соглашения «на почве экономических интересов»¹. После этого ничего, кроме чисто отрицательного вывода о воздержании от всяких агрессивных действий в данный момент, сделать с точки зрения Витте было нельзя, и в данный момент ему удалось склонить к этому выводу и Николая.

Что вопрос о занятии порта на Ляодуне после этого не оказался снятым вовсе, а был отсрочен всего на несколько дней, — в этом винил Витте всецело одного Муравьева, который внушил де Николаю заведомо ложный страх, что захват этот сделают англичане. Объяснял же Витте это выступление Муравьева только личными мотивами, именно — что «ему не давал покоя тот факт, что ранее вступления его на пост министра я и Лобанов-Ростовский достигли таких больших результатов в политике на Дальнем Востоке» и что он «желал непременно чем нибудь отличиться»². Витте настолько не мирился с этим вторжением министра иностранных дел Российской империи в сферу иностранной политики ее на Дальнем Востоке, что ничего, кроме личного недобросовестного попользования со стороны Муравьева, не умел и видеть в происшедшем разногласии. В этой сфере чисто личных отношений Витте теперь получал обратно то, что проделал с Муравьевым весной этого года: очередной шаг

¹ См. «собственноручную записку» Витте от 15 ноября 1897 г. в д. № 9, — л. л. 13 сл.

² См. Восп. I, стр. 109.

в Манчжурни, неудавшийся Витте за спиною у Муравьева, делал теперь из за спины Витте Муравьев. Очередной аргумент о преждевременности шага, предпринятого тогда Витте возвращался им теперь Муравьеву в такой форме, которая недвусмысленно выдавала руководивший здесь Витте вистинкт: незамерзающий порт на Тихом океане будет приобретен Россией «на почве экономических интересов» таким же путем, каким совершилось «казавшееся несбыточным» приобретение концессии на дорогу через Манчжурию, иными словами сделано будет это им, Витте, «средствами, доступными ему, как министру финансов», и время этой сделки будет определено им¹. Любой ценой вернуть выпадавшую из рук инициативу и стало задачей Витте в дальнейшем ходе событий, после того как 14 ноября покушение Муравьева, казалось, было отбито.

Но если пока предотвращалось «занятие» китайского порта «судами нашей эскадры», как прием, способный облегчить разрешение и других вопросов, скопившихся к тому времени между китайским и русским правительствами, то это еще не означало, что вообще не следовало воспользоваться для их разрешения паникой, охватившей Цзун-ли-ямынь после германского налета. Как только в Пекине были получены известия о германской высадке (3 ноября), Ли Хунчжан тотчас же бросился в русскую миссию с просьбою о помощи и не ушел оттуда, пока не получил зашифрованную для отправки в Петербург телеграмму поверенного в делах. Но о бескорыстии обещанной было помощи китайцы не могли строить себе иллюзий хотя бы по тому, что с первого же дня это дал им понять Покотилов². Он же первый заговорил о необходимости использовать благоприятный момент и с поверенным³. Последовавший вскоре отказ России в посылке эскадры в Цзяочжоу под предлогом начатых в защиту Китая

¹ См. «Пролог и т. д.», стр. 49.

² См. в деле № 33, тел. Покотилова от 4 ноября 1897 г. о том, что он старается «пользоваться этим моментом для улажения недоразумений между Кит. Вост. ж. д. и Гирийским ген.-губернатором».

³ См. там же доведение Покотилова от 5 ноября 1897 г.

переговоров между Петербургом и Берлином, еще более должен был насторожить китайцев и толкнул их на обращение за посредничеством к японскому посланнику¹. Когда, наконец, — после заминки с вопросом о занятии Даляньваня — в Пекине было получено от Муравьева обещание «помощи при большом столкновении с Германией», «если будут удовлетворительно улажены все возникшие в последнее время вопросы по делам жел. дороги и другим», то Ли Хунчжан откровенно заявил, что «он боится дать нам какие либо обещания, тогда как мы можем не исполнить своего относительно помощи против Германии»². А в докладе трону тогда же китайские министры указывали на опасность «броситься в руки России» и предлагали обойтись без помощи ее вмешательства³. Когда же, после колебаний, китайцы согласились все же исполнить наши требования на условии «удаления германского отряда», то было уже поздно: решение занять Порт-Артур было принято Николаем и необходимостью ради избавления от германского захвата добровольно «бросаться в руки России» для Китая отпала⁴.

Но в этот самый момент та же необходимость явилась совсем неожиданно — «на почве экономических интересов». 2 декабря Ли Хунчжан обратился к Витте с просьбой о предоставлении Россией гарантии по новому займу в 100 милл. лан, который Китай с самой весны 1897 г. безрезультатно искал заключить на иностранных рынках⁵. Необходимость заключения этого займа диктовалась Китаю тем, что 8 мая 1898 г. истекал срок, установленный Симоносекским договором для льготной уплаты японской контрибуции с зачетом выплаченных ранее $\frac{1}{2}\%$ в капитальную сумму долга, что сокращало бы действительный расход

¹ См. там же, тел. Покотилова от 16 ноября 1897 г.

² См. в деле № 20 тел. Покотилова от 23 ноября / 5 декабря 1897 г.

³ См. «Die Grosse Politik», 14 Band, erste Hälfte, № 3735, тел. Гейкинга из Пекина в мин. иностр. дел в Берлине от 16 декабря 1897 г.

⁴ См. в деле № 33 тел. Покотилова от 28 ноября 1897 г.

⁵ См. в деле № 15, ч. I, тел. Покотилова от 2/14 декабря 1897 г.

на 21 милл. лан, а также тем, что помимо того подходили сроки и по другим платежам (военные заказы и др.)¹. Между тем в предшествующих переговорах китайское правительство неизменно встречалось с требованием не только гарантии займа определенными доходами, но и допущения иностранного контроля над их сбором, на чем собственно и распадалась намечавшаяся комбинация. В июне 1897 г., когда Ли Хунчжан обращался к Витте через Ухтомского с такою просьбой, Витте не соблазнился возможным политическим эффектом русского займа и потребовал либо реальных гарантий в виде контроля либо «самых серьезных и вполне вещественных для России выгод», и китайцы перешли к другим комбинациям². И теперь, в декабре, Витте обставил свое согласие взять на себя совершение займа условиями, совсем исключительными и никак не вытекавшими из заявлений, сделанных им в совещании 14 ноября в столь категорической форме. Не смущаясь на этот раз подаваемым другим державам примером, Витте потребовал: 1) железнодорожной и промышленной монополии для России *во всех трех* провинциях Манчжурии и в *Монголии*, 2) выдачи концессии О-ву Китайской Восточной ж. д. на железнодорожную ветвь от магистрали до «той гавани, которая для сего будет избрана Правлением дороги на берегу Желтого моря, к востоку от порта Инчжи», и 3) предоставления России устроить в этой гавани порт с правом входа туда *всех* судов под русским флагом³. Не связывая себя точным указанием требуемой

¹ См. в деле № 15, ч. II, «справку по вопросу о заключении китайским правительством внешнего займа».

² См. в деле № 15, ч. I, тел. Ухтомского от 1/18 июня: «заем дал бы нам, при совокупности прочих отличных условий, совершенно исключительное преобладание», и тел. ответную Витте: «совершить в настоящее время заем... дело очень трудное... Но для суждения о сем деле необходимо знать, какая будет гарантия реальная — ибо гарантия доходами, которые взимают сами китайцы без всякого контроля есть фикция... Если дело идет о нашей гарантии, то ее едва ли можно будет дать без самых серьезных и вполне вещественных для России выгод».

³ См. тел. Витте Покотилону от 4 декабря 1897 г. в деле № 20. Кроме приведенных в тексте, Витте требовал от Китая: 1) «подтвердить в безусловной

гавани, Витте в один прием взялся покончить не только с Манчжурией, но и с Монголией, для промышленной эксплуатации которой к этому времени Ротштейном был уже образован при содействии Русско-Китайского и Международного банков особый «синдикат»¹. Дело представлялось ему, при этом, настолько верным, что он предписал Покотилову не только не навязываться с займом, но предоставить Китайскому правительству самому предложить от себя продиктованные ему русской стороной условия². Но, предъявляя свои требования, Витте кроме того уже наверняка знал, что занятие Порт-Артура — вопрос решенный, и таким образом этот монголо-манчжурский дипломатический груз двигался бы на двойной тяге: не только денежной нужды, но и военной угрозы³. Вход русских военных судов в Порт-Артур и Даляньвань, хотя бы и представленный китайскому правительству, как временная мера («впредь до окончания дела с Цзяочжоу»), не только не противоречил смыслу поставленных Витте условий, но получал вид координированного действия и совершившегося факта, исключавшего возможность отказа. С этого момента Витте и Муравьев, шедшие до сих пор в разно-

форме разрешение южного направления Китайской Восточной ж. д., 2) «устранить навсегда все без исключения затруднения, делаемые местными властями по отчуждению земли, приобретению материалов для постройки», 3) «отдавать... бесплатно все необходимые для сооружения дороги казенные земли, равно казенные материалы» и 4) устранить препятствия к плаванию флотилии Китайской Восточной ж. д. по р. Сунгари со всеми притоками.

¹ Договор об образовании «Syndicat pour l'exploitation des richesses minières en Chine» подписан был учредителями 14 июня 1897 г. Капитал Синдиката определен был в 500 тыс. руб. В комитет Синдиката вошли: Петрокино, Ротштейн, Нерпин, Филиппов, Покотилов и Грот. Доходы должны были распределяться следующим образом: 50% участникам, пропорционально количеству паев, 22½% Русско-Китайскому банку, 22½% Российскому Золотопромышленному Обществу, 5% членам Комитета. Синдикат образовался по предложению Грота, взявшего на свое имя концессию на золотые разработки в Монголии. В 1900 г. Синдикат преобразован в Акционерное «Общество рудного дела Тушетухановского и Цеценхановского аймаков в Монголии» (см. дело № 23, ч. I).

² См. в д. № 20, тел. Витте Покотилову от 11 декабря т. г.

³ Известие о входе русских судов в П.-Артур получено было в Петербурге 2 декабря. О решении занять П.-Артур Николай предупредил Витте заранее: см. «Восп.», I, стр. 110.

тычку, трудятся над Китаем за одно, и разногласие между ними несколько позднее вспыхивает только по Корейскому вопросу.

Одновременные предложение Витте и появление русских судов в Порт-Артуре застали китайское правительство в очень деликатный для него в международных отношениях момент: когда не утрачены еще были надежды на удаление немцев с Шаньдуна и когда надежда на финансовую поддержку с английской стороны только что (1/XII) была отнята категорическим отказом в займе Гонконг-Шанхайского банка. При таких условиях китайцам ничего не оставалось, как широким жестом принять русских в Артуре, как друзей, пришедших на помощь в трудную минуту с обещанием удалиться по исполнении своей дружеской миссии, и затем на все стороны делать успокоительные заявления, что Россия уйдет отсюда по миновании надобности¹. Но уже относительно условий займа Ли Хунчжан по первому же началу, читая русский меморандум, составленный для него Покотиловым по телеграмме Витте от 4 декабря, «особенно долго остановился» на пункте о ветви к Желтому морю и уклонился от немедленного ответа, вызвав этим угрозу Покотилова, «что исполнения требований... Россия добьется во всяком случае так или иначе, а потому Китаю выгоднее согласиться на [русские] предложения немедленно»². Чем более доверчиво китайцы продолжали относиться к занятию Порт-Артура, тем более «удобным» представлялся Покотилу настоящий момент «для категорического совета через поверенного» принять предложения 4 декабря, которые казались ему «вполне естественными» после принятия Китаем германских требований относительно монополий в Шаньдуне³. Недели две китайцы

¹ См. в деле № 116, тел. Муравьева Павлову в Пекин от 7 декабря с благодарностью «за вполне дружественный прием, оказанный нашим судам в Порт-Артуре» и в деле № 33 тел. Покотилова от 10 декабря 1897 г.

² См. тел. Покотилова от 7 декабря 1897 г. в деле № 15, ч. I, и донесение его о свидании с Ли Хунчжаном от 8 декабря т. г. в деле № 20.

³ См. в деле № 33 телеграммы Покотилова от 10 и 11 декабря 1897 г. По просьбе Витте (там же тел. от 8 декабря) Покотиллов навел «тщательные справки» о «действительном» отношении Ли Хунчжана к занятию Порт-Артура

строго выдерживали принятую ими в порт-артурском вопросе позицию, и, напр., первое выступление английского посланника 7 декабря с предупреждением, что если Китай будет предоставлять «разные концессии другим державам», то Англия предъявит также свои требования, осталось без всяких последствий, и китайцы продолжали отклонять заходы английских судов в Порт-Артур¹. Но как только английский посланник явился в Цзун-ли-ямьинь с протестом против русского займа и обещанием «всего своего содействия для устройства займа в Англии», да к тому же «с условием, чтобы иностранный контроль доходов, которые будут служить гарантией, вступал в силу *только* при неисправности платежей», и одновременно англичане сосредоточили свою эскадру в Гамильтоне, а японцы у Цусимы, — китайцы переменяли тон и потребовали от России письменного обязательства очистить Порт-Артур, где наоборот англичанам обеспечен был теперь «любезный прием»². И в дальнейшем англо-русский конфликт локализовался не на вопросе о порте, а на вопросе о займе: англичан поставило на ноги не захватное покушение Николай, а условия «мирного» экономического соглашения, предложенные Витте. Русская же дипломатия, делая уступку Витте, повела оба вопроса — о займе и о предоставлении Ляодунских портов — в некотором расстоянии один от другого, вперед пропуская первый и следом за ним выдвигая второй.

Английское предложение, хотя бы и обставленное требованиями серьезных уступок в пользу Англии, открывало китайскому правительству возможность торга с обоими конкурентами,

и убедился, что то относится «вроде доверчиво» к отсутствию у России намерения захвата.

¹ См. в деле № 33 телеграммы Покотилова от 7/19 декабря и от 10/22 декабря 1897 г.

² См. там же телеграммы Покотилова: от 18/30 декабря об английском предложении займа, «резкой перемене» в отношении к России в Цзун-ли-ямьине и просьбе китайцев дать письменное удостоверение, от 17 декабря — о сосредоточении английской и японской эскадр, от 21 декабря — о требовании письменного удостоверения, от 25 декабря — о перемене отношения к англичанам в Порт-Артуре.

и требование от России письменного обязательства относительно Порт-Артура, повидимому, начинало этот торг. Сообщая об этом требовании китайцев, Покотилов советовал исполнить его в обмен на письменное же обязательство с их стороны полностью удовлетворить требования 4 декабря, обращая таким образом предложенный заем в акт простой «милости»¹. В полном соответствии с этим советом, Муравьев 23 декабря телеграфировал Павлову заявить Цзун-ли-ямыню, что 1) «мы никогда не имели видов на территориальные приобретения и покинем Порт-Артур и Даляньвань, когда политические обстоятельства и интересы России и Китая это позволят», о чем и будет сделано «сообщение» китайскому посланнику в СПб., 2) «в виду нашей дружбы с Китаем мы рассчитываем, что пекинское правительство предоставит в наше пользование вполне обеспеченную стоянку в Печилийском или Корейском заливе, дабы избавить нас от необходимости стоянки в Нагасаки», — и потребовать «письменного обязательства исполнить данные словесные обещания по инструкторскому и железнодорожному вопросам, с обеспечением концессии на соединительную ветвь»². Можно думать, что Муравьеву оставались неизвестными ни самый факт начавшихся переговоров Витте о займе, ни поставленные при этом условия, и требования Муравьева в данном случае оказались значительно скромнее: в них не было ни промышленной монополии, ни упоминания о Монголии, и вовсе не был использован мотив займа. При всем том, китайские министры в объяснениях с Павловым 26 декабря указали, что «единственным серьезным затруднением является вопрос о постройке ветви к Желтому морю, которую китайское правительство желало бы строить само», а Ли Хунчжан, уже зная откуда на самом деле следует ждать удара, тотчас же обратился

¹ См. в деле № 33 тел. Покотилова от 21 декабря 1897 г. Покотилов обращал тут же внимание на то, что если Россия даст письменное обязательство, не получив от Китая такого же относительно требований 4 декабря и не заявив, что исполнения их она «добьется непременно», то китайцы объяснят это «трусостью перед Японией».

² См. в деле № 116, тел. Муравьева Павлову от 23 декабря 1897 г.

к Витте с предложением вести эту ветвь средствами Китая в устье Ялу¹. Но Витте на этот раз уже не хотел ограничивать себя своим же собственным недавним проектом ветви на Корею и решительно отверг какой бы то ни было торг. Переданная 30 декабря Муравьевым Павлову инструкция, дословно воспроизводившая черновой собственноручный набросок Витте, заключала в себе даже нечто большее против условий 4 декабря: гарантией займа должны были служить, кроме доходов морских таможен, еще «доходы от сухопутных таможен при Китайской Восточной ж. д. и вообще в провинциях Манчжурии, а равно *весь* соляной доход», что создавало, при промышленной и железнодорожной монополиях, как бы третью линию оборонительных окопов вокруг новой русской колонии. Предложение займа на таких условиях облечено было Витте в ультимативную форму и договор должен был быть подписан в 2-х недельный срок². Но не прошло и недели, как выяснилась вся нелепость такой претенциозной и острой постановки вопроса о займе. Было уже точно известно, что перед тем только что Сольсбери дал согласие на английскую правительственную гарантию и что переговоры с английским посланником в Пекине идут полным ходом³. О политических условиях англичан достоверно узнавать не удавалось ни русским, ни французам, крайне ревниво относившимся к перспективе английского займа, но упорно говорили, что первым условием англичане поставили превращение Даляньвана в открытый порт, а это нельзя было не сопоставлять с тем, что в Порт-Артуре ежедневно стояло 2—3 английских военных судна⁴. Рассчитывать, что до

¹ См. в деле № 33 тел. Покотилова от 27 декабря и в деле № 20 тел. его же от того же числа с дословным ответом Ли Хунчжана.

² См. в деле № 20 «проект телеграммы Павлову, составленный г. министром финансов», и в деле № 15, ч. I, письмо Муравьева к Витте от 30 декабря 1897 г. о том, что «сегодня» он посылает этот проект «без изменений».

³ См. в деле № 15, ч. I, тел. Покотилова от 28 и 29 декабря 1897 г.

⁴ См. об открытии Даляньвана в тел. Покотилова от 28 декабря (дело № 15, ч. I), слух об открытии городов на Уинцзяне в Гуанси и на Сянцзяне в Хунани и об обязательстве не делать уступок никому, кроме Англии, в долине Янцзы — в тел. его же от 29 декабря (там же); французы 6 января 1898 г. за-

полного выяснения английских условий, китайцы примут всю совокупность русских, было бы при таком положении просто легкомыслием, и во всяком случае надо было считаться и с возможностью принятия Китаем английского предложения¹.

Так как «захват» Ляодунских портов, от которого Россия готова была отказаться ради «отхвата» от иностранцев Манчжурии и Монголии, являлся в сущности лишь частью всей русской заявки 4—30 декабря, не исключавшей ведь из числа желтоморских портов и любого из двух фактически занятых, то, на случай худого конца с займом, Муравьев 8 января дал новые инструкции в Пекин: 1) не придерживаясь 2-хнедельного срока, воздержаться от разрыва переговоров, если бы китайцы пожелали войти в обсуждение русских условий, и 2) «весьма осторожно, дабы не повредить нашим переговорам о займе», предложить китайцам приступить к письменному соглашению об аренде Ляодунских портов, в виду бессилия Китая предотвратить их фактическое «открытие» англичанами после ухода оттуда русских судов². Но в тот же день в Пекине узнали, что англичане «обещали китайским министрам крупную взятку» за устройство займа, и 9 января такой же приказ был дан и из Петербурга: «негласно раздать» «китайским сановникам» «для означенной цели» миллион рублей, а Витте, боясь, что английский заем может «совсем порвать нашу дружбу» (с Китаем), на свой страх телеграфировал Покотилову вдогонку, что «если этой суммы бу-

явили Цзун-ли-ямыню, что если бы англичанам были предоставлены «привилегии по финансовому и горному управлению», то Франция предъявит требования относительно южных провинций Китая (тел. Покотилова от 7 января, в деле № 15, ч. I); об английских судах в Порт-Артуре сообщал Покотиллов (см., напр., в деле № 33, тел. от 25 декабря и 4 января 1898 г.).

¹ Уже 3 января Муравьев, ссылаясь на эту возможность, предложил Павлову в этом случае требовать от китайцев обязательства «не предоставлять в чье либо исключительное пользование каких бы то ни было доходов китайской казны» (тел. в деле № 15, ч. I).

² См. в д. № 51, ч. II, тел. Муравьева от 8 января, и в д. № 116 его же вторую тел. от того же числа.

дет мало, можно увеличить»¹. Было два дня (12 и 13 января), когда чаша весов в Пекине, казалось, начала склоняться в сторону России и оставалось только сделать уступку китайцам по финансовым условиям займа². Но тут дело и сорвалось — в виду угрожающего положения, которое теперь заняла Англия: 12 января Стаал-сообщил из Лондона, что «общественное мнение обеспокоено известием из Пекина относительно якобы произведенного нами давления на пекинское правительство с целью сорвать предложенный в Англии заем» и что лорд Уольслей (главнокомандующий) публично заявил о «полной готовности» британской армии на случай, «если грянет война»³; 13 числа английский посланник в Пекине пригрозил в случае незаключения займа у Англии возбудить «разные старые претензии» и заявил, что Англия будет действовать по примеру Германии, при чем произвел этим на китайских министров «самое сильное впечатление»⁴; 14-го Ли Хунчжан робко заговорил о разделении займа пополам между Англией и Россией, но тут же с протестом против английских условий займа вмешалась Франция⁵, и 21-го китайский

¹ См. в д. № 51, ч. II, тел. Муравьева Павлову в Пекин от 9 января 1898 г. (опубликована в Кр. Архиве, т. II, с. 287, в виде «проекта» телеграммы; «проект» этот незначительно отличается от текста, действительно посланного Павлову и препровожденного в копии в М. Ф.) и тел. Витте к Покотилову от 10 января 1898 г. (собственноручный набросок).

² 11 января Павлов и Покотиллов вызвали Ли Хунчжана в посольство и предложили ему за устройство займа 500 тыс. лан. Ли «обещал полное содействие» и «дал понять, что если только мы найдем возможным устроить заем по выпускному курсу 100 [как предлагали англичане], то он почти ручается за успех» (см. телеграммы Павлова и Покотилова от 12 января — в Кр. Архиве, т. II, стр. 288 и 289). 12 января такое же заявление было сделано Павлову и в Цзун-ли-ямыне. Но после совещания Цзун-ли-ямыня с английским посланником в тот же день «министры поручили Ли Хунчжану просить нашего поверенного отказаться от продолжения переговоров о займе». Однако Ли «отказался исполнить это поручение». 13 числа русские вторично вызвали Ли и обещали повысить «вознаграждение» сверх одного миллиона руб., «если бы он устроил командирование в Петербург для переговоров Сюй Цзинчэна, председателя Правления Китайской Восточной ж. д. (см. тел. Покотилова от 13 января — в д. № 51, ч. II).

³ См. в д. № 116, тел. Стаала от 12/24 января 1898 г.

⁴ См. в д. № 20, тел. Покотилова от 14 января 1898 г.

⁵ См. там же 1-ю и 2-ю телеграммы Покотилова от 14 января 1898 г. Ср. также след. тел. бар. Моренгейма, русского посла в Париже, от 14 ян-

посланник в Петербурге довел до сведения русского правительства об отказе Китая от какого бы то ни было иностранного займа¹. Получив от Муравьева копию телеграммы Стааля, Витте никак не хотел признать, что здесь перед Россией вставал призыв войны, и ему казалось, что «легко поднятый шум столь же легко и уляжется», так как «*немыслимо*, чтобы из за вопроса о заключении займа у бавкиров той или другой страны могло возникнуть серьезное столкновение», «реальное» же «столкновение может вызвать лишь политика захватов»². Выходило так, что Витте отказывался верить, чтобы Англия могла предпочесть 1) видеть, под своим наблюдением из Вэйхайвэя, Россию водворившейся на пороховых погребах Порт-Артура в соседстве с открытым для иностранцев портом Даляньваня и 2) получить ряд существеннейших привилегий в центральном и южном Китае, — лишь бы предотвратить выключение из международного капиталистического оборота Манчжурии и Монголии³. А когда «немыслимое» стало действительностью и Китай отступил в страхе именно перед

варя: «Ганото придает огромное значение вопросу об англо-китайском займе, успеху которого было бы очень важно противодействовать путем давления в Пекине. Он полагает, что никакая система вознаграждений не была бы в состоянии уравновесить те выгоды, которые получила бы Англия. Он был бы доволен, если бы императорский кабинет счел возможным подать голос в пользу проекта о том, чтобы заем был международный, с участием всех заинтересованных держав, не исключая даже, в случае надобности, Японии. Он меня очень просил подвергнуть это мнение оценке Вашего сиятельства» (д. № 51, ч. II).

¹ Тел. Витте Покотилову от 21 января 1898 г. в д. № 20.

² Телеграмма Стааля была прислана Витте в копии на заключение Муравьевым. Витте ответил Муравьеву письмом от 15 января.

³ См. «Die Grosse Politik», 14. Band, I Hälfte, №№ 3751 и 3753, донесения Гацфельда из Лондона от 10/22 и 14/26 января 1898 г. — У Гацфельда было впечатление, что в Лондоне хорошо понимали, что дело было для России вовсе не в Порт-Артуре и Сибирской ж. д., а в том, чтобы «наложить руку на весьма значительную часть Китайской империи и выключить ее совсем из мирового торгового оборота». Ср. там же. стр. 147, цитату из речи канцлера казначейства Хикс-Бича от 17 января: «правительство твердо решило любой ценой и, если нужно, силою удержать китайский рынок открытым для себя». С другой стороны Сольсбери заявил Гацфельду, что собственно образ действий России относительно Порт-Артура «до сих пор» он находит «корректным», и внушал этот взгляд и японскому послу.

вопросом о русском или английском займе, Витте окончательно перестал понимать, в чем тут дело, и искал мудрости у своих подчиненных. Он знал, что Китаю деньги нужны в марте 1898 г.¹, что пропустить срок льготного платежа Японии было бы безумием и что внутренний заем для Китая в такой большой сумме — утопия, и Витте запрашивал Покотилова, как тот думает, «что из этого выйдет?»². Ответ и был такой, каким только он и мог быть, — что со стороны Китая это уловка, имеющая целью перекладывать время и вернуться к английскому займу³.

Отступая перед угрозой войны по вопросу о займе и отказываясь от проведения в жизнь теперь же монополистической программы Витте целиком, русская дипломатия перешла к попытке осуществить ее хотя бы в части. Есть данные, что в самом начале февраля 1898 г. Муравьев вернулся к проекту аренды Ляодунских портов, — предварительно попытавшись сговориться с Англией. По крайней мере, среди документов министерства иностранных дел сохранился утвержденный Николаем 5 февраля 1898 г. проспект «требований, которые мы могли бы предъявить», из текста которого явствует, что речь шла о требованиях к английскому правительству⁴. Требования эти были сформулированы в четырех пунктах: 1) Китайской Восточной ж. д. предоставляется «сооружение от нее ветви до порта Даляньвань или другого порта на берегу Желтого моря к востоку от Инцзы до р. Ялу», если бы проведение жел. дороги на Даляньвань оказалось затруднительным, 2) порт этот «должен быть если не вполне, то по крайней мере в достаточном объеме, в наших руках, но может быть открыт для иностранных судов», 3) «Англия обязывается не противодействовать заключению нами с Китаем соглашения, наподобие Германского о Цзяочжоу, о предоставлении в арендное

¹ Что деньги Китаю нужны в марте 1898 г., сообщил Витте Ли Хунчжан еще 27 декабря.

² См. цит. тел. Витте к Покотилу от 21 января 1898 г. в д. № 20.

³ См. в д. № 20, тел. Покотилова от 21 января 1898 г.

⁴ См. копию документа под таким заглавием с царской пометой о согласии — в д. № 116.

пользование России Порт-Артура без присвоения нами верховных прав и не на столь значительный срок», 4) аренда будет распространена и на Далиньвань, если только он именно будет избран «открытым для иностранной торговли окончательным портом нашей жел. дороги». Требования эти утверждены были царем 5 февраля, и в этот же день в министерстве иностранных дел к 1 часу дня ждали английского посла для того, чтобы «согласно высочайшему повелению, приступить к переговорам по вопросу о китайском займе», а еще накануне, 4 февраля, Ламсдорф имел возможность доставить Витте как список английских условий займа, сообщенных ему английским послом, так и проект «возражений наших на английские предложения, составленных в полном согласии с теми замечаниями», которые в тот же день успел сделать на них Витте¹. Остается пока неизвестно, было ли заключено какое-либо письменное соглашение с Англией на перечисленных основаниях, но можно догадываться, что, разменявшись указанными документами, в дальнейшем обе стороны предоставили одна другой свободу действий. Было ли при этом русскому министерству известно, что связанное с английской гарантией займа англо-китайское соглашение о неотчуждении района Янцзы было подписано еще 31 января ст. ст. и что Китай дал еще 1 февраля ст. ст. обязательство держать во главе морских таможен англичанина, пока английская торговля в Китае преобладает, — но теперь,

¹ См. в д. № 20 письмо Ламсдорфа к Витте от 4 февраля 1898 г. — При письме его же от 9 февраля имеется приложение — текст английских условий займа с русскими поправками (приложений к письму 4 февраля не сохранилось в деле). Из 5-ти английских условий относительно 4-х с русской стороны делались следующие замечания: 1) относительно права британских подданных пользоваться собственным пароводным сообщением во внутренних водах Китая — что это должно относиться к центральному и южному Китаю, 2) относительно права вести английские ж. д. от Бирмы в долину Янцзы — что надо указать, что это нарушит интересы Франции, 3) относительно открытия портов Наньнина, Сянган и Далиньвань — что следует опустить упоминание Далиньваня, о котором мы не можем говорить до окончательного соглашения с Китаем, 4) относительно зоны, освобождаемой от взимания ликина, в районе открытых портов — что те же привилегии должны быть даны и нам в районе манчжурской ж. д. Только 5-е условие, о неотчуждении долины Янцзы — не вызвало замечаний.

после объяснений с английским послом, Муравьев возобновлял (8 февраля) переписку с Пекином об аренде портов, исходя из того положения, что Россия «готова помочь китайцам выйти из затруднительного положения» и «не только не будет создавать препятствий к заключению займа Китаем у англичан, а напротив того окажет ему в этом деле вселюбящее содействие, употребив свое влияние к тому, чтобы Англия смягчила поставленные ею условия»¹. «Взамен этой серьезной услуги» и предполагалось предложить китайцам заключить с Россией арендный договор на Порт-Артур и Даляньвань, заявив, что от этих условий «мы... ни в коем случае отказаться не можем»². Такая постановка вопроса, после только что понесенного поражения в переговорах о займе, только и была возможна при уверенности, что Англия не сорвет этого дела так же, как сорвала русский заем. А в дальнейшем русское министерство было озабочено лишь тем, чтобы выдержать предстоящую дипломатическую процедуру в терминологии «секретного договора нашего с Китаем, подписанного покойным кн. Лобановым и статс-секретарем Витте», который теперь, кстати сказать, «вполне признал целесообразность» сформулированных для предъявления Китаю «доводов» и «отнесся к ним вполне сочувственно», — и затем ожидало только сообщения Павлова из Пекина о наступлении там «благоприятной минуты» для открытия переговоров³.

Как известно, переговоры в Пекине начались 19 февраля, как только китайцы подписали соглашение с Говконг-Шанхай-

¹ См. в д. № 20 тел. Муравьева Павлову от 8 февраля 1898 г. Представленные в русское м-во ин. дел английским послом условия займа явились уже «значительно смягченными против первоначально переданных нам по телеграфу Павловым и Покотиловым» (цит. письмо Ламсдорфа от 4/II). «Декларацию» о неосуждении района Лянзы от 11 февраля н. с. и «декларацию» об англичанине — главном инспекторе морских таможен от 13 февраля н. с. 1898 г. см. у Mc Murragy, «Treaties and Agreements», v. I, pp. 103—104.

² Тел. Муравьева от 8 февраля.

³ См. там же телеграмму Павлову от 11 февраля и проект телеграммы ему же, заготовленный тогда же для отправки в нужный момент, в д. № 51, ч. II. См. также всепод. записку Ламсдорфа от 14 февраля 1898 г. в д. № 116, и письмо Ламсдорфа к Витте от 12 февраля в д. № 51, ч. II.

ским и Германско-Азиатским банками, и затянулись до 15 марта т. г.¹. Высадка русского десантного отряда, заготовленного в Порт-Артуре на случай неподписания китайцами арендной конвенции в назначенный срок, была предотвращена тем же путем денежных обещаний, каким перед тем думали купить и договор о займе. Но на этот раз путь этот оказался действительным только потому, что китайское правительство, исчерпав все средства вовлечь в дело англичан и японцев и потерпев здесь неудачу, оказалось оставленным один на один с своим навязчивым союзником². Таким путем устранялся, наконец, тот одиозный признак, который с самого начала был единственным видимым предметом борьбы внутри русского правительства, и «захват» Ляодунских портов был покрыт «дружественным соглашением» относительно всего полуострова и без малого тысячеверстной к нему соединительной ветви³. Получив от Муравьева извещение о согласии китайцев подписать арендный договор, Витте «мог только радоваться» этому, «как всякий русский», а Муравьев спешил ответить ему «сердечной благодарностью» за «драгоценное участие и содействие, без которых не возможно было бы довести до благоприятного результата столь трудное дело»⁴.

¹ Соглашение Гонконг-Шанхайского и Германо-Азиатского банков с китайским правительством о 4½% займе в 16 милл. ф. ст. подписано 17 февраля /1 марта 1898 г. См. у Mc Murtagh, *op. cit.*, стр. 107.

² Подробнее о ходе переговоров об аренде Ляодуна см. «Пролог и т. д.», стр. 53 сл., «Переписку о подкупе китайских сановников» в «Красном Архиве», т. II, стр. 287 сл., наши работы: «Лихунчангский фонд» («Борьба Классов», № 1—2, Птрг., 1924, стр. 111 сл.) и «Витте и концессия на Ялу» («Сборник статей, посв. С. Ф. Платонову», Птрг., 1922, стр. 434 сл.). О безрезультатном обращении китайцев к японскому и английскому посланникам о выдаче Китаю удостоверения, что их правительства не займут Ляодунских портов, для представления его России — сообщал Покотиллов в тел. от 3/15 марта 1898 г. (см. д. № 20).

³ Конвенцию 15/27 марта 1898 г. и правительственное сообщение 17 марта т. г. см. в «Сбор. дог. и дип. док. по делам Дальнего Востока», стр. 331 сл.

⁴ См. в д. № 18, письма Витте от 13/III и Муравьева от 14/III 1898 г.

Приобретение незамерзающего выхода в Тихий океан оказалось для России возможным не весною 1895 г. и не на восточном берегу Кореи, как того по традиции хотел было Николай II, и не весною 1896 г., когда Ли Хунчжану удалось отвести попытку Витте обеспечить России порт на берегу Желтого моря посредством ширококолейной к нему соединительной ветви, и не летом 1897 г., когда Витте с Николаем II, по секрету от Муравьева, остановили свой выбор, наконец, на западно-корейском порте и навели панику на Пекинское правительство разоблачением своего плана прорезать Южную Манчжурию отвлением русской магистрали на самый Пекин. Оно оказалось возможным только зимою 1898 г., притом в самой отдаленной от русской военной базы точке Южной Манчжурии, — при «моральной» поддержке Франции и Германии и по соглашению с Англией — ценой существенного сужения в данный момент русской территориально-политической программы, достигшей именно теперь совсем конкретной формулировки под пером Витте¹.

¹ Телеграмма Покотилову от 4 декабря 1897 г. целиком была составлена Витте собственноручно. — Французская дипломатия в критические недели 1897—1898 г. выступала в контакте с Россией не только, как отмечалось выше, в шаньдунском вопросе и в вопросе об английском займе, но и в заключительной «афе всего эпизода с «захватом» Ляодунских портов. Вслед за русским требованием на них, в окончательной его февральской редакции, французское правительство выступило (27 февраля) с требованием о предоставлении Франции станции для склада каменного угля в Южном Китае, о разрешении на приступ к постройке жел. дорог в Юньнани и о назначении француза почтдиректором в Китае; затем, как только Россия (1 марта) назначила китайскому правительству двухнедельный срок для исполнения своего требования (к 15 марта), Франция тотчас же (2 марта) потребовала у Китая ответа на свои требования в течение 8-ми дней; и, наконец, 13 марта французский посланник в Пекине сообщил Покотилову, что «им получены инструкции оказать нам самую сильную поддержку» (см. телеграммы Покотилова от 27 февраля/11 марта и 2/14 марта 1898 г. в деле № 33 и от 13/25 марта в деле № 18). — Что касается Германии, то приобретение Порт-Артура с самого начала рассматривалось Муравьевым, как необходимое условие возможного соглашения с Германией «в видах взаимных действий против нашего общего врага в Китае англичан», «с разделением сфер влияния в Желтом море, причем весь север оного с Печилийским, Ляодунским и Корейским заливами, находился бы в нашем полном распоряжении, а южная часть с Шаньдунскою береговою полосой поступила бы в сферу германского

Во избежание столкновения с Англией России приходилось отказаться от монопольного положения в Манчжурии и в Монголии и отступить от упущенной летом 1897 г. возможности политически подреставрировать свои отношения с Китаем посредством займа. Мало того: такое же отступление предпринято было русской дипломатией и в Корее путем соглашения здесь с Японией, тоже прибегнувшей, одновременно с Англией, к военной угрозе и тотчас следом за Англией предложившей и свои условия соглашения¹.

Между тем, до последней минуты у Витте, по некоторым признакам, сохранялась надежда на то, что удастся совместить обе составные части его плана «мирного» наступления на Манчжурию

политического влияния» (см. всеп. докладную записку Муравьева от 2 декабря 1897 г., в копии, в деле № 9. Муравьев находил, что предлагаемое Германией соглашение «не находится в противоречии с нашими собственными политическими видами» и считал его «осуществимым лишь при условии скорейшего занятия нами» портов). Так как мысль о подобном соглашении подана была Муравьеву, через «совершенно секретный источник», из Берлина, то, предупредив германское правительство 2 декабря 1897 г. об отданном в этот день приказе русской эскадре войти в Порт-Артур, Муравьев действовал уже в убеждении, что «Россия и Германия должны и могут идти рука об руку на Дальнем Востоке», а из Германии последовал ответ, что «солидарность» интересов «с необходимостью приведет обе империи к тому, чтобы считать эти интересы общим делом перед лицом общей опасности» и что «опасности, которые могли бы явиться результатом продолжающегося сопротивления китайского правительства, будут сразу избегнуты», если Россия поддержит перед китайским правительством германские требования относительно Шаньдуня. И Россия действительно поддержала германские требования (см. «Die Grosse Politik», 14. Band, 1 Hälfte, №№ 3733, 3734, 3742: телеграмма Муравьева Остен-Сакену от 5/17 декабря, телеграмма Радолина в германское м-во ин. дел из СПб от 17/29 декабря).

¹ Японский посланник сообщил русскому м-ву ин. дел памятную записку об условиях, на которых Япония желала бы заключить с Россией соглашение по корейским делам, 4 февраля 1898 г., в тот же день, когда Англия передала России на обсуждение условия англо-китайского займа. — Япония предложила следующие условия: 1) Япония и Россия обязуются защищать независимость Кореи; 2) офицеры-инструкторы корейских войск будут назначаться русским правительством; 3) финансовый советник будет назначаться японским правительством; 4) что касается торговых и промышленных интересов, Япония и Россия, во избежание всяких недоразумений, должны в дальнейшем входить в предварительные соглашения прежде, чем принимать какую-либо новую меру (см. памятную записку в д. № 26).

и Корею и вывести Сибирскую железнодорожную линию в устье Ялу на манчжурско-корейской границе, как намечено им было еще весной 1897 г. Этому нисколько не противоречит то, что Витте, как будто, не внял просьбе Ли Хунчжана (27 декабря 1897 г.) о направлении соединительной ветви в китайский порт Аньдун на правом берегу устья Ялу и своеручно подтвердил, в ультиматуме 30 декабря, свое требование о предоставлении России порта на пространстве «от порта Индзы до устья Ялу»¹. Эта растяжимая формулировка, принятая Витте еще 4 декабря 1897 г., может быть, в виде уступки только что категорически выраженной воле царя о занятии Ляодунских портов, не мешала же ему, однако, еще в середине января 1898 г. интересоваться «глубиной воды» и «замерзаемостью» корейского порта Ийчжу². А когда Япония, 4 февраля 1898 г. следом за Англией, поставила России условием соглашения передачу должности финансового советника при корейском правительстве в японские руки, Витте, зная уже о падении монголо-манчжурской части своего плана, связанной с переходившим теперь в руки Англии китайским займом, высказался против именно этой уступки в пользу Японии³. Как он говорил и германскому послу 13 ноября и царю 14 ноября 1897 г., допустить Японию в Корею теперь — значило сделать неизбежно русско-японскую войну; а выпустить из своих рук финансовое управление Кореи и утратить вместе с тем особо покровительствуемое положение там русского банка — имело, конечно, смысл широкого открытия корейских дверей в первую очередь японскому влиянию.

Русско-японское соглашение, в котором вопрос о финансовом советнике формально был разрешен в ничью и зато Россия обязалась «не препятствовать развитию торговых и промышлен-

¹ Ср. выше стр. 196 и 197.

² См. в д. № 11-а, тел. Романова Алексею в Сеул от 12 января 1898 г.

³ См. в д. № 20 письмо Витте Ламсдорфу от 6 февраля 1898 г.: «раз определение русского главного финансового советника состоялось, отзывание его представлялось бы вредным для престижа России на Д. Востоке».

ных сношений между Японией и Кореей», было подписано только 13/25 апреля 1898 г.¹ Вот почему, может быть, в Ляодунской конвенции, подписывавшейся в марте, введена была еще оговорка, в духе Витте, о праве вести соединительную ветвь не только до Далайняня, но и до другого более удобного пункта «между г. Инцзы и устьем Ялу»². Тогда как в так наз. дополнительном протоколе 25 апреля/7 мая 1898 г., т. е. после подписания корейского соглашения, оговорка эта отпала и конечными пунктами новой железной дороги названы Порт-Артур и Далайнянь («а не какой либо другой порт» — подчеркнуто в ст. III)³. Что Корея, на этот раз, уходила из рук России бесповоротно, — усвоено было Витте бесповоротно же, и после отзыва отгудъ Алексева (в марте 1898 г.) Витте занял в отношении к ней позицию как бы бойкота, отказываясь от каких либо финансовых операций с корейским правительством и от всякой поддержки русскому предпринимательству там⁴. Все внимание его сосредоточивается теперь на Китае и грандиозной строительной работе, которая теперь только и открывалась на всем протяжении 2.400 верст в Манчжурии и представлялась тем более спешною на южном участке, чем «преждевременнее» попал в обладание России далекий военный порт.

¹ См. в «Сборн. дог. и дип. док. по делам Д. Востока, 1895—1905», стр. 346 сл.

² См. там же, стр. 335, ст. VIII.

³ См. Mc Murray, «Treaties and Agreements», I, стр. 127.

⁴ См. подробности в «Прологе и т. д.», стр. 66—70.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

«Гибельное» отступление перед Англией на север от Великой Стены.

(1898—1899 гг.).

I.

Русско-китайские акты 15 марта и 25 апреля 1898 г. (конвенция и дополнительный протокол) разрешали для России вопрос о незамерзающем порте и соединительной к нему ветви; они отдавали России южную конечность Ляодунского полуострова «в полное и исключительное пользование» на 25 лет, превращали остальное пространство полуострова в «нейтральную зону», где никакие концессии не могли быть предоставлены иностранцам без согласия России, и распространяли условия контракта 27 августа 1896 г. на новую железнодорожную ветвь. Но они оставляли открытым манчжурский вопрос в целом, плохо обеспечивали тыл арендуемой территории и, вместе с тем, выдвигали Россию на сторожевой пост у самого входа в Печилийский залив. Русско-германское соглашение, которое отдало бы России «в полное распоряжение» Корейский, Ляодунский и Печилийский заливы в непосредственном соседстве с германскою сферою в Шаньдуне и с полным исключением Англии из желтоморской сферы, не состоялось, и следом за Россией у входа в Печилийский залив расположилась Англия в Вэйхайвэе¹. Правда, статья III

¹ «На тот срок, пока Порт-Артур будет оставаться во владении России» (см. соглашение, заключенное Англией и Китаем 19 июня/1 июля 1898 г., в «Сб. дог. и дип. док. по делам Дальнего Востока, 1895—1905», СПб., 1906, стр. 352). О предложенном Германией плане разделения сфер влияния в Желтом море упо-

дополнительного протокола 25 апреля устанавливала, что «в районе, обслуживаемом новой жел. дорогой», никаких железнодорожных концессий иностранцам предоставлено не будет, чем, как будто, обеспечивались коммерческое будущее и военная безопасность дороги. Но слабый пункт этой статьи был в том, что Россия соглашалась не «препятствовать» сооружению китайским правительством продолжения Шаньхайгуаньской жел. дороги «до ближайшего пункта новой ветви»¹. Нельзя забывать, что именно на этом подступе к Чжилйской провинции в июле 1897 г. Китай искал себе защиты от русского натиска у англичан, и участие английского капитала в постройке этой дороги лишь временно было предотвращено Русско-Китайским банком посредством ссуды в 600 тыс. лан (около 1 милл. р.), выданной с условием, что в случае залога дороги, при последующих займах у иностранцев, ссуда эта предварительно должна быть возвращена². Таким образом, то, что случилось весной 1898 г. с Вэйхайвэем на море, в любой момент могло случиться у «ближайшего пункта новой ветви» и на суше, в тылу Порт-Артура.

Еще в середине февраля 1898 г., когда занятие Ляодунских портов только что было согласено в международном масштабе, в Петербурге стало известно, что китайцы (и Ли Хунчжан в част-

минал Муравьев во всеп. докладе 2 декабря 1897 г. (см. выше стр. 206, прим.). Как вспоминал потом русский посол в Берлине Остен-Сакен, ему удалось получить от Бюлова такое письмо и от Вильгельма такие «личные обещания», которые «должны были послужить как бы прелюдией к договору», но Муравьев «не захотел понять этой мысли» и «оспаривал необходимость официального соглашения между обоими правительствами» (обещания были оформлены в письме Бюлова от 17 декабря 1897 г.; см. письмо Остен-Сакена Ламсдорфу от 8/21 декабря 1900 г. в «Красном Архиве», т. 14, стр. 43).

¹ Дополнительный протокол 25 апреля/7 мая 1898 г., см. у Mc Murray, «Treaties and Agreements», v. I, p. 127.

² См. выше стр. 175 и 176. Ссуда была выдана в два приема: 200 тыс. в августе и 400 тыс. в декабре 1897 г., — с согласия французских членов Правления банка (см. записку Романова к Витте от 28 ноября 1897 г. в деле № 10, ч. I). О том, что такие ссуды ведут лишь к «временному устранению» англичан от участия в постройке, Витте предупреждал Муравьева в письме от 22 августа 1897 г. (см. там же).

ности) опять вовлекают в дело англичан и решили «немедленно приступить к продолжению дороги от Шанхайгуаня до Цзиньчжоу и одновременно начать постройку от порта Инкоу на Мукдень, сделав для этого заем в Гонконг-Шанхайском банке и поручив работы обеих линий [англичанину] Киндеру», русским же предоставить постройку линии только к северу от Мукденя¹. Так совпало, что в те же дни перед русским правительством опять (уже в третий раз!) мелькнула перспектива сотрудничества в Манчжурии и с американским капиталом. На этот раз сведения шли из Вашингтона, что знакомый нам американец Баш (Bush) будто бы в начале января 1898 г. заключил контракт о выдаче ссуды китайской императорской железнодорожной администрации на постройку линий от Шанхайгуаня на Мукдень и Гиринь и от Порт-Артура на Мукдень, с условием приглашения американцев для постройки и эксплуатации, и что американцы «не преследуют» при этом «политических целей», «искренне желают совместно работать с русским правительством» и будут даже «вести постройку по типу русских жел. дорог [широкая колея!], вполне признавая сферу влияния России в этой части»². Нечего и говорить, что как английская, так и американская комбинации, грозившие свести дело для России в тот момент в Манчжурии только к приобретению изолированной стоянки для ее военных судов в Ляодунских портах, обе встретили категорический протест с русской стороны³. Однако, появление, после того, в дополнительном протоколе 25 апреля статьи III, свидетельствовавшее о попытке России найти способ устранить опасность угрозы своей коммуникационной линии от порта к магистрали на

¹ См. телеграмму Павлова из Пекина от 14 февраля 1898 г. в д. № 10, ч. I.

² См. письмо Ламсдорфа к Витте от 12 февраля 1898 г., с приложением копий писем Баша на имя русского поверенного в делах в Вашингтоне от 8/20 и 9/21 января 1898 г. — в д. № 10, ч. I.

³ См. там же письмо Витте Ламсдорфу от 15 февраля 1898 г. о «безусловной» нежелательности «допущения англичан, американцев или какой либо другой иностранной компании к сооружению жел. дор. в южной Манчжурии», и телегр. Ламсдорфа Павлову в Пекин в этом смысле от 16 февраля т. г.

пути соглашения с одним только китайским правительством, совсем еще не решало вопроса. Что касается американцев, то, пока они выступали без всяких признаков поддержки правительства Соединенных Штатов, легко можно было просто не считаться с ними, как с опасными конкурентами. Но с англичанами — дело было совсем иное. В Англии, после захвата Порт-Артура, не только не верили, «что дверь в Манчжурию будет оставлена открытой великою державой, приобретшей замок, задвижку и засов к ней», не только понимали, что Россия теперь «достигла положения, которое Англия, быть может, найдет затруднительным оспаривать, когда для России наступит время закрыть дверь», но били тревогу по поводу того, что, «переварив» Манчжурию, Россия «будет иметь возможность спуститься в Печили, а между Печили и Янцзы нет естественных преград»¹. С этой точки зрения борьба за железнодорожную «преграду» в южной Манчжурии становилась для Англии борьбой за «долину Янцзы». При таких условиях продолжать, по мере успешного хода англо-китайских переговоров, свои протесты перед китайским правительством и уклоняться от соглашения с Англией, которая очевидно с самого начала стояла в этом вопросе за спиной Китая, грозило России повторением конфликтов, вроде январского.

Действительно, не прошло и полугода, как в Англии снова заговорили на языке войны, как и в январе 1898 г., в связи с вопросом о том, кому из банкиров и на каких условиях достанется очередной заем для Шаньхайгуаньской жел. дороги². От-

¹ См. опубликованное английским правительством в Синей книге обращение английской China Association к Сольсбэри от 14/26 апреля 1898 г. по поводу политики британского кабинета в китайских делах (China № 1, 1899, p. 23; перевод этого документа см. у Э. Д. Гримма, «Сборн. договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925)», М., 1927, стр. 123 сл.).

² Подробности см. в «Прологе и т. д.», стр. 80 сл. Протесты России против английского займа привели к выдаче ей китайским правительством обязательства не заключать займа под залог дороги, сопряженный с финансовым контролем или участием иностранцев в администрации и эксплуатации дороги (обмен нот с русским поверенным в делах в Пекине 19 июля 1898 г.).

вергнув в свое время, в начале февраля 1898 г., предложенное было Англией «общее соглашение по всем пунктам, где наши и ее интересы соприкасаются» на условиях «совершенно необычайного характера», русская дипломатия сочла себя вынужденной на этот раз, в июле 1898 г., самой предложить Англии договориться в общей форме о железнодорожном вопросе в Китае — на основе раздела сфер влияния¹. — Это оказалось не таким простым делом, и англо-русский дипломатический турнир затянулся на целые 9 месяцев.

II.

Начатые Лессаром в июле 1898 г. в Лондоне и продолженные потом Муравьевым в Петербурге, предварительные переговоры к сентябрю того же года выяснили основные пункты возможного соглашения, за исключением лишь одного, который должен был послужить предметом дальнейших переговоров. Представленный английским послом в Петербурге в начале сентября проект исходил из мысли о двух соглашениях. В одном, которое могло бы быть подписано теперь же, англичане предлагали условия, по-видимому, в основных чертах обсужденные в предшествовавших переговорах, а именно: 1) спорная Шанхайгуаньская линия (до Нючжуана) «имеет быть построена, в случае надобности, даже посредством займа у Гонконг-Шанхайского банка», но «должна остаться китайской линией, под китайским контролем и не может быть заложена (какой бы то ни было) не китайской компании», 2) русское и английское правительства обоюдно обязуются не искать для себя и не поддерживать своих подданных в поисках железнодорожных концессий — Англия в Манчжурии и Россия в «области Янцзы», 3) «никаких предпочтительных железнодорожных ставок или дифференциального обложения (treatment)

¹ См. письмо Николая к Вильгельму без даты в «Переписке Вильгельма и Николая II», изд. Центархивом, стр. 26, и «Пролог и т. д.», стр. 83 сл.

не будет устанавливаться на железнодорожных линиях в вышеуказанных областях, концессии на которые ими [правительствами] могут быть получены», и 4) оба правительства «побудят» английские и русские банки «согласовать свои интересы в точной сообразности с этим соглашением. Другое же «позднейшее соглашение» должно было «установить», «по дальнейшем обсуждении дела», «определение географических границ между обеими областями», о которых шла речь в первом соглашении¹. Как видно, английский кабинет спешил использовать выяснившуюся в переговорах готовность русского министерства иностранных дел уступить по наиболее существенным для Англии двум пунктам: 1) легализовать финансовое участие английского банка в Шанхай-гуаньской жел. дороге, что означало бы во всяком случае отказ России от какого бы то ни было влияния на этой южно-манчжурской линии, хотя бы и не отдавало ее целиком в полное обладание англичан, и 2) установить на всех манчжурских железных дорогах, а следовательно во всей Манчжурии, свободное соперничество английской и русской торговли на основе одинаковых для обеих сторон железнодорожных тарифов и пошлин, т. е. на деле провести в Манчжурии принцип «открытой двери». Стремясь закрепить выигрыш в этих двух пунктах ко дню открытия парламента (12 октября), лондонский кабинет первоначально готов был вопрос о точном разграничении оставить на заднем плане. Но вопрос этот, между тем, был поднят с русской стороны, и оказалось, что Россия склоняется к расширительному толкованию своей манчжурской зоны. Последнее обстоятельство, повидимому, и побудило англичан неделю спустя представить вторую редакцию проекта соглашения, на этот раз с оговоркою о необходимости «точного географического определения» обеих областей —

¹ См. «перевод представленного великобританским послом проекта соглашения между Россией и Англией», присланный в министерство финансов при письме Ламсдорфа от 9 сентября 1898 г., в д. № 24-в.

«до его подписания»¹. И дело с заключением соглашения затянулось более, чем на полгода.

Подписанное 16/28 апреля 1899 г. русско-английское соглашение установило границу английской и русской железнодорожных сфер по «Великой Стене», несколько севернее Пекина. Это было больше, чем предложила Англия первоначально: за Стеной в русскую сферу попадала не только Манчжурия, а и Монголия. Но это было и не совсем то, чего предполагал добиваться Муравьев, приступая к переговорам летом 1898 г.: он думал тогда, что «линию разграничения можно вести через Пекин»². Будь Муравьев предоставлен самому себе, нетрудно догадаться, что в дальнейших переговорах с его стороны речь пошла бы о том, чтобы отстоять пекинскую разграничительную линию и не дать передвинуть ее к северу от Пекина до пограничного между Чжилийской провинцией и Манчжурией Шаньхайгуаня, расположенного под самой Стеной: это было бы самое большее, чего считало себя в силах добиваться русское дипломатическое ведомство. Однако, прежде чем дошло дело до возражений по этому пункту с английской стороны, мысль о пекинской линии, высказанная Муравьевым еще до получения первого английского проекта, сразу же вызвала протест из недр русского министерства финансов, и переговоры свернули на иной путь, где их ждала бы полная неудача.

Как только проект пекинской разграничительной линии сделался известен в министерстве финансов, первое, что обратило там на себя внимание, это — что дипломаты совсем забыли о существовании Русско-Китайского банка, который, не говоря уже об уставе, не ставившем ему никаких территориальных ограничений в Китае, и на деле успел к этому времени заинтересоваться в нескольких предприятиях значительно южнее Пе-

¹ См копию перевода «словесно предложенного сэром Ч. Скоттом проекта соглашения», присланную в М. Ф. при письме Ламсдорфа от 17 сентября 1898 г., там же, л. 45.

² См. тел. Романова Покотилкову от 5 сентября 1898 г., там же.

кина. В декабре 1897 г. банк заключил контракт на заем для сооружения жел. дороги Люлиньпу-Тайюаньфу (в пров. Шаньси) и для эксплуатации залежей железа и каменного угля по соседству с дорогой, в мае 1898 г. начал переговоры с немцами об участии своем в займе на постройку железных дорог Тяньцзинь-Цзинаньфу и Ичжоу-Чжэньцзян (т. е. на соединение Пекина с нижним течением Янцзы) и, наконец, в самые последние дни условился относительно своего посреднического участия в финансовых операциях бельгийско-французского синдиката по постройке жел. дороги Пекин-Ханькоу; считаясь с одним только этим, как с существующим фактом, границу русской сферы, «по справедливости», надлежало бы вести «приблизительно» по р. Хуанхэ¹. Когда же (9 сентября 1898 г.) на заключение министерства поступил самый текст английского проекта, стало ясно, что угроза нависла не только над банком, но и над всеми достижениями и перспективами манчжурской политики России последних трех лет. Романов (управлявший министерством за отлучкою Витте за границу) тотчас же счел нужным со всею подробностью открыть глаза Ламсдорфу на то, что английский проект «чрезвычайно ограничивает уже приобретенные права России в Китае и, не давая ей взамен никаких новых выгод, закрепляет экономическое преобладание Англии во всем застенном [т. е. Собственном] Китае», и поспешил отправить текст английских условий Витте в Берлин «с нарочным курьером»². Можно представить себе, какое впечатление на Витте должны были произвести в особенности статья о «железнодорожных ставках и дифференциальном обложении», ставившая крест на русской вывозной торговле в Манчжурии, и обязательство отказаться от поддержки Русско-

¹ См. там же, тел. Романова Покотилову от 5 сентября и представленную Романовым Муравьеву 27 августа записку «об участии Русско-Китайского банка в экономических предприятиях в Китае».

² См. записку, передающую Романовым Ламсдорфу 11 сентября 1898 г. и письмо Романова к нему же от 18 сентября, в д. № 24-в. Содержание записки 11 сентября изложено в «Прологе и т. д.», стр. 85, под видом «соображений» «министра финансов».

Китайского банка за пределами Манчжурии, в виду, хотя бы, и без того уже бывших недавно с французской стороны упреков в пренебрежении русских агентов банка к французским интересам, отнюдь, разумеется, не ограничивавшимся одною Манчжурией¹. Короткой телеграммой Витте и дал приказ «официально» передать Ламсдорфу, что он «в виду наших обязательств перед французскими банками и Русско-Китайским банком» находит английский проект «с экономической точки зрения» «невозможным (*impossible*)» и «гибельным (*désastreux*)»². Это означало не что иное, как отрицание в корне самой идеи договорного разграничения сфер влияния в Китае и требование прекращения переговоров. До получения этой телеграммы Витте от 16 сентября, в Петербурге еще была мысль продолжать переговоры: Романов взял на себя «труд составления контр-проекта», и 14 сентября Ламсдорф передал ему «дополнительное разъяснение» английского посла относительно границ «области Янцзы», на которое русская сторона должна была ответить о своем «определении Манчжурии»³. Но вместо проекта русского ответа Романов, 18 сентября, основываясь теперь на категорическом отзыве своего патрона, ограничился разъяснением Ламсдорфу невозможности отнять от Русско-Китайского банка обещанную французам русскую правительственную поддержку в его операциях на всем пространстве Китая, так как это «было бы в высшей степени неблагоприятно для русского кредита на французском рынке» и «совершенно не согласо-

¹ См. выше, стр. 91, прим.

² Телеграмма Витте на имя Романова из Берлина от 16 сентября 1898 г. в д. № 24-в.

³ См. письмо Ламсдорфа Романову от 14 сентября с препровождением («в виду любезно принятого Вами на себя труда составления контр-проекта») дополнительного разъяснения английского посла. Последний «считал существенным иметь непосредственное соглашение»: 1) о железнодорожных ставках и дифференциальном обложении, и 2) о точном разграничении сфер. Область Янцзы посол определял, как «провинции, прилегающие к Янцзы, а также Хэнань и Чжэцзян», — и ожидал «сообщения от русского правительства относительно того определения Манчжурии, которое подлежит внесению в соглашения». Оба документа — в д. № 24-в.

лось бы с исконными традициями финансовой политики России, которая, даже в самые трудные для государства минуты, всегда свято исполняла свои финансовые обязательства»¹. А на другой день, 19 числа, в Пекин уже сообщалось, что английский проект «будет отвергнут, как чрезвычайно невыгодный для России», что английский посол «грозит», в таком случае, заставить Китай принять от Гонконг-Шанхайского банка ссуду под залог (и след. контроль) железной дороги Шаньхайгуань-Инкоу, и что тогда Россия потребует от Китая компенсаций, но что «окончательный ответ пока еще не дан»².

Окончательный ответ тогда дан и не был, и переговоры возобновились, по возвращении в Петербург обоих министров, только в середине октября 1898 г.

III.

Как и в Ляодунском эпизоде конца 1897—начала 1898 г., Муравьев и Битте повели переговоры в четыре руки и притом с уловимым для английского посла оттенком разногласия. Как только, в начале февраля 1898 г., выяснилась возможность избежать столкновения с Англией, уступив ей китайский заём и отступив перед Японией в Корее, и получить Ляодунскую аренду, Муравьев твердо стал на мысли, что «в настоящее время на Дальнем Востоке возникают для России задачи, требующие от нас полной свободы действий и сохранения дружеских отношений

¹ См. там же, письмо Романова Ламсдорфу от 18 сентября 1898 г.

² См. там же, телеграмму Романова Покотилову от 19 сентября 1898 г. — В ответ на вопрос, какие бы компенсации считал нужным потребовать от Китая Покотилов, тот, по соглашению с поверенным, предложил следующее: 1) потребовать себе концессию в Нючжуане, 2) добиться исключительного перед всеми иностранцами права эксплуатации руд, устройства промышленных предприятий и приобретения недвижимой собственности на расстоянии от 50 до 100 верст в каждую сторону от Китайской Восточной ж. д., 3) добиться для русских преимущественного перед иностранцами права постройки ж. д., эксплуатации руд и устройства промышленных предприятий на всем пространстве за Великой Степой. См. там же, тел. Покотилова от 23 сентября 1898 г.

как с Японией, так и с Англией»¹. И теперь он никак не хотел отказаться от соглашения с Англией и до конца переговоров сохранял вид человека, тугого к уразумению политического смысла в банковских интересах, «в полном сознании, что положение наше на берегах Тихого океана еще не обеспечено» и что «осуществление» «весьма сложных задач», непосредственно связанных с укреплением России на Ляодуне, «возможно лишь при условии мирного течения событий и полного воздержания с нашей стороны от решительных действий, могущих вызвать какие либо политические осложнения»². Витте, руководствуясь «финансовыми и экономическими интересами России», не видел безусловной необходимости в соглашении, и во всяком случае самую идею общего и вместе с тем точного разграничения сфер влияния считал губительной³. Как в тот раз русская дипломатия, делая уступку Витте, вперед пропускала большую монгольско-манчжурскую программу с незамерзающим портом, а следом за ней, на случай неудачи, вела претензию только на порт, так и теперь Витте предоставлено было попытаться защитить «весь Китай, все его богатства» от закрытия его английским правительством для русского банка, — с тем, чтобы на случай неудачи, оградить себя хотя бы от непосредственного железнодорожного проникно-

¹ См. в д. № 8 тел. Муравьева Шпейеру в Сеул от 19 февраля 1898 г.

² См. всеп. записку Муравьева, доложенную 25 января 1900 г., — в «Красном Архиве», т. 18, стр. 16. Муравьев считал, что «только прочно укрепившись в Порт-Артуре и связав его железнодорожною ветвью с Россией, мы можем твердо ставить свою волю в делах Дальнего Востока и, если потребуется, поддерживать ее силою».

³ Сохранился недатированный черновик всеп. доклада министра финансов, может быть так и оставшегося в проекте, в котором наряду с признанием «желательности» соглашения с Англией собраны были аргументы против разграничения сфер влияния с точки зрения «финансовых и экономических интересов России» (см. папку № 16/с). — Проект составлен по возвращении Витте из заграницы (есть ссылки на беседы с французскими и немецкими политическими деятелями) и до приступа к октябрьским переговорам. Среди подлинных беловых всеп. докладов м-ра фин. по Общ. Канц. этот доклад не сохранился. Точно также и в подлинном деле о переговорах с Англией (№ 24) ни белового, ни копии его нет.

вения англичан в одну лишь Манчжурию, как бы мало ни казалось Витте «стоющим» «городить» из-за нее «огород»¹. Но как тогда не хватило средств сломить упорство (и страх перед Англией) китайского правительства, так теперь Витте не удалось обойти и самой английскую дипломатию.

Начал Витте, в «совершенно конфиденциальном и неофициальном» разговоре с послом 20 октября, с признания, что «в отношении таких конкретных вопросов [как железнодорожные дела в Китае] он не видит в письменном договоре лучшего способа достижения того откровенного и удовлетворяющего соглашения, при помощи которого оба правительства, очевидно, желают твердо установить свои будущие отношения», и что «почти невозможно изложить этот [предлагаемый теперь Англией] договор таким путем, чтобы предупредить всякую возможность увернуться от исполнения его условий». И он «заявил затем, что, по его мнению, для наших будущих отношений может быть положено гораздо более надежное основание в виде общего договора», где «было бы изложено твердое намерение установить свои отношения на почве чистосердечного и дружественного соглашения, а равно предусмотрено, что, в случае если возникнет в какой либо части света вопрос, который считался бы тем или другим из правительств могущим вызвать столкновение между их интересами, то они немедленно приступят к чистосердечному и дружескому обсуждению этого вопроса с твердым намерением добиться улажения его, не нарушая законных интересов обеих сторон»². Эта мысль Витте — об общем, безотносительном к Китаю, политическом соглашении — английской стороной воспринята не была, и дальнейшие переговоры с послом приняли вид детальных объяснений обоими министрами неприемлемости отдель-

¹ Ср. выше стр. 80.

² Этот отрывок из письма сэра Ч. Скотта к Сольсбери от 21 октября/2 ноября 1898 г. был опубликован в английской Синей книге вопреки мнению Романова («полагал бы лучше не публиковать»). См. в д. № 24-в копии присланных Скоттом в МИД на заключение отрывков, предназначавшихся к опубликованию.

ных пунктов в сентябрьском проекте соглашения, причем, встречаясь с министрами то втроем, то с каждым из них в отдельности, посол все больше убеждался в существовании между ними разногласия в вопросе об отношениях между русским правительством и Русско-Китайским банком¹. Но именно в этом пункте и лежало главное уловимое препятствие к тому, чтобы в соглашении были точно разграничены сферы влияния. А такое положение чрезвычайно облегчало игру английской стороне. Ей надо было клонить или к тому, чтобы политика «открытой двери», требуемая Россией для Русско-Китайского банка в Собственном Китае, была принята ею тогда уже в отношении всей Манчжурии и всей Монголии (т. е. чтобы Россия приняла статью об одинаковых ставках и обложении), либо к тому, чтобы, если Россия хочет сохранить особое положение в Манчжурии, то в таком случае она не претендовала бы на доступ в остальной Китай. Представленное 18 ноября английским послом резюме петербургских переговоров втроем и было сформулировано так, что в нем отстранялось предложение о разграничительной линии, за которую не имел бы хода Русско-Китайский банк, но зато главную роль играла статья о недопустимости тарифных и таможенных преференций для России в Манчжурии.

«Сожалая, что мысль о разграничении, при посредстве письменного соглашения, наших сфер интересов встречает возражение», посол «с удовольствием узнал, что гр. Муравьев и г. Витте оба расположены к соглашению, которое [1] признало бы неприкосновенность Китая, как и наши трактатные права, которые заключают в себе между прочим недопустимость установления концессионными договорами на железные дороги никакого преференциального тарифа или дифференциального сбора с товаров или с пассажиров в зависимости от их национальности; что они готовы [2] признавать и уважать политику

¹ См. например, там же тел. Скотта от 23 декабря н. ст. и письмо его же от 25 декабря н. ст. 1898 г.

открытой двери, основанную на наших договорных правах; и что они [3] *не хотят требовать для России исключительной сферы влияния или интересов, ни [4] требовать большего, чем необходимо для защиты их линии жел. дороги, проходящей через Манчжурию*. Посол и предлагал, чтобы Россия дала в этом смысле письменное (одностороннее!) обязательство («engagement»). Кроме того, посол соглашался, уступая «желанию обоих министров», на обмен нот, которые «подтверждали бы наше обоюдное убеждение, что нет действительного антагонизма между нашими обоюдными интересами финансовыми, коммерческими и др. в Китае, и наше твердое намерение их согласовать посредством свободного и дружественного соглашения», и на подписание соглашения о Шанхайгуаньской ж. д. в духе своего сентябрьского предложения¹.

Таков был результат вмешательства Витте в переговоры: России предлагали раз навсегда формально отказаться от какой бы то ни было исключительной сферы интересов в Китае и ничего аналогичного не предлагали взамен относительно Англии. Продолжая питать уверенность, что «России было бы всего удобнее сохранить по отношению дел на Дальнем Востоке полную свободу действий» («тем более, что мы уже ограничили себя соглашением с Японией»), Витте нашел это ноябрьское предложение Англии столь же «неприемлемым», как и сентябрьское. Но уступая убеждению Муравьева, «что Англия при нынешнем положении без надлежащего соглашения не успокоится», Витте не решился «отвергать такого соглашения» и только «взамен его односторонней редакции» представил свой проект, в котором 1) соединил все три намеченные англичанами документа в один, и 2) попытался выкинуть даже и намек на какое либо обязательство относительно «дифференциального сбора», сохранив лишь обязательство соблюдать принцип «наиболее благоприятствуемой нации» в отно-

¹ См. текст «английского сообщения 18/30 ноября 1898 г.», доставленный в М. Ф. при письме Муравьева от 23 ноября, в д. № 24-в. — Курсив в тексте наш.

шении к железнодорожным тарифам. Проект Витте заключал в себе следующие обоюдные обязательства:

«1) Обе стороны признают желательным сохранение «независимости Китайской империи.

«2) Обе стороны признают необходимость уважать «существующие договоры Китая, с ними отдельно заключенные.

«3) В согласии с духом существующего торгового «трактата между Англией и Россией обе стороны обязуются «при перевозке грузов и пассажиров по железным дорогам, «ими эксплуатируемым в Китае, соблюдать в точности «принцип «наиболее благоприятствуемой нации».

«4) Обе стороны в районах, кои в силу экономического «или географического тяготения будут находиться под пре- «обладающим их влиянием, обязуются не устанавливать «мер запретительных по отношению подданных противной «сторон.

«5) Обе стороны обязуются всякие отдельные вопросы, «касающиеся железнодорожного дела в Китае, в коих «заявят свое заинтересование та или другая сторона, — «обоюдно рассматривать и разрешать их в примирительном «смысле — в обоюдных интересах.

«6) Согласно пункту 5-му, обе стороны по отношению «дороги такой то пришли к такому то соглашению».

Легко заметить, что проект Витте не был только механическим соединением трех частей английского и формальной пере- липовкой одностороннего «обязательства» в обоюдостороннее «соглашение», а по существу назначен был устранить вытекавшие из английского проекта «неблагоприятные стеснения России в будущем»¹. Такова, например, ст. 2 русского проекта,

¹ Проект Витте см. в д. № 24-в. См. там же письмо Витте Муравьеву от 25 ноября 1898 г.

обязывавшая англичан уважать предоставленные Обществу Китайской Восточной ж. д. права, т. е. в том числе статьи 10 и 11 концессии, устанавливавшие таможенную пошлину на ввозимые и вывозимые по Китайской Восточной жел. дор. из России и в Россию товары в $\frac{2}{3}$ обычной и тарифную автономию дороги. Таковы же и ст. ст. 3 и 4, формулированные слишком обще, чтобы нельзя было дать им впоследствии желательное конкретное толкование. И тем не менее, проект Витте оставлял Манчжурию совсем оголенной для дальнейших английских покушений в стиле соглашаемого теперь вопроса о Шанхайгуаньской ж. д. или сошедшего пока на нет предприятия Пр. Моргана. Муравьев, с своей стороны, и средактировал следующую дополнительную статью («для комбинации» с неудовлетворившими его статьями 3 и 4 проекта Витте), которая, не называя прямо Манчжурии, оградила бы ее от англичан:

«Убежденные, что не должно существовать никакого «антагонизма между ними в Китае, и руководимые желанием избежать всякого повода к конфликтам в вопросах, «где их интересы встречаются, каждая из двух договаривающихся сторон обязуется не вмешиваться в пользу финансовых, торговых, экономических и особенно железнодорожных предприятий в районе преобладающих интересов «другой договаривающейся стороны, и с другой стороны — «не чинить никаких препятствий и ни в чем не вредить «предприятиям этого рода, которыми другая сторона «дает или которые она хотела бы завести в районе своих «преобладающих интересов. Как Россия, так и Англия «тверждают права, приобретенные каждою из них в силу «частных соглашений с китайским правительством, и «обещают на них не посягать»¹.

Совершенно очевидно поправка Муравьева не просто возвращала вопрос к сентябрьскому английскому проекту, избегая

¹ Проект дополнительной статьи, см. там же.

лишь географических названий, но выдвигая понятие «района преобладающих интересов», — а и расширяла чисто железнодорожное соглашение до масштаба, близкого к программе, выставленной Витте в декабре 1897 г. Но она, разумеется, давала и Англии некоторую защиту от русских в районе Янцзы, и Витте педантически отверг эту поправку за то, что она «наложила бы на Россию тяжелое стеснение по отношению ко всему Китаю»¹. В результате, английскому послу не было дано теперь никакого ответа, и в переговорах опять случилась заминка.

IV.

Когда месяц почти спустя сэр Ч. Скотт поинтересовался узнать у Муравьева о судьбе второго, ноябрьского, своего предложения, он узнал, что дело уже доложено царю и что «доклад по этому вопросу, представленный Муравьевым и Витте, был внимательно прочитан е. в-ом, который сказал, что так как взгляды двух министров по некоторым вопросам не вполне согласуются между собою, он должен пригласить обсудить вопрос совместно в его присутствии». Вместе с тем, «заботливость, с которою Муравьев старался выяснить» послу «частный характер [Русско-Китайского] банка, заставила» его «подозревать, что этот вопрос имеет некоторую связь с различием во взглядах между ним и г. Витте, которое император желает выяснить и устранить»².

Состоялось ли подобное совещание у царя и, если да, то ограничилось ли дело одними Муравьевым и Витте, остается нам

¹ См. там же письмо Витте Муравьеву от 25 ноября 1898 г. Витте «не отрицал важного значения ее в смысле ограждения Манчжурии от английских притязаний», но тем более находил «необходимым» от нее отказаться, что «в ней говорится не только о жел. дорогах, но и вообще о всяких финансовых и экономических предприятиях и даже о торговле».

² См. тел. Скотта от 23 декабря н. ст. и письмо его же от 24 декабря н. ст. 1898 г. в д. № 24-в. — Там же: «Муравьев, однако, не сделал мне никакого более прямого намека на это разногласие, и очевидно желал, чтобы я считал строго конфиденциальным все то, что он сказал о существующем различии во взглядах его и г. Витте».

пока неизвестным. Но что вопрос о соглашении в описываемый момент уперся в вопрос о поддержке Русско-Китайского банка и что это и выступило на первый план в разногласии внутри русского правительства, — не подлежит сомнению. Едва ли можно также сомневаться, что царь не разделял позиции Витте и только задерживался до поры до времени решительно склониться на сторону Муравьева, смущаемый массивными ссылками Витте на «обязательства перед французскими банками» и на судьбу русского кредита во Франции. Куропаткин, например, которого Витте пытался, повидимому, привлечь на свою сторону и именно в эти дни послал ему всю подлинную переписку по делу о соглашении, конечно, был в курсе спора и должен был знать, к чему склоняется Николай, — и Куропаткин отзывался о деле решительно, коротко и сухо, точно цитатой: «прочел со вниманием. Вывод: Русско-Китайский банк стал, с прошлого года, сильно разбрасываться в своей деятельности. Так как русское правительство является ответственным за этот банк, то мы невольно можем быть втянуты в самые неприятные истории по концессиям к среднему Янцзы (к Ханькоу), к нижнему Янцзы (к Чжен-цзяну), или по концессии между Чжен-дин-фу и Тай-юань-фу. Защищать русские интересы в Манчжурии, прилегающей на тысячи верст к России — это я понимаю. Но быть вынужденными защищать русскою кровью интересы Русско-Китайского банка на Янцзы или вообще южнее Пекина — для меня представляется непонятным и *шбелным* для России делом»¹. Примерно также относился к вопросу и русский посол в Лондоне, с самого начала считавший «всечастьем», что «соглашения Русско-Китайского банка ставят нас в необходимость быть твердыми в пункте, где наши интересы по существу ничего не могут выиграть»². Таким образом, в спорном вопросе Витте

¹ См. частное собственноручное письмо Куропаткина к Витте от 27 декабря 1898 г. в деле № 24-в. — Курсив наш.

² См. в деле № 20, копию частного письма посла в Лондоне к Ламсдорфу от 25 октября/6 ноября 1898 г. — Стааль предупреждал, что «если осложнения возникнут между нами и англичанами на Дальнем Востоке, они будут более

оказывался в правительстве едва ли не в единственном числе. Если бы речь шла о *русском* частном банке или о простом *нарушении интересов* французских акционеров банка, это одно. Но Витте ссылался на *обязательства* перед французскими банками, и взять на себя министру иностранных дел нарушение любых обязательств перед подданными союзного государства, было не так легко: с такою аргументацией, Витте и в одиночестве оставался для Муравьева совсем неприступным.

И вот, чтобы притти к тому или иному выходу из тупика, куда загнано было дело о совершенно необходимом соглашении, Муравьев, «не имевший никаких сведений о содержании наших обязательств перед французскими банками», обратился к Витте с просьбой сообщить ему «сущность» этих обязательств¹. Витте ответил «с полной готовностью», и оказалось, что они существуют и что попросту пренебречь ими крайне рискованно: 1) вся процедура переговоров с французскими банкирами об учреждении Русско-Китайского банка, предложенном русским правительством, протекала во всех стадиях в обстановке высокой официальности при участии органов министерства иностранных дел, 2) по уставу банк имеет «широкие задачи», действует *во всем* Китае, состоит под покровительством русского правительства и с самого начала, поэтому, «сулил в будущем не случайные барыши мелкой банкирской конторы», 3) трое членов правления, без согласия которых «не решается в Правлении ни один серьезный вопрос», «стоят во главе весьма крупных французских домов, связанных общим делом с целым рядом других французских домов и банков и образующих в совокупности могущественную финансовую группу, производящую большие дела с русскими фондами и преданную интересам России», 4) зная они о возможном «ограничении сферы деятельности банка», они не пошли бы на слияние

круты, чем раньше», и что «Франция и Англия придут к соглашению по Суданскому делу и тогда Сент-Джемский кабинет поднимет голову в других местах»; и Стааль высказывался за ускорение нашего соглашения.

¹ См. письмо Муравьева к Витте от 14 января 1898 в д. № 24-в.

с банком, например, Шанхайского отделения Национальной Учетной Конторы и «предпочли бы сохранить свое собственное дело» и 5) за всем этим стоят «те мелкие рантье, которые являются главными обладателями заграницею русских фондов», и «невыгодная о нас молва» «причинила бы нам, помимо нравственного ущерба, крупные материальные потери»¹. И Муравьеву нельзя было с этим не посчитаться.

То, что было предложено, наконец, англичанам, явилось результатом некоего компромисса не между двумя, а между тремя сторонами. В русской ноте от 26 января ст. ст. 1899 г. компромисс этот имел следующий вид: 1) идея разграничительной линии, к чему с самого начала клонил Муравьев, была принята, но обозначалась эта линия Великой стеной, т. е. обнимала не только Манчжурию, а и Монголию, отсутствие которой в летних предположениях Муравьева удивило Витте²; 2) согласно мысли Витте, относительно так разграниченных сфер стороны не принимали на себя обязательства воздерживаться от приобретения концессий (в частности Россия, следовательно, оставалась свободной поддерживать Русско-Китайский банк в области Янцзы), а обязывались только «не препятствовать» железнодорожным предприятиям: Англия России к северу от Стены и Россия Англии в бассейне Янцзы; 3) делая уступку Англии обозначением разграничительной линии вообще и обозначением ее в частности Великой стеной, а не широтою Пекина, русский проект зато вовсе опускал упоминание о каких либо обязательствах России относительно тарифов и обложения³.

¹ См. там же, письмо Витте Муравьеву от 17 января 1899 г. — Ср. выше стр. 90—91.

² См. в д. № 24-в карандашную пометку Витте на экземпляре английских предложений 9 сентября, против строк о Манчжурии, как русской сфере: «А Мотомия?».

³ Текста ноты 26 января не сохранилось в делах М. Ф. Он легко восстанавливается сопоставлением ответной ноты английского посла от 22 февраля /6 марта 1899 г. и письма Муравьева к Витте от 25 февраля т. г. в д. № 24-в.

Этот третий — и последний — фазис переговоров открывался русскою стороною в день и час, избранный не ею, а продиктованный поведением английской стороны. Еще 12/25 января 1899 г. Витте выражал свое «крайнее удивление» английскому послу, узнав от того, что Муравьев все еще не передал «окончательного проекта соглашения»; но проект и далее оставался не переданным, пока, наконец, 25 января Витте не получил из Лондона телеграмму о том, что 23 января там выпущено объявление об открытии 25 числа подписки на заем для постройки Ньюжуанской ж. д. «под залог» дороги¹. Гонконг-Шанхайский банк приступал, таким образом, к операции, которую английское правительство еще в сентябре 1) не только не связывало с залогом дороги, но и 2) вообще ставило в зависимость от согласия России, — и русская сторона оказывалась теперь поставленною перед двумя совершившимися фактами. А внутреннее бессилие ее компромиссного проекта 26 января, как и следовало ожидать, дало себя знать, когда пришел английский на него ответ (22 февраля ст. ст.). Англичане с некоторым сожалением отметили узкий, исключительно железнодорожный масштаб русского проекта и изъявляли полное свое согласие принять его исходною точкой, но тут же и разъяснили, что «обстоятельство это [т. е. принятие Англией русского проекта] отнюдь не налагает на одну из договаривающихся сторон обязательства воздерживаться от соискания железнодорожных концессий в сфере интересов другой», и что они не думают, «чтобы Россия или Англия каждая в своей сфере решились оказывать сопротивление упомянутым домогательствам», и в частности хотели бы только включить в соглашение «оговорку, достаточно обеспечивающую за Гонконг-Шанхайским банком постройку Ньюжуанской жел. дороги на усло-

¹ См. письмо Витте Муравьеву от 25 января 1899 в д. № 24-в. Витте обращал внимание Муравьева на то, что это противоречит обоим проектам английских предложений. Ср. также письмо Ч. Скотта к Сольсбери от 25 января н. ст. 1899 г. в д. № 24-а.

виях, предусмотренных в контракте займа»¹. Дав царю надписать на английской ноте пометку о согласии, Муравьев, в полном сознании своего поражения, в письме к Витте не отказал себе в удовольствии подчеркнуть, что «статьи, ограничивающие притязания Англии на приобретение концессий на севере Китая» (т. е. предложенная Муравьевым 23 ноября поправка к проекту Витте) исключены были из русского проекта «согласно желанию министерства финансов», — и в таком виде дело перешло на заключение Витте.

Казалось бы, что в пределах возможного Витте достиг своего. Ни того «гибельного» для русских экономических интересов (отказ от тарифных и таможенных привилегий в Манчжурии), ни того «невозможного» при «обязательствах перед французскими банками» (отказ от повсеместной поддержки Русско-Китайского банка), чего упорно не хотел допустить Витте в русско-английское соглашение, в новой редакции не осталось и следа. Не заключалось в ней и никаких «неблагоприятных стеснений в будущем», как их все время понимал Витте. Но то, что произошло теперь, показало, что русская редакция не ставила никаких стеснений и для Англии и притом не только в будущем, но и в настоящем. Объявленный до окончания переговоров заем Гонконг-Шанхайского банка предназначался не только для линии Шаньхайгуань-Нючжуан, ради которой и начаты были переговоры в июле в 1898 г., а и для линии на Синьминьтин (в 50 верстах от Мукденя!), о которой в Петербурге узнали *только* из Лондонского проспекта займа. А отмеченное выше английское толкование русского проекта, как и понял дело Муравьев, «не оставляло сомнения в том, что великобританское правительство стремится заранее оговорить за собою право на железнодорожные предприятия в Манчжурии»². Выходило так, что Россия теперь обязывалась и дальше не препятствовать постройке английских ж. д.

¹ См. там же ноту английского посла от 22 февраля/6 марта 1899 г. и письмо Муравьева к Витте от 25 февраля т. г.

² См. цит. письмо Муравьева от 25 февраля 1899 г.

даже «в районе Китайской Восточной ж. д.», недавно специально огражденном от такой опасности статьей III русско-китайского дополнительного протокола 25 апреля 1898 г., и пресловутое соглашение обращалось как бы в инструмент для «последующей регистрации» подобных английских актов и в будущем. Между тем такое же обязательство Англии относительно русских жел. дор. в бассейне Янцзы именно для данного момента как раз реального ничего и не давало бы России. И Витте не нашел другого выхода, как тут же на письме Муравьева перечеркнуть глагол «не препятствовать» и надписать «не домогаться» (и попасть в ту самую ловушку, которой он все хотел избежать и избегал целые полгода!), так как, сознавался он, такая редакция проекта «была бы более определенной и, вместе с тем, более выгодною с точки зрения интересов России»¹. Таково происхождение текста так называемой «основной ноты» 16/28 апреля 1899 г. о недомогательстве в свою пользу в чужом районе и непрепятствовании там противной стороне².

Витте пытался еще, правда, делать хорошее лицо по поводу грозного вывода английской ноты 22 февраля о праве англичан строить дороги и к северу от Стены и «не усматривал особо важных препятствий к тому», при условии только, чтобы не нарушалась ст. III дополнительного протокола 25 апреля 1898 г. Он даже предлагал еще возражать против участия англичан в сооружении Нючжуанской жел. дор. «не потому, что дорога эта пролегает к северу от Великой стены, а исключительно с точки зрения нарушения наших соглашений с Китаем, так как дорога эта проходит в районе Китайской Восточной жел. дор.»³. Но с так

¹ См. карандашные пометки Витте на письме Муравьева от 25 февраля и письмо Витте Муравьеву от 26 февраля 1899 г. в д. № 24-в.

² Русско-английское соглашение (обмен нот) см. в «Сборн. дог. и дип. док. по делам Дальнего Востока, 1895—1905», СПб., 1906 г., стр. 358 сл.

³ См. письмо Витте Муравьеву от 26 февраля 1899 г. — Муравьев ответил, что «к сожалению, мы поставлены в полную невозможность предпринять какие либо шаги в этом направлении, так как вопрос этот урегулирован между Англией и Китаем» (письмо Муравьева от 28 февраля 1899 г. там же).

называемой «дополнительной нотой» 16/28 апреля 1899 г., где, по смыслу как сентябрьских, так и ноябрьских предложений англичан, должна была найти место оговорка только о линии Шаньхайгуань-Нючжуан, игра вышла совсем плохая. В нее приходилось включить теперь и ветку на Синьминьтин, английский заем под которую, как укорял теперь Витте Муравьев, «стал совершившимся фактом» «в то время, когда *вследствие отклонения нами английских первоначальных предложений* соглашения, переговоры наши с Сент-Джемским кабинетом грозили закончиться полною неудачей», и когда, с другой стороны, англичане уже были знакомы с ноябрьским контр-проектом Витте, «не возлагавшим на Англию обязательства воздерживаться от соискания железнодорожных концессий не только на север от Шаньхайгуаня, но даже вообще в пределах Манчжурии»¹. А из ветки на Синьминьтин выросла и третья оговорка «дополнительной ноты» о праве России «поддерживать ходатайства русских подданных и учреждений о концессиях на железные дороги» «от главной манчжурской линии» «к юго-западу» через район английских веток. Оговорка эта была предложена и проредактирована самим Витте с целью устранить возможное прямое сопротивление Англии соединению Китайской Восточной жел. дор. с Пекином не «в будущем» (слова «dans l'avenir» были вычеркнуты из текста по просьбе Витте), а теперь же; и одновременно Витте предложил Муравьеву «добиться от китайского правительства согласия на выдачу Обществу Китайской Восточной жел. дор. концессии на жел. дор. к Пекину»².

Итак, проделав некоторый круг, русская дипломатия пришла в соглашении 16/28 апреля почти к тому же, с чего сама и начала в июле—сентябре 1898 г. Она выиграла в вопросе о своих договорных преференциях в Манчжурии и проиграла

¹ См. в д. № 24-в письмо Муравьева к Витте от 16 марта 1899 г.

² См. письма Витте Муравьеву от 28 и 30 марта 1899 г. в д. № 10.

в вопросе о южно-манчжурских ветвях. Но «гибельное» и «невозможное» вернулось в окончательный текст соглашения в последний момент — движением карандаша Витте. Россия обязывалась «не домогаться, за свой счет или в пользу русских поданных *или иных*, каких либо железнодорожных концессий в бассейне Янцзы»: это «или иных», отсутствовавшее во всех прежних редакциях соглашения, исчерпывающим образом «предупреждало» для России «всякую возможность увернуться от исполнения его условий», между прочим, и в отношении французских акционеров Русско-Китайского банка. Россия начисто удалялась за Великую стену, но зато и впервые получала международно-правовое признание своей сферы интересов во всей Манчжурии (и Монголии) со стороны крупнейшего из своих врагов. Перед русской политикой в Китае ставился, таким образом, не только барьер, но и точно локализованная территориально задача.

Неудача России в столкновении с Англией из-за займа Китаю в январе 1898 г., сопряженная тогда с отказом от монополий в Манчжурии и Монголии, не удержала Витте, как видим, от вторичной попытки помериться с английским империализмом на территории всего Китая. В короткий промежуток времени Витте без колебаний перешел от политики монополий в сфере влияния России, к политике открытой двери вне этой сферы и субъективно оказался, на первый взгляд, жертвою двойственности национальной природы того банковского новообразования, без которого России в Китае теперь нечего было бы и делать. Вторично теперь вынужденный отступить перед Англией в пределы именно той сферы, где он потерпел поражение в январе 1898 г., Витте, однако, еще, повидимому, не склонен был строго ограничиться ею и, проведя в дополнительную ноту 16/28 апреля 1899 г. оговорку о русских «юго-западных» манчжурских линиях, он тотчас же, 17 апреля, дал приказ представителю Китайской Восточной жел. дор. в Пекине предъявить китайскому правительству требование от имени Общества Китайской Восточной

жел. дор. о концессии на сооружение и эксплуатацию жел. дор. от одного из пунктов магистрали к Пекину¹.

Без особенной охоты поддержанное Муравьевым, естественно считавшим, что «всякое осложнение в сношениях наших с Китаем крайне нежелательно и чем более мы ограничим нашу требовательность к Китаю, тем при данных политических обстоятельствах это представлялось бы во всех отношениях предпочтительнее», — требование это, в сочетании с соглашением 16 апреля 1899 г., поставило в третий раз (в течение 3 лет!) новое испытание политике «дружбы с Китаем»². Даже Ли Хунчжан открыто заговорил о происшедшем разделе Китая³. Но новое железнодорожное требование, навязываемое теперь китайскому правительству не то как компенсация за нарушение им своих обязательств перед Россией, не то как благодеяние в интересах самого же Китая, не поддержанное ни военными, ни «мирными» средствами, встретило упорное сопротивление китайцев и просьбу их предоставить Китаю самому заботиться о своих интересах⁴. Тем не менее оно не было взято обратно, было забронировано полученным теперь обязательством Китая не предоставлять другим постройки жел. дор. «от Пекина в северном или северо-восточном направлении к русской границе» и включено Витте в дальнейшую программу России, как прямое продолжение плана постройки манчжурских жел. дор., приуроченное к 1902 году⁵.

¹ См. в д. № 24-а, тел. Витте Позднееву в Пекин, от 17 апреля 1899 г.

² См. в д. № 10 письмо Муравьева к Витте от 2 мая 1899 г.

³ См. «Пролог и т. д.», стр. 87.

⁴ См. там же, стр. 88 сл.

⁵ См. в Известиях М. И. Д., 1914 г., кн. IV, прилож., стр. 62 сл. сообщение китайских министров на имя российского посла в Пекине от 20 мая 1899 г. и ответную ноту рос. посланника от 5 июня 1899 г., в которой заключалось предупреждение, что, не настаивая на немедленной постройке линии, «тем не менее Россия никоим образом не может отказаться от предъявленного ею требования о концессии на эту линию, которая является необходимой компенсацией за бесспорное и прямое нарушение китайским правительством положительных обязательств, принятых им на себя в сообщении от 19 июля минувшего года». Соглашаясь на такую отсрочку, в письме к Муравьеву от 6 мая 1899 г., Витте сознавался, что до окончания постройки магистрали Китайской Восточ-

С точки зрения русско-английских отношений на Дальнем Востоке соглашение 16 апреля было заведомо лишь временной мерой, отсрочивавшей столкновение обеих сторон в Чжилйской провинции не так уж надолго и даже, *rebus sic stantibus*, на твердо определяемый срок. Относительно же Китая оно явилось одним из последних толчков, которые, начиная с 1895 г., с учащающейся скоростью производили свое разрушительное действие на «целость» и «неприкосновенность» Китайской империи и, вместе с восстанием боксеров, привели ее правительство в состояние «скрытой» войны против иностранных «чертей».

V.

Соглашение 16 апреля, правда, «произвело очень дурное впечатление на французского посланника [в Пекине]», но, вопреки угрозам Витте, никак не отразилось на судьбах русского кредита на французском рынке и, кажется, не причинило и «нравственного ущерба» России во мнении «мелких французских рантье»¹. И шум, поднятый Витте вокруг Русско-Китайского банка и задержавший русско-английские переговоры на целые 9 месяцев, мог бы найти себе объяснение не столько в вынужденной заботливости России об интересах французских акционеров банка, сколько в заинтересованности самих русских акционеров. Дело в том, что всего за несколько дней до того, как Муравьев начал свои переговоры с Лондонским кабинетом о разграничении железнодорожных сфер в Китае, Витте закончил проведение некоторой меры относительно Русско-Китайского банка, предпринятой в виду того, что «успешное развитие деятельности» его за последние 2½ года и «вполне упрочившееся положение его в Китае» дали ему «воз-

ной ж. д. — а оно предполагалось к 1902 г. — линия на Пекин строиться не будет, и предлагал, «твердо и последовательно направляясь к цели и выбирая удобные моменты, исподволь добиться принципиального согласия китайского правительства» и «установить условия ее сооружения» (см. в д. № 10).

¹ См. тел. Позднеева из Пекина от 23 апреля 1899 г. в д. № 24, ч. II.

возможность с успехом выступить, наряду с иностранными банками и синдикатами, на поприще сооружения жел. дор. в Китае». В конце июня 1898 г. «в видах усиления возрастающих потребностей банка в оборотных средствах», Витте утвердил постановление банка о втором выпуске 12.000 акций и взял его целиком на счет государственного казначейства, которое становилось таким образом обладателем 16.200 акций из общего числа 60.000 (т. е. более 25%). Кроме того, одновременно Витте провел через общее собрание акционеров банка дополнение к уставу, об утверждении всех членов Правления банка министром финансов. Совершенно очевидно, что при этом условии переход банка к железнодорожному строительству и финансированию его в районе между Янцзы и Пекином получал теперь поддержку не от инициативы Французской группы акционеров, а ложился всей тяжестью на ответственность русского правительства, «окончательно упрочивавшего влияние министерства финансов на направление деятельности» банка¹. Повидимому, Витте поддался здесь искушению вступить, на свой страх, в игру международных интересов в среднем Китае, не сдерживаемый боязнью политического риска, с нею связанного, и, как и в 1897 г., поставил в этом пункте русскую дипломатию перед неожиданно для нее совершившимся фактом. В этой связи и весь эпизод с переговорами 1898—1899 гг. получает несколько иной смысл, чем все время хотел придать ему Витте, иначе выглядит и его упорство, проявленное им в ходе переговоров, и легкость, с какою он сам же отказался в последний момент от своей позиции, не только не спросившись французских членов Правления банка, но и не вспомянув при этом о них больше ни разу. В отношении англичан Витте достаточно было аргументировать от «независимости» банка и невозможности для правительства нару-

¹ См. всепод. доклад Витте от 3 июля 1898 г. «о приобретении на счет Государственного казначейства акций Русско-Китайского банка», копия в д. № 20, лл. 213 и 214.

шить его устав; но, как мы видели, аргументация от французских интересов и судеб русского кредита только и была неприступной для противников Витте в составе русского правительства в этот момент. Таким образом, поражение, которое потерпел Витте на путях своей собственной дипломатии, было в сущности поражением, под которое он подвел русское правительство, как акционера, только что вложившего в Русско-Китайский банк без малого 3 милл. руб. для подкрепления его экспансии на юг от Пекина и русского железнодорожного строительства там.

В китайских правительственных кругах так и поняли, что Англия, по соглашению 16 апреля, «получила все, чего хотела, даже в Манчжурии, Россия же не могла защитить даже свою Шаньсийскую жел. дорогу»¹. Именно для русского *правительственного* руководства было бы велепо теперь продолжать начатое через банк застенное предприятие, при отпавшей возможности дипломатически его там поддержать. Есть след, что именно русская дирекция банка и взяла на себя вывести банк из Шаньсийского предприятия, и Витте попытался сделать это так, чтобы путем банковских соглашений восстановить прорванный англичанами в соглашении 16 апреля южно-манчжурский участок русского фронта.

Попытка эта связана была с приездом в Петербург Покотилова для выяснения ряда вопросов, которые возникли для банка и Китайской Восточной жел. дор. в условиях, созданных новым соглашением, и не пошла дальше предварительных переговоров через Покотилова и Циглера (оба члены Правлений банка и Общества Китайской Восточной ж. д.) с членом Правления Международного банка бельгийцем Кохом, который затем должен был войти в сношения с своими «друзьями в Лондоне». Русская сторона предлагала выкупить заем, предоставленный Гонконг-Шанхайским банком китайскому правительству в январе 1899 г., вместе со всеми правами, которые достались банку на южно-манчжурские

¹ См. тел. Поаднеева от 1 мая 1899 г. в д. № 24, ч. II.

линии, с тем что русское правительство: 1) откажется от постройки прямой линии Маньчжурия—Пекин, 2) непременно постройит линию от Шаньхайгуаня до Нючжуана и не применит на ней дифференциальных ставок, 3) оставит в руках китайской администрации линию от Шаньхайгуаня до Пекина и не уложит на ней широкой колеи, и 4) уступит англичанам Шаньсийскую линию. Такой размен железнодорожными предприятиями, в точном соответствии с основною нотой 16 апреля и в полную отмену дополнительной ноты того же числа, обошелся бы русскому правительству, по расчету Покотилова, не дороже номинальной суммы английского займа (2.300.000 фунт. стерл.), так как облигации его, под влиянием русского требования на Пекинскую линию, успели упасть с 97 до 92, а 8% премии вполне удовлетворили бы держателей займа¹. Но требование на Пекинскую линию, лишь временно приостановленное и закрепленное русско-китайским соглашением 20 мая—5 июня 1899 г., породило и в Китае мысль о выкупе английского займа под южно-маньчжурские линии, как о единственном действительном средстве, способном избавить Китай от фактической «передачи Пекина» «в руки русского правительства» и «страшных компенсаций», которые «сейчас же» потребовали бы себе все остальные державы².

Пока в Петербурге, в глубокой тайне и в самом предварительном роде, шли переговоры с Кохом, к Ротштейну в Ипль

¹ См. в конверте № 14 фонда Пекинских отделений Правлений Русско-Китайского банка и Общества Китайской Восточной ж. д. под заглавием: «Переписка относительно уступки Обществу Китайской Восточной ж. д. линии Тяньцзинь-Шаньхайгуань-Нючжуан» — следующие документы: а) записку Покотилова к Витте о переговорах с Кохом от 1 июля 1899 г., б) записочку рукою Витте синим карандашом Покотилу, с просьбой составить с Ротштейном «проект оснований ведения переговоров с английским банком относительно Пекинской дороги», в) черновик письма Покотилова к Ротштейну (на фр. яз.) от 3/15 июля 1899 г. с изложением проекта выработанного между Циглером и Кохом, и г) «список вопросов» (с пометками Витте), представленный Покотилу 21 июня того же года.

² См. в д. № 10 тел. Позднеева от 9/21 мая 1899 г. об объяснении его по вопросу о русском требовании с Сюй Цзинчэном, председателем Правления Общества Китайской Восточной ж. д.

явился знакомый нам Грот и «завел с ним по поручению Ли Хун-чжана разговор относительно желаний китайцев так или иначе откупиться от англичан, причем китайское правительство готово [было], повидимому, принести даже денежные жертвы в виде уплаты премии, которую пришлось бы внести английскому синдикату, лишь бы заставить нас отказаться от проектированной прямой линии на Пекин». Это предложение китайцев не только значительно удешевило бы русскую операцию, но и открывало, по мнению Ротштейна, перед Россией новую возможность — «потребовать от китайцев более выгодные в смысле контроля и участия в администрации жел. дор. условия, нежели те, которые предоставлены китайцами англичанам»¹. Но, наметившаяся к обоюдному удовольствию русской и китайской стороны, комбинация так и не состоялась — повидимому, в виду несогласия английской стороны. Англичане предпочли сохранить за собою подход к старому манчжурскому порту в Печилийском заливе, как форпост на пути России к Пекину. И источник возможного в будущем англо-русского конфликта остался неустраненным.

Боксерское восстание, столкнув летом 1900 г. все империалистические державы в опустелых покоях пекинских дворцов, вскрыло его, как и некоторые другие роковые для России конфликты, и создало условия, чрезвычайно ускорившие движение России к военной развязке ее манчжурской политики.

¹ См. в конверте № 14 Фонда Пекинского Отдел. Правл. Русско-Китайского банка и Общества Китайской Восточной ж. д., записку Покотилова к Витте от 6 июля 1899 г. с изложением телеграмм Ротштейна из Ишля.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

«Временная» оккупация всей Манчжурии.

(1900—1902 гг.).

I.

Китайские события 1900 г. застали Россию в Манчжурии на полном ходу колоссальных предпринятых ею там строительных работ. За 2 с небольшим года железнодорожные работы, начатые одновременно с 5-ти пунктов (от Харбина на юг, восток и запад, и к Харбину от Порт-Артура и Никольск-Уссурийского), охватили до 1300 верст, не считая станционных и временных обходных путей; на р. Сунгари начаты были работы по приведению ее в судоходное состояние для подвоза строительных материалов к Харбинской пристани, обращавшейся теперь из небольшой деревушки в крупный городской центр; на море заведено строительным управлением дороги свое пароходство (13 пароходов) и приступлено к капитальным сооружениям в портах Владивостоке, Ньюжуане и Дальнем, обращаемых в первую очередь в складочно-приемочные пункты строительных материалов и громоздкого железнодорожного инвентаря; закончены работы по отчуждению (около 30 кв. верст) земель для широко задуманного нового города Дальнего, с правами порто-франко; заселение полосы отчуждения дороги не только русскими рабочими и служащими и охранной стражей (всего до 6.000 чел.), но и частью местными, частью пришлыми китайцами (до 60.000 чел.) продвинулось настолько, что потребовало введения особых административно-судебных органов (Цзяо-шэ-цзюй), регулировавших взаимоотношения новых пришельцев и местного населения на

территории дороги и содержимых на счет Общества Китайской Восточной жел. дор.; в Харбине, Гирине, Мукдене, Порт-Артуре, Нючжуане раскинулись отделения Русско-Китайского банка, вовлекавшие в свой оборот верхушки местной хозяйственной жизни; приступлено к разработке Яньтайских и Вафандяньских угольных месторождений для нужд дороги с проведением от них подъездных веток к главной южно-маньчжурской линии, и т. д. и т. п.: громадный район зашевелился новой жизнью, бесповоротно увеличивавшей с каждым днем шансы России в дальнейших судьбах Маньчжурии¹.

Оглядываясь на пройденный в течение последнего пятилетия (1895—1899 гг.) путь, в русском министерстве финансов поинтересовались дать себе отчет в размере соотносительного участия России в мировом обороте колониальных затрат вообще и в масштабе Дальнего Востока в частности. И выходило, что «со времени японо-китайской войны чрезвычайные издержки России на Дальнем Востоке», по 1899 г. включительно, составили 144,2 милл. руб., против 379.760 милл. руб., затраченных Англией (частью совместно с Германией), и 225.562 милл. руб. французских вложений в китайские займы². По одним пред-

¹ См. «Китайская Восточная ж. д.», исторический очерк, составленный Канцелярией Правления Общества Китайской Восточной ж. д., т. I, стр. 72, 73, 75, 58, 163, 299, 59—63, 131—134, 297, 43—45, 67. Из 13 пароходов Общества 5, с грузоподъемностью в 5819 тонн, было куплено в 1899 г. в готовом виде, и 8, с грузоподъемностью в 9850 тонн, было тогда же заказано. — Русско-китайские соглашения относительно Бюро иностранных и железнодорожных дел см. в приложении к Изв. МИД за 1916 г., кн. III и IV: «Соглашения между Россией и Китаем по вопросам железнодорожным, почтово-телеграфным и таможенным», стр. 21 сл. и 26 сл. (19/31 мая 1899 г. относительно Гириньской провинции и 20 января/2 декабря 1899 г. относительно Хэйлуцзянской провинции). — К началу 1901 г. общий расход по Ляодуну исчислялся более чем в 20 милл. руб. (см. в д. № 75, ч. 4, письмо Витте к Ламсдорфу от 23 июля 1901 г.).

² См. справку по этому вопросу в д. № 120. В мировом масштабе по этому подсчету за указанные годы Англия израсходовала 1.917.500.000 руб., Франция — 345.331.000 руб., Германия (в Шаньдуне) 13.880.000 руб., Бельгия — 37.500.000 руб. Военные расходы Испании и Соединенных Штатов давали 720 милл. руб. + 776 милл. руб., всего 1.496 милл. р. За 1897—1898 гг., при этом, Европа уплатила С. Ш. А. 1.897, 3 мил. р. по торговому балансу.

приятиям Общества Китайской Восточной ж. д. это составляло только половину всей суммы предвидимых расходов, далекий возврат которых стоял целиком в зависимости от условий эксплуатации этих предприятий в пределах сложной международной обстановки, никак не сулившей спокойного течения событий прежде всего в самой Срединной империи и к самому концу пятилетия выдвинувшей нового и полного сил претендента на китайские рынки в лице Америки.

Победоносно покончив войну с Испанией Парижским трактатом 10 декабря 1898 г., Соединенные Штаты Америки заняли свой пост у постели больного на Филиппинах и в сентябре 1899 г. потребовали от держав формального признания принципа «открытой двери», «обеспеченного Соединенным Штатам их договорами с Китаем»¹. Правительство Штатов с своей стороны признавало существующие «сферы интересов» отдельных держав, но именно относительно этих сфер требовало от соответствующих правительств заявления: 1) что они не будут «вмешиваться в права какого либо договорного порта или фундированные (vested) интересы» в своих сферах, 2) что существующий китайский таможенный тариф всюду будет применяться независимо от национальности облагаемого товара, и что 3) железнодорожные тарифы и судовые сборы в этих сферах будут одинаковы для всех национальностей и не будут выше, чем для товаров собственной национальности. Для России в частности подобное требование означало нападение на условия контракта 27 августа 1896 г. и должно было свести ее роль к роли перевозчика чужих товаров в пределах Манчжурии и только. Притом, как было отмечено выше, нападение это вовсе не было неподготовленным или непредвидимым для русского правительства: американский капитал перед тем за короткий промежуток уже трижды пробовал вежливо стучаться в манчжурские двери в поисках железно-

¹ Обмен нот по этому вопросу с Францией, Германией, Италией, Россией и Англией, см. у Mc Murray, «Treaties and Agreements», v. I, pp. 221—235.

дорожных концессий и задавался даже целью монополизировать в своих руках постройку всей китайской железнодорожной сети — план, из которого к 1900 г. очистилась лишь складка капитала в 18 милл. руб. для финансирования постройки одной Ханькоу-Кантонской линии¹. Хотя требования американцев относились ко всей территории Китая, но в скрытой форме третий пункт американской ноты 6/18 сентября 1899 г. на деле заключал в себе предложение «нейтрализации» жел. дор. в первую очередь в Манчжурии, за отсутствием в данный момент других иностранных дорог в Китае, и приобретал потому специфически враждебный России смысл.

Действительная оценка этой стороны американского предложения ускользнула как от Муравьева, так и от русского посла в Вашингтоне (гр. Кассини), которые оба отнеслись сочувственно к возможности выиграть здесь признание Манчжурии русской «сферой интересов», вслед за Англией, и со стороны Америки. Но Витте сразу взял дело под подозрение и, затянув до выяснения ответов других держав, предложил Муравьеву ответить: «1) что в отношении территории, находящейся в арендном пользовании русского правительства, русская торговая политика на деле является политикой «открытой двери», как это видно из предоставления г. Дальнему прав порто-франко, 2) что в случае, если в будущем г. Дальний будет отделен от остальной арендуемой территории таможенной чертой, таможенные пошлины имеют быть взимаемы на этой последней в одинаковом размере для всех чужестранных товаров, и 3) что в портах, открытых китайским правительством для иностранной торговли, располо-

¹ См. цит. справку о колониальных расходах, в д. № 120. Ср. выше стр. 84, 102—103 и 211. — Участие С. Ш. А. в торговле с Китаем выразилось к этому времени (1899—1900 г.) в цифре 84,8 мил. руб. (ввоз в Китай 26,1 мил. р., вывоз — 58,7 мил. р.), при торговом обороте Англии в 75,5 мил. р., Франции в 87 мил. р., Японии 59,6 мил. р. и России 51 мил. р. Считая и торговлю с Гонконгом, соотношение несколько иное: Англия 113,4 м. р., Япония 107,8 мил. р., С. Ш. А. 105,3 м. р. (см. М. П. Федоров, «Соперничество торговых интересов на Востоке», СПб., 1903 г., стр. 84).

женных в тех частях Китая, которые не находятся в арендном содержании России, — вопросы о таможенных пошлинах и портовых сборах регулируются китайским правительством, и что русское правительство не имеет в виду добиваться в сем отношении для своих подданных каких либо исключительных льгот по сравнению с другими иностранцами»¹. В этом своем проекте ответа американцам Витте, как видим, совсем опустил вопрос о железнодорожных тарифах, потому что отказ от тарифной автономии, предоставленной России в Манчжурии контрактом 27 августа 1896 г. и конвенцией 15 марта 1898 г. — думал он — 1) «лишит нас льготы, представляющей для наших экономических интересов на Дальнем Востоке существенное значение», 2) не компенсируется таким же отказом других держав относительно Собственного Китая, где «главные перевозки всегда будут производиться преимущественно водою» и «русская ввозная торговля едва ли получит в близком будущем большое развитие». И русская ответная нота Соединенным Штатам от 18/30 декабря 1899 г. почти дословно повторила проект Витте от 14 числа². Отказ же от железнодорожно- и таможенно-тарифных привилегий России в Манчжурии Витте считал возможным, «под давлением крайней необходимости», лишь при том условии, чтобы державы, «желающие воспользоваться еще теми особенными выгодами, которые выговорены в пользу... Общества Китайской Восточной ж. д.», «приняли участие также

¹ См. письмо Витте к Муравьеву от 14 декабря 1899 г. в д. № 20. — Ср. в д. № 50 письма: Витте к Ламсдорфу от 18 октября 1899 г.; Муравьева к Витте от 16 ноября, с приложением тел. Кассини от 14 ноября о желательности соглашения с Америкой на основе предоставления России в ее сфере «привилегии исключительной постройки и эксплуатации жел. дорог и др. промышленных предприятий», но при равенстве жел.-дор. тарифов для всех; Витте к Муравьеву от 18 ноября (не согласен на равенство в тарифах); и Муравьева к Витте от 18 декабря о том, что после положительных ответов других держав невозможно «итти наперекор общепринятому державами политико-экономическому началу и, подорвав существующие между Россией и С. Ш. А. дружественные отношения, дать повод к образованию весьма опасной для интересов наших коалиции держав на Дальнем Востоке».

² См. у Mc Murtagh, op. cit., I, p. 234.

в несении тех громадных материальных затрат», которые несет и будет еще нести Россия на всю совокупность железнодорожных предприятий в Манчжурии¹. Так впервые (и пока совершенно теоретически) перед лицом американских притязаний сам Витте формулировал в сущности ту проблему коммерческой нейтрализации Манчжурии, с решением которой и выступила Америка в 1909 г. в момент, когда русское правительство само готово было избавиться от Китайской Восточной ж. д. путем досрочного ее выкупа. Таким образом, к самому концу пятилетия России встретилась в этом вопросе лицом к лицу с опасностью, которую имела уже трижды случай предотвратить путем соглашения и которую теперь, по требованию Витте, русская дипломатия решила обойти простою фигурой умолчания. Это только отсрочивало конфликт и не умаляло рискованности всякого дальнейшего попятного русско-американской дипломатии к отступлению от строго консервативной политики в Манчжурии.

Нечего и говорить, что такая политика диктовалась русскому правительству и теми потрясениями на внутреннем экономическом фронте, которыми открылся 1899 год: к началу 1900 г. финансовый и промышленный кризис, как бы не был он отрицателен в официальной печати, был налицо, и косвенное признание его, может быть, сказалось в январе 1900 г. на решительном отказе русского правительства в сколько нибудь агрессивном роде использовать затруднения Англии в бурской войне и «заручиться какими либо соответствующими компенсациями», связанными с ассигнованием специальных кредитов или усилением военного и морского бюджетов². Но еще и летом 1899 г., сейчас после русско-английского соглашения, у Витте в ответах его Покотилу, добивавшемуся определенных указаний относительно дальнейшего курса политики дороги и банка в Китае, заметна свя-

¹ См. письмо Витте от 14 декабря.

² Разумею вesp. записку Муравьева и ответы на нее министра (особенно Витте) от января — февраля 1900 г., опубликованные в Кр. Архиве, т. 18, стр. 4 сл.

занность решений и желание не упреждать дальнейшего хода вещей¹.

Нельзя было, наконец, не видеть, что и в Китае с половины 1898 г. постепенно все складывалось не в пользу России. Брожение в народных массах, вылившееся весной 1900 г. в открытое восстание против иностранцев, шло параллельно с ростом английского и особенно японского влияния на пекинское правительство, охваченное судорожными поисками выхода из жалкого положения, в какое впала манчжурская династия под ударами 1895—1898 гг.² За выбытием из состава центрального правительства Ли Хунчжана, в порядке опалы удаленного на генерал-губернаторство в Гуандун, для России, даже в отношении ее манчжурского предприятия, исчезла верная точка опоры в Пекине, и рвалась нить, в свое время связавшая судьбы дороги с покаями императрицы Цзы-Си³. Между тем, как раз в начале 1900 г. в Петербург стали поступать «некоторые намеки о наступлении срока» подновить эту связь и уплатить второй миллион руб., обусловленный п. 2-м банковского протокола 23 мая 1896 г.⁴. В Петербурге, конечно, и не собирались на-

¹ См. список вопросов Покотилова от 21 июня 1899 г. в конв. № 14 фонда Пек. Отд. Правл. Общества Китайской Восточной ж. д. и Русско-Китайского банка. Только относительно Манчжурии Витте считал, что «следует» продолжать «поддерживать в китайцах убеждение», что дело сооружения железной дороги и разработки рудных богатств Манчжурии «может производиться не иначе, как на средства или при помощи китайских или русских капиталистов и инженеров». Но уже на вопрос о немецких предпринимательских попытках по эту сторону Стены Витте ограничился советом только «не поощрять» их. А на вопрос об отношениях к английским концессионным требованиям между Стеной и Янцзы Витте «точного» ответа не дал, оставив этот вопрос «открытым».

² Сведения, сквозь призму которых русское правительство должно было в это время рассматривать свои шансы в Китае, собраны в «Прологе и т. д.», стр. 70 сл. и 90 сл.

³ Намек на одинаковую особую «благорасположенность» к России Ли Хунчжана и императрицы, который нельзя понять иначе, как указание на то, что в пресловутому миллиону руб. прикосновена была и Цзы-Си, см. выше, стр. 163, в заявлении Кербеда на совещании 22 января 1897 г.

⁴ См. в д. № 51, ч. I, всеп. доклад Витте от 3 марта 1900 г. Ср. наш «Дикунчангский фонд» («Борьба Классов», № 1—2, стр. 113).

рушить старое обещание, но и не поторопились с уплатой, решили отложить ее до поездки самого Витте на Дальний Восток, предполагавшейся в 1901 г.

Боксерское восстание, сопровождавшееся серьезными разрушениями почти по всей линии манчжурской дороги, отсрочило эту операцию и формально давало повод анулировать и самое обязательство. И, как летом 1897 г. первый, так теперь второй миллион должен был, предполагалось, получить уже «другое значение». В новой международно-политической обстановке у Витте явилось искушение и в этот раз нагрузить его дополнительным грузом. Но и в этот раз очередную дипломатическую попытку Витте ждала полная и еще горшшая неудача. Только, с появлением на смену Муравьеву Ламсдорфа, в июне 1900 г., Витте удалось теперь сделаться фактическим руководителем официального дипломатического аппарата и до окончательного своего дипломатического поражения в 1902 г. мало в сущности расходиться и с царем. На ближайшие 2 года, таким образом, «захватнические» инстинкты могли бы в Петербурге отступить перед торжеством «мирной» политики, лишенной как будто на сей раз и признаков какой либо двойной дипломатии.

II.

Когда весь дипломатический корпус и иностранная колония, насчитывавшие в Пекине не менее 1000 человек, оказались в середине мая 1900 г. без всякой защиты под непосредственной угрозой расправы со стороны боксеров и, может быть, даже регулярных китайских войск, когда (15/28 мая) железнодорожное сообщение между Пекином и Тяньцзином прервалось и 22 мая (4 июня) посланники обратились к своим правительствам с требованием о «принятии мер к их освобождению», а при китайском дворе явственно взяла верх группа сторонников боксеров во главе с принцем Дуанем, в Петербурге не могло оставаться сомнений, что «только быстрый приход сильного отряда может

спасти иностранцев в Пекине», что «роль посланников кончена» и «дело должно перейти в руки адмиралов» стоявших в Дагу (= Таку) нескольких иностранных судов¹. Десантный отряд, спешно сформированный в Тяньцзине английским адмиралом Сэй-муром и двинувшийся по направлению к Пекину 30 мая/11 июня, был настолько ничтожен (около 2000 человек), а паника в Пекине настолько велика, что о спешной высылке русского десанта из Порт-Артура, где Россия держала гарнизон в 12.000 человек, «доверительно ходатайствовал» даже английский посланник, больше всех, казалось бы, нерасположенный допустить именно русскую военную силу в Пекин. И 25 мая Муравьев предложил Николаю разрешить отpravку в Тяньцзинь 4 тысячного русского отряда, отчасти «во избежание опасности вызова в охранительных целях японских или иных иностранных войск»². Но скоро стало ясно, что «события в Китае принимают крайне опасный характер», что дело не может ограничиться только «охраной жизни и имущества членов императорской миссии и проживающих в Пекине христиан» и перед иностранным вооруженным вмешательством встанет задача «подавления распространяющегося восстания, известного рода насилия и борьбы с правительственными войсками, что почти равносильно открытию военных действий против Китая», — и 4 июня Муравьев с Николаем, исходя из «глубокого убеждения в том, что задача России на Востоке совершенно расходится с политикой европейских государств», приняли следующее решение: 1) «отнюдь» не

¹ См. Morse, «The International relations of the Chinese Empire», III, pp. 279, 196, 201, 203; «Красный Архив», т. 14, документы о боксерском восстании, стр. 12 и 14, тел. Гирса из Пекина от 25 мая/7 июня и от 27 мая (9 июня) 1900 г.; «Die Grosse Politik etc.», 16 B., № 4515; по сообщению германского посланника в Пекине Кеттлера 22 мая/4 июня в Таку стояли французский и американский адмиралы в ожидании прибытия английского, русского и японского, 26 мая/8 июня прибыл в Дагу (= Таку) германский адмирал.

² В отряде Сэймура собралось было 915 англичан, 540 немцев, 312 русских, 158 французов, 112 американцев, 54 японца, 40 итальянцев и 25 австрийцев (Morse, op. cit., стр. 202). См. также всеп. записку Муравьева о посылке 4-тысячного десанта от 25 мая 1900 г. в «Кр. Архиве», т. 14, стр. 13.

добиваться для России командования соединенным отрядом и 2) «не нарушая согласных действий с прочими европейскими отрядами», ограничить задачу русского 4-тысячного отряда «охранением безопасности миссии, ограждением жизни и имущества русско-подданных» и «поддержанием законной власти в борьбе ее с революцией», в расчете, что присутствие русского отряда «не позволит державам приступить к каким либо политическим предприятиям без нашего согласия»¹. Эта формула, отводившая России в пекинской операции роль второстепенного, рядового участника и зоркого наблюдателя, всецело была усвоена и преемником Муравьева Ламсдорфом. Русская дипломатия ни в чем не хотела «связывать» свою «свободу действий» и ставила себе с самого начала задачей, независимо от других держав, возможно скорее «возобновить добрые отношения» с правительством манчжурской династии².

Можно было сколько угодно тешить себя тогда мыслью, как Николай, что ненависть китайской «народной массы» направлена против западно-европейских миссионеров («эти господа — корень всего зла») и прикрытых «святым именем Христа» «бесстыдных» «коммерческих притеснений», или, как впоследствии Витте, вопреки очевидности утверждать, что до того, «как мы совершили экспедицию на Пекин» (началась 23 июля ст. ст.), «в Манчжурии все было спокойно» (решительная общая атака дороги китайскими войсками началась 21 июня!), — но с самого начала основной факт для русского правительства стоял во всей своей силе: недостроенная манчжурская железная дорога, с 60.000 наполовину припавших китайских рабочих, на протяжении 1300 верст при разбросанной охране в 4½ тысячи человек оставалась в сущности открытой для нападения в тот момент и в том пункте,

¹ См. всеп. доклад Муравьева от 4/17 июня 1900 г., «Кр. Архив», т. 14, стр. 14 и 15.

² См. там же всеп. доклад Ламсдорфа от 30 июня/13 июля 1900 г. и его же тел. на имя адм. Алексева от 15/28 июня, стр. 18 и 16. — Муравьев внезапно умер 8 июня 1900 г.

которых заранее определить было никак нельзя. И мысль о том, что поддержка китайского административного аппарата могла бы предотвратить или локализовать опасность разрушения дороги боксерами, сыграла не последнюю роль в описанной позиции русского правительства. Что взятие фортов Дагу иностранцами 4/17 июня повлекло за собою открытый переход пекинского правительства к официальной пропаганде войны против всех иностранцев (указы 8/21 июня), стало известно в Петербурге не ранее 20 чисел июня, и некоторое время задача найти ход не только к местной манчжурской администрации, но и к самому центральному правительству в Пекине могла еще казаться в Петербурге осуществимой¹.

Надежда на то, что еще не все потеряно, явилась в Петербурге в тот самый день, 14 июня, когда в Манчжурии произошло первое серьезное нападение боксеров на дорогу у Ляояна²: телеграммой из Кантона от 13/26 июня Ли Хунчжан извещал Витте, что он вызван богдоханским указом на аудиенцию в Пекин, и просил «дать просвещенные советы», «которые помогли бы [ему] выйти из этого трудного положения». Ли Хунчжан, в качестве «ближайшего советника императрицы» Цзы-Си, — ничего лучшего в Петербурге не могли себе и представить, и с этого момента русская дипломатия решительно ставит ставку на Ли Хунчжана. Как и прежде в подобных случаях в ход пущен был Ухтомский, и в тот же день старику отправлены были две телеграммы: одна от Витте, с обещанием не объявлять войну Китаю и предоставить Ли Хунчжану полную поддержку русского правительства и русских войск, если тот поддержит спокойствие в Манчжурии через китайских властей и примет меры к охране миссии и рус-

¹ См. помету Николая на проекте письма русскому послу в Париже от 24 августа, в «Кр. Архиве», т. 14, стр. 31; Витте, «Восп.», I, стр. 146; о 60 тыс. китайских рабочих упоминал в докладе от 4 июня 1900 г. Муравьев, «Кр. Архив», т. 14, стр. 15; о взятии Дагу и объявлении войны см. Morse, op. cit., p. p. 207, 220, «Пролог и т. д.», стр. 103—105.

² См. «Китайская Восточная жел. дор. Исторический очерк, сост. Канц. Правления Общества Китайской Восточной жел. дор.», т. I, стр. 77.

ских подданных в Пекине, вторая — от Ухтомского, с обещанием приехать в Китай для свидания в июле¹. А 15 июня Витте срочно, «в видах поддержания добрых отношений с местной китайской администрацией», открыл главному инженеру Китайской Восточной железной дороги «на первое время кредит по 100.000 лан на каждую из трех провинций Манчжурии» и уполномочил его выдавать китайским властям как бы задатки, «давая обещание добавить им остальное в том случае, если власти не дадут возникнуть мятежному движению против дороги и ее агентов и прекратят беспорядки там, где они возникли»². И, наконец, 18 июня Витте мог уже доложить царю, вместе с ответной телеграммой Ли Хунчжана, «что *по крайней мере ныне* [подчеркнуто в подлиннике] было бы вредно вводить наши войска в Манчжурию», и просил, чтобы «военное ведомство не посылало войска в пределы Китайской Восточной железной дороги» «без [его Витте] моего требования»³.

Нечего и говорить, что в Петербурге не строили себе иллюзий относительно *непрерывно* мирного оборота вещей в Манчжурии, и даже сам Витте с первых же дней июня лихорадочно усиливал охранную стражу дороги, доведя численность ее к моменту начала подлинных военных действий до 11.000 человек, формируя при ней артиллерийские части и добиваясь уступки ему военным ведомством бессрочно-отпускных нижних чинов из мобилизуемого Приамурского округа⁴. А когда мысль о возможности

¹ См. в д. № 69: тел. Ли Хунчжана от 13/26 июня, тел. Витте от 14/27 июня, тел. Ухтомского (шифрованный текст) от 14/27. Дешифранта тел. Ухтомского в деле нег. Ухтомский обыкновенно доставлял в канц. М. Ф. для отправки готовые шифрованные тексты своей руки. Срок предложенной Ухтомским поездки известен нам из ответной тел. Ли Хунчжана к Витте от 16/29 июня, в которой он, между прочим, «умолял» Ухтомского ускорить свой приезд.

² См. тел. Витте Юговичу в д. № 51, ч. III. Витте настолько спешил, что отправлена была телеграмма 15 июня, а доложена и одобрена царем она была только 16 числа.

³ См. доклад Витте от 18 июня 1900 г. в д. № 69. В ответной телеграмме Ли Хунчжан сообщал, что он обратился к Мукденскому губернатору о защите дороги.

⁴ См. «Пролог и т. д.», стр. 110—111.

как то предотвратить нападение на дорогу оказалась несостоятельной, и китайские войска совместно с боксерами обрушились на южно-манчжурскую линию на протяжении более 200 вер. (22—24 июня), Витте сам просил о вводе регулярных войск на всю территорию дороги, и, поддаваясь иногда батальному настроению, советовал «на всякий случай сосредоточить побольше войск». На этот раз «главную беду» он усматривал «в нашей неготовности», в том, что «ни Сибирская дорога еще не кончена, ни Манчжурская дорога уже совсем еще не кончена, ни коммерческого флота у нас нет», а иначе «100—150 тысяч наших войск, если бы были на месте, его [Китай] разгромили бы»¹. И Манчжурия медленно, но верно к концу сентября 1900 г. была, как того хотел теперь и Николай, «пройдена нашими войсками с севера на юг» и оккупирована ими целиком вся².

Как теперь можно точно установить, именно с того момента, когда принятая русской дипломатией еще при Муравьеве «мирная» формула потерпела явственное крушение в Манчжурии, она подверглась некоторому, весьма кратковременному, испытанию и на пекинском театре. 26 июня, по просьбе Витте, последовал указ о вводе русских войск в Манчжурию, а уже 29 числа Ламсдорф приведен был в изумление воинственным выпадом

¹ См. «Пролог и т. д.», стр. 115, и в опубликованных нами письмах Витте к Сипягину («Кр. Архив», т. 18), письмо от 7 июля 1900 г.: бомбардировка китайцами Благовещенска несколько не обеспокоила Витте, наоборот он видимо был удовлетворен тем, что это давало русским «случай разгромить Айгунь для примера» (!). Витте не сомневался, что китайская кампания «будет стоить много денег и много жизней», но думал, что «лучше деньги потерять, чем престиж». Ср. запись в дневнике Половцова от 8 сентября 1901 г. («Кр. Архив», т. 3, стр. 104) о том, как Куропаткин показал автору запись слов, сказанных ему Витте при начале китайской войны о необходимости послать как можно больше войск в Китай: «какая беда, что они совершат морскую прогулку». И Куропаткин, как теперь можно видеть, справедливо жаловался тогда на то, что на него же и «сыплются обвинения за то, что он послал не 50 тыс., а 150 тыс., придав войне преувеличенные размеры». Как видим, Витте сам думал именно о 150 тыс. человек.

² См. помету Николая на проекте тел. Алексею от 10 сентября 1900 г. («Кр. Архив», т. 14, стр. 34), и «Пролог и т. д.», стр. 114—117.

Куропаткина, заговорившего теперь «о важности для России движения вперед с целью покончить с Пекином» и предложившего «вверить общее руководство отрядами всех держав адмиралу Алексееву»¹. Между тем, до этого Куропаткин действовал совсем солидарно с двумя другими министрами, и, напр., его доверительное сообщение германскому военному атташе в Петербурге от 17/30 июня послужило даже поводом к разочарованию германского правительства в возможности рассчитывать на серьезное участие русских войск в пекинском походе, разочарованию тем более обидному для Берлина, что только накануне, 16/29 июня, Вильгельм отказался поддержать предложение Сольсбери о вызове на пекинский театр 30-тысячного японского корпуса, думая заслужить этим благодарность петербургского кабинета². Куропаткин заявил, что Россия не намерена «таскать каштаны из огня» для других в Чилийской провинции, и немцы сразу почували здесь знакомую им «аргументацию» Ламсдорфа и Витте, тем более, что беседа с атташе происходила непосредственно после того, как Куропаткина посетил Витте³. Нетрудно догадаться, что это посещение Витте 17 июня, накануне доклада царю о возможностях, неожиданно раскрывшихся перед русским правительством в связи с появлением на сцене Ли Хунчжана и с предстоящим свиданием с ним Ухтомского, имело целью поставить Куропаткина в курс этих новостей и согласовать с ним вопрос о задержке военного вторжения в Манчжурию, о чем, как мы видели, Витте и просил Николая 18 числа. По существу в том же смысле было понято немцами и заявление, которое сделал военному агенту Куропаткин 22 июня/4 июля. Куропаткин в этот раз был заметно любезнее, о каштанах уже не упоминал, и не отрицал вообще возможности,

¹ См. исп. доклад Ламсдорфа от 30 июня 1900 г. в «Кр. Архиве», т. 14, стр. 18—19.

² См. «Die Grosse Politik», 16 B., №№ 4537, 4548, 4552, и тел. Остен-Сакена из Берлина от 17/30 июня в «Кр. Архиве», т. 14, стр. 17.

³ «Die Grosse Politik», 16. B., № 4553.

что Россия пойдет на Пекин, но упирал на несвоевременность еще этой задачи в двух отношениях: 1) сосредоточенные у Тяньцзиня русские (и иностранные) силы недостаточны для движения на Пекин, поэтому Алексею поставлена сейчас задача овладеть Тяньцзинем и восстановить железнодорожное сообщение Дагу-Тяньцзинь, и только, когда «дней через 7» в Порт-Артур прибудет подкрепление из числа посланных туда из Владивостока 16 батальонов, «только тогда царь, смотря по обстоятельствам, решит вопрос о назначении этих сил и о возможном наступлении на Пекин», причем надо иметь в виду, что «наши интересы преимущественно сосредоточены на Манчжурии, удержать которую потребует от нас может быть больших жертв», и 2) русское участие в пекинской операции невозможно под английским, японским или американским командованием, а принца Генриха прусского, «которому естественнее всего было бы принять главнокомандование», нет сейчас на месте¹. Это означало, что Куропаткин 1) под благовидными предлогами оттягивал решение вопроса о пекинском походе, 2) ставил его всецело в зависимость от манчжурской операции, и 3) закрывал себе, в полном соответствии с первоначальным решением Николая от 4 июня, возможность требовать назначения русского главнокомандующего, после того как сам же предложил этот пост немцам. Предупредительность, заключавшаяся в этом последнем демарше, оказалась неспособной сгладить для германской стороны общее невыгодное впечатление от слов Куропаткина, и в Берлине заговорили теперь о том, не следует ли вернуться к только что отвергнутому японскому предложению². Во всяком случае немцам было ясно, что

¹ *Ив.*, № 4548. Куропаткин сказал, между прочим, что в Манчжурии уже теперь (т. е. до приказа 26 июня о вступлении русских войск в Манчжурию) «стоит 6000 чел.». Возможно, что здесь разумелись те всенные части, которые «министр финансов просил военного министра предложить адмиралу Алексею выслать в Инкоу для охраны имущества жел. дор.» еще ранее 16 июня (ср. «Пролог и т. д.», стр. 112).

² *Ив.*, в. 35, т. 4. Лауенштейна из СПб. от 4 июня н. с. и замечания по поводу сообщения Куропаткина зам. статс-секретаря Рихтгофена.

Россия готова судьбу посланников и иностранцев в Пекине принести в жертву соображениям «высшей политики», а эта последняя состояла в том, чтобы сохранить за собой «свободу действий», которая наряду с отказом от участия в пекинском походе могла, в случае благоприятного оборота вещей в Манчжурии, выразиться и в решительном повороте русских военных сил к какому нибудь сепаратному действию на пекинском фронте: сказанное Куропаткиным не исключало и таких опасений¹.

Чтобы оценить по достоинству отмеченную предупредительность Куропаткина, надо напомнить, что именно в этот день, 22 июня/4 июля, в Петербурге стало официально известно об убийстве на улицах Пекина германского посланника фон-Кеттлера и о «воинственном» выступлении Вильгельма с требованием «примерного наказания и мести» китайцам и победоносного с этой целью движения на Пекин². Предложение Куропаткиным главнокомандования Генриху прусскому должно было позолотить ту пилюлю, которую одновременно в разных выражениях преподносили Германии и Куропаткин через военного агента и Ламсдорф через Остен-Сакена. Сочувственная телеграмма Ламсдорфа в Берлин от того же 22 июня/4 июля ни словом не обнадеживала относительно карательной экспедиции на Пекин, даже не упоминала о Пекине вовсе, и полна была выражением надежды, что, «несмотря на воинственный тон речей императора», политика Германии относительно Китая не изменится «ни в чем», и предупреждала, что *прежде* чем подтвердить готовность «итти в полном согласии с Германией», России «необходимо заранее быть уверенной», что Вильгельм 1) воспротивится «всякому изменению *statu quo* в Китае» и «всякой попытке раздела Небесной Империи», 2) приложит усилия к тому, чтобы «вместе с Россией» восстановить центральное правительство, способное поддержать порядок в стране, и 3) несмотря на все проявления анархии, не объ-

¹ Они и были высказаны Рихтгофеном (см. пред. прим.).

² См. там же, стр. 27 и 28 прим.

явит войны «законному» китайскому правительству, «бессильному бороться с восстанием»¹. Неудивительно, что бешенству Вильгельма не было границ и что в его сознании сочетание одновременных заявлений Куропаткина и Ламсдорфа представлялось «небывалым двуязычием» (Zweizüngigkeit) и «цинизмом»: ибо что общего было между заклинаниями Ламсдорфа против раздела Китая и заботой Куропаткина об «удержании» Манчжурии, в зависимость от которого попадал и пекинский поход вместе с судьбой осажденных в Пекине?² Для Вильгельма не было сомнения, что он имел здесь дело не с противоречиями, вытекающими из функционального расстройтва в русском дипломатическом аппарате, а с единой политикой, твердо преследующей свои и только свои цели. Обдумав положение, Вильгельм продолжал (26 июня /8 июля) утверждать, что Россия занята только Манчжурией и уклоняется от пекинского похода не только из за недостатка сил, а и в надежде войти в Пекин без насилия в качестве спасителя Китая; а затем и Радолин из Петербурга (5/18 июля) подтвердил, что Россия рассматривает Чжилийскую провинцию и Пекин, как часть своей сферы интересов, и поэтому будет всеми силами отклонять даже временную оккупацию этого района чужими войсками и двинется только тогда, когда ей станет ясно, что у других хватит сил обойтись и без нее³.

Неожиданное заявление Куропаткина о «важности для России движения вперед с целью покончить с Пекином» и необходимости взять главнокомандование в свои руки, сделанное им 29 июня, не только «совершенно расходилось» «с первоначальными предположениями, заявленными... во всех циркулярных сообщениях, сделанных иностранным державам», но в данный момент кроме того грозило, — склонись к нему Николай, — сор-

¹ Там же, тел. Ламсдорфа от 22 июня/4 июля 1900 г. стр. 40—41.

² Там же, стр. 42, ряд гневных помет Вильгельма на тел. Бюлова, сообщавшей Вильгельму текст Ламсдорфа.

³ Там же, № 4558, тел. Вильгельма Бюлову от 8 июля н. с. и № 4573, тел. Бюлова от 18 июля н. с. по поводу тел. Радолина от 14 июля н. с.

вать предпринятую Витте попытку сговориться с пекинским правительством, отдельно от других, через Ухтомского и Ли Хунчжана. После взятия Тяньцзиня (30 июня) вопрос о том, идти или не идти в Пекин, запрашивался сам собою, и разногласие в составе русского правительства приобретало уже совсем практический смысл. Едва ли можно сомневаться, что Куропаткин выступал в расчете на успех у Николая и даже угождал желанию царя; и было несколько дней, чуть не доведших дело до отставки Ламсдорфа. Но Витте удалось (13 и 14 июля) настоять на отсрочке пекинского похода до тех пор, когда окончательно выяснится, что «все другие меры не приведут к успокоению»¹. А на другой день, 15 июля, Витте уже оперировал только что полученной телеграммой Ли Хунчжана (от 13/26), что «если Ухтомский согласится приехать как можно скорее», он, Ли Хунчжан, «мог бы сговориться с ним о средстве, способном спасти положение», — и предложил царю предоставить Ли Хунчжану русское военное судно для поездки в Дагу-Пекин². Нам неизвестны те «словесные соображения», относительно поездки Ухтомского, которые сообщил Николаю Витте на внеочередном докладе в воскресенье 16 июля, но они несомненно возымели успех, и 18 числа с финансовой стороны к отъезду Ухтомского все было готово³.

Об успехе «сепаратного» курса русской дипломатии можно судить и по тому, что поступившее в Петербург на следующий день, 19 июля/1 августа, предложение Делькасса лично приехать в Петербург для обсуждения «китайской проблемы» и «заключения между Парижем и Петербургом очень прочного

¹ См. всен. доклад Ламсдорфа от 30 июня 1900 г. («Кр. Архив», т. 14, стр. 19) и письмо Витте к Сипягину от 14 июля 1900 г. (там же, т. 18, стр. 34).

² См. в д. № 69, тел. Ли Хунчжана от 13/26 июля 1900 г., и собственноручный всен. доклад Витте от 15 июля.

³ См. там же, помету Николая на докладе Витте от 15 числа о назначении личного доклада «в воскресенье завтра в 2 часа», и записку Шипова об отпуске Ухтомскому 20.000 р. на расходы по поездке из 12-миллионного фонда, от 18 июля, с резолюцией Витте о согласии.

союза», который мог бы «оказать огромное влияние на решение большинства держав», было вежливо отклонено — «до того времени, когда многочисленные неясности текущего момента уступят место несколько более определенному положению». Как объяснил Ламсдорф Николаю, «представлялось бы неудобным заранее связывать Россию обещанием полной общности действий с какою бы то ни было державою», так как с одной стороны все равно, по признанию адмирала Алексева, «быстрое движение на Пекин совершенно не возможно», а с другой «трудно дать даже приблизительный ответ»: 1) «какие предложения будут сделаны нам Ли Хунчжаном через посредство командированного к нему, по его настоятельной просьбе, князя Ухтомского?» и 2) «не представится ли случай для императорского представителя, русских подданных и десанта благополучно выйти из Пекина ранее всех прочих иностранцев?»¹. Наконец, полное торжество «сепаратного» курса, казалось, было достигнуто, когда Николай дал свое согласие на предложение Вильгельма назначить главнокомандующим соединенными силами фельдмаршала Вальдерзэ (24 июля/6 августа)². В этот день Николай утвердил, наконец, Ламсдорфа в должности управляющего министерством иностранных дел и «осадил» был Куропаткина, высказавши, что спешить идти в Пекин не следует, и вообще Витте находил, что «произошел хороший поворот»³.

То, что произошло неделю спустя, 1/14 августа, — вступление 20-тысячного соединенного отряда в Пекин — ни в коем случае не означало изменения сепаратного курса и объективно не расстроило планов Витте-Ламсдорфа. Прежде всего они сами, приветствуя передачу главнокомандования Германии, совсем не

¹ См. тел. Делькассе к Монтебелло от 19 июля/1 августа, проект русского ответа от того же числа и всеп. доклад Ламсдорфа 20 июля — в «Кр. Архиве», т. 14, стр. 19—22.

² См. там же тел. Вильгельма Николаю от 24 июля/6 августа 1900 г. (стр. 22), и ответ Николая в «Die Grosse Politik», 16 B., № 4602.

³ См. письмо Витте к Сипягину от 25 июля 1900 г. («Кр. Архив», т. 18, стр. 35—36).

хотели, чтобы дело с Пекином дотянулось до приезда Вальдерзэ и обратилось бы в свирепый «погром». Во-вторых и французы, чуть было не отказавшиеся признать Вальдерзэ, уступили только тогда, когда «Ламсдорф шепнул им, что из этого командования ничего не выйдет, ибо до приезда его и войск *или мы дойдем до Пекина* или явится китайское правительство и начнутся переговоры», т. е. русская дипломатия как будто даже предпочитала ускорить поход на Пекин, лишь бы до приезда Вальдерзэ¹. Наконец, нет никаких оснований приписывать это «преждевременное» движение соединенного отряда русской инициативе². Некоторые симптомы агрессивных и «захватнических» настроений, появившиеся у Николая и Куропаткина в связи с известием о взятии Пекина, во-время были захвачены Витте и Ламсдорфом и зашлоны решениями, принятыми по их желанию на дворцовом совещании 12 августа 1900 г.: 1) относительно эвакуирования Манчжурии, «как скоро [в ней] будет восстановлен прочный порядок и будут приняты все необходимые меры к ограждению» Китайской Восточной жел. дор., «если однако этому не послужит препятствием образ действий других держав», и 2) относительно немедленного удаления из Пекина русской миссии и русских

¹ См. там же, письмо Витте от 6 августа, стр. 38; и письмо от 10 августа, стр. 39 («не ожидать же нам Вальдерзэ и его погрома»). Франция ответила в Берлин согласием на назначение Вальдерзэ только 1/14 августа 1900 г.: см. «Die Grosse Politik», 16 B., S. 91. Ср. тел. русского посла в Париже от 29 июля/11 августа, в «Кр. Архиве», т. 14, стр. 24—25.

² Общее убеждение было, что ранее сентября наступление на Пекин было невозможно из-за дождей и из-за недостатка сил (см. тел. Вильгельма от 24 июля/6 августа в «Кр. Архиве», т. 14, стр. 22; письмо Витте к Сипягину от 10 августа там же, т. 18, стр. 39; Morse, op. cit., p. 265). Завлечение Пекина явилось для Ламсдорфа и Витте полной неожиданностью, и они обвиняли Куропаткина в том, что за их спиною он дал («сам или по повелению?») Линевицу инструкцию идти на Пекин (см. письмо Витте от 10 августа). Ср. однако у Morse, op. cit., p. 267—268: инициатива английского командования в конце июля была поддержана американским командующим ген. Шаффи, которому соответствующие инструкции из Вашингтона были даны по требованию американского посланника в Пекине Конджера, причем американцам и англичанам удалось победить пассивность японцев и русских. Ср. также «Die Grosse Politik», 16 B., стр. 92, прим.

войск в Тяньцзинь и готовности приступить к переговорам с законным китайским правительством, «как только» оно «вновь примет бразды правления»¹. Относительно собственно Китая, насколько известно, в русском правительстве в дальнейшем разногласий не возникало, к выводу войск из Пекина было приступлено в конце августа, и к приезду Вальдерзэ (4/17 октября 1900 г.) на Печилийском театре не было русских войск для участия в тех международных карательных экспедициях, которые прекратились только в апреле 1901 г.²

Как видим, расчет на то, что свидание Ухтомского с Ли Хунчжаном состоится еще до ликвидации осады иностранных посольств в Пекине, оказался столь же ошибочен, как и расчет на возможность, благодаря вмешательству Ли, избежать военных действий в Манчжурии. Так и в этот раз, предложение о выводе войск из Пекина, сделанное Россией всем державам в ноте 12 августа 1900 г., было рассчитано все на тот же дипломатический эффект: оно должно было отмежевать Россию в глазах китайского правительства от прочих иностранных правительств, которые, как и следовало ожидать (и как, вероятно, надеялись в Петербурге) все, не исключая французов, высказались против присоединения к русскому предложению³. Оно должно было показаться тем более подозрительным, что ему предшествовал (3/16 августа) со стороны России протест против известного решения адмиралов запретить Ли Хунчжану, в случае его приезда в Дагу, всякие сношения с берегом: русское предложение 12 августа и было понято, как знак того, что у России имеется

¹ См. письмо Витте к Сипягину от 10 августа, «Пролог и т. д.», стр. 118 сл., и циркулярную ноту русского правительства от 12 августа 1900 г. в «Кр. Архиве», т. 14, стр. 28—29.

² См. «Пролог и т. д.», стр. 110, и Morse, *op. cit.*, pp. 315, 317. Французы участвовали в карательных экспедициях, но обыкновенно входили в таких случаях в соглашение с Ли Хунчжаном.

³ Morse, *op. cit.*, pp. 306—307. Ср. тел. русского посла в Париже от 15/28 августа 1900 г. («Кр. Архив», т. 14, стр. 29), «Die Grosse Politik», 16 B., №№ 4627, 4628, 4638, 4639.

уже какое то соглашение с Ли Хунчжаном, в силу которого взамен свободы действий в Манчжурии она обязалась поддерживать дипломатическую игру этого никем еще не признанного уполномоченного китайского правительства для ведения переговоров с державами¹. Особенно резко-отрицательную позицию и к русскому предложению считать военные действия в Китае законченными, и к вопросу о возможности начать переговоры с китайским правительством до наказания «виновников» происшедшего кровопролития, и к вопросу о признании Ли Хунчжана, заняла Германия, и только во второй половине сентября с помощью французов найдена была формула, которая и легла затем в основу долго еще обсуждавшейся «коллективной ноты» держав, предъявленной китайскому правительству только 9/22 декабря 1900 г.².

Поставленные в коллективной ноте условия Китай принял тотчас и безоговорочно (13/26 декабря 1900 г.), но процедура с выработкой деталей и подписанием так называемого «заключительного протокола» затянулась еще на 9 месяцев, до 25 августа (7 сентября) 1901 г.³. В этой процедуре русская дипломатия принимала участие наравне с прочими и, «не отделяясь от других держав», сохранила до конца «возможность во всякое время предъявить свои требования». Основной и самый страшный для Китая вопрос — о вознаграждении держав за убытки — больше

¹ См. «Die Grosse Politik». 16 B., №№ 4613 (текст тел. Ламсдорфа от 3/16 августа), № 4625, прим. (пометы Вильгельма на тел. Радолина от 30 августа и с.). Ср. Morse, op. cit., p. 306. Ли Хунчжан был назначен уполномоченным для переговоров 27 июля/8 августа (там же, стр. 272).

² См. Morse, op. cit., pp. 330—340. Ср. документы о боксерском восстании в «Кр. Архиве», т. 14, №№ 25, 27, 28, 29, 32, 33, 40, 42, 43, 44, 47, 49 и «Die Grosse Politik», 16 B., № 4614 (Вильгельм: «если Ли Хунчжан в Дагу или в Чжили попадет в наши руки, мы возьмем его, как заложника»), 4615, 4618, 4622, 4623. Еще при первых известиях о боксерах на Япцы, 6/19 июня, Вильгельм высказывался за «большое военное предприятие общего характера» с целью «сравнять Пекин с землею» и «с удовольствием» готов был в главнокомандующие дать своего генерала, см. там же, № 4527.

³ См. «Morse, op. cit., p. 342. Заключительный протокол 25 августа/7 сентября, см. в «Сб. дог. и дип. док. по делам Дальнего Востока», стр. 459 сл.

всего задерживал переговоры (посланников между собою) и решен был, что касается русской стороны, так, что Ламсдорф впоследствии мог говорить о военных экспедициях России в 1900 г., как о редком примере «вполне оплаченной войны»¹. Но и теперь это еще не означало, что русская дипломатия, присоединяясь к коллективной ноте 9 декабря или к заключительному протоколу 25 августа, отрекалась, наконец, от мысли о «сепаратной» ликвидации созданных событиями 1900 г. «затруднений» в отношениях между русским и китайским союзниками 1896 г. В основном вопросе о денежном вознаграждении, который одно время по инициативе Англии и Америки грозил решиться учреждением международного контроля над финансовым управлением Китая, Витте с самого начала оставлял за Россией замаскированную свободу действий, предложив (11 октября 1900 г.) погасить в замышлявшемся им «сепаратном» соглашении с китайским правительством денежное вознаграждение (которое спокойно могло бы быть включено в таком случае в предстоявшее общее соглашение) различными «льготами соответственной ценности»². Вопрос был только в том, какие именно «льготы» могло бы предложить китайское правительство. Сговориться о них и оставалось единственной задачей

¹ Morse, op. cit., p. 343. Ср. в д. № 120 записку Ламсдорфа, составленную им по поводу читанной в совещании 7 мая 1903 г. записки Вогака о значении договора 26 марта 1902 г. в развитии вопроса о Манчжурии. Из общей суммы вознаграждения в 450 милл. лан России причиталось 28,97136%, т. е. 130.371.120 лан или (по курсу 1,142 р.) 184.084.021,44 руб. (см. в д. № 93, ч. 7, л. 30, справку о причитающемся России военном вознаграждении, составленную в июле 1905 г.). Витте считал все убытки и расходы от военных действий 1900 г. в 170 милл. (см. в д. № 12, его письмо к Ламсдорфу от 28 мая 1901 г.). Из них 70 милл. р. убытков Китайской Восточной ж. д. и 100 прямых военных расходов.

² См. о покушении Англии и Америки на финансовый контроль — тел. Гирса из Пекина от 9/22 октября 1900 г. в «Кр. Архиве», т. 14, стр. 39, и тел. Покопцова от 21 октября/3 ноября 1900 г. в д. № 75, ч. 1. — Всеп. доклад Витте от 11 октября 1900 г. «по вопросу о предстоящих мирных переговорах с Китаем», см. в д. № 75, ч. I. В качестве примера таких «льгот» Витте указывал «продолжение срока концессии на жел. дор., покупку Квантунской области и т. п.». Подробнее о переговорах по финансовому вопросу, см. «Пролог и т. д.», стр. 122—123 и 128—131.

миссии Ухтомского после того, как собственно вопрос о Пекине разрешился еще до его приезда в Китай — в порядке общего «преждевременного» вооруженного действия заинтересованных держав.

III.

Ухтомский приехал в Шанхай (16 сентября 1900 г.), когда Ли Хунчжан добрался уже до Тяньцзиня и только ждал случая въехать в Пекин и вступить в роль Чжилйского вице-короля, пока державы не соблаговолили еще признать его дипломатических полномочий¹. В Шанхае же ждал Ухтомского сын Ли Хунчжана, Ли Цзинфан, приезжавший в Россию в 1896 г. и принимавший тогда близкое участие в переговорах о сделке, заключенной его отцом. И вот при первой же встрече с Ухтомским Ли Цзинфан, сославшись на «приказание отца», «сказал, что Китай даст нам полное удовлетворение по нашему желанию и заплатит нам очень крупную контрибуцию, но облекши ее в такую форму, чтобы не увеличивать корыстолюбие остальных держав». Нужно только, чтобы Россия «*manu militari*» занимая Китайскую Восточную жел. дор.» заявила «в принципе» «великодушный отказ присвоить весь край» (т. е. Манчжурию), так как «это даст опору китайцам в общих переговорах». Но кроме обещания «уплатить нам частями убытки войны и разрушения», Ли Цзинфан заявил о готовности Китая «отдать в безусловную эксплуатацию богатства смежных нам Монголии и Кашгара с направлением туда параллельно русской волны переселения, маскируя концессии самому русскому правительству флагом нескольких мнимых частных компаний»². Так, пока совсем лишь частным образом, начались те «совершенно самостоятельные переговоры»

¹ См. тел. Покотилова Витте из Шанхая от 16/29 сентября в д. № 75, ч. I, и Morse, op. cit., стр. 251 и 305. В Пекин Ли Хунчжан выехал 3 октября н. с. Чжилйским вице-королем он был назначен еще указом 9 июля н. с.

² См. тел. Ухтомского из Шанхая на имя Витте от 18 сентября/1 октября 1900 г. в д. № 75, ч. I.

России с Китаем, в которые русская дипломатия «отнюдь» не собиралась «допустить какого-либо вмешательства остальных держав»¹.

Однако, политическая обстановка для ведения деловых переговоров с центральным китайским правительством представлялась в этот момент еще совсем неблагоприятной. Двор не только не думал о возвращении в Пекин, но собирался теперь двинуться из Тайюаньфу, куда бежал от иностранных войск при первом же появлении их у столицы, еще дальше на юго-запад в Сяньфу, продолжая «питать непримиримые чувства к иностранцам, предпочитая вести переговоры с ними на расстоянии и рассчитывая, что при таких условиях правительство может затем легко отказаться от обязательств, которые могут взять на себя его представители». «Шайка Дуаня» была при дворе еще во всей силе, а влияние обоих уполномоченных, кн. Цина и Ли Хунчжана, «равнялось нулю», — и опытному глазу представлялось единственно целесообразным «озаботиться немедленно обеспечением наших [русских] интересов в строго определенном районе, обращаясь [через адм. Алексеева] непосредственно к провинциальным властям», с тем, чтобы впоследствии эти местные соглашения с отдельными цзян-цзюнями «включить в наш будущий договор» с центральным китайским правительством. Покотилов и советовал «не гоняться за призрачным центральным китайским правительством, которое теперь менее, чем когда-либо, может пользоваться авторитетом в провинциях», «оставить его в покое» и ждать возвращения двора в Пекин². Во всяком случае с совершенно безответственным Ли Цзинфаном, при таких условиях, разговаривать дальше и вовсе не стоило, тем более, что уже во втором разе китаец приступил к Ухтомскому с «горькими упре-

¹ Решение вести параллельные переговоры по общему вопросу, касающемуся всех держав, и по частному, касающемуся «будущего урегулирования отношений России к Китаю», — было утверждено Николаем 13 сентября, см. тел. Ламсдорфа Гирсу в Пекин в «Кр. Архиве», т. 14, стр. 35.

² См. тел. Покотилова из Шанхая на имя Витте от 20 сентября/3 октября 1900 г. в д. № 75, ч. I.

ками за недодачу второго платежа» (по московскому протоколу 23 мая 1896 г.), наводя того на мысль, что, «если переговоры с Ли Хунчжаном могут иметь малейшее практическое значение», то «уплата теперь чего-нибудь, хотя бы ничтожной суммы, чтобы помазать его по губам, есть *conditio sine qua*, без которой старик изверится в наших намерениях когда-либо исполнить обещание [выдать всего 3 милл. руб.] даже постепенно, по мере его услуг»¹. Но и само концессионное предложение Ли явственно страдало неполнотою, так как относилось только к Монголии и Кашгару и не касалось Манчжурии. И в Петербурге насторожились: запретили «выдавать какие-либо крупные суммы» до личного свидания Ухтомского с Ли Хунчжаном и «выяснения его [Ли] роли в предстоящих переговорах, а равно вообще положения дела», и — под тем предлогом, что «совершившиеся события нарушили все обещания самого Ли Хунчжана и нанесли нам громадные убытки» — посоветовали копвертировать старое обещание: «нужно» — потребовал теперь Витте, — «чтобы ныне Ли Хунчжан по мере своих сил поправил все совершившееся и заслужил то, что мною, с соизволения государя, было обещано»². Готовность принять эти новые условия, со стороны «алчного сына Ли», явилась тотчас же, лишь бы вырвать деньги немедленно, и, если Ухтомский «выхлопочет» для него полмиллиона вперед, Ли Цзинфан «клятвенно» обещал, показав деньги приближенной императрицы, побудить ее вернуться в Пекин «в ожидании большей награды» и «обусловить там начало выгодных переговоров в присутствии двора»³. Ухтомский и начал было

¹ См. тел. Ухтомского из Шанхая на имя Витте от 23 сентября/6 октября 1900 г. в д. № 51, ч. I.

² См. тел. Витте Ухтомскому от 25 сентября 1900 г. в д. № 51, ч. I. Против слов Витте: «Ли совершенно неправильно претендует на меня, что я не исполнил своих обещаний, так как совершившиеся события нарушили все обещания самого Ли Хунчжана и нанесли нам громадные убытки» — помета Николай: «конечно».

³ См. тел. Ухтомского на имя Витте от 29 сентября, там же. — Ухтомский «ответил, что по совести не может заикаться про такие суммы и считает 200 тыс.

уже торговаться о сумме, но Витте твердо стал на том, что Ли «при теперешних обстоятельствах не может иметь никаких влиятельных сношений с двором» и только «нас мистифицирует» и прекратил торг, ввергнув тем Ли Цзинфана в «крайнее разочарование»¹. Так прошел месяц, и дело с места не двинулось.

Когда же в 20 числах октября произошло первое свидание Покотилова с Ли Хунчжаном в Пекине, а Ухтомский через Порт-Артур доехал еще только до Тяньцзиня, в Петербурге шла уже полным ходом работа по составлению тех «оснований русского правительственного надзора в Манчжурии», которые должны были лечь в основу рекомендованных Покотилым отдельных соглашений с местными цзян-цзюнями, затем перейти в «будущий договор» с центральным правительством и сохранить свое действие на все время русской оккупации.

Началось с Мукденской провинции. 24 сентября Куропаткин запросил Алексеева, как полагает тот «наиболее надежно и быстро восстановить порядок в Мукденской провинции». Как исходное, Куропаткин указывал, что «надлежит возвратиться к административному управлению этою провинцией цзян-цзюнем с правом иметь конную и пешую полицейскую стражу, но без права иметь войска». Но мотивировал свой запрос Куропаткин уже не от себя, а сославшись на то, что «*существует* предположение о возможности и желательности открыть ведение переговоров с отдельными цзян-цзюнями независимо переговоров, кои ведутся через Пекин». Сопоставление дат наводит на мысль, что инициатива здесь шла через Витте: Куропаткин телеграфировал Алексееву 24 сентября, а телеграмма Покотилова от 20 сентября о неотложности обращения именно к провинциальным

максимумом, на который пока согласится в России», когда же Ли Хунчжан «оформит переговоры в нашем духе», он может «расчитывать, что им [отцу и сыну] будет дано еще что-нибудь покрепче».

¹ См. там же тел. Витте Ухтомскому от 29 сентября 1900 г. и тел. Ухтомского от 16 октября 1900 г.: «Ли Цзинфан в крайнем разочаровании после любезного отказа говорить с ним о деньгах, пока вдруг прекратились постоянные приветствия Ли Хунчжава».

властям представлена была Витте Николаю 23 числа, и на ней помета царя: «тут много верных мыслей». Алексеев ответил, что ведение таких переговоров «вполне отвечает нынешнему положению и облегчит нашу задачу в Манчжурии», и указал, как желательное: 1) «сохранить в Мукденской провинции насколько возможно существующий административный строй, не вмешиваясь без особой надобности в дела внутреннего управления цзян-цзюня», 2) назначить при цзян-цзюне уполномоченных военного и министерства иностранных дел и 3) назначение цзян-цзюня производить по взаимному соглашению русской и китайской сторон. Это «мнение» Алексеева счел «лучшим решением» и представитель Китайской Восточной жел. дор., и «вполне разделил» Витте¹. А когда соответствующее соглашение, как предварительное, было подписано представителями Мукденского цзян-цзюня и чиновником по дипломатической части Коростовцом 27 октября 1900 г. и утверждено цзян-цзюнем и Алексеевым 13 ноября, условия его показались «удовлетворительными» и Ламсдорфу².

¹ Первая тел. Покотилова из Пекина отправлена была 21 октября (см. д. № 75, ч. I). Ухтомский из Порт-Артура рассчитывал быть в Тяньцзине 17 октября, первая тел. его из Пекина датирована 6 ноября ст. ст. (см. тел. Романова к Витте в Ялту от 17 октября и тел. Ухтомского из Пекина от 6 ноября в д. № 69). Телеграммы Куропаткина адмиралу Алексееву от 24 сентября, Алексеева Куропаткину от 29 сентября, инж. Гиршмана из Порт-Артура от 3 октября и письмо Витте Куропаткину от 4 октября — в д. № 67, ч. I.

² См. в д. № 67, ч. I, письмо Ламсдорфа к Витте от 18 ноября 1900 г. — У Мс. Миттау, v. 1, стр. 329, помещен текст этого соглашения в совершенно фантастической редакции. Приводим полностью его текст по экземпляру копии, доставленному из МИД в канцелярию МФ 3 января 1901 г. (см. д. № 67, ч. I):

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СОГЛАШЕНИЕ.

Государь император, желая сохранить вековую дружбу с Китаем, признал возможным восстановить в занятой императорскими войсками Мукденской провинции прежнее управление с цзян-цзюнем во главе, причем его величеству благоугодно было уполномочить главного начальника Квантунской области вице-адмирала Алексеева вступить в переговоры с цзян-цзюнем Цзюнем на предмет заключения соглашения.

Ныне вследствие прибытия в Порт-Артур даотая Чжоуянь, чиновника Жуянь в звании окружного начальника и Цзяньвэнь в звании уездного на-

Таким образом, заключавшееся в «предварительном соглашении» 27 октября 1900 г. уничтожение китайской военной власти в южной Маньчжурии (а в Инкоу — и гражданского управления) и обращение цзян-цзюня в орган, ответственный перед

чальника, имеющих полномочия от цзян-цзюня на ведение переговоров, вице-адмирал Алексеев с своей стороны уполномочил состоящего при нем чиновника по дипломатической части Коростовца заключить с названными чиновниками, подписать за главного начальника и скрепить печатью следующее предварительное условие в 9 пунктах, которое затем будет представлено на утверждение печатью и подписью вице-адмирала Алексеева с одной стороны и цзян-цзюня с другой стороны.

1) Со вступлением цзян-цзюня в исполнение прежних обязанностей по управлению провинцией, он является ответственным за сохранение в провинции порядка и спокойствия, за беспрепятственный ход работ по постройке Китайской Восточной жел. дор. и за ее целость.

2) Для охраны строящейся жел. дороги и обеспечения порядка в крае, в Мукдене и некоторых других пунктах провинции будут расположены русские войска, коим управление цзян-цзюня должно оказывать почет и содействие, в чем это понадобится, как то при расквартировании, покупке фуража и т. п.

3) Оставшиеся в Мукденской провинции китайские войска, как принимавшие участие в мятеже и разрушении жел. дороги, должны быть цзян-цзюнем обезоружены и распущены, но не подлежат ответственности за свои прежние дела, если исполнят это без сопротивления. Арсеналы, орудия, оружие, всякие военные склады и запасы, еще не взятые русскими войсками, передаются в распоряжение военных русских властей.

4) В пунктах, где не имеется русских гарнизонов, все укрепления разных наименований (форты, батареи и пр.) подлежат скрытию распоряжением китайских властей, в присутствии представителя русской военной власти, а склады боевых припасов, коими русские военные власти не предполагают воспользоваться — уничтожению таким же порядком.

5) В г. Инкоу и других местах, где временно введено русское гражданское управление, замена его китайским совершится, по мере действительного восстановления в крае порядка, по усмотрению императорского Российского правительства.

6) Для непосредственного наблюдения за порядком в городах провинции, цзян-цзюню предоставляется право организовать пешую и конную полицейскую стражу без орудий, с непосредственным ему подчинением; на тех же основаниях организуется земская полиция в деревнях и селениях. Численность стражи и ее вооружение будут определены особым соглашением.

7) При цзян-цзюне будет состоять русский комиссар для удобства сношений с главным начальником Квантунской области. Комиссар этот должен быть осведомлен о всех важнейших делах и распоряжениях цзян-цзюня.

8) В случае недостаточности организованной цзян-цзюнем полиции, для сохранения безопасности морской или сухопутной границы края или для обеспе-

русским военным командованием за поддержание порядка в стране, т. е. явное нарушение «независимости» Китайской империи и суверенитета центрального китайского правительства, не вызвало разногласий в составе русского правительства, как временная, но и не ограниченная никаким сроком мера.

Также «единогласно» были приняты и «основания русского правительственного надзора», касавшиеся уже всех трех провинций Манчжурии, на совещании трех министров 31 октября 1900 г. Судя по журнальному постановлению этого совещания, принятый в нем документ имел двоякое назначение: 1) служить «правилами сего надзора», как бы инструкцией правительства самому себе относительно пределов и способов осуществления власти, фактически доставшейся русскому правительству в оккупированной стране, и 2) сформулировать программу, относительно которой «необходимо» «стремиться к тому, чтобы основные положения ее», «насколько они касаются Китая, вошли в предстоящее соглашение наше с Китаем»¹. Проект этого документа был представлен Куропаткиным в 15 статьях, отредактированных так, что они могли бы механически быть включены в текст обоюдостороннего русско-китайского соглашения относительно: (ст. 1) сохранения в Манчжурии, как «составной части Китайской империи», прежнего административного деления и порядка управления ею, (ст. 2) «временной» оккупации Манчжурии русскими войсками «для прочного поддержания спокойствия» и «обеспечения выпол-

чения внутреннего порядка, цзян-цзюнь имеет право через вышеозначенного комиссара обратиться к начальнику императорских русских войск.

9) При толковании вышеизложенных восьми пунктов руководящим текстом будет русский.

Вышеизложенные предварительные условия вступают в силу со дня возвращения цзян-цзюня Цзян-ли в Мукден и могут быть дополнены или изменены лишь по взаимному соглашению главного начальника Квантунской области и Мукденского цзян-цзюня или же если оба правительства признают это необходимым.

Заключено в Порт-Артуре 1900 г. 27 октября. Подписано чиновником по дипломатической части Коростовцом и китайскими уполномоченными.

¹ См. журнал совещания 31 октября в д. № 67, ч. I.

нения китайским правительством обязательств по отношению к строящейся железной дороги с востыю на Порт-Артур», (ст. 3) отказа китайского правительства («китайское правительство отказывается»), «от содержания своих войск в Манчжурии» «в виду бесполезности в настоящее время китайских войск для водворения и поддержания в Манчжурии порядка», (ст. 4) «сохранения за цзян-цзюнями и фулутунами тех прав, кои они до сих пор имели, за исключением права командования войсками», и (ст. 5) учреждения, «вне линии железной дороги», полицейской стражи, без орудий и участия в ней иностранцев. Далее у Куропаткина шли статьи, формулировавшие права и обязанности русских военных и дипломатических органов в Манчжурии: (ст. 6) право «надзора за деятельностью цзян-цзюней и фулутунов» и обязанность «оказывать им содействие к восстановлению и поддержанию порядка», — командующего Приамурским военным округом в Цицикарской и Гириньской провинциях, главного начальника Квантунской области в Мукденской провинции, (ст. 7) предметы надзора «со стороны командующих войсками», (ст. 8) случаи, в которых командующие войсками обязаны оказывать содействие местной власти, (ст. 9) обязанности военных комиссаров при цзян-цзюнях (сношения с цзян-цзюнями по делам, касающимся русских войск, наблюдение за невосстановлением китайских войск и неувеличением полицейской стражи), и (ст. 10) обязанности дипломатического агента (сношения с цзян-цзюнями по всем делам, неподлежащим ведению военных комиссаров, защита русских подданных и русских предприятий). Наконец, остальные четыре статьи Куропаткинского проекта устанавливали: (ст. 11) военный суд для «местных жителей», виновных в «нападении на наши войска или оскорблении действием наших воинских чинов», (ст. 12) назначение на должности цзян-цзюней и фулутунов «по соглашению китайского правительства с нашим посланником в Пекине», (ст. 13 и 14) исключение из сношений командующих войсками и цзян-цзюней «вопросов политического характера» и (ст. 15) действие «настоящих оснований» надзора «на все время

оккупации»¹. — Внесенные Витте дополнения к этому основному проекту, относившиеся к Китайской Восточной жел. дор., правовое положение которой никак не было оговорено в проекте Куропаткина, искажали дипломатическую форму и природу проекта, так как явно имели в виду определить отношения не между дорогой и реставрируемой китайской гражданской администрацией, а между дорогой и русской оккупационной властью. Из этих дополнительных статей три введены были между 2 и 3 статьями Куропаткина и гласили (в нумерации окончательного текста): (ст. 3) о том, что «сооружение и эксплуатация Китайской Восточной жел. дор. производятся под высшим руководством Комитета Сибирской жел. дор. и под наблюдением министерства финансов», (ст. 4) о праве местной администрации дороги сношаться «непосредственно» с местными китайскими властями до цзян-цзюня включительно или обращаться к содействию дипломатических агентов или через члена Правления в Пекине к русскому посланнику, (ст. 5) о том, что отношения охранной стражи дороги, как «особой войсковой части», «подчиненной своему начальнику», «будут определены на тех же основаниях, как отношения к военным властям Отдельного корпуса Пограничной стражи», и что «до того» она подчиняется командующим войсками только при «боевом употреблении». Как видно, все три статьи клонились к отмежеванию для Китайской Восточной железной дороги самостоятельного, в отношении к военным властям, места в обстановке военной оккупации, а четвертая, вставленная Витте между 6 и 7 статьями проекта Куропаткина, вменяла в обязанность русским военным властям «оказание возможного содействия железнодорожной администрации»². Окончательная

¹ См. в д. № 67, ч. I, подлинник проекта за подписью Куропаткина от 30 октября 1900 г. — «Основания русского правительственного надзора» в окончательной их редакции суммарно пересказаны в «Прологе и т. д.», стр. 139.

² Сравн. рукописные исправления и дополнения, сделанные в канцелярии МФЯ на подлиннике Куропаткина, с принятой редакцией; оба документа в д. 67, ч. I. — Две выше не упомянутые дополнительные статьи Витте (15 и 18 по оконча-

редакция «оснований» и представила собою механическое соединение всех статей Куропаткина и всех статей Витте, за исключением всего лишь одного пункта: вместо предложенного Куропаткиным срока действия «оснований» — «на все время оккупации» — Витте предложил срок «до заключения окончательного соглашения с китайским правительством», и принята была формулировка Витте. Смысл этой замены для Витте, как теперь можно точно установить, был в том, чтобы не затягивать действия «исключительных мер», связанных с военным режимом и гегемонией военного ведомства в Манчжурии, и в то же время продлить возможность «временной» оккупации Манчжурии, в случае надобности, «на многие годы»¹. Таким образом, и про «основания русского правительственного надзора», ни в чем не отступавшие от удовлетворившего Витте Мукденского соглашения 27 октября, едва ли можно безоговорочно утверждать, что они «составлены были под *доминирующим* влиянием военного министра»: в их состав вошло решительно все то, чего только в виде

тельному счету) только уточняли редакцию Куропаткина: (ст. 15) о сношениях войскового начальства вне трех провинциальных городов с властями «до фудутуна включительно» и в трех городах, при отсутствии военного комиссара, с цзян-цзюнями непосредственно, и (ст. 18) о приравнении цзян-цзюней и фудутунов губернаторам и уездным начальникам. В статье о предании военному суду местных жителей принято было добавление Витте: «в случаях, когда признано будет необходимым».

¹ См. вышеупомянутые рукописные исправления на подлиннике Куропаткина в д. № 67, ч. I. Там же письмо Витте Куропаткину от 25 октября 1900 г. по поводу тел. Приамурского ген.-губ. Гродекова, предлагавшего подчинить, на основе предложенных потом 31 октября Куропаткиным мер, Манчжурию Приамурскому ген.-губернатору. Витте высказался за подчинение Манчжурии главному начальнику Квантунской области Алексееву и на «исключительные меры» соглашался только «до окончательного соглашения с китайским правительством»: «оккупация может затянуться на многие годы и сохранять все это время исключительные меры не целесообразно». Куропаткин (письмо к Витте от 29 октября) не согласился с Витте по обоим пунктам. Как видим, это разногласие было разрешено относительно подчинения Манчжурии компромиссно (раздел Манчжурии в порядке надзора между обоими — Квантунским Алексеевым и Приамурским Гродековым), а относительно «исключительных мер» — вопреки Куропаткину.

дополнений и поправок ни пожелал Витте¹. Только Ламсдорф подписал журнал 31 октября с оговоркой: «согласен, с тем, чтобы касательно китайских войск в Манчжурии в зависимости от обстоятельств, могли быть предъявлены [при заключении окончательного соглашения] требования менее категорического характера». Однако, Витте, подписывавший после Ламсдорфа, не присоединился к этой оговорке².

По мере того, как в Петербурге все больше укреплялись в мысли об установлении некоторого «временного *modus vivendi*» посредством реставрации гражданских полномочий местных манчжурских властей путем непосредственных переговоров с цзянцзюнями, минуя центральное правительство, вопрос о «сепаратном» соглашении с ним для русской стороны терял свой спешный характер, и наоборот приобретал таковой для китайской стороны. Дать возможность России развивать и расширять практику раздробительного расхищения власти центрального правительства в каждой из трех манчжурских провинций равносильно было бы потере всего края, и во что бы то ни стало вернуть русскую дипломатию на путь соглашения с Пекином, повидимому, становится теперь предметом лихорадочных усилий Ли Хунчжана в его сношениях с Ухтомским. Что дело идет, если не к прямой аннексии, то к политическому и экономическому протекторату России над Манчжурией, стало ясно старику при первом же свидании с Гирсом и Покотиловым в Пекине (20 и 21 октября): Гирс прямо заявил, «что он находит необходимым, чтобы все старые губернаторы Манчжурии были смещены и что вообще необхо-

¹ См. утверждение «Пролога и т. д.», стр. 139. В д. № 67, ч. I, имеется составленная в канцелярии МФ мотивированная записка о желательных в проекте Куропаткина изменениях. Все указанные в ней детали введены потом в дополнения и поправки и приняты в окончательном тексте. Втуне осталось только одно и последнее пожелание записки, чтобы в заглавие документа было введено слово «временные» (основания). Едва ли в чем либо эта поправка заглавия могла изменить суть дела, когда временный характер «оснований» явствовал как из 2, так и из последней статьи.

² См. там же журнал совещания 31 октября и приведенную выше, в тексте, статью (3) проекта Куропаткина.

димо установить на будущее время, чтобы назначения губернаторов в Манчжурии делались не иначе, как с согласия русского правительства», а Покотилов, по поводу жалоб Ли Хунчжана на трудности, связанные с обеспечением уплат по претензиям держав, намекнул на возможность «уступить в заведывание России» таможенные доходы на пограничных станциях Китайской Восточной жел. дор. и на замечание Ли, что «Китай никогда не согласится» на уступку «каких-либо доходов в Манчжурии», ответил угрозой, что если так, «то нам придется обеспечивать наши интересы, как мы признаем целесообразным, не справляясь с видами китайского правительства»¹. Мало того, оказалось, что и сам Витте вовсе не собирается, как понял было его китайский посланник в Петербурге, попросту «в близком будущем очистить Манчжурию», а согласится на это только тогда, «когда все успокоится и все наши требования будут выполнены», поднятый же Покотилковым вопрос о таможах на Китайской Восточной жел. дор. не считает даже и требованием, потому что Россия «никогда» и «не передавала их китайскому правительству» (!)². Через Ухтомского же теперь Ли Хунчжану было заявлено, что русские требования в сепаратных переговорах «будут сводиться» не только «к обеспечению железной дороги», но и к «укреплению полного нашего влияния в Манчжурии» (именно в Манчжурии, а не в Монголии или Кашгаре, куда, как мы видели, попробовал было Ли Хунчжан отвести монополистические аппетиты Петербурга) и «вот тут Ли Хунчжан и должен оказать нам полное содействие»³. А раз так, то Ли Хун-

¹ См. тел. Покотилова из Пекина от 21 октября/3 ноября 1900 г. в д. № 75, ч. I.

² См. тел. Покотилова от 21 октября/3 ноября 1900 г. в д. № 75, ч. I: китайский посланник в Петербурге сообщил Ли Хунчжану о заявленной Витте «готовности в близком будущем очистить Манчжурию»; и тел. Витте Покотилкову от 25 октября, там же.

³ См. тел. Витте Ухтомскому от 20 октября/3 ноября 1900 г. в д. № 69, в ответ на запрос того, чего же ему собственно потребовать от Ли Хунчжана при свидании.

чжану только и оставалось быстрым движением постараться перехватить начавшиеся в Манчжурии местные переговоры в свои руки и вызвать русскую дипломатию на *формальное* выступление по манчжурскому вопросу, которое скомпрометировало бы ее в глазах других и усложнило бы отношения между «союзниками», пока они еще не успели сговориться о своих «общих» требованиях к Китаю.

Первый ход в этом последнем направлении — предложение Ухтомскому выступить уполномоченным *китайского* правительства «при ведении переговоров мира» — был метко рассчитан на политическое скудоумие Ухтомского (тот готов был согласиться!), но в остальном был настолько нелеп, что так и остался втуне¹. Второй проект — переезд манчжурского двора, по приглашению русского правительства, в Мукдень, «как колыбель манчжурской династии» — кажется, изобретен был самим Ухтомским и встретил сочувствие Витте, но был деликатно отклонен Ли Хунчжаном². Третий, казалось бы, был прямым ответом на петербургское требование «укрепления полного влияния» в Манчжурии: Ли Хунчжан предложил Ухтомскому «дать его правительству на утверждение договор о сдаче России, под флагом якобы совершенно частных компаний, прав эксплуатации всех колоссальных естественных богатств Монголии и Манчжурии». Но 1) «дать» этот «договор» должен был не один Ухтомский (хотя и председатель Правления Русско-Китайского банка, но в данный момент совершенно «частный человек» в Китае), а совместно «с Покотиловым», официальным представителем русского правительства в Пекине, и 2) тут же «старик конфиденциально просил» сооб-

¹ См. тел. Ухтомского из Тяньцзиня от 21 октября/3 ноября 1900 г. в д. № 69: «от этого могут только выиграть наши обоюдные интересы», и ответную тел. Витте от 23 октября, что «это может породить целый ряд недоразумений» и «не мыслимо». Помета Николая на тел. Ухтомского: «Совсем Ухтомский!!!».

² См. там же тел. Ухтомского от 23 октября/5 ноября 1900 г. из Тяньцзиня, тел. Витте Ухтомскому от 30 октября и тел. Ухтомского от 6/19 ноября из Пекина.

щить «одному» Витте, «что склонен сам отправиться в Манчжурию для умиротворения населения всеми ему известными приемами непосредственного воздействия на цзян-цзюней», в расчете, что «появление его там, внушив доверие двору относительно территориального бескорыстия России, желающей только занять жел. дорогу и города необходимыми войсками, даст толчек мирным переговорам, упраздняя окончательно опасения о разделе Китая из за мнимой аннексии Россией Манчжурии»¹. Это последнее предположение Ли Хунчжана и было понято прежде всего, как попытка «поживиться от нас и чиновников в Манчжурии» и создать положение, при котором русской дипломатии будет «гораздо труднее справиться с сравнительно энергическим Ли Хунчжаном, нежели с какими-либо другими чиновниками в Манчжурии»², — и Витте нашел поездку Ли Хунчжана «излишней». Договор же о монополии на эксплуатацию «всех богатств», на первый взгляд, признал «очень полезным», лишь бы он был «утвержден указом богдохана», и в мыслях относил его не к «нескольким» частным компаниям, а к одному только Об-ву Китайской Восточной жел. дор.³. Но уже на другой день Витте спохватился, не ловушка ли здесь, и категорически телеграфировал Ухтомскому, что поездка Ли Хунчжана «недопустима» и что «сепаратный договор мы не можем заключить, не зная, что будут делать другие державы, ибо иначе свяжем себе руки»⁴. Что задняя мысль Ли Хунчжана была уловлена Витте правильно, явствовало из дальнейшего: Ли Хунчжан продолжал «убедительно просить» «явно объявить

¹ См. тел. Ухтомского из Пекина от 6/19 ноября 1900 г. в д. № 69. Ли Хунчжан затеял встретить Ухтомского с попой еще за городскими воротами, но тот проехал верхом «через другие ворота». Но и без того приезд Ухтомского в Пекин вызвал «напрасные толки среди иностранцев».

² См. тел. Покотилова из Пекина от 7/20 ноября 1900 г. в д. № 75, ч. I.

³ См. тел. Витте Ухтомскому от 9/22 ноября 1900 г. в д. № 75, ч. I. Что договор предполагается на имя Китайской Восточной жел. дор., высказано было здесь Витте впервые.

⁴ См. там же, тел. Витте Ухтомскому от 10/23 ноября 1900 г. Обе телеграммы писаны Витте собственноручно.

для сообщения [его] правительству, что Покотилу и Ухтомскому, *по высочайшему повелению*, разрешено выяснить и разрешить... денежные и деловые вопросы, связанные с убытками Китайской Восточной жел. дор., эксплуатацией богатств Монголии, Манчжурии и Кашгара и т. д.» («тогда он, Ли Хунчжан, быстро устроит, все что вам будет угодно»), и сделать это непременно через китайского посланника в Петербурге¹. Когда же Витте подтвердил Ухтомскому свое решение и, чтобы отрезать пути, то же приказал (20 ноября) передать и китайскому посланнику, Ли Хунчжан все таки (правда, и не сдерживаемый особенно Ухтомским) не унялся, расширил свое предложение в смысле предоставления России права «иметь свою охрану» на всем пространстве новой «концессии», «если мы оставим за богдоханским правительством сюзеренные права», и вступил в переговоры об этом с двором в Сианьфу². Но ответ оттуда еще не был получен, как дело приняло желаемый для Ли Хунчжана оборот — благодаря вмешательству в него русского посланника в Пекине.

Долгое время Ухтомский содержание своих переговоров с Ли Хунчжаном держал в секрете как от Покотилова, так и от Гирса, и, только когда убедился, наконец, что все результаты его миссии Витте готов был свести к нулю и он становится «лишний в Пекине», он обратился к посторонней поддержке. Гирс решительно высказался за то, чтобы—«в виду стремления Цина и Ли возможно раньше добиться от нас фактического возвращения Китаю Манчжурии» и в виду уже принятого Россией «решения отчасти исполнить их желание ныне же введением китайского гражданского управления в крае» [соглашение Цзэн-Алексеева 13 ноября], — заключить соглашение о «концессии на обработку рудных богатств и постройку жел. дорог в Манчжурии» и «во всем районе, входящем в сферу нашего

¹ См. тел. Ухтомского от 13/26 ноября 1900 г. в д. № 75, ч. I.

² См. тел. Витте Ухтомскому от 15/28 ноября 1900 г. и тел. Витте Романову из Янты от 20 ноября, в д. № 75, ч. I, и тел. Ухтомского от 21 ноября/4 декабря 1900 г. в д. № 69.

влияния» *«теперь же»*, «так как легко может быть, что впоследствии будет труднее добиться согласия Китая»¹.

Предложение Гирса было тотчас же поставлено Ламсдорфом на обсуждение, и вопрос о «сепаратном соглашении», таким образом, вышел из стадии частных переговоров. Витте резко повернул фронт и высказался за «своевременность» соглашения именно до заключения державами мира с Китаем, пока уступчивость Китая поддерживается еще «политикой возмездия и устрашения», проводимой Вальдерзэ. Куропаткин тоже не возражал. И в каких-нибудь десять дней в Петербурге программа сепаратного соглашения была готова².

Некоторые разногласия, с которыми при этом пришлось Ламсдорфу считаться, не могут сделать менее ошибочной мысль, будто бы кто-нибудь в русском правительстве в тот момент думал или даже говорил о «фактическом возвращении» Манчжурии Китаю, т. е. о восстановлении богдоханскому правительству его «суверенных прав». Все были согласны в том, что «присоединять» к России Манчжурию не следует³. Но все трое же твердо стояли и на том, что сепаратное соглашение должно «закрепить» действие «единогласно» принятых еще в октябре и утвержденных теперь (4 декабря) царем «оснований русского правительственного надзора в Манчжурии»⁴. А это означало, что ни один чиновник

¹ См. тел. Ухтомского от 28 ноября 1900 г. о соглашении с Гирсом и с просьбой, «если я безусловно ничем не могу быть Вам полезным», о «позволении уехать домой», в д. № 69, и тел. Гирса и-ру ин. дел от 28 ноября, в д. № 75, ч. I. До этой последней телеграммы мы не нашли никаких сообщений в Петербург о концессионном предложении Ли Хунчжана ни от Гирса, ни от Покоилова.

² См. письма к Ламсдорфу Куропаткина от 3 декабря 1900 г. в «Кр. Архиве», т. 14, стр. 41, и Витте от 5 декабря 1900 г., читанное Николаем в Ялте 12 декабря и им не оспоренное ни в одной строчке, в д. № 75, ч. I. Проект программы сеп. согл. с Китаем, присланный в копии в М. Ф. при письме Ламсдорфа от 21 декабря, утвержден был царем в Ялте 13 декабря, и следовательно был выслан туда не позднее 9 числа (д. № 75, ч. I).

³ Даже Куропаткин, см. вышеупомянутое его письмо от 3 декабря.

⁴ Даже Витте: см. вышеупомянутое его письмо от 5 декабря. Об утверждении Николаем «оснований и т. д.» 4 декабря извещал Витте Куропаткин в письме от 4 декабря (см. д. № 67, ч. I).

не будет назначен китайским правительством в Манчжурии без согласия России, ни один полицейский не будет назначен сверх разрешенного русским пограничным командованием их числа, ни одним солдатом не будет располагать пекинский штаб для защиты манчжурских границ, и что в «возвращенной» Китаю стране будет расположена, под командою русских генералов, двоякого рода русская вооруженная сила, в виде регулярных войск и войск корпуса пограничной стражи. Одно разногласие, как мы видели, было намечено Ламсдорфом еще в октябре по вопросу о праве Китая содержать в Манчжурии свои войска, которое он склонен был отрицать не столь «категорично»: но теперь Ламсдорф его не возобновил. Единственное разногласие, какое теперь было возбуждено, возбуждено было Витте, но оно не было развито им до того, чтобы сделаться принципиальным, и осталось только количественным. Куропаткин для обеспечения «связи России с Владивостоком и Порт-Артуром» придавал «вопросу о сохранении за нами права иметь войска в Манчжурии первенствующее значение»¹ и предложил, снизив их количество с 28 батальонов до 20 к весне 1901 г., сохранить их, «по окончании постройки» ж. д., в Харбине, Гирине, Цицикаре и Мукдене в количестве не менее 8 батальонов. Чтобы «не возбуждать подозрения в завоевательных стремлениях наших», Витте «не видел необходимости оставлять в пределах Манчжурии *то* значительное количество войск, которое предположено военным министром», но о выводе их вовсе из Манчжурии речи не поднял, хотя и «предвидел», что «оставление наших войск» [независимо от их числа] в Манчжурии «на долгое, неопределенное время» возбудит такие подозрения; но на какой *короткий* срок можно было оставить там войска, не возбуждая подозрений, — ответа Витте и сам не имел¹. И разногласие в данный момент не разгорелось в спор. Было видно только, что речь для Витте шла не о восстановлении китайских войск в Манчжурии и не об уничто-

¹ Ср. цит. письма Куропаткина от 3 декабря и Витте от 5 декабря.

жении на чужой государственной территории русской пешей, конной и артиллерийской вооруженной силы, а об относительном количестве в Манчжурии таких войск, которые ни в коем случае не будут подчинены ему, Витте (и любому министру финансов), как главе всей совокупности банковских, железнодорожных, пароходных, и разнообразных промышленных, настоящих и будущих, предприятий в Манчжурии. Как Куропаткин, повидимому, опасаясь покушения штатских министров на авторитет принятых «оснований рус. прав. надзора», бросился поднести их на утверждение царя 4 декабря, так и Витте, ища способов заменить одну вооруженную охрану в Манчжурии другой, в тот же день бросился к царю же за разрешением увеличить численность «охранной стражи» Китайской Восточной жел. дор. с 11 до 16 тыс. чел. и телеграфно запрашивал Юговича, не нужно ли увеличить еще и считает ли тот «нужным оставление на продолжительное время войск» и, если да, то «где?» и «сколько?»¹. Но ответ Юговича был неутешителен, и как избавиться от «подозрений в завоевательных стремлениях наших», не «передав фактически» Китаю Манчжурии, так и осталось пока у Витте неясным².

Что касается вопроса о вознаграждении России за «убытки, причиненные волнениями и военными действиями», то он и вовсе не возбудил разногласий. Витте предложил оговорить в сенаратном соглашении: 1) право России на возмещение («в соразмерности с прочими державами») военных расходов, 2) уплату Китаем убытков Китайской Восточной жел. дор., частных

¹ См. тел. Витте Юговичу от 4 декабря 1900 г. в д. № 75, ч. I.

² См. коллективную тел. Кербеда, Юговича, Игнациуса и ген. Гернгросса из Владивостока от 17 декабря 1900 г. в д. № 67, ч. I. По их мнению до подписания общего мирного договора с державами, возвращения двора в Пекин, удаления из Китая иностранных войск и утверждения богдоханом всех трех цзянцзюней в Манчжурии, и до истечения после того трех-четырёх испытательных месяцев, о выводе регулярных войск из Манчжурии не могло быть и речи. До того количество регулярных войск в Мукдене, Гирикне, Цицикаре, Нингуте, Куаньчэнцзы, Тэлине, Ляояне и вдоль Сунгари определялось ими в цифре «не менее» 12 батальонов при 6 батареях.

обществ и предприятий и частных лиц, и 3) те «льготы соответственной ценности», которыми могла бы быть погашена полностью или частью сумма военного вознаграждения, которая будет причитаться русскому правительству. А эти «льготы» Витте пока определил скромнее, чем мы бы ждали. Витте требовал: 1) обязательства Китая «без нашего согласия не строить собственными средствами железнодорожных линий и не предоставлять иностранцам ни железнодорожных, ни каких-либо иных концессий во всей сфере нашего влияния» (т. е. «в Манчжурии, всей части Китая к северу от Стены, Монголии, Илийском крае и Кашгарии»), 2) «предоставления нам в собственность» участков Шаньхайгуаньской жел. дор. к северу от Стены «для достройки и эксплуатации» за вознаграждение, достаточное для ликвидации отношений китайского правительства по этим участкам к Гонконг-Шанхайскому банку, или же, если это окажется невозможным, выдачи концессии на жел. дор. от южно-манчжурской ветви до Стены «по направлению к Пекину», 3) уничтожения самоуправления в г. Цзиньжоутин, не включенном в свое время при аренде Ляодуна в русскую административную систему, 4) передачи таможен в пограничных пунктах Китайской Восточной жел. дор. в управление О-ва Китайской Восточной жел. дор., 5) уплаты процентов и погашения по займу 1895 г. не годовыми, а ежемесячными взносами¹. Как видим, за вычетом третьего и пятого пунктов, речь шла у Витте о полном исключении иностранных концессий («иностранного влияния») из Застенного Китая, как сферы русских интересов, и никаких *новых* концессий, в стиле предложений Ли Хунчжана, в отдельном соглашении требовать Витте не считал нужным. Как он сам же пояснял, «интересы наши относительно железнодорожных концессий» «будут вполне обеспечены», если Китай примет обязательство ни самому не строить жел. дор., ни иностранцам не предоставлять их постройки в сфере нашего влияния. А относи-

¹ См. письмо Витте Ламсдорфу от 5 декабря 1900 г. в д. № 75, ч. I.

тельно «права на эксплуатацию рудных богатств» Витте признался, что «серьезное значение для нас оно может получить только в отдаленном будущем, ибо в настоящее время в России ощущается недостаток в капиталах даже для эксплуатации ее собственных природных богатств, и потому едва ли найдутся у нас средства для разработки рудных месторождений Китая»¹.

Если прибавить ко всему этому уже фигурировавшее в переговорах 1897—98 гг. требование о недопущении иностранных инструкторов в армии и флоте Северного Китая, единственное выдвинутое теперь по инициативе Ламсдорфа, то содержание программы переговоров, как она была утверждена Николаем 13 декабря 1900 г. будет исчерпано².

9 декабря, в день предъявления посланниками в Пекине «коллективной ноты» держав китайскому правительству, Гирсу было предписано добиться в Пекине «самых широких полномочий» на ведение сепаратных переговоров для китайского посланника в Петербурге³. Открытие сепаратных переговоров, как видим, несколько запаздывало, и их приходилось вести быстрым темпом, чтобы кончить до общего замирения Китая с державами. Проблема «возвращения» Китаю Манчжурии без одновременной эвакуации оттуда русских войск, естественно, представлялась русской дипломатии труднейшим пунктом сепаратных переговоров, но отсрочка эвакуации без отсрочки соглашения с самого начала казалась ей единственным исходом. В этом смысле истинным кладом было для нее предложение Англии продолжать оккупацию Чжилийской провинции, «пока Китай не подчинится»

¹ См. письмо его от 5 декабря.

² См. цит. проект программы в д. № 75, ч. I. — По инструкторскому вопросу в Манчжурии, Чжилийской провинции и Китайском Туркестане см. «промеморию», переданную Остен-Сакеном Бюлову 1 января и. ст. 1898 г., опубликованную в «Die Grosse Politik», 14. B., I. Hälfte, s. 134—135. «Промемория» ссылалась даже на согласие не допускать иностранных инструкторов в этом районе, будто бы данное китайским правительством «в выражениях формального обязательства» (dans les termes d'un engagement formel).

³ См. тел. № 2 Ламсдорфа Гирсу от 9 декабря 1900 г. в «Кр. Архиве», т. 14, стр. 46.

поставленным ему в «коллективной ноте» требованиям держав: «некоторое продление оккупации в Печили» — писал Ламсдорф Гирсу 9 декабря — представило бы для России «вполне законное основание продолжить» оккупацию Манчжурии, откуда вызвать войска Россия обещала «лишь по водворении в Китае полного порядка», восстановление же «нормального порядка вещей нельзя считать обеспеченным, пока двор не вернется в Пекин, что в свою очередь станет возможным лишь в том случае, когда иностранные войска покинут столицу империи»¹.

Ближайшее будущее показало, что не здесь лежала главная трудность положения, в которое поставила себя русская дипломатия, ступив на путь сепаратного соглашения с Китаем с целью хотя и не «присоединения», но все же нового «укрепления полного влияния» России в Манчжурии.

IV.

Утвержденная царем 13 декабря 1900 г. программа сепаратных переговоров разрешала вопрос о «сохранении за Россией права иметь свои войска в Манчжурии» не в пользу Куропаткина и, удерживая всю ту неопределенность, в какой оставался этот вопрос у самого Витте, осторожно («быть может») признавала наличие «достаточных оснований» к оставлению в Манчжурии русских войск лишь «на некоторое время». От себя Николай не внес в программу никаких дополнений. А единственный его вопрос: «желательно ли увеличить срок арендования нами Квантунского полуострова?», который он и не хотел «предрешать» «до выяснения мнений заинтересованных ведомств» — был выдвинут в свое время в виде примера одной из «льгот», которых можно потребовать от Китая, опять-таки Витте. Также и Ламсдорф не был уверен, что Витте ограничится уже представленным им списком 5 «льгот», и программа 13 декабря оста-

¹ См. там же тел. № 1 Ламсдорфа Гирсу от 9 декабря (стр. 45).

вила открытою возможность, что «наше финансовое ведомство» «предварительно» еще «подвергнет» вопрос об истребовании от Китая (кроме «проектированной уже» Пекинской линии) «всякого рода концессий» — «тщательному обсуждению»¹. И действительно: 21 декабря программа сообщена была министрам на заключение, 9 января в новом году китайский посланник в Петербурге имел уже полномочия на ведение переговоров, и вопрос о месте их, стало быть, разрешился тоже, как того хотел Витте, а переговоры начать было еще нельзя именно потому, что «тщательное обсуждение» ожидаемого отзыва Витте потребовало времени, и к 9 января у Ламсдорфа не оказалось в готовности никакого проекта, который мог бы быть предъявлен Ян Ю². Зато плодом этого тщательного обсуждения явился не простой «перечень льгот, которые желательно выговорить у китайского правительства при предстоящих переговорах», а совсем готовый к подписанию «проект, состоящий из двух частей: а) сепаратного соглашения между двумя правительствами и б) соглашения между китайским правительством и О-вом Китайской Восточной жел. дор.», вернее даже два отдельных, составленных каждый по всей форме, проекта двух соглашений, представленных Витте Ламсдорфу один 9-го, другой 11 января³.

¹ См. в деле № 75, ч. I, цит. «проект программы и т. д.» и помету на нем Николая. В «проекте» оговорено, что концессионный вопрос будет еще обсужден «с тем, чтобы... предъявлены были лишь такие требования о концессиях, которые действительно предполагается осуществить в ближайшем времени». — О приобретении Ляодуна даже навсегда ср. выше, стр. 262, примеч., док. Витте от 11 октября 1900 г.

² См. там же, письмо Ламсдорфа к Витте от 21 декабря 1900 г., его же письмо от 9 января 1901 г., письмо Витте к Ламсдорфу от того же числа. За ведение переговоров в Петербурге Витте категорически высказался в письме к Ламсдорфу еще от 5 декабря 1900 г. — Ян Ю — китайский посланник в Петербурге.

³ См. в деле № 75, ч. I: «перечень льгот и т. д.» и «объяснительную записку» к нему, составленные И. П. Шиповым и П. М. Романовым и испещренные карандашными пометками и поправками Витте, от 28 декабря 1900 г., и оба проекта, беловики которых были отправлены в МИД при письмах Витте от 9 и 11 января 1901 г. На письмо Ламсдорфа от 9 января с извещением о получении китайским посланником полномочий и просьбой «дать заключение» по программе

Как с самого начала предполагал Витте, китайскому правительству *предоставлялась возможность* избавиться от непосредственной уплаты «вознаграждения» русскому правительству за «издержки, понесенные вследствие волнений», но не посредством предоставления ему каких-либо «льгот», а путем перевода этого долга на О-во Китайской Восточной жел. дор., которое возьмет на себя эту уплату русскому правительству и присоединит уплаченную таким образом сумму к цифре своих «убытков» (ст. 9 сепаратного соглашения)¹. Но в проекте соглашения с О-вом Китайской Восточной жел. дор. китайское правительство *обязывалось*² принять предоставленную ему О-вом отсрочку уплаты «убытков», которые предполагалось подсчитать не только от «уничтожения значительной части жел. дор.» и «разграбления имущества ее», но и от «замедления» в ее постройке (§§ 1 и 2), — с начислением 6% годовых на капитальную сумму долга. В погашение этого долга Обществу зачисляются сумма в 5 милл. лан, которую Общество должно бы уплатить Китаю по окончании постройки (§ 12 контракта 27 августа 1896 г.), и все платежи, которые Общество должно было бы производить китайскому пра-

13 декабря, пометка Витте: «необходимо сделать скорее, все нас ждут». — Кое что из «перечня» Витте отказался внести в проекты, именно: 1) закрытие р. Ляохэ для пароходов, конкурирующих с Китайской Восточной жел. дор. («едва ли удобно»), 2) отодвижение досрочного выкупа Китайской Восточной жел. дор. с 36 лет на 54 года и бесплатной передачи Китаю Китайской Восточной жел. дор. с 80 лет на 120 лет («это предмет последующих соглашений»), 3) предоставление Китайской Восточной жел. дор. участка в 1 кв. версту в Чжилейской провинции близ Кайпина для разработки угля («туда нам лезть едва ли удобно»). С другой стороны Витте «приказал» было включить в перечень «распространение на всю Манчжурию права беспощадной торговли», но ему было разъяснено, что «ни одному государству», пограничному с Китаем, такого права не принадлежит (см. там же, л. 188, справку об этом).

¹ Проект «сепаратного соглашения» правительств делится на «статьи»; проект соглашения с Обществом Китайской Восточной жел. дор. — на §§. В дальнейшем точно придерживаемся такого обозначения.

² Формально это было выражено (§ 2), конечно, так: «в виду затруднительности для китайского правительства одновременного взноса» Общество «соглашается отсрочить уплату и т. д.». Но проект никакого иного выхода Китаю не предоставлял.

вительству в связи с предоставляемыми теперь Обществу «льготами»¹.

И на этот раз Витте не отказался от пессимистической оценки возможностей для русского частного капитала вложиться в разработку рудных богатств Китая, в железнодорожное строительство и в «какие бы то ни было» промышленные предприятия: ст. 13 сепаратного соглашения обязывала Китай лишь не «предоставлять» подобных концессий иностранцам и самому не строить жел. дор. не только в Манчжурии, а и в Монголии и в Кашгарском, Яркендском, Хотанском и Кэрийском округах. Но относительно О-ва Китайской Восточной жел. дор. Витте теперь не отступил перед перспективою капитальных вложений (за счет казны) в ряд новых предприятий этого рода и в расширение прежних и потребовал для О-ва следующих «льгот»: 1) права разработки «всех» месторождений золота, «залегающих как в казенных, так и в частных землях» в Мукденской и Гириньской провинциях и по южным склонам Малого Хингана в Хэйлуцзянской провинции, и всех месторождений нефти и никкеля во всей Манчжурии (§ 3), 2) такого же права относительно «всех месторождений каменного угля» «в районе, обслуживаемом дорогами» Общества, причем в 10-верстной полосе по линии жел. дор. и в 5-верстной округе копей Общества никакие другие предприниматели не допускаются (§ 4), 3) права «избрать в течение 5 лет» участок в 2000 кв. верст с «хорошим строевым лесом» в бассейне р. Ялу, с правом проведения там дорог, телеграфных и телефонных сообщений (§ 5), 4) передачи Обществу всех вообще земель (частновладельческих с выкупом по рыночным ценам) в 10-верстной полосе по линии Китайской Восточной жел. дор. (§ 6), 5) отвода Обществу участков земли в Циньвандао, Инкоу, в устьи р. Ялу и «на одном из островов

¹ В случае выкупа жел. дороги, вся непогашенная сумма долга вместе с наросшими 0/0 0/0 должна быть полностью уплачена Обществу, и Китай не вступит во владение дорогой «ранее, нежели все причитающиеся по сему долгу платежи будут внесены в русский Гос. банк» (§ 2).

близь этого устья» — для устройства пристаней, товарных складов, наливных станций и жилых помещений (§ 7) и 6) обращения временной ветви от южно-маньчжурской линии к Инкоу в постоянную (§ 8). Причем все перечисленные земли передаются на «всех тех правах», какие принадлежат Обществу на земли, отведенные для постройки Китайской Восточной жел. дор., т. е. входят в состав основного железнодорожного «сетльмента», предусмотренного ст. ст. 5 и 6 контракта 27 августа 1896 г. и теперь возрасставшего площадью едва ли не до 30.000 кв. верст¹.

Таким должно было быть соглашение Китая с О-вом Китайской Восточной жел. дор. «о вознаграждении за убытки, понесенные вследствие волнений в Манчжурии». На деле, для ближайших лет, оно возлагало на российский государственный бюджет двойную тяжесть последствий: 1) отказа от прямого и гарантированного возвращения России ее военных издержек в твердой валюте и 2) неопределимого точно, но значительного увеличения прежде всего расходного бюджета — делавшего теперь скачок в своем росте государственного «треста», каким хотел видеть Витте свое О-во Китайской Восточной жел. дор.². Это было принятием последнего предложения Ли Хунчжана (от 21 ноября 1900 г.) о «всех естественных богатствах» и о праве их вооруженной охраны, с прибавкою, однако, и права «управления» на территориях новых концессий. Едва ли случайно, плотно засевшее в голове Витте с момента апрельской неудачи 1899 г., требование на линию «к Великой стене по направлению к Пекину», выговариваемое тоже в виде дополнения концессии О-ва Китайской Восточной жел. дор., попало теперь не в проект соглашения с Обществом, а только в сенаратное соглашение правительств (ст. 14), не как безобидная экономическая «льгота», а как требование насквозь «политическое» — до такой степени очевидно направлено было оно против Англии. Остальные «льготы» О-ву

¹ См. выше, стр. 126 и 127.

² См. всеп. доклад Витте от 14 марта 1903 г., опубликованный нами в исследовании о «Лихунчангском фонде» («Борьба классов», № 1—2, стр. 117 сл.).

Китайской Восточной жел. дор. повторены были и в сепаратном соглашении (ст. 10): но как раз то, что и их делало «политическими», а именно оговорки об изъятии новых территорий из общего китайского гражданского управления и переводе их в состав железнодорожного «сетльмента», было упрятано в соответствующие параграфы частного соглашения с О-вом Китайской Восточной жел. дор.

Вопрос о пребывании в Манчжурии непринадлежащих «тресту» вооруженных сил Витте решил теперь со всей определенностью. А именно, китайские войска исключались им из Манчжурии вовсе и навсегда, как навсегда же воспрещался и ввоз оружия и военных припасов (ст. 4 сепаратного соглашения), русские же регулярные войска выводились из Манчжурии в три приема, по мере окончания постройки основного трестовского предприятия, железной дороги, и открывания по ней «правильного движения» на участках: 1) от Харбина до Пограничной, 2) от Харбина до Порт-Артура и 3) от Харбина до ст. Манчжурия; «по совершенном же окончании всех работ по постройке» русские войска выводились и из Харбина (ст. 2). Как объяснял Витте, это, разумеется, было на деле уводом регулярных войск лишь за кулисы возможного манчжурского театра войны, так как с открытием движения они могли быть выведены на сцену в любой пункт Манчжурии со стороны Порт-Артура или Читы или Владивостока в «течение не более 1—2 суток»¹. И с международной точки зрения увод русских войск из Манчжурии отнюдь не разоружал русского правительства, одновременно глубже внедрявшегося в Манчжурию, и в маске частно-капиталистического треста, сосредоточивавшего теперь в своих руках не только некоторые формальные атрибуты государственной власти, но и военные и экономические ее основы. То, против чего возопил даже Ли Хунчжан, — передача «всех таможен, которые будут учреждены китайским правительством» на железной дороге и по р. Сунгари «в заведывание» русского

¹ См. письмо Витте Ламсдорфу от 3 января 1901 г. в деле № 75, ч. I.

треста (а следовательно и доходов — под контроль его) — пошло теперь в ст. 8 сепаратного соглашения. Разрешаемая при цзян-цзюнях пешая и конная полицейская стража (ст. 4), предназначалась для поддержания «порядка и спокойствия» не на всей территории Манчжурии, а только «вне земель, отведенных» нашему тресту. Ст. 17 «оснований русск. прав. надзора» о назначении цзян-цзюней и фудутунов «по соглашению» китайского правительства и русского посланника, внесенная туда Куропаткиным, блекла теперь перед формулировкой, приданной ей Витте в ст. 3 сепаратного соглашения: «обязанность» «немедленного смещения» любого должностного лица «до цзян-цзюней включительно» возникала для китайского правительства у Витте по простому «заявлению» русского посланника. «Ответственность» за сохранение спокойствия и порядка возлагалась теперь не на цзян-цзюней только (см. ст. 1 соглашения Цзэн-Алексеева), а и на фудутунов и «всех местных должностных лиц». Но что было абсолютно ново и, насколько знаем, до сих пор не входило в манчжурскую программу России, а теперь было включено в ст. 7 сепаратного соглашения, — это обязательный для китайских властей прием «всех пошлин и податей» (не только от русских подданных, а без каких-либо определений) «русскими деньгами»¹. Нечего и говорить, что военный комиссар при цзян-цзюне, предусмотренный Куропаткиным в «основаниях», терпим был для Витте только «временно, впредь до вывода русских войск»; зато постоянным органом при цзян-цзюнях оставались теперь только дипломатические агенты, что формально открывало возможность русскому правительству вести сношения с местными властями, минуя пекинское правительство, причем администрация Китайской Восточной жел. дор. сохраняла полную свободу пользоваться или

¹ Летом 1899 г., когда Покотилов спрашивал, в виду возможного повсеместного введения в Китае доллара, «не следует ли всеми мерами стараться о введении хотя бы в Манчжурии ланов вместо долларов», — Витте ответил, «что теперь этот вопрос решать трудно» (см. «Список вопросов» в конв. № 14 Фонда Пек. Отд. Правл. Китайской Восточной жел. дор.).

не пользоваться услугами агентов (ст. 5). Памятником совершенно личного желания Витте получить для русских подданных право беспопытной торговли в Манчжурии, оспоренного еще в самом министерстве финансов (см. выше, стр. 284, прим. 1), осталась в проекте сепаратного соглашения ст. 6 о праве русских подданных «торговать повсеместно в Манчжурии» и приобретать необходимую недвижимость. Это значило обратить всю Манчжурию в сплошной «открытый порт» не только для русских, а и для других иностранцев, в силу принципа «наиболее благоприятствуемой нации», и исказить весь основной смысл соглашения, состоявший именно в исключении «иностранного влияния» в Манчжурии: этот продукт, повидимому, некоторой дипломатической неосведомленности бесследно и неслышно исчез в последующих редакциях соглашения¹. Все это Витте и предлагал выдать за «восстановление власти китайского правительства в Манчжурии, которая остается составной частью Китайской империи и сохраняет то же административное устройство и тот же порядок управления, которые существовали до занятия сей области русскими войсками» (ст. 1)².

На деле, заключавшиеся в проекте Витте грандиозные притязания на «укрепление полного влияния» русского правительства в Манчжурии были условием не восстановления до-военного *statu quo*, а постепенного сокращения района оккупации и окончательного вывода из Манчжурии — не русских сил вообще,

¹ О праве торговли иностранцев в «открытых портах» и принципе наиболее благоприятствуемой нации см., напр., у Э. Д. Гримма, «Сб. дог. и др. док. по ист. между. отн. на Д. Востоке», М., 1927 г., стр. 7—16.

² Наиболее грубо и элементарно противоречившее статье 1 требование о введении в г. Цзиньжоутин русского гражданского управления было загнано в самый конец текста, в ст. 15, в форме глухого «согласия» Китая на «отмену» ст. 4 доп. протокола 25 апреля/7 мая 1898 г. Неупомянутые выше 11, 12 и 16 статьи проекта сепаратного соглашения заключали обязательства Китая: войти в соглашение с Русско-Китайским банком о возмещении его убытков, удовлетворить за убытки частных лиц и вносить платежи по займу 1895 г. не полугодичными, а ежемесячными взносами. Проект сепаратного соглашения содержал всего 16 статей.

а только — регулярных войск, состоящих в ведении русского военного министра. Содержание проекта Витте в остальном сводилось, во-первых, к консолидации экономической и политической мощи Общества Китайской Восточной ж. д. на началах монополии и ограничения «сюзеренных» прав пекинского правительства в Манчжурии, и, во вторых, к формальному расширению «сферы интересов» России до размеров всего Застенного Китая. Столь кардинальное отступление от программы, формулированной для Дальнего Востока Муравьевым всего год назад, накануне боксерского восстания, попадало теперь в такую международную обстановку, которая делала новую программу или боевой или неосуществимой вовсе¹.

Проект Витте подвергся некоторой переработке и ограничению еще до предъявления его китайскому посланнику. Переговоры открылись только 7 февраля 1901 г., а уже 11 марта были прерваны китайским правительством, отказавшимся подписать предложенный Россией договор, под дружным давлением Германии, Англии, Японии, Соединенных Штатов и даже Италии. Они возобновились в июле 1901 г., приостановились в октябре и опять возобновились в декабре 1901 г. То, что было, наконец, подписано между Россией и Китаем 26 марта/8 апреля 1902 г. не сохраняло от первоначального замысла ничего, кроме: 1) декларативной статьи 1-й о «восстановлении власти китайского правительства», и 2) общего обязательства Китая соблюдать контракт 27 августа 1896 г. и охранять безопасность железной дороги и русских подданных в Манчжурии, и конкретного обязательства России «вывести все свои войска» в три шестимесячных срока из трех провинций Манчжурии (ст. 2). Уже это последнее русское обязательство только вчерне соответствовало прежней мысли Витте об окончании оккупации «по совершенном окончании всех работ по постройке» ж. д., и, если не упустило из рук русского правительства возможности самому определить ко-

¹ Ср. выше стр. 245 и 219, прим. 1.

нечный момент оккупации, то только ценой знаменитой оговорки относительно исполнения этого обязательства, «буде не возникнет смут и образ действий других держав тому не воспрепятствует». Что же касается права китайского правительства содержать свои войска в Манчжурии, то ст. 3 договора 26 марта 1902 г., вопреки проекту Витте, именно исходила из мысли о таком праве и только предлагала: относительно времени, «пока не выведены русские войска», «условиться» русским военным властям и цзян-цзюням об их численности и местах расположения, и относительно времени «по окончании полной эвакуации» «обсудить» китайскому правительству вопрос об увеличении или уменьшении их численности — «при своевременном оповещении русского правительства» — во избежание «крайне невыгодного для обоих государств увеличения расходов на военные надобности». И, наконец, ст. 4 договора приканчивала с мыслью Витте о южно-манчжурской русской линии «по направлению к Пекину» или «замене» ее «правом на достройку и эксплуатацию» ж. дороги Шаньхайгуань-Инкоу-Синьминьтин, так как обуславливала возвращение этой ж. д., занятой русскими войсками во время военных действий, китайскому правительству¹. Все остальное, что в проекте Витте должно было «укрепить полное влияние» России в Манчжурии, было по частям растеряно в течение 16 месяцев, прошедших от дня, когда Ли Хунчжану удалось соблазнить русскую дипломатию на сепаратные переговоры приманкою «естественных богатств всего Застенного Китая».

Ровно 21 месяц (с 26 июня 1900 г. по 26 марта 1902 г.) продолжалась оккупация Манчжурии русскими войсками, основанная только на праве завоевания и не санкционированная никаким договором с пекинским правительством. Чем дольше дли-

¹ Как разъяснил Витте в письме Ламсдорфу от 16 января 1901 г. (см. в деле № 75, ч. I), «одним из наиболее важных предметов соглашения» он признавал концессию на Пекинскую линию — «не с тем чтобы воспользоваться этой концессией, а чтобы, заручившись ею, добиться перехода в наши руки ж. д. Шаньхайгуань-Инкоу-Синьминьтин». Договор 26 марта 1902 г. см. в «Сборн. дог. и диплом. док. по делам Дальнего Востока. 1895—1905», СПб., 1906, стр. 538 сл.

лась такая *бессрочная*, естественно казавшаяся «нескончаемой», оккупация, тем легче манчжурский вопрос мог быть обращен для России в предмет острого международного конфликта и тем скорее удалась формальная подготовка военного столкновения России с Японией из-за Манчжурии.

V.

Еще летом 1900 г., когда Витте был занят усмирением разигравшихся батальных инстинктов Куропаткина и Николая не только относительно Китая, но даже и Кореи, более всего его беспокоило, как бы не произошло столкновения с Японией по формуле: «вы берете Манчжурию, мы в таком случае возьмем Корею»¹. Но и когда ему удалось, после взятия Пекина, уложить обоих военных в рамки программы 12 августа, а Николай обещал «не двинуться» и в том случае, если Япония «влезет в Корею», — Япония продолжала его беспокоить, как «черная точка»: «компликации с европейскими державами» он не боялся, но боялся, что Япония «влезет в Корею» и это будет «*по существу* [безотносительно к обещанию Николая] неприятно», так как может «нас возбудить». И Витте тогда же пришел к мысли «сделать предложение о нейтрализации Кореи»². Дипломатически дело было повернуто так, что вопрос о нейтрализации был поднят самой Кореей, и, оперируя уже совершившимся фактом, русская дипломатия запросила японское правительство, не предпочтет ли оно разрешить корейский вопрос «путем непосредственного соглашения с Россией»³. Если суть предполагавшейся сделки

¹ См. письма Витте к Сипягину от 14 июля, 6 и 10 августа 1900 г. («Кр. Архив», т. 18).

² См. там же письмо Витте № 10 без даты (около 18 сентября 1900 г.). «Уничтожение Манчжурии, как провинции Китая», к чему, по мнению Витте, «в сущности говоря» сводились «невозможные» требования Куропаткина, «опасно» было именно потому, что японцы в таком случае «потребуют себе Корею» (письмо от 6 августа).

³ См. «Обзор сношений с Японией по корейским делам с 1895 г.», изд. МИД., СПб., 1906, стр. 15.

должна была заключаться в том, чтобы взамен некоторых уступок со стороны России в Корею, до известной степени освободить себе руки в Манчжурии, то это-то как раз и не удалось. Ответ Японии, переданный Ламсдорфу 9 января 1901 г., гласил, что, пока в Манчжурии не восстановлен «*statu quo ante*», она предпочитает повременить с корейским вопросом, чтобы вернуться к его обсуждению, уже «не подвергаясь влиянию посторонних соображений»¹. Это было одно предостережение, пришедшее в Петербург совсем еще во-время: нельзя же было предлагать Японии нейтрализацию Кореи, не только не предлагая одновременно нейтрализации Манчжурии, а располагая в ней по рецепту Витте. Другое предостережение стояло в связи с серьезной переменой в отношениях к России со стороны Германии. «Личному соглашению» двух монархов, повидимому, был нанесен удар сепаратной политикой русской дипломатии в китайских событиях 1900 г. (особенно отступлением русских войск от Пекина), и так называемое «соглашение о Янцзы» (*Jangtse-Abkommen*), подписанное 3/16 октября 1900 г. между Германией и Англией можно было рассматривать, как симптом новой, враждебной России ориентации Берлинского кабинета². Но расширение пропасти между русской и германской политикой в китайских делах в Петербурге считалось необходимым залогом успеха России в ее сепаратных переговорах с Китаем, и Витте, как мы знаем, круто свернул на путь беззамедлительного открытия переговоров именно в страхе, как бы Германия внезапно не отказалась от своей политики террора в Китае³. Вот почему заявление Радолина, сделанное Ламсдорфу 3/16 января 1901 г., о полной незаинтересованности Германии в Ман-

¹ См. там же памятную записку японского посланника в Петербурге от 9/21 января 1901 г., приложение № 9, стр. 66.

² См. письмо Остен-Сакена Ламсдорфу из Берлина от 8/21 декабря 1900 г. («Кр. Архив», т. 14, стр. 43). Ср. O. Franke, «Die Grossmächte in Ost-Asien», в. з. 149—150. Документальный материал о соглашении 3/16 октября 1900 г. см.—«Die Grosse Politik», 16. B., стр. 197 сл.

³ Ср. письмо Витте к Ламсдорфу от 5 декабря 1900 г. в д. № 75, ч. I.

чжурии, иначе и нельзя было понимать как приглашение в ловушку¹. Наконец, третье предостережение было связано с опубликованием в Таймсе (3 января н. с. 1901 г.) сообщения о соглашении Цзэн-Алексеева. Можно было не знать, что это известие повлечет за собою дипломатическое вмешательство вообще и каких именно держав в частности, — а китайскому правительству один за другим сообщены были протесты Германии, Англии, Японии и Америки против заключения каких либо отдельных соглашений «территориального или финансового» характера². Но нельзя было не обратить внимания на то, что версия Таймса, неточно передававшая текст соглашения 27 октября, 1) придавала ему постоянный характер и 2) не содержала в себе никакого упоминания об оставлении в Мукденской провинции русских войск, и потому истолкована была в том смысле, что в Мукдене устанавливается такая же должность русского резидента (т. е. «комиссар при цзян-цзюне»), как в «туземных княжествах Индии», и что это соглашение ставит Манчжурию «*de facto*» под «русский протекторат», «так как в силу прежнего соглашения [т. е. контракта 27 августа 1896 г.] Россия уже пользуется правом содержать такое количество войск, какое нужно для охраны ж. д.». Иными словами, весь шум, поднятый в прессе, а потом и запросы, обращенные к Ламсдорфу дипломатическим путем, исходили из представления не о затягивающейся оккупации Манчжурии русскими регулярными войсками, а о том нормальном и постоянном порядке, который якобы вводился в Манчжурии и опирался на уничтожение китайских войск и на наличие обусловленной «прежним соглашением» охранной стражи Китайской Восточной жел. дор. Предостережение, которое можно было отсюда извлечь, заклю-

¹ См. «Die Grosse Politik etc.», 16. B., стр. 312, прим.

² См. английскую Синюю Книгу (China № 2, 1904), №№ 6, 9, 10, 12, 13 (русс. издание в «Материалах по Дальнему Востоку», изд. канцелярии Особого Комитета Дальнего Востока, СПб., 1904 г., стр. 7—12).

чалось бы в признании, что центр вопроса был не в том, когда именно снята будет русская оккупация.

Тем не менее в основу того проекта сепаратного соглашения, который был окончательно одобрен тремя министрами в частном совещании 26 января 1901 г., положен был текст, представленный Витте. В виду «тревоги», вызванной в Японии «одним слухом о будто бы начатых нами переговорах» и «ложных толков в иностранной печати», Ламсдорф «нашел необходимым ограничиться включением в проект лишь основных начал», а «различные подробности дела» считал возможным отложить до «частных» переговоров Общества Китайской Восточной ж. д. и Русско-Китайского банка в Пекине и местных русских властей с цзянцзюнями, и вообще «стремился» придать соглашению «возможно более миролюбивый характер», имея в виду «обнародованием» его «произвести даже весьма благоприятное с политической точки зрения впечатление за границей»¹. Так (временно) отпала прежде всего целиком вторая часть проекта Витте (соглашение с Обществом Китайской Восточной ж. д.). Проект же сепаратного соглашения правительств, трижды подвергшийся редакционным изменениям (16, 22, 25 января), принял, на совещании трех министров 26 января 1901 г., следующий окончательный вид²:

«Ст. 1. Е. и в. император всероссийский, желая явить новое доказательство своего миролюбия и дружественных чувств богдохану, не сзирая на то, что с пограничных пунктов Манчжурии сделаны были первые нападения на мирные русские поселения, соглашается на восстановление власти китайского правительства в названной области, которая остается составной частью китайской империи и сохраняет то же административное устройство и тот же порядок управления, которые существовали до занятия оной русскими войсками.»

¹ См. письма Ламсдорфа к Витте от 16 и 22 января 1901 г., в д. № 75, ч. I.

² Все отличия окончательной редакции от текста Витте набраны курсивом; все, вошедшее в окончательный текст из проекта Витте, набрано обычным шрифтом. — Проекты, доставленные в М. Ф. 16, 22 и 25 января, а также окончательную редакцию, установленную на совещании 26 января и доставленную в М. Ф. 28-го, равно как и переписку, сюда относящуюся, см. в д. № 75, ч. I.

«Ст. 2. Согласно ст. 6 контракта, заключенного 27 августа 1896 г. между китайским правительством и Русско-Китайским банком о сооружении и эксплуатации Китайской Восточной ж. д., Общество названной дороги имеет право самостоятельного управления землями, отведенными под названную дорогу, а следовательно и содержания с этою целью стражи. Принимая во внимание однако, что при настоящем неупрочившемся еще порядке вещей в Манчжурии, названная стража не в состоянии обеспечить дальнейшее сооружение Китайской Восточной ж. д.¹, Российское правительство временно оставляет в Манчжурии часть своих войск впредь до водворения спокойствия в названной области и выполнения е. в. китайским императором постановлений, заключающихся в 9, 10, 11, 12, 13 и 14 статьях настоящего соглашения².

«Ст. 3. Русские войска в течение всего времени пребывания своего в пределах Манчжурии будут оказывать, в случае необходимости, полное содействие китайским властям в деле поддержания в области порядка и спокойствия³.

«Ст. 4. В виду того, что китайские войска, расположенные в Манчжурии, принимали самое деятельное участие в враждебных действиях по отношению к России⁴, правительство богдохана, желая дать гарантию сохранения на будущее время мира в Манчжурии, обязуется не содержать там войск до тех пор, пока не закончится сооружение Китайской Восточной ж. д. и установление на ней правильной эксплуатации⁵. Вслед затем численность китайских войск, содержащихся в Манчжурии, будет определяться соглашением с российским правительством. Ввоз оружия и военных припасов в Манчжурию воспрещается.

«Ст. 5. В видах поддержания спокойствия и правильного порядка вещей с сопредельной с Россией Манчжурией, правительство богдохана обязуется сменять по представлению русского правительства тех цзян-цзюней и других, назначаемых центральным правительством высших административных чинов, деятельность коих не будет

¹ В проекте Витте фразы, вместо этого, начиналась: «Независимо от охранной стражи...».

² Далее у Витте было: «По мере успокоения страны и окончания постройки Китайской Восточной ж. д. русское правительство будет постепенно сокращать численность расположенных в Манчжурии войск. К этому сокращению уже приступлено. Если порядок не будет нарушен, то численность этих войск будет сокращаема в следующей постепенности: ...» [см. выше стр. 288].

³ Эта обязанность возлагалась на русские войска и статьей 9 «оснований русского правительственного надзора».

⁴ В проекте Витте: «и Китайской Восточной ж. д.».

⁵ В проекте Ламсдорфа от 16 января было: «...пока не будут отозваны русские военные силы из названной провинции». Редакция окончательного проекта установлена по желанию Витте (см. письмо его к Ламсдорфу от 16 января в д. № 75, ч. I).

«соответствовать установившимся дружественным отношениям между обеими Империями»¹.

«Для полицейской службы и поддержания внутреннего порядка в Манчжурии, вне земель, отведенных Обществу Китайской Восточной ж. д., при местных губернаторах (цзян-цзюнях) образуется пешая и конная полицейская стража, численность которой определяется по соглашению с русским правительством. В вооружении полицейской стражи орудия не допускаются, и в ней не могут служить иностранцы подданные.

«Ст. 6. В согласии с неоднократно данными им торжественными заверениями, китайское правительство обязуется не допускать иностранных инструкторов ни в ряды армии, ни в состав флота северной Китая.

«Ст. 7. В видах обеспечения более прочного порядка и спокойствия в установленной статье 5 конвенции 15 марта 1898 г. нейтральной зоне к северу от арендуемой Россией Квантунской области, обе договаривающиеся стороны предоставляют подлежащим властям своим на месте войти между собою по сему предмету в соглашение. В тех же видах отменяется предоставленное 4-ю статье дополнительного протокола 25 апреля 1898 г. городу Цзинь-чжоу-тин право на автономное управление»².

«Ст. 8. Китайское правительство не будет предоставлять на всем пространстве областей Китая, сопредельных с Россией, а именно: Манчжурии и Монголии, а равно на пространстве Тарбатарской, Кульджинской (Илийской), Кашгарской, Яркендской, Хотанской и Кэрийской округов пограничной с Россией области Ганьсу-Синь-цзянь, никаких концессий на постройку ж. д., разработку рудных месторождений и какие бы то ни было промышленные предприятия иностранным державам или их подданным без согласия на то русского правительства. Китайское правительство на всем пространстве поименованных областей без согласия русского правительства не будет строить ж. д. собственными средствами и не будет предоставлять земельных участков в пользование иностранцев, за исключением открытого порта Нючжуан.

¹ В проекте Витте то же формулировано иначе: «На цзян-цзюней Манчжурии, Фудунунов и всех местных должностных лиц возлагается ответственность за сохранение в стране порядка и спокойствия вообще и в особенности за то, что на Китайскую Восточную ж. д., ее предприятия и ее служащих не будет сделано нападений. Китайское правительство обязуется, по заявлению русского посланника в Китае о несоответствии указанному условию деятельности кого либо из сих должностных лиц, до цзян-цзюней включительно, немедленно смещать это лицо».

² В проекте Витте было только: «В виду практических неудобств, затрудняющих применение ст. 4 СПб дополнительного протокола 25 апреля/7 мая 1898 г., китайское правительство соглашается на отмену этой статьи».

«Ст. 9. Правительство е. в. императора китайского возместит «российскому правительству издержки, повнесенные вследствие волнений в Китае в сумме, соразмерной с действительным расходом русского правительства и с вознаграждением других держав. Размер «вознаграждения русского правительства, а равно сроки и гарантии «уплаты сего вознаграждения имеют быть определены совместным «обсуждением сего дела с заинтересованными державами»¹.

«Ст. 10. Китайское правительство войдет в соглашение с Правлением Об-ва Китайской Восточной ж. д. о вознаграждении названного Об-ва за повнесенные им убытки, вследствие уничтожения значительной части жел. дор., разграбления имущества Об-ва и его служащих и замедления постройки дороги.

«Ст. 11. Означенное в *предыдущей статье* вознаграждение Об-ва «Китайской Восточной ж. д. может быть, по соглашению между китайским правительством и Об-вом, в части или полностью, произведено «предоставлением Об-ву некоторых льгот, изменением существующей «концессии или *выдачею новых концессий*»².

«Ст. 12. Правительство богдохана обязуется выдать Об-ву Китайской Восточной ж. д. концессию на сооружение и эксплуатацию жел.-дор. линии от одного из пунктов Китайской Восточной ж. д. или Южно-Маньчжурской ее ветви до Китайской стены, по направлению к Пекину, на одинаковых условиях с концессией Китайской Восточной ж. д., на каковое требование было уже изъявлено принципиальное согласие китайского правительства в 1899 г.³

«Ст. 13. Китайское правительство войдет в соглашение с Русско-Китайским банком о возмещении убытков банка, вызванных уничтожением имущества сего учреждения и его служащих, а равно приостановкой операций банка.

«Ст. 14. Претензии русских подданных и русских частных учреждений и предприятий по вознаграждению за убытки, причиненные волнениями в Китае, китайское правительство обязуется «уплачивать по мере того как они будут рассматриваться Русскою Миссией в Пекине и передаваться сему правительству».

¹ Далее опущено из проекта Витте о «готовности» русского правительства «всю имеющую причестся ему сумму или часть оной получить за счет китайского правительства с Об-ва Китайской Восточной ж. д.» и о присоединении Об-вом «уплаченного им русскому правительству вознаграждения к сумме своих убытков».

² Далее опущена целиком ст. 10 проекта Витте с перечислением концессий, предоставляемых Об-ву Китайской Восточной ж. д.

³ Далее опущено из проекта Витте: «о замене этой концессии правом на достройку и эксплуатацию жел. дорог Шаньхайгуань-Инкоу-Синьминьтин, с ликвидацией существующих ныне обязательств китайского правительства по этим линиям, может последовать между заинтересованными сторонами особое соглашение».

Нетрудно заметить, что «основные начала», введенные в окончательную редакцию не из проекта Витте, т. е. 3-я и 6-я ее статьи, не стояли в противоречии с общей тенденцией этого проекта. Из них ст. 3 так и прошла бледной тенью, не встретив никаких возражений ни со стороны Витте, ни со стороны китайцев; статья же 6, об инструкторах, естественно не могла быть принята Витте из программы 13 декабря, так как его проект и не допускал китайских войск в Манчжурии вовсе. Теперь же, когда Ламсдорф, смягчая «захватнические» (относительно «сюзеренных прав» Китая) тенденции проекта Витте, ввел в окончательную редакцию разрешение Китаю иметь свои войска в Манчжурии по окончании постройки Китайской Восточной ж. д., введение ст. 6 оказалось необходимостью и с точки зрения Витте¹. Некоторое смягчение этих тенденций заметно у Ламсдорфа и в ст. 5, не выпячивавшей, хотя бы словесно, понятия «ответственности» всех манчжурских чиновников от мала до велика за возможные нападения на любого из служащих Китайской Восточной ж. дороги. Ламсдорф хотел было даже целиком убрать из окончательной редакции и статью о линии по направлению к Пекину, памятуя вероятно об ужасе, какой вызвало подобное требование в Пекине летом 1899 г.; но ст. 12 с этим требованием он вынужден был вновь ввести в окончательную редакцию — по настоянию Витте². Вслед за временной отсрочкой соглашения с Обществом Китайской Восточной ж. д., разумеется, выпали из проекта Витте в окончательной редакции сеп. согл. и перечисление предоставляемых Китайской Восточной ж. д. концессий и упоминание о переводе будущего «боксерского вознаграждения» русского правительства в капитал Китайской Восточной ж. д. (в форме дополнительных концессий). Но

¹ См. напр., письмо Витте к Ламсдорфу от 22 февраля 1901 г. в д. № 75, ч. 2. Витте признавал «большое значение» за недопущением иностранного инструкторства.

² В проекте, присланном Ламсдорфом на заключение Витте 16 января, статьи о линии к Пекину не было. Настояния Витте — см. в письме его к Ламсдорфу от 16 января (д. № 75, ч. 1).

изобличающий концессионные планы Витте след остался в виде 11 ст. окончательной редакции: правда, она была сформулирована факультативно, но иначе, как принудительную на деле, ее и не поняли китайцы, и, конечно, протестовали против нее¹. Перечисленным и измеряется доза «миролюбивости», пущенная Ламсдорфом в проект Витте, чтобы придать ему пригодный к «обнародованию» вид. Только относительно срока вывода русских войск Ламсдорф, очевидно под давлением Куропаткина, прибег в окончательной редакции к менее категорической формулировке, чем было у Витте. Тот связывал полную эвакуацию с полным завершением постройки дороги (правда, «если порядок не будет нарушен»), окончательная же редакция ставила ее в зависимость вообще просто от «водворения спокойствия» в Манчжурии, но в частности и от выполнения ст. 9—14, т. е. от доброй воли китайского правительства выполнить все экономические требования России. Впрочем, с формальной точки зрения, и проект Витте едва ли допускал толкование, в силу которого, по окончании постройки дороги, Россия обязана была бы эвакуировать Манчжурию *независимо* от исполнения Китаем всех прочих своих, более многочисленных даже в проекте Витте, экономических обязательств по отношению к России. Во всяком случае, возражения китайцев не коснулись вопроса о сроке эвакуации и направились на некоторые другие пункты, благополучно проникшие в окончательную редакцию из проекта Витте.

Провести сепаратные соглашения в такой «миролюбивой» редакции в Петербурге и не думали «без некоторых мер воздействия» на Ли Хунчжана: ему был теперь обещан все тот же миллион руб. (впрочем, опять в рассрочку), и все усилия русской дипломатии в переговорах сосредоточились на его особе². Но

¹ Против ст. 11 возражал даже Ли Хунчжан: см. тел. Гирса от 12 февраля 1901 г. в д. № 75, ч. 2.

² См. всеп. докл. Витте от 10 февраля 1901 г. с представлением проекта тел. Покотилову: «я уполномочиваю вас заявить Ли Хунчжану, что сейчас по заключении с нами условия вы ему или кому он прикажет, в знак нашей признательности, передадите 500 тыс. руб. Кроме того, передайте ему, что с высо-

через него же пошли и возражения. Они были построены на том, что против соглашения решительно выступают державы и что оно требует изменений прежде всего во избежание «международных осложнений»¹. Ни «дружеские советы», ни угрозы (остаться в Манчжурии навсегда), пущенные в ход из Петербурга, не оказали ни малейшего действия в Сианьфу, а когда представления держав сменились заявлением Японии в Пекине, что она «готова при всех случаях поддержать Китай», возражения с китайской стороны сразу приумножились и окрепли². Китайцы возражали: 1) против ст. 8 в той части ее, которая, кроме Манчжурии, отдавала России Монголию и др. области, 2) против уплаты, по ст. 10, убытков Китайской Восточной ж. д. от «замедления» постройки, 3) против ст. 11, за которой чуяли не факультативность, а обязательство расплаты с Китайской Восточной ж. д. посредством концессий, 4) против ст. 6 об инструкторах, 5) против ст. 4, добываясь права содержать китайские войска в Манчжурии и до окончания постройки, хотя бы и не в полосе дороги, 6) против запрещения той же ст. 4 ввозить оружие в Манчжурию, и 7) частью против ст. 12, прося исключить из нее хотя бы одно выражение: «в направлении к Пекину». Витте считал безнадежным делом птти огульно на все уступки, потому что «согласившись с предъявленными теперь возражениями, мы ничем не будем гарантированы, что вслед затем не будут выставлены другие домогательства»³. И оказался прав: исправленный

чайшего соизволения я буду в Артуре и вероятно в Пекине в сентябре и если наши дела будут итти хорошо, то еще передам ему или кому он прикажет соответствующую сумму» (д. № 51, ч. 3).

¹ См., напр., в д. № 75, ч. 2, телеграммы Гирса от 8 и 12 и Покотилова от 12 февраля 1901 г. и в д. № 51, ч. 3, тел. Покотилова от 14 февраля.

² См. тел. Извольского из Токио от 18 февраля 1901 г. и Кассини от того же числа из Вашингтона, в д. № 75, ч. 2.

³ См. телеграммы Покотилова и Гирса от 12 февраля, письма Витте к Ламсдорфу от 17 и 22 февраля, в д. № 75, ч. 2, и тел. Покотилова от 14 февраля 1901 г. в д. № 51, ч. 3. Витте соглашался отказаться от Монголии, но не от «богатых золотом» округов Кашгарского, Яркендского, Хотанского и Кэрийского (письмо от 17 февраля).

текст соглашения, содержащий почти все желаемые китайцами изменения, был передан в Пекин 28 февраля с условием подписать его в двухнедельный срок, а 11 марта из Сианьфу пришло приказание Ян Ю не подписывать соглашения¹. В день получения этого известия, 12/25 марта, к Ламсдорфу явился японский посланник и сделал «дружеское представление» «об опасности заключения теперь особых соглашений с Китаем», тем более, что «Японии кажется, что некоторыми из статей договора нарушаются державные права и неприкосновенность Китая, равно как и некоторые договорные права других держав», — и русской дипломатии ничего после этого не оставалось, как «во всяком случае» оставить за собою «свободу действий»². 15 числа Витте сделал отчаянную попытку получить еще какой то «решительный ответ», «подпишет ли Китай соглашение или нет до понедельника», но Ламсдорф и Николай уже тепшили себя мыслью, что такой оборот дела даже «в известной мере выгоден для нас с политической точки зрения» и что «Россия от этого ничего не потеряет»³. Решение пекинского правительства было беспово-

¹ В текст соглашения, предложенный 28 февраля, внесены были следующие исправления, согласно желанию китайской стороны: 1) совершенно исключено какое бы то ни было упоминание о Монголии и др. округах, 2) вместо обязательства не содержать в Манчжурии войска, Китай должен был принять обязательство «войти в соглашение» с Россией о «численности и местах расположения китайских войск в Манчжурии», 3) исключена ст. 6 об иностранных инструкторах, 4) запрещению ввоза оружия в Манчжурию придан «временный» характер, впрямь до «единогласного» разрешения общего вопроса о ввозе оружия в Китай с другими державами, 5) из статьи о линии «до Великой Стены» исключено выражение «по направлению к Пекину», 6) относительно соглашения о вознаграждении О-ва Китайской Восточной жел. дор., оговорено, что оно будет заключено «на основании общих начал, которые в вопросе о вознаграждении будут вырабатываться представителями в Пекине и утверждены всеми державами» (см. в д. № 75, ч. 2, проект 28 февраля 1901 г.). — См. также тел. Витте Покотилову от 28 февраля 1901 г. в д. № 51, ч. 3, и тел. Покотилова от 11 марта из Пекина (получена 12 марта) в д. № 75, ч. 2.

² См. тел. Скотта Ламсдорфу из СПб. от 26 марта и ст. 1901 г. с сообщением о свидании японского посланника с Ламсдорфом 12/25 марта — в английской Сивей Книге (China, № 2, 1904), цит. рус. изд., стр. 28.

³ См. тел. Витте Покотилову от 15 марта и письмо Ламсдорфа к Витте от 15 марта 1901 г., с сообщением мнения Николая, в д. № 75, ч. 3.

ротво: Ли Хунчжан имел вид человека, действительно делавшего «что мог, непрерывно докладывая престолу, насколько важно торопиться ускорением заключения договора с Россией», но он был «совершенно один за этот принцип и никем не поддерживаем», и обещал теперь, что «когда мир с державами вообще будет заключен, Китай с радостью согласится для вечной дружбы подписать сепаратные требования по воле России»¹.

Яснее всех о том, что в этих требованиях могло поднять на ноги все державы даже бы и после заключения общего договора держав с Китаем, высказался в своем запоздалом выступлении перед русским правительством американский статс-секретарь Гэй. 15 марта, когда уже все было кончено, Гэй в беседе с Кассини, — ссылаясь на «ожесточенную критику», которую встретило в «общественном мнении С. Ш. А.» «безразличие, которое он проявил к американским торговым и промышленным интересам, угрожаемым в Китае теми соглашениями, которых мы добиваемся в Манчжурии», — сказал: «мы вполне признаем за Россией право принимать все меры, которые она признает необходимыми и способными предупредить повторение тяжелых событий последнего года. *Мы бы поняли даже, если бы она пошла по этому пути и дальше*, насколько она это признала бы необходимым для своих интересов и проектов, если бы мы имели уверенность, что наша торговля не пострадает и что «дверь» останется открытой». Немудрено, что Кассини слова Гэя показались заслуживающими «нашего чрезвычайно серьезного внимания». Гэй, конечно, не сказал ничего нового об «открытой двери» и о «промышленных и торговых интересах». Кассини поразила та (подчеркнутая нами) часть заявления Гэя, которую он не мог иначе понять, как открытое признание, что «С. Ш. А. странным образом изменили свои мысли относительно неприкосновенности Небесной империи, которые они легко принесли бы в жертву, поскольку державы обеспечат американской торговле

¹ См. тел. Ли Хунчжана Ухтомскому от 22 марта 1901 г. в д. № 75, ч. 3.

все выгоды открытой двери»¹. Это еще не значило, что и прочие партнеры России в Манчжурии пошли бы так далеко. Но, что возможен был и такой взгляд, могло бы послужить и еще одним, тоже небесполезным, предостережением русской дипломатии на случай возобновления неудавшейся теперь первой попытки «возвратить» Китаю Манчжурию.

VI.

Прекращение начатых в феврале переговоров, разумеется, само по себе не могло создать такого положения, при котором русское правительство действительно могло бы «спокойно выжидать дальнейшего хода событий», как оно заявило во всеобщее сведение в сообщении 24 марта 1901 г.² Такое соглашение, какое было предложено Россией в феврале, могло быть подписано только в обстановке полной тайны. Однако, русская дипломатия плохо рассчитала свой ход, потому что тайна зависела вовсе не от одного Ли Хунчжана; но и когда точный перевод текста русского проекта попал в руки английского посланника в Пекине, он убедился в достоверности документа не ранее, как после конфиденциального разговора именно с Ли³. Если заверения Ламсдорфа, данные Ч. Скотту еще 25 января/6 февраля относительно «временного» характера напумевшего тогда соглашения Цзэн-Алексеева, можно было и не относить к раздобытому теперь проекту, то заявление Ламсдорфа японскому посланнику от 12/25 марта, что и этот проект «имеет временный характер» и «не затрагивает ни державных прав, ни неприкосновенности Китая в Манчжурии, ни договорных прав какой либо другой державы»,

¹ См. копию «весьма конфиденциального» письма Кассини Ламсдорфу от 15 марта 1901 г. там же. — Курсивы наши.

² Пространное правительственное сообщение с обзором политики русского правительства в китайских делах, с 1900 г. начиная, напечатано в № Правит. Вестника от 24 марта 1901 г.

³ См. телеграммы Э. Сатоу Лансдоуну из Пекина от 6 и 19 марта н. ст. 1901 г. в Синей книге (China № 2, 1904) за №№ 25 и 30.

имело вид просто голого запирательства, и обмануть здесь Ламсдорфу никого не удалось. *Дипломатически* весь этот конфузный эпизод мог быть ликвидирован словесными официальными заверениями английскому, американскому и германскому послам в Петербурге (30 марта/12 апреля), что «надлежащего проекта соглашения» никогда и не существовало и что у него, Ламсдорфа, не было и полномочия что либо подписать¹. Но *политически* русская дипломатия оказывалась теперь в положении более трудном, чем то было в январе.

Новое обстоятельство, коренным образом менявшее ориентировку русского правительства, состояло в том, что тогда, в начале января, еще была надежда на вывод Японии из числа манчжурских конкурентов России посредством специального с ней соглашения по корейскому и манчжурскому вопросам. Переговоры кончались в марте, когда не только со стороны Японии имелся налицо решительный отказ в каких либо уступках чего либо России в Манчжурии до полного восстановления до-военного *statu quo*, но и состоялось небывалое, для Японии того времени, дерзкое выступление ее посланника в Петербурге, и достоверно было известно о ее обещании Китаю «при всех случаях» «оказать содействие добиться своевременно очищения Манчжурии от русских войск»². Неудивительно, что «спокойствие», обещанное в сообщении 24 марта, оказалось лишь временным литературным прикрытием тревоги, которую скоро пришлось поднять Ламсдорфу по поводу совсем близко, казалось, надвинувшейся опасности военного столкновения с Японией из за Манчжурии. Уже в мае 1901 г., основываясь на донесении нашего морского агента, Ламсдорф внушал своим коллегам, что «японские правительственные сферы под влиянием слухов

¹ См. там же, донесение Ч. Скотта Лэнсдону от 25 января/6 февраля и тел. Лэнсдону Ч. Скотту от 4 марта и. ст. 1901 г., №№ 11 и 20, тел. Ч. Скотта Лэнсдону от 26 марта и. ст. и 12 апреля и. ст. 1901 г. №№ 34 и 39.

² См. тел. Извольского из Токио от 18 февраля и тел. Покотилова из Пекина от 11 марта 1901 г. в д. № 75, ч. 2.

о планах России в Манчжурии с самого начала года были столь воинственно настроены, что если бы в марте месяце не последовало циркулярное сообщение императорского правительства об отказе его от заключения с Китаем отдельного договора, то Япония не замедлила бы тогда же открыть против России военные действия». И сейчас, в мае, «воинствующая партия» в Японии приобретает «все большее влияние», и «столкновение с Японией может легко возникнуть по поводу самого незначительного факта, *хотя бы Япония и не опиралась при этом на фактическое содействие Англии и др. держав*». Но положение, занятое Японией, «может усугубиться в конце пекинских совещаний, а также *в исходе текущего [1901] года, когда перевооружение ее армии будет закончено*», — и Ламсдорф делал отсюда простой практический вывод, что «при оценке предстоящих нам мероприятий в Манчжурии» надо всякие дипломатические переговоры с Японией считать «мало надежными для предотвращения вероятных осложнений, коль скоро в глазах японского правительства *разрыв с Россией является не средством, а скорее прямо намеченной целью*»¹.

Другое обстоятельство, которое могло бы еще шире открыть глаза в России на полную безнадежность каких бы то ни было активных планов ее в Манчжурии, повидимому, совсем ускользнуло от внимания русской дипломатии. Дело было не только в том, что в Японии шли к концу собственно военные приготовления, рассчитанные на войну с Россией, а и в том, что с самого января 1901 г. в Лондоне, Токио и Берлине шла работа и по подготовке необходимой международной комбинации. 25 января/7 февраля, накануне петербургского совещания, утвердившего окончательную редакцию русских требований относительно Манчжурии, Лэнсдоун в Лондоне поставил перед

¹ См. «одобренное» Николаем письмо Ламсдорфа министрам военному, морскому и финансов от 23 мая 1901 г., опубликованное в нашем сборнике: «Русские финансы и европейская биржа в 1904 — 1906 гг.», М., Центархив, 1926, док. № 39, приложение. — Курсивы наши.

германским послом в упор вопрос, согласится ли Германия, «совместно с Англией и Японией», силою заставить Россию остановиться в ее «независимой и агрессивной» политике по отношению к Китаю. Но при следующем свидании Лэнсдоун не возобновил своего вопроса, и Гапфельдт воздержался теперь же сделать продиктованное ему из Берлина след. заявление: «мы хотим сохранения всеобщего мира, чтобы самим жить в мире; в случае же если это желание не осуществится и Англия окажется в состоянии войны с третьей державой, мы обязуемся перед Англией остаться нейтральными»¹. Зато аналогичное заявление и в более эффективной связи вскоре (3/16 февраля) представился случай сделать первому секретарю германского посольства в Лондоне Экардштейну в ответ на зондирования Гаяси. Гаяси сказал, что в случае попытки России утвердиться в Корее Япония «пошла бы до конца», если бы была уверена в нейтралитете Англии и Германии. Что же касается Манчжурии, то Япония пойдет на войну только тогда, если можно будет рассчитывать на «действительную» поддержку Англии и если будет уверенность в «благожелательном» нейтралитете Германии. Гаяси заметил при этом, что «на суше мы легко справимся с Россией», не закончены только морские приготовления. И вот, не дожидаясь от японца прямого вопроса, Экардштейн поспешил сказать, что «господствующая в Токио идея, будто между Германией и Россией существует тайное соглашение относительно Кореи, совершенно неосновательна и что вообще не существует никакого договора между ними относительно восточной Азии»². Что дело было здесь не в личной политике Экардштейна, не может быть никаких сомнений. Читая цитируемое донесение первого секретаря, Бюлов против слов Гаяси, что если бы эта идея (о тайном соглашении) не существовала в Токио издавна, то Япония «уже давно усвоила бы энергический образ действий относительно России», — пометил:

¹ См. «Die Grosse Politik», 16. B., №№ 4008, 4812 и 4813.

² См. там же, № 4817, донесение Экардштейна от 3/16 февраля 1901 г.

«почему бы не теперь?»¹. А уже 20 февраля/5 марта сам Гацфельдт, после интимного обеда, внушал Гаяси, что Германия в восточной Азии «не имеет никаких обязательств, которые вынуждали бы ее, в случае русско-японского или иного столкновения, стать на сторону врагов Японии» и что Германия «останется абсолютно нейтральной», если бы Япония одна или Япония и Англия вместе вынуждены были бы «остановить Россию в Китае при помощи силы». Так как аналогичное заявление о нейтралитете Гацфельдт успел сделать еще 15/28 февраля и англичанам, то его несколько не удивило, что теперь Гаяси уже мог поведать ему о своем обращении, с просьбой о помощи флотом, к Англии и о выраженной Лэнсдоуном готовности обсудить этот вопрос в совете министров². Немцы в Лондоне охотно верили версии Foreign Office'a, что не будь англичане вынуждены держать в Ю. Африке свою 200-тысячную армию, они уже давно взяли бы совсем другой тон относительно русских «посягательств», но те же немцы сообщали в Берлин о своих сомнениях, даже уверенности в том, что Сольсбэри, в отличие от своих коллег, держится иного взгляда и не только не считает английские интересы в северном Китае настолько жизненными, чтобы рисковать войной, но и рассматривает уступку северного Китая России, как исходный пункт возможного общего соглашения с Россией, о чем будто бы он и заводил уже речь в Петербурге в июле 1900 г.³ И из Берлина в ответ полетела инструкция убеждать англичан в том, что, как им мешает Африка, так России сейчас — финансовый кризис, и что Витте, в случае войны, «предвидит» гибель золотой валюты и свое собственное падение, (а между тем Витте — «самый могущественный человек в России»), и что Россия до войны не доведет: — аргумент, откровенно рассчитанный на то, чтобы успокоить «нерешительного» английского

¹ См. там же, стр. 325.

² См. там же, №№ 4826 и 4821, тел. Гацфельдта от 20 февраля/5 марта и от 15/28 февраля 1901 г.

³ См. там же, № 4820, тел. Экардштейна от 15/28 февраля 1901 г.

премьера¹. Но, раз начатое, дело в Лондоне шло своим чередом, и 22 февраля/7 марта Лэнсдоун спрашивал уже Гацфельда, согласится ли Германия, в случае русско-японской войны, сделать совместно с Англией заявление в Париже, что они обе сохраняют нейтралитет, чтобы локализовать войну, но что, в случае вмешательства третьей державы, они обе совместно «подвигнут эту свою позицию пересмотру»². Когда же, получив от Гацфельда уклончивый ответ, Лэнсдоун повторил свой вопрос 4/17 марта Экардштейну и тот в свою очередь спросил, что бы могла получить Германия взамен со стороны Англии, Лэнсдоун на другой же день заговорил о возможности «оборонительного соглашения между Германией и Англией»³. Берлин тотчас же ответил на это контр-предложением о присоединении Англии к тройственному союзу, с тем, что к нему примкнет и Япония, и Экардштейн взял на себя разговоры с Гаяси о союзе втроем⁴. — Таким образом, японское выступление в Петербурге 12/25 марта 1901 г. опиралось не только на, известную и русскому правительству, готовность трех держав давать неблагоприятные ему советы в Пекине и не только на уверенность Японии в превосходстве своих вооруженных сил, а и на донесения японских дипломатических агентов, относительно «совершенно частных» переговоров, в которых было произнесено, наконец, и слово «союз».

Разрыв переговоров и, как будто бы, обоюдный отказ России и Китая от сепаратного соглашения, своими манчжурскими «посягательствами» породившего идею «оборонительного» тройственного союза, ни в малейшей степени, разумеется, не могли сами по себе помешать дальнейшему вызреванию этой идеи. Оно позадержалось в критические дни марта, а правительственное сообщение 24 марта, с вызывающей ядовитостью и простоватой

¹ И подчеркнуть, след., ненужность соглашения с Россией. — См. там же, № 4821, тел. Гольштейна Гацфельду от 16 февраля/1 марта 1901 г., стр. 329.

² См. там же, № 4829, тел. Гацфельда от 23 февраля/8 марта.

³ См. O. Franke, «Die Grossmächte in Ost-Asien», S. 172.

⁴ См. там же, стр. 173, 174, 178, 179.

откровенностью изобразившее ход событий и поведение держав за весь боксерский период и бросавшее тень на волчьи аппетиты всех, кроме России, которой де помешали вернуть Китаю Манчжурию, никак не свидетельствовало о какой либо перемене в политической позиции России. И в начале апреля Гаяси получил из Токио инструкцию, не открывая еще официальных переговоров, возобновить прерванные разговоры в порядке лишь «зондирования», «как далеко» могло бы пойти «сотрудничество с Англией в будущем при разрешении китайской проблемы»¹. Токио, значит, ставило вопрос не о присоединении Японии к «тройственному союзу», чем кончили немцы в марте. Но Гаяси обратился и к немцам: пошли ли бы они «вместе с Японией и Англией» на соглашение о поддержании «открытой двери» и неприкосновенности Китая, которое отличалось бы от англо-германского договора 3/16 октября 1900 г. тем, что обязывало бы всех троих защищать эти принципы и от покушений четвертых и т. д. держав. Знал, что немцы щепетильно исключали из сферы действия договора 3/16 октября именно Манчжурию, Гаяси шел на исключение ее из предлагаемого теперь нового соглашения («это ничего, если Манчжурию предоставить России!»), однако, с тем, «чтобы существующие договорные права [держав] были соблюдены». Как выяснилось из дальнейшего, на такую «американизацию» договора относительно Манчжурии ради немцев Гаяси шел потому, что англичане де уже не раз указывали на невозможность для них связывать себя каким либо соглашением относительно Китая, «если к нему одновременно не присоединится Германия»². Но в Берлине, сообразив, что такое «специальное» соглашение относительно восточной Азии сделает для Англии ненужным присоединение к европейскому тройственному союзу, уперлись на том, что до такого присоединения «пусть Англия

¹ См. «Die Grosse Politik», 17. B., № 5038, тел. Экардштейна от 4/17 апреля 1901 г.

² См. там же, № 5037, тел. его же от 3/16 апреля 1901 г.

и Япония довольствуются нашим нейтралитетом»¹. И у немцев свои «зондирования» Гаяси на этом и кончил. А отказ Германии выступить совместно с Англией против Франции в Марокко (в мае 1901 г.), повидимому, сыграл не последнюю роль в переходе Англии к идее союза с Японией вдвоем, если не придавать здесь значения хлопотам в пользу именно такой комбинации, которые продолжал еще некоторое время в Лондоне на свой риск и страх, из боязни русско-японского сближения, Экардштейн².

Таким образом, Ламсдорф забил тревогу и выдвигал свой вопрос о том, готова ли Россия к войне с Японией в военном и финансовом отношении, в конце мая 1901 г., сам того не подозревая, именно в тот момент, когда наметившаяся враждебная России комбинация начала перерождаться из тройственной в двойственную и когда, за выбитием из нее немцев, вместе с ними отпадала для остающихся надобность в каких либо ограничительных оговорках относительно Манчжурии. И вопрос о возвращении Китаю Манчжурии оказался поставленным снова на очередь. Горячее всех отнесся к делу, естественно, Витте. После всего случившегося не могло быть и речи о каких бы то ни было церемониях с Китаем в духе дружбы и союзного договора 22 мая 1896 г. Но оккупация Манчжурии, как и «всякие решительные мероприятия, могущие вызвать или ускорить разрыв с Японией», угрожает «колоссальными расходами», которые «ложатся тяжелым бременем на русский народ, преимущественно же на великороссийское население центральных губерний», и из-за которых «опять придется приостановиться удовлетворением многих насущных потребностей населения, а такой образ действий в стране с не вполне сложившимся хозяйственным строем и переживающей во многих отраслях промышленности период оборудования, может иметь самые тяже-

¹ См. O. Franke, «Die Grossmächte in Ost-Asien», S. 183.

² См. там же, стр. 184—192. Блестящую характеристику общего крутого поворота британской политики против Германии именно в это время см. у Е. В. Тарле: «Европа в эпоху империализма», М. 1927, стр. 65—66 и 117 сл.

лые последствия». Поэтому теперь, после разрыва переговоров и «при настоящих отношениях к нам китайского правительства», «нам следовало бы энергично защищать наши материальные интересы по возмещению убытков» и, во всяком случае «снисхождение к Китаю не должно быть соединено с ущербом для русского народа» («лично жалея китайцев, я однако еще более жалею русский народ»). Единственная задача теперь, — это «отстранить войну с Японией». Конечно, Витте не допускал и мысли об уходе из Манчжурии совсем: «мы не можем и не должны оставить [на произвол судьбы] ни южной ветви Китайской Восточной жел. дор., ни Порт-Артура, ни Дальнего, но мы не должны идти и дальше». «Самым верным средством» для избежания войны было бы: «считать Китайскую Восточную жел. дор. делом частного общества и свою роль в Манчжурии ограничить исключительно ограждением этого предприятия», «упразднив наше военное управление» и отказавшись от «политического захвата Манчжурии». Но если этого окажется мало, то далее Витте, в сущности, предлагал покончить с русско-китайским союзным договором 1896 г. и вернуться к Лобановской комбинации, которую он с таким упорством проваливал и провалил весной 1895 г., а именно: если бы Япония потребовала бы себе Корею, то попытаться «перенести вопрос о независимости Кореи на международную почву», но «если Япония все таки займет Корею», то и это не считать за «casus belli»¹. Такая постановка вопроса неизбежно вела бы в дальнейшем, как у Лобанова, к дружественному соглашению с Японией — за счет Китая. Но такое соглашение, как известно, не было возможно до восстановления *statu quo* в Манчжурии, и приступить к его восстановлению становилось теперь неотложной задачей.

Насколько уверен был Витте в осуществимости теперь же подобного соглашения с Японией, сказалось при первой же попытке начать исполнение нового плана. Первое конкретное пре-

¹ См. письма Витте к Ламсдорфу от 24 мая и 28 мая 1901 г. в д. д. № 68, ч. 4, и № 12. — Ср. выше, стр. 70—74.

дложение относительно эвакуации Манчжурии было сделано Витте 11 июня, было разработано целиком им, благополучно было проведено через особое совещание 28 июня и, не встретив никаких возражений со стороны военных, было принято (5 июля) и Николаем. Витте предложил вернуть китайской администрации занятые русскими войсками в Южной Манчжурии и Чжилйской провинции железнодорожные линии немедленно, с тем чтобы, Китай 1) возместил России затраты на их эксплуатацию и ремонт (ок. 1 мил. р.), 2) выдал «формальное обязательство» о достройке и эксплуатации их «на точном основании» русско-английского соглашения 16 апреля 1899 г. и договора о займе с British and Chinese Corporation от 28 сентября 1898 г., 3) так же обязался, что «без нашего согласия не будет приступлено к продолжению этих жел. дор. или к прокладке к ним ветвей, а равно к сооружению в Инкоу моста через р. Ляо и к переносу здесь конечного пункта жел. дор.», и 4) не допускал бы на этих линиях иностранной охраны. Но совершенно неожиданным образом, в последний момент, Витте присоединил к этим условиям и «политическое» «требование о предоставлении Обществу Китайской Восточной жел. дор. концессии на жел. дор. от магистрали до Великой Стены по направлению к Пекину», — то самое, против которого в феврале в первую же очередь выставил возражения сам Ли Хунжан¹. Между тем, по сведениям военных, именно в этом районе англичане и японцы приступали теперь к таким действиям, которые наводили на мысль, что сами они оттуда уходить не собираются и что между ними даже существует «какой-либо общий план, находящийся в связи с вопросом о Манчжурии»², — обстоятельство, делавшее продвигаемую

¹ См. письмо Витте к Ламсдорфу от 11 июня 1901 г., вesp. доклад его же от 15 июня об образовании особого совещания и журнал совещания 28 июня — в д. № 81. Предложения о Пекинской линии не было в письме 11 июня, оно явилось в журнале совещания впервые. Все делопроизводство по совещанию велось в канц. М. Ф. — О возражениях Ли Хунжана см. тел. Покотилова от 14 и 25 февраля 1901 г. в д. № 51, ч. 1.

² См. фигурировавшую в делопроизводстве совещания тел. Алексева из П. Артура от 17 июня 1901 г. о «рекогносцировках» и «усиленной деятельности»

теперь Витте попытку реставрации одного из пунктов провалившегося проекта сепаратного соглашения еще более смелой и рискованной.

Когда все же вопрос о такой частичной эвакуации русских войск в Петербурге благополучно сдвинулся с точки, Ламсдорф внес новое предложение, ставившее вопрос, казалось, во всем объеме. 19 июля 1901 г. Ламсдорф заявил о «неосторожности» ставить его «в зависимость от дальнейшего хода событий» и предложил приступить «по собственному почину» к «постепенной» эвакуации Манчжурии и объявить о том, никого не предупреждая, «путем обнародования особого правительственного сообщения»¹. Куропаткин никак не мог понять реального политического смысла такого жеста и, настаивая на оставлении Северной Манчжурии (по магистраль Китайской Восточной жел. дор. включительно) под протекторатом России, пытался доказывать, что такому жесту никто все равно и не поверит: «мы в сущности будем уводить одни войска, но заменять их другими... а для Европы, Америки и Японии дело не в замазывании и не в форме, для них несомненно лишь одно: полной передачи Манчжурии Китаю мы в сущности не желаем делать, ибо оставляем железные дороги в своих руках, а на этих жел. дорогах будем иметь довольно много русского войска»². Есть однако след, что и Витте, горячо приветствуя предложение Ламсдорфа в порядке межминистерской эпистолярной дискуссии, не хотел еще верить

англичан на «побережьи от Таку до Циньвандао» для определения пунктов удобных «для высадки», японцев — «в районе Тяньцзинь-Шаньхайгуань-Циньвандао» для занятия там «обширного участка», а также об усилении английского гарнизона в Шаньхайгуане и «настойчивом требовании» англичан о передаче им там лишнего форта.

¹ См. письмо Ламсдорфа к Витте от 19 июля 1901 г. в д. № 75, ч. 4. Ламсдорф предлагал «окончательно и бесповоротно» решить, «желательно ли сохранение за Россией занятой нашими войсками Манчжурии в полном объеме либо в одной из ее провинций?». В письме Ламсдорф не касался вопроса о сроке выполнения эвакуации.

² См. письмо Куропаткина Ламсдорфу от 30 июля 1901 г., там же. Изложение письма Куропаткина см. в «Прологе и т. д.», стр. 175 сл.

в абсолютную необходимость уходить из Манчжурии без всяких условий, и сделал попытку, минуя профессиональных русских дипломатов, через японского посланника в Петербурге возобновить переговоры, раз уже отвергнутые Токийским правительством в январе 1901 г. Из продолжительной беседы с Витте Сутами «вынес определенное впечатление, что Витте во что бы то ни стало хочет соглашения между Россией и Японией относительно Кореи» на след. основаниях: «Корея остается нейтральной областью (Gebiet). Япония однако получает право держать при корейском правительстве административных и финансовых советников, равно как высших полицейских чиновников и их агентов. За это Япония обязуется официально признать преимущественное положение (Vorherrschaft) России в Манчжурии»¹. Если действительно такое предложение было сделано Витте в начале старого июля, то едва ли можно сомневаться, что и «недавнее заявление России в Токио» о ее готовности «в любую минуту» «устроить японскому правительству большой заем в Париже», было теснейшим образом связано с политическим ходом Витте². Это предложение открыто фиктивной «нейтрализацией» Кореи, — способное, даже по мнению Гаяси, удовлетворить общественное мнение Японии, если бы было серьезным, а Гаяси таким его и не считал, — явилось несколько запоздалым, т. к. 1) его приходилось обращаться уже не к правительству «руссофила» Ито, а к воинственному кабинету генерала Кацуры, сменившего Ито в начале июня, и 2) оно должно было претерпеть некоторый шок от того, что еще 2/15 июля в Лондоне к Гаяси приступили с решительными предложениями не только «заключить прочное соглашение на продолжительный срок», но, как формулировал на сей раз сам Сольсбэри, и «союз, по которому каждое из союзных

¹ Ответ Витте на письмо Ламсдорфа пересказан в «Прологе и т. д.», стр. 174. — Сообщение Гаяси («строго доверительное») о предложении Витте см. в «Die Grosse Politik», 17 B., № 5041, в тел. Экардштейна от 26 июля н. ст. 1901 г. Гаяси выразился, что беседа с Витте у Сутами была «совсем недавно».

² См. «Die Grosse Politik», 17. B., № 5040, тел. Экардштейна от 6/19 июля 1901 г.

государств обязывается оказывать военную помощь в случае нападения на одно из них соединенных сил двух или нескольких государств»¹. Но это же предложение Витте, в свою очередь, вероятно, могло повлиять и на то, что несмотря на повторное обращение Лэнсдоуна к Гаяси 18/31 июля с указанием на «своевременность приступить к переговорам по делу заключения долгосрочного союза», японское правительство протянуло еще два месяца, прежде чем дать, наконец, официальные полномочия Гаяси вступить в такие переговоры². Но события и в том, что касается России, в дальнейшем повернули так, что не осуществился и широкий жест, предложенный было Ламсдорфом 19 июля: если тут не было чего нибудь, чего мы еще не знаем, то это было чистое совпадение, что на другой день, 20 июля, на сцене, в Пекине, опять появился Ли Хунчжан с некоторым соблазнительным предложением. В этот день Ли Хунчжан, не трогая пока Гирса, вызвал Позднеева и «заявил, что он желал бы возможно скорейшее очищение Манчжурии от русских войск и потому желал бы возбудить вопрос о пересмотре соглашения о Манчжурии», но предварительно хотел бы знать, как отнесся бы к этому Витте. И только получив от Витте благоприятный ответ, через неделю, обратился и к Гирсу³.

И русская дипломатия, забыв все, вторично впала в искушение попытать счастья на пути непосредственных переговоров с китайским правительством.

VII.

Ли Хунчжан вызывал своего петербургского «друга» на возобновление переговоров о выводе русских войск из Манчжурии

¹ См. перевод «Записок Гаяси» в Изв. МИД, 1913 г., кн. V, стр. 324. Ср. O. Franke «Die Grossmächte in Ost-Asien», S. 192. Предложения эти сделаны были, как говорили Гаяси, по желанию Эдуарда VII.

² См. «Записки Гаяси», стр. 324—325 и O. Franke, op. cit., s. 193—194.

³ См. тел. Позднеева на имя Витте от 20 июля 1901 г. в д. № 51, ч. I, и тел. Гирса от 28 июля 1901 г. в д. № 75, ч. 4.

в момент, когда было еще не поздно воспользоваться значительно более благоприятной, чем в ноябре 1900 г., дипломатической обстановкой для того, чтобы добиться от России обязательства «не лишать Китая в Манчжурии: 1) военной власти, 2) права извлекать из страны все выгоды, и 3) самостоятельности»¹. Мог быть прав Позднеев, что персонально Ли Хунчжан не захотел долее откладывать вопрос об эвакуации Манчжурии, чтобы «воспользоваться отсутствием двора» и легче «провести дело», сулившее ему возможность пожиться немалой суммой². Мог быть прав и Гирс в тот момент, веривший Ли Хунчжану, что тот «никаких изменений к февральскому проекту не будет требовать», и полагавшийся на свое первое впечатление, что Ли «без всякого предварительного обсуждения готов подписать [старое] соглашение» из страха, «что мы не признаем более достаточным февральский текст и захотим новые более суровые для Китая условия»³. Но, по сути дела, своим ходом Ли Хунчжан ставил русскую дипломатию в ультимативное положение. Ламсдорф мог не знать, что только теперь, как указывалось, Сольсбэри отложил свои колебания в выборе между соглашением с Россией за счет Китая и соглашением с Японией против России, а Ли Хунчжан мог и не подозревать, что в Токио именно теперь в последний раз как будто задумались перед окончательным шагом в выборе между английским предложением и возможностью договориться капитально с Россией, — но объективно простой отказ от предложенных переговоров связан был для русской дипломатии с большим риском. «В самом ближайшем времени» ожидалось подписание выработанного, наконец, ценою долгих усилий проекта «заключительного протокола» держав с Китаем, и в начале сентября нового стиля, как официально было уже сообщено Китаю, из Пекина должны были выступить первые эшелоны союзных

¹ Так сформулирована была инструкция, данная Ли Хунчжану для переговоров с Гирсом: см. тел. Гирса из Пекина от 18 августа 1901 г. в д. № 75, ч. 4.

² См. тел. Позднеева из Пекина от 20 июля 1901 г. в д. № 51, ч. 3.

³ См. тел. Гирса из Пекина от 28 июля 1901 г., в д. № 75, ч. 4.

войск; а это означало, что нужно ждать тогда же и постановки «на очередь вопроса о дальнейшей судьбе Манчжурии» в международном масштабе. И у Ламсдорфа не было сомнения, что «ни Англия, ни Япония не упустят весьма заманчивого для них случая» обратиться в Петербург или с «запросами» или с «напоминаниями о неоднократно данных Россией обещаниях возвратить Китаю Манчжурию. Ламсдорф теперь и сам сознавался, что одно заявление России о «намерении» приступить, «как скоро обстоятельства это дозволит, к постепенному отозванию русских войск» из Манчжурии «едва ли послужит к окончательному успокоению общественного мнения», и исход из всех этих затруднений видел в предлагаемом теперь «полюбовном соглашении [с Китаем] по манчжурским делам», *тем более* что в противном случае, Ли Хунчжан «мог бы обратиться к содействию других держав с целью побудить Россию к скорейшему возвращению Китаю Манчжурии»¹. В Петербурге, как будто, и в правду понимали, что так или иначе, непосредственно или через вмешательство держав, но русская дипломатия, если она не хочет ставить под удар «ни достоинства, ни прямых интересов России», вынуждается Китаем идти на переговоры.

Предложенный Ламсдорфом проект договора не был повторением февральского, как того ожидал Ли Хунчжан и как «из совершенно достоверного [китайского] источника» узнал о том английский посланник в Пекине еще 1/14 августа, тотчас после получения Ли Хунчжаном благоприятного ответа Витте². Вопреки мнению Гирса, Ламсдорф считал, что «о соглашении в прежней редакции» «не может быть и речи», и проект свой составил совсем заново так, что 4 статьи его (вместо 11 прежних) меха-

¹ См. всеп. доклад Ламсдорфа от 4 августа 1901 г. в д. № 75, ч. 4.

² См. цит. тел. Гирса от 28 июля 1901 г. в д. № 75, ч. 4, и донесение Э. Сатоу Лэнсдоуну от 14 и 21 августа н. ст. 1901 г. в английской Сивей Книге (China № 2, 1904), №№ 40 и 42. При донесении от 21 августа Сатоу приложил и сделанный им текст сопоставления всех трех редакций русского проекта (февральской, мартовской и августовской), при чем августовская у него оказалась дословной комбинацией двух первых.

нически соединили в себе положения: о передаче Манчжурии китайскому правительству (ст. 1), о сроках вывода русских войск (ст. 2) и водворении в Манчжурии китайских вооруженных сил (ст. 3) — с проектированными недавно Витте условиями возвращения китайских жел. дорог их прежним собственникам (ст. 4)¹. Новый проект заключал в себе согласие России (с стереотипной оговоркой «буде не возникнет каких либо новых осложнений и образ действий других держав тому не воспрепятствует») «вывести постепенно свои войска из пределов Манчжурии с таким расчетом, чтобы в 1902 г. войск этих оставалось там не более... [место для цифры] тысяч, и чтобы летом 1903 г. выведена была и остальная часть названных войск». Но новый проект уже не связывал полной эвакуации с «совершенным окончанием всех работ по постройке Китайской Восточной жел. дор.», как первоначально хотел Витте, и не считался с только что высказанными Куропаткиным стратегическими соображениями в пользу сохранения русской оккупации в северной части Манчжурии и перенесения линии обороны на черту Бодунз-Хунчунь, с сокращением ее против прежнего более чем вдвое². Попытка Куропаткина и теперь ввести в договор обещание: 1) «очистить в сем (1901) году» «юго-западную часть Мукденской провинции до р. Ляохэ с передачею Китаю жел. дорог», 2) «очистить в будущем (1902) году остальную часть Мукденской провинции», и 3) только «приступить в 1903 г. к очищению» «южной части Гириньской провинции с г. Гиринем», — не увенчалась успехом, и 22 августа Гирсу было предписано «вступить в объяснения с Ли Хунчжаном по содержанию» даже еще несколько смягченного, против редакции 4 августа, проекта соглашения о полной эвакуации рус-

¹ См. в д. № 75, ч. 4: тел. Ламсдорфа Гирсу от 14 августа 1901 г., и присланный в М. Ф. 6 августа «проект соглашения с Китаем относительно Манчжурии» (ремарка Витте: «ответить, что никаких замечаний не имею»).

² Ср. выше стр. 288 и 315.

ских войск¹. Проект этот, действительно, соответствовал указанным выше трем пунктам инструкции Ли Хунчжану, а ожидания самого Ли даже и превосходил. По крайней мере, при свидании с Гирсом 18 августа, когда проект Ламсдорфа не был еще доставлен в Пекин, Ли Хунчжан, ссылаясь на свои три пункта, предложил однако в секретной ноте дать России обязательство, 1) что «число китайских войск [в Манчжурии] не будет увеличено без предварительного соглашения» с Россией, и 2) что «иностранным не будут предоставляемы концессии в Манчжурии»². Когда же Гирс, исполняя инструкцию Ламсдорфа, потребовал от Ли Хунчжана представления «официального письма», удостоверяющего его полномочия и гарантирующего сохранение тайны переговоров до подписания соглашения, то Ли в тот же день (18 августа) предъявил Гирсу указ богдохана на имя его и Цина в этом смысле³. Таким образом, дело о сепаратном соглашении, казалось бы, не должно было встретить препятствий со стороны китайского правительства и во-время становилось на официальный путь, чтобы предупредить и ожидаемые после эвакуации Пекина «напоминания» держав.

Но вот прошел месяц, и, по тщательном изучении русского проекта, Ли Хунчжан, 23 сентября, мог придумать только четыре к нему поправки, из которых три были чисто редакционными, а одна столь незначительна, что тотчас же была и принята русскими⁴. Между тем, заключительный протокол 25 ав-

¹ См. в д. № 75, ч. 4: письмо Куропаткина Ламсдорфу от 12 августа 1901 г., тел. Ламсдорфа Гирсу от 22 августа и «новую редакцию» проекта соглашения, присланную п. М. Ф. при письме Ламсдорфа от 8 августа 1901 г. В «новой редакции» из ст. 4 был выпущен п. V о выдаче Об-ву Китайской Восточной ж. д. концессии на ветвь «до Великой Стены на границе Манчжурии и Чжилйской провинции», вошедший в первую редакцию очевидно из журнала совещания о передаче Китаю жел. дорог от 28 июня 1901 г. (см. выше, стр. 314).

² См. тел. Гирса от 18 августа 1901 г. в д. № 75, ч. 4.

³ См. там же, тел. Позднеева к Витте от 19 августа/1 сентября.

⁴ См. тел. Лессара от 23 сентября 1901 г. там же. Кроме трех редакционных, Ли Хунчжан просил в ст. 3 фразу о том, что оба правительства заключат «особое соглашение, устанавливающее численность и места расположения ки-

густа/7 сентября был уже давно подписан, к эвакуации Пенина было приступлено, а из Манчжурии не переставали поступать сведения, «в крайне мрачных красках» рисовавшие «положение вещей», которое грозило «полным застоём экономической жизни страны, ее опустошением и разорением», и приводившие в Петербурге к мысли «о том, что вопрос о дальнейших судьбах Манчжурии необходимо разрешить возможно скорее и либо восстановить силу и значение китайской администрации либо взять эту страну в свое ведение и управление»¹. Переговоры, действительно, шли до сих пор черепашим шагом, но когда Витте (28 сентября), ссылаясь на подобные сведения, выразил Ламсдорфу свое нетерпение по этому поводу, переговоры уже «приблизились к благоприятному окончанию», и Ламсдорф, во избежание упреков, предписал Лессару «вступить в окончательные объяснения с Ли Хунчжаном о манчжурском соглашении»². Но именно 30 сентября, когда Ламсдорф успокаивал таким образом Витте, Извольский из Токио только что сообщил, что «Комура весьма озабочен получаемыми из Пекина известиями о возобновлении переговоров о Манчжурии», и Ламсдорф телеграммой, обгоняя собственное успокоительное письмо от того же числа, извещал Витте, что «если Ли найдет возможным обратиться в настоящем деле за советом к другим державам, то Россия вынуждена будет тотчас же прекратить переговоры»³. А когда Ли Хунчжан, точно подслушав обоих петербургских министров, 2 октября со-

тайских войск в Манчжурии», заменить словами, что оба правительства «озаботятся предписать русским военным властям и цзян-цзяням условиться относительно установления» того же. Ср. тел. Витте Ламсдорфу от 26 сентября о приемлемости этой поправки.

¹ См. там же письмо Витте Ламсдорфу от 28 сентября с приложением телеграмм Юговича из Харбина и письмо Ламсдорфа к Витте от 30 сентября 1901 г. С самого начала оккупации Манчжурии не переставали поступать сообщения от русских агентов Китайской Восточной ж.-д. дор. о бесилии русских войск справиться с быстро передвигающимися отрядами «хунхузов».

² См. цит. письмо Ламсдорфа от 30 сентября 1901 г. в д. № 75, ч. 4.

³ См. тел. Ламсдорфа к Витте от 30 сентября 1901 г., там же. — Комура — японский м-р ин. дел.

общил Лессару, что проект соглашения об эвакуации «одобрен двором» и что он, Ли, «хочет немедленно просить эдикт для под-
писания», то на этот раз Лессар «возразил, что об этом не может
быть и речи»¹. Так, при жизни Ли Хунчжана, к обсуждению
этого приемлемого для обеих сторон проекта больше и не при-
ступали, а когда, после его смерти (21 октября ст. ст.), вы-
снился вопрос о новом уполномоченном для переговоров, то
в Петербурге было уже «основание полагать, что некоторые из
заинтересованных держав ныне не только не будут препятство-
вать заключению нами с Китаем соглашения по манчжурским
делам, но даже, повидимому, готовы советовать китайцам воз-
можно скорее покончить с этим вопросом», и Ламсдорф сам уже
измышлял способы, как бы оттянуть возобновление пере-
говоров².

Описанные перипетии с манчжурским соглашением, никак не
связанные с самым его содержанием, могут найти себе исчер-
пывающее объяснение в том, что одновременно и параллельно
с этими переговорами русское правительство начало и повело
в Пекине через представителя Русско-Китайского банка дело
о «частном» соглашении банка с китайским правительством, со-
держание которого и сделалось камнем преткновения для русской
дипломатии. Надо отдать справедливость Позднееву, что как
только Витте 27 июля 1901 г., с одобрения Николая, ответил
на запрос Ли Хунчжана, что выводу войск из Манчжурии
«может весьма содействовать, если китайское правительство вы-
даст Русско-Китайскому банку обязательство, что в Манчжурии
оно не будет давать никому никаких железнодорожных и про-

¹ См. там же, тел. Лессара из Пекина от 2 октября 1901 г.

² См. тел. Ламсдорфа Лессару от 31 октября 1901 г. Ламсдорф предлагал
следующие «доводы» в пользу оттяжки переговоров: «с момента назначения
сроков эвакуации прошло уже около 3 месяцев и наступило время года, когда
с каждою неделей будет затруднительнее приступить к выводу войск из отдаленных
местностей Манчжурии», и Лессару «необходимо будет, предварительно
подписания соглашения, испросить надлежащих указаний для определения
новых сроков эвакуации тех частей войск, которым в течение нынешнего
1901 г. предстояло покинуть известные районы Манчжурии».

мышленных концессий, ранее не предложив их банку», а Ламсдорф через Гирса потребовал от Ли Хунчжана «сохранения полной тайны» — Позднеев сразу же предупредил Витте, что «сохранение тайны в Пекине в данном случае невозможно»¹. Но самый внимательный исследователь не найдет в переписке тех дней ни малейшего указания на то, что предупреждение это возымело какое нибудь действие в Петербурге. Никаких подозрений, повидимому, не вызвало у Витте и то, что Ли Хунчжан, вопреки точному указанию Витте на необходимость предварительного соглашения именно с банком, невинно предложил включить согласие на банковскую монополию и в правительственный договор о передаче Манчжурии, и, как мы уже видели, подsunул такое же предложение после и Гирсу². В Петербурге только педантически стали на том, что договор Русско-Китайского банка с китайским правительством не имеет «ничего общего с вопросом об эвакуации Манчжурии», что русскому посланнику «совсем не следует принимать участия в этом деле» (кроме «всяческой поддержки», оказываемой в таких случаях «русским частным предприятиям»), что достаточно будет получить от китайского правительства обещание полной тайны, а Ли Хунчжану пообещать даже и не весь миллион, а только триста тысяч руб., — и все далее пойдет как то иначе, чем шло в феврале-марте 1901 г.³. Между тем, попрежнему Ламсдорф «главную нашу заботу» усматривал в том, чтобы не допускать иностранных концессионеров к захвату в Манчжурии важных промышленных пред-

¹ См. в д. № 51, ч. 3, доложенную Николаю тел. Витте Позднееву от 27 июля 1901 г., и тел. Позднеева к Витте от 29 июля/11 августа 1901 г.

² См. там же, тел. Позднеева от 27 июля/9 августа 1901 г. Ср. выше стр. 321.

³ См. в д. № 51, ч. 3: тел. Витте от 27 июля 1901 г. (о даче Ли Хунчжану «соответствующего вознаграждения») и его же тел. от 3 августа 1901 г. («ему может быть выдано триста тысяч рублей, но лишь после того, как соглашение будет окончательно утверждено»), и в д. № 75, ч. 4: тел. Ламсдорфа Гирсу от 14 августа 1901 г. и его же тел. от 22 августа Гирсу («официальное сообщение, переданное Вам за подписью Ли Хунчжана и Цина считаем удовлетворительным»).

приятый», и именно поэтому Витте и Ламсдорф оба рассматривали банковское соглашение, как «секретное», и считали, что оно должно быть заключено «ранее нежели будет заключено соглашение о возвращении Манчжурии»¹. Витте и Ламсдорф возрождали целиком прежнюю дипломатическую комбинацию, и нужен был какой то сверхестественный оптимизм рассчитывать, что на этот раз безнаказанно удастся довести «паралельные» переговоры об обоих соглашениях до конца, прикрыв свою игру в частное и государственное тайной, соблюдение которой было заведомо «невозможно».

При первом же разговоре Позднеева с Ли Хунчжаном о деталях банковского соглашения (21 августа), Позднеев вынес «убеждение», что Ли Хунчжан «всеми средствами постарается вести дело одновременно с общим соглашением и для заключения его [т. е. банковского] раньше последнего потребует давление со стороны Гирса», а Ли Хунчжан в свою очередь «требовал точного определения, будет ли Китай иметь право давать концессии иностранцам или нет», считая это для себя вопросом «первейшей важности»². И дальнейшая тактика с русской стороны свелась к тому, чтобы «действуя на Ли Хунчжана известным [Позднееву] обещанием, отнюдь не давать ему повода думать, что мы особенно дорожим соглашением или спешим с его заключением»³. Но еще меньше поводов спешить с отдачей всех возможных концессий Русско-Китайскому банку было у китайцев, и только

¹ См. в д. № 75, ч. 4, тел. Ламсдорфа Гирсу от 18 августа 1901 г., тел. Витте Позднееву от 16 августа, тел. Ламсдорфа Гирсу от 22 августа, и письмо Витте к Ламсдорфу от 23 августа с напоминанием, что банковское соглашение «должно быть заключено ранее или одновременно с соглашением об эвакуации войск, но ни коим образом не после этого последнего».

² См. там же, тел. Позднеева от 21 августа 1901 г. Разговор происходил «в очень дружественном тоне», хотя о вознаграждении Позднеев заговорил только на другой день (с мл. сыном Ли Хунчжана Ли Цзинмайем, который «немедленно поехал докладывать об этом отцу и высказал почти полную уверенность, что соглашение может быть подписано»); см. тел. Позднеева от 22 августа в д. № 51, ч. 3.

³ См. в д. № 75, ч. 4, тел. Витте Позднееву от 23 августа.

24 сентября/7 октября Ли Хунчжан предложил Позднееву представить ему проект банковского соглашения¹. По предъявлении же

¹ См. там же тел. Позднеева от 24 сентября 1901 г. — Ли требовал предъявления Позднеевым формальных полномочий на переговоры, и они были переданы в Пекин по телеграфу Ухтомским, как председ. Правл. банка, 1 октября (см. тел. Ухтомского, там же). — «В вероятном предположении, что это соглашение будет заключено» и так как было «очевидно, что в сказанном соглашении Рус.-Кит. банк является лицом подставным», Витте считал «необходимым» чтобы, когда соглашение будет подписано, Правление немедленно дало м-ву финансов обязательство, что оно все решения, относящиеся до настоящего соглашения будет принимать лишь с одобрения м-ва финансов... и что всякие распоряжения м-ра финансов по этому соглашению, если только они не будут связаны с расходами банка, Правление обязуется выполнять беспрекословно», а затем «при первом же общем собрании это обязательство [Правления] должно быть утверждено общим собранием акционеров». Спроситировать такое обязательство Витте поручил Шипову (см. там же письмо Витте к Шипову от 26 сентября и составленный Шиповым проект «договора» в 7-ми пунктах). — Приводим текст проекта:

«Между русским министром финансов, с одной стороны, и Русско-Китайским банком, с другой стороны, состоялся договор нижеследующего содержания:

Исключительно в силу содействия и покровительства русского правительства Русско-Китайский банк заключил... октября сего года с китайским правительством соглашение о преимущественном праве банка на получение в Манчжурии промышленных концессий. В виду сего Русско-Китайский банк берет на себя перед русским правительством следующие обязательства.

1. Русско-Китайский банк обязуется о всякой концессии, предложенной ему китайским правительством, немедленно ставить в известность министра финансов.

2. Русско-Китайский банк обязуется представлять министру финансов на предварительное одобрение проект всякой концессии, которую он предполагал бы получить от китайского правительства на основании вышеуказанного соглашения с названным правительством. Равным образом, банк будет представлять на предварительное одобрение министра финансов проекты всяких договоров, какие банк имел бы в виду заключить с китайским правительством по поводу означенного соглашения. Банк будет иметь право получить от китайского правительства только те концессии и заключить с ним правительством только те договоры, относительно коих последует согласие министра финансов.

Примечание. На основании выс. утвержденного устава, Русско-Китайский банк имеет право приобретать в Китае концессии на постройку жел. дорог и проведение телеграфных линий. В виду этого, буде возникнет вопрос о выдаче Русско-Китайскому банку, на основании вышеуказанного соглашения с китайским правительством, какой либо другой промышленной концессии в Манчжурии, — банк предварительно получения такой концессии обязан будет ходатайствовать в установленном порядке перед русским правительством о соответствующем дополнении своего устава.

проекта Ли Хунчжану 27 сентября, Позднееву «пришлось выдерживать у него самую бурную сцену», в заключение которой Ли Хунчжан заявил, что «он никогда не осмелится принять на себя ответственность за такое соглашение, которое отдает в руки банка всю Манчжурию» и «безусловно вызвало бы протесты иностранцев», и что «он может вести переговоры лишь о концессиях горных богатств»¹. Бурные сцены не повторялись больше, но и при следующем свидании (2 октября) Ли Хунчжан проявил такое упорство в отпирательстве от данных им Ухтомскому обещаний и в уверениях, что «соглашение в этом виде не будет утверждено богдоханом» и «вызовет протесты держав», что Позднееву оставалось только предположить, «что Китаем приняты в вопросе о Манчжурии какие либо секретные обязательства по отношению к иностранным державам»². Дело было, разумеется,

3. Русско-Китайский банк обязуется, если сие не будет сопряжено с расходами для банка, принимать, по требованию министра финансов, всякую предложенную китайским правительством концессию, равно ходатайствовать перед названным правительством о выдаче банку всякой концессии, которую укажет банку министр финансов.

4. Эксплоатацию концессий, полученных Русско-Китайским банком на основании вышеуказанного соглашения с китайским правительством, банк обязуется передавать акционерным компаниям, образованным по русским законам, или солидным частным лицам, по усмотрению министра финансов. Устав подобных компаний вырабатывается Русско-Китайским банком согласно указаниям министра финансов; при передаче же концессий частным лицам банк должен будет ставить последним такие условия относительно организации предприятия, какие будут указаны министром финансов.

5. Всякая концессия, от которой откажется Русско-Китайский банк, в силу вышеуказанного соглашения с китайским правительством, может быть передана последним тем лицам и учреждениям, которые при эксплуатации этих концессий будут пользоваться исключительно услугами Русско-Китайского банка, как банкира.

6. Русско-Китайский банк обязуется вообще по всем вопросам, так или иначе связанным с вышеуказанным соглашением между банком и китайским правительством, действовать по указаниям министра финансов.

7. Настоящий договор освобождается от уплаты каких либо пошлин или сборов в пользу казны».

¹ См. тел. Позднеева от 26 сентября, с полным текстом соглашения, и от 27 сентября 1901 г. в д. № 75, ч. 4.

² См. в д. № 75, ч. 4, тел. Позднеева от 2 октября 1901 г.

не в оформленных обязательствах, а в уверенности, что и иностранцы не согласятся «отдать в руки банка всю Манчжурию», и прав был Ламсдорф, еще раньше заподозревший, не скрыто ли за тревогой, овладевшей в конце сентября Комура по поводу известий о возобновлении русских переговоров, прямое обращение «за советом» к японцам самого Ли Хунчжана. А через несколько дней это подозрение, что Ли нарушил обещание тайны переговоров, подтвердилось дважды: 9 октября промелькнуло в Петербурге не совсем ясное по своему происхождению известие, что «Ли обратился к правительствам Англии и Японии о вмешательстве по делу о Манчжурии, но потерпел неудачу», а 12 октября и сам Ли Хунчжан сознался Позднееву, что текст соглашения «совершенно непонятным для него образом уже известен японскому правительству»¹. Однако, пока опасность «несоответствующих достоинству России выступлений» иностранцев пронеслась мимо, и до самой своей смерти Ли Хунчжану пришлось продолжать ни к чему не ведущие разговоры о банковском соглашении, то внося мелкие поправки в его текст, то принимая его целиком, то ссылаясь на необходимость посоветоваться с Циню, и доведя, наконец, Витте своей «двоедушной системой действий» до угрозы «ничего не заплатить ему» (14 октября), если он попросту «в ближайшие дни» не подпишет соглашения². Под самый конец, видимо, все предлоги у Ли Хунчжана были исчерпаны, и он попробовал «изменить систему действий»: в последний день он уверял уже Позднеева, что «на соглашение с банком он и Цин согласны, но оно должно быть подписано одновременно с общим соглашением, что же касается общего соглашения, то он и Цин находят его правильным, но двор опасается протестов иностранцев и потому не дает разре-

¹ См. там же, тел. секретаря М. Ф. Шипову от 9 октября и тел. Позднеева от 12 октября 1901 г.

² См. тел. Позднеева от 17 сентября, 12 и 13 октября, и тел. секретаря М. Ф. Шипову от 10 октября 1901 г., в д. № 75, ч. 4, и тел. Витте Позднееву от 14 октября в д. № 51, ч. 3.

шения на подписание», и Ли просил Позднеева переждать две недели до возвращения Цина, уезжавшего к двору, чтобы там лично доложить о необходимости подписать оба соглашения¹. А когда, после смерти старика, Витте запросил Позднеева, что он теперь «думает делать» и имеет ли возможность «заинтересовать влиятельных лиц так же, как был заинтересован Ли Хунчжан», то оказалось, что все нужно начинать сначала, так как «с потерей Ли Хунчжана и Сюй Цзинчена [погибшего еще в 1900 г.] не только вся наша партия осталась совершенно без опоры, но и среди высших центральных властей нет, повидимому, ни одного лица, могущего смело и ответственно вести сношения с иностранцами», и «заинтересовать кого либо материально» пока было «преждевременно»².

Для русской дипломатии в Пекине со смертью Ли Хунчжана создавалось субъективно совсем новое положение, и судьба, в сущности, упершихся уже в тупик переговоров не на шутку бы должна была встревожить петербургских оптимистов, если бы им не казалось, что они еще не отыграли всех своих козырей.

VIII.

Если бы при жизни Ли Хунчжана переговоры ограничились одним договором об эвакуации войск и возвращении жел. дорог, то китайское правительство едва ли бы тянуло со своими ничтожными поправками до тех пор, пока не убедилось, что двинуть общее соглашение нельзя, не приняв переговоров с банком (24 сентября), и нетерпеливое обращение Витте к Ламсдорфу (28 сентября) с жалобами на затягивание неопределенного поло-

¹ См. в д. № 75, ч. 4, тел. Позднеева от 17 октября 1901 г.

² См. в д. № 51, ч. 3, телеграммы Витте Позднееву от 25 октября и Позднеева к Витте от 26 октября 1901 г. Пока Позднеев дал распоряжение «нашим агентам завязать дружественные сношения со всеми вновь прибывающими чиновниками, пользующимися расположением Вань Вэншао и Юань Шикая, при чем разрешил кредит на угощения и подарки в 500 лан» (около 700 р.). Витте разрешил этот расход телеграммой от 27 октября (см. там же).

жения в Манчжурии было совсем справедливо парировано Ламсдорфом простой ссылкой на задержку, которую причиняет всему делу «некоторая медленность переговоров Позднеева о закреплении за Русско-Китайским банком прав на концессии в Манчжурии, до завершения коих посланник наш лишен возможности подписать означенное [общее] соглашение»¹. Если здесь не было чего-нибудь другого, то это было вторичное совпадение, что Ли Хунчжан сделал решительный шаг и потребовал у Позднеева текст проекта банковского договора и письменных полномочий на его подписание 24 сентября, а на другой день, 25 сентября/8 октября, Гаяси в Лондоне получил по телеграфу из Токио предписание сделать такой же решительный шаг — покончить «частные» разговоры с Лэнсдоуном и, уступая его желанию, «формально» приступить к «переговорам» о союзном договоре на основе тех общих положений, которые Гаяси успел согласовать с Лэнсдоуном в еще более «откровенных разговорах», чем первая их беседа, имевшая место, как мы видели, 18/31 июля по инициативе английской стороны: а Гаяси тогда уже не скрыл от Лэнсдоуна, что хотя «интересы Японии в Манчжурии являются делом второстепенным, но в виду опасения, что Россия, заняв Манчжурию, постарается присоединить Корею, Япония не намерена допускать Россию в Манчжурию и желает, чтобы в случае возникновения войны между нею и Россией [след. не только из-за Кореи, но вместе с тем и из-за Манчжурии], последней не было оказано поддержки со стороны других держав»².

Нет никакого сомнения, что этот капитальный факт остался вне поля зрения русской дипломатии. Зато с самого начала старого сентября в Петербурге были точно осведомлены о предстоящей в ближайшем будущем поседке 6. японского премьера Ито, «минуя Англию», «прямо во Францию с секретным планом выведать, как примет Россия предложение через Париж проекта

¹ См. цит. выше письмо Ламсдорфа к Витте от 30 сентября 1901 г. в д. № 75, ч. 4.

² См. «Записки Гаяси», в Изв. М. И. Д., 1913 г., кн. V, стр. 325.

союза с Японией»¹. Фигура Ито настолько приковала к себе внимание русской дипломатии, что и после опубликования англо-японского союзного договора (30—31 января ст. ст. 1902 г.) в петербургских кругах прочно установилась версия, пущенная потом в широкую публику Витте, что «Ито был встречен в Петербурге весьма холодно», был «трактван en quantité négligeable», «не получил от нас определенного ответа», «отправился непосредственно вслед за тем в Англию, был там принят с распростертыми объятиями», и «немедленно вслед затем был заключен союзный договор Японии с Англией»². Понятно, что доходявшие, как отмечено выше, в сентябре — октябре 1901 г. до Петербурга намеки и прямые указания на то, что Пекин вовлекает Токио и Лондон в тайну русско-китайских переговоров о Манчжурии, могли не вызывать серьезного беспокойства в Петербурге: именно под аккомпанемент подобных известий Ито двигался тогда уже из Токио в восточном направлении (через Америку) на приманку займа, поставленную Витте в Париже еще в начале июля 1901 г., при чем в самый последний момент из Петербурга были приняты меры к тому, чтобы Делькассэ не давал Ито прямого ответа о займе и подготовил того «в общих чертах», какие политические условия займа ждут Ито в России³.

¹ См. тел. агента М. Ф. в Японии Алексева из Июкогамы от 2 сентября 1901 г., получившего это сведение от французского консула. Только во второй половине октября к М. Ф. получено было подробное доведение о том же, с приложением и копий соответствующего доведения француза своему правительству в Париж (см. д. № 12).

² См. Витте, «Восп.», I, стр. 133 сл., Морской, «Разочарования в честном маклерстве. Т. Рузвельт и Портсмутские совещания», М., 1911, стр. 12, и «Пролог и т. д.», стр. 189.

³ См. письмо Ламсдорфа к Витте от 29 октября 1901 г. в д. № 12: «сегодня я передал Бутирону памятную записку для руководства Делькассэ в виду переговоров его с маркизом Ито. При этом я заметил ему вскользь, что Франции конечно невозможно способствовать японскому займу, не зная насколько обеспечен мир на Д. Востоке, сохранение же мира и спокойствия находятся в прямой зависимости от хороших отношений между Россией и Японией. Мы желаем установления таковых отношений, ничего лишнего не требуем, но не можем отказаться от наших прав и известных условий, на которые я и указываю

А то обстоятельство, что попытка Ли Хунчжана (в начале октября) вызвать вмешательство Японии и Англии по видимости потерпела неудачу, могло наводить на мысль, что текстуальное содержание банковского соглашения оставалось в секрете, тем более, что и сам Ли Хунчжан, делая свое признание Позднееву 12 октября, относил его только к общему соглашению о выводе войск¹. Во всяком случае, после смерти Ли Хунчжана, Ламсдорф приступил, 31 октября, к обсуждению создавшегося положения, исходя из мысли, что главная тайна (о банковском соглашении) еще не прорвалась наружу и что этой неприятности можно ожидать теперь от новых людей, пришедших в пекинское правительство после смерти б. канцлера². Но именно теперь, в конце октября — начале ноября, Ито должен был быть уже в Париже и можно было считать, что ожидаемые франко-русские переговоры с ним начались³. Невольный перерыв пекинских переговоров представлял при таких условиях для русской дипломатии даже некоторое удобство, давая формальный предлог при возобновлении их ставить дальше все вопросы на выбор: или ничего не меняя, или совсем заново, смотря по тому, как подсказали бы обстоятельства после свидания с Ито. Так уж совпало при этом, что сами китайцы возобновили переговоры только после месячного перерыва, когда Ито побывав уже в Петербурге, был на обратном пути через Берлин в Париж⁴.

Ито пробыл в Петербурге 10 дней (с 11 по 21 ноября ст. ст.)

в общих чертах. Таким образом я надеюсь, что Ито будет достаточно подготовлен к предстоящим ему в СПб. разговорам, а во Франции до заключения займа будут осторожно выжидать результатов пребывания Ито в России».

¹ Это признание Ли Хунчжан делал Позднееву как раз в тот момент, когда, исчерпав все ухищрения для оттяжки банковского соглашения, он переменил свой «образ действий» и, не телеграфируя еще двору о соглашении с банком, начал строить препятствия с общим соглашением (см. тел. Позднеева от 12, 13 и 17 октября 1901 г. в д. № 75, ч. 4).

² См. тел. Ламсдорфа Лессару от 31 октября 1901 г. в д. № 75, ч. 5.

— ³ Ито приехал в Париж 1 ноября ст. ст.

⁴ Цин вызвал Позднеева в первый раз 28 ноября. Ито выехал из Петербурга 21 ноября. См. тел. Позднеева от 28 ноября 1901 г. в д. № 75, ч. 5.

внешне был принят «блестяще», «необычайно дружелюбно» и «с особой внимательностью», и к концу своего пребывания имел несколько бесед не только с Ламсдорфом, который, «оставаясь все время удивительно корректным», «естественно» «мог отвечать Ито лишь общими местами», но и с Витте, который, как «не дипломат», говорил с ним «более откровенно и определенно»¹. Совокупность тех немногочисленных данных, какими располагаем об этом моменте (который едва ли можно назвать решительным в судьбах русско-японских отношений в виду уже принятых тогда непоправимых шагов Японии в Лондоне), ведет все же к заключению, что русская дипломатия (в глазах которой момент должен был представляться именно решительным потому, что она и не подозревала, как далеко зашли уже англо-японские переговоры), не отдавала себе отчета в истинном положении вещей, т. е. в том, на каких условиях возможно было бы в тот момент заставить японское правительство отказаться от заканчиваемой им подготовкой войны с Россией из за Манчжурии.

Уже в «устном обмене мнений», происходившем между Ламсдорфом и Ито 19 ноября, выяснилось, что Япония хотела бы «устранить в корейских делах влияние всякой другой иностранной державы» и получить свободу одной «давать советы корейскому правительству и помогать ему», «даже военной силой, в случае беспорядков в стране или столкновений с другими державами», а взамен этого готова предоставить России «впредь» свободу действий в Китае, если бы «события прошлого [1900] года», что «весьма возможно», «повторились в недалеком будущем» там. Это не означало, разумеется, что Ито уже сейчас предлагал России свободу действий относительно Манчжурии, и именно в этой связи Ито намекнул, что то, что имеет Россия

¹ См. донесение германского посла в СПб. Альвенслебена от 4 декабря н. ст. 1901 г., опубли. в «Die Grosse Politik», 17. В., стр. 144—145, и донесение Алексеева из Йокогамы от 25 марта 1902 г. о свидании его с секретарем Ито, Сузуки, который, по поручению своего патрона, так именно характеризовал беседу Ито с обоими министрами, в д. № 97.

в Манчжурии, — манчжурская жел. дорога — получено ею исключительно благодаря японско-китайской войне. Поняв этот намек, как намек на то, что пока (т. е. «впредь» до наступления подходящих для русского вмешательства в Китае обстоятельств) манчжурская дорога может служить достаточной компенсацией России за уступки Японии в Корее, Ламсдорф парировал его замечанием, что дорога «отвечает еще более японским интересам, нежели русским». А в ответ на это Ито и выдвинул мысль о предоставлении Японии «тарифных льгот». Но его замечание, при этом, что Ламсдорфу надлежит еще «уговорить» на то министра финансов, свидетельствовало, повидимому, о том, что Ито или уже пробовал заговаривать об железнодорожных тарифах Китайской Восточной жел. дор. с самим Витте и потерпел неудачу, или, что он и сам прекрасно отдавал себе отчет, что последней уступкой, вместе с которой для Витте ставился бы уже вопрос об интернационализации русских жел. дорог в Манчжурии, был именно отказ от тарифного покровительства русской торговле с Манчжурией. Как формулировал впоследствии Витте в своих Воспоминаниях, Япония готова была «примириться» «с фактом захвата Квантунской области» и сооружения дороги к Порт-Артуру, «но с тем, чтобы мы вывели из Манчжурии наши войска» и «затем ввели бы в Манчжурии политику открытых дверей»¹.

Когда же при вторичном свидании (вероятно, 20 или 21 числа) Ито предъявил свои «условия» в письменном виде, то они оказались, на взгляд Ламсдорфа, «лишь перечнем весьма широких льгот, которые Япония желает выговорить в свою пользу», и Ито, естественно, предложил Ламсдорфу самому «оформить»

¹ См. письмо Ламсдорфа к Витте от 27 ноября 1901 г. в д. № 12, с изложением бывших у Ламсдорфа двух бесед с Ито. — Ср. «Устный обмен мнений между российским министром иностранных дел и маркизом Ито», опубликованный в изд. М. И. Д. «Обзоре сношений с Японией по корейским делам с 1895 г.», СПб., 1906, стр. 68 сл., и представляющий собою отрывок из названного письма к Витте от 27 ноября. Ср. также, Витте, «Восп.», I, стр. 183.

те требования, которые он считал бы «достаточной компенсацией за права, приобретаемые Японией в Корее»¹. Но ждать ответа Ламсдорфа в Петербурге Ито уже почему-то не стал, и русский контр-проект пришлось высылать ему вдогонку через японскую миссию в Берлине. Составленный Ламсдорфом проект был представлен Витте на заключение 27 ноября, и Витте, внося в него две незначительные поправки (сейчас же и принятые Ламсдорфом без возражений), в остальном согласился с теми изменениями, которые Ламсдорф внес в текст, предложенный Ито, и в результате русский текст, сравнительно с японским, принял следующий вид²:

«1. Взаимная гарантия независимости Кореи.

«2. Взаимное обязательство (*или Япония обязуется*)³ «не пользоваться никакой частью корейской территории «в стратегических целях [друг против друга].

«3. Взаимное обязательство (*или Япония обязуется*)³ «не делать на корейских берегах никаких военных приготовлений, угрожающих свободному проходу через Корейский пролив.

«4. Признание Россией свободы действий Японии «в Корее в [политическом] промышленном и коммерческом отношении, равно как и *преимущественного* [исключительного] права Японии приходить, *по соглашению с Россией, но единолично*, на помощь Корее советами «[и делом], направленными к содействию ей в исполнении

¹ См. письмо Ламсдорфа к Витте от 27 ноября 1901 г. в д. № 12.

² См. письмо Витте к Ламсдорфу от 28 ноября 1901 г. в д. № 12 (оно напечатано у Глинского, «Пролог и т. д.», стр. 243 сл., как относящееся будто бы к ноябрю 1902 г.). Витте предложил не вносить изменений в японский текст 2 и 3 статей, а во 2-й вычеркнуть только слова «друг против друга». — Обычным шрифтом берется текст, общий обоим проектам; курсивом — русские поправки; разрядкой в прямых скобках — слова японского текста, выпущенные в русском. Японский и русский проекты см. в «Обзоре сношений с Японией по корейским делам с 1895 г.», СПб., 1906 г., стр. 67 и 71.

³ Русский проект оставлял японцам на выбор обе формулировки: или взаимную, или одностороннюю.

«обязанностей, падающих на всякое благоустроенное правительство, включая сюда и военную помощь, насколько она окажется необходима для подавления восстаний и всякого рода беспорядков, способных подвергнуть опасности мирные отношения Японии и Кореи.

«5. В случае, предусмотренном в предшествующей статье, Япония обязывается посылать в Корею лишь безусловно необходимое количество войск и отзываться войска, как только назначение их будет отменено. Условлено, вместе с тем, что японские войска никогда не перейдут границы области, наперед точно определенной и расположенной вдоль и вблизи русской границы¹.

«6. С своей стороны, Япония признает преимущественные права России в областях китайской империи, «соприкасающихся с русской границей, и обязуется ни в чем не стеснять свободы действий России в этих областях.

«7. Настоящее соглашение заменяет собою [все] прежние соглашения».

Сопоставление японского и русского текста ведет к заключению, что оба министра отвергали исключительную свободу действий Японии в Корее и совершенно отвергали ее в политическом отношении, относительно же прилегающих к русской границе областей Китая (не Манчжурии только, а, как можно было видеть, в размере известной японцам заявки, сделанной Россией и отвергнутой Китаем еще в феврале 1901 г.) потребовали для России свободы действий, без ограничения ее в политическом отношении, не частичной, а полной («ни в чем»), и не на случай каких-либо новых событий в Китае, как соглашался устно Ито, а теперь же. В своих контр-предложениях Витте-Ламсдорф явственно отступали от формулы: «вы берете

¹ Очень возможно, что весь п. 5 внесен был по указанию Витте: см. «Записки» Гаяси в Изв. М. И. Д., 1913 г., кн. V, стр. 330.

Манчжурию, мы берем себе Корею», которой Витте опасался с японской стороны еще летом 1900 г., и приближались к формуле: «мы берем себе Манчжурию на всей нашей воле, а вам Корею отдаем не на всей». Есть одно косвенное указание, что Витте не только одобрил дипломатические формулировки проекта Ламсдорфа, но и сам, при личных свиданиях с Ито в Петербурге («особенно во второй раз»), как «не дипломат», «откровенно» и «более определенно» высказывался в том же смысле. Четыре месяца спустя, Ито так пересказал эту вторую беседу с Витте: когда Витте «формулировал точно все задачи императорского русского правительства в Манчжурии и маркиз Ито спросил его, какая в таком случае могла бы быть для Японии компенсация в Корее, Витте ответил: «раз вы исполните все наши требования в Манчжурии, то—все, что хотите (*tout ce que vous voulez*)»¹. И читая это место донесения своего агента в Японии, Витте пометил против приведенных слов Ито: «вранье». Значит, Витте не обещал относительно Кореи «все, что угодно», и ограничения, которые он имел в виду и в беседах с Ито, потому и вносились Ламсдорфом в русский контр-проект, что не рисковали встретить и действительно не встретили возражения со стороны Витте².

¹ См. донесение Алексея из Иокогамы от 25 марта 1902 г. в д. № 97.

² Ср. еще интервью с Ито, опубликованное в японской газете «Хочи Симбун» от 22 июня 1902 г. На заявление Ито, что «если Корея будет признана входящей в сферу исключительных японских интересов, то нет сомнения, что мир на востоке уже не будет подвергнут опасности», Витте ответил: «совершенно верно, если только России дадут занять пункт на южно-корейском побережье, то она готова немедленно отказаться от всяких притязаний на Корею». Но, если под этим пунктом подразумевается Масамо, то «Япония», — заметил Ито, — «не может согласиться на подобный компромисс, ибо Масамо — это Гибралтар Корейского пролива; потерять его, значит потерять всю Корею» (см. в д. № 12). Когда в 1899 г. по настоянию морского ведомства, с самого начала указывавшего на неудовлетворительность Порт-Артура, приобретался участок береговой полосы в Масамо, и-во финансов заявляло, что приобретение земельных участков «представлялось бы желательным» не только в Масамо, но и в Сончжинпо и в Пеньяне, но «особенно в Масамо». См. в д. № 55 письмо Витте к Муравьеву от 22 апреля 1899 г. Договор о Масамо см. в «Сб. дог. и дин. док. по делам Дальнего Востока», СПб., 1906, стр. 388 сл.

Но если бы даже Ито точно передавал, может быть и сорвавшееся в «откровенной» беседе, выражение Витте, то и это не характеризовало бы его подлинного отношения к судьбе Кореи в данный момент. Именно тому, что касалось Кореи, Витте и не придавал серьезного значения в проектированном договоре. Внедрение Японии в Корею он рассматривал, как явление весьма кратковременное и создающее выгодное для России исходное положение на будущее: «когда *вполне закончится постройка дорог* и утвердится наше влияние на севере Китая», Япония будет «в значительной мере обессилена» «громадными затратами» в Корее, что облегчит России «вновь овладеть Кореей, если обстоятельства того потребуют»¹. Так же понимали дело и немцы, что Ито нельзя было обмануть в Петербурге «блестящим приемом», который объяснялся лишь необходимостью для России «задержать преждевременное обострение противоположности интересов России и Японии» — «до 1904 года!»². Между тем русская дипломатия, требуя себе теперь «свободы действий» в Манчжурии, как будто, серьезно исходила из мысли, что в Японии отсчитывают сроки хуже, чем в Петербурге и в Потсдаме, и не понимают всей силы контрверзы, неистребимой между Россией и Японией пока в той или иной степени Манчжурия будет в руках России, а Корея — Японии, что, как мы видели, и выставил на вид Гаяси Лэнсдоуну летом этого года³.

Неудивительно, что Ито, получив в Берлине так неловко составленный контр-проект, «откровенно» ответил в Петербург, что одни уже формулировки п.п. 4 и 6 дают ему «серьезное основание сомневаться относительно целесообразности рекомендовать» русский проект токийскому правительству «в качестве

¹ См. письмо Витте к Ламсдорфу от 28 ноября 1901 г. в д. № 12.

² См. «Die Grosse Politik», 17 B., № 5042, донесение Альвенслебена из СПб. от 4 декабря я. ст. 1901 г. Слова: «bis 1904!», приписаны были на поле Вильгельмом.

³ См. выше, стр. 330.

основы будущих переговоров»¹. Если не предположить, что Ито, уезжая из Петербурга 21 ноября, ничего не сообщил в Токио о содержании своих петербургских разговоров, то встает вопрос: совет «генро», в присутствии императора, в Токио, «громадным большинством» вынесший окончательное решение о подписании англо-японского союзного договора 25 ноября/7 декабря 1901 г., не принимал ли это решение, уже осведомленный о том, чего хочет Россия в Манчжурии, — не со слов Ламсдорфа, который преимущественно говорил о Корее, а со слов Витте, который, если верить интимному сообщению Ито, «откровенно» и «точно» изложил во второй их беседе, чего он там хочет (очевидно, сверх простого *statu quo ante*, раз после этого встала речь о «компенсации» Японии в Корее)². Во всяком случае, единственное, о чем заикнулся Ито для Японии в Манчжурии, была «открытая дверь», над совершенным закрытием которой в это самое время упорно работала и продолжала работать без передышки потом, после отъезда Ито, дипломатия Витте³. Ответ Ито, в вежливой форме отклонивший мысль о соглашении, именно так и не был понят в Петербурге тогда, и русская дипломатия не подозревая, что Ито спешно выехал из Петербурга 21 ноября, уже имея в руках полученный накануне окончательный проект союзного договора с Англией, некоторое время не расставалась еще с мыслью, что японское правительство проявляет сдержанность

¹ См. письмо Ито Ламсдорфу от 10/23 декабря 1901 г. в изд. М. И. Д. «Обзоре сношений с Японией по корейским делам», стр. 74—75.

² См. О. Franke, «Die Grossmächte in Ost-Asien», стр. 198. Гаяси, в своих «Записках» вкладывает в уста Ито утверждение, что он после разговоров с Ламсдорфом и Витте «мог надеяться на заключение соглашения с Россией», о чем и протелеграфировал в Токио. Трудно допустить, чтобы Ито не указал в телеграмме хотя бы вкратце условий, на каких в Петербурге готовы были сделать уступки Японии в Корее. Тем более, что на совещании, перед отъездом Ито в Европу, в Токио имели в виду «условие о свободе действий России в Манчжурии» «признать лишь в крайнем случае» (см. Изв. М. И. Д., 1913 г., кн. V, стр. 330 и 327).

³ Еще до возвращения Ито в Токио Алексеев из Июкогамы доносил от 7 января 1902 г., что «здешнему правительству заявлено *официально*, что намерения России относительно Манчжурии останутся „непреклонны“».

в отношении возобновившихся русско-китайских переговоров, яко бы в ожидании «подробного доклада» Ито¹.

Когда вслед затем в Пекине, через три дня после токийского решения, 28 ноября, Цин вызвал к себе Позднеева для объяснений о банковском соглашении, и русская дипломатия получила повод продолжить переговоры с Китаем, упоенная иллюзией относительно возможности купить полное невмешательство Японии в Манчжурии ценой неполных уступок ей в Корее, дело было поведено так, как будто ничего не случилось. Формула: «сначала банковское соглашение, потом общее» — осталась в силе; «никаких иностранцев в Манчжурии» — тоже. Но переговоры пошли и дальше медленным темпом не только потому, что общее соглашение цеплялось за банковское, но и потому, что Витте решил и по существу дать бой китайцам, отказываясь принять предложенные ими поправки к проекту общего соглашения. Поддержанный приездом Ито оптимизм был в Петербурге настолько непоколебим, что начиная с первых признаков явного дипломатического шевеления врагов России в декабре 1901 г. и до самого оглашения англо-японского союзного договора в конце января 1902 г., оба собеседника Ито упорно держались раз взятого курса. Цин предложил «некоторые изменения, отчасти лишающие финансовое [т. е. банковское] соглашение монопольного характера», в виде основной фразы: «если Китай будет не в состоянии сам эксплуатировать концессии, то тогда все такие концессии предоставляются Русско-Китайскому банку»². Поправка Цина

¹ Проект англо-японского договора был доставлен Ито в Петербург с курьером 20 ноября/3 декабря 1901 г. на заключение (см. Изв. М. И. Д., 1913 г., кн. V, стр. 329). Сбивала со следа обоих русских министров своя же агентура, то сообщая о невозможности для Японии займа в Париже, то объяснял отказ Японии в начале января вмешаться вместе с Англией в русско-китайские переговоры надеждою ее на соглашение с Россией, то вновь сообщал о продолжении в Париже японских переговоров о займе (см. в д. № 12 тел. посла в Париже от 26 декабря 1901 г., письма Ламсдорфа к Витте и Витте к Ламсдорфу от 7 и 10 января 1902 г.).

² См. тел. Позднеева от 28 ноября 1901 г. и тел. Лессара от 30 ноября т. г. в д. № 75, ч. 5.

прямо вытекала из 2-го п. инструкции, данной еще Ли Хунчжану (право Китая «извлекать из Манчжурии все выгоды»), но конечно была теперь отвергнута Витте из опасения, «что под флагом китайского правительства или концессионеров-китайцев явятся иностранцы». Вместо этого Цину предложили мысль об учреждении при банке «особого китайского отделения», которое заведывало бы делами концессий в Манчжурии и которое, впрочем, «сделать впоследствии фиктивным не представит больших затруднений», — и затем на целый месяц (до 5 января) приняли «выжидательный образ действий, ожидая, чтобы инициатива исходила от китайцев»; а те, конечно, тоже умолкли¹. Вместо этого, китайцы возобновили разговор об общем соглашении с посланником, и к 15 декабря в Петербург были представлены следующие поправки к русскому проекту: 1) эвакуация русских войск не к осени 1903 г., а к концу 1902 г. в три четырехмесячных срока, 2) численность и расположение китайских войск по взаимному соглашению обеих сторон устанавливаются только «на время пока не выведены русские войска», после же эвакуации увеличение или уменьшение китайских войск в Манчжурии производится не по взаимному соглашению, а лишь «при своевременном оповещении» России, 3) опускается запрещенное «орудий» в китайской полицейской страже, 4) опускается «обязательство» Китая, что иностранные войска не будут занимать территории возвращаемых Китаю жел. дорог, и заменяется обязательством «не позволять» иностранным (не войскам, а) державам занимать их, 5) все затраты России на возвращаемые жел. дороги будут возмещены Китаем (не по простому указанию Россией суммы, как молчаливо подразумевалось в русском проекте, а) «по обсуждении с русским правительством»². Нам неизвестно, были ли

¹ См. телеграммы Позднеева от 28 ноября и 5 декабря и Витте от 1 декабря 1901 г., там же.

² См. тел. Позднеева от 7 декабря о первом предварительном визите к посланнику целой группы китайских уполномоченных (Цина, Вань Вэньшао, Лянь Фана и Такшина), и письмо Ламсдорфа к Витте от 15 декабря с приложением текста поправок, предложенных китайцами, в д. № 75, ч. 5.

эти поправки представлены на заключение, например, Куропаткина, но для судьбы их было достаточно и того, что ни одной из них не принял Витте—под предлогом их «мало определенной редакции, которая облегчит им [китайцам] возможность впоследствии уклоняться от исполнения» договора¹. Но даже самый, хотя бы и неблагоприятный, ответ китайцам на эти поправки Лессар, не встретив на то возражений из Петербурга, решил отложить, пока Цян не возобновит разговора о банковском соглашении. Когда же Покотилов, после долгой отлучки только что вернувшийся в Пекин, явился 30 декабря к Цину убеждать того, что «Китай гораздо больше заинтересован в скорейшем подписании [банковского] соглашения, чем мы», из Токио в Пекин было уже дано знать, что между Японией, Америкой и Англией идет «обмен мыслей по вопросу о манчжурском соглашении»². И обращение Покотилова прозвучало каким-то двойным парадоксом, так и оставшись втуне.

Весть о тройном сговоре, по тотчас же наведенным Ламсдорфом справкам у Кассини в Вашингтоне и у Извольского в Токио, показалась в Петербурге неверной: Извольский благо-

¹ См. письмо Витте Ламсдорфу от 17 декабря 1901 г., там же.—Витте находил, 1) что сокращение сроков эвакуации «было бы сопряжено с некоторыми неудобствами в виду того, что к этому времени мы не успеем вполне оборудовать Китайскую Восточную жел. дор. и численность Заамурского округа пограничной стражи не будет еще доведена до предполагаемой цифры» (25 тыс. чел.), 2) что «возможно большее ограничение численности китайских военных сил» «ставилось одним из главных условий утищения нами Манчжурии, и отступить от этого условия в настоящее время, казалось бы, нет оснований», 3) что если не запретить орудий, то из полицейской стражи образуются «артиллерийские части», 4) что дело не в «позволении» китайского правительства «иностранный державе» «оккупировать» жел. дор., а в том, чтобы Китай был ответствен за простое появление там «иностранных войск», 5) что затраты должны быть возмещены «предварительно» передачи ж. д. и без всякого обсуждения. — Сумма возмещения исчислялась ок. 1.120 тыс. руб.,—«тяжелое условие при безденежном Китае» (см. тел. Лессара от 3 ноября 1901 г. в д. № 75, ч. 5).

² См. в д. № 75, ч. 5, тел. Покотилова от 26 и 30 декабря и тел. Лессара от 31 декабря 1901 г.; ср. донесение Алексея из Иокотамы от 29 декабря в д. № 97.

душно утверждал, что «Япония от каких-либо соглашений» о вмешательстве в русские переговоры «отказалась наотрез», и кивал «на несомненно искренний образ действий наших американских друзей», но Кассини «зондировал» Гэя, и Гэй «заверил» Кассини в том, что Россия может положительно рассчитывать на дружественное отношение С. Ш. А. в настоящем деле». Так как при этом французский посланник в Токио получил из Пекина сведения, что «Япония отказалась присоединиться к предложенному английским посланником . . . плану совместного вмешательства в манчжурский вопрос, что будто бы объясняется надеждою токийского кабинета на соглашение с нами о Корее», а по собранным сведениям Ито доедет до Токио, где и сообщит «подробности», только «в конце февраля н. ст.», то в Петербурге опять не придали значения как будто холостому выстрелу английской дипломатии и поверили, чему больше хотелось¹. Возобновляя теперь, в январе, после месячного перерыва, переговоры о банковском соглашении, Витте попрежнему *фактически* ни в чем не соглашался отступить ни от монополии банка, ни от устранения иностранцев от всяких предприятий в Манчжурии и готов был только на такие изменения формулировок, которые шли бы навстречу желанию Цина «спасти лицо китайского правительства перед своими подданными». В результате к 15 января обе сто-

¹ См. донесение Алексева из Иокогамы от 7 января 1902 г., и письмо Ламсдорфа к Витте от 5 января 1902 г. в д. № 75, ч. 5, и письмо его же от 7 января 1902 г. в д. № 12. Алексеев из Иокогамы предостерегал, что вокруг Извольского ведется «интрига» и что он ошибочно представляет себе дело так, будто Япония «наотрез отказалась», между тем как она лишь временно «уклонилась пока от ответа и сохранит [Алексеев здесь спотыкался все о то же] выжидательное положение до возвращения Ито из Европы». Именно, уверенный в последнем, Алексеев не прибег к телеграфу, а отправил донесение почтой, в расчете что оно дойдет до Петербурга через месяц, а Ито «ожидается не ранее конца февраля». Об американцах Алексеев тоже предупреждал, что они ответили на английское предложение согласием и «всегда пойдут рука об руку с Англией в желании отрицательного разрешения специального договора России относительно Манчжурии».

роны уперлись в разногласие, которое в спорной части проекта приобрело следующий вид¹:

«... впредь или китайское правительство будет действовать [в Манчжурии] само на собственные средства, т. е. без всякого участия иностранного капитала и иностранных подданных, или же китайцы и китайские общества, действуя самостоятельно и на собственные средства, т. е. без всякого участия иностранного капитала и иностранных подданных, будут с разрешения китайского правительства эксплуатировать всякого рода горные, железнодорожные и другие промышленные предприятия в Манчжурии, при чем в этих случаях на Русско-Китайский банк, как на учреждение, оперирующее на капиталы обоих государств, должно быть возложено финансирование этих дел. Если не окажется таких китайских обществ и лиц, то преимущественное право эксплуатации будет предоставлено Русско-Китайскому банку. Если же банк откажется, то эксплуатация может быть разрешена другим лицам или обществам, которые пользуются исключительно услугами Русско-Китайского банка, как банкира, но непременно на тех же условиях, на которых они предлагались банку... Договор этот не касается прочих коммерческих дел, относящихся до торговли в открытых портах (и ни мало не вредит предоставленным по договорам правам торгового обмена)».

Наконец, когда в Петербург 18 января 1902 г. были доставлены перехваченные телеграммы японского посланника в Пекине в Токио от 10/23 и 11/24 января о том, что и Юань Шикай

¹ Ср. тел. Витте Покотилову от 5 января, тел. Покотилова от 11 января, тел. Витте от 15 января и сводный текст проекта соглашения, датированный в канц. М. Ф. 15 января 1902 г. В воспроизводимом отрывке проекта курсивом набраны слова, на которых настаивал Витте и на которые не соглашался Цин; разрядкой в круглых скобках — слова, на включении которых настаивал Цин, а не соглашался Витте.

и Вань Вэньшао дали ему знать о подписании в ближайшем будущем обоих русских соглашений и что между ним и английским и американским посланниками условлено «сегодня же» сделать представление Цину, — то и тогда в Петербурге еще не потирали «уверенности», что Покотилов и Лессар «успеют довести до желаемых результатов дело»¹. Так же точно и Витте, получив 21 января телеграмму Покотилова, что Цин готов отказаться от абзаца о торговом обмене и уточнить понятие «собственных средств» выражением: «исключительно», — все еще не сдавался, «опасаясь, как бы неопределенная [!] редакция, которой добивается Цин, не дала возможности иностранцам наводнить Манчжурию»². Более того, ни Ламсдорф, ни Витте не сочли вопрос о банковском соглашении поконченным даже после «необычного» обращения Гэя с нотой протеста к русскому правительству от 21 января (3 февраля) 1902 г., направленной исключительно и специально против «монополии» Русско-Китайского банка в Манчжурии, «принятие» которой русским правительством явилось бы «отрицанием уверений, не раз данных русским министерством иностранных дел С. III. А. относительно намерения русского правительства придерживаться политики открытой двери в Китае»³. В Петербурге коротко решили сделать вид, что не понимают, о чем с ними говорят, и в своих ответах Гэю русская дипломатия 1) заявляла, что «ни о каком нарушении принципа открытых дверей» «нет и не может быть речи», 2) говорила лишь о «концессиях», требования на которые Русско-Китайского банка «ни в чем не превышают тех, кои так часто предъявляются другими иностранными компаниями», 3) признавала «весьма странным [требование], чтобы открытые двери для некоторых держав

¹ См. тел. Ламсдорфа Лессару от 18 января 1902 г. в д. № 75, ч. 5.

² См. тел. Покотилова от 20 января 1902 г. и тел. Витте Покотилову от 22 января, там же.

³ См. ноту посла С. III. А. от 21 января/3 февраля 1902 г. в д. № 75, ч. 5. Нота передана была Ламсдорфу 23 января (см. там же всеп. доклад его от 23 числа).

были закрыты для России», 4) спрашивала, «может ли Россия иметь уверенность в том, что, в случае отказа Русско-Китайского банка от получения *каких-либо* концессий в Манчжурии, другие державы не станут тоже добиваться от Китая подобных уступок в свою пользу... в той же Манчжурии?» и 5) не соглашалась «признать за правительством С. Ш. А. право единолично распоряжаться на всем пространстве поднебесной империи выдачей *тех или иных* концессий», — как будто в американской ноте речь шла не о монополии, а о нескольких точно обозначенных концессиях¹. А тем временем Лессар в Пекине продолжал напирать на Цина, чтобы он не слушался иностранцев, а тот конечно «решительно» и «самоуверенно» отвечал, что «американцы не протестуют против политического соглашения, а до соглашения с банком ему, посланнику, нет дела», и отказал в бессмысленной теперь просьбе Лессара о выдаче «письменного уверения», что «в соглашения наши не может быть допущено вмешательство других держав»². И только переданный Покотилову 29 января отказ Цина от дальнейших переговоров о банковском соглашении положил конец томительно затянувшейся попытке Витте по-своему

¹ См. проект ответной ноты послу С. Ш. А., присланный в канц. М. Ф. при письме Ламсдорфа от 24 января, письмо Витте Ламсдорфу того же числа («вполне разделяю соображения, изложенные в проекте»), и особенно тел. Ламсдорфа к Кассини от 27 января 1902 г., утверждавшую, м. пр., что м-ву «в точности не известны все подробности соглашения банка с кит. правительством» (в д. № 75, ч. 5). Американская нота не допускала никаких иных толкований прямого и ясного ее смысла. Второй абзац ее гласил: «я уполномочен сказать Вам, что правительство С. Ш. А. не может без тревоги рассматривать всякое соглашение, которым Китай предоставил бы коммерческому обществу *исключительную* привилегию эксплуатировать, в пределах своей территории, рудники, равно как и строить жел. дороги или пользоваться другими промышленными правами».

² См. там же тел. Покотилова от 24 января и Лессара от 25 января 1902 г. И американский посланник в Пекине говорил Лессару «по поводу манчжурского соглашения Русско-Китайского банка»: «если бы Россия на нем не настаивала, то политической конвенции никто бы не противился» (см. там же, тел. Лессара от 21 января). Также и Гэй в объяснении с Кассини «вполне признавал целесообразность заключения конвенции относительно постепенной эвакуации Манчжурии», возражал лишь против «полного исключения иностранной промышленности» (см. там же, тел. Кассини от 26 января 1902 г.).

«укрепить полное влияние России в Манчжурии»¹. А ее прямой результат предстал перед русским правительством ровно на другой день после ее конца: 30 января/12 февраля японский посланник в Петербурге сообщил Ламсдорфу текст англо-японского союзного договора, подписанного в Лондоне еще 17/31 января².

Неожиданный удар, нанесенный русской дипломатии сообщением японского посланника, сразу же сбил ее с позиций и в отношении договора об эвакуации³. Когда 12 февраля в Пекине Лянь Фан передал Лессару просьбу Цина «о принятии без изменений» декабрьских поправок к общему соглашению и намек, как понял Лессар, что «если соглашение об эвакуации не состоится скоро, то иностранные державы этим воспользуются, чтобы вмешаться в дело», Витте тотчас же взял назад все свои возражения против просимых китайцами уступок и высказался решительно за подписание соглашения, «хотя и менее совершенного по форме и отчасти по существу», лишь бы избежать «нового препятствия в виде обиды нашего национального самолюбия», в случае вмешательства держав, и русскому посланнику тотчас даны были указания «постараться ускорить ход переговоров относительно условий эвакуации»⁴. Только в одном

¹ См. там же тел. Покотилова от 29 января, полученную в Петербурге 30-го. Цин сослался на «категорические протесты со стороны Америки и Японии».

² См. «Die Grosse Politik», 17. B., № 5047, тел. Альвенслебена из СПб. от 31 января/13 февраля 1902 г.

³ Об англо-японском договоре до самого его оглашения Извольский в Токио «решительно ничего не подозревал» и «был в большом смущении» (тел. Алексева из Иокोगамы от 31 января/13 февраля в д. № 12), Ламсдорф сообщением посланника был тоже «застигнут совершенно врасплох» (vollständig übertascht: «Die Grosse Politik», 17 B., № 5047).

⁴ См. в д. № 75, ч. 5: тел. Лессара от 12 февраля, тел. Алексева военному м-ру из Порт-Артура от 16 февраля, письмо Витте к Ламсдорфу от 20 февраля 1902 г., письмо Ламсдорфа Куропаткину от 22 февраля 1902 г. и письмо Ламсдорфа к Витте от 25 февраля; в этом последнем Ламсдорф предлагал согласиться с новым дополнением китайцев об эвакуации и о передаче гражданского управления Нючжуана Китаю до 26 сентября 1902 г., взамен чего китайцы соглашались продлить срок эвакуации с 12 до 18 месяцев; тел. адм. Алексева из Порт-Артура от 16 февраля, сообщавшая о появлении в Манчжурии «многих

пункте, выдвинутом китайцами в самый последний момент, русская сторона попробовала проявить некоторую твердость. Уже получив согласие России на все требуемые уступки, китайцы заговорили об изъятии из текста договора пресловутой оговорки, «обусловливающей эвакуацию общим спокойствием и образом действий других держав», «обращавшей [по их мнению] в ничто наши обещания об эвакуации», и дело, день ото дня затягиваясь, совсем уже угрожало расстроиться, если бы, наконец, Витте не распорядился покончить с ним, «даже если бы на это потребовались существенные расходы»¹. 18 марта Покотилов «обещал уплатить Вань Вэньшао 20 тыс. лан и по мелочам обещал еще 10 тыс. лан», и 26 марта соглашение об эвакуации было подписано китайцами с *сохранением* оговорки, действительно давшей русскому правительству формальный предлог продержать свои войска в Манчжурии до самой русско-японской войны².

Сепаратная политика, предпринятая относительно Китая с первых дней боксерского восстания еще Муравьевым, после покупки Ляодуна не допускавшего и мысли о каких либо новых приобретениях на Д. Востоке, пока Россия не справилась со старыми, и особенно монополистическая политика, возрожденная тогда же Витте относительно Манчжурии, и даже, на всякий случай, относительно всех пограничных областей Китая, подняли и более года поддерживали политическую температуру, исключительно благоприятную для вызревания роковой для России международной комбинации на Д. Востоке. Последовательно

японских подданных», «свободно разъезжающих по жел. дороге» с целью «шпионства», о «странной сдержанности» японских купцов в Порт-Артуре на заключение поставок и о неблагоприятной перемене в поведении Мукденского цзян-цзюня, сделалась известной Ламсдорфу именно 25 февраля.

¹ См. телеграммы Витте Покотилу от 11 марта, Покотилова к Витте от 16 марта в д. № 51, ч. 3.

² См. там же тел. Покотилова от 18 марта и 29 марта 1902 г. Всего на русские деньги было уплачено 40.656 р. После этой уплаты из 4-миллионного фонда («Лихунчангского») на счету м-ра финансов в Русско-Китайском банке оставалось 2.342.228 р. 24 к. (см. там же, л. 63, справку канц. М. Ф.).

отказываясь от всяких, связывающих ее свободу действий, соглашений с Францией, Англией и Германией, по разным причинам каждая в отдельности искавших такого соглашения именно с Россией, русская дипломатия поставила себе задачей, опираясь на «подкупного» Ли Хунчжана, выйти из возникших «затруднений», не применяя оружия, «мирным» путем, и, если бы это удалось, оказаться в отношении к Китаю вне концерта держав. Однако, необходимость ввести войска и открыть прямые военные действия в Манчжурии для защиты железной дороги, сделавшая дипломатически ненужным и воздержание от участия в Пекинском походе, фактически вовлекла Россию в состояние войны с Китаем и поставила русское правительство в общий ряд претендентов на возмещение убытков войны. Вопреки принятым еще в начале 1900 г. предположениям о приостановке каких либо дальнейших расходов, сверх предусмотренных планами развернутых на Д. Востоке (и без того видимо несоразмерных с экономическим положением России) работ, Витте пошел навстречу, самим же им и вызванным, предложениям Ли Хунчжана о политических и экономических компенсациях, а эти последние связаны были не только с частичным или полным отказом от денежного возмещения, но и ставили русское казначейство в необходимость сверх того готовиться к новым капитальным вложениям в эксплуатацию новых предприятий в Манчжурии. При этом Витте же дал ход одновременно и переговорам с провинциальными властями оккупированной по его просьбе Манчжурии, которые поведены были по одобренной им программе, нарушавшей «неприкосновенность» и суверенитет Китая, — и русская дипломатия приступила к основным переговорам с центральным китайским правительством в январе 1901 г., в момент, когда одно из таких провинциальных временных соглашений стало достоянием гласности и послужило поводом к дипломатическому объединению ряда держав, направленному против какого либо «сепаратного» соглашения России с Китаем до заключения общего договора с ним всех держав «победительниц».

Увлекаемый мыслью об «укреплении полного влияния» России в Манчжурии, благо обстоятельства вновь поставили его лицом к лицу с Ли Хунчжаном, Витте пренебрег всем, что делало теперь невозстановимой обстановку 1895 и 1896 г. г.: и американским требованием «открытой двери», подтвержденным при вступлении Соединенных Штатов в согласованные действия держав с самого начала восстания¹, и категорическим отказом Японии от какого либо соглашения с Россией о Корее до полного восстановления *statu quo* в Манчжурии, поспевшим в Петербург еще до открытия сепаратных переговоров, и неудавшимся опытом договориться с Англией о железнодорожных линиях из Пекина в Манчжурию. На что только не покушался первоначальный проект «сепаратного» договора, вышедший из недр министерства финансов: и на суверенитет Китая в Манчжурии, и на широчайшую экспроприацию территории в пользу Об-ва КВЖД (в том числе на границе Кореи по течению пресловутой р. Ялу, с морской базой в ее устьи), и на распространение по всей этой территории русской вооруженной охраны и русского управления, и на железнодорожные линии к Инкоу и к Пекину, и на устранение всех иностранцев от промышленного предпринимательства как в Манчжурии, так и во всех пограничных с Россией областях Китая, с запрещением там постройки жел. дорог, как того только-что (в 1900 г.) добилась Россия в Персии и в северной полосе Малой Азии, и на узаконение открытой военной оккупации Манчжурии впредь до полного окончания жел. дороги, что делало вторичную оккупацию страны, если бы понадобилось, вопросом нескольких дней. Немудрено, что даже несколько смягченный Ламсдорфом и более «миролюбивый», как ему казалось, подобный план не поддавался на деле никакому «замазыванию» и был с шумом провален совокупными усилиями держав.

¹ См. Morse, «The International relations of the Chinese Empire», v. III, p. 228—9.

В точности осведомляемая о растущих и близких к концу боевых приготовлениях Японии и, повидимому, не подозревая о шагах предпринимаемых в Берлине, Лондоне и Токио в пользу союза втроем или даже обращения тройственного европейского союза в пятерной, русская дипломатия начала примеривать новый план — обойтись без всякого соглашения с Китаем и за его счет договориться с Японией, на основе своего отказа от «политического захвата» Манчжурии, относительно уступок со стороны России в Корее (июль 1901 г.). Но в те же дни и Англия решительно повернула курс на союз с Японией вдвоем, без стеснительного и для Японии участия Германии, а вслед затем соответствующий ход был сделан и из Пекина: в Петербурге не устояли перед просьбой Китая возобновить сепаратные переговоры, и объективно июльское выступление Ли Хунчжана явилось грузом на английскую чашу весов. Если только действительно в Токио были еще колебания между Англией и Россией, то сведения о содержании новых русских условий эвакуации Манчжурии, должны были их прекратить. Речь шла с русской стороны о том, чтобы получить «в руки банка всю Манчжурию» и опять не пустить туда иностранцев и по возможности успеть достроить дорогу и довести до намеченной нормы комплект железнодорожных войск — сохраняя оккупацию страны в течение ближайших полутора лет, а если этого срока не хватит, то и далее. Продолжая весь свой расчет строить на персональной заинтересованности Ли Хунчжана и ища в ней гарантии тайны двойных, правительственных и банковских, переговоров, русская дипломатия торопилась к приезду Ито иметь в руках готовый китайский договор, который и послужил бы предметом «последующей регистрации» для японской стороны. Смерть Ли субъективно срывала этот расчет: но в Петербурге не знали, что Ли от разговоров перешел к делу и спросил текст банковского соглашения (24 сентября) и бурно протестовал против русских требований (27 сентября) в те дни, когда Токийское правительство уже сделало свой выбор в пользу Англии бесповоротно. Сами

строю свой расчет относительно Японии на том, чтобы выиграть время для завершения всех своих военных и железнодорожных приготовлений, и на том, что Япония «не раз уже владела Кореей» и «не раз» «уходила оттуда», петербургские собеседники Ито (Витте и Ламсдорф) даже относительно Кореи не пошли на все японские условия без возражений.¹ Между тем уже за несколько дней до русского ответа текст англо-японского договора был одобрен в Токио, и в силу вступала та самая международная комбинация, относительно назначения которой японская дипломатия с самого же начала заявила: что в случае попытки России утвердиться в Корее, Япония «пошла бы до конца» — при нейтралитете Англии и Германии, из за Манчжурии же она пойдет на войну только при «благожелательном» нейтралитете же Германии и при «действительной» поддержке Англии². Но, как было известно и в Петербурге после выступления Гэя (15 марта 1901 г.), именно в манчжурском вопросе и не в вопросе о том, кто будет нести расходы по военному и гражданскому управлению в Манчжурии, а именно в вопросе об «открытой двери» туда, Япония выигрывала теперь нового попутчика в лице С. Ш. А., появление которого освобождало ее от необходимости во что бы то ни стало искать «благожелательного нейтралитета» Германии.

Зато в Берлине теперь были озабочены тем, чтобы у русских не явилось «никакого сомнения» в том, что немцы не были не только активными, но и молчаливыми участниками в подготовке англо-японского союза. Там были «очень рады», что Ламсдорф принял известие о случившемся «очень серьезно», и «еще больше» радовались тому, что он же первый и тотчас же заговорил о необходимости «сплочения других держав» во избежание возможной теперь «в любой момент» войны³. На очередь

¹ См. в д. № 12 письмо Витте к Ламсдорфу от 28 ноября 1901 г.

² См. выше стр. 306.

³ См. «Die Grosse Politik», 17. B., №№ 5047 и 5048 (заметка Бюлова о высказанных Вильгельмом впечатлениях от сообщения посла в Петербурге о том, как

для России, действительно, становилось теперь сближение с Германией, и, Альвенслебену не пришлось долго ждать, чтобы Ламсдорф сам заговорил с ним о такой совместной «декларации», в которой было бы сказано, что «если подписавшим ее державам будет нанесен ущерб в их правах или интересах Китаем или другою державой, они обсудят меры, которые необходимо будет принять»¹.

передал ему французский посол слова Ламсдорфа при первом известии об англо-японском договоре).

¹ См. там же, № 5049, тел. Альвенслебена из СПб. от 8/19 февраля 1902 г.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

На последнем перегоне перед войной.

(1902—1904 гг.).

I.

Если бы вопрос об исполнении договора 26 марта/8 апреля 1902 г., по которому Россия должна была вывести свои полевые войска из Манчжурии к 26 сентября/9 октября 1903 г., не был бы с самого начала осложнен купленной в последний момент Витте оговоркой относительно условности этого обязательства и если бы самый договор этот не был плодом очевидного для всех дипломатического поражения, постигшего большой империалистический план, через силу уже семь лет проводившийся русским правительством вдогонку и наперерез прочим империалистам в Китае, — дипломатическая подготовка к реализации накопленных Японией за те же годы военных сил для осуществления ее Симоносекской программы 1895 года оказалась бы много труднее. Но вопрос о *срочной* эвакуации китайской территории переплелся с вопросом о дальнейшей политике России в Манчжурии и, перерастая свое местное международное значение в масштабе Дальнего Востока, где ни одно из возможных его решений само по себе не устраняло военного столкновения России и Японии, попадал теперь, после заключения англо-японского союза, в такую сложную для России обстановку собственно европейских международных отношений, что и там он становился незаменимой и желанной картой в большой игре.

22 месяца (с 26 марта 1902 г. по 26 января 1904 г.), протекшие от подписания злополучного договора об эвакуации Манчжурии до «внезапного» нападения японской эскадры на русский флот в Порт-Артуре, в течение которых Россия более чем наполовину вывела свои войска, а оставшиеся передержала в Манчжурии каких нибудь 4 месяца, были временем крутой и капитальной, способной «сделать эпоху», перестройки в международных отношениях Европы. Основной факт в этом смысле — поворот Англии к решительному сближению с Францией, направленному против Германии — обозначился в самом начале 1902 г., и германская дипломатия, упустившая последний случай попытаться его предотвратить летом 1901 г., оказывалась в необходимости направить все свои усилия в дальнейшем к тому, чтобы преодолеть грозное для нее «изолирование» на европейском театре, и искать такого сближения с Россией, которое заодно дало бы Германии, теперь же именно терявшей своего итальянского союзника, возможность вырваться из «когтей грифа», разорвав франко-русский союз¹. Открывавшаяся отсюда для России перспектива в более или менее близком будущем быть втянутой в англо-германский конфликт ставила правительство Николая II перед необходимостью крутых решений: шла ли бы речь о перемене вековой ориентировки русской политики относительно Англии или о разрыве союза с Францией во имя возвращения к традициям союза трех императоров. А если нет, — то от русского правительства потребовалось бы неимоверное маневренное напряжение как во внешней политике, так и в ведении государственного хозяйства страны, неспособного высвободиться из зависимости от «помощи» европейских финансовых рынков. Но и для Англии и для Германии в одинаковой

¹ См. «Die Grosse Politik», 17. B., № 5186, тел. Меттерниха из Лондона от 17/30 января 1902 г. — О тайном соглашении между Италией и Францией о взаимном ненападении и нейтралитете 1902 года см. А. М. Зайончковский «Подготовка России к мировой войне в международном отношении», М., 1926, стр. 116.

мере задача использования колоссальной численной мощи империи царя в предстоящей борьбе, в таком случае, превращалась в задачу вогнать русское правительство в такое положение, в котором у него не оставалось бы возможности (объективной или субъективной, все равно) сохранить до конца нейтральную позицию между борющимися: значит, ослабление России становилось насущным и вернейшим средством в игре для обеих сторон — и готовившаяся уже несколько лет большая война России на Д. Востоке только и открывала какие нибудь перспективы в этом смысле. Заключение англо-японского союза, дипломатически подготовленное не без ведома и даже некоторого участия германской дипломатии, открывало эту игру с английской стороны, и даже Извольский, сидя в Токио, исцелился на некоторое время от своего наивного оптимизма и понял теперь, что «узел русско-японских отношений находится отныне уже не здесь, а в Лондоне и вряд ли какое либо соглашение между нами и Японией возможно теперь без полного ведома и одобрения и даже, может быть, без более или менее прямого участия Сент-Джемского кабинета»¹.

Предложение Ламсдорфа о совместном выступлении континентальных держав, с Россией и Германией во главе, в противовес англо-японскому союзному договору, который русской дипломатией и в Петербурге был понят, как инструмент войны, и о возобновлении таким образом бывшей русско-германской «Hand in Hand politik» на Д. Востоке, стояло в полном соответствии с теми шагами, которые, после отмеченной выше непродолжительной передышки в «личном соглашении» двух императоров, были уже сделаны ими друг другу навстречу со времени Данцигского свидания (в августе 1901 г.)². Ловко предложенное Вильгельмом

¹ См. депешу Извольского из Токио от 5 мая 1902 г. в д. № 12.

² См. выше стр. 294, прим. 2-е, и стр. 209, прим. 1-е, также «Die Grosse Politik», 17. B., № 5049, тел. Альвенслебена от 3/19 февраля 1902 г., — Свидание в Данциге состоялось 29 августа/11 сентября — 31 августа/13 сентября 1901 г. (см. о нем там же, 18 том, первая часть, №№ 5385—5396).

(7/20 апреля 1901 г.) по свежим следам первого разочарования, постигшего дипломатию Николая в деле сепаратного соглашения с Китаем, приглашение в Данциг было принято Николаем (в конце мая), когда в Берлине только что узнали о смысле февральских переговоров ген. Пендезека в петербургском штабе, т. е. о том, что Франции «впервые удалось использовать [тяжелое] экономическое положение России, чтобы добиться дальнейших политических уступок» (заем 1901 г. в Париже с условием немедленного приступа к постройке стратегической Седлец-Бологовской линии), и самое свидание в Данциге объективно приобретало смысл некоторой страховки равновесия в Европе и подготовки дипломатической почвы для начатых вторично в Пекине переговоров о сепаратном соглашении¹. Во всяком случае не подлежат сомнению, что в Данциге была речь о поддержке России Германией на Д. Востоке, и Ламсдорф с Витте были даже готовы к тому, что там явится необходимость документально посвятить германское правительство в суть тех требований, которые они рассчитывали тогда провести в глубокой «тайне» в Пекине². Конечно, при этом с русской стороны говорилось и о желательности русско-германского союза, говорилось, что идея о континентальной группировке принадлежит великое будущее, что сейчас она еще не созрела, но что царь будет стремиться к ее осуществлению, что нет ни одного

¹ См. «Die Grosse Politik», 18. B., 1. Teil, №№ 5384, 5385 (обмен телеграмм В. и Н. от 7/20 и 8/21 апреля 1901 г.), № 5386 (записка Бюлова от 29 мая/11 июня 1901 г. о переданных Николаем через морского агента Паули Вильгельму условиях свидания); 18. B., 2. Teil, №№ 5893, 5894, телеграммы Альвенслебена от 24 мая/6 июня 1901 г. о февральских переговорах Пендезека в Петербурге (ср. А. М. Зайончковский, «Подготовка России к мировой войне в международном отношении». М., 1926, стр. 91).

² См. «Die Grosse Politik», 18. B., 1. Teil, № 5402, стр. 41, пометка Бюлова на письме Альвенслебена от 14/27 февраля 1902 г. о словах Остен-Сакена: «нас заверили в Данциге, что на Д. Востоке мы пойдем вместе!». Ср. письмо т.-ша м-ра ин. дел Оболенского к Витте от 3 сентября 1901 г. о том, что «Ламсдорф просит передать» Витте, «что он остался вполне доволен Данцигскими переговорами и что при этом ему не пришлось сообщать текста предполагаемого соглашения нашего с Китаем об очищении Манчжурии» (д. № 74, ч. 4).

пункта, где скрещивались бы интересы России и Германии, а вот английская политика эгоистична и с англичанами ни о чем сговориться нельзя; Ламсдорф даже «дважды» высказывал, что «союз между Германией и Россией был бы величайшим счастьем и что это цель, которой нужно достигнуть», и, хотя дальше подобных разговоров не пошло, но и это было для первого раза много, так что принц Генрих, посетивший Николая в Спале в том же октябре, предупреждал Бюлова, что открывшуюся дружбу не следует «форсировать» и после этих двух свиданий на некоторое время лучше оставить Николая «в покое»¹. В Спале же Николай дал ясно понять, что главный его интерес сейчас — Сибирская жел. дор., что он надеется совсем закончить ее лет в 5-6 и что для этого ему нужны «французские деньги» — и немцы должны были понять, что разрыв с Францией для Николая *теперь же* совсем невозможен, как бы ни росло у него сознание необходимости объединения монархических государств перед лицом революционного движения². Немудрено, что предложение Ламсдорфа о совместной декларации по поводу англо-японского союза вызвало в Берлине некоторое удивление: там смотрели на договор 17/30 января 1902 г., как на «жестокое, но не совсем незаслуженное наказание России за флирт с Англией, за пассивность России во время бурской войны, за ее равнодушие в отношении к Германии, за ее нечувствительность к знакам благожелательства со стороны Вильгельма», и в охватившем Ламсдорфа беспокойстве со злорадством усматривали наконец явственный признак, что и у России открылась некоторая «Ахиллесова пята» — «специально на Д. Востоке»; а на деле выходило так, что Россия же и хочет, теперь именно, извлечь из создавшегося для нее тревожного положения выгоду,

¹ См. «Die Grosse Politik», 18. B., 1. Teil, № 5395, записка Бюлова о Данцигском свидании от 1/14 сентября 1901 г. и № 5399, его же записка от 22 октября/4 ноября 1901 г. о сообщениях пр. Генриха о разговорах его с Николаем в Спале.

² См. там же, 17 т., № 5052, тел. Альвенслебена от 13/26 февраля 1902 г. о «большом» его разговоре с Николаем, имевшем место 14/27 января т. г.

в виде реставрации не больше и не меньше, как азиатского тройственного союза 1895 года!¹. Это было уже слишком, и из Берлина Ламсдорфу ответили отказом, объяснив при этом, что никаких прямых дипломатических выступлений на Д. Востоке германская дипломатия делать не станет, так как это только заставит Америку открыто примкнуть к анти-русской комбинации и подставит прежде всего под ее удары ничтожный в Тихом океане германский флот; а затем (спрашивал Бюлов русского посла), где гарантия, что при известных обстоятельствах Россия не вынуждена будет вместе с Францией напасть на Германию в Европе? и не русская ли дипломатия еще так недавно (в боксерское восстание) учила Германию «умеренности» в отношении к Китаю? Что своим отказом германская дипломатия задает и Николаю, не остановило ее, так как было очевидно, что при «растущей руссофобии» в мировой политике Николаю с его дальневосточной программой, только что заявленной им в Спале (ни себе не брать, но и другим ни за что не отдавать ни Манчжурии, ни Кореи) все равно некуда податься; что оставаться целиком на милость одной Франции не будет склонен не только Николай, но даже и Витте, по сведениям из петербургских источников, из «политических» соображений впервые после долгого перерыва обратившийся в начале 1902 г. за очередным займом не к французскому, а к германскому рынку, и, наконец, что Ламсдорф хлопочет о своей «маленькой декларации» прежде всего, как о средстве к собственной реабилитации. К тому же как раз в январе 1902 г. в Берлине были получены (и сообщены в Петербург) сведения о начавшихся между Чемберленом и Камбоном англо-французских переговорах по всем колониальным вопросам и, как бы ни утверждал Остен-Сакен, что «англофильство любого французского министра не пойдет дальше, чем то позволит Россия», «личное доверие»

¹ См. там же, № 5048 и № 5050 (инструкция Бюлова Альвенслебену от 9/22 февраля 1902 г.).

Николая к Вильгельму, которое в Берлине считали «лучшей картой» в своей «политической игре», должно было получать в начинавшемся «кокетничаньи» французов с Англией новую пиццу¹. Николай отозвался полным признанием уважительности отказа, полученного Ламсдорфом, но, полагаясь на высказанные (в Данциге) взаимные «уверения относительно солидарности обоюдных интересов на Д. Востоке», выразил надежду, что «единение» еще придет, на что Вильгельм поручил передать Николаю, что он «должен не связывать себе рук, чтобы прикрыть царя с тыла в Европе, чтобы ему в Европе не грозило нападение ни с моря, ни с суши». В результате весь эпизод не только не испортил начатой игры, а послужил только к ослаблению позиции Ламсдорфа и к укреплению непосредственных сношений императоров, а из разговоров с русским морским атташе Вильгельм вскоре мог убедиться, что предстоявшее летом этого года Ревельское свидание будет значительным шагом вперед сравнительно с Данцигом, и что вообще в Петербурге царит «большой страх перед чем-то»: в откровенных речах Паули Вильгельму «бросилось в глаза», что Россия «очень горячо» домогается его расположения².

Действительно, свидание в Ревеле состоялось в июле (24—26) 1902 г. при обстоятельствах менее благоприятных для Николая, чем то было в данцигские дни. Николай, после убийства Сипягина, явился туда в «более реакционном» настроении, много говорил о необходимости «борьбы с анархизмом», как об особом близком ему личном предмете, открыто в беседе с Бюловым клей-

¹ См. там же: № 5050, № 5051 (записка Бюлова о разговоре с Остен-Сакеном от 12/25 февраля 1902 г.), № 5057 (тел. Альвенслебена от 4 марта н. с.), № 5052 (то же от 13/26 февраля), № 5186 (тел. Меттерниха из Лондона от 17/30 января 1902 г.); т. 18, 1-я часть, №№ 5399, 5408 (записка Рихтгофена Бюлову о разговоре Вильгельма с Паули, от 21 марта/3 апреля 1902 г.), № 5404 (письмо Альвенслебена Бюлову от 2/15 марта 1902 г.), № 5409 (тел. Бюлова Вильгельму от 23 марта/5 апреля 1902 г.).

² См. там же, №№ 5057 и 5408 (Вильгельм выразился: «Das Liebeswerben Russlands ist sehr warm und sehr auffällig. Sie müssen doch grosse Angst vor irgend etwas haben»).

мил Толстого «злым гением России» и не совсем кстати выразил, что конституция была бы «конец для России». Из вопросов внешней политики с Бюловым он остановился только на Дальнем Востоке, был заметно раздражен против Японии и заявил, что «укрепление и распространение русского влияния» там он считает «задачей именно своего царствования»¹. Нет сомнения, что обещание относительно «прикрытия тыла» должно было быть повторено Вильгельмом, что тема о «желтой опасности», в борьбе с которой еще в 1895 г. Вильгельм отводил первое место России, была предметом бесед между императорами и что в этой связи шла речь между ними и о союзе русского и германского флотов, как противовесе англо-японскому флоту². Но в данцигские дни, при всем уже тогда «бродившем» у Николая сомнении и недоверии к курсу Витте, договор о закрытии для иностранцев Манчжурии был впереди и русская дипломатия рассчитывала добиться своего испытанными в удачливые 1896 и 1898 годы средствами через Ли Хунчжана. Теперь же, в июле 1902 г., Николай ехал в Ревель с русско-китайским договором, относительно которого всякий встречный мог бы его спросить, почему бы не подписать его в прошлом марте и избежать, таким образом, образования тройной антирусской группировки на Дальнем Востоке, и как собственно он, Николай, рассчитывает теперь предотвратить внезапное нападение японцев на беззащитный Порт-Артур и китайских войск, организуемых японцами, на южно-манчжурскую ветвь, и вообще каковы его дальнейшие планы (о чем и спрашивала Витте упоминавшаяся нами раньше Берлинская брошюра), в частности, что думает он о занятии японцами Кореи и обращении ее в японский Hinterland по отношению к южной Манчжурии: будет ли он это считать непрежнему (как в Спале в октябре 1901 г.) за *casus belli* и так ли уж

¹ См. там же, № 5416, сообщение Бюлова Меттерниху в Лондон от 26 июля/8 августа 1902 г.

² См. письма Вильгельма к Николаю от 13/26 апреля 1895 г. и от 2/15 сентября 1902 г., в «Переписке В. и Н.», стр. 7—8 и 41.

плохо будет дело с соотношением русского и японского флотов, если немцы ему откроют возможность числить за Тихим океаном и весь его Балтийский флот, взяв на свою ответственность Кронштадт и не вмешиваясь непосредственно в борьбу на Дальнем Востоке, чтобы не втягивать в игру и британского флота, согласно строгой букве англо-японского договора 17/30 января обязанного выступить только тогда, если на Японию нападут две державы?¹ Ревельское свидание, как того хотели обе стороны, явилось действительной демонстрацией «единения», но она приняла форму не открытой «декларации» германского правительства по дальневосточным делам, как надеялась, вероятно, русская сторона, а обмена личных телеграмм между императорами, в которых смысл происшедшего был запротokolирован — для передачи при случае англичанам — в словах, сформулированных германской стороной и свидетельствовавших о нерушимости и сближении двух континентальных союзов, направленном против всякой попытки их перестройки в целях войны².

В связи с франко-русской декларацией 3/16 марта 1902 г., которую можно было понять, как распространение франко-рус-

¹ См. письмо Витте к Сивягину от 12 июля 1901 г. («Кр. Архив», т. XVIII, стр. 45—46: «... Безобразов не менее двух раз в неделю сидит у государя по часам... Государь со мною ничего не говорит. Отбарабаню доклады и баста... Государь же находится в смущении и у него бродят какие то мысли»). — Ср. в. выше стр. 40—42 о берлинской брошюре, датированной маем 1902 г. О том, что занятие японцами Кореи явится casus belli для России, Николай говорил Генриху прусскому в Спале осенью 1901 г. (см. «Die Grosse Politik», 18. B., 1. Teil, s. 85).

² См. тел. Вильгельма Николаю от 18/31 октября 1902 г., в которой он «предлагал» след. формулировку ответа Эдуарду или его министрам, если бы они спросили о ревельском свидании («Переписка Вильгельма и Николая», стр. 43): «е. в. имп. всероссийский, как глава двойственного союза, и я, как глава тройственного, имеем в виду оба одну великую цель обеспечить мир для наших наций и наших друзей. Поэтому мы трудимся над поддержанием мира, соблюдая интересы, общие континентальным нациям, желающим укреплять и развивать свою торговлю и свое экономическое положение». Теперь известно, что Николай «одобрил» «предположенный ответ» (см. тел. его от 19 октября/1 ноября 1902 г., опубликованную в «Die Grosse Politik», 18. B., 1. Teil, № 5418). После этого Вильгельм несколько раз пускал в оборот эту формулу, см. «Переписку Вильгельма и Николая», стр. 44.

ского союза и на Дальний Восток, такая демонстрация свидетельствовала о том, что Россия не имела намерения так уже просто отступить перед англо-японской угрозой, и опубликование русско-китайского договора 26 марта 1902 г. об эвакуации Манчжурии едва ли, после всего случившегося, могло быть принято кем-нибудь из трех объединившихся на Дальнем Востоке противников манчжурских планов Витте, как успокоительный симптом¹. Это была бесспорно внешняя дипломатическая победа тройственной группы, но сразу поверить, что русская дипломатия и на этот раз не попытается лобовым или обходным движением фактически закрыть дверь в Манчжурию, не было никаких оснований, пока противное не было бы доказано явственным и крутым поворотом всего поведения России в манчжурских делах. Тревожная атмосфера на Дальнем Востоке подписанием договора 26 марта рассеяна не была ни в малейшей степени. А пикирующий разговор, происшедший по поводу договора между Ламсдорфом и Скоттом 10/23 апреля 1902 г., только и можно было понять, как признак глубокого раздражения русской стороны и предупреждение, что вопрос о Манчжурии еще не исчерпан. Если англичане при этом готовы были не рассматривать некоторые не вполне удовлетворявшие их «постановления» «через увеличительное стекло», то Япония, благодаря своему союзу, попавшая в положение английской пехоты, но и почерпнувшая в нем, по всеобщему признанию,

¹ Декларацию 3/16 марта 1902 г. см. в «Сб. дог. и дип. док. по делам Дальнего Востока», стр. 533. — Склоняя Францию к этому выступлению, Ламсдорф, в ноте от 7 февраля 1902 г., обещал что «в случае каких либо недоразумений с Англией в южном Китае, Франция всегда могла бы рассчитывать на поддержку России» (см. С. Томсинский, «К вопросу о социальной природе русского самодержавия», в Вестнике Ком. Академии, т. 15, стр. 273). — Сравн. «Die Grosse Politik», 17. B., № 5065, тел. Экардштейна из Лондона 8/21 марта 1902 г.: английский кабинет считал «возможность вмешательства Франции на стороне России и, вследствие этого, открытие casus foederis для Англии» «исключенными», теперь же декларация 3/16 марта «разрушила эту иллюзию и дала место известному чувству неуверенности» (Unsicherheit). — Французского посла в Берлине тоже «страшило» это совместное выступление с Россией против Англии и Японии (см. там же, № 5064, беседа маркиза Ноайль с Бюловым 7/20 марта 1902 г.).

необычайный запас энергии и уверенности в виду готовимой ею войны, непосредственно вслед за «успокоительным» русско-китайским договором перешла к осуществлению третьей части своей морской программы под шум слухов о неминуемой теперь и близкой войне¹.

Продолжая и дальше, даже когда уже стало известно, что Франция не считает себя связанной мартовским выступлением 1902 г., все же держаться союза с Францией, чтобы, как он объяснял Вильгельму незадолго до войны в Висбадене (октябрь 1903 г.), не дать французам наделать бед и «перейти к англичанам», Николай, очевидно, не хотел ставить Россию в необхо-

¹ Обмен реплик между Ламсдорфом и Скоттом см. в Синей Книге (China, № 2, 1904 г.), №№ 52 и 53. Скотт отметил, что пресловутая оговорка, в случае, например, «беспорядков в Китае», освобождает Россию от обязательств, и спросил, «насколько справедливы появившиеся в русской печати сведения о новых беспорядках в Манчжурии». Ламсдорф ответил, что он «всегда включал эту оговорку в свои объяснения», а газетным слухам он не придает значения и, например, с своей стороны «не видит надобности требовать от Лессара какого-нибудь официального дознания», верны ли известия о беспорядках в Южном Китае (в английской сфере). Вообще, заметил Ламсдорф, он «находится в большом сомнении относительно конечного результата тех порядков, для достижения которых державы принесли столько жертв», и опасается «возобновления затруднений, через которые мы недавно прошли». — О секретных совещаниях в Токио и принятии третьей морской программы Ямамото, см.: в д. № 12 тел. Алексеен из Иокотамы от 12/25 мая 1902 г. («сильное увеличение армии Восточной Сибири и постоянное усиление эскадры в Тихом океане после соглашения о Манчжурии понимается Японией, как демонстрация... Достоверно известно о неоднократных совещаниях последнее время всех министров при участии начальников военного и морского штабов»), в д. № 79, ч. 1 тел. Извольского из Токио от 30 мая 1902 г., отрицавшего «серьезное значение» за сообщаемыми Алексеевым слухами, и там же донесение Алексеева от 13/26 октября 1902 г., что «результатом совещаний японских министров... является одобренный ныне советом министров проект адм. Ямамото о выполнении третьей программы усиления японского флота». См. также тел. Покотилова от 27 февраля/12 марта 1902 г. в д. № 79, ч. 1: «в Шанхае и Порт-Артуре упорно держатся самые тревожные слухи о неизбежной будто бы войне России с Японией», и тел. Штейна из Сеула от 17 апреля 1902 г. в д. № 12: «... в пограничной с Манчжурией полосе много разных японцев. В больших городах японские офицеры и нижние чины обучают корейских солдат. Везде японские офицеры производят тщательные разведки... Среди населения упорный слух о войне России с Японией в мае... Везде японцы скупают рис, вывозят в Чемульпо и Гензан».

димость решительного выбора между двумя новыми намечавшимися группировками на случай англо-германской войны. Но именно такая позиция в Европе требовала во что бы то ни стало избежать теперь и войны с Японией на Востоке. Если это не было уже, после англо-японского договора, вообще парадоксом, то оно возможно было бы только путем открытого и *исчерпывающего* соглашения такого масштаба, который давал бы Японии реальную гарантию прочности ее положения на материке, куда ее прежде всего надлежало бы еще допустить, и не позволил бы обратить подобное соглашение лишь в орудие необходимой для России кратковременной отсрочки — для вторичного изгнания Японии с материка, когда Россия скоро окажется в полных силах. Но такое соглашение, в свою очередь, потребовало бы от русского правительства самого серьезного пересмотра всего того дальневосточного плана, связанного преимущественно с железнодорожным планом еще 1891—92 гг., который начат был выполнением в 1895 г. и осуществлялся в последующие годы посредством и в ожидании вывоза как в Китай, так и в Корею русских и иностранных (под русским контролем) капиталов для начинавшейся тогда промышленной эксплуатации этих стран, и *кроме того* с самого начала и до последней минуты грозил ни с чем несоразмерно увеличить военно-политическое тяготение России над пекинским правительством. Оба эти плана, совершенно исключительные по масштабам и изнурительности их для Европейской России, рассчитаны были не менее, чем на десятилетие, и возникли в обстановке, существенно отличной от той, какая оказалась налицо в 1902 г. Оба они заведомо и сознательно направлены были против Англии (а второй из них еще больше и против Японии), притом против Англии изолированной и против Японии тоже изолированной, и оба они (слившиеся уже в один в 1895 г.) решительным успехом своим в своей маньчжурской части были обязаны поддержке Франции и Германии, а первые капитальные вложения в них делались, когда не только речи не было о промышленном и финансовом кризисе, но могло даже казаться, что эконо-

мическое развитие метрополии само возьмет от развертывания их новые импульсы. Центральное русское предприятие, интересами которого с 1895 г. преимущественно руководилась русская политика на Дальнем Востоке, — Китайская Восточная жел. дорога — именно к 1902 г. вчерне было выведено на всем намеченном протяжении его, и «временное» движение открыто было по всей линии 2400 верст. Но сдана «в эксплуатацию» дорога могла быть (и то с натяжкой) только летом 1903 г., и, несмотря на безостановочные дальнейшие работы, даже еще в январе 1904 г. на линии оставалось «неделок» на целых 57 милл. руб., не говоря уже о том, что Кругобайкальская жел. дор. в 1902 г. ожидалась к 1905 г., а переправа через Байкал дала в 1902 г. 12 дней полного перерыва железнодорожного движения¹. Таким образом, оба отмеченные капитальные факта: начавшаяся перестройка в международных отношениях Европы и внутренний кризис, возникший несколько ранее и теперь успевший открыто повернуться к династии и ее правительству своей тревожной социально-политической стороной, — стали во весь свой рост перед русским правительством, когда в сущности было уже поздно: территориальное отступление и остановка строительных работ по Китайской Восточной жел. дор. представлялись «безумием»², а ускорение этих работ, даже если бы удалось здесь развить и бешенный темп, не достигало бы никакой цели, так как за Японией как было, так и сохранилось бы уже достигнутое ею преимущество — следя за продолжением близившихся к концу убийственных для нее строительных работ, выбрать только момент, чтобы силою заставить Россию остановиться в ее движении. При этом вопрос о пунктуальном соблюдении сроков

¹ См. «Китайская Восточная жел. дорога. Исторический очерк, составленный канц. Правления Общ. Китайской Восточной жел. дороги», т. I, стр. 236; см. также всеп. доклад Витте о поездке его на Дальний Восток осенью 1902 г.: «полный перерыв пассажирского сообщения (на Байкале) продолжался в 1900—1901 г. зимой 18 дней, весной 1901 г. 29 дней, в 1901—1902 г. зимой 4 дня, весной 8 дней, перевозка же грузов приостанавливалась и на дольше».

² См. выше, стр. 42.

русско-китайского договора 26 марта, явившегося плодом двукратного приступа международного контроля над судьбою Манчжурии, оставался, как могло быть всякому видно, тоже предметом контроля всех трех держав, объединившихся на платформе «открытой двери» в Манчжурии, и обращался, при англо-японском договоре 17/30 января, в формальный вспомогательный инструмент войны.

Оговорка об условности сроков эвакуации, с другой стороны, заключала в себе сугубую опасность оттого, что самые сроки были определены в договоре 26 марта не то по соображениям, связанным с техникой эвакуации, не то по соображениям о соответствии их срокам окончания постройки железной дороги и времени комплектования в полной боевой готовности всего 25—30-тысячного корпуса охранной стражи на смену выводимым полевым войскам: между тем 18-месячный срок эвакуации, к которому пришли договаривавшиеся стороны вместо предложенного китайцами, недостаточного даже по мнению Витте, 12-месячного, был, как показало дальнейшее, недостаточен для приведения дороги в полную мобилизационную готовность¹. Но пресловутая оговорка неизмеримо увеличивала шансы войны еще и потому, что открывала русской стороне формально безупречную возможность использовать ее для внесения существенных поправок и дополнений к договору, который не только явился результатом дипломатического поражения России, но в данный момент и по существу не удовлетворил *никого* в составе русского правительства. По всей справедливости «ответственность» за это поражение падала на Витте, как фактического руководителя рус-

¹ См. выше, стр. 342. — К открытию военных действий на Китайской Восточной жел. дороге не было установлено никакого плана перевозки войск, не был готов Хинганский туннель (открыт 14 мая 1904 г.), постоянное водоснабжение было в 44 пунктах из 92, не были закончены жел.-дор. мастерские. Забайкальская дорога пропускала 4 пары поездов в сутки, тогда как Сибирские и Китайская Восточная жел. дор. могли пропускать 7 пар (см. «Китайская Восточная жел. дор. Исторический очерк, сост. канц. Правления Общ. Китайской Восточной жел. дороги», т. I, стр. 236 сл.).

ской дипломатии в делах Дальнего Востока с самого 1900 г. и «автора Манчжурского вопроса» вообще, с первой минуты его постановки в 1895 г. Договор 26 марта 1902 г. чрезвычайно облегчил вскрытие правительственного кризиса именно в этом секторе как раз тогда, когда, в предгрозовой духоте, Николай принялся искать спасения своему самодержавию, задавшись целью восполнить, в этом отношении, бессилие своего правительства своим личным вмешательством в текущую его работу, и когда, казалось бы, вся как международная, так и внутренняя обстановка требовала безукоризненной четкости и согласованности действий правительственного аппарата по всему фронту борьбы.

II.

Как только 30 января 1902 г. в Петербурге узнали, что дело с *формальной*, договорной «передачей» Русско-Китайскому банку «всей Манчжурии» сорвалось и китайцы считают свой отказ от дальнейших переговоров в Пекине в этом направлении окончательным, Витте тотчас же взял свои меры, чтобы обеспечить за русским правительством права на все мыслимые в Манчжурии промышленные концессии посредством отдельных, конкретных соглашений с провинциальными властями. Речь для Витте шла именно о том, чтобы поставить эту операцию на широких началах и не выпускать ее из своих рук, не предоставляя неосмотрительно дело игре частно-капиталистической стихии, в которой концессии (т.-е. «значительная доля участия в капитале и в распоряжении делами») фактически легко могли бы перейти в руки «иностраннх подданных» и вообще «в нежелательные нам руки»¹. Когда Витте, в сентябре 1901 г., был еще в полной уверенности, что Манчжурия может быть ограждена от ввоза иностранного промышленного капитала посредством общего договора с центральным китайским правитель-

¹ См. письмо Витте к Ламсдорфу от 4 февраля 1902 г. в д. № 98.

ством, он даже относительно Русско-Китайского банка проявил чрезвычайную щепетильность и имел в виду связать его Проведение специальным договором с русским правительством, в тексте которого ничто не было бы упущено, чтобы ни при каких обстоятельствах банк не мог выйти из роли «подставного лица» и из полного подчинения министру финансов¹. Запрашивая теперь, 30 января 1902 г., Ламсдорфа, согласен ли он на перенос всех концессионных переговоров в провинции, Витте особенно упирал на то, что дело это должно целиком сосредоточиться в Русско-Китайском банке и что в дальнейшем поддержка русских дипломатических агентов в Манчжурии должна быть оказываема не «русским частным [подчеркивал Витте] предпринимателям», как было до сих пор, а именно агентам банка². На первых порах, разумеется, концессии, уже «переданные русским подданным», были оставлены в стороне, но зато все никак еще не взятое «наиболее важное» и «крупное» предписано было получить или на имя банка или на имя «надежных его агентов» («с правом переуступки» — банку, подразумевалось) и с первого же дня «вести это дело» «возможно энергичнее». Для «примера» перечислялись: «добывание золота, железа, нефти, никкеля, каменного угля, эксплуатация лесов на Ялу», но предлагалось брать концессии и «на другие крупные предприятия»³. Торопиться казалось необходимым хотя бы по вестям о том, что «в Шанхае многие иностранцы имеют манчжурские концессии, купленные ими у китайцев» и, тогда как «в прошлом году они считали свои шансы потерянными, теперь они убеждены, что Россия проиграла дело в Манчжурии и весною бросятся туда за получением новых концессий»⁴. Между тем, местный аппарат банка был

¹ См. выше, стр. 326, прим.

² См. письма Витте к Ламсдорфу от 30 января, Ламсдорфа к Витте от 2 февраля и Витте к Ламсдорфу от 4 февраля 1902 г., в д. № 98.

³ См. телеграммы Витте Покотилу от 4 февраля 1902 г., в д. № 51, ч. 3, и Шипова Покотилу от 5 февраля т. г., в д. № 98.

⁴ См. тел. Покотилова из Пекина от 9/22 февраля и от 15/28 февраля 1902 г. («японцы стараются получить концессии на каменноугольные копи около

очень невелик и, главное, вовсе не приспособлен к новой функции просто в техническом отношении, и вскоре Витте решил привлечь к делу и Общество Китайской Восточной ж. д., предоставив Покотилкову и Юговичу действовать параллельно, размежеваться по взаимному соглашению на месте и привлекать, если понадобится, не только «надежных лиц из русских подданных», но и китайцев, «находящихся в руках общества или Русско-Китайского банка», отбирая от них «подписки, под страхом крупной неустойки, в том, что они не передадут, без согласия общества, полученных ими концессий в другие руки и вообще не привлекут к участию в эксплуатации таких концессий лиц другого подданства, кроме русского и китайского»¹. Но еще дальше выяснилось, что Югович склонен, не разбрасываясь, продолжать до сих пор удачные для дороги переговоры по делам, непосредственно интересующим ее с эксплуатационной точки зрения — каменноугольному и лесному, предпочитая в остальном ограничиться только содействием банку. И, улавливая в чем тут дело для Петербурга, Югович с своей стороны выступил с предложением приступить к покупке дорогою «в широких размерах» (вне сметы, конечно) «значительных земельных участков вблизи тех станций, которые впоследствии будут иметь коммерческое значение», соблазняя не только «доходами от вздорожания ценности имущества», но и «политическим» значением будущих «китайских поселений на наших землях с правами экстерриториальности»². Так, еще до подписания договора 26 марта об ава-

Мукдена. Из Гирина сообщают, что американцы уже получили концессию на разработку серебряных руд около Гирина»), в д. № 98.

¹ См. там же тел. Витте Юговичу в Харбин от 13 февраля 1902 г.

² См. там же, тел. Юговича из Харбина от 24 февраля 1902 г. — Относительно каменноугольного дела Югович сообщал, что им еще в июне 1901 г. получена от цзян-цзюня концессия на преимущественное право разведок и добычи угля в Гиринской провинции, а переговоры о том же с Цицикарским цзян-цзюнем благополучно закончились только-что, 4 февраля 1902 г. — Югович предпочитал и относительно Мукдвевской провинции добиваться такой же общей концессии. Начатые им теперь переговоры в этом смысле, насколько известно, не привели ни к какому результату.

куации, сложилась программа действий, требовавшая в ближайшем будущем новых вложений из средств казны для постановки целого ряда «крупных» предприятий в чужой стране, в порядке дальнейшего «укрепления полного влияния» России в Манчжурии¹.

Для Русско-Китайского банка в Манчжурии с этого момента казалось, открывалась новая эра. По некоторым отрывочным данным можно думать, что до сих пор банк не был *persona grata* у русских оккупационных властей, военных и дипломатических в равной мере. Банк еще в феврале 1901 г., при переговорах с Гириньским цзян-цзюнем относительно провинциального займа (в 300 тыс. лан на 3 года), рассчитывал выговорить себе преимущественное «перед другими предпринимателями» право получать концессии на разработку приисков в Гириньской провинции, и несомненно получил бы его, если бы не вмешательство дипломатического агента Любы, который «полагал, что это преимущество создаст банку особые монопольные права в стране в ущерб частным нашим предпринимателям, почему и не согласился на включение этого пункта [в соглашение о займе], предоставляя банку воспользоваться упомянутым правом на общих основаниях»². И заключенное Любою (2 марта 1901 г.) с Гириньским цзян-цзюнем соглашение о разработке «приисков и копей» предоставляло право такой разработки «только русским и китайским подданным» и «наряду» с ними и банку³.

¹ Она была представлена на утверждение Николая 8 марта 1902 г. (см. всеп. доклад Витте от 8 марта в д. № 51, ч. 3). Расходы с целью «расположить местные китайские власти в нашу пользу» Витте предложил отнести на «Дихунчангский фонд», расходы по приобретению земельных участков для дороги — на средства Китайской Восточной ж. д.

² Фонд Е. И. Алексеева, д. № 29, донесение Любы Алексею из Гириня от 24 февраля 1901 г.

³ См. в д. № 5 копию с «предварительного соглашения» Любы. Со всеми заявлениями относительно разведок и разработки приисков русские подданные должны обращаться к чиновнику м-ва ин. дел. Право разведки предоставляется на один год. По получении разрешения на разработку они должны приступить к работам в течение одного года. Во главе каждого прииска должен находиться китайский чиновник. Отчисление в пользу китайской казны — 15% валовой добычи. Соглашение это было «утверждено богдоханом в июле 1901 г.»

Но все разрешительные свидетельства (пока только на разведки) должны были выдаваться «по соглашению с чиновником министерства иностр. дел», и к сентябрю 1901 г. «все золото-содержащие округа Гириньской провинции» были «распределены», а банк остался в стороне¹. Такого же типа соглашение в сентябре 1901 г. подписано было чиновником м-ва ин. дел и Цицикарским цзян-цзюнем относительно Хэйлунцзянской провинции (специально о месторождениях золота по правому берегу Аргуни и Амура и по бассейнам рр. Куаньхэ, Дулухэ и Хуланьхэ), при чем распределение районов для разведки и разработки было включено в самое соглашение, — и банк опять остался в стороне². Что дело было здесь не просто в равнодушии банка, тому есть след. Один из банковских агентов так, например, откликнулся в феврале 1902 г. на известие о новом поручении банку: «дело разработки манчжурских богатств я считаю выгодным для банка и очень важным для правительства, к сожалению оно — или лучше сказать — его представители на Востоке теперь только, когда переговоры относительно манчжурской конвенции пошли плохо, вспомнили о Русско-Китайском банке; в прошлом году в Гириньской и Цицикарской провинциях разным прохвостам были розданы громадные концессии, банк же ничего не был в состоянии получить, а при нашем отношении к Порт-Аргурскому начальству просить его о чем либо и не

¹ См. там же, донесение Любы и МИД от 7 сентября 1901 г. Право разведок было предоставлено: 1) колл. асс. Асташеву в верхнем течении Сунгари, в Хуньчунском и Нингутинском округах, 2) Российскому Золотопромышленному об-ву в Дунхуасяньском округе (верх. р. Муданьцзян), 3) дворянину Троицкому в южной части Саньсинского округа (нижн. теч. Муданьцзяна и р. Давокэя), 4) ген. Шаняевскому в сев. части Саньсинского округа, 5) Верхне-Амурской Золотопромышленной К^о в округах Биньчжоу и Ажэхэ (все правые притоки Сунгари от Саньсина до Бодуна).

² См. там же копию соглашения Кроткова 19 сентября 1901 г. Весь район от озера Далайгор до р. Сунгари распределен был между 5-ю концессионерами: Верхне-Амурской Золотопромышленной К^о, Асташевым, Компанией золотопромышленников гр. Апраксина, Попова и Емельянова, Соединенной Акционерной К^о, и Российским Золотопромышленным Обществом.

имело бы особого смысла»¹. Но и позднее, когда банк уже принялся за дело, русский консул в Гирипе пробовал не «поддерживать» банк и «поддерживать прошения посторонних лиц», а Люба, не отказываясь хлопотать о концессиях для банка, делал попытки скрыть от банковского агента названия тех местностей, которые могли бы служить предметом хлопот².

Однако, настоящие трудности теперь для банка лежали не в поведении русских властей, а в перемене отношения к вопросу о концессионном способе разработки недр со стороны китайской администрации как раз в то время, когда Витте для спасения положения пришлось поставить ставку на быструю, чтобы опередить пугавший его призрак стихийного наплыва иностранного предпринимательства в Манчжурию. Одновременно с отказом от заключения общего соглашения с банком, пекинское правительство дало предписание манчжурским цзян-цзюням прекратить всякую выдачу разрешений на разведки русским подданным, а в новых горных правилах, изданных 4/17 марта 1902 г., оставило исключительно за собою право утверждения разрешений, выдаваемых местными властями, и поставило непременным требованием заявок на концессии точное указание мест предполагаемых разработок. Таким образом, агенты банка сразу же были поставлены в невозможность получить что либо на свое имя или хотя бы и на имя подставных китайцев, но в пределах грубо определяемых районов и не связывая себя точным указанием рода ископаемого. И банку приходилось становиться в исключительную и более или менее слепую зависимость от китайского посредника и, если бы гоняться действительно за массовою скупкою

¹ См., в фонде Пек. Отд. Правл. Китайской Восточной ж. д. и Русск. Кит. банка, «дело о концессиях в Манчжурии (особое дело IV)», письмо Дреземейера Покотилкову из Шанхая от 15/28 февраля 1902 г. — Военный комиссар в Мукдене потребовал было «сообщения вашего [Покотилкова] секретного ключа, ссылаясь на запрещение частным лицам обмениваться шифрованными телеграммами», см. там же тел. Незабытовского Покотилкову из Мукдена от 21 марта 1902 г.

² См. там же, тел. Дреземейера Покотилкову от 11 марта 1902 г. и в д. № 98 отчет Покотилова от 9/22 июля 1902 г. о деятельности агентов банка по приобретению концессий.

всех концессионных документов китайских держателей без разбора, рисковать «попасть на удочку ловких аферистов»¹. Между тем, иностранцы (американцы и англичане) не ограничивались обращением к китайским агентам, а приступили, остановившись только на Дунхуасяньском округе Мукденской провинции и бассейне Ялу, «к подробным изысканиям» «при участии опытных техников», и становилось ясно, что «единственным залогом успеха для нас было бы принятие нами подобной же системы», но при этом действовать «наличными силами банка в Манчжурии» было, разумеется, «безусловно невозможно»². Первые же три месяца работы, таким образом, ясно показали всю дальнейшую ее бессмысленность без специальной организации, и в середине июня Покотилов категорически потребовал «возможно скорейшего практического осуществления вопроса о присылке в Манчжурию сведущих горных инженеров и техников», чтобы поставить дело «получения» концессий «на рациональную ногу»³. Пока же банку удалось своими средствами достигнуть немногого, и к концу июня 1902 г. результаты кустарных попыток двух-трех местных агентов банка приняли следующий вид. В Мукденской провинции через взятого на жалованье, известного банку, купца и комиссионера китайца (Лянь Чжэнчэна или в русском обиходе Ливачана) получены сведения и сделаны заявки на 16 месторождений золота, серебра, железа, угля и меди, но из них разрешение на разработку (на имя китайской компании) получено только на одно золотое месторождение в местности Шямяоцзыгоу (площ. 75 кв. верст), доклад же цзян-цзюня о разработке там же серебра, железа и угля оставался еще неутвержденным в Пекине, а доклады, обещанные им относительно золота в Мамахоло и угля в Илу, все еще оставались в проекте. Участие Русско-Китайского банка в финансовой стороне дела успело выразиться

¹ См. в д. № 98 донесение Покотилова от 6/19 мая 1902 г. и письмо его же от 16/29 июня 1902 г.

² См. письмо Покотилова к Витте из Пекина от 6/19 мая 1902 г., в д. № 98.

³ См. там же письмо Покотилова к Витте от 16/29 июня 1902 г.

в расходе на подарки китайским чиновникам, при переговорах, в 5.000 лан и в выдаче китайской компании, получившей Шимяоцзыгоу, ссуды в 3.000 лан. Кроме того банку удалось к весне 1902 г. возродить дело с «Anglo-Russian Exploration Company», составившейся еще в 1899 г. при участии банка (1000 паев) и англичан (Росса — 800 паев, и «Ильберт и К^о» — 200 паев) для разработки золотых месторождений в районе между Инкоу и Шаньхайгуанем. В начале 1902 г. Росс передал банку свои 800 паев, и банк оказался владельцем 90% всего капитала, а в июне 1902 г. в состав акционерной компании был допущен известный корейский грюндер, американец Хэнт, с тем чтобы изыскания в отведенных компании местностях произвели его инженеры¹. В Гириньской провинции агенту банка за все 5 месяцев удалось только: 1) словесно договориться с местным лао-таем Вэнем, чтобы он «вошел в сообщество с банком» для разработки горных богатств провинции», но «окончательное соглашение» с ним относительно «предоставления ему участия в прибылях дела, соответственно ценности приобретаемых участков» было отложено до получения им «ожидаемых разрешений», и 2) удалось получить письменное обещание китайского чиновника, заведующего горными делами в Хуньчуньском округе и «лично владеющего там значительными правами», не передавать никому этих прав без согласия банка «в течение нескольких месяцев». В Цицикарской же провинции банк просто не успел в эти месяцы сделать ничего «за неимением подходящего агента»².

Если так ничтожны теперь оказались результаты концессионной операции банка, то с другой стороны тем временем выяснилось, что банку надо готовиться к принятию на себя тех разведок, которые были уже распределены между русскими частными предпринимателями и срок производства которых истекал в Гириньской провинции в ближайшие месяцы, при чем

¹ См. в д. № 98 отчет Покотилова от 9/22 июля 1902 г. — Хэнт (Hunt) должен был получить 1/8 акций Англо-русской компании.

² См. там же.

местные власти не скрывали своего намерения передать старые разрешения новым лицам (и притом китайцам) на основании уже новых горных правил. Относительно золотых приисков Асташева в Цзяпигоу, за смертью владельца, банк уже начал переговоры с наследниками о переводе приисков на имя банка, но и относительно других гириньских заявщиков у банка были подозрения, что они или не пожелают или не будут в состоянии вложить капитал в свои концессии¹. Но если бы это и не оправдалось, то перед банком во всяком случае становилась серьезная задача по кредитованию, а, может быть, и финансированию этих предприятий на началах некоторого участия².

Так к лету 1902 г. в Петербурге, когда пора уже была вплотную приступить к подготовке эвакуации войск из западной части Мукденской провинции, предпринятое Витте укороение бавка в Манчжурии выдвинуло вопрос о приспособлении банка к масштабам и техническим особенностям возложенной на него правительственным распоряжением срочной задачи. Едва ли не с этим обстоятельством нужно поставить в связь новый, третий, выпуск 20.000 акций Русско-Китайского бавка, произведенный по постановлению общего собрания акционеров 22 июня 1902 г. на сумму 3.750.000 руб. Что он был взят целиком на себя русским мивистерством финансов, только подчеркивает эту связь: скупка концессий и постановка их эксплуатации, которая должна была принять размеры, вытекавшие не из непосредственного коммерческого расчета, а из стремления оградить Манчжурию от политических последствий появления там иностранного капитала, ничем не связанного с руководством русского самодержавного правительства, была очевидно политическим предприятием по преимуществу, хозяйственные перспективы которого столь же очевидно были связаны с значительным риском³. Но были, может

¹ См. там же, отчет Покотилова и особую справку, составленную в канц. М. Ф. в августе 1902 г. по донесениям и телеграммам Покотилова.

² См. отчет Покотилова от 9/22 июля 1902 г.

³ См. «Указатель действующих в Империи акционерных предприятий», под ред. В. А. Дмитриева-Мамонова. СПб., 1903, стр. 37. О приобретении всего

быть, кроме того и причины постороннего порядка, по которым Витте все же *формально* снял с банка руководство концессионной операцией и обособил ее в руках специально для этого учрежденного (5 июля 1902 г.) «Манчжурского Горнопромышленного Товарищества» (сокращенно: «Анчжу»). Это отнюдь не отстраняло банк от возможных прибылей и фактического руководства операцией, но зато избавляло его от всякого риска. В самом деле, Товарищество учреждалось тремя пайщиками: директором канцелярии министра финансов А. И. Путиловым, чиновником особенной канцелярии по кредитной части Л. Ф. Давыдовым и «прусским подданным» А. Ю. Ротштейном, «для производства изысканий, получения концессий и приобретения от частных лиц и обществ уже выданных и для разработки разного рода минеральных богатств в Манчжурии», с основным капиталом в 1 миллион р., и с ограниченной ответственностью пайщиков¹. На деле капитал этот, по частям, по мере надобности, в виде ссуд под залог паев товарищей, Витте предполагал отпускать «из средств Государственного банка», который «имел бы право во всякое время оставить эти пай за собою или продать их», и весь финансовый риск, таким образом, принимало русское правительство целиком на себя². Прибыли же, на основании договора Т-ва с Русско-Китайским банком, обязавшимся «оказывать М. Г. Т-ву всякую поддержку как влиянием, так и опытом и персоналом, а также производить все денежные платежи Т-ва за возможно умеренное вознаграждение», должны были делиться пополам

выпуска правительством см. в д. № 134 «справку» составленную П. М. Романовым в марте 1904 г. Таким образом, в руках правительства оказались 36.200 акций из 80.000, т. е. около 41%.

¹ Всеп. доклад об учреждении М. Г. Т-ва (по канц. М. Ф., № 2297) был утвержден Николаем 5 июля 1902 г. Товарищеский договор был подписан пайщиками 26 июня т. г. (см. фонд Монголора, д. № 12, подлинный договор об образовании Т-ва). Пай были поделены: Путилову 3334, остальным двум — по 3333.

² См. всеп. доклад 5 июля 1902 г. № 2297.

между Русско-Китайским и Государственным банками¹. При этом очевидно Ротштейн входил в Т-во вовсе не как «прусский подданный», а как директор-распорядитель своего банка и «как представитель» его². А как видно из всего делопроизводства по М. Г. Т-ву, в первую очередь Ротштейн и олицетворял собою тот «опыт», которым обязан был по договору помочь Т-ву Русско-Китайский банк³. Не исключено, что в данном случае Ротштейн повторил здесь то, что раз уже он сделал при учреждении Русско-Корейского банка, когда он прямо заявил, что «при всей готовности итти навстречу» Витте он «не может игнорировать интересы акционеров Русско-Китайского банка»⁴. Но это не отрезало бы Ротштейну пути вкладывать капиталы Русско-Китайского банка в предприятия Т-ва, когда это представило бы коммерческий интерес, а широкую возможность к тому открывало последнее вложение, сделанное русским правительством в складочный капитал банка и самая организация Т-ва⁵.

Начало Правление Товарищества с организации трех разведывательных экспедиций с горными инженерами во главе, которые в течение осени 1902 г. произвели предварительный осмотр всех поступивших к тому времени в обладание Товарищества месторождений и успели дать материал для составления некоторого плана дальнейших работ, а затем для постановки и руководства эксплуатационными работами были поставлены два главных инженера. Но вся финансово-организационная часть была оставлена всецело за Русско-Китайским банком, один из манчжурских директоров которого был назначен главноуполно-

¹ См. договор Т-ва с Русско-Китайским банком от 27 июня и протокол учредительного собрания пайщиков от 27 июня 1902 г. в д. Монголора, № 12.

² Так представил дело Витте и Николаю в докладе 5 июля.

³ См. *passim*, д. № 106, в девяти частях которого сосредоточена вся переписка Т-ва. Руководство находилось всецело в руках Ротштейна.

⁴ См. выше, стр. 157.

⁵ Как то проектировалось, напр., при преобразовании Англо-Русской компании в акционерное об-во, в котором М. Г. Т. предполагало принять участие «за общий счет свой и Русско-Китайского банка».

моченным Товарищества, и банк «продолжал выступать в Манчжурии перед китайскими властями, якобы самостоятельно ведущий горнопромышленное дело, так как на месте было признано, что выгоднее будет для Манчжурского Товарищества временно действовать под личиною банка»¹. Но, по всем имеющимся данным, Витте и не предполагал всерьез монополизировать горную промышленность Манчжурии навсегда в руках казны. Он считал только, что «при настоящем положении дел в Манчжурии крайне затруднительно привлечь к предприятиям в этой стране частные капиталы», но «само собою разумеется, что впоследствии при более благоприятных условиях можно будет, если это окажется выгодным, передать все или часть означенных концессий за соответствующее вознаграждение в руки частных лиц или обществ», а в своем кругу прямо рассчитывал «для эксплуатационных работ» «привлечь иностранные капиталы»². Не может быть сомнения, что Русско-Китайский банк в таком случае, если бы пожелал, был бы на первом месте, и только вопрос, на каких условиях допустило бы правительство царя частные (русские или иностранные) капиталы к участию в эксплуатации уже ставших на ноги предприятий, при том, что Ротштейн в руководстве финансовой политикой Товарищества сразу взял курс на то, чтобы добиваться абсолютного большинства в тех обществах, где Товариществу (под личиною банка) предлагалось участие³.

В течение оставшихся с момента образования Товарищества до войны 19 месяцев деловая конъюнктура в Манчжурии не подавала и признаков повышения, и Товарищество обречено было до конца дней своих работать, рассчитывая только на миллионную ссуду из Государственного банка под залог паев и на

¹ См. в д. № 106, ч. 1-6, июльский 1903 г. отчет Т-ва.

² См. всеп. доклад Витте от 5 июля 1902 г. № 2297, и в д. № 106, ч. 1-6, январский 1904 г. отчет Т-ва.

³ См. напр., переписку Ротштейна с Покотиловым по поводу участия в основанной по инициативе Мукденского цзян-цзюня китайской компании «Ишэнсин» («Мукденская Горнопромышленная компания») в д. № 106, ч. 6.

процентный кредит Русско-Китайского банка в счет того же миллиона. При ближайшем же соприкосновении с действительностью и попытке (в июле 1903 г., когда Товарищество уже остановилось в скуке прав) учесть предстоящие эксплуатационные расходы и составить план работ, выяснилась, как минимум, необходимость в утроении разрешенной суммы¹. За вычетом того, что было отвергнуто или отодвинуто на задний план, как мало обещающее, разведывательными экспедициями к декабрю 1902 г., в состав концессионных прав Товарищества, представлявших серьезный деловой интерес, — как унаследованных от Русско-Китайского банка, так и приобретенных через посредство банка уже после учреждения Товарищества — вошли след. 6 «крупных» предприятий (из них одно в Хэйлуцзянской провинции, два в Гириньской и три в Мукденской)². *Непосредственно* на имя Товарищества были приобретены: 1) концессия на право разведок и разработки золота в Цзянцзигоу (в бассейне верх. теч. Сунгари) по договору с насл. Асташева от 13 ноября 1902 г., с обязательством составить акционерное общество при обязательном участии китайцев в 20% акционерного капитала³, 2) концессия на право разведок золота же в Гуаньшаньском округе по правому берегу Амура (от р. Уйхэ до слияния с Сунгарей) и по левому берегу Сунгари (от р. Дулухэ до слияния с Амуром), переданная Российским Золотопромышленным Обществом Товариществу 1 апреля 1903 г.⁴, и 3) концессия

¹ См. сметные предположения в годовом отчете Т-ва на июль 1903 г., в д. № 106, ч. 1-6. Правление просило о доассигновании 2 милл. р.

² Осенние экспедиции 1902 г., проехав ок. 3500 верст, обследовали 14 месторождений в Гириньской и Мукденской провинциях, см. там же.

³ Это обязательство было предусмотрено соглашением Асташева с Гириньским цзян-цзюнем от 27 августа 1901 г. (см. фонд Монголора, д. № 12). М. Г. Т-во уплатило наследникам Асташева за передачу прав 25.000 руб.

⁴ См. в д. № 106, ч. 9, письмо председателя Правления Рос. Зол. Об-ва в М. Г. Т-во от 1 апреля 1903 г. — Условия передачи: Рос. Зол. Об-ву уплачивается 60.198 руб. 44 к. его расходов и предоставляется 25% ежегодной чистой прибыли (без участия однако в управлении), Русско-Китайский банк получает 200 р. с каждого пуда добытого золота, инж. К. Е. Поафениус — 175 р.,

на разведки золота в Саньсинском округе Гириньской провинции (по нижнему течению р. Муданьцзян и по р. Давокэн), переданная Товариществу А. А. Троицким и Л. М. Кутузовым 23 мая 1903 г.¹ Формально *Русско-Китайскому банку* принадлежало участие в трех предприятиях Мукденской провинции: 1) в китайском обществе «Хуасинли», образованном для разработки западной части Фушуньского угольного месторождения с капиталом в 160.000 лан, из которых 60.000 лан вложено Русско-Китайским банком и 54.700 лан через банк же М. Г. Товариществом², 2) в китайском обществе «Ишэнсин» («Мукденская Горнопромышленная компания»), образованном для разработки 12 месторождений, с капиталом в 400.000 лан, из которых банк вкладывал 150.000 (200.000 китайские акционеры и 50.000 Мукденское провинциальное казначейство)³, и 3) участие в упоминавшейся выше «Англо-Русской компании»⁴. Израсходовав к 1 июля 1903 г. 427 тыс. руб., Товарищество не успело еще приступить к правильной эксплуатации ни одной из этих концессий. А на первоначальное оборудование и оборотные средства

и 20% прибыли поступает Цзянцзянскому цзян-цзюню (см. в д. № 157, опись прав на концессии М. Г. Т.).

¹ См. там же; условия передачи: старые владельцы получают 25% чистой прибыли, с каждого пуда шлихового золота получают: А. Е. Ден — 375 р., А. И. Казарин — 375 р., инж. К. Е. Павлов — 200 р., А. Е. Павлов — 150 р., и А. Б. Патель — 150 р.

² Оформлено однако право М. Г. Т-ва на эти акции только письмом банка от 7 августа 1906 г. (см. там же). К январю 1904 г. Т-во считало за собой всего 1190 акций из 2000 (см. в д. № 106, ч. 1-6, отчет на 4 января 1904 г.)

³ См. в д. № 157, опись прав на концессии М. Г. Т-ва О желательности участия Русско-Китайского банка в Мукденской компании было заявлено самим цзян-цзюнем (см. в д. № 106, ч. 6, тел. Покотилова Путилову от 2/15 и 3/16 сентября 1902 г.). Однако в Пекине дело натолкнулось на затруднения, и Покотилон для проведения дела должен был уплатить 32 тыс. лан (м-ру финансов Вань Вэншао, старшему сыну Цина и др.), см. там же тел. Покотилова от 14 апреля 1903 г.

⁴ В случае образования акционерного Об-ва для разработки концессий К-о, Русско-Китайский банк «обязался передать половину своих акций М. Г. Т-ву» с условием возмещения банку «половины произведенных им затрат» (см. в д. № 157, журнал особой комиссии при м-ве финансов, утвержденный 8 августа 1906 г., о передаче прав М. Г. Т-ва Монголию).

для постановки работ по двум из них, требовалось, по расчету Правления Товарищества: для Цзяпигоу 600.000 р. и для принадлежащих Англо-Русской компании золотых россыпей в Тэлинском округе и месторождения рудного золота Цзяпань в Нинъюаньском округе Мукденской провинции, 1 милл. р.¹ В ближайшем же будущем Товарищество проектировало «передать» эти разработки образуемым им самим акционерным обществам: «Акционерному обществу Цзяпигоуских золотых рудников» с капиталом в 1.500.000 р. и «Zee Pau Mining Company» с капиталом в 6 милл. р. В начале июля 1903 г. был даже утвержден устав первого из этих обществ, а 14 августа состоялось и учредительное собрание акционеров². Но общество, по признанию самого правления М. Г. Товарищества, вышло «фиктивным», так как акции на сумму 1.300 тыс. р. были переданы Товариществу в уплату за концессию, остальные же были, судя по списку акционеров, розданы по мелочам нескольким близким м-ву финансов лицам, едва ли тоже не «фиктивно»³. Собрание происходило за два дня до отставки Витте (16 августа), и протокол его остался так и не утвержденным, а общество не состоявшимся. С этого момента М. Г. Товарищество сразу замирает и, если бы не кредит Русско-Китайского банка, должно было бы приостановить текущие платежи⁴.

¹ См. в д. № 106, ч. I-6, отчет на июль 1903 г.

² См. в д. № 106, ч. I-6, июльский отчет Правления Т-ва.

³ См. там же январский 1904 г. отчет и в д. № 12 фонда Монгогора список акционеров, представивших акции к учредительному собранию 14 августа 1903 г.: К. В. Берг — 5 акций, П. А. Бок — 40, Л. Ф. Грауман — 40, А. А. Давидов — 40, К. М. Иогансон — 5, С. И. Литтауер — 40, Покотиллов — 40, Путилов — 40, А. Ю. Розенфельд — 5, А. Э. Соловейчик — 5, Г. И. Ягодин — 5, и (сверх 5200 акций за концессию) М. Г. Т-во — 535.

⁴ Как жаловалось Правление Т-ва в отчете от 4 января 1904 г., именно с 16 августа 1903 г. Государственный банк прекратил выдачу сумм под пай, выдав до того всего 400.000 р. — Ко времени составления этого отчета на первый план выдвинулась задача реорганизации разработки Фушуньского угольного месторождения, где компания Хуасинли работала «примитивным китайским способом». Чтобы поднять добычу угля до 25 мил. пудов в год, требовался капитал в 1.025 тыс. р., да постройка подъездного пути обошлась бы в 1.533 тыс. р.

HARVARD COLLEGE LIBRARY - MICROFILM EDITION

Затеянное Витте, как отчаянная попытка наверстать неудачу, постигшую политику «мирного» завоевания Манчжурии дипломатическим путем, Манчжурское Горнопромышленное товарищество было захвачено событиями, даже и не успев скинуть с себя в Манчжурии «личину» Русско-Китайского банка и тем более на деле широко поставить учредительство акционерных обществ, фактическим участником которых в той или иной мере оно, по видимому, должно было бы оставаться в дальнейшем для сохранения русского национального характера за всей организацией, которая согласованной работой железных дорог, водных путей, банка и «крупных» промышленных предприятий давала бы возможность самодержавной России добиться участия в империалистическом разделе Китая, не прибегая к прямому отторжению от него его территорий.

III.

В тот самый день, 30 января 1902 г., когда Витте схватился пустить в ход Русско-Китайский банк, как орудие правительства для широкой экспроприации наиболее рентабельных кусков территории Манчжурии, пока русская оккупация была там еще в полной силе, и прекратить расхищение манчжурских концессий русскими «частными предпринимателями», — на сцене в качестве такого предпринимателя, с претензией на эксплуатацию *манчжурских* лесов по р. Ялу, где Витте и сам предполагал интересное дело, тут как тут оказался небезызвестный Матюнин. 30 января Матюнин явился к Ламсдорфу, как собственник «концессионных корейских лесов» на левом берегу Ялу, с жалобой на то, что еще в июле 1899 г. он просил Муравьева «о прекращении хищничества китайцев» в этих лесах и «об удержании [за ним] права первенства на концессию в этом же районе манчжурских лесов, также беспощадно и бесконтрольно расхищаемых китайцами», и что «тем не менее» «лесное хищничество» там продолжается. «Признавая настоящий момент как нельзя

более удобным для почина лесного предприятия на Ялу», Матюнин просил Ламсдорфа «об оказании содействия в получении лесной концессии на *правых* притоках Ялу» и «о сношении с морским министерством касательно командирования в текущем году в устье Ялу стационара на время сплава леса, как только из Порт-Артура отправится туда для устройства сплавной лесной заставы [его] агент с потребным персоналом служащих»¹. При этом Матюнин представил и проект телеграммы Лессару, по его словам, «в принципе одобренный е. и. в-вом в. кн. Александром Михайловичем». Но Ламсдорф и без того знал, что этот бывший чиновник его министерства здесь только подставное лицо, и, не медля, доложил дело Николаю, а тот, утвердив проект телеграммы Лессару, приписал: «просьбу Матюнина следует исполнить и вообще оказывать возможное его делу содействие»². Таким образом, Витте, давая инструкцию Покотилову добиваться лесной концессии на Ялу на имя Русско-Китайского банка и разъясняя Ламсдорфу разницу между банком и «частными предпринимателями» (то и другое 4 февраля), действовал с открытыми глазами³. В лице Матюнина к манчжурским концессиям протягивались как раз те «нежелательные нам руки», которые Витте не раз уже отводил от корейских лесов на той же Ялу. На территорию Манчжурии вступала политически враждебная ему сила, с которой никакие коммерческие приемы борьбы поделать ничего не могли.

Начало этой, столь шумевшей в свое время, истории с корейской лесной концессией относится, как известно, еще к тому времени, когда Витте, в поисках незамерзающего порта и возможности дальнейшей железнодорожной экспансии России после

¹ См. в д. № 98 копию записки Матюнина от 30 января 1902 г.

² См. копию всеп. доклада Ламсдорфа от 31 января 1902 г. и утвержденный Николаем проект телеграммы Лессару (послана 1 февраля) — «войти немедленно» в переговоры с мукденским цзян-цзюнем о выдаче концессии Матюнину сроком на 25 лет, с отчислением китайскому правительству 20% чистой прибыли.

³ См. выше, стр. 368—369.

успехов 1896 г., претерпел некоторый конфуз с китайцами в Манчжурии и с осени 1897 г. пошел полным ходом к «мирному» завоеванию Кореи, где, будто бы, «русское имя и русские деньги» приступили уже к участию «в эксплуатации рудных, лесных и других естественных богатств»¹. Последнее было просто громкою фразой: Витте имел тут в виду единственную русскую концессию, взятую «владивостокским 1-й гильдии купцом» Бринером на разработку лесов по рр. Тумень и Ялу в 1896 г. Но и эта единственная концессия именно осенью 1897 г., когда русская дипломатия продолжала еще стоять на манчжурско-корейском распутьи, а Витте не перестал еще интересоваться исследованием незамерзающих пунктов корейского побережья в устьи Ялу, была предложена Бринером к продаже и могла бы (через Ротштейна, которого она ничуть не соблазняла) уйти в иностранные руки, если бы Вонлярлярский и Безобразов, при содействии гр. И. И. Воронцова и в. кн. Александра Михайловича, не устроили ее покупке Кабинетом е. в-ва². Когда же покупка концессии совершилась

¹ См. выше, стр. 178.

² См. М. Н. Покровский, «Японская война» в сб. «1905. История революционного движения в отдельных очерках», М., 1926, т. I, стр. 571 сл., и Б. А. Романов, «Николай II и концессия на р. Ялу» («Русское Прозае», Петр., 1923, № 1, стр. 97 сл.). Матюнин, служивший консулом в сев. Корее, приехал в Петербург, в поисках новой службы, не позднее сентября 1897 г. и пробыл здесь до начала февраля 1898 г., когда уехал в Сеул на пост поверенного в делах, имея от Николая (в устной форме, при представлении ему 1 декабря) и от Муравьева инструкции в смысле принятой тогда для Кореи программы Витте. Матюнин заговорил о Бринеровской концессии с Вонлярлярским (своим лицейским товарищем) при первой же встрече, 1 января 1898 г. По признанию самого Вонлярлярского, с проектом акционерной компании для эксплуатации естественных богатств Кореи он обратился в высокие сферы только «после двух-трех свиданий» с Муравьевым, когда ему «стало ясно, что Витте не допустит появления на Дальнем Востоке конкурента Русско-Китайскому банку» (см. «Материалы для выяснения причин войны с Японией», Вонлярлярского, стр. 6, и приложенную к ним копию письма Матюнина к А. М. Абазе от 25 октября 1905 г.). — В. М. Вонлярлярский отставной гвардии полковник, бывш. ординарцем при в. кн. Николае Николаевиче в войну 1877—78 гг., крупный новгородский помещик, «вед. крупные лесные операции», «стоял во главе двух бумагопрядилен в СПб.», состоял пред-

по всей форме (11 мая 1898 г.), курс на Корею русской дипломатией уже был оставлен: Николай поколебался теперь же круто пойти против своих же собственных министров и возобновлять «мирное» завоевание Кореи на свой риск — и Бринеровская концессия была законсервирована посредством фиктивной продажи ее Матюнину, с условием что в любой момент он «передаст» ее третьему лицу или компании «по указанию» бар. В. Б. Фредерикса (м-ра имп. двора)¹. Николая соблазнили вложить в дело капитал Кабинета не только коммерческими выгодами лесного предприятия, но и политическими соображениями. Они были двоякого рода. Во-первых, на площади концессии в 5000 кв. верст по всей длине маньчжурско-корейской границы может быть развернут «наш боевой авангард, переодетый в платье лесных рабочих, стражников и вообще служащих», числом «до 20 и более тысяч человек», и устроены «сообщения, продовольственные организации и опорные пункты» (что Витте, как указывалось выше, рассчитывал выговорить для Китайской Восточной жел. дор. на маньчжурском берегу Ялу в 1901 г.), потому что в противном случае южно-маньчжурская ветвь будет легко доступна нападению японцев из Кореи и Порт-Артур отрезан². Во-вторых, Николаю

седателем Новгородского Об-ва сельского хозяйства и сельско-хоз. промышленности и членом Об-ва для содействия русской промышленности и торговле, владел «золотыми приисками на Урале» (см. цит. письмо Матюнина к Абазе, также письмо Витте к Сипягину от 12 июля 1901 г. в «Кр. Арх.», т. 18, стр. 45 и «Материалы» Вонлярлярского стр. 13 и 14).

¹ См. в д. № 213, копию доверенности Бринера Д. А. Нератову на уничтожение его первого договора с чин. м-ва двора Непорожневым (об уступке прав на концессию от 11 мая 1898 г.) и на «уступку всех без исключения прав» по ней Бринера Непорожневу за 65 тыс. р., от 5 мая 1899 г. (по договору 11 мая 1898 г. Бринер уступал права свои за 80 тыс. р. паями компании, см. цит. «Материалы» Вонлярлярского). Там же в д. № 213: копия акта о продаже концессии Непорожневым Матюнину и Альберту за 30 тыс. р. от 26 июня 1899 г. и копия «обязательства» Матюнина и Альберта, выданного Фредериксу 9 июля 1899 г., с удостоверением, что «все суммы, которые были уплачены за передачу нам прав по означенной концессии, были внесены по особому указанию бар. В. Б. Фредериксом и что все права на эту концессию принадлежат нам лишь номинально».

² См. в д. № 278 «совершенно секретную записку, переданную через в. кн. Александра Михайловича государю императору после того как по докладу бар.

HARVARD COLLEGE LIBRARY - WIDENER LIBRARY

представили дело так, что в Корею идет уже расхват концессий иностранцами и, если Россия не примет в нем участия, то пройдет года два и Корея будет навсегда для нее потеряна или же России, после «завоевания [Кореи] силою оружия», достанутся только «обязанности городского охранять чужую собственность». Между тем этот «новый способ завоевания малокультурных стран» неосуществим для России, если рассчитывать на «отдельных русских людей» (такой «новый способ» и Витте считал единственно приемлемым для Дальнего Востока). Николай и призывался сделать «первый шаг» своим участием в «Восточно-Азиатской Компании» «для эксплуатации природных богатств Кореи и Восточной Азии». Компании приписывался характер учреждения «политического», «направляемого державною волею русского императора» для проведения в Корею «русского начала, а может быть даже для самого насаждения русских идей». Осуществить же эту свою «вполне конфиденциальную цель» Компания может только при участии в ней, в качестве учредителей, лиц «безусловно преданных правительству» и готовых «сослужить службу русскому царю», не требуя «немедленного дивиденда» и не останавливаясь «перед необходимыми затратами на расходы скорее общегосударственного значения, чем коммерческого»¹. С самого начала от этого проекта пахло «священной дружиной» (И. И. Воронцов, А. М. Безобразов — бывшие ее участники)², призванной объединить вокруг царя верноподданные капиталы для борьбы за «чисто русские» интересы в далекой колонии, куда царь сам де вынужден вывезти свой капитал, чтобы, не отставая от века, «на почве экономических интересов» достигнуть того же, что прежде обычно достигалось посредством

Фредерикса были ассигнованы деньги на посылку экспедиции в сев. Корею» от 30 апреля 1898 г. и там же «записку, поданную г. императору» от 26 февраля 1898 г. Обе эти записки, как и все прочие документы в д. № 278, представляют собою копии. — Ср. выше, стр. 286.

¹ См. там же записку от 26 февраля 1898 г.

² См. «Материалы» Вонлярлярского, стр. 12: «правой рукой у него [Воронцова, в священной дружине] был А. М. Безобразов».

кавалерийского налета и военной оккупации, и вовлечь там под свое руководство даже иностранный капитал¹. Разве мог идти в сравнение с этой заманчивой для воображения перспективой какой-нибудь Русско-Корейский банк, хотя и «официального характера», но «преследующий» «исключительно цель материальной наживы», с Ротштейном, даже не русским подданным и евреем, во главе, в качестве проводника «чисто русских» «совершенно специальных целей политического характера»: ведь такой банк «никогда не будет в состоянии оказаться в руках правительства» «послушным орудием»².

Как только, под возобновившимся напором четырехчленного «штаба»³, Николай все же дал ход проекту «Восточно-Азиатской компании» (март 1900 г.), так и обваружилось, что 1) дело здесь совсем не в одной только Корее, и 2) что вдвинуть новую организацию в рамки существующего правительственного механизма не так просто, потому что занять подчиненное и скромное место в том «тресте», который под руководством Витте сложился на Дальнем Востоке из Русско-Китайского банка, Общества Китайской Восточной ж. д. и подчиненных им предприятий, она не захочет сама, а стать там вне этого «треста» не даст ей Витте. Представленный Безобразовым, как «по особому распоряжению временно заведующим организацией общества», «проект осуществления Восточно-Азиатской Промышленной Ко» заключался в следующем. Компания учреждалась, как товарищество на паях, с капиталом в 2 милл. р., по 5 тыс. р. на пай. «Доминирующее положение» Кабинета обеспечивалось «сосредоточением» «более половины» капитала «в надежных руках». Известно, что бы делали дальше, но пока Безобразов был озабочен

¹ См. там же: «по отношению к... державам» «должно быть последовательно проведено умелое распределение имущественных прав и приобщение наиболее дружественных из числа претендентов к участию в тех материальных выгодах, которые достанутся на долю Восточно-Азиатской компании».

² См. там же. Имя Ротштейна в этой записке не упоминалось.

³ «Мы — штаб», выражение Вонляржского (см. его письмо к в. к. Ал-дру Мих-чу, написанное по возвращении экспедиции весной 1899 г., в д. № 278).

тем, чтобы «в настоящее время» «никаких затрат» от Кабинета не требовалось. Достигалось это тем, что «впредь до окончательного обследования и проверки коммерческой целесообразности предприятия» товарищи вносили по 1 тыс. р. на пай, и 200 паев переходили к Кабинету: 100 бесплатно, за передаваемую Товариществу Бринеровскую концессию, и другие 100 оплачивались из ожидаемых от продажи части ее (о. Дажелета) 150 тыс. р. Прочие 200 паев делились поровну между двумя «группами» «надежных» лиц: к 1-й отнесены были 15 персон, близких ко двору, белой кости (гр. Воронцов, кн. Юсупов, полк. Вонлярлярский, граф Гендриков, т. сов. И. П. Балашов, граф Орлов-Давыдов, кн. Щербатов, граф Ностиц, П. Я. Дашков, полк. Серебряков, Кристи, кап. Абаза, граф Сумароков-Эльстон, князь Козловский, Мих. Вл. Родзянко), во 2-ую отнесен, так сказать, второй сорт, который должен был играть роль «специалистов», по терминологии проекта (директор-распорядитель торг. дома «Беллев и К^о» Яков Петрович Беллев, потомственный почетный гражданин Николай Никифорович Федоров владелец лесопильного завода в Вышнем Волочке, коммерции сов. Матвей Осипович Альберт директор-распорядитель Невского Судостроительного завода, д. с. с. Николай Гаврилович Матюнин и «еще несколько лиц по мере надобности») ¹. Николай видимо колебался: с одной стороны ему твердили, что именно теперь бесповоротно решаются судьбы Кореи и даже больше («необходимо решить — дать ли погибнуть русскому делу на Дальнем Востоке или нет. . . Мы теперь искусной политикой можем надолго отсрочить войну с Японией и стать твердой ногою на Японском море») ², с другой стороны пугал Фредерикс сомнениями относительно «производительности затрат» ³. И вот (в начале июня) «настал психологиче-

¹ См. в д. № 16/с, копию «проекта» от 28 марта 1900 г.

² См. в д. № 278, письмо Вонлярлярского к в. кн. Александру Михайловичу от 25 декабря 1899 г.

³ См. там же записку, без подписи, поданную Фредериксом Николаю 2 июня 1900 г. Через Фредерикса в 1893 г. шли все распоряжения и ассигнования на

ский момент»¹. Фредерикс, как можно догадываться, обратился за помощью к Витте, и Николаю были представлены исчерпывающие (и приправившие противников совсем к стене) формальные аргументы в пользу такого компромиссного решения, которое опрокидывало весь замысел «штаба»: 1) если речь идет о «руководстве» «правительственного органа, близко стоящего к верховной власти», то Кабинет «по своей организации и назначению безусловно не располагает средствами, чтобы влиять на ведение... дела», 2) «сами учредители, сознавая, вероятно, некомпетентность Кабинета в подобных вопросах, высказывают, что доминирующее влияние... должно быть переуступлено поставленному по избранию учредителей лицу, быть может Кабинету вовсе неизвестному» (явная передержка, столь свойственная Витте: об «избрании» нигде не говорилось, а Николай то мог быть совершенно уверен, что помимо него и его желания никакой «переуступки» «доминирующего влияния» не произойдет!), 3) «в действительности» роль Кабинета «низведется до исполнительного органа учреждаемого товарищества, когда по ходу дел потребуются денежные содействия Кабинета» (аргумент, тоже бывший мимо: держатель кабинетских паев, избранный самим Николаем, был бы только его докладчиком, а Кабинет, как и подобает, «исполнительным органом» его, царя), 4) «выдача даровой премии» Кабинету в 250 тыс. р. (бесплатно передавалось, как сказано выше, 100 паев на 500 тыс. р., израсходовано же Кабинетом было только 250 тыс. р.!) не только «неприемлема в нравственном порядке», но и (тут опять узнаем Витте) «не может считаться допустимой по закону» и уменьшает капитал товарищества «и без того далеко несоразмерный с обширностью задач, принимаемых на себя т-вом», 5) неправда, что

корейскую концессию и экспедицию, и он то прекрасно знал, что последняя, «снаряженная для всестороннего выяснения дела» «дала лишь скудные сведения и никаких точных исследований».

¹ Так и выразился Воронцов в письме к Николаю от 4 июня 1900 г. (см. в д. № 278).

HARVARD COLLEGE LIBRARY - WIDENER LIBRARY

больше затрат не потребуется: по второй сотне паев придется довести 400 тыс. р., 6) отсюда и делался вывод, что «если учредители желают укрепить за *правительством* руководящее начало в предприятии [чего, как сейчас увидим, они и не *хотели*], то казалось бы наиболее надежным привлечь к этому *министерство финансов* [подчеркнуто в записке], которое... , конечно, может испрашивать и получать указания относительно государственных задач предприятия», не говоря уже о том, что оно «обладает многочисленными средствами как для обеспечения материального успеха делу путем прискания безусловно благонадежных капиталистов [как это иначе можно было понять, что Витте выдвигает здесь все тот же Русско-Китайский банк?], так и для необходимого надзора и *руководства*»¹. Но именно здесь-то и был корень вопроса: «дружина» не хотела признавать никакого другого руководства, кроме как самого Николая, и не хотела ни терять «свое знание», в сотрудничестве неведомо с кем, ни давать наживать третьим лицам. Против Фредерикса выступил теперь сам Воронцов, пользовавшийся у Николая немалым авторитетом и не менее умудренный годами и опытом предшественник того по м-ву двора, и выступил от лица всей дружины. Воронцов прямо заявил как бы ультиматум: «от решения в. в-ва зависит формирование общества. Лица, список которых находится у в. в-ва, идут в дело идейно, чтобы сослужить службу *вам* и России; ежели нам не будет ясно, что мы работаем *для вас* и *под вашим покровительством*, то, ве-

¹ См. в д. № 278, записку без подписи, поданную Фредериксом Николаю 2 июня 1900 г. Как то, что она не была подписана Фредериксом, так и то, что она столь категорично отводила дело на м-во финансов, склоняет к предположению, что предварительный сговор с Витте был, и что записка потому и пошла без подписи, что составлена была в другом ведомстве. С другой стороны отмеченные в тексте детали, как и весь строй и стиль записки делают правдоподобным предположение, что записка составлена была в м-ве финансов. Во всяком случае, если бы Витте было предложено оспорить проект Безобразова, то затруднительно чтонибудь было бы добавить к тому, что высказано в цитируемой записке.

роятно большинство от дела откажется, не желая, потеряв свое знамя, отдать время и труд на увеличение средств *x*, *z* или *y*, при могущих измениться взглядах гг. министров. Потому крайне необходимо... участие в. в-а». Воронцов поставил и срок: «завтра» — а «после завтра» он, Воронцов, уезжает в Мариенбад. Так и создан был «психологический момент», и нажим действовал: Николай согласился¹. Так как устав К^о был уже заранее отпечатан и так как резолюция Николая гласила, что «Кабинету будет приказано купить 200 паев Восточно-Азиатской компании на имя кап. 1 ранга Абаза», то «рассмотрение» устава в комитете министров было простою формальностью. Но именно в эти первые июньские дни «события» на Дальнем Востоке переходили в открытую войну с Китаем, и на них то Витте и выиграл отсрочку — «не вносить дело это в комитет министров покуда не успокоятся события на Дальнем Востоке»². И психологический момент был сорван.

Легко представить себе, что поднялось в «штабе». Безобразов пришел в совершенную ярость. В «штабе» заговорили об отставке Витте и припомнили ему все. Это он и его присные ответственны за то, что Манчжурия вся в восстании; но «слава богу, что восстание и вообще разные очевидности начались теперь, потому что это лишний шанс надеяться на желательные

¹ См. в д. № 278, письмо Воронцова к Николаю от 4 июня 1900 г. («Фредериксу пугаться нечего. Капитал должен быть возвращен из первых прибылей»). Воронцов предполагал видаться с Николаем и «откланяться» перед отъездом 5 числа «при встрече в кн. Марии Георгиевны»; может быть, именно тем, что при этом, так сказать, на ходу, Воронцов предполагал получить и получил «указания» Николая по делу об уставе, резолюция Николая оказалась написанной на простом писчем листе черным карандашом (о передаче устава «на рассмотрение в комитет м-ров» и об покупке паев Абазой), и уже получив 6 июня этот лист от Воронцова, Безобразов своей рукой в самом низу листа приписал, что это «высочайшая резолюция, полученная 5 июня 1900 г. и относящаяся до проекта устава Восточно-Азиатского Промышленного Т-ва» (см. д. № 16/с).

² См. д. № 16/с: это «повеление» Николая записано на том же писчем листе рукою Витте с датой «в июне 1900 г. Петергоф». Как устав, так и изложенный выше проект 28 марта вложены в деле в этот лист.

перемены: мы страдаем не от китайского большого кулака, а от С.-Петербургского!». «Весь вопрос [о Дальнем Востоке] был поставлен неправильно: вместо того, чтобы действовать по окружности [вести дорогу через Корею на Ийчжу]¹, мы пошли в середину китайского мира», «вся беда идет от маньжурской ж. д. и в особенности от ветки на Мукдень и от той польско-жидовской sprawy, которая там хозяйничала»; «вместо того, чтобы действовать лучшими нашими силами, мы предоставили работу жидам и полякам, которым С. Ю. [Витте] поручил быть носителями нашего знамени!». «Если бы в настоящее время в северной Корее мы имели бы те телеграфные и путевые сообщения, которые своевременно предлагались, то не только Порт-Артур располагал бы обеспеченными коммуникационными линиями, но, что еще важнее, мы не вынуждены были бы так наседать на Китай и концертрировать с Европой». Известно, что Витте «сваливал» все на политику «покойного Муравьева», но «вернее всего винить Муравьева в отсутствии политики, *активными же были Русско-Китайский банк и маньжурские строители*», которые «своевременных сведений нам не дали, дела никакого не сделали (кроме жидовских гешефтов), а в среде желтокожих уготовили нам только незавидное место в обществе *с остальными международными аферистами*». «А что будет дальше?». «Военный успех вообще есть только полууспех в государственном деле», а «есть ли план и есть ли нужные силы, чтобы умно воспользоваться успехами нашей штыковой работы?». Ибо «теперь готовится почва для будущих успехов или неудач на Дальнем Востоке и *готовится бесповоротно*: или мы станем на высоте положения и русское дело укрепим политически и экономически или попадем в руки

¹ См. «Материалы» Вонлярлярского, стр. 35: после 9 марта 1899 г. он «получил приказание заготовить... смету на ж. д. изыскания от Гирина на Пектусан и по р. Ялу на Ийчжу». Ср. также из записки Безобразова от 2 марта 1898 г.: «выйти на Корейский залив, а затем соединить этот пункт ж. д. путем с Владивостоком», «поворот линии ж. д. на Гирина и Мукдень заставит идти по населенной части Китая, которую отнять труднее».

жидовского кагала и проделок европейской дипломатии». Это на Дальнем Востоке: а в центре, в Петербурге? «Спекуляция» — «держится», а «в деловых сферах общества» — «деморализация», основанная на справедливом «недоверии к подлежащим ведомствам»: *«С. Ю. создал систему, которая и в мирное время не шла, тяжело ложилась на производительные силы страны, породила массу недовольных и обездоленных, в военное же время эта система невольно вызывает опасение в возможности государственного банкротства»*¹.

Но теперь и для «штаба» было очевидно, что оборот, какой приняты события на Востоке, настолько выдвигает на первый план манчжурский вопрос, что говорить сейчас только о Корее совсем не у места. Мысли, замелькавшие теперь у них по текущему моменту, в порядке «принципиальной постановки вопроса» (о К^о) «в новых условиях» заключались в том, чтобы 1) «занять Манчжурию, но отнюдь не те места, которые покрыты густым китайским населением», 2) бросить разрушенную линию на Мукдень и вести ветвь «от Гирина по направлению к порту Шестакова через Корею на Порт-Артур», и 3) «направив Японию на Амой, объявить неприкосновенность Кореи», а для этого взять на себя инициативу «континентального европейского соглашения» против Англии с Германией во главе². В переводе на знакомый нам язык министерской дискуссии тех же дней, это означало ограничиться «невозвращением» Китаю малонаселенной северной Манчжурии (по Куропаткину) и избежать занятия Кореи японцами (что «по существу» «может нас возбудить», как думал Витте осенью 1900 г.), предложив «нейтрализацию» Кореи (по Витте)³. Что продолжение Китайской Восточной ж. д. по линии северной границы Кореи должно было произойти не на основе завоева-

¹ См. в д. № 278, письмо Безобразова к в. кн. Александру Михайловичу от 15 июля 1900 г. — Курсивы наши.

² См. в д. № 278, «меморандум», приготовленный Безобразовым Николаю 28 июля 1900 г. и письмо Воронцова Безобразову по поводу меморандума с поправками к нему (без даты).

³ См. выше, стр. 293.

ния или присоединения этой полосы, а на основе концессии, видно хотя бы по тому, что в дальнейшем до самого конца «штаб» продолжал говорить и хлопотать об удержании корейской лесной концессии, а не о присоединении сев. Кореи. В этих «новых условиях» в тройком отношении уточнилась и «принципиальная постановка вопроса о Восточно-Азиатской К^о». Во-первых, она «призвана» была уже «действовать на Дальнем Востоке, в пределах Империи и заграницей — в Корее и Манчжурии», 2) деятельность К^о «должна быть хозяйственно-промышленная, а не банковски-спекулятивная», и потому «представляется совершенно невозможной совместная работа с другим, хотя и под русским флагом действующим учреждением»¹, а «преимущество из двух конкурентов, естественно дается тому, который может представить больше политических и нравственных гарантий в благонадежности» (что это, как не Русско-Китайский банк и Вост.-Аз. К^о?), и 3) так как «в подлежащих бюрократических сферах компания, еще до своего возникновения, может с уверенностью рассчитывать на несочувствие, нерасположение и противодействие при первой возможности», то помимо «обязательности монопольных прав» (только «вне русского рубежа», «чтобы не сделать желтокожих свидетелями борьбы, хотя и на экономической почве, русских между собою»), необходимо уже теперь, т. е. до образования общества, «предварительное образование совещания из таких лиц, которые со временем участвовали бы в ответственных исполнительных работах» с правом непосредственного доклада «председательствующего» царю, и «создание по особому высочайшему повелению должности» «статс-секретаря» — «для сношения с подлежащими ведомствами»². Как видим, тотчас же после полученного афронта «штаб» решительно

¹ Это не было направлено огульно только против иностранного капитала: «компания должна быть вполне русской, а не прикрываться только отечественным флагом, участие иностранных интересов [попрежнему] вполне допускается, но только без всякого господствующего положения».

² См. «Материалы» Вонлярского, стр. 32 сл., записку Безобразова от 26 июля 1900 г. под заглавием «проект принципиальной постановки вопроса».

перестроился на борьбу прежде всего с внутренним врагом и спроектировал ту самую организацию, теперь оборонительную, а затем и наступательную, которой упорно добивался и добился таки, когда «кое что выяснилось» и «решение [у царя] назрело»¹. И главным и специально созданным орудием борьбы «с ведомствами» намечен был «статс-секретарь» «вне ведомств» — пост, которым и кончил Безобразов, «когда решение назрело».

Мы видели, как «всесильный Витте и теперь затормазил дело», независимо от того, что и по личным свойствам царя решения вообще «назревали» не очень то быстро: план, предложенный Витте, состоял в том, чтобы обогнав всех, согласиться «сепаратно» с Ли Хунчжаном «мирными» средствами за счет не одной Манчжурии, а ряда золотonosных областей Китая и, втянув в этот сепаратный заговор Японию, оторвать ее от каких либо других группировок ценою уступок в Корее (а может быть и не в одной Корее?). Но вот прошел первый период сепаратных переговоров и план Витте рухнул: Япония на удочку не пошла, а китайцы в последнюю минуту явно обманули, и не только и речи не поднялось о континентальном соглашении против Англии, а в афронте приняли участие всякий, кому было только не лень, в том числе и Германия². И тучи подозрений, сгустившиеся над всей «системой» Витте еще год назад, «забродили» в голове Николая, когда летом 1901 г. он уговорил Безобразова попытаться протащить устав К^о по «соглашению» с Витте, а Витте (уже в третий раз!) путем «подвоха» опять провалил дело³. Для Витте

¹ См. письмо Безобразова к в. кн. Александру Михайловичу от 15 июля 1900 г. в д. № 278: «пройдет немало времени, пока кое-что выяснится и решение назреет».

² См. выше, стр. 289—305.

³ См. в д. № 278, письмо Безобразова Николаю от 17 июня 1901 г. У Безобразова с Витте «установилось соглашение» «по некоторым вопросам», и Витте даже сознался «в некоторых личных программных пробелах», но «около» Витте Безобразов «старался установить самую сжатую постановку вопросов, чтобы избежать нежелательных случайностей». На этот раз 200 паев передавались не Кабинету, а казне за передаваемый Компании Сучавский лес. «Подвох» со стороны Витте, заключался, повидимому, в том, что в последний момент он снял

тут не было иллюзий, чем он рискует, и на чем дело стоит. «Время экономическое» было совсем «дурное», «много крахов, а тут еще неурожай». «На эту тему государю внушают, что, мол, нужно в корне переменить финансовую политику — что вот, мол, результаты моей политики. *А как переменить? Конечно, не знают*». И, разумеется, Витте, как всегда, был убежден в том, что вопрос для Безобразова *«только* в том, чтобы очистить себе дорогу [т. е. убрать его, Витте] и в мутной воде рыбу половить», а Николай будто бы здесь не при чем, так себе, жертва, орудие. Но Николай, как известно, решительно отрицал подозрения насчет «мутной воды» (да и сам Витте считал Безобразова «честным»), а с Куропаткиным, напр., соглашался, что Безобразов сам является его орудием, которым он «колет» своих министров¹. Известно теперь, что Николай и из «крахов» не терял надежды извлечь кое-что в стиле самодержавия: например лично Л. С. Полякову он от души желал провалиться и интересовался, нельзя ли ликвидировать крах Поляковского комбината так, чтобы и предприятия сохранить и «еврейское гнездо в Москве» разрушить². «На спину» Витте повалились даже и земства: «под моим, мол, влиянием уничтожена самостоятельность России, мол, я хочу, *чтобы государь был отдален от народа*, а власть

из списка учредителей лиц, состоящих на государственной службе (Юсупова, Гендрикова, Абазу, Вонлярярского и Серебрякова) и заменил их вольными, Альбертом и каким то Ф. М. Крузе, что и сделало, по мнению Безобразова «дело мертворожденным» «по вине акушера» (см. там же письмо Безобразова к Александру Михайловичу). Ср. также «Пролог и т. д.», стр. 251—252, и Б. А. Романов, «Николай II и концессия на Ялу», в «Русском Прошлом», Петр., 1923, стр. 102.

¹ См. письмо Витте к Свиягину от 12 июля 1901 г. в «Кр. Архиве», т. 18, стр. 44; Витте, «Восп.», т. I, стр. 149; Б. А. Романов, «Витте накануне русско-японской войны» в сб. «Россия и Запад», Петр., 1923, стр. 166; «Дневник Куропаткина» в «Кр. Архиве», т. 2, стр. 58.

² См. в фонде Государственного банка, сер. № 124, д. № 155, резолюция Николая на журнале комитета финансов от 25 декабря 1901 г.: «Обсудить вопрос: нельзя ли, устранив Полякова, помочь Государственным банком, согласно мнения председателя и большинства. Москва была бы освобождена от еврейского гнезда, внутренний (местный) экономический кризис мог бы быть устранен».

перешла к чиновникам и, следовательно, к министрам»¹. Безобразов теперь, после «подвоха», «по часам» «не менее двух раз в неделю» сидел у Николая и рассказывал ему «всякую чепуху и всякие эфемерные планы» и «что нужно меня с Востока совсем устранить», и царь уже «мельком» бросал мысли, вроде того, что «не следует ли передать Китайскую Восточную ж. д. м-ву путей». Рабское подчинение Витте иностранному капиталу иллюстрировалось тем, будто он «продал англичанам все ископаемые Сибири для того, чтобы этою ценой заключить заем с Ротшильдом». Сам Витте в обстановке кризиса «положением дела по существу» нисколько не тревожился, был «глубоко убежден, что, если мы будем держаться существующей экономической политики, то через года два все опять войдет в норму», но Николай явственно «находился в каких то смущениях»².

Пока, как было еще весной 1901 г., министры стращали Николая тем, что «разрыв с Россией» является теперь для Японии «прямо намеченною целью» и предлагали ему попросту отступить с манчжурского театра без всяких условий, — это было одно, и Николай тогда именно и предавался «смущениям»³. Но, когда стало выясняться, что на Востоке как будто далеко еще не все потеряно, и что Китай, а потом и Япония сами ищут соглашения с Россией, *по этому пункту* «смущения» поослабели. *Дипломатия* Витте-Ламсдорфа, как рассказано выше, опять принялась за дело и сдавать позиций не собиралась: Витте настаивал опять на Пекинской линии, Манчжурии иностранцам отдавать и не думал, и в Корею японцев, хотя и говорил, что можно бы для виду на время пустить, на деле не пускал (и отпустил Ито ни с чем)⁴. Программа, заявленная Николаем в Спале в точности и упорно проводилась и «ведомствами». И Николай

¹ См. письмо Витте к Сипягану 12 июля 1901 г.

² См. Б. А. Романов, «Николай II и концессия на Ялу», стр. 102, и письмо Витте к Сипягану от 12 июля 1901 г. («Кр. Архив», т. 18, стр. 45).

³ См. выше, стр. 307.

⁴ См. выше, стр. 314 сл.

пока отказался идти на них походом в лоб, а согласился идти только окольным путем: «ведомства» опять выиграли некоторую отсрочку. Маневр Витте с уставом Восточно-Азиатской К^о оказался рассчитанным верно: не предоставив К-ни монополии, повидому, избавив казну от денежных вложений и получая на нее пай под Сучанский лес, передаваемый К-ни, предоставив, таким образом, развертывать дело только на первые взносы «благонадежных» частных лиц и дав им легкий повод впасть в амбицию по поводу неутверждения их учредителями, Витте действительно сорвал дело¹. В феврале 1902 г. истек срок для первого паявого взноса, Безобразов ничего не собрал, и ему было от Николая «приказано» «ликвидировать дела»². Ликвидация оказалась довольно своеобразная и заключалась в том, что Безобразов «старался их [дела] поставить на ноги и дать им деловое течение, чтобы они могли от меня отойти», а именно: 1) «относительно Корейского полуострова план... состоит в том, чтобы в самой Корее создать коалицию около большой кабинетской концессии [на все рудники] и эту концессию прогнупоставить японскому искательству», и «если Павлов [поверенный в делах в Сеуле] в деле бар. Гавр. Гинцбурга не напутает, то успех комбинации почти обеспечен»; 2) «относительно нашей корейской лесной концессии потребуется ее объединение с манчжурской», затем «устройство заставы у устья р. Ялу для сбора попенной платы», который и должен дать средства для эксплуатации; 3) «очередь» останется «теперь за манчжурскими делами и уставом Восточно-

¹ Воронцов отказался идти в учредители с самого начала, когда дело повернулось на передачу пая в казну, а не в кабинет. Прочие забастовали после своего неутверждения. Во второй половине 1901 г., по некоторым признакам в «штабе» началось было некоторое разложение. Напр., в кн. Ал-др Мих. в один прекрасный день передал Безобразову через Вонлярлярского, чтобы тот «не считал возможным участие» А. М. в К^о и «прежние деловые отношения забыл». Из письма Безобразова А. М.-чу по этому поводу можно понять, что силясь удержать разбегавшуюся дружину пайщиков, Безобразов распространял слух «о дальнейшем участии в деле» А. М.-ча, о чем кто то и «наврал» тому (см. письмо Безобразова к А. М.-чу в д. № 278).

² См. в д. № 278 всеп. доклад Безобразова от 20 января 1902 г.

Азиатской промышленной К^о», — и Безобразов в последний раз спрашивал, не попытаться ли еще найти «modus vivendi» в соглашении с Витте¹. Прошло, однако, 10 дней и Безобразов «вполне убедился» в невозможности какого либо соглашения и «сильно пал духом»: «хотя я глубоко ненавижу и презираю г. Витте и его систему, но должен как можно скорее уйти, чтобы не подвести тех, которые имели со мной дело» — так как он «bête-noire Витте-Сипягинской группы»². И вот, уходя, Безобразов так резюмировал «принцип» покидаемого дела. Цель К^о — быть «складом для концессий Дальнего Востока». «Самоличная эксплуатация концессий в виду не имела, а только посредническая роль для размещения концессий в вполне благонадежные и твердые руки». Но «осуществление этой мысли до сих пор встречало противодействие г. Витте», который «принципиально не сочувствовал образованию самостоятельного общества, с возможностью получения независимых сведений и *народнения конкуренции для Русско-Китайского банка*». А что такое Русско-Китайский банк? Это — «невьясненная величина», «смесь биржевой банкирской деятельности с монопольным правом получать и держать разнообразные концессии», «с показною зависимостью» от правительства и с «интимно-финансовою» зависимостью «от группы иностранных капиталистов» — и «трудно понять, какая пружина здесь сильнее». «При монопольном праве» — «беспорная возможность творить массу злоупотреблений», и «дело будет уже неизменно и непоправимо», «когда получится уверенность, что главным образом этим банком мы работаем для иностранных интересов». А потому «очень желательно» — «вести банк в его чисто банкирские рамки, предоставив манипуляцию с концессиями другому частно-официозному обществу с вполне русским и благонадежным персоналом»³. Как видим, ликвидация походила больше

¹ См. в д. № 278, всеп. доклад Безобразова от 20 января 1902 г.

² См. там же, всеп. доклад его от 31 января 1902 г.

³ См. там же, «меморандум» Безобразова, представленный Николаю при письме от 31 января 1902 г.

на расстановку мин. Но Безобразов, которому казалось, что теперь, «с назначением Витте председателем совещания по сельскому хозяйству» (18 января), «никакая борьба [с ним] невозможна», и не подозревал, какие две мины взорвались под его врагом накануне, 30 числа, в виде известий: о падении монополии Русско-Китайского банка в Манчжурии и о подписании англо-японского договора.

Появление при таких условиях Матюнина с притязанием на манчжурскую лесную концессию свидетельствовало, что вырвать идею организации, готовой принять на себя борьбу за интересы самодержавия и охрану его от губительных последствий, которыми грозила вся «система Витте», — с корнем Витте не удалось. За спиной Матюнина попрежнему виднелась фигура предприимчивого царского зятя, а резолюция Николая ставила к услугам концессионера весь аппарат дипломатического ведомства на местах. Однако, непосредственно сейчас ни Гинцбург в Корею (о его поручении Витте даже и не знал), ни Матюнин в Манчжурии серьезной конкуренции Русско-Китайскому банку представить не могли уже по одному тому, что у банка не хватило охоты, а у Манчжурского Т-ва и средств действительно «захватить» в свои руки всю Манчжурию¹. Что касается финансовой стороны матюнинских начинаний, то относительно Гинцбурга мы не располагаем никакими данными, кроме того, что расчет там строился на американца Хэнта и что по «предварительным обязательствам» Гинцбург обязался предоставить Матюнину всего только 1/10 паев тех обществ, которые он «образует»². Манчжурское же начинание Матюнина в течение 1902 г. располагало кабинетской суммой в 130 тыс. р.³. Но оно встретило труд-

¹ Ср. выше, стр. 377 сл.

² См. в д. № 213, копии обязательств Гинцбурга на имя Матюнина от 2 мая 1902 г. (о минеральных богатствах в Хамкионской провинции) и от 20 декабря 1902 г. (то же в Пиньянской провинции): «*намеревалась* получить концессию» и «*предполагала* образовать общество».

³ См. литографированный сборник (без заглавия, со скопированными на голях пометками Витте), аналогичный сборникам Воняярларского и Абазы и по

ности на месте, которых так и не сумело преодолеть, и, по меньшей мере бойкотируемое Русско-Китайским банком, ничего кроме годичного «порубочного билета» на право рубки леса на Ялу в местах, еще никем не разрабатываемых, от Мукденского цзян-цзюня не добилось и до самого приезда Безобразова в Манчжурию в 1903 г. влячило жалкое существование¹. При этом Витте не только не решился переступить дорогу Матюнину, пустив в ход банк или Китайскую Восточную ж. д., но и постарался заслонить в глазах Николая фактическое участие Русско-Китайского банка в собираннии манчжурских концессий образованием на капитал Государственного банка такого казенного Товарищества с учредительскими функциями, которое, осторожно обходя леса, сосредоточивалось бы исключительно на недрах. Однако, теперь, после договора об эвакуации Манчжурии, рассчитывать отделаться такими уступочками и дальнейшими уступками в маленьком вопросе о «складе для концессий Дальнего Востока» было со стороны Витте наивно. Его дипломатия «проиграла дело» на Дальнем Востоке, а Япония, не откладывая, предложила России закрепить этот факт в особом договоре, который признал бы за Россией только железнодорожные интересы в Манчжурии и предоставил бы полную свободу действий Японии в Корее, с отказом России от какого либо вмешательства в корейские дела и без

некоторым признакам принадлежащий перу Матюнина, датированный декабрем 1905 г. Нет основания заподозривать это показание, так как другие две цифры, как и их источники, в сборнике показаны правильно: в 1898 г. 250 т. р. из Кабинета и в 1903 г. 2.200.000 р. от казны.

¹ См. в д. № 98, телеграммы Покотилова от 21 марта/3 апреля, от 29 октября и от 20 ноября 1902 г.: мукденский цзян-цзюнь не взял на себя выдачу концессии и рекомендовал Львову, представителю Матюнина, обратиться в Пекин; в октябре еще Львов надеялся «заручиться содействием Русско-Китайского банка», но «нашим агентам» было «подтверждено предписание не вмешиваться в это дело», а цзян-цзюню, с которым в это время у банка начинался серьезный роман по Мукденской горнопромышленной К^о, дано знать, что банк тут не при чем; до 29 октября банк знал о переводе в распоряжение матюнинского агента 75 т. р.; еще в ноябре посланный Львовым в Пекин китаец успеха в хлопотах не имел.

аналогичного отказа Японии относительно Манчжурии¹. А когда кое-как налаженное и с трудом удерживаемое Витте единство «кабинета» («Витте-Сипягинская группа») исчезло от выстрела Балмашева 2 апреля 1902 г., «система Витте», и раньше еще «смушавшая» Николая, регулируемая теперь зубатовщиной и просвечиваемая Плеве через департамент полиции без всяких прикрас, была призвана к ответственности за происходящее и внутри страны: теперь именно «забирая силу», но и не зная толком, как быть с «системой», Николай принялся валить ее технического руководителя, более десяти лет верой и правдой служившего самодержавию всей силой своих природных способностей и всем опытом, который Витте вынес с частно-капиталистической «воли». В этой «системе» Витте искал и находил способы до поры до времени уравнивать опасности, заложенные для самодержавия в бурном росте капиталистических отношений в стране — в частности, в интернационализации и концентрации, охвативших высоты русского капитализма, — посредством жадного накопления финансовой и экономической мощи аппарата самодержавия. Выбирая этот путь в погоне за сохранением самодержавия его господства внутри страны, Витте искал укрепить его позиции в борьбе с внешним империалистическим окружением, строя планы «мирных» завоеваний в Китае на вывозе капитала: в первую очередь — поступавшего в полное распоряжение самодержавной власти в порядке исполнения государственного бюджета, и во вторых — частного, русского (хотя и не возлагая на него надежд) и иностранного, поскольку тот соглашался работать на Д. Востоке под контролем и сообразуясь с политическими видами русского правительства. Но эта «система» на деле только обостряла не-

¹ См. предложенный 22 июля/4 августа 1902 г. Японией проект соглашения в «Обзоре сношений с Японией по корейским делам с 1895 г.», изд. МИД, 1906, с. 78. Что назван он там проектом соглашения по «корейскому вопросу», — это дань «корейской теории» происхождения русско-японской войны. В одинаковой мере соглашение касалось и «манчжурского вопроса». О «корейской теории» см.: М. Н. Покровского, «Японская война» («1905. Ист. реп. движ. в отд. очерках», I, М., 1926, с. 595 сл.); ср. нашу статью «Николай II и концессия на Ялу» («Русское Прошлое», № 1, 1923, с. 107 сл.).

устраняемые для сословно-крепостнической природы самодержавия противоречия на внутреннем фронте, где именно теперь классовая борьба принимала все более организованные формы, а империалистические планы внешней политики, требовавшие бесперебойного финансирования на протяжении не меньше, как десяти лет, в условиях надвинувшегося кризиса всей тяжестью перекладывались на казну и, вместо «мирных» завоеваний, гнали самодержавие под удары дипломатических неудач, очевидно ухудшавших шансы неизбежной войны. Когда, в такой обстановке, Витте не переставал делать вид, как будто он тут не причем и что вообще ничего непоправимого не случилось, и даже брал на себя по-прежнему «мирное» разрешение внешнего кризиса, было бы удивительно, если бы ему поверили и на этот раз.

Нет нужды, в данной связи, следить за тем, как теперь тут «назревали» решения и наступали «психологические моменты» (Ревельское свидание во всяком случае сыграло в этом не последнюю роль), но к октябрю 1902 г., когда Витте вернулся из поездки на Дальний Восток, именно о Дальнем Востоке с ним не захотели и разговаривать; а посылая туда Безобразова с «поручением весьма доверительного свойства» в ноябре 1902 г., Николай на 1 января 1903 г. готовил Витте уже и отставку¹. Когда же ее удалось предотвратить, никакой и речи не было больше о кабинетских суммах, чьих либо паевых взносах, учредителях и уставах: Николай попросту приказал Витте (19 января 1903 г.), как министру финансов, открыть Безобразову кредит в 2 милл. р. в Русско-Китайском банке в Порт-Артуре за счет казны². И вопрос теперь действительно был не в том, будет или

¹ См. Витте, «Восп.», I, с. 186; его же «Возникновение рус.-яп. войны», т. II, с. 533, копия письма Николая к Витте от 19/1 1903 г. (в фонде Витте в Центральном архиве); «Пролог и т. д.», с. 260, «конспект доклада» Безобразова о поездке на Д. Восток; «Дневник» Куропаткина, «Кр. Архив», т. 2, с. 59 сл.

² См. цит. копию письма Николая от 19 января 1903 г. Отрывок из него см. у М. Покровского, «Японская война», стр. 578. В копии письмо имеет ошибочную дату: 1902 г. Как известно, в январе 1902 г. Безобразов «ликвидировал» дела, «чтобы от них отойти» (см. выше, стр. 398) — приказание Николая, пере-

не будет Витте пытаться тормазить дело с учреждением нового «склада концессий», не связанного с уже существующим на Дальнем Востоке концерном: Безобразов, располагая вдвое больше, чем М. Г. Т-во, суммой, мог без всякого акционерного об-ва теперь же приступить к собиранию концессий на подставные имена¹. Вопрос был в том, подчинится ли Витте воле царя и примет ли программу действий, которую выдвигает Николай, в порядке ревизии договора 26 марта, для все того же «укрепления полного влияния России в Манчжурии». А если и примет, то должен будет принять и контроль и руководство того «штаба», который давно уже бил тревогу и подсказывал выдвигаемую теперь программу. А если не примет, то что же он может с своей стороны предложить, чтобы выйти из кризиса?

По началу Витте готов был даже прекратить свою «конкуренцию» с Восточно-Азиатской К^о посредством М. Г. Т-ва, лишь бы на эту удочку выманить Безобразова с Д. Востока и прервать предпринятую им там ревизию «положения дела» в Манчжурии, готов был даже оказать содействие приобретению в Пекине концессии на Ялуцзянские леса, лишь бы только приписать этот приятный царю успех себе и самому, как он

давнее ему через дворцового коменданта Гессе. В октябре 1902 г. Витте спрашивался о положении «дела Матюнина» у Покотилова, и тот ответил о переводе в Русско-Китайский банк в Мукдене 75 т. р. (см. в д. № 98, тел. Покотилова от 29 октября 1902 г.; в телеграмме не сказано, кем сделан перевод). Что эти 75 т. р. не имеют никакого отношения к 2-хмиллионному кредиту, видно из «справки о суммах выданных Р.-К. банком ст. секр. Безобразову в счет выс. разрешенного ему кредита в 2 милл. р.» в д. № 213: с февраля по ноябрь 1903 г. выданы были все 2 милл. р. полностью.

¹ См. «Пролог и т. д.», стр. 260 сл., «конспект доклада» Безобразова о поездке на Дальний Восток. Здесь перечислены следующие «дела», переданные Безобразовым И. П. Балашову «почти законченными в намеченном [Безобразовым] духе»: 1) Лесное дело на Ялу, «обошлось пока в 320 тыс. р. и еще будет стоить 180 тыс. р.», 2) Фушуньские каменноугольные копи (восточная часть месторождения), площадью в 250 кв. верст., 3) «Фушуньско-Тэлинская местность для русских поселений», ок. 500 кв. верст «отличной пахотной земли», 4) пароходство между устьем Ялу и П.-Артуром, 5) пароходство по Ляохэ, 6) концессия на электрическое освещение и подъездные пути в Мукденской и Гириньской провинциях и 7) минеральные воды Танхезе.

выражался, стать «в курс дела»¹. Но как только ему стало известно, что Алексеева и то привели в смущение развитые Безобразовым в Манчжурии аллюры и разбалтываемые им направо и налево бесшабашные проекты «обратить Манчжурию в сферу исключительного влияния России» посредством простого игнорирования китайской администрации и физического уничтожения всякого явившегося туда иностранного предпринимателя при помощи хунхузов; как только ему вслед за тем показалось, что Безобразова, которого он правильно считал не только главным своим личным врагом, сильным прежде всего фавором у Николая, но и вообще стихийным бедствием для всякого дела, можно еще потопить при помощи адм. Алексеева, — Витте почувствовал себя чуть что не победителем и попробовал не только воспротивиться, всем «паршивым триумвиратом», предложенной Николаем (на совещании 26 марта 1903 г.) «программе», а заодно и уклониться от им же самим предложенного в трудную минуту слияния М. Г. Т-ва с будущей лесопромышленной (только!) компанией². Эта залежавшаяся (с 1898 г.), совершенно фантастическая в данных условиях, «довольно детская», программа, рассчитанная пока на действительное исполнение договора об эвакуации, заключалась все в том же: «образовать общество для разработки лесных богатств в долине р. Ялу» (по обоим берегам), «изыскать способы для охраны» этого «рус-

¹ Этой попытке Витте приспособиться к восторжествовавшей «безобразовщине» в январе — феврале 1903 г. посвящен нами особый этюд, к которому и отсылаем читателя (см. «Витте накануне русско-японской войны», в сб. «Россия и Запад», Петр., 1923, стр. 140—167). Когда Вонлярлярский, после отъезда Безобразова на Восток, обратился к Витте, ссылаясь на «повеление» царя, Витте «изъявил готовность» сообщить Вонлярлярскому «те мероприятия, которые были им приняты для захвата возможно большего количества концессий в Манчжурии» и предложил передать их Вонлярлярскому «для оборудования при помощи иностранных капиталов» (см. в д. № 278, всеп. доклад Вонлярлярского от 12 февраля 1903 г.).

² «Паршивый триумвират», это — «Ноздря», «Тетерька» и «Головастики», как между собою безобразовцы называли Витте, Куропяткина и Ламсдорфа (см. опубликованные нами письма Безобразова и Абазы за 1904 г., «Кр. Архив», т. 17, стр. 70 сл.).

ского предприятия», «привлечь» к эксплуатации американские и французские капиталы — все это, исходя из мысли, «что ныне, с очищением Манчжурии, заслон в бассейне Ялу приобретает особую важность в смысле предотвращения столкновения с Японией, а в случае столкновения — в смысле преграды, затрудняющей соединенное нападение японцев и китайцев на нашу ж. д.» (в надежде, как договорился раз Безобразов, «нравственно размотать японцев» еще при переходе ими границы через этот район)¹. При этом, Николай предложил теперь же «заявить», что, если Китай не предоставит русским концессию на ялуцзянские леса, а Япония не примет мер против «появления» японцев на корейском берегу Ялу, в таком случае Россия приостановит эвакуацию Манчжурии, и этим очень облегчил «триумвирату» задачу — показать всю опасность (а заодно и нелепость в военном отношении) проекта в целом. Все трое, при поддержке в. кн. Алексея, дружно атаковали царя на тему о том, что именно этот проект рискует вызвать протесты держав и поведет к войне с Японией, и, не снимая вопроса о частном обществе, провели решение: 1) «ограничить» его деятельность «разработкою леса на р. Ялу», 2) допустить в нем участие иностранных капиталов, не вовлекая казну «в значительные расходы», и 3) основать его «на чисто коммерческих началах»². При этом Витте, не моргнув глазом и точно укоряя кого-то, заявлял, что «денежным жертвам империи на нужды ее далеких окраин» должен быть «наконец положен предел» и что вообще де «русские коммерческие предприятия в Манчжурии» «должны вестись без всяких затрат со стороны казны» (как будто М. Г. Т-ва и не существовало!).

¹ См. в д. № 120, записку Абазы, прочитанную на совещании 26 марта 1903 г. и журнал совещания. Ср. «Дневник Куропаткина», стр. 38 и «Пролог и т. д.», стр. 277 сл.

² Полностью решения совещания 26 марта см. «Пролог и т. д.», стр. 281—282. Таким образом, проект соединения всех манчжурских концессий отпал, хотя в заседании его и поддержал Плеве, и М. Г. Т-во продолжало свое отдельное существование. Ср. Б. А. Романов: «Витте накануне русско-японской войны», в сб. «Россия и Запад», стр. 162 сл.

Но Витте, по выражению Куропаткина, «добился своего» еще и в том отношении, что поднятый Николаем вопрос об «объединении всех функций государственной власти на Востоке дабы прекратить существующий печальный разлад между представителями ведомств» тоже теперь был дружно провален заверенными триумвирами, что «никогда» «различия во взглядах» у них «не выражались в форме разнодействия ведомств», потому что они всегда действовали «по прямым указаниям» и «под непосредственным руководством» самого царя¹.

Таким образом, дело приняло вид, как будто 26 марта 1903 г., в день, когда должна была закончиться эвакуация второй очереди, царя удержали от приостановки эвакуации и верного конфликта с державами и согласились, после 5-тилетнего бойкота, в виде уступки его личному желанию, выхлопотать ему только легальную возможность, с небольшим воспособлением от казны, заняться в обществе с близкими ему людьми лесным промыслом на международном рынке, с тем, чтобы он зато отказался от всякого другого предпринимательства там, — иными словами, что «императорская» политика восторжествовала над «безобразовской», личной². Однако, ближайшие недели показали, что никакого и ни в чем Витте провести не удалось. Витте ждал, что Безобразов, внезапно отозванный с Востока царем, вернется скомпрометированный донесением, составленным одним из верных агентов Витте и подписанным адм. Алексеевым (но, оказалось, так и не посланным!), и, уже по возвращении Безобразова, Витте любезно уговаривал его бросить коммерческое дело, в котором де он ничего не смыслит³. Куропаткину, при отъезде его на Д. Восток в начале апреля 1903 г., царь поручал «изгладить

¹ См. журнал совещания 26 марта в д. № 120 и «Дневник» Куропаткина, «Кр. Архив», т. 2, стр. 40. Под «добился своего» Куропаткин разумел, кажется, только то, что пунктом 2-м постановлений совещания 26 марта добиться получения концессии на манчжурские леса по р. Ялу было поручено ему, Витте.

² См. «Дневник» Куропаткина, «Кр. Архив», т. 2, стр. 38.

³ См. Б. А. Романов. «Витте накануне русско-японской войны», в сб. «Россия и Запад», Петр., 1923, стр. 145.

следы деятельности» «этого» (!) Безобразова¹. А вышло так, что прошел апрель, — и вновь настал «психологический момент». Но на этот раз упорствовавшие министры были поставлены перед двумя совершившимися фактами: 1) перемены курса и 2) административной реформы, которые никак уже было не свести на коммерческие забавы. 2 мая 1903 г. Алексею Николаю, не спросив министров, телеграфно приказал «подготовиться» к проведению в жизнь («под непосредственным моим руководством») нового курса, заключавшегося в том, чтобы, «в связи с окончательно принятым решением точно исполнить договор 26 марта 1902 г.», «не допустить проникновения в Манчжурию иностранного влияния в каком бы то ни было виде» (но под этим подписался бы и Витте!)². А для этого: 1) «дать широкое развитие деятельности русских предпринимателей в Манчжурии [не в Корее?!],... в особенности в районах, представляющихся важными в политическом и в военном отношениях» (как сейчас увидим, и об этом хлопотал Витте!), и 2) «в минимальный срок и не останавливаясь перед нужными расходами, поставить нашу боевую готовность на Д. Востоке в полное равновесие с нашими политико-экономическими задачами, дав, очевидное для всех, доказательство решимости отстаивать наше право на исключительное влияние в Манчжурии» (это и была новость)³. Николай заметно спешил не только с новым курсом (в тот же день и Куропаткину пошла телеграмма, что «в связи с мероприятиями», намеченными по его ведомству, «скорейшее» «присутствие» его при царе считается «необходимым»)⁴, но и с перестройкой аппарата: предупреждая Алексея, что ему предстоит «сосредоточить» в своем лице «высшее и ответственное на Д. Востоке управление по всем ведомствам» (наместничество!), 2-го же мая

¹ См. «Дневник» Куропаткина. «Кр. Архив», т. 2, стр. 41 и 42.

² Он еще в марте 1903 г. боялся, как бы «в результате» орудования в Манчжурии «безобразовцев» она не была бы «передана в руки иностранцев» (см. «Дневник» Куропаткина, «Кр. Архив», т. 2, стр. 39).

³ См. в д. № 120, тел. Николая Алексею от 2 мая 1903 г. ;

⁴ См. там же, тел. Николая Куропаткину от 2 мая 1903 г.

Николай назначил Безобразова своим «статс-секретарем», а 7 мая собрал своих министров, чтобы переговорить с ними не просто через какого-то «внештатного советника», а через должностное лицо, каким сделался теперь Безобразов, и сообщить им о происшедшем, объяснив, почему в их руках дальнейшее ведение политики на Д. Востоке оставить нельзя¹. При этом о существенном, т. е. о том, что необходимо поторопиться с обороной на Д. Востоке и сосредоточить ее в руках наместника, министрам предложили только выслушать, а поговорить дали только о «частном обществе», которое теперь сразу как-то обратилось в предмет третьеочередного значения, как только перестало быть единственным орудием «личной» политики царя². Безобразов в заседании 7 мая прямо предложил отказаться от хлопот о лесной манчжурской концессии, и даже «отложить образование в полном объеме» проектированного общества, Витте пытался еще, вопреки всеобщей очевидности, утверждать, что «согласно принципам нашего финансового хозяйства, казна не должна принимать участие в акционерном капитале общества» (!), но на этот раз Плеве, не без ехидства, как бы успокаивая Витте, предложил «повременить с привлечением к делу иностранных капиталов», чтобы «не допускать возникновения в Манчжурии крупных экономических интересов иностранных государств» «до создания там фактической обеспеченности наших интересов»;

¹ В телеграммах от 2 мая Безобразов именуется уже статс-секретарем. Судя по журналу совещания 7 мая 1903 г. (см. в д. № 120), там были зачитаны названные телеграммы от 2 мая и записка ген. Вогана (безобразовца): «значение договора 26 марта 1902 г. в развитии вопроса о Манчжурии». Этот обвинительный акт кончался выводом, что «с подписанием» этого договора, «после огромных жертв», «Россия теперь стоит в манчжурском вопросе хуже, чем до 1902 г.», п. что при «открытых дверях» иностранцы «скоро убьют те зародыши русской торговли и промышленности, которые появились в Манчжурии», «ж. д. и Русско-Китайский банк будут служить иностранным интересам, а деятельность их будет ограничена конкуренцией Шаньхайгуаньской ж. д., уже находящейся в руках англичан, и отделений иностранных банков, которые вероятно будут открыты в Инкоу и Дальнем».

² Ср. Куропаткин, «Пролог манчжурской трагедии», в сб. Централархива: «Русско-японская война», Л., 1925, стр. 24.

а в таком случае что же и оставалось как не «определить размер денежного участия казны в акционерном капитале общества [не в «скромных размерах», как 26 марта, а] в соответствии с действительными государственными интересами»¹. Что говорить сейчас о пределах этого участия было поручено Безобразову на этот раз еще с Витте, — это была совсем ничтожная уступка сравнительно с тем, что *общие основания* экономической политики на Д. Востоке было предложено (в телеграмме 2 мая) обсудить Алексееву уже не с Витте, а с Безобразовым только.

Таким образом, то, что случилось 2—7 мая 1903 г., никак не укладывается в формулу, пущенную тогда же известным кн. Мещерским и весьма смакованную в министерских кругах Петербурга, о том, что де «составился заговор *против государя и его министров* и что во главе заговора *стоит Николай Александрович* [как сказали бы теперь, *Романов*], а далее следуют Безобразовы, Абазы и т. п.»². Как раз наоборот: политика, до сих пор бывшая «царской неофициальной» и «боровшаяся» с «царской же официальной», как жаловался Витте Воронцов, стала, наконец, на место *бывшей* «царской официальной», как *настоящая* «царская же официальная»³. В том виде, как она была сформулирована в эти майские дни, она ставила себе задачу, которую преследовала и прежде «императорская» политика, проводимая Витте. Капитальное же отличие нового курса от прежнего состояло в том, что на первый план теперь выдвинута была *проблема боевой готовности* России на дальневосточном театре для защиты по существу старой программы: не прямого присоединения, «захвата», Манчжурии, а экономического ее завое-

¹ См. в д. № 120, журнал особого совещания 7 мая 1903 г. и «Проло и т. д.», стр. 285, где изложены постановления совещания; они относились только к вопросу об обществе.

² См. «Дневник» Куропаткина, «Кр. Архив», т. 2, стр. 44.

³ См. письмо Воронцова к Витте от 9 мая 1903 г. в д. № 120. Почти целиком приведено в нашей статье: «Витте и концессия на Ялу», в «Сб. статей, посвященных С. Ф. Плутину», Петр., 1922, стр. 439.

вания и охраны ее от «наводнения» иностранцами¹. В то время, как новый курс исходил из мысли, что на Манчжурию затрачены «громоздкие деньги» «и все это на воздух» (потому что «вздумаю сегодня японцы занять Порт-Артур и нашу дорогу, то мы на суше этому противиться не можем» и находимся «в данную минуту совершенно в зависимости от Японии»)², — представители прежнего курса были «убеждены», «что мы имеем совершенно достаточно силы для обороны того, чем уже обладаем» и «что Япония никогда нас не тронет, если мы не пожелаем делать дальнейшие захваты»³. Задача русской дипломатии и теперь, в мае 1903 г., представлялась Витте совсем «простою»: «нам пужно бросить мысль о захвате Кореи» — и «все тут»⁴.

Между тем, Николай решительно сворачивал на новый курс в мае, непосредственно вслед за тем, как его «императорская» дипломатия, держась еще старого курса, только что, в апреле 1903 г., на всем ходу и на том же месте безнадежно в третий раз села на мель в Манчжурии — не в Корею.

IV.

Что договор 26 марта 1902 г. исчерпывал всю совокупность вопросов между Россией и Китаем хотя бы только с точки зрения «ограждения интересов» одной КВЖД, не утверждал даже и Витте. По возвращении с Востока осенью 1902 г., он сам же поднял вопрос, напр., о необходимости распространения железнодорожной концессии на линию от Куаньчэнцзы к Гириню, потому

¹ См. выше, стр. 345.

² См. только что цит. письмо Воронцова.

³ «Достаточно» — это полугодовая обороноспособность П.-Артура и возможность выставить на Д. Востоке 100-тысячную армию, «не прибегая к европейским силам» (см. в д. № 120, ответ Витте Воронцову от 9 мая 1903 г.); флота Витте просто и упоминать не хотел: он и сам знал, что «флот Японии сильнее нашего», как писал Воронцов и как показывала ему официальная справка морского м-ва от ноября 1902 г. (*русский флот* в Тихом океане: тоннаж 114.436, людей 8.532, *французский* — 45.499 т. и 3.862 чел., *японский* — 211.702 т. и 15.891 чел., *английский* — 125.588 т. и 8.850 чел.; см. в д. № 79, ч. I, справку за подписью лейтенанта А. Петрова от 20 ноября 1902 г.).

⁴ См. в д. № 120, цит. письмо Витте от 9 мая 1903 г.

что для полной безопасности Китайской Восточной ж. д. «на случай политических осложнений с Китаем» необходимо, «предварительно вывода наших полевых войск из Манчжурии», «занять» войсками пограничной стражи «все главные города»; между тем, «после эвакуации Манчжурии мы будем иметь право держать отряды в этой стране только по линии жел. дороги, под предложением ее охраны», Гиринь же — «главнейший» центр, с «значительными складами оружия, интендантских и огнестрельных запасов» и с «военным арсеналом», и если станцию в Гирине «расположить на возвышенности, господствующей над городом» и снабдить ее «хотя небольшой батареей, она явится грозной позицией, с которой может быть разгромлен весь город»¹. Когда, в марте 1903 г., подходил срок эвакуации Гириня, а вопрос о ветке к нему не был еще улажен, подчиненный м-ру финансов начальник Заамурского округа пограничной стражи потребовал разрешения занять эту позицию одновременно с уходом русских войск, чтобы ее не успели занять китайцы, и Витте, конечно, не возражал². Когда (в феврале 1902 г.) Югович подал мысль о широкой скупке земель в районах крупных станций, Витте легко воспринял эту «политическую» мысль и развил ее в целый план уширения и колонизации полосы отчуждения, имея в виду не только «лиц торгово-промышленного класса», русских и китайцев (а не иностранцев, которые «не должны быть допускаемы вовсе к приобретению оседлости в районе дороги»), но и образование «целых солдатских поселков» из нижних чинов, увольняемых в запас³. Наконец, проект эксплуатации дороги

¹ См. в д. № 112, всеп. доклад Витте о поездке на Д. Восток в 1902 г., стр. 55—56. В «Прологе и т. д.», этот доклад приведен почти полностью (см. стр. 189—242), но цитируемое место пропущено.

² См. в д. № 107, ч. I, рапорт нач-ка Заамурского округа Отд. Корпуса Погр. Стражи от 18 марта 1903 г.

³ См. выше, стр. 370, и цит. докл. Витте о поездке на Д. Восток, стр. 50—54. До мая 1903 г. «для заселения» было скуплено 143.700 дес., из них на станциях ж. д. 100.000 (всп. докл. Витте от 1 августа 1903 г. в д. № 11). «Правила о водворении русск. поданных» на землях К. В. ж. д. утверждены Николаем 23 мая 1903 г.

«военными силами», посредством железнодорожных батальонов, и подчинения «всех вообще русских вольнонаемных служащих» дороги «правилам о железнодорожных служащих в военное время» выдвинут был Витте именно теперь, в виду предстоящего увода полевых войск¹. Но что «разрешение манчжурского вопроса» *теперь* — было в «точном исполнении» договора 26 марта, Витте считал «несомненным»². Это не значило, однако, что Витте раз навсегда отказывался от прямого присоединения Манчжурии: «если *впоследствии* в возвращенной нами Манчжурии возникнут серьезные осложнения», тогда, вторично «введя в нее свои войска», «мы будем иметь полное основание» приступить «уже к устройству там нормального русского управления»³. Легко видеть, что именно такой постановкой вопроса Витте сам себе открывал лазейку к ревизии договора 26 марта, им же самим и купленную в последний момент при подписании этого акта.

Как известно, Куропаткин с самого начала «временной» оккупации Манчжурии считал необходимым относительно северной ее части, не присоединяя ее, сохранить оккупацию и русский «правительственный надзор», установленный еще осенью 1900 г.⁴ Куропаткин и теперь просто отказывался брать на себя ответственность, как военный министр, за «внешнюю безопасность» Тихоокеанских владений России, если магистраль Китайской Восточной ж. д. к Владивостоку останется в положении «нити, которую нетрудно будет прервать», и грозил, в таком случае, «настаивать на скорейшем сооружении нового рельсового пути по русской территории от Сретенска к Хабаровску», а тогда «все сделанные затраты будут впустую»⁵. Когда Куропаткин еще в июле 1902 г. в первый период за-

¹ См. всеп. докл. Витте о поездке на Д. Восток, стр. 49—50.

² См. там же, стр. 33.

³ См. там же, стр. 32.

⁴ См. выше, стр. 279.

⁵ См. «Дневник» Куропаткина, «Кр. Архив», т. 2, стр. 22, и в д. № 107, ч. 1, журнал особого совещания 25 января 1903 г.

куации, критикуя подписанный договор, попробовал было заикнуться о необходимости «в виду эвакуации» добиться от китайского правительства, «чтобы для обучения китайских войск в Манчжурии никоим образом не были допущены инструкторы Японии и других наций», и сохранения военных комиссаров «для наблюдения за развитием китайских вооруженных сил», — Ламсдорф категорически отказался поднимать от имени русского правительства вопрос о «неудовлетворительности им же самим выработанного акта»¹. Но, когда эвакуация первой очереди благополучно закончилась и Мукденская провинция к западу от Ляо была передана вместе с железными дорогами в руки китайской администрации, вопрос о «неудовлетворительности» договора 26 марта был поднят вновь, и на этот раз не одним Куропаткиным. Именно теперь окончательно и в последний раз надлежало или принять или отвергнуть проект полуприсоединения Сев. Манчжурии: во вторую очередь, к 26 марта 1903 г., договор обязывал Россию очистить не только остальную часть Мукденской провинции, относительно которой у триумvirата не было разногласий, но и *всю* Гириньскую, относительно которой не все было готово и по части Витте, а схема Куропаткина устанавливала разграничение по линии «от места слияния Нонни с Сунгари, близ Бодунэ, до устья Тумени»². Это разногласие в триумvirате становилось на практическую почву в самый неблагоприятный момент, когда перед лицом воспринувших безобразовцев требовалось сугубо осторожное обращение с «адмиралом Тихого океана» и демонстрация перед ним солидарности заподозренных «ведомств». Пересмотр манчжурского вопроса в аспекте русско-китайских отношений напраши-

¹ См. в д. № 107, ч. I, письма Куропаткина к Ламсдорфу от 13 июля 1902 г. и Ламсдорфа Куропаткину от 23 июля 1902 г. Ламсдорф «не видел, в силу каких соображений русское правительство, через 4 месяца по подписании соглашения и через несколько недель по высочайшей ратификации могло бы заявить китайскому правительству о неудовлетворительности и т. д.».

² См. предложение Куропаткина на совещании 25 января 1903 г. сохранять оккупацию к северу от этой линии, в д. № 107, ч. I.

вался еще и потому, что в аспекте русско-японских отношений он выдвинут был последним японским предложением (от 22 июля/4 августа 1902 г.), своими корейскими пунктами побуждавшим к постановке всего вопроса целиком — об «*общем направлении русской политики на Крайнем Востоке*»¹. Новый факт, с которым приходилось тоже считаться, — это предстоявшее распространение на Манчжурию компетенции ведомства китайских морских таможен и появление в каждую из ее провинций «одного или нескольких» чиновников «иностранный штата» этого ведомства, назначаемых туда «для службы в связи с делами туземной таможни» по соглашению с сэром Р. Хартом². Наконец, что касается положения на месте, в самой Манчжурии, то там по вопросу о дальнейшей политике Петербурга тем более не могло быть ясного представления; а это еще увеличивало хаос, в котором жила страна уже третий год³.

Приступая к пересмотру общего вопроса о дальнейшей политике России на Востоке, Ламсдорф поднял все, что мог, чтобы обставить этот пересмотр возможно внушительнее и предложить Николаю программу, которая опиралась бы на авторитет всех 4-х заинтересованных министров (т. е. и морского, Тыртова) и всех 3-х представителей России в столицах Китая, Японии и Кореи. Розен, бывший в Японии в 1897—8 г. и теперь опять назначенный туда, Павлов (корейский) и Лессар представили пространные записки. В январе 1903 г. они все съехались в Петербург, имели предварительное, но совсем официальное совещание с Ламсдорфом (11 января) и затем приняли участие в столь же официальном совещании с министрами (25 января)⁴.

¹ Как формулировал Ламсдорф: см. там же журнал совещания 25 января.

² См. англо-китайский торговый договор 23 августа/5 сентября 1902 г., ст. 8, отд. X и XI («Сб. дог. и дип. док. по делам Д. Востока», СПб, 1906, стр. 609—610).

³ На это жаловался Витте в цит. докладе 1902 г. (стр. 22).

⁴ Копии журналов совещаний 11 и 25 января см. в д. № 107, ч. I. Обстоятельный пересказ их см. в «Прологе и т. д.», стр. 245—247 и 269—275. Записки Розена от 12 сентября и Павлова от 25 сентября 1902 г. — в д. № 26; записка Лессара от 4 января 1903 г., — в д. № 107, ч. I.

Оба вопроса: о соглашении с Японией и об эвакуации Манчжурии, были обсуждены, и решения по ним приняты были единогласно. Роль примирителя бесспорно удалась Ламсдорфу, и компромисс был достигнут ценой взаимных уступок. Розен, первоначально, в своей записке, высказавшийся весьма решительно против соглашения с Японией и за присоединение Манчжурии, на совещании говорил уже только о «временном продлении оккупация или, по крайней мере, сохранении большего числа войск на линии жел. дороги»¹. Витте, только что высказавшийся за необходимость «точного исполнения» договора об эвакуации, еще до открытия совещаний оказался в лагере тех, кто, вслед за Лессаром восставая против присоединения Манчжурии, хотели бы «обставить» эвакуацию ее «необходимыми *гарантиями* в том, что после ухода русских отрядов законные интересы России в Манчжурии не будут нарушены ни правительством богдохана, ни другими державами»: совещание посланников, напр., единогласно отвергло «предложение министра финансов о том, чтобы связать эвакуацию Манчжурии с получением согласия Китая на уплату золотом военного [боксерского] вознаграждения»²; понятно, что и на министерском совещании 25 января Витте не заикался больше о «точном исполнении» китайского договора, а «по существу» обсуждавшихся гарантий возражал только против пункта о запрещении китайцам селиться вдоль линии Китайской Восточной ж. д.³. Куропаткин тоже еще до открытия сове-

¹ Записка Розена от 12 сентября 1902 г., вся в пометках Витте, в д. № 26. Она написана по поводу японского предложения 22 июля 1902 г., но охватывает вопрос о всей политике России на Д. Востоке в связи с общим международным положением и резко критикует всю предшествующую политику «мирного» завоевания Манчжурии и «обращения ее в запретную область» — «старание» «тем более странное», «что естественные богатства самой России еще в столь широких размерах эксплуатируются иностранцами за недостатком у нас капиталов».

² См. в д. № 107, ч. I, журнал совещания 11 января. В «Прологе и т. д.» эта деталь, разумеется, опущена.

³ См. в д. № 107, ч. I, журнал совещания 25 января. — За неделю до министерского совещания 25 января, Витте «вечером долго сидел» у Куропаткина с целью объясниться и «кончить» «взаимное раздражение в делах», обещая

щаний много труда потратил, чтобы вырвать у Лессара согласие хотя бы на сохранение русской оккупации «по линии дороги в полосе отчуждения», и Лессар честно выполнил уговор, упомянув на совещании 11 января о возможности «заменить» охранную стражу «войсковыми частями»¹. Совещание министров так и не согласилось с Куропаткиным в вопросе о присоединении Сев. Манчжурии и не приняло его предложения включить в число гарантий запрещение заселения линии Китайской Восточной ж. д. китайцами. Но Куропаткину пошли всецело навстречу, когда он сам же и предложил компромиссную формулу, сводившуюся к тому, чтобы: 1) не обещать китайцам выполнить мартовский срок эвакуации, даже в случае их согласия на требуемые гарантии (имея в виду, что, по техническим условиям, желательно до 26 марта 1903 г. ограничиться очищением только Мукденской провинции, затем южную часть Гириньской провинции очистить «летом» 1903 г. и «не предрешать времени» дальнейшей эвакуации «до выяснения результатов очищения юга»), и 2) когда дойдет очередь, то «обусловить очищение не только Хэйлуцзянской, но также и северной части Гириньской провинции, требованием о сохранении на линии ж. д. и по рр. Амуру и Сунгари известного количества войск»². — Еще легче и проще прошел на обоих совещаниях вопрос о соглашении с Японией. Что японское предложение «неудобоприемлемо» (Павлов) и «чересчур притязательно» (Витте), согласны были решительно все; но, после некоторых колебаний на совещании посланников 11 января, где Розен высказывался против соглашения с Японией по корейскому вопросу, на совещании 25 января было достигнуто «полное единомыслие» относительно «желательности» такого

Куропаткину «стать на почву равенства» и «увеличить» «предельный бюджет» (по военному ведомству). Эта попытка объяснения начистоту удалась Витте: собеседники «расстались дружески» (см. «Дневник» Куропаткина, «Кр. Архив», т. 2, стр. 25—26).

¹ См. «Дневник» Куропаткина, «Кр. Архив», т. 2, стр. 21—22, и журнал совещания 11 января.

² См. журнал совещания 25 января.

соглашения и даже относительно того, что японские условия «представляют известную почву для дальнейших переговоров». Однако, Ламсдорф взял на себя предложить «воздержаться пока» от переговоров, «дабы не подать японцам повода предполагать о нашем настоятельном желании придти с ними к соглашению», и «ожидать от токийского правительства почина в возобновлении переговоров», — и это опять было встречено «общим согласием»¹, хотя Витте еще в декабре 1902 г. ратовал за соглашение с Японией теперь же, даже ценой временной уступки ей Кореи². Так составила освеженная программа «императорской» политики, поддерживавшая внешнее единство «кабинета», но по существу не решившая ни одного из поставленных на обсуждение вопросов. В частности в манчжурском вопросе она предлагала такой пересмотр договора 26 марта, который неизбежно вел к отсрочке эвакуации на заведомо неопределенное время. Минимум этой отсрочки определялся данным всеми Куропаткину согласием на *частичное* очищение (только юга) Гириньской провинции (вместо 26 марта) «в течение лета 1903 г.»³. Но легко было предвидеть (и в этом, конечно, отдавали себе ясный отчет), что непринятие Китаем всех или части дополнительных к договору обязательств весьма вероятно, а это вернет вопрос в исходное положение — к «временной», но бессрочной оккупации. Понятно, что при такой постановке манчжурского вопроса, при которой расчет строился на выигрыше времени, ничего другого Ламсдорф не мог предложить и по корейскому вопросу, как ждать нового предложения со стороны Японии с тем, «чтобы новое соглашение явилось дополнением и развитием ныне существующих, которые должны

¹ См. там же.

² См., напр., в д. № 26, записку Витте от 28 декабря 1902 г. по поводу упомянутых выше записок Розена и Павлова.

³ Уже 28 января 1903 г. Куропаткин получил «повеление» Николая: 1) в половине февраля приступить к эвакуации Мукденской провинции и закончить ее в один месяц, и 2) из южной части Гириньской провинции вывести войска с расчетом, чтобы они прибыли в Приамурский округ «в течение лета 1903 г.» (см. в д. № 107, ч. I, письмо Куропаткина к Витте от 7 февраля 1903 г.).

сохранить свою силу», и чтобы русские «уступки» «не предрешили разрешения по существу корейского вопроса»¹. «Императорская» дипломатия 25 января 1903 г. приняла решение, которое бесповоротно ставило ее на путь «промедлений, остающихся по большей части необъяснимыми», как выразилась японская нота от 23 января/5 февраля 1904 г., последняя перед открытием военных действий.

Спешить с предъявлением Китаю согласованной на совещании 25 января ноты о гарантиях и не думали (хотя бы для того, чтобы в случае удовлетворительного ответа китайцев проинформировать эвакуацию в срок!): она вручена была Цину только 5 апреля 1903 г., с некоторым опозданием даже против конечного срока эвакуации². Принятый список гарантий был сообщен в Пекин не очень ловкому поверенному в делах (Лессар туда тоже не торопился), повидимому, лишь как основа; проект ноты составлен был Плансоном и затем целиком одобрен из Петербурга, причем список требований был теперь увеличен³. Попытка

¹ Таково было «заключение» совещания посланников 11 января. Япония же 22 июля 1902 г. *сторично* предлагала именно анулировать все прежние соглашения (см. выше, стр. 336).

² См. в д. № 107, ч. I, тел. Плансона из Пекина от 5 апреля 1903 г.

³ См. там же, две телеграммы Плансона от 13 марта и тел. Ламсдорфа Плансону от 2 апреля 1903 г. — Проект «предварительной инструкции» Плансону, рассматривавшийся в совещании 25 января, заключал в себе только 3 требования: 1) о изменении внутреннего строя Монголии, 2) о передаче какой бы то ни было державе эвакуированных «местностей» «под какими бы то ни было видом (уступки, аренды, концессии и пр.)», и 3) о выделении, в случае приглашения иностранцев к заведыванию какими либо отделами китайской администрации, «дел северного Китая» «в совершенно особые... департаменты» и о поручении заведывания ими русским. — В проекте Плансона от 13 марта отпал первый пункт, но явилось 5 новых: 1) о неосуждении территорий в эвакуированных местностях, 2) о неосуждении для иностранной торговли новых пунктов в Манчжурии и недопущении в них консулов, без предварительных сношений с Россией, 3) о неприглашении иностранцев в администрацию Манчжурии, 4) о сохранении за Россией телеграфной линии П.-Артур—Мукден—Иинкоу, 5) о сохранении за Русско-Китайским банком в Иинкоу обязанностей таможенного банка и после эвакуации города, 6) о сохранении за русскими всех прав, приобретенных во время оккупации, и после ухода войск, и 7) о назначении на должности врача и таможенного комиссара в Иинкоу русских. — Окончательный текст ноты см. в «Прологе и т. д.», стр. 274.

Алексеева, а затем и самого Николая, на совещании 26 марта, еще увеличить этот список не удалось, и редакция этого дипломатического акта осталась целиком на ответственности триумvirата¹. Не имея еще что предъявить, Плансон уже 19 марта в претензионном тоне поведал китайцам о предстоящем², а несколько раньше в Петербурге были уже предупреждены, что китайцы «покажут ноту иностранным представителям», и что японские консул в Тяньцзинь и б. м-р ин. дел (Аоки) ведут «секретные переговоры с Юань Шикаем, подготавливая проект совместных действий, который будет представлен императрице в случае неисполнения эвакуации», «о каких-либо намерениях наших толкует теперь весь официальный Пекин»³. Уже по одному этому едва ли большой неожиданностью могло быть для русской дипломатии, что китайское правительство нашло предъявленные ему 5 апреля требования стоящими «совсем вне конвенции 26 марта» и похожими на «новое специальное соглашение» и ответило предложением обсудить «любые вопросы о Манчжурии» — «по эвакуации»⁴. Когда же в каких-нибудь два-три дня содержание русской ноты 5 апреля стало известно в дипломатическом квартале

¹ См. в д. № 107, ч. I, проект тел. Ламсдорфа адм. Алексееву, доставленный в канц. м. ф. 24 марта 1903 г., по поводу предложения Алексеева включить в число гарантий: 1) автономию Циньчжоутина и 2) утверждение пекинским правительством маньчжурской лесной концессии на Ялу (Ламсдорф отвечал, что «уничтожение автономии Циньчжоутина [ср. выше, стр. 281 и 296] может произойти на деле без всяких сношений с кит. пр-вом», а относительно второго пункта осторожно спрашивал, не будет ли он осложнением «и без того трудного дела»). Там же письмо Витте к Ламсдорфу от 19 марта 1903 г. о немнении возражений против Плансоновского проекта.

² См. там же, тел. Плансона от 19 марта 1903 г. Плансон не ответил на официальную просьбу Цина о назначении русских представителей для передачи эвакуируемой территории. Когда на второй запрос Плансон ответил предупреждением о готовящемся предъявлении условий, Лянь Фан воскликнул: «какие же могут быть еще условия, когда все условия предусмотрены прошлым соглашением».

³ См. там же, тел. Плансона от 12 марта и Покотилова от 24 марта 1903 г. Ср. также, Б. А. Романов, «Витте накануне русско-японской войны», в сб. «Россия и Запад», Петр., 1923, стр. 161.

⁴ См. в д. 107, ч. I, ноту китайского посла в СПб от 9 апреля 1903 г.

Пекина, Англия и Америка тотчас же заявили России протест против нарушения ею «трактатных прав». Особенный переполох вызвал, разумеется, пункт об «открытых портах» и консулах в Манчжурии, а Гэю он показался тем более вызывающим, что везадолго перед тем России был сообщен проект американо-китайского торгового договора, в котором предусмотрено было «открытие» для иностранной торговли Мукденя и Дагушана¹. Энергичная работа японской дипломатии в Вашингтоне в эти дни основывалась исключительно на этом пункте именно потому, что «если когда либо был благоприятный момент для Японии добиться удаления России из Манчжурии, то он представился именно теперь, когда Россия намеревается идти против торговых и иных интересов всех заинтересованных в делах Дальнего Востока держав»². Никакие отпираательства Ламсдорфа и никакие заверения его, что подобное русское требование «с первого же взгляда кажется смешным» и что «Россия более всего стремится привлечь американский капитал и торговлю», не могли иметь значения при том, что текст русских условий был получен американским послом в Пекине от японцев, в свою очередь имевших его от самого Цина³. Совсем как два года назад, русская дипломатия оказалась пойманной с поличным на попытке нарушить «трактатные права» держав и закрыть дверь в Манчжурию, и Гэй, например, имел возможность поставить Кассини в глупейшее положение, сославшись на то, что Плансон в Пекине «признался сам в разговоре с двумя коллегами», что добытый Конджером текст ноты «был действительно им передан министрам Вай-ву-бу»⁴. А дальней-

¹ См. в д. № 107, ч. I, три депеши Кассини из Вашингтона от 23 апреля 1903 г., особенно депешу № 44. Ср. также Синюю Книгу (China № 2, 1904), № 74 сл.

² См. в д. № 107, ч. I, депешу Кассини от 23 апреля 1903 г. за № 44. Кассини получил это сообщение (о том, что говорилось тогда в японском посольстве в Вашингтоне) из «конфиденциального источника».

³ См. Синюю Книгу (China № 2, 1904), №№ 91, 92, 97, и цит. депешу Кассини № 44.

⁴ См. в д. № 107, ч. I, цит. депешу Кассини от 23 апреля 1903 г.

шее поведение китайцев в переговорах с С. Ш. А. об открытии манчжурских «портов» только подтверждало, что Россия продолжает «оказывать давление» на Пекин в этом пункте, и китайцы, наконец, «обещали формально» «открыть порты», «как только будет закончена эвакуация Манчжурии» (т. е. «подписать 8 октября [н. ст.] торговый договор» со включением этого обязательства) лишь тогда, когда уже русская дипломатия сама отказалась от своей претензии в этом пункте¹. Выступая *вместе с Америкой* перед русским правительством с протестами только относительно нарушения «трактатных прав» (т. е. против пунктов о портах и устранения иностранцев от администрации в Манчжурии), английское правительство *вместе с Японией* одновременно: 1) предлагало Китаю «поддержку, подобную той, которая была оказана ему во время переговоров о Манчжурской конвенции» (в 1901 и 1902 гг.), относительно «каких бы то ни было условий [вообще], не оправдываемых Манчжурской конвенцией», 2) считало предъявленные Россией требования «совершенно неприемлемыми» и 3) предостерегало китайцев от «уступчивости по менее важным пунктам» во избежание в противном случае «неминуемых» «гораздо более важных уступок»². Значит ревизия Манчжурского соглашения отвергалась Англией в корне и целиком и притом в полном согласии с Японией: ее заверили, что Англия «вполне понимает важность условий, требуемых Россией», а Япония с своей стороны обещала «не предпринимать [для «решения» манчжурского вопроса] никаких шагов», не предупредив свою союзницу³. Для русского «старого курса»

¹ См. Синюю Книгу (China № 2, 1904), №№ 110, 114, 117, 120, 119, 121, 140, 141, 145. — Требование о портах и о консулах отсутствовало уже в требованиях, проектированных на Порт-Артурских совещаниях у Алексева в конце июня 1903 г. — см. «Пролог и т. д.», стр. 306—307.

² См. Синюю Книгу (China № 2, 1904), №№ 79—82.

³ См. там же, №№ 87 и 88. — Когда в начале июня 1903 г. Цин обнаружил уверенность, что манчжурский вопрос «в скором времени» будет разрешен между Китаем и Россией «без всякой утраты им своих державных прав», то английский посланник в Пекине нашел это «странным» (см. там же, № 143).

создавалось, таким образом, положение, при котором дальше ему не было ходу: попытка «императорской» дипломатии отступить теперь же, после первого отказа китайцев, *от некоторых* своих требований не подвинула дела вперед, и китайское правительство так и не приняло на себя *ни одного* из хотя бы «менее важных» обязательств, охотно следуя этому английскому совету¹.

Еще в ноябре 1902 г. Витте внушал Николаю, что Манчжурию Япония должна считать для себя «безусловно и навсегда потерянной», но зато «можно было бы временно даже и совсем поступиться Кореею, если только Япония предоставит нам за это соответствующие компенсации» (очевидно, в Манчжурии?)². И теперь, в мае 1903 г., Витте продолжал упорно стоять на своем: не делайте «захватов» в Корее, и Япония останется спокойной. А между тем, в Японии теперь не только в газетах писали, что «день установления русской верховной власти в Манчжурии будет также днем установления политики закрытых дверей» и что «это равнялось бы для Японии поражению в борьбе за существование» (Асахи), но, по некоторым сведениям, и правительство готово было *создать* «разрыв мирных сношений» с Россией посредством предъявления ей относительно Манчжурии какого-нибудь такого требования, которое было бы абсолютно для нее неприемлемым: а чем, как не прямым вызовом должно было явиться намечавшееся, повидимому, в начале мая требование — «ограничить численность железнодорожной охраны в пределах Манчжурии»?³. Ведь, именно это неограниченное

¹ См. «Пролог и т. д.», стр. 276. На этот раз русской стороной (в инструкции Лессару от 24 апреля) сняты были пункты о консулах и портах и о депонировании таможенных пошлин в Инкоу в Русско-Китайском банке.

² См. всеп. докл. Витте 1902 г. в «Прологе и т. д.», с. 214, 216

³ См. Синюю Книгу (China № 2, 1904), № 118, отчет Мак Дональда из Токио о японской прессе по манчжурскому вопросу, и в д. № 107, ч. I, письмо К. Алексева к Витте от 11 мая 1903 г., помеченное «СПБ». «Наш негласный японский агент» сообщал Алексеву «о намерениях бар. Комуры» «шифром» след.: «меня экстренно призывал граф М., прося поскорее предупредить вас о таком плане бар. Комура, одобренном высочайшей волею», а именно 1) «прежде

право Китайской Восточной ж. д. было с самого начала единственным в своем роде козырем в распоряжении авторов договора 26 марта всякий раз, как им приходилось отстаивать возможность эвакуации полевых войск и в то же время соблюдения безопасности дороги. Требование Комуры (или, тех, кто хотел в Петербурге подобным сообщением произвести эффект) должно было иметь целью поставить в безвыходное положение как раз тех, кто неустанно гримировался под друзей Японии, являясь на деле главными ее врагами: не мог же знать Комура, что Витте, на которого главным образом объективно и приходился бы этот выпад, после китайской ноты 9 апреля *уже* «принял» требование Куропаткина «не выводить из Сев. Манчжурии 9 батальонов пехоты с соответствующими частями других родов оружия»¹. Если такой план действительно обсуждался в Токио, то он не мог быть приведен в исполнение без согласия английского кабинета. Но пока в Лондоне, кажется, не совсем еще были чужды мысли о возможности соглашения с Россией, и даже еще в июле 1903 г.

всего узнать волю британского правительства и степень его готовности помочь Японии в случае разрыва мирных сношений с Россией», 2) «как только будет удостоверена воля Британии, сделать правительствам России и Китая предложение в таковой форме: а) ограничить численность жел.-дор. охраны в пределах Манчжурии, б) открыть более важные пункты Манчжурии одинаково для всех иностранцев, в) гарантировать для Японии свободное проживание ее подданных в Манчжурии, при условии ограждения их личных и имущественных прав в этой местности»; 3) «в случае неудовлетворительного ответа России или невыполнения ею данного обязательства относительно вывода войск, решиться на крайнее средство — считать Манчжурию восстановленную в ее прежнем положении, отравить туда японских инженеров, а в случае посягательства на их жизнь или свободу действий снарядить параллельно военный отряд, воспользовавшись для того частью, находящейся ныне в С. Китае».

¹ Так записано у Куропаткина в «Дневнике» («Кр. Архив», стр. 43) о бывшем 13 апреля 1903 г. совещании триумvirата (с участием Лессара) «по вопросу об эвакуации Манчжурии»: войска оставлялись в Харбине, Цицикаре, Фулярди, Нянгуте, Хайларе, Хуньчуне, по Сунгари и по тракту Цицикар-Благовещенск. Ср. в д. № 107, ч. I, письмо Витте к Ламсдорфу от 11 апреля 1903 г.: Витте соглашался на «отступление» от договора 26 марта на «учреждение военных постов на линии Китайской Восточной ж. д. и по рр. Амуру и Сунгари» — «в случае отказа кит. пр-ва представить потребованные нами дополнительные гарантии».

лорд Крэнборн в палате заявлял, что «русское правительство прекрасно знает, что мы были бы чрезвычайно рады достигнуть соглашения», но что «необходимо прежде всего, чтобы со стороны русского правительства была готовность» к этому, а затем «требовалось с нашей стороны отчетливое представление о том, чего именно добивается русское правительство»: но именно этого то в Англии «была совершенно не в состоянии понять». При этом Крэнборн, однако, не без яда заметил, что «пришлось усумниться в том, чтобы русское правительство представляло собою настолько однородную величину, насколько это возможно было бы а priori предполагать для деспотического государства, напротив того, в русском правительстве оказалось по меньшей мере две партии, с которыми приходилось иметь дело»¹. Но когда 15/28 июля 1903 г. Япония (не по секрету же от Лондонского кабинета!) решила предложить России «войти в рассмотрение положения дел на Д. Востоке, где встречаются их интересы»; когда Россия 23 июля/5 августа приняла это предложение; когда, наконец, Курино вручил Ламсдорфу 30 июля/12 августа японский проект соглашения и когда, разумеется, оказалось, что Япония 1) вовсе не считает Манчжурию «безусловно и навсегда для себя потерянною» и 2) желает ограждать свои и даже чужие интересы в Манчжурии, не предпринимая ее судеб в пользу одной России, — то именно такая, широкая, постановка вопроса о соглашении (одновременно по корейским и манчжурским делам) столкнула японскую дипломатию с *обоими вариантами* русского курса. Оба они как раньше, так и теперь не ограничивались защитой одних только железнодорожных интересов России в Манчжурии, а именно «специальные пите-

¹ Цитируем по переводу отрывка парламентского отчета 11 июля 1903 г., в д. № 107, ч. I. — Вероятно в связи с этим заявлением в палате стояла попытка Бенкендорфа заговорить с Лэнсдоуном о «возможности более полного соглашения» между Англией и Россией «по китайским делам» (см. в Синей Книжке, China № 2, 1904, под № 139 письмо Лэнсдоуна к Ч. Скотту от 16/29 июля 1903 г.): только Бенкендорф разумел какие-то уступки с русской стороны относительно Янцзы, а Лэнсдоун «указал» ему на Манчжурию и Нючжуан.

ресы в железнодорожных предприятиях» только и готова была признать за Россией Япония¹.

Различие между этими двумя вариантами, полное субъективного смысла для боровшихся в составе царского правительства персонажей, объективно не было так велико, как им самим, повидимому, представлялось, и так уж устойчиво, как принято было думать со стороны.

V.

Нет возможности хотя бы предположительно ответить на вопрос: на что же собственно рассчитывал триумвират, предлагая пекинскому правительству взять на себя ни с того ни с сего несколько дополнительных к договору 26 марта 1902 г. обязательств и среди них такие, которые заведомо были неприемлемы для третьих держав и должны были еще и еще усложнить и без того до крайности напряженную международную обстановку на Дальнем Востоке. Столь же бессилён историк ответить и на другой вопрос: как рассчитывал триумвират вести дальше свою дипломатическую игру, яко бы имевшую целью достижение прочного мира с Китаем и Японией, когда принимал решение (на совещании 13 апреля 1903 г.) «захватить» (т. е. открыто дер-

¹ См. «Материалы по Д. Востоку», изд. Ос. К-та Д. Востока, СПб, 1905, стр. 170, 173 и 177. Относительно Манчжурии японцы предложили 30 июля/12 августа включить в соглашение: 1) признание независимости и территориальной неприкосновенности Китайской и Корейской империй и поддержание начала равного благоприятства для торговли и промышленности всех наций в этих странах, 2) обязательство России «не мешать могущему быть продолжению корейской ж. д. в Ю. Манчжурию на соединение с Китайской Восточной ж. д. и Шаньхайгуань-Нючжуанскою линией», — с другой стороны 3) признание Японией «специальных интересов России в ж.-д. предприятиях в Манчжурии» и 4) признание ею права России посылать в Манчжурию войска для защиты этих интересов или подавления восстаний и беспорядков. — Тогда же, 30 июля/12 августа, и в Лондоне Лэнсдоун подчеркивал Бенкендорфу, что англо-русское соглашение по китайским делам возможно только при условии, что в него будет включен «Манчжурский вопрос» (Синяя Книга, China, № 2, 1904, № 142).

жать там русские полевые войска) такие стратегические пункты, как Харбин, Цицикар, Фулярди, Нпигуту, Хайлар, Хуньчунь, течение Сунгари и тракт Цицикар-Благовещенск¹. Со 2 мая 1903 г. историку приходится иметь дело уже с «новым курсом», и о том, что придумали бы представители старого курса, если бы им было дано вести дело и дальше, оставалось бы гадать на страницах уже не исторического исследования. Но старые персонажи не сошли и теперь со сцены и даже не были «отстранены от дел Дальнего Востока»: они обратились только в «сознательных секретарей», «под руководством государя», как втолковывал Ламсдорфу Безобразов создавшееся для министров после совещания 7 мая новое положение, так что и много спустя считали за собою право гордиться тем, что до последнего момента боролись за «мирный» исход против «авантюры», затеянной новыми советниками, «загниготизировавшими» будто бы царя². У Николая, как говорил Безобразов, была «своя метода действовать», метода «последовательной посещенности», при которой «остается в меде много дегтя, и дело намокнет». Под дегтем Безобразов здесь (это было уже в июле 1904 г.) разумел именно все тот же «паршивый триумвират», «патентованных подлецов», которых он «в свое время усердно обличал», которые «много, много наделали бед» и не переставали раздражать безобразовское воображение и после того, как Витте собственно был уже «убран» и «соглашение» (между триумвирами), по расчетам Безобразова, должно было бы «перестать существовать»³. Значит, «подлецы» так до конца и не смирились, не приняли «нового курса» и не солидаризировались с безобразовской «шайкой»⁴. Даже пытались держать какую то свою линию, как будет видно сейчас.

¹ См. «Дневник» Куропаткина, «Кр. Архив», т. 2, стр. 43.

² См. сб. «Русско-Японская война», изд. Центрархива, Л., 1925, письмо Безобразова Николаю от 29 мая 1903 г., стр. 143; «Дневник» Куропаткина, стр. 86.

³ См. Б. А. Романов, «Безобразовский кружок летом 1904 г.», «Кр. Архив», т. 17, стр. 79, письмо Безобразова от 8 июля 1904 г.; «Дневник Куропаткина», стр. 60.

⁴ Ср. там же, стр. 94.

Что угадаться теперь в отношении боевой готовности за Японией, — как, повидимому, вознамерился Николай, поручая Алексею (2 мая) «в минимальный срок» дать «очевидное для всех доказательство решимости отстоять наше право на исключительное влияние в Манчжурии», — было безнадежной задачей, отдавали себе ясный отчет все члены триумvirата. На совещании 7 мая Витте по вопросу о лесной концессии заявил, что «после объяснений с Безобразовым, он по существу дела не состоит с ним в разногласии», но относительно «увеличения наших боевых сил» на Дальнем Востоке он возражал против их увеличения, потому что «новые ассигнования на этот предмет со стороны государственного казначейства нанесут тяжкие удары экономическому положению русского народа»¹. Ламсдорф, вторя Витте, отрицал у России «материальную возможность» «не отступать более ни на шаг из занятых Россией областей», утешая при этом, что «время — единственный союзник и верный помощник России», «лишь бы она не проявляла нетерпения»². Куропаткин тоже говорил о «нашей сравнительно с Японией боевой неготовности» в июне 1903 г. и еще в январе 1904 г., накануне разрыва, считал необходимым «оттянуть» войну на 1 год и 4 месяца (чтобы закончить железнодорожные работы) или «хотя бы на 4 месяца», чтобы только «послать все подкрепления»³. Отсюда все они делали вывод, что надо избежать войны, но никто из них ни в совещании 7 мая, ни после до самой поздней осени 1903 г. не предложил целиком и немедленно вернуться к пунктуальному выполнению мартовского договора, не обставляя эвакуации никакими гарантиями, хотя вообще о необходимости

¹ См. Гр. С. Ю. Витте, «Вынужденные разъяснения по поводу отчета ген.-ад. Куропаткина о войне с Японией», М., 1911, стр. 87, 89, 90—92. Опубликованные здесь Витте выдержки из документов, относящихся к совещанию 7 мая 1903 г., сверены нами с копиями, имеющимися в д. № 120, и оказываются совершенно точными.

² См. в д. № 120, записку Ламсдорфа, представленную им после совещания 7 мая в ответ на читанную там записку Вогана.

³ См. «Пролог» и т. д., стр. 308, и «Дневник» Куропаткина, стр. 105, запись 15 января 1904 г.

«держаться трактатов» в пику Безобразову поговорить они были не прочь¹. Можно, сказать, что самое понятие «исполнения» договора 26 марта как то помутнело в Петербурге теперь, когда второй срок эвакуации совокупными усилиями всех прикосновенных к делу был пропущен, и, напр., об «окончательно принятом решении точно исполнить договор 26 марта» гласила даже, составленная, вероятно, Безобразовым и подписанная 2 мая Николаем, приведенная выше инструкция Алексееву, возвестившая новый курс.

Немудрено, что понять, чего же хотят теперь относительно Манчжурии в Петербурге, не только не умели англичане, но не мог взять в толк прежде всего и сам новый «ответчик» перед царем за ход дел на Дальнем Востоке будущий наместник Алексеев. Его по первому же разу смутила внутренняя противоречивость возложенной на него задачи: «точно исполнить принятые нами на себя конвенцией 26 марта обязательства» одновременно «с полным ограждением однако наших интересов в Манчжурии», и Алексеев начал «склоняться» к мысли «о желательности сохранить оккупацию», потому что «с допущением иностранцев в Манчжурию последняя будет окончательно потеряна для нас». Отсюда Алексеев делал и дальнейший, единственно возможный, — как подсказывал неудачный опыт «нашей дипломатии» («ошибки», по выражению Алексеева), — вывод, «что теперь не время вести какие либо переговоры с китайцами, а нужно не обращать внимания и укрепить наше положение в Манчжурии»². И в самом деле, начинать переговоры с кита́йцами о чем либо до эвакуации Манчжурии в *четвертый раз*, после того как трижды такие попытки кончались провалом, было бы по меньшей мере смешно. Один из корреспондентов Витге в Дальнем так и резюмировал свое впечатление от бесед с Алексеевым, что он «в сущности стоит за присоединение Манчжурии, но из осторожности не будет,

¹ См. в д. № 120, журнал совещания 7 мая 1903 г.

² См. в д. № 107, ч. I, телеграммы Протасьева (комиссара по фин. части Квантунской области) от 24 мая и 9 июня и Никотилова от 7 июня 1903 г.

пожалуй, высказывать этого крайнего взгляда, если не встретит сочувствия в военном министре, а будет лишь настаивать на продолжительной военной оккупации»¹. Так, в ожидании съезда в Порт-Артуре Куронаткина, Безобразова и др. лиц, с которыми, по желанию Николая, Алексеев должен был обсудить дальнейшую политику России в Манчжурии, вырисовывалась аннексионистская позиция будущего наместника на Дальнем Востоке: во всяком случае «взгляды его» что дальше, то больше «приближались» «несколько к идеям, проводимым Безобразовым»². Когда, 3 июня, Безобразов «с божьей помощью» собрался ехать из Петербурга в Порт-Артур, на месте его ждали, казалось, недурные ауспиции.

Но и в тылу у Безобразова, в Петербурге, теперь «в общем и по всем отделам» обстояло, как оказывается, «пока все благополучно». Действительно, за три недели, протекавшие от совещания 7 мая до отъезда, Безобразову удалось понаделать немало дел. Во-первых, больше всего хлопот доставил ему Ламсдорф, задумавший было уходить в отставку, но после двух продолжительных истязующих визитов Безобразова кончивший извинениями, «что, может быть, если бы он много знал ранее, то поступил бы лучше, но он не знал, а злой воли у него не было»³. Ламсдорф не только остался на своем посту, но обнаружил и некоторое «пробуждение» и условился с Безобразовым, что тот ему представит «перечень минимальных требований», «которые предъявятся Китаю и для аргументационной поддержки которых министерство иностранных дел располагает необходимыми средствами»⁴. Легче и проще оказалось, во-вторых, «договориться» Безобразову с Витте. Витте уже на совещании 7 мая делал вид, что признавал «желательным» «увеличение на Дальнем Востоке

¹ См. в д. № 107, ч. I, тел. Протасьева из Дальнего от 24 мая 1903 г.

² См. там же, тел. Протасьева от 9 июня 1903 г.

³ См. письма Безобразова Николаю от 2 июня, от 8 мая, от 11 мая, и два от 29 мая 1903 г. (в сб. «Русско-Японская война», изд. Центрархива, Л., 1925, стр. 143—144, 136, 137, 141—143).

⁴ См. цит. письмо Безобразова Николаю от 2 июня 1903 г.

наших боевых сил», лишь бы не выходить из только что (2 апреля) утвержденного «предельного бюджета» (210 милл. р., разверстанных на 5 лет)¹. И после совещания, когда Безобразов явился к нему для «разговора касательно денежных средств» на этот предмет, Витте вместо ожидаемого отпора сразу пошел на встречу новому «статс-секретарю» и натравил его на сокращение расходов по обороне западной границы, указав ему на 22 милл. р., ассигнованных на Бобр-Наревскую стратегическую жел. дор., и заодно похвалив его раскрытием этого военного секрета². А перед самым отъездом Безобразов в присутствии Волярялрского «договорился» с Витте и относительно начатых в Манчжурии новых предприятий, в частности о «согласовании совместного образа действий по Фушуньским коням» (часть которых, как мы знаем, принадлежала М. Г. Т-ву)³. В-третьих, с Витте же Безобразов «договорился» и «касательно вновь образовавшегося товарищества», договор о котором был нотариально заключен 31 мая 1903 г. и представителями которого оформлены были Волярялрский для Петербурга и Балашов для Дальнего Востока⁴. В-четвертых, беспомощные в таких вопросах Абаза и Безобразов теперь же передали на руки Плеве разработку вопроса о новой организации управления Дальним Востоком: пока, как известно, резолюция Николая на журнале совещания 7 мая наметила, чтобы «дела Дальнего Востока, требующие совместного обсуждения ведомств» были и «впредь соображаемы в Особом совещании подобно настоящему», и возложила «управление делами» этих совещаний

¹ См. Витте, «Вынужденные разъяснения и т. д.», М., 1911, стр. 92.

² См. письмо Безобразова Николаю от 23 мая 1903 г., в сб. «Русско-Японская война», стр. 139. Ср. «Дневник» Куропаткина, «Кр. Архив», т. 2, стр. 47: «величайшие тайны выносятся на улицу», и письмо Сахарова Куропаткину, там же, стр. 62.

³ См. письмо Безобразова Николаю от 2 июня, в сб. «Русско-Японская война».

⁴ Товарищеский договор об учреждении «Русского Лесопромышленного Т-ва на Д. Востоке», см. в «Прологе и т. д.», стр. 290. Никакого паевого капитала при этом опять собрано не было: казенные 2 миллиона далеко еще не были тогда исчерпаны.

на Абазу¹. И, наконец, в-пятых Безобразову удалось за спиной военного министерства добиться у Николая согласия на посылку 2-х бригад на Дальний Восток². После всего этого Безобразову оставалось только «молить бога», чтобы он «помог» ему «и на месте выполнить посылку волю моего государя», и для этого казалось достаточным поспеть в Порт-Артур раньше Куропаткина, чтобы соответственно настроить Алексева, слывшего и у безобразовцев за человека, который «всегда будет соблюдать свою собственную выгоду», и способного, не ровен час, примкнуть к Куропаткину³.

Если «с отъездом Безобразова в Порт-Артур» и «затихли поднятые по Дальнему Востоку вопросы, разрешение которых ожидается на месте в совещании военного министра, адм. Алексева и статс-секретаря»⁴, то нельзя сказать, чтобы они сняты были в Петербурге теперь с обсуждения вовсе. Никаких совещаний, правда, уже не созывалось, но по поручению Николая Абаза вел разговоры с вел. кн. Алексеем Александровичем, Витте и Ламсдорфом, а Ламсдорф в свою очередь спосился с нашими токийским и пекинским представителями по телеграфу. Насколько можно судить по неполным данным, которыми располагаем, над всем висел вопрос о том, как быть дальше, чтобы избежать осложнений с иностранными державами, в бдительном контроле которых за каждым дальнейшим движением России на Востоке сомнений ни у кого в Петербурге быть не могло. Лессару Ламсдорф прямо предложил «точно выяснить, какие притязания иностранцев в Манчжурии надлежало бы отклонить при предстоящей выработке окончательных гарантий», и Лессар сделал попытку напрямки выяснить у своих пекинских «коллег», что собственно они разумеют под принципом «открытых две-

¹ См. в д. № 120 копию журнала 7 мая с резолюцией, и цит. письмо Безобразова Николаю от 2 июня 1903 г.

² См. «Кр. Архив», т. 2, стр. 47 и 62.

³ Ср. письмо Абазы от 21 июня 1904 г. в «Кр. Архиве», т. 17, стр. 78.

⁴ См. письмо Сахарова Куропаткину от 12 июня 1903 г., «Кр. Архив», т. 2, стр. 61.

рей», соблюдение которого требуется от России¹. Но при этом обнаружилось, что «коллеги» «не имеют вполне определенного взгляда на то, что надо понимать под этим именем», и Лессар представил в Петербург собственные соображения по вопросу о «деятельности иностранцев в Манчжурии». Лессар расчленил вопрос так: желательна ли она для России 1) в виде иностранной *торговли* и 2) в виде открытия там иностранных *промышленных* предприятий, и возможно ли и как возможно ей воспрепятствовать отдельно в отношении торговли и в отношении промышленности. Иностранную торговлю в Манчжурии Лессар признавал «безусловно нежелательной», но воспрепятствовать ей видел одно средство — в присоединении Манчжурии и включении ее в русскую таможенную черту, а это в свою очередь считал невозможным. Наоборот, привлечение иностранных капиталов в манчжурскую промышленность, за отсутствием для того капиталов в самой России, Лессар считал для «экономического поднятия края» желательным «даже в случае присоединения Манчжурии»: более того, он боялся здесь «значительных трудностей», так как «относительно Манчжурии говорят много лишь потому, что нежелание России допустить туда иностранцев объясняется исключительным богатством края», и «если предприятия [там] станут свободными, то заняться [ими] явится очень мало желающих», так как «в действительности она не богаче других частей страны»². Но дело осложнилось тем, что «промышленная деятельность иностранцев» в Манчжурии неизбежно «будет принимать политическую окраску» и «будет направлена к ослаблению положения, коим мы пользуемся на основании договоров», и Лессар в результате предлагал «удовольствоваться продолжением оккупации всей области или части ее, оставив ее хотя бы номинально богдохаву», и заключить «особый договор», которым Китай обязался бы «не открывать в названной стране новых пунктов для

¹ См. письмо Ламсдорфа к Витте от 11 июня 1903 г. в д. № 11 и первую телеграмму Лессара Ламсдорфу от 3 июня 1903 г. в д. № 107, ч. I.

² См. цит. первую тел. Лессара от 3 июня 1903 г.

иностранный торговли, не разрешать устройства сегментов и урегулировать вопрос о промышленных концессиях согласно нашим интересам»¹. — Гораздо более «смелое» и «рискованное» решение вопроса предложил теперь из Токио Розен, тоже запрошенный Ламсдорфом. Относительно Кореи он предложил «дополнительное соглашение» с Японией о «разграничении обоюдных сфер интересов в Корее с предоставлением нам северной, а Японии южной Кореи со столицей и предоставлением ей . . . права снабдить корейское правительство советами, но, конечно, с обозначенными в телеграмме вашей [Ламсдорфа] ограничениями касательно возведения укреплений». Расчет на то, что Япония пойдет на такой «компромисс» по корейским делам, Розен строил (совершенно удивительным образом) на эффекте радикального решения манчжурского вопроса в виде «взятия всей Манчжурии под наш протекторат» (по образцу Боснии и Герцоговины) и «заявления» державам, «что во всю Манчжурию мы открываем такой же свободный доступ иностранным торговле и капиталам, *каким они пользуются в коренных областях Российской империи*», с обязательством ввести в Манчжурии тариф «ниже китайского» и с исключением из состава протектируемой территории порта Инкоу². Неизвестно, как отнесся к обоим этим предложениям Ламсдорф, но Витте частным образом высказался о проекте Розена, как о «смелом», «весьма одностороннем» и «довольно рискованном», относительно же «соображений» Лессара ответил, что «в общем» их «разделяет»; детальное же изложение своей точки зрения пока отложил — до выработки проекта гарантий на совещаниях у Алексеева в Порт-Артуре³.

¹ См. вторую (продолжение) тел. Лессара от 3 июня 1903 г. там же, и письмо Витте Ламсдорфу от 23 июня 1903 г. по поводу обеих телеграмм Лессара, где Витте так именно резюмировал предложение Лессара, выраженное в телеграмме несколько путанно, длинно и в отношении текста, может быть, даже дефектно. Для дальнейшего изложения нам важно, как понял Лессара именно Витте.

² См. в д. № 107, ч. I, тел. Розена Ламсдорфу от 13 июня 1903 г.

³ См. пометки Витте на экземпляре тел. Розена и на письме Ламсдорфа к Витте от 11 июня 1903 г., при котором он прислал Витте телеграммы Лессара от 3 июня, в д. № 107, ч. I.

Обоим министрам, впрочем, пришлось высказаться довольно определенно теперь же по другому поводу.

В те же дни и в той же связи те же вопросы, как теперь известно, решались и Николаем при участии остававшегося при нем Абазы. На первом месте здесь стоял вопрос о соглашении с Японией, при чем Николай высказался за то, чтобы «отдать Корею японцам». Так как Николай оставался попрежнему при «намерении исполнить договор 26 марта», то Абаза испугался, что «мы можем очутиться в затруднении и не окружить Корею», и при составлении наброска «основ наших будущих отношений к Японии» включил в него параграфы «об экономическом водворении» России в Манчжурии и о русских концессиях по рр. Тумень и Ялу. Намечен был и срок, когда, не дожидаясь инициативы со стороны Японии, можно будет «начать говорить с Японией о Корее»: «как только посланные [2] бригады дойдут до Забайкалья»¹. Как видим Николаю уже и не мечталось о Корее: он готов был последовать неоднократно в этом отношении советам Витте, а также отступить и от выжидательной тактики, усвоенной триумвиратом в январе 1903 г.² Нет пока следов, чтобы Николай сообщил о своем решении министрам. Но есть след, что и Ламсдорф не прочь был «подарить Корею японцам» с тем, чтобы «объявить в дальнейшем будущем, что мы останемся в Манчжурии»³. Зато оба, Витте и Ламсдорф, были приглашены Абазой, по поручению царя, высказаться по вопросу о том, возвращать ли Владивостоку права порто-франко. В один голос оба ответили, что вопрос этот связан прямо с вопросом о Манчжурии, а о Манчжурии высказались: Ламсдорф («с собствен-

¹ См. письмо Абазы к Николаю от 14 июня 1903 г., сб. «Русско-японская война», стр. 144 сл.

² Еще две недели спустя после того, как Абаза согласовал корейское решение Николая с в. кн. Алексеем Александровичем, 28 июня Николай интересовался знать: «отчего Розен не продолжает... переговоры, относительно даруемой Россиию Японии свободы действий в Корее?» (см. М. Н. Покровский, «Японская война», стр. 599).

³ См. письмо Абазы к Николаю от 14 июня 1903 г., сб. «Русско-Японская война», стр. 144 сл.

ного почина») — что «он уже три года того мнения, что Манчжурию следует взять, и теперь находит нужным придти к твердому и ясному решению», и «если решиться взять Манчжурию, то, объявляя Японии об этом решении, будет своевременно подарить им Корею»; Витте — что «желательно твердо и ясно сказать, чего Россия в Манчжурии хочет», и что «беспошлинный ввоз иностранного товара в Приамурье и Манчжурию может убить сбыт русского товара», что «в общем лучше допустить иностранные капиталы, чем иностранные товары» и что «в Манчжурии лучше порта закрыть»¹. Если Витте действительно «в общем» «разделял» «соображения Лессара» о невозможности закрыть в Манчжурию доступ иностранным товарам иначе, как присоединив Манчжурию и включив ее в русскую таможенную черту, то что же значил этот совет его Абазе?!

Если такое смешение языков за спиной у Безобразова произошло в Петербурге, то и в Порт-Артуре на июньских совещаниях дело для Безобразова обернулось не так «благополучно», как можно было ждать. Безобразов не нашел там ни в чем поддержки у Алексеева, который не только не заикался уже о присоединении Манчжурии, но оказался умереннее даже и Куропаткина. А именно: 1) даже в таком заветном вопросе, как «дейтельность на Ялу», Алексеев высказался вопреки Безобразову за придание ей «исключительно коммерческого характера», 2) вопреки Куропаткину высказался против присоединения даже одной только северной Манчжурии, 3) первый внес предложение о том, чтобы «выполнить» договор 26 марта (при условии, конечно, гарантий), 4) не поддержал Куропаткина с его 17 пунктами таких гарантий, считая, что количество их нужно «довести до минимума», потому что иначе выйдет, что «мы хватаем Китай», который «ни в чем не провинился перед нами», «за горло», и проектировал даже, чтобы китайское правительство «отправило

¹ См. два письма Абазы к Николаю от 16 июня 1903 г. в сб. «Русско-Японская война», стр. 146 сл.

чрезвычайного посла к государю императору, дабы ходатайствовать об эвакуации Манчжурии без тяжелых для Китая условий», 5) наконец, высказал даже совсем уже еретическую, антибезобразовскую мысль, чтобы в экономические предприятия в Манчжурии «не вкладывать средств государственного казначейства»¹. Постановления совещаний в результате вышли такими, что Безобразов признал их «не имеющими никакого практического значения» и телеграфировал царю свое «отдельное мнение»². Разумеется, никто и не заикался в Порт-Артуре (как и в Петербурге) о немедленной и полной эвакуации Манчжурии, но и тут призрак иностранного «противодействия» не переставал витать в продолжение всех 16 заседаний. О введении новых войск в Манчжурию речи не подымалось вовсе. Под усилением же боевой готовности понимались, повидимому, отвод части войск (2 стрелковых полка, 2 батареи и 1 саперный батальон) из Манчжурии не в Приамурье, а на Квантун, усиление работ по крепости в Порт-Артуре в размере суммы в 2 $\frac{1}{2}$ милл. руб. и продление оккупации на 3 года, с расположением войск «по линии Китайской Восточной ж. д.». Из списка гарантий, чтобы не раздражать иностранцев, выкинуты были требования о консулах, о неоткрытии новых пунктов для торговли и о преимуществах для русских поданных в получении промышленных концессий (т. е., как раз те, соображения о допустимости которых «в общем» только что в Петербурге «разделил» Витте)³. Понятно, что при таких условиях до установления «плана целесообразной постановки» «политико-экономических задач» России на Дальнем Востоке, как

¹ См. «Пролог и т. д.», стр. 293 сл., где подробно пересказан ход порт-артурских совещаний. Ср. в д. № 120, журнал совещания по вопросу о Манчжурии № 1 от 18 июня 1902 г. и в д. № 107, ч. II, тел. Покотилова от 25 июня 1903 г.

² См. письмо Безобразова к Николаю от 2 августа 1903 г. в сб. «Русско-Японская война», стр. 157.

³ См. полный перечень принятых в Порт-Артуре гарантий: «Пролог и т. д.», стр. 306—307. — 10-й пункт требований, о преимуществах при получении промышленных концессий, решено было предъявить, только если то признает удобным Лессар.

сначала предполагалось, у Безобразова с Алексеевым в Порт-Артуре совсем и дойти не могло. Решения же, принятые по военным и политическим вопросам, получили характер лишь предварительных («до возвращения в Петербург военного министра») и оказались открыты для критики.

По первым же вестям о том, что происходило в Порт-Артуре, оба, Витте и Ламсдорф, поспешили представить Николаю свои соображения в письменном виде. Ламсдорф ограничился только сопоставлением порт-артурского перечня гарантий с последней инструкцией, какая была дана Лессару (24 апреля) после весеннего отказа китайцев обсуждать требования, формулированные еще Плансоном, и указывал в своей записке преимущества этого старого перечня перед новым: выходило так, что Ламсдорф считал нужным, не мудрствуя, повторить неудачное выступление Лессара!¹ Витте, заготовлявший свой доклад, не зная еще в точности порт-артурского перечня, представил разбор всех, по его мнению, возможных решений манчжурского вопроса в виде: 1) формального присоединения Манчжурии, которое он отвергал, 2) бессрочной оккупации и сохранения русского управления, хотя бы и «вопреки воле китайского правительства», не прибегая к каким либо формальным актам, — что он тоже отвергал, и 3) эвакуации Манчжурии, что он с своей стороны и предлагал. Но по прямому смыслу этого предложения, оно далеко было от «исполнения» принятых на себя Россией по договору 26 марта обязательств. Во-первых, предлагалось «вывести» из Манчжурии русские войска и сосредоточить их не только в Приамурьи и Квантунской области, но и «на территории Китайской Восточной ж. д.». Во-вторых, «предварительно» предлагалось «выговорить у китайского правительства некоторые обязательства»,

¹ См. в д. № 120, «записку о гарантиях, выработанных на совещании в Порт-Артуре», представленную Ламсдорфом Николаю 6 июля 1903 г. На ней резолюция Николая: «все это надо будет обсудить по приезде военного министра. Возражения и поправки министерства иностранных дел заслуживают серьезного внимания». — Ср. Синюю Книгу (China № 2, 1904), № 138.

а именно (цитируем дословно!): «поставить ему для Манчжурии ряд ограничений в военном отношении, а равно ограниченные условия допущения представителей иностранных держав, потребовать для России серьезного влияния на таможенную систему Манчжурии и обусловить по возможности преимущественное право русских подданных на железнодорожные и другие промышленные предприятия в этой стране». Витте был абсолютно прав, конечно, что такое решение вопроса было бы «наиболее согласным с политикой, которой русское правительство придерживалось в отношении Манчжурии до настоящего времени», и читатель этой книги без сомнения легко опознает в перечне этих «обязательств» основные пункты манчжурской программы, которую Витте сделал предметом своей китайской политики с самого боксерского восстания. Но просто нельзя верить, чтобы Витте всерьез думал, что такое решение вопроса и теперь «едва ли может привести к затруднениям с китайским правительством, которое, по всей вероятности, без особых пререканий будет согласно принять на себя вышеуказанные обязательства», и что «вместе с тем это не может вызвать серьезных осложнений и с другими иностранными державами», — а между тем факт, что подобные соображения предназначались им для обоснования мысли о возможности еще и теперь, как того хотел Николай, «полного ограждения наших интересов в Манчжурии»¹. Что здесь мы имеем дело не просто с словесной фигурой и что Витте и вправду считал возможным вести в манчжурском вопросе старую «императорскую» линию, видно из того, какие конкретные практические шаги предложил Николаю, в виде формального постановления, собравшийся 1 августа в полном составе на совещание триумвират. Министры решили: 1) Манчжури не присоединять, 2) не признавая «более возможным по отношению к Манчжурии придерживаться буквального смысла

¹ См. в д. № 107, ч. II, отлук всеп. доклада Витте, датированный 27 июня 1903 г.

договора 26 марта», «расположить» войска «в потребном количестве в полосе отчуждения Китайской Восточной ж. д.» и «продолжать занятие» Хуньчуня, 3) до такого «выполнения» мартовского договора «предъявить требование» о соблюдении Китаем 5-ти «существенных условий», потому что, «имея значительные силы в полосе отчуждения и в Квантунской области, мы можем категорически бесповоротно заявить Китаю то, что мы считаем необходимым для ограждения наших прав и интересов», и 4) «в обмен» на эти условия «заявлять» Китаю, что Россия «приступит» «к немедленному удалению гарнизонов» из Мукденской провинции, «к выводу в течение 4-х месячного срока» войск из части Гириньской провинции и «к удалению войск» из другой части Гириньской провинции и из Хэйлунцзянской провинции — «в течение годичного срока»¹. Если, говоря словами журнала совещания 1 августа, «сущность вопроса» (для русской стороны) была «не в том, *что* именно мы предъявляем Китаю», а в том, что *мы можем* «принять соответствующие меры к достижению своих целей», даже «если бы китайцы попытались в чем либо противодействовать нам», то и для китайской стороны суть дела оказалась не в том, что, под давлением Алексеева, китайцам были предъявлены не совсем те именно 5 требований, какие придумали министры, а в том хотя бы, что они еще смелее, чем весной, могли теперь ответить России отказом — «по наущению» Японии, где теперь, к осени, было уже ясно, что «два главных источника благосостояния страны, шелк и рис, одинаково обеспечены в текущем году. . . в размерах, уже давно небывалых»², и где «прекрасно» понимали, «что каждый день, чуть не час про-

¹ См. в д. № 107, ч. II, журнал совещания 1 августа 1903 г. Пять условий: 1) о неуступке иностранцам возвращаемых территорий, 2) о военных русских постах по Сунгари и Амуру, 3) о том же на тракте Цицикар-Благовещенск, 4) об исключении Сев. Китая из ведения иностранцев и 5) об ограждении торговых интересов Китайской Восточной жел. дор.

² См. донесение фин. агента в Японии Распопова от 28 августа 1903 г. в д. № 79, ч. II. — К тому же доход с шелка оказался с пикюля 1100—1150 иен вместо средних 900—950 иен.

медления увеличивает шансы в пользу России»¹. Китайцы и повторили свой весенний ответ, хотя самого вызывающего, по отношению к трактатным правам держав, из намеченных министрами 1 августа требований Китаю предъявлено и не было². Но и без этого, еще до предъявления русских требований и до отказа китайцев, участь «тройственного министерского союза», была уже решена, и постановления совещания 1 августа были, в сущности, лебединой песнью триумvirата.

Безобразов, вернувшийся в Петербург одновременно с Куропаткиным в середине июля, не мог, конечно, не догадаться, что поражение, которое он в своем статс-секретарском звании потерпел только-что в Порт-Артуре, стоит в прямой связи с тем, что случилось одновременно с Николаем в Петербурге. Здесь — «окончательно» принятое «решение допустить японцев к полному завладению Кореей», как сообщено было Безобразову Абазой в догонку еще 11 июня; там — дружный провал, ставовившейся у Безобразова маниакальной, идеи «стратегического заслона на

¹ См. там же копию с донесения морского агента в Японии кап. Русина от 20 августа 1903. С апреля по июнь 1903 г., в Японии были проведены поверочные и учебные мобилизации «почти во всех частях армии», то же и во флоте (его же донесение от 5/18 июня 1903 г.). Все лето 1903 г. вооруженные силы Японии поддерживались «в напряженном состоянии боевой готовности», и «такой серьезной всесторонней подготовки на случай близкой войны не было и не наблюдалось» в течение всего пребывания Русина в Японии (донесение от 8/21 августа 1903 г.).

² См. «Пролог и т. д.», стр. 346; Синяя Книга (China, № 2, 1904), №№ 147, 148, 149, 150, 151, 156; «Дневник» Куропаткина, стр. 52 и 54; тел. Алексеева из Порт-Артура от 23 августа/5 сентября 1903 г. в д. № 107, ч. II. Относительно решения министров 1 августа Николай пожелал знать мнения Алексеева. Алексеев протестовал против изменения гарантий, принятых в Порт-Артуре. Предъявление требований Китаю, в результате, затянулось до 24 августа/6 сентября. Их было 5. Из требований 1 августа были сохранены три первые, из них 2-е и 3-е сведены в одно. Опущено было 4-е, об исключении сев. Китая из ведения иностранцев. Прибавлены были два по существу незначительных: об охране отделений Русско-Китайского банка китайскими войсками и о включении в состав санитарной комиссии в Инкоу русского врача. С иностранными державами все шло, как по заведенной машине: русские требования были сообщены китайцами тотчас же японцам и англичанам, а те, найдя их противоречащими принципу открытых дверей, посоветовали китайцам ответить отказом.

Ялу» и такое же дружное требование свести лесное предприятие на уровень коммерческого дела. За всем этим Безобразов, только что, казалось, «договорившийся» с министрами в Петербурге, легко почуял все ту же интригу живучего «главаря тройственного министерского союза». Новый курс оказывался вовсе не обеспеченным и дело грозило «испакоуститься», по меньшей мере остаться «в загоне», если не довести намеченной в мае реформы до конца и не обезвредить все еще действующего вокруг Николая влияния «ведомств»¹. Безобразов иначе теперь и не трактовал «ведомства», как «враждебный лагерь», и спешил разоблачать перед Николаем хитрую механику, посредством которой триумvirат тичился подорвать «новое направление» и создавал «нездоровую деловую атмосферу», сбивавшую с пути истинного даже главную надежду нового курса, адм. Алексеева, который, кстати, до последней минуты «не верил, что будет наместником»². И вот, подписывая теперь (30 июля ст. ст.) указ об учреждении наместничества на Дальнем Востоке с «изъятием» «управления [им] из ведения министерств» и с сосредоточением «в заведывании» наместника «дипломатических сношений» «с соседними государствами», Николай одновременно дал, наконец, Безобразову и давножданное относительно Витте «указание» «считать его очень кратковременным деятелем»³. Именно в эти июльские дни, в разгар небывалой стачечной бури, охватившей весь юг, «подведен-

¹ См. тел. Абазы Безобразову в Порт-Артур от 11 июня 1903 г. в Малиновой Книге (издана канц. Особ. Комитета Дальнего Востока «на правах рукописи» под заглавием: «Документы по переговорам с Японией 1903—1904 гг., хранящиеся в канцелярии Особого Комитета Дальнего Востока»), док. № 1; сб. «Русско-Японская война», письма Безобразова Николаю от 2 и 4 августа 1903 г., стр. 156 сл.

² См. письма Безобразова Николаю от июля — августа 1903 г. в сб. «Русско-Японская война», док. №№ 14—17. Безобразов обвинял министров в том, что они «по своему обрабатывают правду», фактически ведут дело к тому, чтобы в случае войны «бросить всю Южную Манчжурию и занять позицию на севере, в таежных местах», что, предлагая уступить Корею японцам, они на деле предоставляют Японии сделать из Кореи «обеспеченный плацдарм для действий на континенте против России», чтобы «вытеснить нас современем из Манчжурии».

³ См. там же, док. № 16, письмо Безобразова от 2 августа 1903 г.

ные» под Витте «одновременно три мины» (что он «забрал себе слишком много власти», что он вел «ошибочную» политику на Д. Востоке, наконец, что он «красный») легко могли «произвести взрыв» в порядке простой детонации. Чтобы его предотвратить, Витте оставалось бы только окончательно решить, «как построиться», — и «соединиться» и «искренне пойти в дышле» с Безобразовым. Но и у Витте был свой предел «служебной эквилибристики»: на этот раз дело было бы не в том, чтобы истово произнести «filioque», признать «заслон» и «отнестись должным образом к предприятию на Ялу», т. е. не отказать в повторении ассигнований из казны, а в том, чтобы своими собственными руками принять участие в разрушении своего «особого государства в Манчжурии». Безобразов, с учреждением наместничества, сдавая в «ответственные» руки Алексеева дела по дипломатическим сношениям и обороне Дальнего Востока, собирался теперь вплотную заняться детальной разработкой своего «общего связанного плана» «твердых деловых постановок» для «объединения» «казенных торгово-промышленных предприятий» и для «возможно более правильного привлечения» «нашей частной предприимчивости с участием иностранцев», — плана, которым должна была начаться на Дальнем Востоке новая эра великих прибылей на смену «настоящего режима в делах министра финансов», при котором «никакая частная предприимчивость серьезно работать не может»¹. Как сейчас увидим, и здесь не было принципиаль-

¹ См. «Дневник» Куропаткина, «Кр. Архив», т. 2, стр. 60; у Безобразова еще 2 августа было впечатление, что Витте не знает, «как построиться» (сб. «Русско-Японская война», док. № 16), но ему было «совершенно ясно, что он в дышле со мной искренно никогда не пойдет» (там же, док. № 17); еще 12 августа в «дипломатических кругах» полагали, «что Витте соединился с Безобразовым» («Дневник» Куропаткина, стр. 54); «тотчас после смены Витте Безобразов был у него и упрекал, что он, Витте, не хотел с ним идти и потому пал» (там же, стр. 81); «относиться должным образом к предприятию на Ялу» — формула Безобразова (там же, стр. 44); Плеве объяснял Куропаткину, как случилось, что «влияние попало в нехорошие руки» Безобразовых: «все дело в том, что в Манчжурии собирались устроить особое государство (разумеется при этом государство Витте)» (там же, стр. 83); о «связном плане» Безобразова — док. № 17 и 14/III в сб. «Русско-Японская война».

ного различия между старым и новым экономическим курсом. Но для Витте это была последняя минута, когда можно было еще сойти с тонущего корабля: 30 июля/12 августа Япония предложила России признать и поддерживать «начала равного благоприятства для торговли и промышленности всех наций» в Манчжурии, в течение всех переговоров настаивала на признании Россией трактатных прав держав в Манчжурии полностью, и, как правильно отмечают, пошла на разрыв, несмотря на то, что Николай в последний момент принял основную редакцию манчжурского требования Японии¹. Как известно, Витте и предложил Николаю принять японские условия в первой же их июльской редакции, за исключением только пункта о соединении корейских жел. дорог с Китайской Восточной жел. дор. и Шаньхайгуань-Нючжуанской линией². Отрекаясь этим от своей политики монополий и преимуществ для русского капитала в Манчжурии, Витте фактически давал согласие на «наводнение» ее иностранцами и на этот раз открыто ставил себя вне нового курса. Если бы Витте не сделал теперь этого выбора, ему оставалось бы действительно солидаризироваться с Безобразовской «шайкой» и принимать на себя вместе с ней, т. е. со всем составом правительства Николая, как случилось с Куропаткиным и Ламсдорфом, всю формальную ответственность за войну.

VI.

Расстаться с Витте, как это сделал, наконец, Николай 16 августа, было ему, повидямому, вовсе не так просто. Именно покончив с этим затянувшимся делом, Николай в минуту откровенности (19 августа) признался Куропаткину, «что он тяжело мучается, выбирая из всего слышанного нужное», «что ему тяжело приходится напрягать свой ум», и с неожиданной для него кар-

¹ См. М. Н. Покровского, «Японская война», стр. 604.

² См. «Пролог и т. д.», стр. 343; «Дневник» Куропаткина, стр. 98: Витте даже уже после отставки сохранил надежду «на мирное улажение дела с японцами», уверенный, что «мы подождем хвост, но уступим».

тинностью пояснил, «что он думает, что это усилие ума, если бы могло проходить в лошадь, то очень встревожило бы ее»¹. Психологически Николай уже дошел до некоторой точки: его мучило какое то «принципиальное недоверие к министрам», просто как к министрам. Когда Куропаткин в те же августовские дни, отпрашиваясь в отставку после указа о наместничестве, выразил надежду, что «доверие» царя к нему «только возрастет», когда он «перестанет быть министром», Николай так и сказал: «знаете, ведь, как то ни странно, а это, быть может, психологически верно»². С Витте в этом отношении было хуже всего: он действительно «забрал себе слишком много власти», и, как говорили тогда, «обезличивал» «само самодержавие». Расставаясь с ним, Николай от него же и не скрыл своей мысли о перераспределении власти, тут же заговорил о том, чтобы «расчленив министерство финансов»³. Но не только с одним Витте, — и с Куропаткиным тогда же Николай заговаривал: «не следует ли разделить военное министерство» «на две части»?⁴. Нет сомнения, что, и учреждая дальневосточное наместничество, с подчинением сего Особому Комитету Дальнего Востока под председательством царя, Николай окольным путем, пока в точно локализованном и ограниченном масштабе, удовлетворял все этому же своему желанию — вернуть лицо «самоу самодержавию». Казалось бы теперь внутренний враг был окончательно сломлен, и «соглашение» между министрами против нового курса «перестало существовать». Но это все нисколько не прояснило горизонтов самодержавия и мало облегчило положение радетелей нового курса⁵. Во всяком случае «лошади» от этого не стало спокойнее, а русский дипломатический корабль продолжал оставаться на мели, не сдвигался и все больше затягиваясь песком.

¹ См. «Дневник» Куропаткина, «Кр. Архив», т. 2, стр. 58—59.

² См. там же, стр. 49, запись 4 августа.

³ См. там же, стр. 60, 55.

⁴ См. там же, стр. 57.

⁵ См. «Дневник» Куропаткина, «Кр. Архив», т. 2, стр. 60.

Новому курсу теперь ничего не оставалось, как только «превратить» (20 сентября) переговоры с Китаем о гарантиях и попытаться отстоять «полное влияние России в Манчжурии» дипломатическим путем в переговорах с Японией (русский ответ на японские предложения от 30 июля ст. ст. был вручен Комуре 22 сентября ст. ст.)¹. Это означало, что Россия, пренебрегая последним сроком мартовского договора, будет продолжать оккупацию Манчжурии и после 26 сентября 1903 г., и, так как именно Манчжурию сентябрьский ответ России предлагал Японии «признать» «во всех отношениях вне сферы ее [Японии] интересов», то у местного командования в Порт-Артуре теперь же не мог не встать и вопрос о том, какие военные меры необходимо будет принять в случае отправки Японией вооруженных сил в северную Корею². «Лесопромышленное предприятие Безобразова», которое Алексеев после своих июньских прегрешений и после своего назначения наместником признал, наконец, «заслуживающим того высокого покровительства, благодаря которому оно получило нынешнее развитие»³, попадало теперь

¹ См. Малиновую Книгу, №№ 6, 7 и 8, телеграммы Алексея Николаю от 12, 15 и 20 сентября 1903 г.; японскую Белую Книгу, док. № 17, тел. Комуры к Куроно от 22 сентября/5 октября 1903 г. — «Внезапный» разрыв переговоров с китайцами, на который дал свое разрешение Николай 20 сентября, был «очень ловким шагом со стороны наместника, очевидно, опасавшегося, чтобы китайцы не изъявили в последнюю минуту своего согласия на наши требования, так как они были слишком для них выгодны, ибо сводили, можно сказать, почти к нулю все наши преимущества перед иностранцами». (См. записку Балашова к Николаю от 12 ноября 1903 г. в «деле м-ра внутренних дел», № 119/3, «о Д. Востоке»; оно было переслано в канц. Ос. К-та Д. Востока 29 июля 1904 г. в тюме «из бумаг В. К. Плеве» при отношении П. И. Дурново). — Балашов приписывал Алексею опасение, что подобный совет Китаю дадут иностранцы — «союзники». Совет, конечно, был дан совсем противоположный.

² См. те же документы. Алексея, в тел. 20 сентября, предлагал в случае высадки Японией на побережье Корейского залива «даже одной бригады» предупредить японское правительство, что дальнейшая высадка «повлечет за собою принятие нами также военных мер». Меры эти: «в случае высадки в Чемульпо, Цинampo или в устье Ялу, первое — оказать противодействие открытой силой на море высадке дальнейших эшелонов, второе — немедленно мобилизовать войска Квантунской области и расположенные в Манчжурии».

³ См. в д. № 107, ч. 2, тел. Алексея от 23 августа/5 сентября 1903 г., с протестом против постановлений министерского совещания 1 августа.

в сферу боевого огня в первую очередь. Нетрудно себе представить, как должен был быть обескуражен Алексеев, когда, на прямо поставленный им теперь вопрос о сопротивлении японской высадке в точно обозначенных пунктах корейского побережья по соседству с устьем Ялу, он получил от Николая поспешный (составленный не Абазою или Безобразовым, а Ламсдорфом!) ответ, категорически возлагавший на Алексея «принятие мер, чтобы войны не было»¹. Но что это за меры, так и оставалось неясным до самого конца, точно также, как чем дальше, тем менее становилось понятным, «что же мы хотим в Манчжурии», если не открытого ее присоединения². А когда Япония (8 декабря) категорически подтвердила свое желание «ввести в объем соглашения все те области Дальнего Востока, где встречаются интересы двух империй» (т. е., кроме Кореи, и Манчжурии), и Николай, на совещании 15 декабря, согласился таки «включить» в соглашение «и статью о Манчжурии», то в. кн. Алексей Александрович, всегда нехитрый и лаконичный в своих репликах, желая поддержать эту уступку, чтобы «добиться соглашения», прямо заявил, что «в вопросе Манчжурском мы играем роль собаки на сене: сами не пользуемся и другим дать не хотим»³.

Между тем, новый курс именно в эти последние месяцы перед военной развязкой бился над вопросом, как бы действи-

¹ См. «Дневник» Куропаткина, стр. 78 и 80, и Малиновую Книгу, док. № 9, тел. Алексея Николаю от 25 сентября ст. ст. 1903 г. — Алексеев возражал Николаю, что «полное соглашение с Китаем» «невозможно, что и подтвердилось результатом переговоров, происходивших весной сего года и в последнее время», «восстановить же доверчивые отношения к нам китайцев... надо признать совершенно недостижимым, даже если бы мы отказались от всего, что нами с такими тяжелыми жертвами приобретено в Манчжурии».

² Об этом вопрошал у Николая Ламсдорф 15 декабря 1903 г. («Дневник» Куропаткина, стр. 95); тот же вопрос задавал дворцовый комендант Гессе Абазе, «во из длинных ответов Абазы ничего не понял» (там же, стр. 93); даже Плеве, с которым у безобразовцев был теснейший контакт, и тот сознавался Куропаткину, что ему «неизвестно, куда же мы идем» (там же, стр. 83); вечего и говорить, что Бенкендорф и подавно мог только «уклониться от ответа» на подобный же вопрос Лэнсдоуна (там же, стр. 102).

³ См. японскую Белую Книгу, док. № 35, тел. Комуры к Курино от 21 декабря н. ст.; «Дневник» Куропаткина, стр. 94 и 95.

тельно повернуть дело в Манчжурии так, чтобы, «давая другим», и самим воспользоваться известной учредительской прибылью от промышленной монополии. На развалинах собственного хозяйственного эксперимента Безобразовская «шайка» не только не бросила мысль об экономическом завоевании «зарубежных местностей Дальнего Востока», но и бралась, отрешившись «от прежних деловых постановок» «прежних деятелей», посредством «согласованной экономической программы для дел Дальнего Востока» «вывести дело из заколдованного круга — казенного хозяйства, с его огромным дефицитом в конечном результате» — на путь «общего экономического благополучия» при «индивидуализации труда и капитала»¹. За всем этим стояла мысль о присоединении Манчжурии. Но и здесь для безобразовцев камнем преткновения явился сам Николай с его «методой последовательной постепенности».

Понятно, что с уходом Витте угроза ликвидации должна была повиснуть над Манчжурским Горнопромышленным Товариществом. Еще и до отставки, маневрируя вокруг «полупомешанного» статс-секретаря, заявившего вдруг претензию на «владение лучшим участком» Фушуньского угольного месторождения, Витте пришлось соглашаться на передачу Безобразову этого самого многообещающего предприятия из числа концессий Манчжурского Т-ва, и, если передача эта не состоялась, то исключительно по вине Безобразова². Плеске, которого Безобразов атаковал теперь со своими разговорами, проектами и всякими «постановками» с первого же дня, сам сознавал, что ему «после Витте неизбежно суждено быть сереньким министром», и, робел перед «тяжелым наследием», перед «слишком большим ходом», каким «мы шли [при Витте] по разным делам», намеревался

¹ См. письмо Безобразова к Николаю от 14 октября 1903 г. в сб. «Русско-Японская война», стр. 160 сл.

² См. в д. № 106, ч. I-6, доклад Правления М. Г. Т-ва управляющему М. Ф. от 2 января 1904 г. По данным экспедиции инж. Калистратова, «запас угля в Фушуньском месторождении до глубины 60 саж. может быть определен в 675 миллионов пудов», т. е. давал бы по 25 милл. пудов в течение 25 лет.

«этот ход приостановить»¹. Результатом этого, как упоминалось, явилась «приостановка дальнейших выдач» с 16 августа и М. Г. Т-ву, и Правление Т-ва, отложив всякую мысль об исполнении проектированного было на 2½ миллиона плана работ, некоторое время кое-как еще тянуло дело, кредитуясь у Ротштейна в Русско-Китайском банке ради оплаты личного состава, а в начале января 1904 г. возбудило вопрос об освобождении его членов от «возложенных» на них обязанностей².

Было бы ошибкой думать, что теперь зато настала очередь процвести предприятиям «Русского Лесопромышленного Т-ва», переданным ему Безобразовым. Ничуть не бывало: та же беда, недостаток капитала, надвинулась одновременно и на этот «склад концессий». Балашов, ведавший делами «склада» на месте в Порт-Артуре, тоже не предполагал ограничиться отпущенными двумя миллионами и на одно только развитие лесного дела требовал от Безобразова «положить» 6 милл. руб. К концу августа 1903 г. для него было совершенно ясно, что «нынешняя операция дохода не даст» и, чтобы «не испортилась вся операция 1904 г.», необходимо было теперь же сделать ее «монопольной через покупку всего леса» и пустить в задатки не менее 300 тыс. руб.³. Но на руках у Балашова была, как мы знаем,

¹ См. «Дневник» Куропаткина, стр. 61.

² См. цит. доклад Правления М. Г. Т-ва от 2 января 1904 г.

³ См. тел. Балашова Безобразову от 6 сентября 1903 г. в д. № 119/3 канцелярии Ос. К-та Д. Востока. — В этом деле, скомпонованном в м-ве внутр. дел при Плеве, собраны цитируемые нами дальше копии двух ценнейших переписок: 1) Балашова и Безобразова с 25 августа по 10 ноября 1903 г., и 2) Вогоака и Безобразова за 18 октября — 3 ноября 1903 г. Нет следов, как попали копии расшифрованных телеграмм в руки Плеве. Но известно, что письма Абазы и Безобразова, которыми они обменивались летом 1904 г., перлюстрировались, и выдержки из них приготавливались в д-те полиции к докладу Плеве. Эти выдержки опубликованы нами в «Кр. Архиве», т. 17. Любопытно, что набор их, сохранившийся в делопроизводстве д-та, обрывается на письме от 17 июля 1904 г., в котором Абаза оплакивает смерть этого своего «сюзника». Ирония судьбы доходила здесь до того, что корреспонденты наши «боялись почты», ибо «все читают» и «врагу» (т. е. Витте) становится известным все, «что против него делается» (см. напр., письма Абазы от 26 мая и 10 июня 1904 г.), и искали «способов» посылать письма с гарантией тайны — у Плеве!

не одна лесная операция, а и уголь в восточном Фушуне и электрическая концессия с церковью, школой и больницей в Мукдене и даже пароходство по Ляохэ. Мало того, именно теперь на сцене вновь появляется бар. Г. Г. Гинцбург, корейский гений Лесопромышленного Т-ва, с предложением перекупить у француз старую концессию на ж. д. Сеул-Ийчжу (в устье Ялу)¹. Между тем на счету у Балашова в Порт-Артуре (к 15 сентября) оставалось всего в наличности 5 тыс. р., и Балашов, не получая из Петербурга определенного ответа, «сколько» и в «какой срок» можно ждать денег, умолял прислать «немедленно сколько-нибудь» — но и это безрезультатно. Уже к октябрю в местных банковских кругах пошли слухи о «прекращении действий» Т-ва, «сокращении расходов», увольнении служащих и распродаже инвентаря, что «Фушунь решено оставить (всучить нам?)», что «ищут покупателя на электрическую концессию» и т. п.². А к началу ноября в Порт-Артуре уже просто жили в долг, с «пустою кассой», и продолжали просить о присылке хоть «скольконибудь», и вообще готовы были помириться в дальнейшем только на покрытии уже сделанных долгов³. К моменту закрытия навигации (в первых числах ноября) на складах Т-ва валялось на 700 тыс. р. непроданного леса в бревнах «никуда негодных размеров», и сам Вогак, приехавший в Порт-Артур на этот развал (22 октября), не совсем верил утверждениям Балашова, что все же лесу «запродано» на 300 т. руб. и что эти деньги действительно поступят в кассу⁴. «Eclipse» лесопромышленной компании была действительно налицо, и «протянуть выжидательное положение» без умаления «престижа дела»,

¹ См. тел. Балашова Безобразову от 3 сентября 1903 г. там же.

² См. там же, тел. Балашова Безобразову от 16 и 17 сентября, и в д. № 120, тел. от 2 октября и письмо от 26 октября Дмитриева-Мамонова Покотилеву из Мукдена в Пекин.

³ См. тел. Балашова Безобразову от 6 ноября 1903 г. в д. № 119/3 канд. Особ. К-та Д. Востока.

⁴ См. там же, тел. Балашова от 10 ноября 1903 г. и письмо Вогака от 18 октября Безобразову со ст. Манчжурия.

как умолял Безобразов, Балашову не удалось¹. О «провале» лесного предприятия на Ялу заговорили и в Петербурге, Безобразов успел уже (к концу ноября) «сказаться больным» и, по обычаю, уехать на отдых в Швейцарию, а Балашов попрежнему сидел без денег, продолжая занимать, и только 19 декабря Николай, наконец, распорядился перевести ему 200 т. р., которых ему только-только могло хватить на уплату долгов².

Эта длительная задержка в столь жизненном для дела вопросе совсем не зависела от злой воли или беспечности Безобразова. Но он бессилён был тут чем либо помочь: Балашов «во всех своих денежных требованиях» «совершенно забывал», что Безобразов «не располагал безотчетными денежными суммами и что всякое новое ассигнование сверх отпущенных 2 миллионов должно быть обставлено соответственной формой» и что, кроме того, «необходимо получить компетентное одобрение наместника, помимо которого» Николай «никакого дела» «разрешать» не хотел³. Единственно на что, при соблюдении этого условия, рассчитывал Безобразов, это на 200 тыс. р., ассигнованные ему на его статс-секретарскую канцелярию⁴. Ему казалось, что с отпуском этой суммы «медлит Плеске» — «несмотря на достаточно ясное приказание» (паря, которому Безобразов докладывал о деньгах, а тот заверил его, что «сделал распоряжение»)⁵. Но едва ли в стиле робкой фигуры Плеске было зани-

¹ См. там же, тел. Безобразова Балашову от 26 августа, и в д. № 120 письмо Дмитриева-Мамонова Покотилову от 26 октября.

² См. «Дневник» Куропаткина, стр. 86, записи 26 и 27 ноября, и в д. № 44/47 канц. Ос. К-та Д. Востока, тел. Балашова Безобразову от 14 декабря 1903 г. с угрозой «остановить все»; на тел. пометка Абазы о «повелении» Николая м-ру фин. перевести 200 т. р. Там же письмо упр. м-вом фин. Романова от 22 декабря об исполнении.

³ См. телеграммы Безобразова Балашову от 18 и 9 сентября 1903 г., в д. № 119/3 канц. Ос. К-та Д. Востока.

⁴ См. тел. от 18 сентября, 2, 22 и 30 октября.

⁵ См. тел. от 22 и 30 октября, там же. «Чиновничьи формальности тормозят высылку» — и Безобразов ожидал только возвращения Николая, проводившего как раз эти дни в Германии.

маться столь явными нарушениями «ясных приказаний», особенно в сфере безобразовских дел; и вероподобнее думать, что причиной задержки здесь был сам Николай¹. А его могли смущать «сведения о значительных злоупотреблениях, от которых страдает самая репутация фирмы», тем более, что сведения эти были привезены в Петербург никем иным, как своим же — Вонлярлярским². Был даже момент, когда под их впечатлением Безобразов, «в виду деловой слабости организации лесного дела и неадежности агентов», счел было «необходимым дело пока приостановить», заняться примерным наказанием виновных, «чтобы избавиться от воровства», и дать «новую организацию делу»³. С чисто коммерческой стороны Безобразову было ясно видно, что Балашов не справляется с делом, «не умеет разобратся в причинах» того, что «заготовка товара обходится дороже, чем его можно продать», что «в этой коммерческой несообразности безусловно наиболее ответственны» «специалисты» (некие Живатовский и Скидельский). Но впадать в тон щедринских героев, грозить подобным «специалистам» ответственностью в административном порядке (что было легче легкого, т. к. оба были евреи), брать «на себя производство экзекуции виновных в злоупотреблениях, какой не бывало на Дальнем Востоке», руководствуясь только «личным убеждением» и не прибегая к прокуратуре, «нагоняя спасительный страх на мошенников» и «не останавливаясь» перед тем, «чтобы стереть в порошок кого бы то ни было, обманувшего меня [т. е. Безобразова], как исполнителя предначертаний государя», [как разохотился было Безобразов], — все это выглядело нелепо и делу помочь не могло⁴.

¹ На ряду с тем, что царь якобы сделал распоряжение Плеске, Безобразову он дал «приказание» «без доклада» ничего не предпринимать. См. тел. Безобразова Балашову от 7 ноября, там же.

² См. тел. Безобразова Балашову от 21 сентября, там же. Безобразов при этом просил Балашова сообщить «сведения о лесной операции этого года, необходимые для доклада государю».

³ См. там же, тел. Безобразова Балашову от 11 октября 1903 г.

⁴ См. там же, тел. Безобразова Вогаку от 25 октября 1903 г.

Вогак, посланный на место самим Безобразовым в начале октября по вестям «о мошенничестве в лесном деле», так и советовал: отставить «экзекуции и стирание в порошок», бросить «копаться в старом» и отделить коммерческую сторону дела от политической, «прекратив руководство» ею из Петербурга, и поручив ее «одному совершенно самостоятельному, ответственному и компетентному лицу»¹. Остальное же должно было приложиться само собою (как легко и успокоился, недолго поволновавшись, Безобразов), — как только пройдет в жизнь «полный, вполне законченный план действий», рассчитанный на то, «чтобы не оставаться [на Дальнем Востоке] в постоянном и возрастающем финансовом дефиците и безвыходном положении относительно экономических насаждений»². К концу октября этот «план действий» был «готов» и поведен, как некоторое откровение, Безобразовым через Вогака Алексея. План этот «истекал из простого здравого смысла». Но к этому времени Безобразов — от переутомления, должно быть — впадал умственно совсем в клиническое состояние и настолько зарапторговался, что даже знавшие его, как свои пять пальцев, ближайшие сотрудники и единомышленники решительно отказывались «ориентироваться» в «противоречивых соображениях» его многословных шифрованных телеграмм и молили его «прекратить» их присылку: его «своеобразный слог и привычка употреблять необыкновенные слова для выражения самых простых мыслей» просто ставили «в тупик» не только Балашова и Алексея, но и самого Вогака, знавшего этот безобразовский «слог», как «никто»³. Немудрено,

¹ См. там же, тел. Вогака Безобразову от 27 октября 1903 г.

² См. там же, тел. Безобразова Вogaку от 29 октября 1903 г. Ср. его же тел. от 22 октября.

³ См. там же, телеграммы Безобразова Вogaку от 29 октября и Вогака Безобразову от 27 октября; ср. письма Вогака ему же от 24 октября, в котором Вогак жаловался, что «целый день» просидел за расшифровкой телеграммы Безобразова, и от 18 октября, где Вогак говорил о своей надежде, что это письмо застанет Безобразова «уже за границей»: «вы непременно должны отдохнуть, так продолжать нельзя».

что сообщая теперь в Порт-Артур свой план телеграфом же, Безобразов просил Вогака «быть вдумчивым» и если тот чего «с места» не поймет, «своевременно переспросить»¹.

На этот раз план был, однако, так прост, что переспрашивать не было и нужды. «Срок оккупации Манчжурии и связанные с этим военные порядки управления этим краем», не присоединяя его, предлагалось продолжить, «пока русское правительство не получит уверенность в полном обеспечении своих законных интересов». «Для согласования [в Манчжурии] наших интересов с иностранными» «на почве экономической» «образуется специальное русское общество, которое само работать не намерено, но будет располагать всеми необходимыми средствами для создания активных филиалов, в которых иностранные труд и капитал найдут себе широкую деятельность и покровительство». «Концессионные права этого общества», «состоящего из тщательно избранных лиц, несущих личную ответственность перед государем», «получатся от приобретения акций Китайской Восточной жел. дор. и от передачи ему прав Горно-промышленного и Лесопромышленного товариществ», а Русско-Китайский банк «делается промышленным и эмиссионным банком» общества. Русское правительство должно «признать исключительное право Китайской Восточной жел. дор. на владение концессиями в Манчжурии» и «добиться [от Китая] монополии на концессии» (или «отнять у китайцев свободу раздачи концессий»). Но как возможно это последнее, — в этом пункте Безобразов с такою же легкостью переступал через чудо, как до последней минуты делал это и Витте. Он просто утверждал, (совсем как Витте в докладе 27 июня 1903 г.), что «есть полное основание предполагать, что иностранцы охотно примирятся с русскою монополией концессий в Манчжурии», а тогда «китайское правительство будет вынуждено подчиниться

¹ См. цит. тел. Безобразова от 29 октября.

нашему бесповоротному решению»¹. План этот в голове Безобразова связывался (есть такое указание) с «подтверждением по отношению и к *Дальнему Востоку* уже предугазанных [царем] управляющему министерством финансов главных основ нашей новой финансово-экономической *общегосударственной* программы, а именно: стремиться к сокращению казенного хозяйства»². Во всяком случае Безобразову казалось, что «Плеске начинает уяснять себе беспомощность своего ведомства в деле создания реальных статей дохода путем казенного хозяйства», и Безобразову для полного успеха необходимо было, чтобы «достаточно ясно» в том же смысле (в пользу «необходимости радикальных мероприятий») высказался теперь и Алексеев. Очевидно, Николай упорно продолжал держаться — «помимо» наместника не решать ничего³.

Деликатнейшим пунктом порт-артурской миссии Вогака и было, не давая Алексееву «заметить» «намерение что либо ему преподать» — «заставить его ставить» Вогаку «именно те вопросы, которые нужны, чтобы позволить [Вогаку] сказать ему то, что необходимо ему передать или разъяснить». Но когда это Вогаку с трудом удавалось, обнаруживалось, что Алексеев, «признавая несомненную важность» экономических вопросов, то «уклоняется от их обсуждения, ссылаясь на свою некомпетентность», то указывает на «преждевременность» каких либо решений по этим вопросам, «пока не решен будет окончательно вопрос о Манчжурии вообще»⁴. В общем «настроение» Алексеева «показалось» Вогаку «очень твердым, несклонным к уступкам», и было «несомненно», что он «твердо стоит на

¹ См. тел. Безобразова Вогаку от 30 октября 1903 г. там же, и «выписку из записки статс-секретаря Безобразова от 11 ноября 1903 г.» в д. № 134.— Ср. выше, стр. 440.

² См. цит. записку Безобразова от 11 ноября.

³ См. тел. Безобразова Вогаку в д. № 119/3 канц. Ос. К-та Д. Востока от 22 октября.

⁴ См. там же, письмо Вогака Безобразову от 24 октября, его же тел. от 28 октября.

необходимости удержания за нами всей Манчжурии, включая и Инкоу». Но и в политической сфере Алексеев находил для себя «несвоевременными решительные меры, пока не выяснится окончательно наше положение в Манчжурии»¹. Как ни заверял его Вогак, что «он может рассчитывать на самое искреннее содействие» Плеве, Безобразова и Абазы, Алексеев все твердил, что «ему очень тяжело», что он «теряет силы». Совершенно очевидно, что Алексеев не мог себе уяснить, чего же на самом деле хочет Николай, а все охаживания безобразовцев показывали ему, что и они стоят не на совсем то твердой почве. Раз как-то Алексеев прямо сознался Вогаку, что решение вопроса о Манчжурии для него «усложнено» «полученным [от Николая] указанием о желательности избежать возбуждения против нас постоянной вражды Китая»². Но и указание, полученное им еще в мае, относительно «ограждения русских интересов в Манчжурии», настораживало его против открытия «слишком широкого доступа иностранцам в Манчжурию»³. В плане же Безобразова ему чудилась именно такая опасность; хотя с другой стороны словесная, по крайней мере, тенденция этого плана к сокращению «расходов казны на предприятия» на Д. Востоке вполне совпадала с заявленным Алексеевым еще на июньских совещаниях и поддерживавшимся им и теперь мнением о «нежелательности» дальнейших подобных расходов⁴. Как теперь Вогак ни старался «внушить» ему «уверенность», что «основы» плана «намечены лично самим государем», Алексеев просто этому не поверил и уперся на том, что «ничего не предпринимая, а в особенности не давая казенных денег на предприятия, необходимо предоставить Синоруссу [т. е. Русско-Китайскому банку!] вести дело попрежнему». И уперся так крепко, что после двух-трех

¹ См. письма Вогака Безобразову от 22 и 23 октября и тел. от 27 октября 1903 г. там же.

² См. письмо Вогака от 22 октября и тел. от 28 октября, там же.

³ См. ту же телеграмму. Ср. выше, стр. 409 и 430.

⁴ См. ту же телеграмму.

наскоков с внушениями «надежда видеть его сторонником новой экономической программы» отпала, и Вогаку осталось в дальнейшем перейти на «положение молчаливого наблюдателя» и «только отвечать на вопросы»¹. На некоторое время дело с принятием Николаем «новой экономической программы» так и заглохло. Оказалось, что одного удаления Витте не было достаточно, чтобы безобразовцы, расположившись в новом Особом Комитете Д. Востока, могли сразу же и обратить свою «политико-экономическую» «идею» в правительственную программу. На пути здесь стоял действительно прежде всего вопрос, как указывал и Алексеев, о «какой либо более прочной форме занятия» Манчжурии.

Но разумеется и в этом отношении никакие нажимы безобразовцев непосредственно на Алексеева успеха иметь не могли, и необходимо было добиться «категорического распоряжения ему из Петербурга», т. е. от самого Николая². Единственно к чему счел себя вынужденным Алексеев, это взять на себя ответственность перед Петербургом за вторичное занятие Мукденя русскими войсками, произведенное вопреки распоряжению Алексеева военным комиссаром (Квевцинским)³. Но «распорядиться собственной властью» выдать Лесопромышленному Т-ву «исключительную концессию» на манчжурском берегу Ялу, что Балашов с Безобразовым считали совершенно необходимым для успеха всего их

¹ См. там же, телеграммы Вогака от 31 октября, 1 ноября и 3, и Безобразова от 1 и 3 ноября 1903 г.

² См. там же, тел. Балашова Безобразову от 19 октября 1903 г.

³ См. в д. № 120, письмо Дмитриева-Мамонова Покотилову от 26 октября 1903 г. с подробностями занятия Мукденя «из очень хороших источников»: «наместник рвал и метал, но дабы «спасти честь русского мундира» (подлинные выражения) донес в Петербург, что все случилось по его приказанию». Вогак, попавший в Порт-Артур как раз в дни этого эпизода, имея в виду «успокоить» Алексеева, запрашивал Безобразова о впечатлении, какое произвело занятие Мукденя в Петербурге. Безобразов, однако, разразился в ответ обычной многословной телеграммой о своем одобрительном отношении к событию, об отношении же Николай не сообщил ни слова (см. в д. № 119/3 канц. Ос. К-та Д. Востока, телеграммы Вогака от 24 октября и Безобразова от 24 октября, и письмо Вогака от 24 октября с упреками по этому последнему поводу).

«лесного предприятия» — этого от Алексеева всерьез и требовать было нельзя, пока «вопрос о Манчжурии» оставался нерешенным. Проект такого решения, предложенный Балашовым Николаю из Порт-Артура 12 ноября, когда для Балашова уже не было сомнений, что Безобразов бессилен спасти лесное предприятие от ликвидации, был рассчитан на то, чтобы именно поставить дело на прочную финансовую базу в самой Манчжурии. Стоя непосредственно во главе управления безобразовскими предприятиями и персонально обреченный провалиться вместе с ними в ближайшем же будущем, если не принять экстренных мер, Балашов требовал решительных и немедленных действий: 1) открытого присоединения Манчжурии и Монголии, 2) уничтожения всей местной китайской администрации и замены ее русской, с подчинением наместнику, 3) введения «выборного начала» для «замещения низших должностей» и круговой поруки и ответственности китайского населения «за всякий грабеж и разбой», 4) введения двухрублевого подушного сбора (в сумме всего ок. 40 милл. р.) для покрытия всех расходов по администрации, 5) передачи «распоряжением наместника» Товариществу лесной монополии на берегу Ялу, и 6) передачи ему же распоряжением наместника соляного откупа в Манчжурии, с ежегодным доходом в 3 милл. руб.¹. Но для начала, и при этом хитром проекте финансирования Товарищества за счет экспроприации доходов китайского правительства, все же Балашову приходилось просить о субсидии непосредственно из русского казначейства в 1 милл. р. на постановку самой администрации откупа, и это сразу же делало весь проект таким же подозрительно дутым, какими до того оказались громкие похвалы относительно сказочной доходности затеянной с весны 1903 г. лесной операции на Ялу, бесследно теперь поглотившей отпущенные тогда Безобразову 2 казенных

¹ См. там же, копию записки Балашова от 12 ноября 1903 г. Она писалась в Порт-Артуре, и, если была отправлена тогда же, то в Петербург она могла прийти не ранее, как через месяц, в середине декабря.

миллиона¹. Но и политическая «смелость» Балашовского проекта, попавшего к Николаю в середине декабря, была теперь тоже совсем некстати: категорическое требование Японии относительно «манчжурской статьи» опередило Балашова, и, делая (15 декабря) уступку Японии в этом пункте, Николаю оставалось только положить заманчивый проект присоединения Манчжурии под сукно².

Это не значит, что безобразовцы не умели попасть в тон своему «хозяину»: это значит только, что война застигала Николая на путях «последовательной постепенности».

Несмотря на то, что Алексеев отказался поддержать «новую экономическую программу», а сам Безобразов в конце ноября «сказался больным» и спешно отбыл за границу, оставляя Балашова без копейки и даже не известив его о своем отъезде, вопрос об экономической программе был вновь поставлен на обсуждение самим Николаем в январе 1904 г., совсем накануне войны³. Но совещание, образованное под председательством гр. А. П. Игнатьева (одного из членов безобразовского Товарищества) «для составления программы вопросов, подлежащих обсуждению и разрешению, по финансовым, промышленным и хозяйственным предприятиям России в зарубежных местностях

¹ Ср. в д. № 107, ч. 2, тел. Протасьева из Порт-Артура от 15 июля 1903 г. о том, что центральное правительство не только не имеет дохода от Гириньской и Хэйлуцзянской провинций, но еще и приплачивает ежегодно приблизительно по 300 тыс. лан на каждую.

² Курино передал Ламсдорфу вербальную ноту с просьбой «вести в объем предложенного соглашения все те области Д. Востока, где встречаются интересы двух империй» (т. е. Манчжурию) — 10/23 декабря. При этом Курино пригрозил, «что при настоящем положении возникли бы серьезные затруднения и даже осложнения, если бы нам не пришлось прийти к соглашению» (см. японскую Бегую Книгу, №№ 35 и 36).

³ См. «Дневник» Куропаткина, «Кр. Архив», т. 2, стр. 86; тел. Балашова от 14 декабря 1903 г., требовавшая «категорического ответа», будут ли приславы «обещанные в ноябре 200 т. р.», была адресована на имя Безобразова, но, за отсутствием его, докладывалась Николаю уже Абазой (см. в д. № 44/47 1903 г. канц. Ос. К-та Д. Востока).

Дальнего Востока», с самого начала получило название «предварительного», и, как можно думать, «разрешение» этих вопросов должно было произойти в Особом Комитете Дальнего Востока, когда была бы уже закончена разработка всего «положения» о наместничестве¹. Первые шесть заседаний, с 13 января по 10 февраля, совещание беспомощно пересуживало пункты безобразовского плана, изложенные на этот раз Вонлярлярским, и, не располагая никакими другими «потребными материалами», ограничилось переложением этих пунктов в вопросительную форму, решив просто просить «дальнейших высочайших предубавказаний»². Когда же Николай (27 февраля) ввел в состав совещания нового министра финансов Коковцова и совещанию были представлены исчерпывающие фактические данные и объяснения по поставленным им ранее вопросам, «новая экономическая программа» не выдержала этого испытания: «ведомство» неожиданно для безобразовцев сумело «отрепиться от прежних деловых постановок» и, разоблачив мнимую новизну предъявленной программы, противопоставить ей свою собственную, на этот раз более приспособленную к новым условиям.

Новые экономисты исходили, разумеется, из мысли о необходимости «положить предел» политике, при которой «в то время,

¹ Сходные дела «о предварительном совещании и т. д.» имеются в фондах и канц. М. Ф. и канц. Ос. К-та Д. Востока. Мы пользовались первым из них, под № 134. Реформа управления Д. Востоком затянулась. До войны состоялись только два «указа» — о введении должности наместника, 30 июля, и об учреждении Особого Комитета Д. Востока, 30 сентября. Разработка «Положения» о наместничестве возложена была на особую комиссию под председательством Плеве и оказалась делом затяжным. Назначения по Комитету состоялись только частично: Безобразова — членом, Абаза — упр. делами и Матюнина — пом. упр. делами. Вице-председателем К-та, при царе председателе, только назначен был Плеве. Других членов К-та назначено не было и, насколько можно судить по сохранившемуся делопроизводству канцелярии К-та, ни одного заседания К-та так и не состоялось.

² См. в д. № 134, записку Вонлярлярского от 17 января 1904 г., «объяснительную записку к программе вопросов и т. д.», и «программу вопросов и т. д.». Членами совещания были: чл. гос. совета Череванский, тов. м-ра земледелия Шванебах и Абаза. В первых заседаниях приняли участие «приглашенные» Вонлярлярский и Матюнин.

как иностранные государства ищут колоний для материальных выгод метрополии, мы расходуем на них деньги, собираемые с коренного населения», и «отрешиться от системы создавать промышленные предприятия на казенные деньги». «Вызвать частную инициативу и капиталы к работе» и должна была «Восточно-Азиатская Промышленная К^о» — «частное общество de jure» и «орган правительства de facto». На основе строгой монополии («ни одна концессия не может быть никому выдана китайским или корейским правительствами помимо К^о») она должна была «объединить деятельность всех полуофициозных и официозных обществ, которые уже действуют на Дальнем Востоке, и остановить конкуренцию между своими», а «затем передать [предприятия] в частные руки», — русские, «а в случае нежелания русских», в иностранные, с условием «уступки части прибылей» «русской казне». Так как Компанию предлагалось теперь «всецело подчинить надзору наместника», а «Совет компании пайщиков» предоставить назначать Комитету Дальнего Востока, пай же распределить между правительством (3/4) и «частными лицами с высочайшего соизволения» (1/4), то понятно, что сам же Вонлярлярский, среди ряда других вопросов, «которые требуют» «детальной разработки при участии специалистов», поставил и такой: «будет ли Восточно-Азиатская К^о органом правительства и необходимым дополнением при Комитете Дальнего Востока, или псевдо-частным обществом?»¹. В обоих случаях, однако, ясно было, к чему сводилась «новизна» всей затеи: из существующей и подлежавшей теперь будто бы сдаче в архив схемы казенного хозяйства в Манчжурии выключался министр финансов, и на его место становился наместник, который осуществлял бы свою объединяющую функцию при помощи назначенных в Совет К^о чиновников (со «всеми правами государственной службы»!), частью, может быть, заинтересованных участников в деле (как то входило в обычай при

¹ См. в д. № 134, записку Вонлярлярского от 17 января 1904 г.

Витте и относительно служащих его «псевдо-частных» предприятий)¹.

От этой «самой законченной галиматии», как выразился про все происходившее на шести заседаниях совещания Шванебах, ничего и не осталось, как только Коковцовым были представлены недостававшие совещанию «данные» (в заседании 10 мая). Сразу же отняли оба самые соблазнительные для безобразовцев предприятия: Русско-Китайский банк и Об-во Китайской Восточной жел. дор. Банк нельзя оказалось тронуть (и даже ввести в его Правление хотя бы одного представителя Восточно-Азиатской К^о, как на первое время соглашался Вонлярлярский) не только потому, что «до 50% акций его находились в руках иностранных держателей», а «размеры иностранных вкладов достигли в нем 28 миллионов р.», но и потому, что только что заключенный военный заем был сделан как раз «при посредстве директоров парижского отделения Русско-Китайского банка»². Также и Китайская Восточная жел. дор., в виду ее политического значения, оказывалось, «должна оставаться [фактически] в казенном управлении», а формальное ее положение не может быть изменено без согласия китайского правительства. Но далее Коковцов решительно отвергал как самую мысль о возможности уничтожить дефицит по Дальнему Востоку, так как расходы здесь вызываются «не местными нуждами», а потребностями «всего русского государства», так и расчет на возможность, после неудачного опыта с Русско-Китайским банком, получить от Китая монопольные права для проектированного общества. А тогда от всей затеи безобразовцев оставалось бы стеснительное не для иностранного, а только для русского частного капитала «обязательное посредни-

¹ См. письмо А. М. Абазы от 30 мая 1904 г. («Кр. Архив», т. 17, стр. 74): Коковцов так и сказал Абазе, что он «отлично понимает выгоду общества для некоторых лиц, ищущих себе увеличения содержания».

² См. в д. № 134, письмо Шванебаха Коковцову от 16 марта 1904 г. с проведением документов первых заседаний, и журнал № 2 заседания 10 мая, где впервые выступил Коковцов. — Общая сумма вкладов в Русско-Китайский банк, по отчету за 1902 г., исчислялась в сумме 31.890.000 р.

чество» Компании. Но главное: «когда у нас в Москве, без особых хлопот и затруднений, можно получить 24% на дисконте или мапифактурной торговле», «мы не найдем среди наших промышленников охотников искать обогащения на Дальнем Востоке»; «поэтому вряд ли можно ожидать образования подобного торгово-промышленного общества» без участия в нем казны. При этом, «нельзя льстить себя надеждою, что возможно ограничиться предоставлением подобному обществу 1½—2 милл. р.», так как «уже на одни горнопромышленные предприятия ему нужны будут громадные суммы»¹. Восставая против такого «исключительно предпринимательского» общества, Коковцов предлагал «в целях поощрения как отдельных русских людей, так и обществ, но обществ рабочих»: 1) «построить нашу финансовую политику на Дальнем Востоке» на началах «облегчений таможенных, тарифных, податных, кредитных и т. п.», 2) «устранить некоторые формальности образования компаний», и 3) *отказаться от нетерпимости к иностранцам и евреям*, — политика которую существование «монопольного общества» только подорвет. В результате, к великому возмущению Абазы, оставшегося на этот раз в полном одиночестве с настойчивым голым требованием «непременного участия» казны в монопольном частном обществе, в следующем заседании (24 мая) совещание «единогласно высказалось за прекращение казенного хозяйства на будущее время вообще во всех предприятиях промышленного характера, каковы были: Манчжурское Горнопромышленное Т-во, концессии, находившиеся на попечение егерм. Балашова и некоторые побочные мероприятия Об-ва Китайской Восточной жел. дор.» (т. е. морское пароходство, соединение которого с жел. дор. так манило Витте сходством с Моргановским трестом). Разумеется и против образования Восточно-Азиатской К^о совещание (кроме Абазы) высказалось столь же

¹ Коковцов ссылаясь на то, что в Манчжурии «все возникшие предприятия кончили тем, что обратились к помощи казны».

«решительным образом», «находя, что такое направление дела было бы равносильно продолжению маскированного хозяйства на казенные средства», и заявило, что «привлечение иностранных капиталов [в целях «привлечения частной предприимчивости»] должно войти в задачи русской финансовой политики на Дальнем Востоке». А «меднолобый» Абаза, в последний раз поднимая перчатку, опять настаивал «на объединении всех отдельных обществ под эгидою главного общества с участием казны», так как только при этом условии «иностранные предприятия и капиталы» «не получают в крае преобладающего значения».

Так, «новой экономической программе» была противопоставлена другая, еще новее ее. Обе были рассчитаны, конечно, на после войны. Только Коковцов открыто, при этом, заявлял, что пока «можно исходить, повидимому, только» из «гипотезы» о сохранении в Манчжурии и после войны довоенного *statu quo*. Абаза же именно в эти дни «готовил» «изгнание из Манчжурии китайских чиновников, для того, чтобы вызвать официальное нарушение Китаем нейтралитета», с целью облегчить присоединение Манчжурии от Китая после победы над Японией¹. «Подготовка» эта затянулась, но не пропала даром: как увидим, Николай дал ход этой мысли только в сентябре, после Ляояна. Это наводит на предположение, что теперь, в мае, Николай не отложил мысль и о своей «новой экономической программе», без которой малого стоил и предстоявший еще (во благовремении!) политический акт — «изгнания» манчжурских властей².

¹ См. письмо А. М. Абазы от 1 июня 1904 г. («Кр. Архив», т. 17, стр. 75).

² Когда выяснился провал с затеей Восточно-Азиатской К^о даже в Игнатьевском Советании, Абаза все же не унывал и предвкушал, как Игнатьев «будет отстранен» и «ему будет сказано передать дело Плеве», за которого в свою очередь Абаза «был спокоен, что это все пройдет в должном виде». Только когда Плеве был убит, Абазу охватила полная растерянность, и он «даже» не знал, «кому следует все это передать». (См. там же письма Абазы от 1 июня и 17 июля 1904 г., и наше введение к письмам, стр. 72).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Международно-финансовые отношения России во время войны.

(1904—1906 гг.).

I.

Казначейская стоимость войны с Японией исчисляется в сумме 6.553,8 миллионов руб. Из этой суммы более половины (3.943,6 милл. р.) приходится на уплату процентов по займам, заключенным Россией на внешнем и на внутреннем рынке для покрытия военных расходов. Капитальная сумма долга, сделанного для этой цели в 1904—1909 гг., составляет 2.176,1 мил. р. Таким образом, на расходы войны, выполненные за счет либо «свободной наличности» либо бюджетных доходов, приходится ничтожная сравнительно сумма в 434,1 миллион. р.¹ Если же взять первые недели войны (январь-февраль 1904 г.), то сумма, какою могло располагать русское правительство на первое время в виде «свободной наличности» исчислялась бы всего в 157 милл. р., да эмиссионного права в резерве

¹ См. Г. Д. Дементьев, «Во что обошлась нашему государственному казначейству война с Японией», Петр., 1917, стр. 32—33. — Сводные «ведомости о расходах на подготовительные меры и на военные действия, вызванные войной с Японией» за 1903—1904 гг. и за 1905 г. и «ведомость о суммах, ассигнованных в 1906—1907 гг. на счет назначенного по росписи 1906 г. фонда на расходы, вызванные русско-японской войной и ее последствиями» (сохранившиеся в фонде д-та гос. казначейства) дают след. цифры расходов: за 1903 г. — 10.650.000 р. (из них по воен. м-ву 3.000.000 и по морскому 7.650.000), в 1904 г. до войны 9 милл. р. (из них 31 декабря 1903 г. 5 милл. р. и 23 января 1904 г. 2 милл. р. — по воен. м-ву, и 23 января 1904 г. 2 милл. по морскому), в 1904 г. по открытии военных действий — 657.191.005 р., в 1905 г. — 985.348.750 р., в 1906 г. — 415.586.788 р., а всего 2.077.776.543 р.

было миллионов на 200¹. Проблема ведения войны с самого начала, таким образом, приобретала сугубо международный характер, поскольку самое финансирование войны ставилось в прямую зависимость от «помощи» внешних рынков и должно было подчинить себе работу обычной дипломатической кухни. Не имея такого союза, который бы формально гарантировал ей прямую военную или на деле обеспечивал бы финансовую поддержку другой державы, Россия получила войну в момент, когда явно и элементарно не была еще к ней готова, и кончила ее на 19 месяце, после того как прекратилось ее финансирование извне². Неудивительно, что «в воздухе запахло займом» чуть ли не с первых дней после открытия военных действий³. Изучая действие войны на работу русской дипломатии во время и в связи с войной и международные отношения России, как они слагались в обстановке войны и революции в 1904—1906 гг., нельзя не рассматривать их сквозь призму финансовой их ткани.

К началу войны до 4 миллиардов руб. русских государственных бумаг считалось у зарубежных держателей: из них более 3 миллиардов во французских руках⁴. Это делало необходимым не останавливаться ни перед какими жертвами для удержания курса русских ценностей именно на Парижском рынке: от этого зависела более чем на половину дальнейшая судьба русского кредита и возможность максимального использования его в целях ведения войны. Возлагать расчет в этом смысле целиком на силу политического союза не было никаких оснований: на француз-

¹ См. документ № 40 в опубликованном нами сборнике документов: «Русские финансы и европейская биржа в 1904—1906 гг.», изд. Центрархива, М., 1925. Далее даются сокращенные ссылки на это издание: «Русск. фин.», № такой то.

² Война к тому же начиналась, когда в составе русского правительства не было налицо министра финансов: назначенный 16 августа 1903 г. (после увольнения Витте) Плеще заболел и выбыл из строя 22 ноября, и управление ж-вом финансов было временно оставлено за тов. м-ра П. М. Романовым — положение, затянувшееся до 5 февраля 1904 г., когда был назначен Коковцов.

³ См. «Русск. фин.», №№ 1 и 2.

⁴ См. там же, №№ 3 (стр. 33—34) и 43—44 (стр. 127—128).

ском рынке русские бумаги не залеживались в банковых портфелях, размещались в массе крепких держателей не только крупного, но и мелкого калибра, и паника, если бы только она возникла, явилась бы «настоящей лавиной», которую ничто не в состоянии сдержать и которая смела бы начисто политический союз¹. В российской финансовой системе государственные займы за границей лежали двойным грузом: выжимая из государственного хозяйства до 180 миллионов р. из ежегодной чистой его прибыли, они давили на весь финансовый механизм страны кошмаром опасности взрыва всей системы — от далекого толчка на территории чужой страны; предотвращение же подобного толчка там представлялось непосредственно невозможным и зависящим от всей совокупности международной обстановки, воздействие на которую в свою очередь тем более затруднялось, чем ближе грозил бы толчок². Ближайшим образом доступным, хотя и слабым, сдерживающим средством в этом направлении у русского правительства оставалось одно: заморозить французского держателя путем воздействия на него повседневной прессы. Что в свою очередь, эта последняя была восприимчива лишь к денежным аргументам и полицейски была никак недосыгаема — с этим русскому правительству приходилось покорно считаться и, время от времени прибегая к повышательной покупке русской ренты на Петербургской бирже, систематически снабжать пресловутое «Бюро Ленуар» в Париже очередными взносами для «ублажения» редакций парижских газет³. «Прискорбное [по меланхолическому выражению Коковцова] явление продажности французской печати», по статье «расходов на разглашение» (frais de publicité) обошлось за все время войны русскому правительству в 2 миллиона франков⁴.

¹ См. там же, № 44.

² См. там же, № 3, стр. 34.

³ И в России применение административных мер против иностранных корреспондентов было совсем бесцельно: см. «Русск. Фин.», стр. 238.

⁴ См. там же, № 63, стр. 172.

Однако опасность русскому кредиту грозила не на одном только Парижском рынке: она подстерегала его и на Берлинском. По исторически сложившейся и не изжитой еще тогда доброй традиции, «враждебная спекуляция» могла устремиться не только на понижение русских бумаг в Париже, но и на понижение курса рубля в Берлине. Потому покупки рублей на Берлинской бирже в тех размерах, как то требовалось для поддержания курса рубля аль пари, становились не менее насущной расходной операцией казны по охранению русского кредита, чем скупки ренты и подачки печати: только за 6 месяцев предвоенного кризиса (16 августа 1903 г. — 10 февраля 1904 г.) операция эта достигла суммы в 4 миллиона рублей¹.

Когда в марте 1904 г. Коковцов, только что вступив в управление министерством финансов, представил в Комитет финансов свои соображения «о современном финансовом положении и о мерах, необходимых в виду военных действий», налицо имелись не только отмеченные шалости берлинского курса кредитного рубля, но и усилившиеся еще с ноября страховки курсов посредством покупки валюты на срок и операции репорта, связывавшие до 330 миллионов из 905 миллионов р. общей суммы золотого запаса Государственного банка, а также и резкое падение ренты с 95,25 на 23 января (канун разрыва) до 90,5 на 28 января (на завтра после нападения японского флота на русскую эскадру в Порт-Артуре). Естественно, что и у Коковцова и затем в Комитете финансов, где рассмотрены были предложения министра, на первом плане оказался вопрос о валюте и о кредите².

Для того времени вопрос ставился очень грозно: возможно ли будет вести войну без риска растраты и таяния золотого запаса при сохранении размена кредитных билетов на золото, т. е. можно ли обойтись без прекращения размена? Коковцов отвечал

¹ См. там же, № 3, стр. 10.

² См. там же, №№ 3 и 4. Ср. «Дневник» Куропаткина, «Кр. Архив», т. 2, стр. 99 и 105.

на этот вопрос так: не только можно, но и необходимо. Ибо такая чрезвычайная мера не вызывается условиями данного экономического момента, условиями в общем не внушающими опасений, тогда как прекращение размена поведет «к самым серьезным, прискорбным для благосостояния государства последствиям». Коковцов, находя, что мера эта ничем *«еще»* не оправдывается в настоящее время, главнейшую задачу свою усматривал в том, чтобы можно было обойтись без нее и в будущем. Он резко при этом подчеркивал, что все его соображения применимы только на тот случай, если столкновение останется ограниченным одними Россией и Японией. Витте, целиком поддерживая предложение Коковцова, пошел дальше и пророчески зловеще развернул в Комитете вопрос во всю ширь — на случай мировой войны. При локализованной войне, даже если она затянется и стоимость ее «достигнет одного миллиарда р.» (до тех пор в правительственных кругах обращалась цифра в 700-800 милл. р. на полугодовую войну, указанная Куропаткиным)¹, и тогда наше денежное обращение «следует и вполне возможно поддерживать». Но «даже если бы имелась в виду большая обще-европейская война, стоимость которой не поддается никаким исчислениям», то и тогда «пришлось бы тщательно взвесить последствия от прекращения поддержки валюты», хотя, — подчеркивал Витте, — «в такие войны ни одно государство не выдерживало валюты». Необходимость «выдержать валюту» для России вытекала, по мнению Витте, помимо всего прочего из «особенностей нашего государственного долга», заключенного в большей своей части на золотую валюту и размещенного, «по отсутствию в нашем отечестве капиталов», почти целиком за границей. Витте обращал внимание на то, что «заперев золото в кладовых банка», России придется все же отдать его — «в конечном результате, может быть, в большем количестве и

¹ См. в д. № 120 заявление Куропаткина в журнале совещания 26 марта 1903 г.

с неизмеримо большими потрясениями для благосостояния страны, нежели при поддержании размена», так как золотой долг не перестанет давить на финансовую систему и заставит, в связи с необходимостью покрывать разницу по нашему расчетному балансу, покупать валюту на постоянно понижающиеся кредитные рубли, а самый лаж на золото вызовет усиленное возвращение наших займов из за границы, «вследствие поколебленного доверия».

Итак, не прекращать размен из страха потерять золотой запас, а наоборот — поддержать золотое обращение во что бы то ни стало во имя сохранения золотого запаса. Таков был вывод из основной «особенности» русской финансовой системы, теснейшим образом связанной с французским финансовым рынком и в отдельности не имевшей в те годы самостоятельного, замкнутого бытия. Вступая в войну, далеко не закончив своих военных приготовлений, но и не расставаясь с мыслью о победоносном ее исходе, как средстве спасти самодержавие от революционного конца, и одновременно утверждая единственное и неоспоримое для него предложение специалистов о поддержании размена, Николай ставил себя, через французскую биржу, в конечном счете в полную зависимость от воли французского правительства и втягивал Россию в основной европейский империалистический конфликт, бывший уже в полном ходу. Бедственные для самодержавия военные поражения и удары изнутри страны должны были существенно изменить соотношение сил во франко-русском союзе и заставили Николая после войны пойти на соглашение по всей линии спорных вопросов как с Англией, так и с Японией. Есть возможность теперь довольно точно наметить путь, каким Россия, не так уже гладко и пытаясь сопротивляться, пришла к своему месту в расстановке антантовских сил на случай обще-европейской войны.

II.

Уже японо-китайская война 1894-95 г. очертила ту самую территориальную программу Японии на азиатском материке —

захват Южной Манчжурии и полное отторжение от Китая Кореи в сферу влияния Японии, — торжества которой Япония добилась в 1905 г. Победа Японии, грозившая тогда, в 1895 г., существенно подорвать политические планы русского правительства на тихоокеанском побережьи, связанные с постройкой Сибирского пути, вызвала к жизни на Дальнем Востоке коалицию трех держав — России, спешившей постройкой Сибирской магистрали и претендовавшей, между прочим, на те же территории; Франции, окончательно развязавшей России руки на осуществление этого грандиозного проекта заключением политического и военного с нею соглашений (1891 — 92 гг.); и Германии, только что (в 1894 г.) помилившейся с Россией на заключении торгового договора и искавшей в ее лице поддержки для своего проникновения на территорию Китая, пока не поздно. Эта тройственная коалиция, сделав свое дело, заставив Японию уйти из Манчжурии и Кореи, не только никак не была оформлена, но и не выступала больше ни разу. Та же японо-китайская война, обнаружившая бесспорную боевую готовность японской армии в количестве уже тогда достаточном для противопоставления ее русской, открыла Англии ее естественного сухопутного союзника против России, дипломатия которой с своей стороны сделала все, чтобы здесь действительно кончилось формальным союзом. Развернувшаяся вслед затем вакханалия захватов китайской территории в 1897 — 98 гг. со стороны великих держав, угрожавших разделом всего Китая на замкнутые сферы влияния, вывела на арену империалистической борьбы и Америку, провозгласившую принципы нераздельности Китая и «открытых дверей». Поскольку с этими принципами тогда впадала в противоречие преимущественно политика Витте, увлекавшая Россию не только к прямому присоединению всей Манчжурии, но и — что оказывалось важнее для американского капитала — к полному закрытию ее для иностранного промышленного предпринимательства и к стеснению иностранной торговли, Соединенные Штаты вскоре же оказались на стороне англо-японской комбинации во всех ее дипломатических

выступлениях по манчжурскому вопросу, а накануне войны совсем солидаризировались с Японией, в один с нею день подписав с Китаем торговый договор, исключавший дальнейшую возможность для России монопольно хозяйничать в Манчжурии (8 октября 1903 г.) и в чем нибудь покуситься на китайский суверенитет¹. Когда же война началась, Рузвельт поспешил предупредить Германию и Францию, что, если только они попробуют стать на сторону России, как в 1895 г., то Америка выступит в защиту Японии². Нет сомнения, что истинное желание Рузвельта относительно начавшейся войны заключалось в том, как он сам говорил, чтобы она «затянулась», «чтобы обе державы как можно больше истощались (aufreiben)», «чтобы по заключении мира их территориальные антагонизмы не были устранены», но перед войной дипломатия Рузвельта поэтому и напирала на то, что «симпатии Соединенных Штатов всецело на стороне Японии» и что нет возможности принимать всерьез русские уверения об «открытых дверях» в Манчжурии³.

Но как бы того ни хотела русская дипломатия, восстановить на Дальнем Востоке тройственную группировку 1895 г. ничто уже не могло. Совершенно безнадежна в этом смысле была теперь Франция. Тогда Франция находилась в состоянии все

¹ По поводу ратификации этого торгового договора Гэй «внезапно» выступил с заявлением, в котором «американское правительство спокойно, но недвусмысленно выступает на защиту суверенитета Китая в Манчжурии» (см. «Die Grosse Politik», 19. B., 1. Teil, № 5941, записка Гольштейна от 15 января н. с. 1904 г., стр. 32.).

² См. T. Dennett, «Roosevelt and the Russo-Japanese War», New-York, 1925, стр. 2, письмо Рузвельта к Спринг-Райсу от 24 июля 1905 г.: «as soon as this war broke out, I notified Germany and France in the most polit and discreet fashion that in event of a combination against Japan to try to do what Russia, Germany and France did to her in 1894 (sic), I should promptly side with Japan and proceed to whatever length was necessary on her behalf». — Относительно Америки, повидимому, не строил себе иллюзий и сам Николай, сознававшийся, что «Америка и его тревожит» (см. «Дневник» Куропаткина, «Кр. Архив», т. 2, стр. 93, запись 8 декабря 1903 г.).

³ См. «Die Grosse Politik», 19. B., 1 Teil, № 5992, тел. Шпек Ф. Штернбурга из Вашингтона от 8/21 марта 1904 г., и № 5978, его же тел. от 24 января/6 февраля 1904 г.

углубляющегося антагонизма с Англией, и франко-русский союз, скрепленный военной конвенцией 1892 г., политически развязывал ей возможность рисковать в Африке, связывая Англию на Дальнем Востоке тем, что в известной мере питал там русскую экспансию экономически. Капитальнейшие предприятия, придавшие размах русскому движению на Дальний Восток, выдержанные педантически в формах монополистического капитализма, родились в условиях первых лет франко-русского союза, и колоссальный вывоз капиталов на территорию протяжением от Урала до океанского побережья характеризуется именно тем, что частный французский вместе с казенным русским смело двинулся в Восточную Сибирь и Китай или под гарантией русского государственного аппарата или в союзе с интернациональным банковским капиталом, уже ранее работавшим на русской территории, — в обоих случаях не требуя себе руководящей роли и подчиняясь на первых порах общему политическому руководству самодержавного правительства. Без Сибирской и Китайской Восточной железных дорог, к непосредственному финансированию которых подбирались французский и американский капиталы, но ни тот, ни другой не были допущены русским правительством, повидимому, в уверенности, что новый военно-политический союз облегчит самому правительству приспособить французский денежный рынок к финансированию этих грандиозных стратегических сооружений в порядке безусловно свободного исполнения государственного бюджета империи¹; без китайского займа,

¹ См. о французском предложении 1891 г. в д. № 24, 1892 г., 2 отд. канц. м. ф.; об американском предложении 1896 г. в д. № 12, 3 отд. канц. м. ф., доведение М. Рутковского П. М. Романову от 17/29 апреля 1896 г. о предложении близкого к Вандербильту Creighton Webb'a «сдать по контракту постройку части Сибирской ж. д. американскому Синдикату». Французское предложение исходило от образованного в 1890 г. в Париже тремя сенаторами (P. Deves, G. Lesueur, P. Decauville) и тремя подрядчиками-инженерами (A. Couvteux, L. Coiseaux, E. Letelier) общества для изучения транссибирской ж. д. Об-во бралось выстроить линию дороги в течение 6 — 8 лет (с 1892 г.), стоимостью в 300 мил. р. Финансовая сторона предложения сводилась к тому, что русское правительство должно было расплачиваться с Об-вом облигациями 3% займа 1891 г. по курсу не-

реализованного целиком на французском рынке группой парижских банков под гарантией русского правительства, которое иначе, т. е. одними своими средствами, не могло бы оказать эту политическую услугу манчжурской династии; без Русско-Китайского банка, который, благодаря широте своего устава и преобладающему участию русского правительства в его Правлении, становился достаточно эластичным, глубоко проникающим и цепким орудием правительства в его большой политической игре на арене мирового империализма, а благодаря соединению в оборотном капитале банка французских, немецких и китайских элементов до известной степени страховал бы политику своего Правления от слепого подчинения правительственной политике коммерческих интересов, особенно, французских участников, не только представленных в Правлении, но и чувствительнейшим образом соединивших этот русский банк со всем парижским банковским механизмом: — без этого всего немыслима была бы та политика смелого наступления, какую вело самодержавие на Дальнем Востоке, чтобы поспеть занять необходимые исходные стратегические, политические и экономические позиции в предстоявшей на территории Китая международной борьбе за железно-дорожные пути, сферы влияния, монополии, отрасли администрации, промышленные концессии, селъменты, рынки сырья и сбыта. Пока Россия имела дело с Францией, не обеспеченной чем-либо другим ни в отношении Германии, ни в отношении Англии, и пока внешними политическими успе-

сколько ниже среднего предыдущего каждый раз триместра (с тем однако, чтобы этот средний курс не был выше курса *последнего месяца*), устанавливаемому сообразно котировкам Парижа, Амстердама и Берлина, и кроме того уплачивать Об-ву некоторую комиссию в $\frac{1}{10}\%$, считая не действительную, а номинальную стоимость облигаций. Lesueur обращался к русскому правительству дважды: 25 февраля/9 марта 1891 г. и 29 января/10 февраля 1892 г. Наконец, 16/28 февраля 1892 г. он и Desauville были приняты Александром III и получили отказ (помета А. III на их докладе от этого числа: «я им повторил тоже самое, что и вы [Вышнеградский] им сказали, чтобы на это дело они не рассчитывали, так как решено, что казна сама будет строить Сибирскую дорогу»). — Состоялись ли переговоры с Cr. Webb'ом, нам неизвестно.

хами маскировалась вся несоразмерность задач, вытекавших из предпринятой русским правительством на Дальнем Востоке программы, с наличными средствами, какими располагало или какие могло привлечь под свою «эгиду» самодержавие, — до тех пор и франко-русский союз давал себя знать на Дальнем Востоке в готовности французской дипломатии идти вместе с русской. Но франко-русская декларация 3/16 марта 1902 г., потому и оказалась последней манифестацией союза в дальневосточных делах, что теперь Франция стояла перед возможностью самого широкого и многообещающего соглашения с Англией. Уже в марте 1903 г. новый французский посол в Петербурге (Бомпар) «дебютировал», «бросая камешки в наш огород», тем что открыто (в *Moniteur Officiel de Commerce*) «преуменьшал значение Сибирской ж. д.»; тогда же и Делькасс бросал фразы вроде того, что «флиртуя ловко с Англией» он «извлек бы из этого может быть больше, чем из наших друзей», а Витте и Рафалович, из уважения к «англофильству» Делькасса, не считали удобным даже оказать какое либо содействие члену Палаты Делонклю, вознамерившемуся «внести в Палату предложение просить, чтобы внимание французского правительства было привлечено к необходимости извлечь коммерческие и промышленные выгоды из русской транссибирской ж. д.», и имевшему в виду издать, «для распространения среди всех депутатов и сенаторов», специальную брошюру о том, «что сделала Россия на Дальнем Востоке»¹. Весной 1903 г. англо-французские переговоры были уже «в полном ходу», и если верить информации, какою располагала германская дипломатия, уже тогда парижская Haute Finance, в поисках партнера по дальнейшему финансированию русского правительства, приступила к подготовке почвы для англо-русского сближения². К осени 1903 г., когда в Париже

¹ См. письма Рафаловича м-ру финансов от 15 и 23 марта 1903 г. в д. № 2, 1902 г., Секретарской части канц. м. ф. (помета Витте на письме от 15 марта по поводу приготовления брошюры: «пусть не вмешивается»).

² См. «Die Grosse Politik», 17. B., № 5369, записка Экардштейна от 10 мая н. с. 1903 г. и № 5374, тел. Радолина из Парижа от 5/18 мая т. г. — Экардштейн

уже широко распространилось подозрение, что самодержавие «будет вынуждено сделать диверсию за границу, чтобы отвлечь внимание» от тяжелого внутреннего положения, Рафалович, напр., не мог скрыть от своего петербургского шефа «тревоги», все более овладевавшей парижским «коммерческим и промышленным миром» по поводу «дел Дальнего Востока» и получавшей уже в октябре выражение «в колебаниях котировки русских фондов». «Ловко пущенный слух», что англо-французские переговоры «находятся на хорошем пути», Рафалович сам склонен был считать «пробной уткой» с той стороны канала, имеющей целью «усыпить французское общественное мнение в момент, когда дела могут испортиться на Дальнем Востоке», и «помешать каким либо манифестациям против английских союзников японцев». Но, как бы ему ни казалось, что у «разумных людей» «преобладает чувство, что в конечном счете удастся избежать вооруженного столкновения», именно в этих дружественных России деловых кругах господствовало убеждение, «что наше овладение Дальним Востоком поглотит громадные суммы» для защиты новых владений и «что в этом и лежит причина возможных пертурбаций для наших бюджетов». Что же касается «общего направления умов», то оно представлялось ему совсем «не в нашу пользу», а французская дипломатия, «руководимая в действительности Камбоном в Лондоне и Баррером в Риме», — менее всего руссофильской¹.

подчеркивал, что он «определенно» знает, что Haute Finance обрабатывает Делькассе не только в пользу англо-французского сближения, но и англо-русского; Радолин же основывался на прямом сообщении Ротшильдовского агента Бецольда. Бецольд утверждал, что лондонский Ротшильд под влиянием письма парижского Ротшильда действует вместе с Чемберленом на Бальфура, что манчжурский вопрос не является препятствием для англо-русского сближения и что Эдуарду VII Россия «не несимпатична». Правда Бецольд не предвидел возможности английского займа России ранее, чем через год-два, но «считал своим долгом» сообщить Радолину об этих «будущих возможностях» для того, чтобы немцы «могли заложить контр-минны».

¹ См. письма А. Г. Рафаловича к министру финансов от 9 августа и 10 октября 1903 г. в д. № 3, 1903 г., Секретарской части канц. м. ф., и от 14 октября т. г. там же, д. № 2.

- Если даже и не придавать особенного значения тому, что и в военной сфере к этому времени русская сторона доставляла известное беспокойство французскому штабу, как сообщали в Берлин из австрийского источника, то во всяком случае теперь уже в Петербурге едва ли могли еще держаться иллюзии относительно какой-либо военной поддержки Францией русских притязаний на Дальнем Востоке¹. Осенью же 1903 г. Ламсдорф был в Париже, но положительного ничего в этом смысле в Петербург не привез, кроме, может быть, некоторой надежды на посредничество Франции в целях мирного разрешения русско-японского конфликта². Однако, окольные зондирования через Париж ни к чему не повели ни в Лондоне, ни в Берлине, и, когда Ламсдорф 26 января 1904 г. предложил Николаю открыто обратиться к посредничеству, Николай был прав, что тогда — было уже поздно³. Неудачное для России начало войны могло бы только, если бы это было еще нужно, послужить последним толчком для Франции к заключению того исчерпывающего соглашения с Англией по всем колониальным делам (8 апреля 1904 г.), которое в данной стадии русско-английских отношений легко могло поставить под вопрос дальнейшее существование франко-русского союза. В течение всей войны Франция держалась строгой нейтралитета, смягчить который хотя бы немного в свою пользу Россия не решалась пытаться, и русской дипломатии казалось, что она может подвергнуть испытанию самый союз одною только постановкою вопроса о том, какую позицию займет союз-

¹ См. «Die Grosse Politik», 18. B., 2. Teil, № 5919, сообщение пов. в делах в СПб Ромберга от 7 ноября и с. 1903 г, будто ген. Пендзек с большим раздражением отозвался «о вялости, с которой Россия ведет постройку обещанных Франции по случаю последнего французского займа стратегических ж. д. по направлению к западной границе», и «будто бы относительно этого французская сторона сделала представления в СПб».

² См. там же, 18. B., 2 Teil, № 5917, тел. Радолина Бюлову от 16/29 октября 1903 г. — Ламсдорф был в Париже 29/31 октября и с.

³ См. там же, №№ 5914, 5936, 5931 5959, 5948 и особенно 5941 и 5917. — «Дневник» Куропаткина, «Кр. Архив», т. 2, стр. 109.

ник в случае вмешательства в войну Англии¹. Так, франко-русский союз, хотя как бы и воспринявший формально некоторую силу в сфере дальневосточных дел после русско-французской декларации 1902 г., оказался парализованным к тому моменту, когда нападение Японии вот-вот могло создать *casus foederis*.

При таких условиях Германия, перед русско-японской войной, оказывалась, на первый взгляд, в исключительно выгодном исходном положении относительно России в игре за разрушение франко-русского союза и замену его русско-германским. Бюркский договор, подписанный Вильгельмом и Николаем 11/24 июля 1905 г., явился максимальным результатом этой игры и, если бы возымел силу, в корне изменил бы международную конъюнктуру против той, которая в действительности легла в основу десятилетия, протекшего от англо-французского соглашения 1904 г. до начала мировой войны. С именем Бюрке, ставшим достоянием гласности в разгаре последней войны, связан теперь некоторый внезапный дипломатический скандал, с трудом потушенный русскими министрами чуть ли не при содействии кого-то из великих князей, скандал, в котором Вильгельм играл роль ловкого вымогателя подписей под невыгодным для противной стороны документом, а Николай — либо простака, не ведавшего, что творит, либо коварного предателя своих «союзников», в обоих случаях вынужденного потом сознаться, что подпись свою он дал, не разобравшись во всех обстоятельствах дела. Продукт личной политики двух последних представителей абсолютизма «божьей милостью», Бюркский договор был не только случайным выражением их личной воли, а и отражением объективно сложной обстановки, вырваться из которой он и представлял попытку, — одинаково оказавшуюся обреченной на неудачу для обеих сторон.

С того момента, как Вильгельм весной 1895 г. решительно поддержал Россию в ее выступлении против японских захватов

¹ См. А. М. Зайончковский, «Франко-русские отношения до войны 1914 г.», (в сб. «Кто должник?», М., 1926, стр. 51), тел. Ламсдорфа Нелидову в Париж от 20 октября 1904 г.

в Китае не только дипломатическим путем, а и готовностью на совместное вооруженное выступление, роль Германии в политике России на Д. Востоке не переставала быть ролью подталкивающего паровоза. Витте много постарался о том, чтобы изобразить (в Воспоминаниях) эту «роковую» роль Германии начавшеюся двумя годами позже, с захватом ею Цзяо-чжоу, побудившем якобы и Николая II перейти к агрессивной и «легкомысленной» политике захватов на Востоке. Теперь, однако, едва ли остается место сомнению в том, что «роковой» узел, разрубленный войной 1904 — 1905 гг., затягивался руками Витте и Вильгельма, при колеблющейся позиции Николая, весной 1895 г. Никто иной, как Витте потребовал тогда недопущения Японии в Манчжурию, хотя бы ценой войны, пока не кончен постройкой сквозной Сибирский железнодорожный путь, и ничто иное, как безоговорочное решение Германии, вывело Францию из состояния нерешительности (с оглядкой на Англию) и побудило ее примкнуть к ультиматуму, заставившему Японию изменить условия *уже подписанного* с Китаем в Симоносеки мирного договора. Поскольку не было никаких оснований предполагать, что японское правительство так просто, ни с того ни с сего, откажется от морских ключей к Южной Манчжурии в Ляодуне и спокойно будет ждать окончания постройки Сибирской жел. дороги, стратегическое и политическое значение которой трудно было переоценить (особенно после того, как ее повели через Манчжурию в полном сознании неизбежности ее русских же ответвлений в любых направлениях, будь то к Пекину или к Желтому морю), — постольку датировка неизбежного военного решения манчжурского вопроса устанавливалась *в прямой зависимости* от срока окончания постройки. Что Япония должна попытаться войти в Манчжурию до этого срока — дано было еще в 1895 г.¹ В этом смысле, пожалуй,

¹ Ито, который, кажется, последний дал свое согласие на разрыв с Россией, еще в самом начале марта 1903 г. дал «много пищи для тревожных слухов» своей речью на партийном собрании в Кофу, где между прочим сказал: «...Мировые дела представляют крупные перемены за каждое десятилетие. Великая

Вильгельм (а вместе с ним и Витте) действительно взял на себя «роковую роль» в дальневосточной политике России без малого за девять лет до роковой же ее и развязки, — не бблшую, впрочем, чем французы, не столь решительные *в первый момент* предприимчивой интервенции, но зато оказавшие капитальнейшую поддержку самодержавию, немного спустя, *в развитии* достигнутого успеха.

Естественно, что это дружественное выступление германской дипломатии в столь решительную для судьбы империалистического плана Витте минуту, сразу же делало Германию притязательным соучастником в дележе политических выгод, какие становилось возможным извлечь из созданного совместными усилиями положения в Пекине, и в той или иной мере обязывало русскую дипломатию. Но дело было не только в — недостаточно точно оформленных, правда, — обязательствах, взятых с Николая Вильгельмом в Петергофе, а, для Витте, и в том, чтобы дальнейшую реализацию своего плана он мог бы не ставить в исключительную зависимость от французов. Таков был, отчасти, смысл отказа Витте от повторения русско-французского займа Китаю в начале 1896 г. с тем, чтобы на этот раз уступить место «дружественной» Германии¹. Таков был смысл соединения

Сибирская ж. д., соединяющая Крайний Восток с Крайним Западом, уже почти окончена и разделяющее их расстояние может быть пройдено теперь в какие нибудь 2 недели. Не следует забывать, что подобное сокращение расстояний требует от нас самого серьезного внимания с точки зрения национальной безопасности. Последнее улучшение в путях сообщения производит полную революцию в относительном положении народов. Чтобы указать пример, — десять лет тому назад ни одна западная держава не могла и подумать о посылке на Д. Восток стотысячной армии. Но с тех пор условия так изменились, что стало возможно в какие нибудь 2 — 3 месяца перебросить сюда армию даже в несколько сот тысяч человек. Конечно, все нации желают мира. Но как бы то ни было, ни одна из них не рискнет забыть, что буря может разразиться каждую минуту. Вот что отнимает у меня покой и днем и ночью и вот почему я не упускаю ни одного случая напомнить моим согражданам о необходимости единения и доброго согласия». (см. в д. № 79, доведение фин. агента в Японии Распопова от 8/21 марта 1903 г.).

¹ См. выше, стр. 96.

в Русско-Китайском банке в 1895 г. свежего притока французского капитала, через посредство нескольких парижских банков, с капиталом Disconto-Gesellschaft через русский СПб. Международный Коммерческий банк, выпущенный Витте теперь на дальневосточную сцену в качестве учредителя нового банка с русской стороны¹. Таково же соединение капиталов, собранных в Париже дельцами СПб. Учетного и Ссудного банка (учрежденного при участии того же Disconto-Gesellschaft), с капиталами Учетного и СПб. Международного банков в учрежденном в мае 1895 г. Российском Золотопромышленном Обществе, которое, в связи с близким окончанием постройки Сибирского пути, рассчитывало действовать на всем пространстве от Урала до Приморской области включительно, а в 1901 г. покусилось, как мы видели, и на манчжурские месторождения². Таков, наконец, и Синдикат для исследования рудных богатств Китая, учрежденный в июне 1897 г. по инициативе Русско-Китайского банка и Российского Золотопромышленного Общества при значительном участии и СПб. Международного банка, в 1900 г. учредивший, в свою очередь, Акционерное Общество рудного дела Тушетухановского и Цеценхановского аймаков в Монголии, при участии почти в половинной доле группы бельгийских капиталистов³. Если рассматривать

¹ См. выше, стр. 91, и Е. Грановского, «Монополистический капитализм в России», «Историк Марксист», № 4, стр. 40.

² Общество учреждалось (официальными учредителями крупным биржевиком, акционером Учетного банка, Ф. И. Петрокино и вице-директором того же банка К. А. Варгуниным) с капиталом в 5.000.000 р., разделенным на 50 тыс. акций. К учредительному собранию 26 мая 1895 г. «иностранными акционерами» были представлены 16.561 акция, не считая того, что Ф. И. Петрокино записал на свое имя по списку «иностранных акционеров» 2253 акции, видимо, предполагая поместить их в иностранные руки в дальнейшем. На первом месте среди иностранных акционеров — Парижско-Нидерландский банк с 3539 акциями и Международный банк в Париже с 2500 акций. От Учетного и Ссудного банка представлено было 4113 акций, от СПб. Международного — всего только 1875. На последующих собраниях 1895—98 гг. пакет Международного банка растет (4000, 8000, 9300), Учетного — уменьшается (1200, 500, 150, 600). См. ниже, приложение I.

³ См. ниже, приложение II.

весь Зауральский план Витте, как единое целое, то можно сказать, что непосредственно после интервенции 1895 года Витте (при непременно участии своего фактотума Ротштейна, севшего в правлениях всех только что перечисленных «учреждений») удалось мобилизовать под «эгидою» русского самодержавия значительный, по масштабам Европейской России, капитал весьма пестрого национального состава, придать его монополистическим тенденциям многообещающее организационное единство и заинтересовать его во внешне-политических успехах самодержавия на Дальнем Востоке. Рассчитывая, в качестве союзника, подойти железной дорогой к самой столице Китайской империи и укреплять союз двух величайших континентальных держав посредством прежде всего поддержки положения манчжурской династии и старого политического строя в Китае, и имея в виду, опираясь на этот союз, подобраться ко «всем богатствам» Китая «новыми методами» «мирного завоевания малокультурных стран», Витте именно теперь, в состоянии, как ему должно было казаться, полной боевой капиталистической готовности и в сознании всей опасности затеваемого им единоборства с неизмеримо могущественнейшим английским капиталом, не упустил случая нарисовать перед Вильгельмом (в Петербурге, летом 1897 г.) картину обреченной на гибель в борьбе с «заморскими» странами, стареющей, обессиленной сухопутными вооружениями, Европы и развить спасительный план континентального союза против Англии¹. То обстоятельство, что Вильгельм остался теперь глух к этой идее союза втроем, что непосредственно вслед за тем Вильгельм нажал на Николая, спутал карты русской дипломатии вторжением в Шаньдун и точно так же остался глух к наивному призыву Витте отказаться от этого захвата, что, наконец, когда отпала последняя возможность соглашения с Англией и дело повернулось с английской стороны на политику окружения Германии (и на изгнание России из Манчжурии), Вильгельм пустил в ход формулу «двух адмиралов»,

¹ См. Витте, «Восп.», I, стр. 99—100.

себе приписывая Атлантический океан, а Николая манил Тихим, (как в свое время и Витте манил Александра III перспективой «господства русского военного флота в тихоокеанских водах»), и повел в отношении России политику отвлечения на восток русских военных сил подальше от западной границы, — все это нисколько не способно было отвратить дипломатию Витте от трезвой оценки всех неудобств, связанных с исключительностью французского союза, и заставить отказаться от мысли о необходимости какого-либо противовеса в неизбежном росте притязательности французских друзей.

При случае, как было в своем месте отмечено, Витте даже перед своими непрочь был щегольнуть ссылкой на французский, автономный характер Русско-Китайского банка и на обязательность для русского правительства считаться даже в основных линиях своей политики с ее хрупким банковским инструментом. Но именно точно обусловленное с самого начала участие французских акционеров в администрации банка оказалось и по существу стеснительным для самого Витте и поставило его в необходимость считаться не только с коммерческими интересами чужих акционеров, но и с политическим вмешательством в дела банка французского правительства. Как известно, уже при самом учреждении банка французские учредители не сразу согласились на перевернутое соотношение между долей их участия в капитале банка ($\frac{6}{8}$) и количеством предоставляемых им мест в его Правлении ($\frac{3}{8}$), а в заинтересованных французских кругах на месте, в Китае, были надежды «играть первенствующую роль» в делах нового банка. Не прошло и двух полных лет, после того как Ротштейну удалось уговорить французов в Париже, как отношения между русским и французским элементом в Шанхае обострились настолько, что Витте готов был уже пойти на распад банка по национальной линии, что, конечно, было бы связано с обоюдно невыгодной конкуренцией¹. При этом париж-

¹ См. выше, стр. 91, примечание.

ские правленцы предпочли, повидимому, возобновляя свои домогательства, впутать в дело Ганото, и Неплин (в августе 1897 г.) выступил перед Витте в роли только посредника, передающего «желание министра иностранных дел»: 1) о прибавке в название банка слова «Франко», 2) об усилении «французского элемента в администрации» банка, и 3) об открытии затем отделения банка «на юге Китая»¹. Все эти «желания» встретили решительные возражения со стороны русских директоров в Китае и были без колебаний отвергнуты Витте². Французы отступили и в этот раз, но не исключена же была возможность повторения подобных эпизодов,—и Витте в следующем же году прибегнул к усилению правительственного участия в капитале банка и провел в устав банка статью об утверждении личного состава Правления русским министром финансов³. Действительно, при первых же признаках экономических затруднений в России, в октябре 1899 г. вопрос о введении французского члена в Правление банка в Петербурге был вновь поставлен Теофилом Делькассэ в форме, выдававшей на этот раз инициативу французского правительства в этом деле, а имя кандидата, указанного Делькассэ, не оставляло сомнений в том, что суть была теперь в установлении непосредственного контроля французского правительства над ходом дел в Правлении банка: Делькассэ предложил на этот пост М. Верстрата, известного тогда не слишком большим расположением к России французского коммерческого агента в Петер-

¹ См. в д. № 64, тел. директора канц. м. ф. Покотилову от 13 августа 1897 г.

² См. там же, телеграммы Покотилова от 4 сентября и 12 сентября 1897 г. Покотиллов и Верт оба считали «неблагоразумным» «разбрасывать силы» банка и идти на конкуренцию с Индо-Китайским (французским) банком на юге Китая (помета Витте: «если банку невыгодно, не следует и делать»). На тех строках телеграммы, где Покотиллов высказывался за разрыв с французами, если им не нравится политика русских директоров, Витте написал: «этого следует держаться». Ср. там же тел. дир. канц. м. ф. Покотилову от 4 ноября 1897 г., о том, что Витте «вполне разделяет» взгляд Покотилова «о необходимости категорического ответа французам по поводу их отношений к банку».

³ См. выше, стр. 236.

бурге. Но и при такой гарантии Делькассэ не склонен был не только возобновлять речь о распространении деятельности банка на юге Китая, а и поставил вопрос о разграничении сфер влияния Индо- и Русско-Китайского банков, с тем, чтобы последний действовал «к северу от Шанхая»¹. И вот, только что сделав уступку своим врагам англичанам, клонившуюся к ограничению железнодорожно-строительной деятельности русского банка, Витте теперь не считал возможным не «сделать приятное г. Делькассэ» и согласился на ограничение района и коммерчески-кредитной деятельности банка: это была с его стороны тоже уступка и, делая ее, Витте не скрыл от Делькассэ своих «сомнений», сводившихся к тому, что, «когда с французскими и русскими банками конкурируют банки других европейских государств, особенно Англии, отказ Русско-Китайского банка от операций в известных районах принес бы пользу не столько Индо-Китайскому банку, сколько английским кредитным учреждениям». Сдал Витте на этот раз и в вопросе о четвертом французском члене и согласился на то, чтобы им был Верстрат: упорствовать в этом пункте было бы тем более неудобно, что одновременно с принятием на счет русской казны второго выпуска акций 1898 г. Витте провел увеличение состава Правления с 9 до 11 и ввел туда двух чиновников своего министерства. Витте не преминул только при этом уколоть своего настойчивого французского коллегу, что «вежливее было бы возбудить этот

¹ См. в д. № 64, два письма Рафаловича к Витте от 15/27 октября 1899 г. О каком либо участии в этом деле парижских членов Правления банка Рафалович не упоминал. Предложения, для передачи в Петербург, были сделаны Рафаловичу самим Делькассэ. После этого разговора Рафаловичу дополнительно было сообщено, будто бы в свое время предложение французам четвертого места было сделано Ротштейном. Запрошенный по поводу сообщений Рафаловича, Ротштейн разъяснил только по вопросу о разграничении, что в свое время была речь о границе по Янцзы с тем, что в Шанхае будут работать отделения обоих банков и что «с точки зрения французского правительства» Русско-Китайский банк в таком случае должен был бы «играть ту же роль на севере, как Индо-Китайский на юге Китая» (см. там же, письмо Ротштейна Шипову от 27 октября ст. ст. 1899 г.).

вопрос через Парижских директоров банка», и Верстрат водворился в новом звании (в декабре 1899 г.) не раньше, чем в Петербурге было получено почтительное благодарственное письмо на имя министра финансов за подписями Нецлина и Готтингера, «тронутых» таким вниманием русского министра¹. А еще дальше, сепаратная, сразу же уклонившаяся от какого бы то ни было «очень прочного союза», предложенного Делькассе летом 1900 г., политика Витте в Китае, грозившая в финансовом и дипломатическом отношении увязить Россию в Манчжурии, настораживала французское правительство относительно дееспособности России на западе и сказала в судьбе Русско-Китайского банка: 1) дальнейшей «национализацией» его посредством принятия в русский правительственный портфель всего третьего выпуска акций в 1902 г., и 2) изъятием из круга деятельности банка промышленного грядерства в Манчжурии в тот момент, когда от общих дипломатических формул о признании китайским правительством промышленной монополии банка дело перешло к действительному ангажированию капиталов банка в учредительскую горячку и в скупку концессий в Манчжурии у русских частных лиц и даже обществ, готовившихся пустить свои концессионные права на вольный рынок и открыть Манчжурию для «наводнения» ее иностранцами — перспектива столь же пугавшая русское правительство, как по меньшей мере безразличная с точки зрения французских акционеров банка². Нецлины и Готтингеры были одновременно и проводниками российских государственных займов на французский рынок и в первую очередь должны были разделить отмеченные выше опасения парижской Haute Finance относительно неизбежных потрясений равновесия в русском бюджете, которыми грозило

¹ См. там же, письмо Витте к Рафаловичу от 26 октября 1899 г., письмо Готтингера и Нецлина от 9/21 декабря и Верстрата от 23 декабря.

² См. выше, стр. 257—258, 376. — Напр., золотые концессии, взятые в Манчжурии в 1901 г. Рос. Золотопр. Об-вом и А. А. Троицким, были приобретены Манчж. Горнопр. Т-вом в 1903 г. именно потому, что они предложены были «иностранцам» (см. в д. № 106, доклад Правления М. Г. Т. от 2 января 1904 г.).

дальнейшее укрепление России на Дальнем Востоке. В связи же с притязательными условиями французского займа 1901 г. приходится рассматривать и то, что, на радужный призыв из Берлина весной 1901 г., Николай осенью поехал в Данциг не только отдаваясь личному влечению, а, оказывается, и сопутствуемый внушениями Витте и Ламсдорфа втянуть в интересы их Манчжурской политики германское правительство доверительным сообщением в Берлине текста проектированного сепаратного договора с Китаем¹. Витте при этом не только взял заем, «для реализации китайской контрибуции», в начале 1902 года в Берлине, хотя то же ему ничего не стоило сделать и в Париже, но и отказался на «ближайшее время» от рассмотрения подобных предложений французов². Зато весной 1903 г., когда было уже видно, что выпущенный Мендельсоном русский заем благополучно переходит во французские же руки, Рувье грубейшим образом не менее шести недель держал Витте без всякого ответа на его «частное письмо», заключавшее в себе просьбу «о допущении котировки русского консолидированного 4% займа, который котировался уже в Берлине, Лондоне и Нью-Йорке». А Рафалович, попрекая этим Бомпару, взял да и «намекнул на серьезный удар, угрожающий железным дорогам, которые мы не начинали бы строить без настояний наших парижских друзей»³. Подобные колкие пассажи внутри франко-русского союза, как

¹ См. «Дневник» Половцова, «Кр. Архив», т. 3, стр. 103.

² См. «Die Grosse Politik», 18. B., 1. Teil, № 5406, тел. Бюлова Альвенслебену от 5/18 марта 1902 г., и в д. № 3, 1903 г., Секретарской части канц. м. ф., письмо Рафаловича к Витте от 12 августа 1902 г. о том, что «Рувье очень расположен к русской операции, если ему предоставят выбор момента». На этом месте помета Витте: «я не собираюсь в ближайшем времени делать какие-либо операции в Париже». — Бюлов поднял было горячку, чтобы заставить Мендельсона воздержаться от займа, если бы Витте не выдал «письменного обещания» не повышать русского тарифа в ответ на предстоявшее повышение германских ввозных пошлин на хлеб. Но именно в виду возможности для Витте перехода на французский рынок, мысль Бюлова осталась втуне («Die Grosse Politik», 18 B., 1. Teil, №№ 5404, 5405, 5407).

³ См. письмо Рафаловича к Витте от 1 декабря н. с. 1902 г. в д. № 3, 1903 г., Секретарск. части канц. м. ф. и его же письмо от 10 мая 1903 г. там же в д. № 2, 1903 г.

видим, к тому времени оказывались возможными не столько потому, что Николай, подталкиваемый своими министрами и своим династическим инстинктом, встал на скользкий путь сближения адмиралов двух океанов, сколько потому, что вместе с тем и Витте принялся искать противоядия политическим требованиям французских друзей в перенесении своих кредитных операций в Берлин. Если такой интернационализацией финансов самодержавия Витте рассчитывал облегчить ему маневрирование с целью «упрочить европейский мир», то, одновременно гипнотизируя себя надеждой «заручиться» поддержкою своим манчжурским планам со стороны зараз Франции и Германии, Витте, как известно, напролом шел к той своей дипломатической неудаче, которая привела к торжеству безобразовцев¹.

Когда они весной 1903 г. начали переходить на «штатное» положение и взялись довести монополистическую манчжурскую программу Витте до конца, они прямо поставили вопрос о необходимости для России выбирать ориентацию или на Германию или на Англию, оставляя в стороне Францию, которую нельзя было никак приспособить к дальневосточным планам России. И конечно, решали его в пользу Германии, в расчете на «всегдашнее желание Вильгельма сойтись с Россией»². Но и здесь дело было не так просто, чтобы только захотеть — и германская дипломатия примет на себя какие-либо формальные обязательства. В Берлине меньше всего склонны были теперь связывать себя чем-либо, кроме обещаний (одинаково, в Токио и в Петербурге) остаться нейтральными в случае войны, и предпочитали терпеливо выжидать, когда Россия сама обратится с просьбой о помощи, в уверенности, что время работает на пользу Германии³. Откло-

¹ См. «Дневник» Половцева, «Кр. Архив», т. 3, стр. 103.

² См. в д. № 120, письмо Воронцова к Витте от 9 мая 1903 г.: «раз мы выступили на арену мировой политики, нам необходимо соглашение или с Англией или с Германией». Воронцов предпочитал «последнюю державу как более для нас опасную, но и более в нас нуждающуюся».

³ См. «Die Grosse Politik», 19. B., I. Teil, №№ 5920, 5923, 5927, 5943, 5950, 5951, и 18. B., I. Teil, № 5421.

няя всякую мысль о вмешательстве в русско-японский конфликт с целью предотвращения войны, зорко следя за тем, как бы в минуту слабости русская дипломатия со страху не обратилась на путь соглашения с Японией и Англией и как бы, с другой стороны, не выдать своего нетерпения «упасть на шею России», заставляя Николая в Висбадене первым заговорить на политические темы и не повторяя там ему даже обычных уверений о «прикрытии тыла», с удовлетворением собирая известия о том, что Франция и не думает о расширительном толковании своих союзных отношений с Россией, а Лэнсдоун поощряет Японию к выступлению заверениями, что Англия и Франция будут стремиться к локализованию войны, — германская дипломатия руководилась уверенностью, что предстоящая война «независимо от того, кто победит, Россия или Япония, в обоих случаях» «возвысит политическое могущество Германии» при условии, если немцы «будут сидеть абсолютно спокойно»¹. И в самом деле,

¹ См. там же, 18. В., 2. Teil, № 5917, тел. Радолина из Парижа от 16/29 октября 1903 г. о разговоре его с директором Лионского Кредита Жерменом, который прямо указывал, что мирный исход русско-японского конфликта всецело зависит от Германии, что она может «продиктовать» его (пометки Вильгельма: «мне и во сне не виделось», и: «французы боятся потерять свои деньги в дальневосточной сумятице и хотят, чтобы мы удержали русских, я об этом и не думаю»); там же, 19. В., I. Teil, № 5924, записка Мюльберга о разговоре с Остен-Сакеном от 2/15 июля 1903 г. о положении дел в Манчжурии (Остен-Сакен проявлял большую «робость» и высказывал надежду, что Россия найдет «опору» в Германии; помета Бюлова: «мы не должны позволить России поддаться такому страху, чтобы она на любых условиях пошла на соглашение с Японией»); № 5943, записка Бюлова от 3/16 января 1904 г., в которой Бюлов, обсуждал, какие контр-требования могла бы поставить Германия, если бы Россия обратилась за поддержкой, высказывался за сугубую осторожность в формулировке требований, чтобы у «русского правительства и вблизи не лежала мысль о соглашении с Японией, Англией и Америкой или о дальнейших уступках»; там же, 18. В., I. Teil, № 5421, тел. Гольштейна Бюлову от 3/16 апреля 1903 г., подробно обосновывавшая необходимость «выжидательной политики»; там же, № 5422, записка Бюлова о Висбаденском свидании, состоявшемся 4 и 5 ноября 1903 г., от 7 ноября н. с. т. г.: Вильгельм «уклонился» от того, чтобы самому заговорить о «внешней политике», и на 2-й день свидания Николай увидел себя «вынужденным» самому «приступить к этому»; при этом Бюлов подчеркнул, что Вильгельм не дал никакого «обещания» относительно прикрытия тыла; там же, 19. В., Teil, № 5931, тел. Меттерниха из Лондона от

с начавшимся весной 1903 г. переходом власти в России в руки откровенных сторонников германской ориентации и противников всякой политики уступок на Дальнем Востоке, с установлением полного соглашения между Россией и Австрией по ближневосточным делам, давшего возможность России снять с австрийской границы еще до начала военных действий целых два армейских корпуса¹, с разрывом китайских переговоров и вторичным занятием Мукденя, Россия действительно для всех являла вид державы, которая, с обеспеченным тылом по западной границе и с грубо перекрашенным в батальные цвета фасадом на Востоке, приняла решение не отступать перед войной и не искать мирного исхода. Дождавшись открытия военных действий, Германии оставалось только усвоить себе политику сверх-дружественного нейтралитета, фактически обращавшую ее в единственную союзницу России, и дипломатически бить по франко-русскому союзу напоминаниями о «крымской» комбинации, лоя и раздувая малейшие внешние ее симптомы.

Однако, отмеченная переоблицовка русского правительственного аппарата к началу войны оставалась далеко не законченной и так и остановилась на полпути, захватив только аппарат управления Дальнем Востоком, — ровно настолько, чтобы предотвратить там паническое дипломатическое бегство, предложенное Николаю из недр старого правительственного ядра (записка Куропаткина о возвращении Китаю всей южной Манчжурии с Людуном). Не только оно, но и сам Николай продолжали оставаться под действием всей тяжести экономических цепей, скреплявших франко-русский союз, который

8 января н. с.: Лэнсдоун «категорически заявил» японскому послу, «что Англия не будет оказывать в дальнейшем никакого давления на Японию в смысле поддержания мира и самым добросовестным образом исполнит свои договорные обязательства», и «что Франция останется нейтральной»; № 5936, тел. Бюлова от 12 января н. с. о том, что Рузье заверил Луццати, что *casus foederis* для Франции открывается только в случае нападения Англии на Россию в европейских водах; ср. также № 5945.

¹ См. «Die Grosse Politik», 19. B., 1. Teil, № 5939.

оставалось еще попытаться использовать во время войны в финансово-сфере. Можно сказать, что манчжурский груз, раз он продолжал тяготеть над русской дипломатией, делал все более проблематической возможность усидеть между Францией и Германией в должном равновесии: даже Витте и тот в минуту слабости не удержался пустить интригу против одной из стратегических железных дорог, продиктованных интересами французского союза, а Безобразову — тому уж совершенно не могло быть доступно понять, как можно осенью 1903 г., в самый разгар японских военных приготовлений, тратить время и средства на большие маневры на западной границе, когда, в случае военного исхода манчжурского спора, предстояло доверчиво обнажить именно этот свой фронт¹. Когда же война началась, дипломатическая формула Ламсдорфа: «ничем не портить наших отношений с Берлином, но притом не упускать и Парижа», потому что «только сохраняя *равновесие*, удастся извлекать выгоды, в пределах возможности, из обеих сторон», — на деле, в зависимости от календаря войны, оказалась равносильной признанию неизбежности союза и русско-германского, потому что, чем дальше, тем явственнее становилось, что речь должна идти не о извлечении «выгод» «в пределах возможности», а о требованиях, которые необходимо было удовлетворять².

Такая перспектива расцепления на два обоюдооборонительных и взаимоисключающих союза, за полной невозможностью тройственного, — как бы ни казалась парадоксальной, — имела, все же мыслимый шанс в типичной для абсолютизма стихии двойной дипломатии. Русско-германский союз и стал предметом личной политики Николая.

¹ См. «Дневник» Куропаткина, «Кр. Архив», т. 2, стр. 44, 47, 62. О больших маневрах в варшавском военном округе в конце августа 1903 г. см. там же стр. 69 сл.

² См. письмо Ламсдорфа к Остен-Сакену от 23 октября 1904 г., «Кр. Архив», т. 5, стр. 15.

III.

Потери, понесенные русским флотом в Порт-Артуре в первый же день войны, не оставляли сомнения, что начавшаяся война не ограничится неделями, и уже в самом начале февраля 1904 г. в Париже пошел слух о предстоящем «в ближайшее время» заключении займа Россией. Тогда, в феврале, слух этот был тотчас же «категорически опровергнут» русским правительством, но уже в марте, как мы знаем, оно твердо остановилось на решении сохранить размен и вести войну, как бы продолжительна она ни была, за счет внешнего кредита¹. Соблазнительна мысль, что переговоры о займе поведены были «в начале текущего [1904] года» впервые не с Парижем, а с Берлином². По крайней мере русский посол в Париже Нелидов с самого начала высказывался в пользу отсрочки займа на французском рынке настолько определенно, что Коковцов с некоторою обидчивостью принял это за отказ его от поддержки займа в предстоявших переговорах с французами³. Но и переговоры с немцами приводили к решению, что операция в Берлине должна быть отложена до выяснения результатов совещаний о заключении русско-германского торгового договора⁴. Положение создавалось такое, что Коковцову пришлось даже *тайком* от своих же вызвать французских банкиров в Петербург и делать вид, что те приехали по собственному своему почину⁵. Но не только Нелидов советовал повременить с обращением к парижскому рынку: и Рафалович, агент министерства финансов в Париже, посвященный в эту тайну, предупреждал, что 1) «чем позже» будет заем, «тем лучше для национального престижа», и 2) что речь может идти всего

¹ См. тел. Рафаловича Коковцову от 10/23 и Путилова Рафаловичу от 12/25 февраля 1904 г. («Руск. фин.», №№ 1 и 2).

² См. письмо Коковцова Нелидову от 20 октября 1904 г. (там же, № 34).

³ См. письмо Нелидова Коковцову от 25 марта/7 апреля 1904 г. (там же, № 5).

⁴ См. цит. письмо Коковцова от 20 октября 1904 г.

⁵ См. письмо Коковцова Ламсдорфу от 11 апреля 1904 г. (там же, № 14, стр. 98).

о 150—200 миллионах франков (50—70 милл. р.), — сумма, справедливо показавшаяся Коковцову «подачкою» «на чай» по случаю войны в то время, как на самом деле требовалось от 800 до 1000 миллионов франков, чтобы обеспечить ведение войны всего только до конца текущего 1904 г.¹

Коковцов был совершенно прав, что не могло быть и речи о дальнейшей отсрочке займа: приближалась летняя пора, неблагоприятная для сколько-нибудь крупных операций, собственных ресурсов могло хватить лишь до августа, и, главное, нельзя было строить никаких расчетов на «поворот военных действий в нашу пользу», предугадать который — как думал Коковцов в апреле, — было «вне нашего предвидения»². А между тем, уже теперь, в апреле 1904 г., когда переговоры с французами только-только подходили к благополучному концу, даже руссофильская парижская пресса загодя заговорила о возможном падении Порт-Артура, настроение во Франции заметно отворачивалось от России, и сам же Артур Рафалович единственный выход видел в том, чтобы «молиться богу, чтобы с помощью любых усилий в ближайшие недели стали поступать более благоприятные известия с театра войны»³. При таких условиях был риск скорее опоздать с займом, и приходилось идти на заведомо невыгодные его условия (6,5% действительных), а заодно и связать себя обещанием «оказывать Франции предпочтение» в вопросе о русских правительственных заказах за границей. Последнее, разумеется, — к явному ущербу казны⁴.

¹ См. письма Рафаловича Коковцову от 31 марта/13 апреля и Путилова Рафаловичу от 5/18 апреля 1904 г. (там же, №№ 6 и 9).

² См. письмо Коковцова от 11 апреля 1904 г. (там же, № 14, стр. 92 и 94).

³ См. письмо Рафаловича Коковцову от 24 апреля/7 мая 1904 г. (там же, № 18).

⁴ 29 апреля состоялся указ о выпуске займа, а уже 30 апреля Бомпар, французский посол, обратился к Коковцову с напоминанием об использовании услуг французской промышленности: см. обмен писем между Бомпаром и Коковцовым от 30 апреля/13 мая, 1/14 мая, и 3/16 мая 1904 г. (там же, №№ 20—22). О переплатах по заказам во Франции против германских цен см. письмо Коковцова Нелидову от 26 февраля 1905 г. (там же, № 46, стр. 163—164).

Дальнейшее только подтверждало, что откладывать дольше действительно было нельзя. Уже в июне в речах директора французской кредитной канцелярии «ясно сквозило желание указать нам на будущее другой какой-нибудь источник [для покрытия расходов войны], например, Берлин»¹. Это было не особенно вежливо, но падало в Петербурге на благоприятную почву: именно в это время в Берлине начинались переговоры между Витте и Бюловым о заключении русско-германского торгового договора, приведшие не только к его подписанию (15 июля), но и к обмену нот, в силу коих России была предоставлена возможность заключить заем на германском рынке до 1 апреля 1905 г.².

¹ См., письмо Рафаловича Коковцову от 19 июня/2 июля 1904 г. (там же, № 23).

² Срок действия русско-германского торгового договора 29 января/10 февраля 1894 г. кончался 18/31 декабря 1903 г. Новый таможенный тариф и новый таможенный закон прошли через рейхстаг 25 декабря 1902 г. В применении к русскому ввозу в Германию пшеницы, полбы, ржи, овса и пивоваренного ячменя новый тариф дал бы переобложение, сравнительно с прежним, в 78 мил. марок минимум и 110 мил. марок максимум. Русское правительство ответило на это опубликованием 13 января 1903 г. своего нового тарифа, который облагал товары, следовавшие преимущественно из Германии, по сухопутной границе, на 20% выше, чем следующие через морскую. Сроки введения в действие новых тарифов объявлены не были ни той, ни другой стороной. Германия обратилась с предложением приступить к переговорам 8 января 1903 г. на основе нового германского и старого русского тарифов. Нотой 20 января 1903 г. русское правительство ответило согласием на переговоры, но на основе спешно опубликованного 13 января нового русского тарифа. Начавшиеся переговоры к 30 декабря 1903 г. остановились на том, что русская сторона предлагала условия, при которых германский ввоз в Россию был бы переобложен, сравнительно со statu quo, на 26 мил. марок в год, германская — такие, при которых русский ввоз в Германию был бы переобложен на 33½ милл. марок. Дело сдвинулось с мертвой точки, когда по настоянию Вильгельма (см. «Переписка В. и Н.», стр. 58) Николай поручил особому совещанию под председательством Витте пересмотреть вопрос. Совещание 1 мая 1904 г. «пришло к заключению о возможности осуществления торгового соглашения с Германией на основании минимальных пошлин германского тарифа», и в июле Витте выехал в Германию для непосредственных переговоров с Бюловым. По расчетам и-ва финансов, принятое обеими сторонами 15 июля 1904 г. дополнение к торговому договору переоблагало русский вывоз сельскохозяйственных продуктов, против прежнего, на 11.603 тыс. р. и германский вывоз продуктов обрабатывающей промышленности — на 13.482 тыс. р. (см. представление М. Ф. от 22 января 1905 г. № 547).

Так как апрельский заем 1904 г. в Париже обеспечивал расходы войны полностью до начала 1905 г., то Россия теперь на много месяцев высвобождалась из непреодолимой зависимости (в ведении войны) от французского правительства, сильного, ведь, и не разрешить котировки будущего займа на парижской бирже, т. е. сорвать заем, даже если бы имелось согласие на него французских банкирских домов. При такой свободе в выборе источника финансовой опоры на период, когда ось войны проходила еще через Порт-Артур, ориентация на Германию подсказывалась и самую военную обстановкою. В то время, как апрельское «англо-французское соглашение [1904 г.] имело один главнейший результат, а именно помешать французам помочь» России «посылкою своего флота к Порт-Артуру... пока не придет Балтийский флот», как подзуживал Вильгельм Николая в письме от 5 июня 1904 г.; в то время как в Париже уже в августе падение Порт-Артура котировалось, как неизбежный повод к панике с русскими биржевыми ценностями, для смягчения которой наши парижские представители требовали новых и новых ассигнований на французскую прессу; в то время как одно только известие об образовании в России второй сухопутной армии, как признак дальнейшей затяжки войны, толкнуло вниз русские фонды на парижской бирже, а в печати раздались голоса в пользу японского займа во Франции, проектированного злым врагом России американским банкиром Шиффом¹, — в то же самое время из Берлина не только тешили воображение Николая перспективой, как Балтийский флот «загонит японский флот в его порты» и «восстановит твое [Николая] господство на море»², но и на деле содействовали движению эскадры Рождественского, снабжая ее углем и настойчиво поддерживая оптимизм

¹ См. письмо Вильгельма Николаю от 6 июня 1904 г. («Переписка В. и Н.», изд. Централхива. М., 1923, стр. 62); письма Нелидова от 10/23 августа и 16/29 сентября и Коковцова от 26 августа 1904 г. («Русск. фин.», №№ 27—29).

² См. письмо Вильгельма Николаю от 19 августа н. с. 1904 г. («Переписка В. и Н.», стр. 65).

Царскосельского дворца, уже после Ляояна все еще продолжавшего жить в мечтах о предстоящей японской контрибуции и присоединении Манчжурии от Китая и в измышлениях, как бы спровоцировать для этого китайское правительство на нарушение нейтралитета¹.

¹ См. письмо А. М. Абаза адм. Алексееву от 9 сентября 1904 г. (фонд Канцелярии Особого Комитета по делам Д. Востока, д. № 114/95/с). Николай через Абазу запрашивал Алексеева о его соображениях по вопросу о Манчжурии, «намечая» этот вопрос «в следующем смысле»: «Принимая во внимание, во-первых, невозможность расчета на фактическое получение достаточной военной контрибуции с разоренной Японией и, во-вторых, относительно малую ценность Кореи в экономическом отношении, единственным осязательным вознаграждением России за настоящую войну может явиться лишь присоединение Манчжурии. Продление китайского нейтралитета не только поведет к сохранению существующего неопределенного и вредного нам положения в Манчжурии, но может даже ухудшить таковое, обязав нас проявить чувство благодарности Китаю за содействие, якобы оказанное им нам сохранением нейтралитета во время войны. Вследствие этого нарушение Китаем нейтралитета представляется для нас выгодным, а по сему и желательным. Допуская, что в теперешнюю фазу войны явный разрыв с Китаем может считаться преждевременным, нельзя, однако, не признать, что не следует упустить соответствующего момента для первого серьезного шага в этом направлении, тем более, что при дальнейшем накоплении наших сил и после первых наших успехов, нарушение Китаем нейтралитета станет менее вероятным. Имя это в виду, казалось бы возможным воспользоваться постоянными бесчинствами и враждебными действиями хунхузов, чтобы объявить Пекинскому правительству, что для обеспечения спокойствия в стране мы требуем удаления из Манчжурии, на время войны, всех цзянцзюней и фудутунов, не сумевших сохранить порядок и обезопасить мирное население и железную дорогу. Приняв на себя высшее управление Манчжурией, мы могли бы оставить на месте лишь низшую туземную администрацию, но, конечно с полным ее подчинением нам». — Алексей ответил (см. там же, его письмо Абазу от 7 октября 1904 г. из Харбина), что «пока мы не сломали главного врага нам безусловно необходимо удерживать Китай от нарушения нейтралитета и избегать всяких вызывающих действий, которые могли бы придать правительству богдохана решимость открыто стать на сторону Японии». Ответ Алексеева был составлен дипломатическим чиновником при наместнике Д. Востока Плансоном (см. дневник Плансона хранящийся в ЦИИ, запись под 10 октября 1904 г.; возможностью пользоваться копией дневника я обязан П. А. Садикову, подготовившему его к печати и любезно предоставившему мне свой экземпляр копии). Не знал еще о проекте Абазы-Николая, Алексей в сентябре же, сидя в Харбине, предавался пессимистическим размышлениям о войне и ее результатах (по дневнику Плансона): «качаемся, как старый рыдван на плохих колесах. Я 40 лет участвую в делах и могу сказать, что мы не можем воевать. Нам надо как-нибудь окончить войну, потому что я не вижу возможности бла-

Момент выбора между Францией и Германией наступил, однако, не в начале 1905 г., а в октябре 1904 г. — в связи с атакой, открытой Вильгельмом на Николая в страхе перед «преждевременным» окончанием русско-японской войны по инициативе «сердечного согласия». В самом начале октября в Берлине было получено известие о приезде в Париж б. японского посланника в Петербурге Курино, «будто бы уполномоченного добиваться посредничества Франции и Англии в пользу Японии в целях заключения мира», и Вильгельм тотчас же сообщил об этом Николаю в доказательство того, что «силы Японии в отношении людей и денег будут скоро истощены», и в уверенности, что тот «никогда не станет содействовать подобным пронкам». Это сообщение Вильгельма возымело желаемое действие: перед Николаем воскрешали призрак международной «мирной конференции», в которой «крымская комбинация» призвалась помочь якобы слабеющей Японии и заставить Россию прекратить игру, не отыграв своих козырей, — по инициативе «с той стороны канала»¹. И сигнал «верного сигнала»

гопозлучного ее окончания, чем дальше, тем хуже» (8 сентября); «относительно будущей судьбы Манчжурии наместник высказался, что теперь становится очень трудно сказать, будем ли мы в состоянии присоединить Манчжурию даже если бы одолели Японию» (13 сентября); Плансон убеждал Алексея, что «надо непременно взять всю Манчжурию и постараться извлекать из нее доход», но «адмирал говорит, на это мы не способны, у нас нет людей, нет умения, мы просто гов... ки» (19 сентября).

¹ См. тел. Вильгельма Николаю от 6/19 октября 1904 г., «Переписка В. и Н.», стр. 68—69. В данном случае известие, исходившее от японского представителя в Стокгольме, оказалось не верным: на запрос Бюлова германский посланник в Токио гр. Арко ответил, что Курино в Токио и о поездке его в Европу ничего неизвестно (см. «Die Grosse Politik», 19. B., 2. Teil, тел. Арко от 12/25 октября 1904 г., № 6166). К этим же дням относится, повидимому, и попытка Гаяси завязать «доверительно через посредников» разговоры о мире с Витте. Сам Витте усматривал единственное препятствие к заключению мира в Николае, который «верил» еще, что «война может кончиться для России победоносно» (см. там же, № 6167, сообщение Мендельсона Бюлову со слов Витте от 2 ноября н. с., стр. 387). Тогда же и до Рузвельта дошли сведения, что Англия и Франция намерены предложить Америке выступить совместно, согласно с желанием Японии, в пользу мирного посредничества (там же, № 6271, тел. Штернбурга из Вашингтона от 11 ноября н. с. 1904 г.). Бюлов готов был принять

лизатора», как называл себя Вильгельм, был оплачен не только сердечным «благодарю за твою верную дружбу, в которую я верю больше всего», и заверением Николая, что война будет вестись до изгнания последнего японца из Манчжурии, а и действительным поворотом в сторону формального и ответственного сближения с Германией¹.

Благодаря случайности поворот этот принял подчеркнуто крутой характер. Дело в том, что за два дня до упомянутого сообщения Вильгельма в Петербург приехал полномочный представитель Лионского Кредита с предложением «не откладывать совершения новой кредитной операции на парижском рынке до начала будущего года и ныне же приступить к соображениям по сему предмету». Коковцова предупреждали, что «современное обилие денег в Париже в самом недалеком будущем легко может смениться стеснением рынка» в виду намечающихся внешних займов других стран, и привели к убеждению, что «при данных обстоятельствах не оставалось другого более правильного пути, как воспользоваться настоящей минутой», «так как без повторения займа мы обойтись не можем». Представитель Лионского Кредита через несколько дней уезжал с принципиальным согласием Коковцова «приступить к рассмотрению предложений французской финансовой группы», и Коковцов условился с ним ожидать «соответственного предложения в течение ближайших недель»². Но едва покончено было с французами, как в Петербург явился из Берлина Эрнст фон-Мендельсон-Бартольди своею персоной — «продолжать начатые весной переговоры». Мендельсон при этом ставил непременно условием заключение займа

участие в посредничестве, только если бы это отвечало желаниям России. Но Ламсдорф, при попытке немцев узнать его мнение по этому вопросу, ответил, что «военное счастье начинает отворачиваться от Японии» и что момент для посредничества с русской точки зрения был бы неудачен (там же, №№ 6168 и 6169, тел. Булова и Ромберга от 30 октября/12 ноября 1904 г.).

¹ См. тел. Николая Вильгельму от 10/23 октября у Е. В. Тарле, «Запад и Россия», Петр., 1918, стр. 204.

² См. письмо Коковцова Нелидову в Париж от 8 октября ст. ст. 1904 г. («Русск. фин.», № 33).

в Германии раньше, чем в Париже, но на условиях более выгодных, чем Лионский Кредит. Так как требование о сроке операции явно указывало на то, что и германский заем фактически будет размещаться в Париже, только немец готов удовлетвориться меньшей комиссией, то предпочтение германскому предложению перед французским носило бы в глазах французов преимущественно политический характер. Но именно политическое значение «готовности германского правительства оказать содействие предполагаемой операции» побудило Николая, решавшего вопрос в конечной инстанции, «отнестись с особым вниманием» к этой готовности и принять предложение Мендельсона. Коковцову же пришлось, пространно оправдывая такой оборот начатых с французами переговоров перед нашим парижским послом, укрываться за волю царя¹. Правда, вскоре стало известно, что Лионский Кредит делал вылазку на свой риск и страх, без согласия на то французского правительства и забегая вперед других банковских групп, — и весь описанный инцидент не воспринял всей возможной остроты. Но смысл происшедшего был ясен, и из Парижа последовало (от Рафаловича) предупреждение «не задевать самолюбия французов... демонстрацией слишком большой дружбы с Германией», ускоряя тем их сближение с Англией². Рафалович при этом и не подозревал, подготовка какой чудовищной демонстрации «дружбы» началась одновременно с той маленькой демонстрацией в финансовой сфере, которую он имел здесь в виду.

Другая случайность — буря, поднятая Гүлльским инцидентом, — была использована Вильгельмом в те же дни в целях заклю-

¹ См. письмо Коковцова Нелидову от 20 октября ст. ст. (там же, № 34). По возвращении из Петербурга Мендельсон «под строжайшим секретом» сообщил Бюлову, что в следующем году России понадобится 1 миллиард марок и что половина этой суммы будет взята в Германии и половина во Франции (см. записку Бюлова от 20 октября/2 ноября 1904 г., «Die Grosse Politik», 19. B., 2. Teil, стр. 388).

² См. письма Коковцову Нелидова от 25 октября/7 ноября и Рафаловича от 8/21 ноября 1904 г. («Русск. фин.», №№ 35 и 36).

чения русско-германского союза. Телеграмма Вильгельма, отправленная 14/27 октября в 4 часа 28 мин. ночи, застала Николая в величайшем «негодовании по поводу поведения Англии», «рассылающей громовые ноты с совершенно неприемлемыми условиями»: в этой телеграмме Вильгельм предлагал образование «мощной комбинации трех наиболее сильных континентальных держав» (т. е. России, Германии и Франции) против Англии, грозившей запретить снабжение русской эскадры германским углем и следовательно остановить дальнейшее ее движение на Д. Восток, и заявлял, что он «никогда ни на минуту» не отступит «перед несправедливой угрозой» (с английской стороны). Николай тотчас же ответил предложением «набросать проект такого договора», соглашаясь, что «Франция должна будет присоединиться к своей союзнице» (России), «как только он будет принят» Россией и Германией (телеграмма 16/29 октября); а 17/30 октября Вильгельм при письме слал уже готовый проект, составленный им совместно с Бюловым, якобы в тайне даже от германского министерства иностранных дел¹.

Опубликованные в недавнее время документы вскрывают, что вопрос о союзном договоре отнюдь не оставался предметом *тайной* личной дипломатии двух монархов². В те же дни — точнее, двумя днями раньше, чем царь, — в беседу на ту же тему вовлечен был и русский посол в Берлине бар. Остен-Сакен: аналогичный проект сообщен был ему советником германского министерства иностранных дел бар. Фрицем Гольштейном. Сообщая об этом («строго личным» письмом от 14/27 октября) Ламсдорфу, Остен-Сакен не скрывал впечатления, что германской стороной руководят здесь две задачи: либо «порвать наш союз с Францией», если та откажется поддержать Россию против

¹ См. «Переписка В. и Н.», стр. 70—72.

² Т. е. тайной — от своих министров ин. дел. — См. «Русско-германский договор 1905 г., заключенный в Бюрке» (документы, напечатанные в «Кр. Архиве», 1924 г., т. 5, стр. 6—49) и гл. CXXXV в 1-й части 19 тома «Die Grosse Politik», стр. 300—350.

Англии, либо обеспечить себе поддержку России и Франции против Англии. Тем не менее Остен-Сакен рекомендовал отнестись к германскому предложению, не «как к обыкновенной интриге», а серьезно воспользоваться таким настроением Берлина в виду «англо-американской коалиции» против России на Дальнем Востоке, «созданной для того, чтобы помешать нам пожать плоды наших побед». Представляя это письмо Остен-Сакена Николаю (16/29 октября), уже успевшему в свою очередь получить вышеупомянутую телеграмму Вильгельма, Ламсдорф «вполне» признавал «необходимость более тесного сближения с Германией», но высказывался против обращения к Франции «с какими либо категорическими вопросами» относительно ее позиции в возможном конфликте между Англией, с одной стороны, и Германией и Россией, с другой, — и тут же из пометы Николая узнал, что тот «не вполне согласен» с ним: «вы увидите из моего ответа на телеграмму имп. герм., что я сильно стою в настоящее время за такого рода соглашения с Германией и Францией; это избавит Европу от чрезмерного нахальства Англии и будет весьма полезно в будущем». Значит, цитированная выше ответная телеграмма царя от 16/29 октября сделалась известной Ламсдорфу из первоисточника: а в ней то и была высказана Николаем мысль о *последующем* за принятием договора Германией и Россией, неизбежном («должна будет») присоединении к договору Франции. И Ламсдорф в дальнейшем был привлечен к делу наменченного соглашения.

Проект договора, присланный из Берлина при письме Вильгельма от 17/30 октября, составлен был (Бюловым) так, что Николай, «читая его, рассмеялся» и телеграфировал Вильгельму, что «ответ последует через несколько дней»¹. Для составления контр-проекта в Царское Село вызван был (20 октября) Ламс-

¹ См. записку Николая Ламсдорфу от 20 октября в «Кр. Архиве», т. 5, стр. 12 и записку Бюлова Вильгельму от 17/30 октября с приложением проектов ответного письма Николаю и текста договора, опубликованную в «Die Grosse Politik», 19. B., 1. Teil, № 6120.

дорф, с указанием на необходимость «соблюсти свои интересы и пощадить авторское самолюбие другой стороны». Николай рассмешило в германском проекте: 1) что договор оборонительного союза заключался только на время нашей войны с Японией, 2) что терминология проекта всюду рассчитана была только на две стороны («обе высокие договаривающиеся стороны»), 3) что к «напоминанию» Франции об обязательствах по «договору франко-русского союза» будет прибегнуто не Россией, а «обоими» державами и (только!) «в случае надобности», и 4) что специальная (III) статья распространяла действие нового союза и на время после русско-японской войны, если поводом к конфликту послужат действия Германии *во время* войны (т. е. доставка угля русской эскадре). Соответственно этому Ламсдорф и составил свой проект договора, в котором: 1) фигурировали просто «высокие договаривающиеся стороны» (без «обе»), 2) выкинуто было «напоминание» Франции «обоими» и «в случае надобности», и заменено «необходимыми шагами» одной России для «ознакомления» Франции с договором и для «побуждения» ее присоединиться, и 3) прибавлено о распространении действия соглашения на «случай затруднений, какие могли бы возникнуть *во время* переговоров о мире между Россией и Японией»¹. Как видим, контр-проект Ламсдорфа счастливо сочетал в себе точки зрения *всех трех* русских участников переговоров: снимались все указанные только что внешние неловкости в отношении Франции (Ламсдорф), принималась во внимание опасность «англо-американской коалиции» при заключении мира с Японией (Остен-Сакен), и соглашение с Германией все же заключалось (Николай). В таком виде русский контр-проект и был отправлен Николаем в Берлин при «милом письме» (от 25 октября/7 ноября)². Согласись на него Вильгельм — его оставалось бы только под-

¹ См. «Кр. Архив», т. 5, стр. 12.

² Это письмо Николая в русских публикациях отсутствует. Текст его см. «Die Grosse Politik», 19. B., 1 Teil, № 6124. — Ссылка на него имеется в письме Вильгельма от 4/17 ноября («Кр. Архив», т. 5, стр. 17).

писать и уже затем, во исполнение ст. I, предпринять шаги к «ознакомлению» с ним Франции и к «побуждению» ее присоединиться «в качестве союзницы». То, что девять месяцев спустя случилось в Бьорке в июле 1905 г. без участия и без ведома русского министра иностранных дел, — русско-германский союзный договор, *параллельный* союзному же договору русско-французскому, — чуть было не случилось в октябре 1904 г. при участии и с ведома графа Ламсдорфа.

Но Вильгельм предложил поправки, и дело загнулось. Самые поправки, судя по известным нам документам, не вызвали прямых возражений, но смысл их, повидимому, побудил Николая поколебаться, не показать ли сначала проект французам. Дело в том, что Вильгельм предлагал заменить прямое указание на то, что договор о союзе распространяется на возможные «затруднения» при мирных переговорах с Японией, общей и глухой оговоркой о «неприсоединении» Германии «ни к какому действию», «в котором могли бы быть скрыты враждебные России намерения», и устранить всякие упоминания о русско-японской войне, сделав договор бессрчным (с предупреждением о расторжении его за год вперед). Как пояснял Вильгельм, в противном случае «весь мир пришел бы к выводу, что мы вместо оборонительного союза основали нечто вроде компании в целях аннексий» (на Дальнем Востоке, разумеется). Выходило так, что Николаю предлагали: 1) приятное одиночество на будущей мирной конференции или, как знать, может быть и конгрессе, и 2) союз, рассчитанный не на трудные минуты текущей войны, а на срок принципиально неопределенно-растяжимый и на общую европейскую конъюнктуру, самую по себе взятую¹. В опубликованных документах нет пока твердых данных сказать, что Николай, отвечая

¹ См. письмо Вильгельма от 4/17 ноября и германский контр-проект в «Кр. Архиве», т. 5, стр. 17—21. Над текстом письма много потрудились все трое: в качестве авторов — Булов и Гольштейн, в качестве переводчика на англ. язык — Вильгельм (7 часов!), см. «Die Grosse Politik», 19. B., 1 Teil, стр. 313, пометку Вильгельма и примечание ред.

теперь (10/23 ноября) просьбой разрешить ознакомить французов с проектом договора *предварительно* его подписания, сделал это по настоянию Ламсдорфа, а не по собственной инициативе¹. Лишь получив, в свою очередь, телеграмму Вильгельма от 13/26 ноября с предложением лучше «воздержаться от заключения какого бы то ни было договора», чем предварительно сообщать его Франции, а та Англии, что де вызовет «катастрофу», — Николай передал эту и другие телеграммы Вильгельма Ламсдорфу «на разбор»². Очевидно, Николай имел в виду использовать представленный ему Ламсдорфом тотчас же (15 ноября) «разбор», т. е. в сущности готовый, даже стилистически, текст обстоятельной аргументации за *предварительное* ознакомление Франции со «столь превосходно задуманным императором Вильгельмом» проектом, — для вторичной попытки убедить Вильгельма. На случай, если бы она удалась, одновременно с «разбором» Ламсдорфом была представлена царю и «заметка о весьма конфиденциальных сообщениях, которые могут быть сделаны французскому правительству», средактированная в первом лице, как бы уже от лица самого Николая³. Документы эти пролежали у царя 10 дней и возвращены были министру 25 ноября, после того как (24 ноября/7 декабря) Николай собрался отослать Вильгельму на одобрение проект своего сообщения французам («заметку», «Notice») при собственноручном письме, которое мы знаем теперь только по Берлинскому архиву⁴. Но было уже поздно: в Берлине по первому же телеграфному отзыву Николая

¹ См. тел. Николая Вильгельму от 10/23 ноября 1904 г. у Е. В. Тарле «Запад и Россия», стр. 207 (в «Переписке В. и Н.», изд. Центрархивом, эта тел. даты не имеет, см. стр. 83).

² См. тел. Вильгельма от 13/26 ноября там же, стр. 83; «разбор» (доклад) Ламсдорфа — в «Кр. Архиве», т. 5, стр. 22—23.

³ См. там же, стр. 23.

⁴ См. письмо Николая Вильгельму от 24 ноября/7 декабря 1904 г. и «Notice» (точно совпадающую с текстом, опубликованным в «Кр. Архиве», т. 5, стр. 23) в «Die Grosse Politik», 19. B., 1 Teil, № 6131, стр. 322—324. Если бы Вильгельм не согласился на предварительное извещение Франции в предлагаемой форме, Николай предлагал вычеркнуть из договора упоминание о Франции вовсе.

(от 10/23 ноября) признали дело неверным и преждевременным и решили мягко свести пока разговоры о союзе на нет, чтобы «оставить царю открытою возможность русско-германского соглашения в будущем»¹. Вместо этого Берлин поднял частный вопрос о гарантиях, какие могла бы Россия предоставить Германии на случай конфликта ее с Англией и Японией из-за угольного вопроса, и письмо Вильгельма в этом смысле пошло в Петербург также 24 ноября/7 декабря, как и письмо Николая с проектом «предварительного» сообщения, и оба письма скрестились в пути: Вильгельм «не хотел торопить» Николая «с ответом» по поводу общего «оборонительного договора», но категорически предупреждал, что «немедленно» запретит поставку угля, если Николай не даст гарантии в том, что Россия будет «честно сражаться плечо к плечу» с Германией в случае нападения Англии². Когда же требуемое обещание Россией было дано (в ноте от 29 ноября/12 декабря), а вопрос об общем оборонительном договоре, с точки зрения англо-германских отношений, был представлен Бюловым на заключение германского посла в Лондоне и тот указал на опасности, связанные с подобным договором, — только тогда Вильгельм ответил на письмо Николая от 24 ноября/7 декабря. Ответ Вильгельма свидетельствовал, что во французском пункте он твердо стоит на своем (что «нельзя посвящать Францию в наши переговоры, прежде чем мы придем к окончательному соглашению»), в противном же случае «для участников выгоднее попрежнему оставаться вполне независимыми друг от друга»³.

¹ См. относящиеся сюда письмо Вильгельма к Бюлову от 10/23 ноября по поводу полученный телеграммы Николая и записку Бюлова Вильгельму от 11/24 ноября с проектом ответа, который и был послан в СПб 13/26 числа, — в «Die Grosse Politik», ib., стр. 316—319.

² См. «Die Grosse Politik», 19. B., 1. Teil, № 6129, письмо Бюлова Альвенслебену от 23 ноября/6 декабря 1904 г. Письмо Вильгельма от 24 ноября/7 декабря опубликовано в «Переписке В. и Н.», стр. 85.

³ См. «Die Grosse Politik», там же, № 6137, нота Ламсдорфа от 29 ноября/12 декабря, № 6139, список вопросов, поставленных Бюловым германскому послу в Лондоне гр. Меттерниху 16 декабря н. с., и № 6140, записка Меттерниха от 18 декабря н. с. — Письмо Вильгельма к Николаю от 21 декабря н. ст. 1904 г. см. в «Переписке В. и Н.», стр. 87.

Но и Николай не менее твердо стал на своем¹. Переговоры оборвались, и полгода дело застыло на мертвой точке.

«Демонстрация слишком большой дружбы с Германией» окончательно распадалась в декабре 1904 г. в условиях, уже не располагавших к ее форсированию во что бы то ни стало. В те дни, когда принялись за ее подготовку в октябре, ставилась еще ставка на Порт-Артур, на то, что Рождественский даст превосходство его флоту, что сосредоточение всего командования в руках Куропаткина (с устранением Алексеева 12 октября) облегчит положение крепости с суши: тогда еще тешились мыслью о предстоящем победоносном мире после изгнания последнего японца из Манчжурии и о возможности противопоставить «англо-американской коалиции», в момент пожинания победных плодов, загодя специально приготовленную свежую вооруженную силу². Теперь, в декабре, уже отсчитывались последние дни предоставленной самой себе крепости, мир отдалялся в далекое и неопределенное будущее, внутри страны приходилось идти на уступки (указ 12 декабря), — и в области международных отношений приходилось, как выразился Ламсдорф, «соразмерять свои вождедения» с «грозными предостережениями» военной и финансовой действительности.

Еще в октябре Ламсдорф, повидимому, инспирированный

¹ Ответное письмо Николая от 12/25 декабря 1904 г. опубликовано в «Die Grosse Politik», там же, № 6145. В нем Николай коснулся только «декларации по угольному вопросу» в том смысле, что она представляет «ясную гарантию с нашей стороны, так что Германия и Россия могут спокойно держаться того образа действий, который они приняли несколько месяцев назад». Об общем договоре Николай не проронил ни слова. Вильгельм понял это, как «ясный отказ от всякой мысли о соглашении без предварительного осведомления Франции», и только Бюлов утешал его, что русские «еще» не оценили по достоинству возможность вступить в союз с Германией (см. там же, стр. 346—347).

² Еще в июне 1904 г. Николай «успокаивал» Абазу, что «к ноябрю в России будут сформированы всюду новые части, взамен ушедших на Восток, и число войск у нас здесь будет такое же, как было до начала войны»; см. Б. А. Романов, «Безобразовский кружок летом 1904 г.», в «Кр. Архиве», т. 17, стр. 76.

одновременными указаниями Вильгельма, Николая и Остен-Сакена, поставившими на очередь проблему заключения победоносного мира в условиях англо-американской коалиции, выступил с заявлением (в докладе 19 октября), что «было бы непоправимой ошибкой, если бы, сосредоточив ныне все свое внимание и все свои силы для достижения» полной победы, «мы упустили бы из виду, что . . . России будет предстоять другая, не менее тяжелая и существенная задача, а именно закрепить за собою все добытое ценою тяжких жертв», а потому де «недостаточно заботиться о сосредоточении значительных сухопутных и морских сил на театре военных действий для пополнения понесенных потерь, а надлежало бы, кроме того, заблаговременно обдумать и изыскать все средства к подъему общей боевой готовности России *ко времени окончания войны*»¹. Вызванный этим заявлением Ламсдорфа подсчет действительных военных и финансовых возможностей, какими располагала страна к концу первого года войны (в докладе Коковцова от 19 ноября), не оставлял сомнений в химеричности максимальной мирной программы. Ни о каком усилении боевой готовности России к моменту переговоров не могло быть и речи при том, что: 1) в течение всего 1905 года на единственно доступных для России рынках Франции, Германии и Голландии можно будет занять всего не более 500 миллионов руб., 2) суммы этой только-только хватит на восемь месяцев войны (по 60 миллионов в месяц), 3) в обыкновенном бюджете на 1905 г. предвидится дефицит в 40 миллионов, подлежащий покрытию за счет указанной суммы займов, и 4) уси-

¹ См. письмо Ламсдорфа Коковцову от 28 октября 1904 г., со ссылкой на всеп. доклад от 19 октября («Русс. фин.», № 39). Судя по тому, что Ламсдорф, напоминал при этом описанный нами выше (стр. 306—307 и 312—313) эпизод весны 1901 г., когда он тоже подымал вопрос о подсчете материальных возможностей России в виду решительных шагов русской дипломатии в Манчжурском вопросе, можно думать, что и теперь Ламсдорф не имел ли в виду в форме такой же межминистерской дискуссии пролить холодной воды на разгоряченное воображение тех, кто еще думал, что Россия не является в этой войне по рукам связанной и совершенно зависимой в конечных ее результатах от сложной игры международных отношений в мировом масштабе.

ление существующего обложения, которое и так Коковцов считал предельным и разорительным для страны, едва даст возможность покрыть проценты по займам. Таким образом, само собою отпадали всякие помыслы о «крупных затратах на военные приготовления на случай вооруженного столкновения с другими державами, кроме Японии»¹. «Это откровенное слово», — по выражению Ламсдорфа в заключительном его письме Коковцову от 25 декабря, — «должно служить, так сказать, мерилом для наших будущих притязаний и грозным предостережением против опасных увлечений, всегда возможных в минуту, когда с божьей помощью Россия победоносно сокрушит своего врага»². Но тут же было и «мерило» для дипломатических проектов, подобных тому, который чуть было не осуществился в те ноябрьские дни, когда изготовлялся отрезвляющий доклад министра финансов, а именно: необходимость сохранения за собой *всех* трех финансовых рынков во имя всего-то восьмимесячной возможности не прерывать войны³.

Германский рынок только что (указ 15 декабря 1904 г.) приступил к реализации займа в 231 миллион руб., выплачиваемых русскому казначейству по частям небольшими суммами в течение всего 1905 г. На очередь выступал Парижский, на долю которого, по приведенному исчислению, падала бы сумма не менее 270 миллионов руб. Франко-русскому союзу готовилось вторичное испытание — на этот раз уже не с русской стороны.

IV.

9 января и последовавшие революционные события 1905 г. круто повернули перспективы войны и подорвали устойчивость

¹ См. там же, № 40, всеп. докл. Коковцова от 19 ноября 1904 г.

² См. там же, № 41.

³ Вильгельма потому и «не удивило» предложение Николая предварительно сообщить об оборонительном договоре французам, что у него, Николая, нет никакой опоры против них именно в вопросе о займах (см. «Die Grosse Politik», 19. B., I. Teil, № 6126, письмо Вильгельма Бюлову от 10/23 ноября 1904 г.).

международного положения России: одновременно воюющая и революционирующая Россия явно теряла доверие, как великая держава и дееспособный член мирового концерта. Что было в данную минуту важнее всего — русскому кредиту нанесен был непоправимый удар во Франции, где недоверие уже к середине февраля грозило принять всеобщий характер¹. Синдик биржевых маклеров в Париже, Вернейль, явился к российскому послу передать о чрезвычайном беспокойстве, испытываемом президентом республики и премьером по поводу «возможного отголоска наших событий во Франции». До этих событий еще можно было бороться с впечатлениями от нападок социалистической и враждебной России прессы на русский кредит. Но «теперь все изменилось. Война была до сих пор лишь сплошным рядом неудач. Сообщения о внутреннем положении весьма тревожны» и «нет никакого нравственного средства воздействия против прессы», каждое утро распространяющей в публике тревожные известия. Банки и биржевые маклера осаждаемы запросами держателей наших бумаг о видах на будущее и о том, не выгоднее ли от них избавиться. «Достаточно, чтобы это началось — это будет настоящая лавина». «Мы будем иметь против себя всех от последнего слуги и рабочего до самого богатого барина: они все делали вклады в русские фонды. Для здешнего правительства результатом этого будет неистовое нападение на министерство. Рувье и Делькассэ не смогут сопротивляться этому удару, и вместе с ними померкнет русский союз»². Сообщая об этом, Нелидов правильно указывал, что в таком положении радикальное средство — это восстановление спокойствия и порядка в России:

¹ Любопытно, что Парижский рынок уже с 5 января (движение на петербургских заводах началось 3 января) начал реагировать на «петербургские события»: 9 января в 4 ч. 7 м. дня Гем. И. Петрокино телеграфировал Коковцову из Парижа, что «уже 4 дня, как многие, подписавшиеся условно на ближайший русский заем, аннулируют свою подписку» и что «это серьезно обескураживает управляющих всех кредитных учреждений» (см. тел. Петрокино от 9/22 января 1905 г. в д. № 1, 1904 г., Секретарской части Канц. М. Ф.)

² См. письмо Нелидова Ламсдорфу от 17 февраля/2 марта 1905 г. («Руск. фин.», № 44).

прекращение войны само по себе помочь здесь отнюдь не могло¹. И вот Вернейль, «лицо официальное», как потом возмущался Коковцов, «выступил с требованием, для оценки которого затруднительно подыскать соответствующее выражение»: затратить на прессу 750 тыс. франков на ближайшие 3 месяца из расчета 3 миллионов в год².

Судя по тому, что несмотря на все это французские банкиры именно теперь, ровно по истечении двухмесячного срока, обусловленного Мендельсоном для воздержания от выпуска займа на французском рынке (15 декабря—15 февраля), выехали в Петербург для переговоров, можно думать, что во всем этом шуме было отчасти не без умысла³. Коковцов даже прямо указывал, кроме прессы, на недовольство французских промышленных кругов предпочтением, оказанным германским фирмам перед французскими при некоторых заказах в декабре 1904 г. И теперь он готов был переплатить на шрапнелях до 1½ милл. руб. французам, как делал и прежде, лишь бы к решительному моменту определения суммы и цены займа иметь по возможности «хорошую прессу». Поэтому тотчас же по получении требования Вернейля министерство финансов перевело в распоряжение Рафаловича 235.000 франков в счет трехмесячного порциона⁴. Во всяком случае, несмотря на ламентации Вернейля, очевидно, *прямого запрещения* русского займа со стороны французского правительства теперь еще не последовало.

Переговоры с прибывшими представителями Лионского Кредита, Готтингера и Парижско-Нидерландского банка совпали с периодом Мукденских боев и шли «довольно долго», так как банкиры «по получении каждого нового известия с театра войны считали необходимым по телеграфу запрашивать указания своих

¹ Ср. отчаянное письмо Витте к Куропаткину от 19 января 1905 г. в «Кр. Архиве», т. 19, стр. 73 сл.

² См. письмо Коковцова от 4 марта 1905 г. («Руск. фин.», № 49).

³ Там же, № 44, стр. 131.

⁴ Письмо Коковцова от 26 февраля 1905 г. (там же, № 46)

учреждений». Тем не менее переговоры были доведены до конца, контракт был составлен и рассмотрен к 27 февраля (сообщение об оставлении Мукденя поступило в Петербург 25-го), 28-го Нейлин и Готтингер представлялись председателю комитета финансов и доложили ему о благополучном завершении дела, затем вечером отобедали у Коковцова и на другой день, 1 марта, должны были явиться к 11 час. утра подписать текст контракта. Но далее свершилось неслыханное неприличие: банкиры в назначенный час не явились, а письменно уведомили, что в ночь с 28-го на 1-е ими получен приказ не подписывать контракта и вернуться в Париж¹. Нет нужды ловить намеки в дальнейшей переписке по этому вопросу, чтобы утверждать, что приказ этот последовал по требованию французского правительства. Смысл происшедшего был один: давать деньги русскому правительству и на борьбу с революцией и на войну *одновременно*, при столь явственных признаках проигрыша на обоих фронтах, Франция отказывалась наотрез.

Еще в октябре 1904 г., до Порт-Артура, Мендельсон-Бартольди, будучи в Петербурге по делам русского займа и возвращаясь там в «банковских и коммерческих кругах», вынес впечатление, что здесь господствовало желание «немедленного мира», как и в подавляющем большинстве населения страны, и только двор, военные и «официальные лица» «держались» твердо. Тогда к этим «официальным лицам» примыкал и Коковцов². Но теперь и Коковцов не мог не понять, что войне конец, и непосредственно «после Мукденского отступления» (т. е., как теперь видно, после грубого поворота с делом о французском займе) подал Николаю «подробную записку», доказывавшую невозможность дальнейшего ведения войны³. Записка эта была

¹ См. письмо Коковцова Нелидову от 10/23 мая 1905 г. (там же, № 53).

² См. «Die Grosse Politik», 19. B., 2. Teil, № 6167, записка Бюлова о сообщениях Мендельсона после поездки в Петербург, от 2 ноября н. ст. 1904 г.

³ См. «Красный Архив», т. 6, стр. 14, в письме Коковцова к Ламсдорфу от 20 июня 1905 г. упоминание, что им, Коковцовым, была представлена эта записка.

«в начале марта» рассмотрена в «особом совещании под председательством в. кн. Николая Николаевича», но «заклучения» ее успеха в совещании не возымели, хотя все они были финансового характера, были основаны на точных исчислениях и казалось бы оспорены быть не могли. Коковцов указывал на то, что 13 месяцев войны уже стоили 1 миллиард руб., что дальнейшее ведение войны потребует «столь же огромных расходов», что «все те суммы, которые были приготовлены на ведение войны», «полностью» уже «исчерпаны», что никакие кредитные операции внутри страны невозможны «без совершенного расстройства всей нашей денежной системы», и, наконец, что «достать необходимые средства помощью внешних займов или вовсе невозможно или сопряжено с трудностями, граничащими с невозможностью»¹. Как видим, Коковцов ослабил свою позицию тем, что все же оставлял хотя некоторую надежду на то, что деньги за границей достать не абсолютно невозможно, и в эту лазейку, очевидно, и прошло решение Николая продолжать войну, во что бы то ни стало раздобыв денег. Достать их удалось Коковцову в начале апреля 1905 г., но это была уже последняя заграничная кредитная операция времени войны (и то краткосрочная, в форме учета обязательств государственного казначейства), и выручил Николай здесь, конечно, Берлин². Только сумма была уже вдвое меньшая,

¹ Нам не удалось пока разыскать среди документов фондов м-ва финансов текста записки Коковцова. Сохранились, зато, отпуск письма Коковцова к начальнику штаба в. кн. Николая Николаевича ген. Ф. Ф. Палицыну от 13 марта 1905 г. с препровождением «заклучения к известным Вам [Палицыну] соображениям моим по вопросу о ресурсах на ведение войны» и вложенный в отпуск почтовый листок, на котором карандашом рукой Коковцова набросаны эти «заклучения» в 9-ти пунктах и проставлена дата: «13/III», а рукой чин. ос. поруч. Дорлиака помечено: «исполнено в тот же день». Полностью текст «заклучений» будет опубликован нами в «Кр. Архиве», в статье: «Конец русско-японской войны».

² Первое впечатление от Мукденского поражения чуть было не толкнуло Вильгельма на ложный шаг: он считал вероятным «уничтожение» русской армии в близком будущем и готов был на всякие авансы по адресу японцев (обещание не противиться овладению ими П.-Артуром и даже поздравление микадо с одержанной победой!). Бюлову, однако, удалось это предотвратить, и в Бер-

чем было надо и чем рассчитывали получить у французов в феврале (не 300, а 150 милл. р.): она ничего в сущности не решала и давала только отсрочку, достаточную для того, чтобы понести новое поражение в бою, но слишком незначительную, чтобы успеть вернуть полную боевую готовность расстроенным, после Мукденя, сухопутным силам России на манчжурском театре.

Процент, снятый с этой операции Мендельсоном, был настолько высок абсолютно (7⁰/₀ действительных), что некоторое время французские банкиры никак не могли успокоиться, и в последующей переписке тема о займе в Париже не исчезает совсем. Бенак, глава Парижско-Нидерландского банка, с нескрываемым раздражением говорил о торжестве Мендельсона и внушал Рафаловичу необходимость непосредственного обращения Коковцова к Рувье: потому что стоит тому сказать слово, и «операция совершится без труда»¹. И Коковцов не удержался от возобновления переговоров, тем более, что заговорил с ним о февральской «неудаче» и французский посол в Петербурге перед своим отъездом в Париж. Бомпару было вручено особое письмо с изложением происшедшего и одновременно Нелидову поручено объясниться с Рувье, «дабы выяснить точку зрения французского правительства», и указать ему что несмотря

лине взяла верх мысль, что «если царь продержится», не соглашаясь, как того хотел бы Витте и «все либералы», на немедленный мир, то «положение для царя будет улучшаться, а для японцев ухудшаться». Бюлова укрепляло в убеждении, что «время идет в пользу России», то обстоятельство, что на мире настаивали именно «друзья Японии» и «враги царизма». Немедленное заключение мира, боялся он, могло бы повести к убийству Николая и регентству Михаяла при деятельном участии Витте, а это легко могло бы кончиться превращением царской монархии в республику, сопряженным с «тяжелыми опасностями» для Германии. К тому же скоро склонился и Вильгельм и решил не принимать на себя ответственности и не вмешиваться с предложением посредничества, к чему, повидимому, непрочь был теперь подвинуть Германию Рузвельт (см. «Die Grosse Politik», 19 B., 2. Teil, №№ 6187, 6189, 6191, 6295 и 6296, переписка 26 февраля/11 марта — 17/30 марта 1905 г.). — О впечатлении от Мукденской катастрофы в самой манчжурской армии см. в дневнике Линевица (сб. «Русско-Японская война», стр. 90, запись 28 февраля): «езде говорили о том, что 28 февраля будет мир».

¹ См. письмо Рафаловича от 2 мая 1905 г. («Рус. Фин.», № 52).

на «неприятное впечатление», произведенное февральским эпизодом на царя, со стороны русского правительства «не встретилось бы препятствий» к возобновлению переговоров¹. А через 6 дней, 16 мая, когда Цусима не была еще опубликована, Рафалович уже мог писать из Парижа, что «в воздухе опять запахло займом» и будто бы посланный банкиров выехал в Россию. Больше того: и после Цусимы Рафалович не сомневался в «желании [банкиров] провести крупную операцию с Россией, чтобы нажать и использовать настоящее состояние рынка, — желаний, подогретом завистью к успехам Мендельсона», тем более, что «за всем этим скрыта мысль о неизбежности мира»; а Бенак прямо говорил, что «будь вы разбиты и на суше, вы все же найдете здесь деньги». Рафалович полагал, что у «французской публики» (не у банкиров) относительно России есть одно только «предубеждение» — это «внутреннее состояние империи»². Между тем Коковцову стало известно, что Рувье «выразил мнение, что в настоящее время не следует оказывать какого либо сильного давления на банкиров с целью добиться успеха в настоящем деле». В деликатной форме это был по существу отказ в займе, и просить теперь Рафаловича подействовать на банкиров, чтобы они взяли инициативу на себя, как то сделал Коковцов (28 мая), было с его стороны попыткой ломиться в наглухо закрытые двери³. Действительно, встречное письмо Нелидова от 28 же мая ставило крест на всей этой попытке заручиться финансовой поддержкой Франции — все равно, для продолжения ли войны или для избежания ультимативного положения в случае мирных переговоров. По словам Нелидова, Рувье прикинулся удивленным, как банкиры могли взвести на него обвинение в несочувствии февральской операции, «без обиняков» заявил, что и теперь «не встречает с правительственной точки зрения никаких препятствий» к бу-

¹ См. письмо Коковцова от 10/29 мая 1905 г.: «отбывший надних» Бюшар («Рус. фин.», № 53).

² Письмо Рафаловича от 25 мая/2 июня 1905 (там же, № 55).

³ Письмо Путилова Рафаловичу от 28 мая/10 июня 1905 (там же, № 56).

душей операции, прибавил даже, что когда банкиры, после апрельской операции Мендельсона, являлись к нему жаловаться на «пренебрежение», оказанное Россией французскому рынку, он де отвечал им, что «это их собственная вина и что они должны стараться сами ее загладить». Так, будто бы было «до Цусимского сражения». «В последнее время», — меланхолически заключил свое объяснение Рувье — «посещения банкиров прекратились»¹.

Прекратились и дальнейшие попытки русского правительства использовать союз до подписания мирных условий с Японией.

V.

Что после Цусимы продолжение войны — при том, что делалось внутри страны — было безумием уже прямо с точки зрения судеб династии, стало ясно в Петербурге и тем, кто еще после Мукдена продолжали на что-то надеяться, и в каких-нибудь несколько дней вопрос о приступе к мирным переговорам был решен в положительном смысле. Вильгельм и тот круто повернул фронт и вплотную заговорил теперь о необходимости мира, чтобы предотвратить насильственную смерть Николая и сопряженные с ней, по его мнению, «гибельные» последствия для России и «опасность» для «остального мира», и без труда вызвал вмешательство Рузвельта, до самой Цусимы еще усматривавшего в продолжении войны «полезное» для интересов «прочих держав на Дальнем Востоке» «взаимное истребление» «двух наций»².

¹ См. письмо Нелидова от 28 мая 1905 г., там же, № 57.

² Еще в начале мая Бюлов серьезно считался с «возможностью русской победы на море», которая установит желательное для Америки русско-японское «равновесие» на Дальнем Востоке (см. «Die Grosse Politik», 19. B., 2. Teil, № 6306, тел. Бюлова германскому послу в Вашингтоне от 17/4 мая 1905 г.). Тогда же Рузвельт, узнав о посреднических попытках Делькасса, зондировал японского и русского послов, и оба дали ему понять, что «их правительства твердо решили продолжать войну»: Россия в расчете на морскую победу, Япония в расчете на решительное свое наступление на Харбин и Владивосток (что и дало Рузвельту повод высказаться о пользе взаимного истребления, см. там же, № 6310, тел.

Для Николая в том труднейшем положении, какое создавалось для него лично, письмо Вильгельма от 21 мая/3 июня, посвященное этой деликатной теме, сыграло ни с чем несравнимую роль¹. Оно исчерпывающим образом и в привычных категориях мысли обосновывало не только необходимость, но и обязательность прекращения войны и избавляло Николая от унижительных поисков посредничества, предлагая личное посредничество Вильгельма. Заключительные строки письма недвусмысленно давали понять, что «почва для мира» уже подготовлена и что стоит только царю вызвать американского посла — и механизм переговоров придет в должное движение. Наконец, и в дальнейшем «дружба» Вильгельма с Рузвельтом оставалась к услугам Николая, как наименее болезненный для самолюбия путь воздействия на ход переговоров, после отказа Франции в займе оставшихся ничем не защищенными, при полной заведомой невозможности прервать их в нужный момент².

Шпек Ф.-Штернбурга из Вашингтона о разговоре с Рузвельтом 11/24 мая). Рузвельт дал телеграфную инструкцию в Петербург Ф.-Лангерке-Мейеру обратиться к царю с предложением посредничества 23 мая/5 июня, по получении телеграммы от американского посла в Берлине от 22 мая/4 июня о том, что Вильгельм поручил ему сказать Рузвельту, «что он [Вильгельм] признает положение России настолько серьезным, что, когда в Петербурге узнают правду о последнем поражении, жизнь царя окажется в опасности», и что он, Вильгельм, предложил царю посредничество президента (см. Tyler Dennett, «Roosevelt and the Russo-Japanese War», New-York, 1925, стр. 217—219, тел. Тоуера от 22 мая/4 июня и его же письмо к Рузвельту от 27 мая/9 июня 1905 г.; текст телеграммы Рузвельта к Лангерке-Мейеру от 23 мая/5 июня, которую Мейер должен был представить Николаю, см. «Die Grosse Politik», 19. B., 2. Teil, № 6314).

¹ См. «Переписка В. и Н.», М., 1923, стр. 102 сл.

² Письмо Вильгельма от 21 мая/3 июня получено было в Петербурге 23 мая, а «на другой день» (т. е. 24 мая) Лангерке Мейер, получив инструкции, просил об аудиенции и был принят Николаем 25 числа. Николаю таким образом не пришлось ни просить Вильгельма, как тот предлагал, «снести с Рузвельтом», ни тем более «вызывать» американского посла. Ламсдорф на сообщение Кассини об американском предложении посредничества отвечал 24 мая/6 июня, и ответ его гласил, что Россия «не может просить ни мира, ни посредничества» и что о мирных переговорах не может быть речи, пока не известны условия японцев. Противоречие между этим ответом Ламсдорфа и последовавшим на другой день, 25 мая/7 июня, согласием Николая принять предложение Рузвельта объясняется, может быть, тем, что Ламсдорф не был приглашен на то «военное совещание»,

Что касается Франции, то после некоторого перерыва она выплывала на русском финансовом горизонте, накануне отъезда русских уполномоченных в Портсмут, в «крымском» сочетании с Англией. Из письма нашего лондонского посла от 29 июня 12 июля знаем, что в течение месяца, когда оборвались их переговоры с Россией, французские банкиры имели переговоры с Лондоном об его участии в русском займе «по заключении мира». При этом предусмотрено было обойтись и без участия еврейского дома Ротшильдов, который создал бы «затруднения на почве еврейского вопроса», а выдвигался банкирский дом «бр. Бэринг», который брался за дело при двух условиях: 1) если политическая позиция России перестанет быть враждебной Англии, и 2) если внутри России установится «способный внушить доверие порядок вещей»¹. Нечего и говорить, что последнее условие тогда представлялось невыполнимым: наоборот, могло казаться, что случай с «Потемкиным» (18-19 июня)—это только начало, предвестник «такого события, внезапного и тяжелого, которое, естественно, ослабило бы русский кредит», как шифрованно выразился месяц спустя тот же представитель «Бэрингов», лорд Ревельсток, разъясняя смысл этого второго условия. Но и теперь, в середине июля, по мнению Ревельстока, запрошенного Бенкендорфом по прямому поручению из Петербурга, «условия для того [т.-е. для официальных переговоров] еще не созрели»². В противоположность англичанам, французские банкиры ни в какие переговоры с русскими пред-

бывшее во дворце под председательством Николая 24 мая ст. ст., где было принято решение прибегнуть к посредничеству (см. «Die Grosse Politik», 19. B., 2. Teil, стр. 425 и 424; Tyler Dennett, op. cit., стр. 223 и 193; журнал совещания 24 мая, со стенографической записью говорившегося, будет опубликован в «Кр. Архиве»; в совещании были только военные, среди них вкк. Владимир и Алексей; за попытку сделать шаги к заключению мира решительнее других высказался Владимир и к нему присоединился Николай).

¹ См. письмо Бенкендорфа к Ламсдорфу из Лондона 29 июня/12 июля 1905 г. («Русск. фин.», № 58).

² См. письмо Бенкендорфа к Ламсдорфу от 18/31 июля 1905 г., там же, № 60.

ставителями за все это время не вступали, а Коковцов твердо держался не заговаривать с ними после испытанной неудачи первым, тем более, что и парижская печать, после некоторого успокоения в связи с упомянутым февральским ассигнованием, вновь стала обнаруживать «охлаждение к России» и «стремление представлять в ложном освещении наше положение», несмотря на то, что очередные взносы по 235 тысяч франков продолжали поступать на ее «ублажение» аккуратно и в июне и в июле¹. Как с Англией, так и с Францией дело очевидно упиралось в одну точку — в мир². Но что было для тех дней особенно существенно, это впервые тогда обернувшаяся к русскому правительству своей финансовой стороной жесткая перспектива: спасти себя от «финансовых безрассудств», даже по заключении мира, возможно было лишь ценой перемены «политической позиции» в отношении Англии, собиравшейся теперь снимать дипломатические плоды на открывавшейся в Портсмуте конференции³.

В такой обстановке подписан был пресловутый Бьоркский договор 11/24 июля 1905 г., якобы «неожиданно» предложенный Николаю в готовом виде Вильгельмом при свидании на яхте

¹ См. письма Ламсдорфа Коковцову от 15 июля и Коковцова Ламсдорфу от 20 июля 1905 г., там же, №№ 62 и 63.

² См. «Кр. Архив», т. 19, стр. 80, письмо Витте Куропаткину от 23 июня 1905 г.: «нам уже иностранный кредит совершенно закрыт», и «Die Grosse Politik», 19. B., 2. Teil, стр. 427 и 472—473: тел. Радолина Бюлову из Парижа от 12/25 июля 1905 г. («Ротшильд и другие представители Haute Finance, по слухам, ведут переговоры с Витте, но со всех сторон меня уверяют, что крупные суммы будут предоставлены только в том случае, если будет достигнут мир») и тел. Бюлова Вильгельму от 14/27 июля (Рувье говорил Радолину, что «в финансовом отношении при продолжении войны у России нет ни малейшей надежды найти деньги во Франции»).

³ См. тел. Коковцова к Витте в Париж от 19 июля 1905 г. с просьбой на обратном пути «вставать в Париже на необходимости займа, как единственным способом не толкать нас на финансовые безрассудства» («Кр. Архив», т. 6, опубликованные нами документы о Портсмутских переговорах, стр. 23). Но даже и Витте не склонен был тогда идти в «английский фарватер» (см. «Die Grosse Politik», 19. B., 2. Teil, № 6198, тел. Радолина от 12/25 июля 1905 г., стр. 427).

«Полярная Звезда»¹. Что со стороны Николая подписание договора не было плодом *минутной* слабости, видно из того, что сообщал по этому поводу Коковцов в Портсмут Витте неделю спустя. По его впечатлению, Николай был «крайне доволен свиданием, видимо, верит искренности отношений соседа» (19 июля). И еще 5 дней спустя (23 июля): «государь находится все время в хорошем настроении, видимо, очень ободренный после свидания с германским императором»². При этом до 30 августа ст. ст. Николай держал подписание договора в полной тайне даже от своего министра иностранных дел и «признался» ему (как выразился Ламсдорф) «во всем этом» в указанный день, потому что дольше скрывать было уже нельзя: договор должен был вступить в силу «тотчас по заключении мира с Японией», мирный договор с нею был подписан в Портсмуте 23 августа ст. ст. и теперь оставалось лишь его

¹ С целью, как формулировал Бюлов, так далеко завести Николая, чтобы Витте и Ламсдорф не могли тотчас после заключения мира образовать тройного, англо-франко-русского, согласия (см. «Die Grosse Politik», 19. B., 2 Teil, № 6202, тел. Бюлова Гольштейну от 7/20 июля 1905 г.).

² См. телеграммы Коковцова к Витте от 19 и 23 июля 1905 г., «Кр. Арх.», т. 6, стр. 22 и 24. Не исключено, что «хорошему настроению» царя содействовало и предложение займа, сделанное в это время России... Дармштадтским (родственным) банком. Но предложенная сумма (47 милл. р.), по мнению Коковцова, «совершенно не отвечала потребностям» России, а условия краткосрочности (на 9 месяцев) «могли бы только уронить наш кредит», и Коковцов отнесся к этому предложению «вполне отрицательно». Вопрос о допущении Дармштадтского банка к участию в русских кредитных операциях имел уже свою историю. Во время войны по этому вопросу шли между Николаем и вел. герцогом какие-то «сношения», о которых Коковцов ничего толком не знал. В начале января, 1905 г. Николай выразил Коковцову «желание, чтобы в пользу этого банка было сделано что-либо», и Коковцову пришлось открыть в нем кредит за счет Гос. банка, «с зачислением его в состав корреспондентов последнего». Теперь, после Бьорке, Дармштадтский банк претендовал на то, чтобы русское м-во финансов «воздействовало» на Мендельсона в смысле принятия последним этого банка в свою группу при предстоящих русских займах. Но и в этом пункте Коковцов решительно запротестовал, т. к., оказывается, Дармштадтский банк «принял деятельное участие в подписке» на последний японский заем. См. об этом письмо Коковцова Ламсдорфу от 25 июля 1905 г. в ответ на письма Ламсдорфа от 20 и 23 июля по поводу этих двух демаршей Дармштадтского банка, в д. № 1, 1904 г., Секретарской части канц. м. ф.

ратифицировать. Открывая свою тайну Ламсдорфу, Николай объяснил ему свое молчание тем, что будто бы Вильгельм взял с него слово скрывать от всех «то, что было подписано и должно было вступить в силу лишь после заключения мира с Японией»¹. Как только дело передано было таким образом в руки Ламсдорфа, тотчас же был приведен в действие план, сложившийся еще в октябре 1904 г.: позондировали почву относительно возможности присоединения Франции к континентальному соглашению против Англии и, получив отрицательный ответ, предложили Вильгельму дополнительную декларацию о недействительности русско-германского союзного обязательства в отношении Франции, заверив при этом, что союз с последней — оборонительный. Таким образом, — по всем, известным нам пока документам, — Бюркский договор формально остался не уничтоженным и теоретически сохранил свое оборонительное значение против всех, кроме Франции, т.-е. против Англии, что и было отмечено в письме Остен-Сакена от 16 ноября 1905 г., как положительный результат пережитой последние 2½ месяца дипломатической «передыряги»².

Нет решительно никаких оснований предполагать, что генеральная репетиция Бюрке, проделанная в октябре 1904 г. при участии тех же Ламсдорфа и Остен-Сакена, была попросту забыта Николаем к июлю 1905 г. В частности, щекотливый пункт о *последующем* присоединении к договору Франции был, ведь, отвергнут в свое время самим Николаем. Что теперь этот пункт

¹ См. письмо Ламсдорфа Нелидову от 26 сентября/9 октября 1905 г. в «Кр. Архиве», т. 5, стр. 36.

² См. там же, стр. 47: «Зато мы теперь совершенно избавлены от возможности соглашения между Германией и Англией в ущерб нашим интересам». — Ср. там же, стр. 36. — «Н а д е л е» (thatsächlich), — как понял и Вильгельм, — это было не только возвращением к «statu quo», но и установлением «военной коалиции втроем». Для него оставался только вопрос, «совсем ли это ясно» Николаю. Ф о р м а л ь н о германское м-во ин. дел продолжало считать Бюркский договор «юридически существующим», еще, напр., и в июле 1907 г. (См. «Die Grosse Politik», 19. B., 2. Teil, № 6255, письмо Вильгельма к Булову от 13/26 ноября 1905 г., и стр. 528, прим., записка, представленная Вильгельму в июле 1907 г. перед свиданием в Свинемюнде).

появился опять в договоре, — было прямою уступкой Вильгельму. Новым был пункт и о вступлении договора в силу *после* заключения мира с Японией: в октябре 1904 г. предусматривалось действие договора «во время мирных переговоров». Чтò совершенно соответствовало основной настроенности Николая, как в октябре, так и в июле, — это противоанглийская сущность договора в его целом. Непосредственная же рискованность французского пункта в июле 1905 г. значительно ослаблялась «передвижным» характером пункта о сроке вступления договора в силу: неизмеримо рискованнее, прямо опасно, было бы *теперь* решать французский вопрос, *не закончив* мирных переговоров.

Когда в сентябре-октябре 1905 г. — может быть, не так уж непредвиденно для Николая — дипломатическая машина без перебоев заработала над уничтожением французского пункта, вся международная конъюнктура настолько разнилась от июльской, что уже можно было с легкостью снисходительно-соболезнующе вздыхать о «бессознательной» «неосторожности» «бедного монарха»¹. Для июльской конъюнктуры приходится ставить вопрос: чтò давало подписание «злополучного» договора Николаю непосредственно сейчас, в десятых числах июля? При полной международной покинутости и политической загнанности внутри страны, Николай получал в Бьорке, пусть иллюзорную, психологическую опору². И обратно: чтò означал бы *в тот момент* отказ его от

¹ Выражения Нелидова и Ламсдорфа: см. «Кр. Архив», т. 5, стр. 30, 35, 43.

² Фриц Гольштейн, смотревший на попытку Вильгельма совсем не через розовые очки, считал чрезвычайно желательным, чтобы при свидании Вильгельм выждал, пока Николай сам заговорит о союзе. Он считал, что Россия теперь была в гораздо большей финансовой зависимости от Франции, чем 6 месяцев назад, и видел для России только один аргумент в пользу германской ориентации, (а не английской, как, по его мнению, предложила бы Франция, а также Витте, Ламсдорф и обе царицы), именно, что Германия предлагает союз «уже теперь, до заключения мира», чем «улучшает положение России относительно Японии при мирных переговорах, между тем как Англия может присоединиться к России только после мира, следовательно не окажет никакого влияния на мирные условия японцев» (см. «Die Grosse Politik», 19. B., 2. Teil, № 6207, тел. Гольштейна Бюлову от 9/22 июля 1905 г.).

подписания договора, добровольный отказ от единственного дружественного, притом повторного, предложения, — как не разрыв? Разрыв при отсутствии уверенности, что мир будет заключен, т. е. что соглашение, а не капитуляция, окажется возможным. Уверенности этой не было даже у самого Витте: более того, был момент, когда и ему казалось (уже в Портсмуте), что «соглашения не будет достигнуто»¹. Но если соглашения с Японией не состоится? — тогда продолжение войны уже в абсолютном дипломатическом одиночестве?! При таком обороте вопроса Николай не мог отказаться от подписания договора не потому, что ценил эту, а не иную его редакцию (кстати, Бюлов и Гольштейн думали, что предложенная Вильгельмом была выгоднее для России, чем та, которую заготовили они)², а потому, что должен был не отталкивать ближайшего географического соседа, до конца выдержавшего дружественную позицию в течение войны, реально содействовавшего началу мирных переговоров, требовавшего теперь награды за это все и по природе своей более других способного протянуть руку помощи в случае какой либо бесповоротной личной или даже династической катастрофы внутри страны. Лицом к лицу с революцией, только что зловеще блеснувшей первым своим морским бунтом, Николай тоже оставаться без надежд на поддержку не мог³.

¹ См. тел. Витте Ламсдорфу от 1/14 августа 1905 г. («Кр. Архив», т. 6, стр. 31).

² Бюлов, затевал даже уйти в отставку, если бы Вильгельм не согласился выкинуть из I ст. договора оговорку, что союзники обязаны оказать друг другу помощь «в Европе». Эта оговорка, по мнению Бюлова и Гольштейна, подрывала значение русского союза в а н г л о-германском столкновении, в котором помощь России мыслилась ими в виде похода на Индию и вообще угрозы азиатским владениям Англии. В конце июля ст. ст. проектировалось обращение Вильгельма к Николаю с предложением изменить спорную статью. Предположение это отпало из боязни, что русская сторона (Ламсдорф) использует это для такой ревизии договора, которая сведет его просто на нет (см. «Die Grosse Politik», 19. B., 2. Teil, стр. 450—501).

³ Именно на это и ставили ставку немцы: см. тел. Гольштейна Бюлову от 13/26 июля 1905 г. («пока не доказано противное, я думаю, что царю больше по внутренне-политическим, чем внешне-политическим причинам сделалось страшным одиночество с глазу на глаз» с Францией и Англией, «Die Grosse

Что Николай не сдержал в точности своего слова и сообщил Ламсдорфу о Бюркском договоре, не дождавшись ратификации Портсмутского (ратификация его последовала 1/14 октября), не дает еще *твердого* основания подозревать его в том, будто, сознательно давая свою подпись в Бюрке, он делал «мысленную оговорку» и заведомо для себя шел на срыв соглашения в его французском пункте. Недавние документальные публикации удостоверяют, что Николай и после мира не считал (но, м. б., и делал вид, что не считал) таким уже парадоксом присоединение Франции к континентальному соглашению. Он «все-таки» утверждал, что «если ловко приняться за дело, то можно бы этого достигнуть»¹. И Ламсдорфу пришлось почти весь сентябрь целиком потратить на дипломатическое выяснение позиции французского правительства в этом вопросе, пока Николай, наконец, взял на себя сообщить Вильгельму о необходимости длительных предварительных сношений с Францией.

Но, как известно, в это же самое время и Витте муссировал, как он потом выразился, «мудрые принципы, провозглашенные в Бюрке»². Он не только одобрял их, на пути в Петербург, в Роминтене, но к немалому смущению и неудовольствию фран-

Politik», 19. B., 2. Teil, № 6223, стр. 470) и тел. Бюлова Вильгельму от 9/22 июля 1905 г., там же, № 6206, стр. 445 («если в. в-во при предстоящем свидании возьмете в отношении царя сердечный и теплый тон, которым проникнуто было все ваше поведение во время войны, это будет для него очень приятно в такой трудный для него момент. Ваш лейтмотив всегда был: мы хотим только, чтобы из этого кризиса русская династия вышла невредимой и русская мощь неослабленной»).

¹ См. «Кр. Архив», т. 5, стр. 36.

² См. тел. Витте Мендельсону от 22 марта/4 апреля 1906 г. («Русск. фин.», № 173). Ср. письмо Нелидова Ламсдорфу от 22 сентября/5 октября 1905 г.: «Витте, в своем разговоре со мной здесь, как будто склонялся к союзу с Германией, ибо, сказал он, «все пересоюзятся, а мы останемся одни» («Кр. Архив», т. 5, стр. 32). И на пути в Портсмут Витте в разговоре с Радолином в Париже в июле 1905 г. возвращался к «старой» идее тройственного континентального соглашения против «заморских» (überseeischen) стран, и Радолин вынес впечатление, что Витте «все еще не вошел в английский фарватер» (см. «Die Grosse Politik», 19. B., 2. Teil, № 6198, письмо Радолина к Бюлову от 12/25 июля 1905 г., стр. 427).

цuzов касался этого вопроса и в разговоре с Рувье на обратном пути из Америки, да еще тут же очень нахваливал Вильгельма редактору «Temps». В это время мысль о необходимости для России раздать узкие рамки французской союзности принимала у Витте в финансовой сфере размах к широкой международной как той большой кредитной операции, которая была на очереди в эти дни, так, можно думать, и всего последующего развития государственного хозяйства России¹.

VI.

Заключение Портсмутского мира сразу и широко раскрыло перед русским правительством перспективы большой финансовой операции на внешнем рынке. На сцене оказались одни за другими: французы, американцы, англичане, немцы. С сущности, никого всерьез не приходилось и просить. Рувье заговорил с русским послом об этом первый — еще раньше, чем Коковцов сел писать послу в Париж длинное и осторожное зондирующее письмо на эту тему. Рувье толкал, не размениваясь на мелочи, на большой «основной» заем, который в его представлении должен был быть только началом в ряде последующих займов «для восстановления правильного хода экономической жизни государства»². В те же дни Морган дал повод Витте заговорить с ним о предстоящем займе и выразил готовность вступить в предварительные переговоры о нем с русским правительством, лишь бы оно не всту-

¹ См. письмо Нелидова Ламсдорфу от 2/15 октября 1905 г., «Кр. Архив», т. 5, стр. 39. — На обратном пути из Портсмута Витте сказал Радолину, что он предотвратил «в последний момент» большой заем, предложенный для России Англией совместно с Францией и с исключением Германии (см. «Die Grosse Politik», 19. B., 2. Teil, № 6241, письмо Радолина Бюлову от 10/23 сентября 1905 г., также № 6243, тел. Бюлова Вильгельму от 12/25 сентября 1905 г.). Также и в Роминтене Вильгельму Витте говорил, что он отклонил предложенный России англо-французский заем, так как он «хочет международного займа при участии Америки и Германии» (см. там же, № 6359, стр. 663, пометку Вильгельма на донесении Бернсторфа из Лондона от 12/25 сентября 1905 г.).

² См. письмо Нелидова, сообщавшее о предложении Рувье «на днях», датированное 31 августа/13 сентября, и письмо Коковцова Нелидову от того же числа («Русск. фин.», №№ 75 и 74).

пало в сношения с еврейской группой Шиффа и предоставило американскому рынку «специальные выгоды». И «бр. Бэринг», заручившись согласием английского правительства «не противиться» русской финансовой операции, «предоставляли себя в полное распоряжение» Коковцова и шли на заем без Ротшильдов, «чтобы сделать настоящий заем и будущие русские займы независимыми от евреев»¹.

Не могло быть теперь и речи о том, чтобы менять эту широкую международность, и без того требовавшую бережного обращения по крайней новизне дела, на гибельные для нее осложнения, которые связаны были бы с открытым проведением в жизнь русско-германского договора 11/24 июля. Были основания, наоборот, спешить с закреплением так сразу обозначившейся финансовой ситуации, пока еще не остыло «благоприятное впечатление» от прекращения войны, не было новых всплесков внутри и, как тогда уже указывал Нелидов, не было налицо еще нового Думского механизма утверждения займов². Да и

¹ Разговор Витте с Морганом имел место 27 августа/9 сентября, см. «Кр. Архив», т. 6, стр. 46—47. Тел. Рутковского к Коковцову о Бэрингах от 1/14 сентября см. «Русск. фин.», № 76. Уже 29 августа/11 сентября в «Times» была напечатана корреспонденция из Парижа («Россия после войны»), отмечавшая благополучное состояние русских финансов и указывавшая, что «для реорганизации армии и флота» «Россия без всяких затруднений найдет финансовую помощь для удовлетворения своих нужд». — По сведениям, полученным в Петербурге в начале октября, в Париже шла речь даже об участии в русском займе японцев. Из того же источника стало известно, что «как только будет подписано [англо-русское] соглашение о Персидском заливе и Лэнсдоун скажет только слово, английская публика, как один человек, подпишет на этот и все будущие займы России», и будто сам лорд Ротшильд говорил, что если в России установится «открытый и широкий образ действий относительно евреев», то, «не говоря уже о нем самом» (т. е. Ротшильде), «все 109 тысяч еврейских банкиров всего мира, которые дали круговое обязательство препятствовать русским финансовым операциям, охотно тотчас же соединятся с другими финансовыми интересами в русских делах» (см. два письма американца Чарльза Мейера, (Judge Ch. Mayer), по поручению Коковцова обезбжавшего европейские столицы для разведок по поводу русского займа, от 8/21 октября 1905 г., в д. № 4, 1903 г., Секретарской части К. М. Ф., л. 29 сл.).

² См. письмо Нелидова Коковцову от 31 августа/13 сентября («Русск. фин.», № 75).

Французы, не находившие сил открыто возражать против интернационализации займа особенно в виду небывалого шага Америки, в первые же дни спохватились, повидимому, какая угроза двойственному союзу создается таким новым оборотом вещей. Уже 8 сентября Рувье, «под впечатлением разговоров своих с статс-секретарем Витте» (а нам доподлинно известно теперь, что оно было «очень неблагоприятным»)¹, дал понять, что к котировке на парижской бирже будет допущена лишь французская часть займа, благовидно объясняя, что «потому он и противился сначала выпуску международного займа», что немцы и американцы все равно выпровадят свои доли на французский рынок, воспользовавшись лишь комиссией². Именно вторжение американского капитала, в широких перспективах развития финансовой ткани франко-русских отношений, сулило ей постепенное разрушение, если бы к этой первой попытке Моргана в России сумели бы отнестись с должным пониманием всего ее значения. Вот почему, созывая банкиров Парижа, Лондона, Нью-Йорка, Берлина и Амстердама на совещание в Петербург ко 2 октября 1905 г., Коковцов мог считать успех международной операции не только «далеко не обеспеченным», но и «сомнительным»³.

Найденный нами в недавнее время, благодаря счастливой случайности, документ удостоверяет, однако, что на состоявшемся между 6 и 17 октября съезде банкиров в Петербурге Коковцов имел дело с «делегатами международного консорциума»

¹ См. письмо Нелидова Ламсдорфу от 2/15 октября 1905 г. в «Кр. Архиве», т. 5, стр. 39.

² См. письмо Нелидова Коковцову от 9/22 сентября 1905 г. («Русск. фин.» № 82). И Мейеру положение в Париже в октябре показалось «очень сложным»: с одной стороны французскому правительству хотелось бы, чтобы облигации займа печатались в разных цветах для Франции и для других участников, которые и обязались бы держать свои доли в течение 2 лет, и чтобы русское правительство предоставило преференциальные права для французской торговли; с другой стороны и в финансовом мире не было «настоящей группы», «которая пользовалась бы общим доверием публики» (см. цит. письмо Мейера от 8/21 октября 1905 г.).

³ См. тел. Коковцова Рутковскому в Лондон от 16/29 сентября 1905 г. («Русск. фин.», № 83 и стр. 223 примеч.).

в полном его составе, при участии сверх того и представителей петербургских банков¹. «Многочисленные» совещания с ними, имевшие место в эти дни, завершились обменом декларативных писем: коллективного, делегатов консорциума, от 17/30 октября, с приложением памятной записки, резюмирующей переговоры (текст его нам пока неизвестен), и письма Коковцова от 18/31 октября, обращенного к делегатам во множественном числе, теперь нами опубликованного. Как явствует из этого письма, вполне приглашена была общая сумма займа — в 1.250.000.000 франков, и остались нерешенными вопросы о выпускной цене и о моменте совершения операции. Переговоры прерваны были со стороны делегатов, и срок их возобновления подлежал определению, «в зависимости от внутренних условий русской общественной жизни», самими членами консорциума. Таким образом, приведенный в движение международный механизм займа не распался, а было лишь отсрочено дальнейшее его функционирование, и письмо Коковцова протоколировало тот факт, что «это произошло, конечно, не от недостатка [их, банкиров] доброго желания или [его, Коковцова] готовности пойти навстречу [их] общим взглядам на этот предмет». Русскому правительству оставалось только ждать, как было тут же условлено, «уведомления» консорциума о желании возобновить дело займа, так некстати остановленное октябрьской стачкой.

Но последовавшие за ней революционные события только отдаляли и, в конце концов, исключили эту возможность. Открывшийся небывало (для того времени) широкий дренаж золота из касс Государственного банка и выборка вкладов сберегательных касс уже к ноябрю сделали положение денежного обращения «весьма критическим»². А в декабре правительство Витте

¹ См. опубликованное нами («Русск. фин.», № 88) письмо Коковцова делегатам международного консорциума от 18/31 октября 1905 г. Черновой отпуск письма найден был нами среди массы разрозненных бумаг разных фондов учреждений м-ва финансов при их разборке.

² Вчтте, «Восп.», II, стр. 180.

вынуждено было искать спасения от банкротства на внешнем рынке, не дожидаясь никаких «уведомлений», и начинать дело о займе в сущности сначала и при условиях, не только неизмеримо более неблагоприятных вообще, но и успевших изменить прежнюю хрупкую международную схему займа. Поездка Коковцова за границу, с поручением «всесторонне уяснить» там, кому следует, «современное положение России» «в его неприкрашенной форме» и заключить заем, решена была в самый разгар московского вооруженного восстания, с одной стороны, и неудержимо нараставшей биржевой паники, с другой. В день отъезда Коковцова (17 декабря 1905 г.) эмиссионное право Государственного банка было уже исчерпано и день ото дня рос его золотой недостаток (—47 милл. руб. на 23 декабря, — 80 милл. руб. на 1 января 1906 г.)¹. Как видим, ни природа, ни темп домашних событий не допускали и мысли о какой-нибудь громоздкой, коалиционной финансовой комбинации, в стиле октябрьского консорциума. Но и независимо от того, истекшие два месяца внесли в международные отношения черты, враждебные международности первоначального замысла займа.

Начать с того, что участие американцев, служивших как бы посредствующим звеном между двумя европейскими группировками, становилось проблематичным после того, как Коковцов на письменный запрос Моргана о возможности предоставления

¹ См. тел. Витте Коковцову в Берлин от 2/15 января 1906 г. («Русск. фин.», № 129). Ср. письмо упр. Гос. Банком С. Тимашева (без обращения и без даты, но повидимому совсем близко после 23 декабря): «Баланс на 23 декабря составлен. Положение самое скверное. Сокращение золота на 59,6 милл. руб., увеличение кред. билетов 20 милл. р., итого ухудшение эмиссионного права 80 милл. р. Эмиссионный закон нарушен в сумме 46,8 мил. р. Если даже золото в Париже будет получено, то баланс на 23 декабря все же остается вне закона. Предвижу новые выпуски кредитных билетов, получаемые из Сибири и Закавказья данные указывают на полное опустошение там касс, — нет ни металла, ни кредитных билетов. Сделанные там перечисления еще более истощают нашу наличность. Мы не обойдемся без расширения эмис. права. Необходимо сделать, хотя получим золото из Парижа. Во всяком случае баланс на 23 дек. публиковать нельзя, а задержать публикацию более нескольких дней — немислимо, впечатление будет отчаянное. С. Тимашев» (см. фонд Гос. Банка, сер. № 124, д. № 162).

«американскому промышленному рынку» тех или иных заказов, в вежливой и ретушированной форме ответил отказом¹. Как потом и оказалось, Морган охладел к русскому займу, как только «приманка промышленных заказов отпала»². Относительно Германии такая же перспектива определилась с середины ноября, когда Николай известной нам дополнительной декларацией уничтожил значение Бюркского договора в его французской части³. Наконец, в франко-германские отношения именно эти последние два месяца внесли крайнее обострение: во Франции шли военные приготовления на границе, «многие банки распорядились удалением своих архивов и ценностей из отделений и агентств, расположенных на границе с Германией», кредиты стали резко стесняться, размер переучетов во Французском банке возрастал «с поразительной быстротой», в то время как частные банки уменьшали свои активные операции, а одновременно в Берлине учетный процент в Имперском банке был поднят до «небывалой высоты» — 6%⁴.

Неудивительно, что об октябрьском консорциуме теперь ни разу даже и не вспомнили. Не лишено значения в этом смысле, что рекомендательно-верительные письма от лица Витте — с просьбою выслушать Коковцова и принять участие в «содействии моей родине» — были посланы, кроме Рувье и Бюлова, только лондонскому и парижскому Ротшильдам, которые не только не принимали никакого участия в прежнем консорциуме, но и выступали главными его противниками⁵. Особенно ха-

¹ См. письмо Коковцова Моргану от 18/31 октября 1905 г. (опубликованное нами, в переводе, с чернового английского наброска карандашом, в «Русск. фин.», № 89).

² См. там же, тел. Нецлина к Витте от 22 марта/4 апреля 1906 г., № 171.

³ Текст декларации был одобрен к отправке в Берлин 10/23 ноября 1905 г. (см. «Кр. Архив», т. 5, стр. 44 сл.). Письмо Николая, при котором отправлена декларация, от 10/23 ноября 1905 г., см. в «Die Grosse Politik», 19. B., 2. Teil, № 6254.

⁴ См. отчет Коковцова о поездке за границу от 15 января 1906 г., («Русск. фин.», № 131).

⁵ См. там же, № 94 а-г.

рактерно обращение к лондонскому Ротшильду: оно имело значение не только капитуляции на милость врага, претендовавшего, как только-что передавал Бенкендорф, «заведывать русскими делами» на определенных политических условиях, но и предательства по отношению к Бэрингам, заведомо для Витте пошедшим на опасный для них конфликт с Ротшильдами ради участия в русском консорциуме¹. Повидимому, однако, лондонский Ротшильд не откликнулся на призыв вовсе, и на Лондон махнули рукой: Коковцов двинулся прямо в Париж, без остановки в Берлине, и все усилия сосредоточил на заключении «сепаратного» займа, французского.

Декабрьская поездка Коковцова во Францию и явилась моментом, откуда можно вести прямой финансовый путь России к тройному согласию: октябрь-декабрь 1905 г., после долгих колебаний русской политики в процессе парастания англо-германского конфликта, собрали и бросили на весы все разновесы, в дальнейшем неуклонно потянувшие книзу чашу согласия. Данное Николаем Вильгельму в ноябре 1905 г. обещание содействовать в Мароккском деле «всеобщему соглашению» принимало теперь конкретную форму инструкций русским уполномоченным на Алжезирасской конференции, «соответствующих интересам Франции», и французское правительство получало, сверх того, заверение, что «вообще его величество, в виду дружественных и союзнических отношений, готов оказывать поддержку французскому правительству»². Рувье теперь, в свою очередь, давил на банкиров, в частности на Ротшильда, в пользу займа «в интересах Франции» теперь же³. Однако, «трусливость» и «крайняя финансовая необразованность» банкиров, на злую характери-

¹ См. там же, письмо Бенкендорфа Ламсдорфу от 2/15 декабря 1905 г.

² См. тел. Николай Вильгельму от 19 ноября/2 декабря 1905 г. («Переписка В. и Н.», М., 1923, стр. 127, где не указана ее дата; у Е. В. Тархе, «Запад и Россия», Петр., 1918, стр. 217 — с датой) и тел. Витте Коковцову в Париж от 22 декабря/4 января 1905/6 г. («Русс. фин.», № 107).

³ См. там же, № 116, тел. Коковцова из Парижа от 26 декабря/8 января 1905/6 г.

стику которых Коковцов потом не пожалел красок в своем отчете, не увенчала, как он думал, стараний Рувье должным успехом¹. И только под прямой угрозой прекращения размена, пущенной в ход Витте 25 декабря, банкиры пошли, наконец, на просимый минимум в 100 милл. р. — в такой форме краткосрочных годовых векселей, которая избавляла от непосредственного обращения к публике. Сравнительно с весной 1905 г. роли как бы переменились: тогда банкиры охотно шли на заем, а французское правительство твердо шло навстречу риску ослабления политического союза; наоборот, теперь банкиры, следуя узко-финансовым соображениям, упорно отказывались рисковать финансовым проигрышем, а правительство по политическим соображениям ставило ставку на царизм в его борьбе с революцией. Формального обязательства заключить «настоящий» заем через два месяца, как того добивалось русское правительство, банкиры на себя теперь натурально не взяли, и вопрос о будущем займе остался открытым². Но такой заем, если бы он состоялся, должен был, по мнению парижских банкиров, носить уже лишь «отчасти международный характер»: придавая значение участию в займе английского рынка, они открыто отрицательно на этот раз настроены были к рынкам германскому и американскому³. Так как, независимо от их финансовой силы, германский и американский козыри в сущности были отчасти уже отыграны и русской стороной, то международные auspicii займа, привезенные Коковцовым из Парижа в начале января 1906 г., оказались не очень благоприятны.

Опубликованная теперь переписка за январь-апрель 1906 г. по вопросу о заключении «большого» займа ни с русской, ни с французской стороны не носит на себе никаких признаков беспокойства за то, что заем может затянуться или сорваться на

¹ См. там же, № 109, тел. Коковцова из Парижа от 24 декабря/6 января.

² См. там же, № 117, тел. Коковцова Шипову от 26 декабря/8 января.

³ См. там же, № 131, отчет Коковцова, стр. 263.

новых вспышках революционного движения в России¹. Зато в свою очередь было очевидно, что «правительство в состоянии будет принять все необходимые меры к окончательному искоренению революционного движения», как писал Ламсдорф Остен-Сакену 10 февраля 1906 г., — только получив надлежащую сумму валюты в непосредственное свое распоряжение елико возможно скорее и, кроме того, до созыва Думы². Единственным препятствием и предметом нетерпеливого беспокойства русского правительства являлись в эти месяцы переговоры держав в Алжире по вопросу о дальнейшей судьбе Марокко, потому что французы не допускали и речи о приступе к большой русской финансовой операции раньше благоприятного для них исхода Алжирской конференции³. Русское правительство получило только возможность негласно разработать основания операции, которые, однако, должны были содержаться в секрете до самого момента официального разрешения на открытие банковских переговоров со стороны французского министерства финансов. Для такой негласной разработки проекта займа Витте, взявший это дело целиком на себя, избрал представителя Парижско-Нидерландского банка Нецлина, который не только заново проделал с ним эту работу с глазу на глаз, без участия каких либо других банкиров, в уединении Царского Села, но и в дальнейшей процедуре сношений с прочими банкирами всяких национальностей до конца играл роль агента России⁴. Оно и было естественно, так как половину всей суммы займа брала на себя фран-

¹ См. «Русск. фин.», №№ 132—216.

² Цит. тел. Ламсдорфа приведена у Витте, «Восп.», II, стр. 186.

³ См. тел. Рафаловича к Витте от 26 января/8 февраля 1906 г. («Рус. фин.», № 132). Все попытки Витте добиться займа до окончания конференции упирались как в стену (см. там же, №№ 134, 141, 148, 153); Витте предполагал «сделать операцию» в конце февраля, разрешение же Пуанкаре «начать переговоры с банкирами» последовало 18/31 марта 1906 г. (см. там же, № 159).

⁴ Такое положение установилось после царскосельских переговоров Витте с Нецлином в начале февраля 1906 г. До приезда Нецлина Витте еще не оставлял мысли о непосредственных зондированиях — у Ротшильдов, например (см. «Русск. фин.», №№ 134 и 137).

пузская группа, а другая половина предназначалась к разделу по мелочам между остальными семью национальными группами.

Как известно, заем на деле и вышел только «отчасти» интернациональным, за отказами американцев, немцев, итальянцев и швейцарцев¹. Из 2.250.000.000 франков Франция брала 1 миллиард 200 миллионов, Англия—330, русские банки—500, Голландия—55. Антантовский характер операции удался—этим очень озабочен был Витте до самого конца—несколько прикрыть скромным участием австрийских банков (на 165 миллионов фр.), и то ценою «некоторых специальных льгот»². Но политическая сторона дела от этой детали не менялась нисколько. Позиция России на Алжезирасской конференции четко была выдержана в духе союза французского, и по всем вопросам Россия и Англия выступали одной стороной³. Самый отказ Германии от участия в займе, повидимому, повлиявший и на других отказавшихся, последовал именно после окончания алжезирасских переговоров (23 марта ст. ст.) и только окончательно подчеркнул совершившееся⁴. А за день до запрещения Мендельсону участвовать в займе, 22 марта ст. ст., французский посол в Петербурге уже передавал русскому министру иностранных дел программу совещания и список вопросов французского генерального штаба, предложенных начальнику русского штаба и подлежащих обсуждению на предстоящем совещании союзных штабов с целью пересмотра и возобновления франко-русской военной конвенции на началах, более выгодных Франции, чем то было

¹ См. тел. Коковцова от 30 марта/12 апреля 1906 г. «Русск. фин.», № 189 (при отказе Германии, «Америки и Италии и ничтожности участия Голландии почти утрачивается международный характер займа»).

² См. там же тел. Витте Коковцову в Париж от 30 марта/12 апреля 1906 г., № 187 («будет очень досадно в особенности в отношении политическом, если Австрия откажется») и тел. Коковцова от 31 марта/13 апреля («после невероятных усилий» «удалось обеспечить участие Австрии» «в последнюю минуту» «некоторыми специальными льготами» «в отношении сроков пользования» их долей, «иначе дело грозило рушиться»).

³ См. Витте, «Восп.», II, стр. 185.

⁴ См. тел. Мендельсона к Витте от 23 марта/5 апреля (там же, № 174).

5 лет назад¹. Едва ли случайным было и другое совпадение дат: несмотря на готовность контракта займа к 3 апреля ст. ст., французы настояли отложить опубликование указа о нем «непременно» до 9 апреля ст. ст., а протокол упомянутого сейчас штабного совещания, изменявший в пользу Франции первоначальный текст военной конвенции, подписан был (там же, в Париже) накануне, 8 апреля². И чтобы кончить хронологические сопоставления: 11 дней спустя после опубликования указа о займе, 20 апреля ст. ст., весьма секретная денеша Нелидова из Парижа сообщала со слов французского министра иностранных дел о предложении сэра Эдварда Грэя (в связи с возобновлением вопроса о постройке Багдадской ж. д.) — «прийти к соглашению с русским правительством относительно постройки жел.-дорожного пути из России через Персию к долине Тигра и Персидскому заливу», — предложении, которое Буржуа рекомендовал тут же как «исходную точку для соглашения между Россией и Англией относительно их взаимного положения и интересов в Персии, представляющей теперь самую трудную статью во всякой задаче англо-русского сближения»³.

А к 25 мая 1906 г. дело англо-русского сближения, предложенного в указанной форме через французское правительство, входило уже в стадию непосредственных переговоров обеих заинтересованных сторон: в этот день английский посол посетил Извольского и заявил, «что ему поручено вступить с императорским правительством в переговоры с целью прийти к формальному соглашению по ряду вопросов, одинаково интересующих как Англию, так и Россию», и что, «если на это последует

¹ См. А. М. Зайончковский, «Франко-русские отношения до войны 1914 г.», в сб. «Кто должник?». М., 1926, стр. 29, и его же, «Подготовка России к мировой войне в международном отношении», Л., 1926, стр. 117—124.

² «Опубликование указа должно быть непременно 9 апреля, «не раньше, не позже», «на чем настаивают банкиры» (см. «Русск. фин.», №№ 196, 201 и 204, телеграммы Коковцова от 3 и 4 апреля ст. ст.). — А. М. Зайончковский, цит. соч., стр. 30.

³ См. д. № 4, ч. I, 1910 г., канц. м-ва торговли и промышленности.

[со стороны России] согласие, то он предложил бы принять ту же систему, которая, в свое время привела к заключению англо-французского соглашения». «Система» эта, как известно, заключалась в том, чтобы рассмотреть «все интересующие вопросы» «один за другим», «не приходя, однако по ним в отдельности к окончательному решению», а затем, «когда выяснится возможность полного единодушия», — заключить уже «*общее соглашение по всем вопросам в их совокупности*»¹. — Ссылка на французский пример не оставляла сомнений, что речь здесь шла о таком же полном «согласии», какое установилось в англо-французских отношениях два года тому назад.

Так, «диверсия за границу» в сторону «маленькой победоносной войны», вместо побед грозившая «толкнуть» самодержавие на гибельные «финансовые безрассудства», заставила Николая искать «большой заем» на пути «широких» политических соглашений.

Россия начинала войну с таким скудным запасом несвязанной звонкой наличности, что перед русским правительством тогда же возникал вопрос о возможности прекращения размена. Остановившись на сохранении размена во что бы то ни стало, правительство вынуждалось вести войну с помощью внешнего кредита, и это ставило ведение войны, ее продолжительность и возможность успеха, в полную зависимость от международного денежного рынка. Французский рынок отходил от России с весны 1904 г., не иначе как в связи с политическим соглашением Англии и Франции в апреле т. г. К германскому рынку, где почва была позондирована еще в начале войны, обращение оказалось возможным только при условии известных уступок, которые и были сделаны Россией в июльском дополнении к торго-

¹ См. там же, всеп. доклад Ламсдорфа от 27 мая 1906 г. — Артур Никольсон был у Извольского «в четверг»: ближайший перед докладом четверг приходился в том году на 25 мая.

вому договору 1894 г. Попытка одного из французских банков переступить дорогу Берлинскому рынку в октябре 1904 г., была отклонена Николаем в угоду Германии и в пользу германского займа (распубликованного в декабре 1904 г.). Попытка Вильгельма при этом вовлечь Россию в союз с Германией, сделанная в октябре же, чуть было не возымела успеха у Николая на почве обострения отношений между Англией и Россией, из за эпизода в Немецком море, и общего пассивного положения, занятого Францией в войне. Однако она, эта попытка, была отклонена, в конце концов, в виду явной своей рискованности относительно франко-русского союза, когда простой подсчет, показал, что с одним германским рынком нельзя обойтись в дальнейшем ведении войны, до последней степени осложнявшемся с падением Порт-Артура (в декабре 1904 г.). В международных отношениях этот подсчет вынуждал Россию держаться не только за двойственный союз, но и за все доступные рынки, кроме явно тогда еще враждебных английского и американского.

Революция, «хлынувшая наружу» в январе 1905 г., нанесла решительный удар войне в январе же. Продолжение войны оказывалось возможным на этот раз всецело и исключительно в зависимости от Германии, т. к. французское правительство запретило французским банкам дать заем на ведение войны. После Мукдена, именно в виду отказа Франции в займе, в Петербурге вопрос о прекращении войны был поставлен Коковцовым в упор. Но решено было исчерпать еще и германские финансовые возможности (апрельский заем 1905 г.). Цусимское поражение исключило всякую возможность продолжения войны, а согласие Николая на приступ к мирным переговорам сразу же открыло перед русским правительством перспективу не французского просто, а соединенного франко-английского займа. Но при этом обе группы банкиров (т. е. оба правительства) неизменно условием ставили не просто приступ к мирным переговорам, который мог бы объясняться, с русской стороны, напором революционных страхов и в сущности до последней минуты ни к чему

ее не обязывал, минуя только внутренняя опасность: условием займа ставилось действительное заключение мира. Русское правительство оказывалось, таким образом, в тисках поистине ультимативного положения: оно не могло бы отказаться ни от каких мирных условий и обрекалось принимать любые, какие бы ни были ему продиктованы. Лично Николай при этом не устоял перед напором Вильгельма в Бьорке и не посмел отвергнуть вторичное предложение германского союза перед лицом «крымской комбинации», не проявившей никакой чуткости к судьбе династии в такой тяжелый для него момент.

По заключении мира задача Витте заключалась именно в том, чтобы выйти не только из потерявшего теперь, по заключении мира, свой, хотя бы нищенский, смысл, германского союза, но и из односторонней англо-французской финансовой комбинации, увлекавшей Россию в назревавший на западе империалистический конфликт. Однако, совсем было налажена международная осьмичленная банковская группа была спугнута октябрьской стачкой, а последующие события внутри страны поставили русское правительство вплотную лицом к лицу с катастрофою банкротства, и мечта о том, чтобы отвести Россию в сторону от стухнувшего именно в это время империалистического конфликта, принимавшая у Николая и у Витте у каждого свои формы, разлетелась в прах в декабрьских переговорах Кокцовца в Париже и дотаптывалась в январе — феврале 1906 г. в Алжезирасе. Небрежение удержать за собой хотя бы и значительными, — но для небывалого первого случая совершенно коммерчески необходимыми, — уступками Америке и невозможность отказать в своей поддержке Франции в Алжезирасе повернули Россию в антантовское русло, в котором русское правительство нашло как заем, так и готовность своих «друзей» укрепить на сей раз положение русской «короны» перед лицом русского «парламента». Но предварительно русское правительство должно было подписать документ, изменявший условия франко-русской военной конвенции в пользу Франции, а в период реализации

громадного абсолютно, но голодного относительно, займа пойти на политическое соглашение и с Англией.

Условия, складывавшиеся для России, в результате войны, на Дальнем Востоке, не только не противоречили положению, в какое попадала Россия на западе, но и вели к таким соглашениям с Японией, которые аккуратно замыкали Россию в антантовский круг.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

«Крупные предприятия» в Манчжурии после войны.

I.

«Большой» «ликвидационный» заем, предшествуемый обновлением военной конвенции с Францией и непосредственно сопутствуемый предложением войти в широкое соглашение с Англией, которое на деле ввело Россию в игру империалистических интересов двойного «сердечного согласия» на Ближнем и Среднем Востоке, предвзначался, однако, только для срочной ликвидации бюджетных брешей, сделанных революцией и войной. Он дал «в своем конечном результате», круглую сумму в 677 милл. руб. Между тем, только по одной росписи на 1906 г. имелся дефицит в 481,1 милл. р., непокрытых еще от 1905 г. расходов оставалось на 180 милл. р., да предстояло погасить 150 милл. р. краткосрочного германского займа 1905 г. К моменту подписания контракта «большого» займа весь дефицит выражался, таким образом, в сумме 811 мил. р., и опять концы с концами грозили остаться несведены. К сентябрю 1906 г. выход из положения все же открывался благодаря тому, что имелся уже на лицо перебор доходов в 100 милл. р., и оказалось возможным позанимствовать из сберегательных касс 34 милл. р., что как раз покрывало всю недостававшую сумму. Но именно теперь посыпались в министерство финансов новые требования, достигавшие 155 милл. р., (из них 8 милл. р., по 2 милл. р. в месяц, на содержание воинских частей, призываемых для внутренних усмирений).

Отчаянное секретное письмо Коковцова к Столыпину от 6 сентября 1906 г. о невозможности такого порядка, при котором приходится открывать кредиты из несуществующих в природе источников, каким-то образом попало в «Temps» и, естественно, вызвало шум в большой европейской прессе, раскрыв только что приведенные цифры¹.

Что «большой» заем будет на деле голодным и что, при строгой рассрочке действительных поступлений по займу в течение более чем года, «государство будет все время в страшном денежном затруднении», предвидел не один Витте. Также и «из уст финансистов» в Париже, в апреле 1906 г., Коковцов слышал «настойчиво повторяемые уверения», что «еще до конца года» он «будет вынужден снова искать денег за границей»². А Рувье, на другой день после Портсмута, заговаривая с русским послом о предстоявшем займе, прямо указывал на то, что России «в течение нескольких лет после войны» придется «прибегнуть еще неоднократно к кредиту, развертывая займы на несколько лет»³. Тем красноречивее выглядела теперь оговорка, какую в последнюю минуту обставил согласие на заем со стороны французского правительства новый министр финансов Р. Пуанкаре: заем оказался «немыслим» без того, чтобы Коковцов письменно не обязался от имени русского правительства «не прибегать к кредиту во Франции до истечения минимум 2 лет»; а затем последовала и попытка связать русское правительство расширительным толкованием этого обязательства в том смысле, что если «Россия, в течение этих двух лет, окажется в необходимости

¹ См. «Русск. фин.», № 222.

² См. «Рус. фин.», № 197. Взносы заграничных участников займа поступали в распоряжение русского правительства со 2/15 мая 1906 г. по 24 мая/6 июня 1907 г. в восемь сроков (см. там же, стр. 379); «фактически» это стесняло только в производстве каких либо платежей за границей, «формально» это не отнимало «права расширения эмиссии» в масштабе всей суммы займа (см. там же, № 198). О парижских «пессимистах» см. письмо Коковцова к Вернейлю от 2/15 июля 1907 г. в деле Секретар. части К. М. Ф. о заключении займа 1909 г.

³ См. «Русск. фин.», № 75.

обратиться к внешнему кредиту», и «даже в случае, когда русское правительство не имело бы намерения обратиться к французскому рынку», то и тогда оно обязано было бы «сообщить о том французскому правительству»¹. Конечно, эту оговорку пытались выдать просто за «политический маневр, объясняемый крайними нападками на здешнее правительство за допущение займа»². Но в действительности она накладывала на царское правительство такой финансовый интердикт, какого не бывало еще в практике франко-русского союза.

Ликвидационный заем, в лучшем случае позволял поддержать бюджетное равновесие и устойчивость денежной системы в 1906 г., создавая лишь внешние, самые необходимые, но сами по себе еще недостаточные условия для «восстановления правильного хода экономической жизни», которое только и способно было восстановить кредит страны в течение данного ей испытательного срока. При крайней напряженности тогда денежного рынка в связи с последовательными неурожаями 1905 и 1906 гг., при далеко еще не прояснившихся внутренне-политических перспективах — ликвидационный заем никак не разрешал еще проблемы восстановления промышленной жизни страны, потрясенной революцией и войной. Задача привлечения новой широкой струи иностранного капитала специально на промышленное вос-

¹ См. там же, №№ 197 и 198. Обязательство это было обложено в форму письма Коковцова к Пуанкаре от 16 апреля н. с. 1906 г. Расширительное толкование имелось уже в ответном письме Пуанкаре от 19 апреля, но тогда же Непцин, передавая письмо, дал «словесные заверения», что здесь имеется в виду «допустить возможность обращения к французскому кредиту даже в течение 2 годичного срока». Но уже в «вербальной ноте» Бомпара от 16/29 июня 1906 г. расширенное обязательство России фигурировало без подобного комментария и имело «точный смысл» ограничения независимости России в выборе заграничного рынка на весь 2-х летний срок (см. письмо Коковцова к Пуанкаре от 16/29 июня 1906 г., в котором он твердо отклонял такое толкование своего обязательства и заявлял, что русское правительство «сохраняет полную свободу в случае, если бы оно обратилось к кредиту другой страны, а не Франции», — в д. № 4, 1903 г., Секретар. части К. М. Ф.).

² См. тел. Коковцова из Парижа от 3/16 апреля 1906 г. («Рус. Фин.», № 198).

становление, при грозных признаках затяжной депрессии, и стала перед русским министерством финансов во весь рост уже сейчас после заключения займа. Между тем, именно во Франции, как писал Нецлин, заделавшийся теперь постоянным корреспондентом русского министра, «компетентные круги уже начинали отдавать себе отчет» в том, что положение «мирового банкира» требовало от Франции ряда «преобразований» как кредитных учреждений, так и самой биржи. Парижско-Нидерландский банк, «впервые с момента его основания 40 лет назад», приступал к увеличению своего основного капитала, и на очереди стоял проект создания в Париже «крупного частного банка с капиталом в 50 милл. фр.» для работы с Северо-Американскими Соединенными Штатами «как в области торговли, так равно и промышленности» (Кун, Лэб и К^о в Нью-Йорке, «наши лондонские друзья» и др.)¹. Так как во главе этого франко-американского банка становился сам Нецлин, тут же заверявший, что это не означает его отхода от русских дел, то именно ему Коковцов и поведал, в своем ответном поздравительном письме, о «некотором сожалении», что «предприятие это предназначено исключительно для работы с чуждой [ему, Коковцову] страной», — «в то время, как моя собственная, больше чем всякая другая, нуждается в свободных капиталах и представляет собой обширное поле для производительной деятельности под условием правильной организации таковой и проведения ее под руководством умелых и энергичных людей». Коковцов подчеркивал при этом, что сожаление его относится «не столько к вопросам финансов и кредита страны, сколько к интересам промышленности, которая именно в настоящее время заслуживала бы исключительного внимания» Парижа, этого «истинного резервуара мирового богатства». «Будем надеяться», — заключал Коковцов это, в сущности, свое предложение, — «что Заатлантическая республика оставит все же место и для империи царей и мы не будем

¹ См. «Русск. фин.», № 225, письмо Нецлина Коковцову от 7/20 ноября 1906 г.

вынуждены пользоваться капиталами, не имеющими отношения к вам»¹.

Насколько это обращение русской стороны попадало в самый фокус настроений парижской Haute Finance, можно судить по тому, как быстро — всего без малого в две недели — Коковцов имел на столе уже и деловой на него ответ. Вернейль, сам глава парижских биржевых маклеров, — еще месяц назад, в ответ на очередную слезницу Коковцова по поводу поведения французской прессы, сухо отказавший в какой либо своей поддержке, — предлагал на этот раз проект образования в Париже «мощной финансовой группы» для «изучения русских коммерческих и промышленных предприятий, способных с помощью французских капиталов к широкому развитию». Именно «настоящий момент, на другой день после японской войны», представлялся ему «благоприятным для вхождения в эти предприятия на выгодных условиях», «которые позволили бы широко вознаграждать капиталы, которые ими интересуются». Участие в предлагавшейся «комбинации» «крупнейших русских банков» ставилось при этом условием «совершенно необходимым», как «моральная и материальная» гарантия успеха. Но, само собою разумеется, затевать такую организацию, которая, благодаря именно участию в ней русских банков, имела в виду использовать произведенные с стране разрушения и овладеть на началах монополии наиболее жизнеспособными предприятиями, — стоило, только получив полную гарантию поддержки со стороны русского правительства от министра финансов². Нечего и говорить, что немедленный,

¹ См. письмо Коковцова Нецлину от 14/27 ноября 1906 г., «Русск. фин.» № 228.

² См. письма Вернейля Коковцову от 30 ноября/13 декабря 1906 г. и Коковцова Вернейлю от 8/21 декабря, «Русск. фин.», №№ 230 и 231. С. Ронин («Иностранный капитал и русские банки», М., 1926, стр. 54 и 55) ошибочно относит эти письма к 1907 г. Они опубликованы были нами по копиям, оставленным в Общей канц. м. ф. при отсылке их подлинников в Особенную канц. по кредит. части. Они были отосланы туда при письме чин. ос. поруч. Дорлиака от 6 января 1907 г. № 13, отпуск которого сохранился в Общей канц. В письме Дорлиака перечислены, с указанием содержания и дат, оба письма (с датой

безусловно утвердительный ответ из Петербурга, с «обещанием» «самой широкой поддержки», не заставил себя ждать и одного дня, и в самом начале января 1907 г. в Париже были уже представители русских банков, имевших принять участие в задуманном консорциуме. Дело шло здесь, как видим, уже не о передаче взносов массы французских вкладчиков, через банковскую подписку на займы, в бесконтрольное распоряжение русского правительства, а об планомерном вращении французского финансового капитала, через аппарат резидирующих в Петербурге банков, непосредственно в русское народное хозяйство. Русский министр финансов звал теперь французский капитал именно для «организации» «производительной деятельности» «под руководством умелых и энергичных людей». В этот момент меньшего, повидимому, и предлагать не решался французам Коковцов; но и большего — что мог он им еще предложить?

Проглядывавшая в этом шаге Коковцова готовность ступить на путь, открывавший в дальнейшем французскому капиталу возможность овладеть и взять на себя руководство русской крупной промышленностью, вытекала прежде всего из гнетущей для русского правительства потребности данной минуты. Сейчас это была тревожная неуверенность в завтрашнем бюджетном дне и повелительная необходимость поднять и поддержать кредит русского правительства на международной бирже и добиться прочного успеха в этом смысле как можно скорее — во всяком случае к сроку погашения 300-миллионного французского военного займа 1904 г., т. е. к весне 1909 г. Поскольку над рус-

1906 г.) и «полученная сегодня» телеграмма Доризона (от 18 января н. с. 1907 г.) к Коковцову, с просьбой о включении в консорциум Северного банка, «которая встретила одобрение русских делегатов». Дату письма Дорлиака мы проверили по исходящему журналу Общ. канц. за 1907 г.: оно действительно значится там под 6 января за № 13. Такая датировка наших писем устанавливает их непосредственную связь с цит. письмом Коковцова к Неццину от 14 ноября ст. ст., которое Неццин «показал» «кое-кому из очень немногих видных лиц», и оно, своими данными о русском бюджете на 1907 г., произвело на читателей «в высшей степени благоприятное впечатление». Можно не сомневаться, что среди этих «видных» лиц был и Вернейль (см. «Русск. фин.» № 229).

ским правительством висела здесь необходимость пересмотреть и программу своей внешней политики в новых условиях и привести ее в соответствие с наличными средствами страны, речь теперь могла идти не больше, как о том, чтобы «сохранить силы для решения крупных вопросов в Европе» и зато уже «не тратить средств на Дальний Восток»¹. К дню того военного совещания 3 января 1907 г., где Извольский решительно высказался против усиления войск Приамурского округа, и выступил именно с этой программой, равносильной отказу от активной политики на Дальнем Востоке, вопрос о ликвидации тех манчжурских начинаний России, которые делали ее агрессивной в предыдущий период, был уже в полном ходу.

II.

Иностранный капитал уже по одному тому должен был выступить на сцену в сфере русских интересов на Дальнем Востоке после проигранной войны, что формально он мог быть поставлен вне действия тех международно-правовых актов, которыми Япония пожелала бы закрепить свою победу. Именно из этой мысли исходил, напр., после Мукденского поражения, в виду серьезно ожидавшейся «в первых числах апреля по н. с.» высадки японцев на Сахалине, проект привлечения к концессии «на эксплуатацию всех рыбных, минеральных, лесных и пушных промыслов острова» — американца Кларксона². Проект этот к середине марта 1905 г. был представлен русским военным агентом в Корее (полк. Нечволодовым), который сговорился уже и с американцем — на след. условиях: 1) американец «представляет все нужные для эксплуатации капиталы», 2) концессия выдается на имя Кларксона и Нечволодова, и все доходы делятся между ними поровну, 3) если Сахалин останется за Россией, концессия может

¹ См. А. А. Поживанов, «Мемуары», М., 1924, стр. 16.

² См. в д. д-та Гражд. Отчетности Гос. Контроля, 1897 г., «О секретных бумагах по д-ту», тел. г.-лейт. Андреева (пом. ком. войсками Приамурского округа) Е. И. Алексееву из Никольска Уссурийского от 20 марта 1905 г.

быть взята обратно с условием, что Кларксону будет предоставлено «преимущественное право перед другими на соискание обычных аренд и концессий на Сахалине», а в своих предприятиях в Приморской области он будет сравнен в правах с русскими подданными, 4) если Сахалин перейдет к Японии, русское правительство имеет право капитализировать причитающуюся ему половину доходов (при сроке концессии на 50 лет, стоимость ее «на американской бирже» исчислялась в 100 милл. р.). Весь расчет тут строился на «должную поддержку американского правительства, если Япония будет оспаривать права» американского концессионера, и, по докладу Ламсдорфа, Николай отнесся было к проекту «весьма сочувственно». Но затем возникли и сомнения относительно действительности этого хитро-умного проекта и даже опасения скандала, если бы американец «злоупотребил доверием» русского правительства,—и проект отпал¹. Одновременно с мыслью «об обеспечении доходов» от сахалинских промыслов, в том же марте, подобная же мысль о сделке с бельгийскими капиталистами возникла в Петербурге и относительно концессий Манчжурского Горнопромышленного Т-ва, которые к этому времени в ценнейшей своей части оказывались в зоне японских армий. Но в виду крайней неопределенности положения и для этой сделки не наступила еще настоящая пора².

Зато, как только состоялось окончательное формирование

¹ См. в д. № 121 канц. Ос. К-та Д. Востока копию всеп. доклада Алексеева от (?) марта 1905 г. с изложением проекта и отзывов министров о нем. В частности Коковцов допускал принятие проекта лишь с условием, чтобы концессионный договор был датирован временем, «предшествующим войне» — «для придания сделке большей силы с формальной стороны». М-р юстиции и указал тогда на возможное злоупотребление доверием со стороны Кларксона, «в случае получения им более выгодных предложений от Японии, и таких действий с его стороны, которые могут оказаться во вред престижу русск. правительства». Резолюция Николая: «лучше отказаться».

² См. в д. № 106 тел. бельгийца Вутерса от 25 марта 1905 г. на имя А. И. Вышнеградского о том, что он считает в общем предприятия Т-ва привлекательными, но требующими еще предварительного изучения.

мирной делегации для переговоров с Японией, первыми заволаговались безобразовпы из Русского Лесопромышленного Т-ва. К этому моменту все, кроме Абазы и Матюнина, кто в нем состояли в сущности фиктивными пайщиками, вышли из Т-ва нота-риальным порядком, ожидаемые поступления в кассу Т-ва (419.087 р.), как заявлял сам же Абаза, «подлежали большому сомнению», долги же, о которых удалось собрать сведения в Петербурге, и которые необходимо было уплатить, чтобы избе-жать скандала, выражались в цифре 265.952 р., по признанию Абазы, «преуменьшенной», и Т-во имело вид начисто прогорев-шего предприятия¹. Абаза и попытался было передать его целиком на попечение министра финансов, но Коковцов, «оберегая свое честное имя», решительно отклонил от себя «ликвидацию дел» Т-ва, настояв, чтобы Николай возложил ее на Абазу и Балашова². Зато в вопросе о «передаче» «всех принадлежащих доньше Т-ву прав и концессий» министерству финансов, в «предположении, что оно изыщет способы к тому, чтобы поставить эксплуатацию этих концессий в связь с прочими находящимися в его ведении предприятиями в Манчжурии», Николай остался тверд, и все документы на права и концессии были доставлены в М-во³. При этом Абаза торопил с формальной передачею «прав» до подпи-сания мирного договора, странным образом одновременно моти-

¹ Если верить Вонлярскому («Материалы для выяснения причин войны с Японией», стр. 198 сл.), то 23 марта 1905 г. «на квартире П. П. Гессе» со-стоялось, по инициативе А. П. Игнатьева, собрание членов Лесопромышл. Т-ва, и Гессе, Гендриков, Вонлярярский, Юсупов и Серебряков подписали протокол о прекращении действия договора 31 мая 1903 г., а на договоре была сделана надпись, удостоверяющая их выход из Т-ва, признание действия договора прекратившимся без всяких друг к другу со стороны товарищей претензий, и предоставление Абазе и Матюнину «права пользования фирмой Русск. Лесопр. Т-ва на Д. Востоке и права образования Товарищества».

² См. Б. А. Романов, «Витте и концессия на Ялу», в сб. статей, посв. С. Ф. Платонову. Птрг., 1923, стр. 453 — 457; также д. № 213: письмо Абазы Коковцову от 2 июля 1905 г., всеп. докл. Коковцова от 7 июля, письмо Абазы ему же от 15 июля, всеп. докл. Коковцова от 4 августа.

³ См. всеп. докл. Коковцова от 4 августа 1905 г. и письма Абазы от 18 июля и 18 августа т. г. (первое), там же.

вируя свою настойчивость тем, что только частное имущество можно рассчитывать «отстоять от японских притязаний», и тут же подчеркивая, что «права Т-ва имели характер частной собственности»¹. Таким образом, передавать права оказывалось возможным кому угодно, только уж не министерству финансов, и само собою здесь теперь напрашивалась мысль о Манчжурском Горно-промышленном Т-ве. Но и это «частное предприятие» было к тому времени не в лучшем положении, чем его бывший конкурент. Из трех наиболее ценных его концессий две (Фушунь и Цзянпигу) «перешли в руки неприятеля», а «в районе Гуаньшаньских золотых приисков» настолько «участились нашествия хунхузов», что оказывалась недействительной никакая охрана, — и, идучи по стопам Абазы, Коковцов 4 августа 1905 г. возбудил перед Николаем вопрос о «временной приостановке действий» М. Г. Т-ва с ассигнованием ему 175.000 р. на «ликвидацию всех расчетов», ровно вдвое меньше против Лесопромышленного². Это не значило, конечно, что Коковцов просто ставил крест на своем казенном Т-ве. Но в том виде, как оно существовало до сих пор, за него было бы совсем безнадежно бороться с японской дипломатией простым отрицанием его казенного естества³. Уже по одному этому Коковцову не приходилось спешить с принятием в свое ведение безобразовских предприятий.

На первый случай, еще в июне 1905 г., мелькала мысль о том, чтобы в предстоящих спорах с японцами делать «заявления о правах М. Г. Т-ва от имени Русско-Китайского банка». Но более верным средством все же было вскоре признано «заинтересовать Францию» в предприятиях М. Г. Т-ва. Именно, предложено было Неплину «вступить в состав членов Т-ва на место покойного Ротштейна» (ум. в нач. 1905 г.), а Ламсдорф должен был войти в переговоры с французским правитель-

¹ См. там же два письма Абазы от 18 августа 1905 г.

² См. всеп. докл. Коковцова от 4 августа 1905 г. «о приостановке действий М. Г. Т-ва для ликвидации дела». Абаза получил на «ликвидацию» 350.000 р.

³ См. в д. № 106 I-б, письмо Покотилова Ламсдорфу от 29 июля 1905 г.

ством об оказании поддержки русской дипломатии и о возможности действительного «привлечения французских капиталов к использованию концессий Т-ва в случае, если удастся отстоять их частный характер»¹. Но оказалось, что и сам Нецлин, «кроме фиктивной записи» на его имя паев, «числившихся принадлежащими Ротштейну», предполагал бы приобрести «в полную собственность» паев Т-ва на сумму до 100.000 р. и «привлечь к этой сделке совершенно частным образом 2-3 доверенных лиц из Haute Banque» на таких же условных основаниях, как то предлагалось раньше относительно Сахалина². Известно далее, что условия Нецлина были приняты в Петербурге и оформление сделки было назначено приурочить к приезду его в Россию для переговоров о заключении «международного займа» в октябре 1905 г. Как можно догадываться, сделка эта не состоялась потому же, почему и международный консорциум отказался от заключения займа с правительством, запертым в своей столице октябрьской стачкой. И дело кончилось (18 ноября 1905 г.) назначением в Правление Т-ва П. А. Бока, члена Правления Русско-Китайского банка, относительно которого можно было утверждать, что формально он американский подданный³.

Когда, при образовании октябрьского кабинета, на месте Коковцова оказался И. П. Шипов, Абаза попытался возобновить свои напоминания и представил подробную опись имущества Лесопромышленного Т-ва (на 1.567.178 р.), прося охранить его

¹ См. там же, обмен писем между Вышнеградским, от 22 июля/4 августа, и Нецлином от 28 июля/10 августа 1905 г., и письмо Коковцова Ламсдорфу от 1 августа 1905 г.

² См. там же, доклад Правления М. Г. Т-ва от 10 августа 1905 г. (с пометой Коковцова: «согласен»). Нецлин предложил: 1) приурочить сделку «ко времени, предшествующему Мукденскому сражению», когда Фушуня не была еще в руках японцев, 2) дать «неформальное» обязательство, что русское правительство имеет право выкупить у французов их пай «по двойной номинальной цене». Но сверх того с русской стороны предлагалось: 1) предоставить Нецлину «за оказываемую услугу» 5% общей прибыли, а в случае обращения Т-ва в акционерное об-во — 5% основного капитала безвозмездно, 2) на оплаченные им пай начислят 5% до распределения прибыли по др. паям.

³ См. там же, всеп. докл. Шипова от 18 ноября 1905 г.

от японского захвата, «как юридически частную собственность, но фактически собственность казны, ибо во всем деле не было участия частных лиц»¹. Но попытка Шипова обратиться с этим делом в Русско-Китайский банк встретила отпор: не только банк (в лице А. И. Вышнеградского) решительно отказался от какого либо участия в судьбе концессий Безобразова, но и тот же Вышнеградский, сидевший теперь в М. Г. Т-ве, за Т-во, сослался на то, что вмешательство в безобразовские дела только «скомпрометирует» вопрос о правах М. Г. Т-ва². Когда все же Шипов в феврале 1906 г. начал переписку об охране имущества Лесопромышленного Т-ва и даже о восстановлении его прав, как если бы оно продолжало существовать (а оно формально никаким актом не было до конца ликвидировано), тут-то, совершенно неожиданно, в дело и вмешался сам Николай. 14 марта 1906 г. министр финансов получил записку на маленьком листе почтовой бумаги: «передайте егермейстеру Ивану Петровичу Балашову имеющиеся в Министерстве Финансов документы (числом 60) относительно концессий Лесопромышленного Т-ва. В 1905 г. эти документы были представлены к.-адм. Абазою ст.-секр. Коковцову. Н.». А 15 марта документы, как и предприятия «составлявшие собственность казны», ушли из рук министра финансов. Разъяснилось же таинственное изъятие документов и похищение прав лишь спустя полгода, когда Балашов, прося Извольского не делать «никаких попыток к ограждению прав Русск. Лесопромышленного Т-ва на Фушуньские копи», сообщил, что «все наше лесопромышленное дело передано нами с высочайшего соизволения американцам»³. Действительно, 6 июля 1906 г. Абаза и Матюнин заключили у СПб нотариуса Забельского с американским гражданином Уильямом Смитом

¹ См. в д. № 213, два письма Абазы от 28 ноября 1905 г. Шипову и письмо Балашова Абазе от 18 ноября т. г. с приложением описи имущества.

² См. там же, письмо А. И. Вышнеградского Е. Д. Львову от 30 декабря 1905 г.

³ См. Б. А. Романов, «Витте и концессия на Ялу», стр. 455 — 456.

нотариальный договор о продаже своих прав на Фушуньские копи за 2 миллиона р. с тем, что, «если бы он до 1 июля 1908 г. условленной за копи суммы Т-ву не внес, то все его права на эти копи переходят к Т-ву обратно». Однако, хитрый ход этот не удался: Фушунь был прочно занят японцами, и Смит «не только к 1 июля 1908 г., но и в продолжение данных ему и уже истекших ныне [в 1914 г.] отсрочек» — как свидетельствовал Балашов, — «с Т-вом не рассчитался»¹.

Судьба предприятий Манчжурского Горнопромышленного Т-ва оказалась в конце концов тоже не лучше, хотя на выручку этому детищу «императорской» политики мобилизованы были все силы, находившиеся в распоряжении правительства. Дело с «денационализированием» Т-ва было пущено даже на двойной тяге. Если бы не отход Неплина, к июлю 1906 г. Т-во выглядело бы целиком иностранным, так как, кроме «американца» Бока, записанного на Путиловские пай, теперь введен был туда, вместо Ротштейна, и «баварец», из правленцев Международного банка, О. О. Вебер². Но одновременно продолжались и переговоры (через Вышнеградского и Вутерса) с бельгийской группой акционеров Монголора не только о прикрытии русских концессий лишней национальной маской, но и о действительном вложении капитала для широкой постановки их эксплуатации. Из всех концессий Т-ва больше всего соблазна представляли для бельгий-

¹ См. дело канцелярии м-ва имп. двора № 103, по описи № 194/2682, «переписка о Корее», письмо Столыпина к Н. Д. Оболенскому от 22 ноября 1907 г. и письмо И. П. Балашова С. Д. Сазонову от 16 июня 1914 г. в фонде Балашова, VI/8. Балашов просил Сазонова «довести до сведения японского правительства требования мои» — о возврате копей и о возмещении убытков начиная с 1904 г. Ср., с другой стороны, утверждение Вонлярлярского («Материалы для выяснения причин войны с Японией», стр. 201): «я знаю со слов Безобразова, что все приобретенные им концессии, как в Корее, так и в Манчжурии, он имел возможность продать с выгодой по заключении мира с Японией и вернуть все те затраты, которые им были сделаны». Но если бы здесь была бы хоть частица правды, то оставался бы вопрос: куда поступили вырученные суммы? Во всяком случае — не в ресурсы казны (см. Б. А. Романов, «Витте и концессия на Ялу», в «Сб. статей, посв. С. Ф. Платонову», Петр., 1923, стр. 456-457).

² См. всеп. докл. Коковцова от 14 июля 1906 г.

цев, разумеется, Фушунские копи, обещавшие теперь же верный доход; но именно с ними то и можно было предвидеть главную формальную трудность: до захвата их японцами они фактически эксплуатировались администрацией Китайской Восточной жел. дор., —признак, по которому они и были впоследствии подведены под действие ст. VI Портсмутского договора¹. Пока однако он не был еще опубликован, был момент, что бельгийцев совсем было уговорили приобрести «все Манчжурское Т-во немедленно за 1.000.000 р.» и принять «на себя весь риск, происходящий от того, что японцы, быть может, не захотят отдать Фушуна обратно». Вышнеградский, который накануне подписания Портсмутского договора вел эти переговоры в Париже, брал дело на скорость: суть сделки заключалась в том, что принимая на себя риск, бельгийцы расплачивались с русским правительством не наличными деньгами, а привилегированными акциями Монголора, но это «только в том случае, если бы [сделка] была проведена немедленно, до выяснения вопроса о Фушуне», в противном случае с бельгийцев грозили взять весь миллион наличными². Когда же мирный договор 1 октября был ратификован, а весь деловой мир отшатнулся от русского правительства на время, пока еще было неясно, в каком виде оно выйдет из революционного и финансового кризиса, то сделка оказалась уже невозможной на намеченных первоначально условиях. В июле 1906 г., неделю спустя после условной продажи Балашовым своей части Фушуна американцу Смитту, речь могла уже идти тоже только об условной продаже бельгийцам и концессий Манчжурского Т-ва. Теперь было ясно видно, что «современное финансовое положение России едва ли в близком будущем позволит затрачивать государственные средства на развитие горного дела в Ман-

¹ По этой статье все копи, принадлежавшие К. В. ж. д. или эксплуатировавшиеся в ее пользу в районе уступаемой Японии части Южно-Манчжурской ветви, переходили к Японии.

² См. в д. № 157 частное письмо А. И. Вышнеградского А. И. Путилову из Парижа от 23 августа/5 сентября 1905 г.

чжурии», и русскому правительству пришлось принять оговорку Монголора о праве его вернуть «все уступленные права», если в течение 2 лет Япония и Китай не признают за Монголором прав на Фушунские копи¹. Между тем, китайское правительство решительно отказывалось теперь признавать какую либо силу за концессиями, полученными русскими во время оккупации Манчжурии после 1900 г., и единственную концессию М. Г. Т-ва, безусловно свободную от каких либо притязаний со стороны Японии (Гуаньшаньскую), пришлось вернуть китайцам². Все же прочие концессии Т-ва оказывались расположенными к югу от той предполагаемой демаркационной линии сфер влияния России и Японии, переговоры о которой в июле 1907 г. привели к подписанию открытого и секретного русско-японских договоров³. В результате, уже в мае 1907 г. в министерстве финансов считали реализацию сделки с Монголором безнадежной, и в дальнейшем можно заметить только некоторые попытки дипломатическим путем добиться от китайского правительства удовлетворения русской «претензии» (в сумме 642 тыс. р.) на возмещение Китаем издержек Т-ва по концессиям, возвращенным Т-вом Китаю⁴. Справка о состоянии счетов Т-ва, составленная в 1915 г. показывает, однако, что эта претензия так и оставалась неудовлетворенной, само Т-во — неликвидированным, и «ссуда», выданная в свое время Государственным банком под пай Т-ва, — не погашенной⁵. Только здесь, разумеется, и речи не поднималось

¹ См. всеп. докл. Коковцова от 14 июля 1906 г. и в д. № 4 фонда Монголора договоры, подписанные между Монголором и М. Г. Т-вом 9 и 17 августа т. г.

² См. в д. № 51, ч. IV, докл. записку д-ра канц. М. Ф. от 23 мая 1907 г.

³ См. у Э. Д. Гримма, «Сб. дог. и др. док. по истории междунаро. отнош. на Д. Востоке», М., 1927, стр. 168 сл., договоры 17/30 июля 1907 г.

⁴ См. в д. № 106, ч. I-в, письмо Коковцова Сазонову от 27 сентября 1909 г. В указанную сумму вошли «непокрытые затраты» по концессиям Гуаньшаньской (114 тыс. р.) и Саньсинской (101 тыс. р.), и не вошли издержки по Фушуню.

⁵ См. там же, справку, подписанную Грауваном, как представителем М. Г. Т-ва. На тек. сч. Т-ва в Русско-Азиатском банке в Петрограде состояло на 1 января 1915 г. 41.509 р. и там же на тек. сч. К^о Хуасинли — 185.234 р. 50 к. (по справке на 1906 г. по тем же рубрикам значилось: 38.670 р. и 161.016 р.; см. справку в д. № 157).

о какой либо претензии по Фушуню к японцам, как то затеял было от имени Лесопромышленного Т-ва Балашов.

III.

Вопрос о ликвидации ампутированной Портсмутским договором Китайской Восточной жел. дор., оставшейся за Россией в виде магистрали и обрубка южно-манчжурской ветви от Харбина до Куаньчэнцзы, был неизмеримо сложнее уже по одному тому, что был связан с грандиозной финансовой сделкой, которая потребовала бы мобилизации иностранного капитала в размере не менее полумиллиарда рублей¹. Разговоры о «досрочном выкупе» Китайской Восточной жел. дор. в Пекине, правда, поднимались еще в 1905 г. как англичанами, так и американцами, предлагавшими китайскому правительству и деньги для этой цели². Но до Петербурга тогда об этом доходили лишь слухи, и, насколько знаем, никакого предложения в этом смысле к русскому правительству в то время не поступило. Оно и понятно: первостепенный интерес для иностранного капитала (да и для соответствующих правительств с политической точки зрения) представляла южно-манчжурская линия, и, прежде чем заговорить с Россией, надлежало договориться с Японией. Переговоры с Японией, действительно, начаты были «еще в 1906 г. вскоре после Портсмутского мира» американским железнодорожным королем Гарриманом, директором американ-

¹ На 1 января 1909 г. задолженность О-ва КВЖД. русскому правительству исчислялась в сумме 550.577.386 р. (в том числе: облигационного долга 275.414.025 р., ссуд 1903—1909 гг. 81.988.010 р., приплат по эксплуатации 1903—1904 и 1907—1908 гг. 54.112.495 р. и 1904—1906 гг. 66.115.829 р.).

² См. в д. № 214 тел. Давыдова из Пекина м-ру фин. от 23 июня 1905 г. о «принципиальном предварительном обмене мнений» между англичанином Вальтер Хиллиером и китайским правительством о «займе на предмет выкупа К. В. ж. д.»; в д. № 105, ч. II, депешу Покотилова м-ру ин. дел. от 18 октября 1905 г. о предложении, поступившем «от американских капиталистов» к Нанкинскому ген.-губернатору «ссудить Китаю сумму, необходимую для выкупа манчжурских ж. д.».

ских «Union Pacific» и «Southern Pacific», владевшим железнодорожными бумагами на 154 миллиона долларов; но переговоры кончились тогда же ничем, и Россия осталась в стороне¹.

Даже если бы рассматривать продажу Китайской Восточной жел. дор., как чисто коммерческую операцию, то и тогда выступать с подобным предложением на международном рынке по собственному почину означало бы для русского правительства итти заведомо или на полный провал или на невыгодную сделку. Но вопрос о ликвидации Китайской Восточной жел. дор. для русского правительства был тогда и вопросом политическим, хотя бы уже по одному тому, что магистраль Китайской Восточной жел. дор. была единственной «нитью», — как бы ни легко ее теперь было «прервать» — связывавшей империю с тихоокеанскими ее владениями. До постройки Амурского звена Сибирского пути о ликвидации Китайской Восточной жел. дор. поэтому нечего было и думать. Еще до войны Куропаткин внушал Николаю, что «нам придется продолжить дорогу от Сретенска до Хабаровска», и в роспись на 1905 г. было уже включено ассигнование в 700.000 р. на предварительные изыскания Амурской линии. Правда, осенью 1905 г., при сокращении бюджета, ассигнование это было аннулировано, но весной 1906 г. вопрос о скорейшем производстве изысканий был срочно поставлен на очередь, к постройке же, за полным отсутствием средств, была мысль привлечь иностранных концессионеров, в частности американцев. Поскольку, однако, дело с образованием «частного общества» для этой цели не удавалось, в неизвестное будущее откладывалась и постройка дороги, рассчитанная на 5 лет и на капитал в 130 мил. р.² И русской дипло-

¹ См. в д. № 214, письмо Г. Виленькина Коконцову от 9/22 февраля 1909 г. Вопрос тогда ставился о «совместном контроле и управлении южно-маньчжурской дороги Японией и американским синдикатом». Проект этот был одобрен Ито и Кацурай, но дело разбилось о сопротивление Комуры (см. там же письмо Шиффа к Виленькину от 4 декабря 1908 г.).

² См. «Дневник» Куропаткина, «Кр. Архив», т. 2, стр. 50: 5 августа 1903 г. Николай «согласился» с Куропаткиным, «что нам придется продолжить дорогу от Сретенска до Хабаровска». — Ср. в д. № 4, 1903 г., Секретарской части

матии приходилось на Дальнем Востоке считаться со всеми последствиями, вытекавшими из самого факта сохранения за Россией господствующей в Северной Манчжурии стратегической линии и разрастающегося под защитой русской военной силы железнодорожного селъмента¹.

По началу в Петербурге пробовали остановиться на мысли сделать вид, как будто ничего особенного не случилось и в положении Китайской Восточной жел. дор. произошли только те перемены, которые были точно оговорены между Россией и Японией в Портсмутском договоре, т. е. уменьшение ее размеров и запрещение пользоваться ею в стратегических целях. По отношению же к Китаю предполагалось возможным вернуться к «мирным» принципам 1896 г. и положить в основу дальнейшей политики Китайской Восточной жел. дор. основной контракт со всеми последующими дополнительными соглашениями, какие успело заключить с китайским правительством это «частное» железнодорожное общество. Образованное в 1906 г. в Петер-

К. М. Ф., письма американца Ч. Мейера к Дорлиаку от 8/21 октября 1905 г. и 16/29 марта 1906 г. и Дорлиака к Ч. Мейеру от 18/30 мая и от 1/14 сентября 1906 г. Ч. Мейер высказывал не только желание «предпринять постройку Амурской ж. д. как можно скорее» и закончить ее в 5 лет, но и «посвятить себя» «программе развития» России «на 5 ближайших лет», почему весной 1906 г. его и интересовали «виды на удачное прохождение серьезных дел в СПб», куда он собирался приехать в июне 1906 г. Дорлиак, с своей стороны, держал Мейера подробно в курсе как вопроса об Амурской дороге, так и вообще «серьезных дел», ждавших иностранного капитала (напр., Керченские заводы, Невский завод), и в курсе слухов, способных возбудить ревность американца («говорят в городе, что в Берлине образован англо-франко-бельгийский синдикат для покупки всех металлургических предприятий в Польше», письмо 1/14 сентября 1906 г.). Весной 1906 г. русское правительство, по словам Дорлиака, вело переговоры с М. W. Jackson'ом о соединении Балтийского и Черного морей и об Амурской ж. д. Но Jackson ставил условием отчуждение слишком «большой площади земли по обе стороны от жел. дороги», и предложение его было отвергнуто. Осенью 1906 г. Мейеру сообщалось уже о четырех иностранных предложениях образовать «частное общество» для постройки Амурской дороги, из них два были связаны с американским капиталом («Messrs Harrington, Gould and Co» и «Loicq de Lobel's American Syndicate»).

¹ Уже по окончании войны, в 1906 г., местное управление К. В. ж. д. возобновило скупку земель в районе дороги и в один год успело купить 140 тыс. десятин (см. всел. докл. Коковцова о поездке на Д. Восток осенью 1909 г.).

бурге «Особое совещание для рассмотрения вопросов, касающихся деятельности Об-ва Китайской Восточной жел. дор.» и приступило к разработке таких законодательных актов, которые, оставаясь нераспубликованными «во всеобщее сведение», должны были регулировать положение русского селъмента явственно в ущерб суверенитету Китая¹. Но первая же попытка в этом стиле — введение положения о гражданском управлении в полосе отчуждения дороги — вызвала протесты китайского правительства и не встретила признания и со стороны иностранных держав, поскольку задевала интересы иностранцев, пожелавших, естественно, сохранить свою экстерриториальность в районе русской дороги, на тех же основаниях, как и в остальном Китае. Русско-китайские отношения вокруг Китайской Восточной жел. дор., как только обнаружилась описанная тенденция русского правительства, впали в состояние затяжного и все остроящегося конфликта, ежедневно тормозящего коммерческое развитие дороги и толкавшего русскую дипломатию на беспомощные шаги, которые только еще больше усложняли ее положение². Чем слабее было, при этом, военное положение России вообще и на Дальнем Востоке в особенности, и чем больше

¹ См. фонд Совета Министров, журналы «Особого Совещания» 25 июля 1906 г. (об организации и составе жел.-дорожных частей на линии К. В. ж. д., в частности о низведении численности их до норм Портсмутского договора, 15 чел. на километр), 17 октября 1906 г. (об организации почтовых сношений по К. В. ж. д.), 17 и 24 октября 1906 г. (об устройстве гражданского управления на территории К. В. ж. д., в частности об общественном управлении в поселениях по линии дороги «по образцу русских и иностранных селъментов на Д. Востоке»), 20 марта 1907 г. (о коммерческой и тарифной политике К. В. ж. д.: «ни в коем случае не содействовать обрабатывающей промышленности Манчжурии» и принять все меры к поощрению русского ввоза в Манчжурию), 20 марта 1907 г. (об организации полицейского надзора по линии К. В. ж. д., «действующего от имени Об-ва», но «с подчинением» «служебной деятельности» его — «руководительству» м-ра внутр. дел), и т. д.

² См. журнал Особого Совещания от 28 июля 1909 г.: когда представители С. Ш. А., Англии и Германии «выразили сомнение в правомерности обложения частного об-ва полномочиями публичного характера», русской дипломатией «сделана была попытка к выяснению [в Пекине] возможности замены концес-

было признаков роста национального движения в Китае и реорганизации его вооруженных сил, в частности на территории Манчжурии, тем вероподобнее становилось охватывавшее русскую дипломатию «опасение», «что отстоять право управления в полосе Китайской Восточной жел. дор. за обществом этой дороги невозможно без риска вызвать войну»¹. Но и без того, бессмысленность упорства в этом направлении день ото дня становилась очевиднее. «Путем бесконечных придирок, мелких вторжений в сферу принадлежащих нам прав, всевозможных репрессалий и других проявлений возведенного в систему активного недоброжелательства китайцы несомненно в немалой мере способствовали тому, что» — как замечали в русской миссии в Пекине — «развитие торговли и промышленности нашей в Северной Манчжурии остановилось, что грузооборот Китайской Восточной жел. дор. не прогрессирует, что приток в край русских пионеров сократился», что (как жаловался Коковцов) «создается невозможное положение, при котором все расчеты Общества Китайской Восточной жел. дор. нарушаются и оно лишается возможности извлекать выгоды из своего предприятия», — и даже больше: управляющий дорогой Хорват утверждал, что «результаты образа действий китайцев в С. Манчжурии равносильны для нас трудно поддающимся точному учету, но во

сии 1896 г., выданной об-ву К. В. ж. д., правительственной концессией, подобно тому, как это предполагалось при самом начале сооружения» К. В. ж. д. Как и следовало ожидать, «предположение это встретило, однако, решительные возражения со стороны Китая, а, вместе с тем, действия китайских властей стали принимать все более и более враждебный к нам характер, выразившийся в ряде столкновений с администрацией К. В. ж. д.».

¹ При этом м-во ин. дел «в переписке своей по этому предмету с м-вом финансов неоднократно указывало на К. В. ж. д., как на основной источник «недоразумений» с Китаем и «прочими иностранными державами». См. журнал Ос. Сов. 28 июля 1909 г. — К началу 1909 г. реорганизуемая китайская армия («современные войска») была доведена, в 10 дивизиях и 16 бригадах, до 175.000 чел. К 1913—1914 г. ее предполагалось довести до 400.000 штыков (см. отчет Ф.-Гойера м-ру фин. о поездке в Японию в апреле 1909 г., от 28 мая 1909 г., в д. канц. Сов. М-ров № 106).

всяком случае громадным убыткам»¹. Китайская Восточная жел. дор. в том виде, как она была задумана и осуществлена при Витте, становилась для России после японской войны чрезвычайно обременительным грузом во всех отношениях. «Весь образ действий» России и после войны «решительно ничем» не давал китайцам понять, «что от прежних замыслов наших касательно захвата Северной Манчжурии мы ныне отказались», и русским дипломатам в Пекине приходилось по любому поводу в бессилии останавливаться «перед китайскою *idée fixe*»: «Китайская Восточная жел. дор. посягает на суверенитет Китая»². Продолжать такую политику только на свой риск и страх, «отдельно от других стран», как хотел было Николай³, оказывалось невозможным тем более, что положение, занятое на Азиатском материке после войны Японией, в сущности отнимало у России всякую возможность независимой активной политики.

Правда, секретное политическое соглашение с Японией 17/30 июля 1907 г., рассматриваемое совокупно с англо-японским союзным договором 30 июля/12 августа 1905 г. и франко-японским соглашением от 10 июня 1907 г., как будто ясно согласовало обоюдные интересы и права России и Японии в Манчжурии, Корее и Монголии и установило совершенную незаинтересованность Японии в Северной Манчжурии, начиная от линии Хуньчунь — Биртэн — Сунгари — устье Нонни. Но все доведения русских дипломатических представителей из Кореи, Токио и Пекина единогласно свидетельствовали о том, что Япония с величайшей поспешностью и систематичностью проводит подготовку новой войны, обращая Южную Манчжурию и Корею в ее плацдармы и хинтерланды с приспособленными к наступлению в северном направлении железнодорожными линиями, складами

¹ См. записку первого секретаря миссии в Пекине Б. Арсеньева «о политических правах и положении К. В. ж. д.» от 22 декабря 1908 г. (мы пользовались ее копией, в фонде Плавсона).

² См. ту же записку.

³ Ср. выше, стр. 29, прим.

военных припасов, арсеналами, лагерями и т. п.¹. К весне 1909 г. создавалось положение, при котором Япония могла в течение первых двух недель по открытии военных действий против России явиться в Приамурском крае в количестве 11 дивизий, ликвидировав в несколько дней Владивосток, совершенно неспособный к защите ни с суши, ни тем более с моря². И русские дипломаты прекрасно отдавали себе отчет, что занятая Японией в русско-китайских осложнениях благоприятственная России позиция, при описанном положении, могла означать не более, как составной элемент политической программы, имевшей целью втравить Россию в вооруженное столкновение с Китаем, которое дало бы легкий повод Японии совсем удалить Россию с океанского побережья³. Русские представители продолжали отмечать «в высшей степени любезные, предупредительные и радушные отношения японцев», которые «по прежнему не щадили усилий, чтобы расположить русских к себе», но, сопоставляя их со «спешными вооружениями против русских же», они сознавались, что «невольны милые отношения эти начинают казаться мимолетными»⁴.

При таких условиях неудивительно, что мысль о том, как бы не упустить времени, чтобы «с честью» удалиться из Манчжурии, пока это можно было еще сделать и без материальных потерь, все настойчивее искала себе доступа в политическую программу русского правительства. В июне 1908 г. в Думе прошел законопроект о приступе к постройке Амурской жел. дор. средствами казны, в полном ходу были переговоры с французскими и лондонскими банками о новом франко-английском

¹ См. в д. № 106 канц. Совета М-ров, собранную там переписку русских представителей в Сеуле, Токио и Пекине, 1907 — 1909 гг., *passim*.

² См. журнал Ос. Сов. от 14 апреля 1909 г., заявление Унтербергеря. В 1909 г. Япония располагала уже «почти миллионною армией» (см. в д. № 106 канц. Совета М-ров, рапорт военного агента в Японии от 9 октября 1909 г.).

³ См. цит. записку Б. Арсеньева от 22 декабря 1906.

⁴ См., напр., депешу Сомова из Сеула от 29 августа 1909 г. в д. № 106, канц. Совета М-ров.

займе, который не только должен был покрыть всю сумму краткосрочных обязательств 1904 г., но и давал некоторый остаток (136 милл. р. действительных) в свободное распоряжение русского правительства, и это-то и делало мысль об отступлении в вопросе о Китайской Восточной жел. дор. до известной степени реальной. Если не ошибаемся, первый робкий шаг в этом направлении предложен был Коковцовым — в форме такого сокращения численности охранной стражи на линии дороги, которое дало бы понять китайцам отсутствие у России агрессивных замыслов в С. Манчжурии¹. Предложение это затем всецело было поддержано из Пекина (в цит. записке Арсеньева) и дополнено советом теперь же заявить Китаю «о решении нашем ликвидировать, в течение известного определенного срока принадлежащее нам в С. Манчжурии предприятие»². Одновременно и м-во ин. дел в Петербурге выступило, в порядке предварительного обсуждения, с предложением заключить «тройственное соглашение с Америкой и Китаем» «по всем вопросам, касающимся не только Манчжурии, но и общего положения дел на Тихом океане» — на основе «полного невмешательства администрации Китайской Восточной жел. дор. в управление возникшими в по- лосе отчуждения городами и поселениями, которые должны управляться по правилам иностранных селъментов»³. А уже 17/30 января 1909 г. Коростовец, в Пекине, был «крайне ошеломлен» переданным ему через инспектора морской таможни, англичанина Р. Бридона, предложением м-ра ин. дел Лянь Ду- ниена выкупить Китайскую Восточную жел. дор.⁴. И, наконец,

¹ См. письмо Коковцова к Столыпину от 30 октября 1908 г. № 708. Оно было обсуждено в Ос. Сов. только 14 апреля 1909 г. и предложение Коковцова было тогда отвергнуто — «до окончания постройки Амурской жел. дор.».

² См. цит. записку Арсеньева от 22 декабря 1908 г., На ней пометка Нико- лая: «придется вскоре взяться за разрешение этого важного вопроса. Записка написана отлично».

³ См. записку м-ва ин. дел (без подписи) от 14 декабря 1908 г. (копия в фонде Плансона).

⁴ См. в д. № 214, тел. Коростовца от 17/30 января 1909 г.

19 января Коростовцу была вручена нота Цина, заключавшая в себе официальное предложение Китая в этом смысле с выражением уверенности, что русское правительство ответит согласием и что «таким образом будут разрешены все вопросы, касающиеся дороги и дружба обоих государств упрочится»¹.

Нет сомнения, что выступая с этим предложением китайское правительство имело за своей спиной американских капиталистов. Но есть указание, что эти последние были вовлечены в дело самым русским правительством. Летом 1908 г. в Петербург приезжал агент м-ва финансов в Вашингтоне Виленкин, через жену-американку имевший связи с американскими банковскими сферами, и с ним, может быть по его же инициативе, у Коковцова было обсуждено два вопроса: о привлечении еврейского банкирского дома Кун, Лэб и К^о к русским финансовым операциям и о согласовании с Японией вопроса об одновременной продаже южно-маньчжурской и Китайской Восточной жел. дорог «международному синдикату». В дело был посвящен и Извольский, и в дальнейшем Виленкин действовал с «одобрения» обоих министров. По приезде в Нью-Йорк Виленкин «имел два свидания с Яковом Шиффом, главою банкирского дома Кун, Лэб и К^о», и, «убедившись, что его знакомство с еврейским вопросом в России односторонне», уговорил Шиффа самому приехать в Петербург, чтобы «составить себе полное понятие о положении интересующего его вопроса»: Шифф дал даже письменное согласие, если Коковцов пригласит его, приехать в Петербург «для совместного обсуждения» вопроса об открытии американского рынка для помещения русских займов, — «при условии, что русское правительство будет согласно обсудить вопрос о снятии ограничений русских евреев с целью уравнивания их прав с прочим населением»². Повидимому, дело с поездкой Шиффа не возымело

¹ См. там же, тел. Коростовца от 21 января 1909 г.

² См. там же, письма Виленкина Коковцову от 15/28 сентября из Нью-Йорка и от 21 ноября/4 декабря 1908 г. из Лондона, и копию письма Шиффа Виленкину от 8 октября н. с. 1908 г.

дальнейшего движения и приглашения со стороны Коковцова так и не последовало. Но, немного спустя, в конце ноября 1908 г. Шифф вовлечен был в финансовые интересы русского правительства «приманкою» не просто «промышленных заказов», как то чуть не случилось с Морганом в 1905 г., если бы ему не было тогда отказано в этой «приманке», или уравнивания в правах евреев, без чего Шифф и слышать, казалось, не хотел о финансовой помощи царскому правительству, а приманкою уступки колоссального по размерам и вложенному капиталу железнодорожного предприятия и связанных с ним широких коммерческих, финансовых и политических перспектив. Виленкин именно к Шиффу обратился с предложением «взять на себя инициативу реализации проекта» выкупа манчжурских железных дорог посредством выпуска гарантированных облигаций, т.-е., как выразился Шифф, проекта «интернационализации обеих манчжурских дорог». Оба, Виленкин и Шифф, «первым и главным условием успеха этого проекта» считали «согласие Японии принять в нем участие и согласиться на продажу южно-манчжурской дороги», и именно при этом условии, то-есть что «Россия и Япония будут действовать совместно», Шифф и соглашался взять на себя инициативу в устройстве «синдиката, который хотя бы номинально находился в американских руках» — «если только условия будут разумны». В декабре 1908 г., когда шли эти переговоры, расчет строился относительно Японии на бар. Гото, м-ра путей, с которым разговоры начались у Виленкина еще в июле, и на директора Японского банка Тагаками, который обещал свое содействие Шиффу¹. Параллельно с начатыми таким образом

¹ См. там же, письма Виленкина Коковцову от 21 ноября/4 декабря и 1/14 декабря 1908 г., письмо Шиффа Виленкину от 4 декабря т. г. и его же телеграмму от 8 декабря. Виленкин подчеркивал, что «это было бы первым шагом со стороны б. дома Кун, Лэб и К^о к принятию участия в русских финансовых операциях» и что это «развяжет руки еврейским фирмам, которые до сих пор считали себя морально связанными», и «таким образом мы без всяких условий, касающихся еврейского вопроса в России, приобретем участие этих фирм».

уже трехсторонними переговорами только американская сторона и могла (и должна была) войти в сношения с китайским правительством; а оно поспешило выступить перед русским правительством с официальным предложением досрочного выкупа Китайской Восточной жел. дороги (19 января 1909 г.), не дождавшись завершения этих переговоров.

Но именно теперь, когда казалось бы русская сторона была близка к благополучной развязке предпринятого ею дела, оно приняло совсем другой вид — за решительным отказом Японии «предпринимать что либо с манчжурской дорогой». В промежутке Япония успела реализовать на Лондонском рынке южно-манчжурский заем в 2 миллиона фунтов стерлингов, дававший ей возможность вообще «не спешить», а в Китае успели совершиться такие «политические события», как смерть вдовствующей императрицы Цзы Си (15 ноября) и падение Юань-Шикая (2 января), которые побуждали токийское правительство «терпеливо ожидать развития дальнейших событий»¹. Правда и Шифф и его соратник Гарриман попрежнему готовы были «войти в переговоры [с Россией] о приобретении для Китая Китайской Восточной жел. дор.», независимо от того, как кончится дело с южно-манчжурской линией. Но и в Петербурге, вслед за Японией, видимо, решили не спешить и «занять строго выжидательное положение, с тем, чтобы инициатива сделки исходила не от русского правительства или какого либо его агента», и Виленкину было предложено «приостановить всякие переговоры с американскими капиталистами и предоставить это дело его естественному течению, в ожидании что иностранные капиталисты или китайское правительство сами обратятся к нам с разумными предложениями»². А пока Китаю дан был «благоприятный ответ», что Россия «в принципе не отвергает его предложения, полагая,

¹ См. там же, письмо Виленкина Коковцову из Токио от 9/22 февраля 1909 г.

² См. там же письмо Коковцова Виленкину от 9 марта 1909 г.

однако, что оно могло бы быть осуществлено не ранее постройки Амурской ж. д.»¹.

Между тем, Япония не только не думала об отказе от своей части южно-манчжурской линии, но летом 1909 г. проявила такую активность в Южной Манчжурии (ультиматум Китаю 30 июля и соглашения 22 августа об Аньдун-Мукденской и Хорьен-Гириньской жел. дор., о территории Кандо и о закреплении фушуньских и яньтайских копей за японцами), которая вызвала взрыв негодования в заинтересованных американских кругах и выдвинула там мысль о «необходимости сговориться с Россией в виду угроз Японии самостоятельности Китая вопреки соглашениям»². Когда американская дипломатия, в начале ноября 1909 г., выступила в Петербурге с убеждениями «о необходимости для России идти в манчжурских делах рука об руку с Соединенными Штатами» и Рокхиль предложил Извольскому «комбинацию», которая должна была бы поставить «окончательный и так сказать международный предел дальнейшим захватам со стороны Японии», то это оказался все тот же план «коммерческой нейтрализации манчжурской сети жел. дорог», который ровно год назад предложен был еще Виленькиным. Но даже если бы нейтрализация Манчжурии проведена была «формальным образом» и в военном отношении, как предложил Извольскому Рокхиль, то и это не решало бы еще проблемы неприкосновенности тихоокеанских владений России от покушений Японии: наоборот, «можно» было «даже опасаться», что Япония, «потеряв под давлением извне свое преимущественное положение в Ю. Манчжурии, будет искать вознаградить себя на наш счет» в Приморской области, — на что и указал Извольский американскому послу³. Когда же, в тот же день «тотчас после Рокхилья»

¹ См. журнал Ос. Сов. 28 июля 1909 г.

² См. тел. Сомова из Сеула от 29 августа/11 сентября 1909 г., с пометкой Николай: «Наконец!» (архив революции и внешней политики в Москве, карт. всеп. докл. 1909 г.).

³ См. там же, всеп. докл. Извольского 8 ноября 1909 г.

к Извольскому явился Мотоно с предложением превратить существующие между Японией и Россией отношения в «формальный союз», перед которым «должны будут преклониться не только Китай, но и все другие державы», с тем, чтобы Россия могла, «опираясь на Японию, смело отстаивать принадлежащие Об-ву Китайской Восточной жел. дор., в силу контракта 1896 г., права», и когда, таким образом, русская дипломатия была поставлена перед «необходимостью» «ныне же избрать *окончательный* путь для нашей дальневосточной политики», — для Николая «лично» был уже «совершенно ясен путь, который России следует теперь избрать: это вступление с Японией в теснейшее соглашение». — Этот путь, в перспективе, действительно вел, как отметил Извольский, к «совместной русско-японской опеке над Манчжурией и даже над всем Китаем, в противоположность стремлениям Америки и западно-европейских держав»¹. На ближайшее же будущее подобное соглашение прежде всего обеспечивало России тыл на случай обще-европейской войны.

Другой путь, указанный Рокхилем, вел не только к «нейтрализации Манчжурии под опекой Америки и западно-европейских держав»: он мог открыть, наконец, царскому правительству доступ на американский денежный рынок. Осторожная попытка Коковцова зондировать почву в этом направлении у самого Шиффа была предпринята летом 1908 г. параллельно с переговорами об очередном антантовском займе для уплаты военных долгов и для постройки Амурской ж. д. и свидетельствовала, как будто, о намерении расширить финансовую базу самодержавия, чтобы избавиться от необходимости ставить его финансовые операции и политику в исключительную зависимость от англо-французского банкового капитала. Именно когда Виленкин вел порученные ему переговоры в Нью-Йорке, притязательность

¹ См. тот же доклад 8 ноября и помету на нем Николая.

Французского правительства доводила «иногда» Коковцова до мысли, «что сознание Францией ее богатства и убеждение, что Россия не может обойтись без ее золота, порождали [в французских правительственных кругах] странный взгляд, что Россия не должна делать у себя то, что ей наиболее полезно и выгодно, а должна предварительно осведомляться, одобряется ли то или иное мероприятие чисто внутреннего порядка той или иной группой, являющейся в данный момент, по своему влиянию, наиболее могущественным фактором в политической жизни Франции», — и Коковцову, «несмотря на все свое спокойствие и хладнокровие», приходилось официально напоминать в Париж, что «союз и дружба не суть синонимы ига и рабства»¹. Принимая решение в пользу «теснейшего соглашения» с Японией в момент, когда уже благополучно кончилась эта нелегкая «комедия» с заключением займа в 525 мил. р. номинальных и налицо были уже и урожай и признаки долгожданного промышленного подъема, правительство Николая вторично упускало случай завязать деловые отношения с финансовой аристократией С. Ш. А.². В Царском Селе взяло верх искушение принять упорно навязываемый Японией союз и вернуться к активной политике на Дальнем Востоке — пока хотя бы в тех пределах, какие отводились России консорциумом ее империалистских «друзей».

¹ См. д. № 1 1908 г. Секретар. части КМФ, письмо Коковцова Рафаловичу от 31 августа—13 сентября 1908 г. Коковцов имел здесь в виду представление, сделанное главой французского правительства Извольскому по поводу слуха о заказе Россией военных судов в Германии.

² См. там же письмо Коковцова Ревельстоку от 22 августа—4 сентября 1908 г. о том, что ему «стоило больших усилий» заставить французское правительство согласиться, что «условия, в которых действительно находится сейчас русский кредит, далеки от тех, какие были в апреле 1906 г.», и о том, как протекала «комедия» переговоров в Париже.

Указатели и приложения

УКАЗАТЕЛИ.

1. Личный ¹.

Абаза А. М., 23, 24, 46, 51, 335, 389, 392, 397, 407, 411, 432, 433, 436, 437, 442, 443, 448, 450, 452, 457, 460, 461, 463—465, 497, 507, 548—551. Александр III, 52, 53, 56, 62, 63, 64, 475, 484. Александр Михайлович, в. кн., 384, 385, 386, 389, 394, 396, 397, 399. Алексеев Е. И., 24, 37, 38, 46, 51, 249, 252—254, 258, 264, 266—268, 272, 314, 347, 371, 406, 408, 409, 421, 423, 429—431, 433, 435, 437, 439, 441—443, 447, 448, 454, 456—460, 497, 507, 546, 547. Алексеев К. А., 152, 155, 156, 159, 177, 178, 179, 207, 208, 331, 333, 337, 339, 342, 343, 347, 364, 424. Алексеев Я. Г., 162. Алексей Александрович, в. кн., 69, 71, 72, 74, 76, 77, 407, 436, 448, 518. Альберт М. О., 386, 389, 397. Альвенслебен Г., гр., 333, 338, 347, 353, 356—358, 360, 488, 506. Андреев, ген., 546. Аоки, 421. Апраксин, гр., 372. Арко, гр., 498. Арсеньев Б. К., 560—562, 564. Асташев Н. В., 372, 376, 380. Бадмаев П. А., 61—64, 82—84, 108. Балашов И. П., 23, 389, 405, 432, 447, 450—454, 458—460, 464, 477, 548, 550—553, 555.	Балмашов С. В., 403. Бальфур Артур-Джемс, 477. Баррер Камилл, 477. Баш (Bush), 84, 102—104, 137, 138, 211. Безобразов А. М., 18, 20—24, 44, 46, 51, 178, 362, 385, 387, 388, 391—411, 428—433, 437—439, 442—444, 448—461, 492, 551. Беляев Я. П., 389. Бенак (Benac), 514, 515. Бенардаки К. Д., 591. Бенкендорф А. К., гр., 426, 427, 448, 518, 531. Берг К. В., 382. Бернсторф, гр., 525. Бецольд, 477. Богданов Н. Н., 591, 599. Бок П. А., 382, 550, 552. Бомпар М., 476, 488, 494, 514, 515, 542. Бридон Роберт (Bredon), 562. Бринер Ю. И., 178, 385, 386. Брис Ренз, 90. Бродский Л., 599. Броун Леви, 141, 155, 177, 178, 179. Броун де Тьеж А., 599. Буржуа Леон, 535. Бутирон, 331. Бюлов, Бернг., гр., 181, 188, 210, 256, 282, 308, 352, 357, 358, 360, 361, 363, 478, 488, 490, 491, 495—502, 504, 506, 507, 509, 512—514, 516, 519—525, 530.

¹ Сюда не включены имена из нижеприведенных алфавитных списков акционеров Рос. Зол. О-ва и Монгогора (стр. 591 сл. и 602 сл.).

- Вальдерзэ Альфр., гр., 258—260, 278.
 Вандербилт Корнелий, 474.
 Ванновский П. С., 67, 68, 72, 74, 76.
 Вань Вэньшао, 329, 341, 345, 348, 381.
 Варгунин К. А., 482, 591, 593, 599.
 Вебер К. И., 149, 159.
 Вебер О. О., 552, 599.
 Вернейль (Vernueille), 510, 511, 541, 544, 545.
 Верстрат М., 485—487.
 Верт А., 91, 178, 485.
 Виленкин Гр. А., 556, 563—566.
 Виллар Л., 591.
 Вильгельм II, 15, 60, 79, 80, 81, 180—186, 210, 213, 253, 255, 259, 261, 294, 338, 352, 356—362, 364, 479—481, 483, 489, 490, 495—499, 501—509, 513, 516, 517, 519—525, 531, 537, 538.
 Витте С. Ю., 4, 12, 18, 20—24, 37, 39—51, 54—68, 72—80, 82—85, 87—92, 94, 96—101, 103, 106, 108—119, 122—126, 128, 131—135, 138, 144, 146—161, 167—179, 186—203, 210, 211, 216—239, 243—253, 257—267, 271—294, 296—303, 309, 312—350, 352, 354, 357, 359, 361—363, 366—379, 382—383, 390—419, 424, 425, 428—440, 443—446, 449, 450, 455, 458, 463, 464, 467, 470, 472, 476, 480—489, 492, 495, 498, 511, 514, 519, 520, 523—534, 538, 541, 560, 600, 601.
 Владимир Александрович, в. кн., 518.
 Владимиров, 91.
 Вогак К. И., 66, 143, 152, 262, 410, 429, 451, 453—458.
 Вонярярский В. М., 385, 389, 397, 399, 406, 432, 453, 461—463, 548.
 Воронцов-Дашков И. И., гр., 385, 387, 389—394, 399, 411, 412, 489.
 Врангель Н. Е. бар., 593.
 Вуильмон (Vouillemon), 91.
 Вутерс (Wouters d'Oplinter), 547, 552.
 Вышнеградский А. И., 547, 550—553.
 Вышнеградский И. А., 52—55, 475.
 Вэнь, 375.
 Ганото Габр. (Hanotaux), 184, 200, 485.
 Гарриман Эдвард-Генри (Harriman), 555, 565.
 Гацфельдт, гр. (Hatzfeldt), 185, 200, 308, 309, 310.
 Гаяси Т., 147, 308, 309, 311, 312, 316, 317, 330, 338, 498.
 Гейкинг, бар., 182, 185, 191.
 Гендриков В. А., гр., 389, 397, 548.
 Генрих, принц Прусский, 254, 255, 358, 362.
 Герягросс А. А., 280.
 Гессе П. П., 405, 548.
 Гинцбург Г. Г., бар., 399, 401, 451.
 Гинцбург Г. Е., бар., 591.
 Гирс М. Н., 53, 248, 262, 264, 273, 277, 278, 282, 283, 301, 302, 317—321, 324, 325, 600, 601.
 Гирс Н. К., 66.
 Гиршман Г. Е., 267.
 Гогенлоэ Хлодвиг, кн. (Hohenlohe), 88, 181—186.
 Ф.-Гейер Л. В., 34, 559.
 Гольдштанд И., 599.
 Гольштейн Фриц (Holstein), 310, 473, 490, 501, 504, 520, 522, 523.
 Госкье (Hoskier), 89.
 Гото, бар., 564.
 Готтингер Жозеф (Hottinguer), 89, 91, 487, 511, 512.
 Грауман Л. Ф., 382, 554.
 Гриль, франц. инж., 151.
 Гродеков Н. И., 272.
 Ф.-Грот В. Ю., 108, 110, 117, 118, 149, 193, 239, 599—601.
 Грэй Эдвард, 535.
 Гэй Джон (Hay), 16, 19, 304, 343, 345, 352, 422, 473.
 Ф.-Гюббенет А. Я., 54, 82.
 Давидов А. А., 382, 593, 599.
 Давыдов Л. Ф., 377, 555, 601.
 Дашков П. Я., 389.
 Дековиль П. (Desauville), 474—475.
 Делонкль Франсуа, 476.
 Делькассэ Т., 257, 258, 331, 476, 477, 485—487, 510, 516.
 Ден А. Е., 381.

Джаксон (M. W. Jackson), 557.
Дидерихс, герм. адм., 183.
Дмитриев-Мамонов А. Э., 451, 452, 458.
Доризон (Dorizon), 545.
Дорлиак Л. Ф., 513, 544, 557.
Дрезмейер, агент Р.-Кит. б. в Ман-
чжурии 373.
Дуань, принц, 247, 264.
Дурново П. Н., 447.
Духовской С. М., 97—100, 103, 131, 137.
Дэв П. (Deves), 474.
Дюбайль Жорж, 91.

Емельянов, золотопром., 372.
Ефрон И. А., 593.

Жерар Огюст, 93, 102, 120.
Жермен (Germain), 490.
Живатовский, подрядчик, 453.
Жуйань, 267.

Забельский, нотариус, 551.

Игнатъев А. П., гр., 460, 465, 548.
Игнациус С. В., 162, 163, 280.
Извольский А. П., 33, 302, 306, 322, 342,
343, 347, 356, 364, 535, 536, 546, 551,
563, 566.
Иогансон К. М., 382.
Ирвинг, доктор, 108.
Ито Хирубими, кн., 316, 330—340, 343,
351, 398, 480, 556.

Базарин А. И., 381.
Калистратов А. Е., 449.
Камбон Пьер, 359, 477.
Кан А., 599.
Капнист Д. А., гр., 68, 97—99.
Кассини А. П., гр., 84, 95, 99, 101—105,
108, 109, 138, 150, 180, 243, 244, 302,
304, 305, 342, 343, 346, 422, 517.
Кацура Тароо, кн., 316, 556.
Квевинский, воен. ком. в Мукдене, 458.
Кербедз С. И., 162, 163, 166, 178, 246,
280, 599.
Кестлин И., 599.
Ф.-Кеттлер, 248, 255.

Кимберлэй, лорд., 11, 69.
Киндер, англ. инж., 99, 100, 173.
Кларксон, 546, 547.
Козловский В. И., кн. 389.
Кокновцов В. Н., 27, 49, 461, 463—470,
493, 494, 496, 499, 500, 508, 509,
511—515, 519, 520, 525—532, 534,
535, 537, 538, 541—545, 547—554,
556, 557, 559, 562, 563, 565, 601.
Кольберг Г. А., 593.
Комура Ютаро, бар., 322, 328, 424, 425,
448, 556.
Конджер Эдвин (Conger), 30, 259, 422.
Копытов Н. В., 82.
Коростовев И. Я., 267, 268, 562, 563.
Костылев Н., 599.
Кох А. Ф., 178, 237, 238, 599.
Кремер О. К., 69.
Кристи Г. И., 389.
Кротков Н. Н., 372.
Крузе Ф. М., 397.
Крэнборн, лорд, 426.
Куазо Л. (Coiseaux), 474.
Куврѣ А. (Couvreur), 474.
Курино, 426, 448, 460, 498.
Куропаткин А. Н., 20, 23, 37—39, 42—44,
46, 47, 51, 80, 226, 252—259, 266—
273, 278, 280, 283, 289, 293, 301, 315,
320, 321, 342, 347, 394, 397, 406, 408,
409, 414—419, 425, 429, 431—433,
437, 439, 444—448, 470, 491, 507, 511,
519, 556.
Кутузов Л. М., 381.

Ламсдорф В. Н., гр., 20, 37, 40, 42, 66,
143, 150, 176, 183, 202, 203, 207, 211,
214—218, 244, 247, 249, 252—259,
261, 262, 264, 267, 273, 278, 279, 282—
284, 288, 292, 294—297, 301—307,
312—325, 328—339, 341, 345—348,
350, 352, 353, 356—364, 368, 369, 383,
384, 398, 406, 415—422, 426, 428, 429,
431, 433—436, 439, 445, 448, 460, 478,
479, 492, 493, 499, 501—512, 517—525,
527, 533, 536, 547, 549, 600, 601.
Ф.-Лангерке-Мейер, 517.
Лауенштейн, 254.

- Лессар П. М., 213, 321—323, 332, 340, 342, 345—347, 384, 416, 420, 425, 434, 435, 437—439.
- Лесюёр Ж. (Lesueur), 474, 475.
- Летелье Е. (Letelier), 474.
- Ливачан (Лянъ Чжепчэн), 374.
- Линевич Н. П., 259, 514.
- Литтауер С. И., 382, 593.
- Ли Хунчжан 13, 17, 48, 49, 69, 103, 105—118, 120, 122, 124, 133—135, 161, 163, 170, 171, 173, 175, 180, 182, 190—192, 194, 196, 197, 199, 201, 205, 207, 210, 234, 239, 246, 250, 251, 253, 257, 260—265, 273—277, 281, 287, 288, 292, 301, 304, 305, 314, 317—332, 341, 349—351, 361, 396.
- Ли Цзинмай, 325.
- Ли Цзинфан, 107, 263—266.
- Лобанов-Ростовский А. Б., кн., 69—77, 83, 84, 88, 90, 92, 98, 101, 105, 106, 108, 109, 111, 113, 135, 142—149, 189, 203, 313.
- Ломбардо Т. Р., 591, 593.
- Ло Фынлу, 107.
- Лупцати, 491.
- Львов Е. Д., 551.
- Львов Ф. А., 402.
- Лэнсдоун Генри-Чарльз, маркиз, 19, 303, 305—310, 317, 319, 330, 338, 426, 427, 448, 490, 491, 526.
- Люба В. Ф., 371—373, 601.
- Лянъ Дуниен, 562.
- Лянъ Фан, 341, 347, 421.
- М. граф (японец), 424.
- Макеев, 83, 85.
- Масловский А. Ф., 591.
- Матюнин Н. Г., 383—386, 389, 401, 402, 405, 461, 548, 551.
- Мейер Чарльз, 526, 527, 557.
- ф.-Мендельсон-Бартольди Эрнст, 87, 488, 498—500, 511, 512, 514—516, 520, 524, 534.
- Меттерних, гр., 355, 360, 361, 490, 506.
- Мещерский В. П., кн., 411.
- Михаил Александрович в. кн., 514.
- Мёллендорф, 8, 151, 152.
- Монтебелло, гр., 75, 258.
- Морган Пирмонт, 525—527, 529, 530, 564.
- Морган Причард, 176, 224.
- Моренгейм Арт. П., бар. 199.
- Мотono Ичиро, 33, 566.
- Муравьев М. Н., гр., 90, 114, 132, 153—156, 160, 168, 172—176, 178—191, 193, 194, 196—201, 203—206, 210, 213, 215—232, 234, 235, 243—250, 252, 291, 348, 383, 385, 393.
- ф.-Мюльберг, 490.
- Нагель А. Б., 381.
- Незабытовский И. А., 373.
- Нелидов А. И., 479, 493, 494, 496, 499, 500, 510, 512, 514—516, 521, 522, 524—527, 535.
- Непорожнев Н. И., 386.
- Нератов Д. А., 386.
- Нерпин А. И., 193, 591, 599.
- Нецзин Э., 89, 91, 94, 485, 487, 512, 530, 533, 542—545, 549, 550, 552, 599.
- Нечволодов полковник, 546.
- Никифоров Н. Д., 593.
- Николай II, 12, 15, 18, 21, 29, 37, 40, 42, 46—50, 56, 60, 70—83, 95, 99, 119, 132—134, 143, 144, 168, 178—189, 191, 193, 195, 201, 205, 213, 226, 248—259, 264—267, 275, 278, 282—284, 293, 294, 303, 307, 314, 323, 324, 355—364, 368, 377, 384—392, 396—412, 415, 416, 419, 421, 424, 428—433, 436—449, 452, 453, 456—461, 465, 471, 473, 478—484, 488—492, 495—509, 512—524, 530, 531, 536—538, 547—549, 551, 556, 560, 566, 567.
- Николай Николаевич в. кн., 385, 513.
- Никольсон Артур, 535, 536.
- Ноайль, маркиз, 363.
- Нокс (Phil. С. Кнох), 30, 34.
- Ностиц Г. И., гр. 389.
- Нотгафт Ф. К., 91, 178, 599.
- Оболенский Н. Д., кн., 552.
- Оболенский - Нелединский - Мелецкий, В. С., кн., 357.
- Обручев Н. Н., 68, 74, 76, 77.

- Орлов-Давыдов, гр., 389.
- Остен-Сакен Н. Д., гр., 186, 206, 210, 253, 255, 282, 294, 357, 359, 360, 490, 492, 501—503, 508, 521, 533.
- Павлов А. И., 194, 196, 197, 190, 203, 211, 399, 416, 418, 419.
- Палашковский С. Е., 599.
- Палицын Ф. Ф., 513.
- Пендзек (Pendezec), 357, 478.
- Петров А., 412.
- Петрококино Д. И., 591, 599.
- Петрококино Ф. И., 599.
- Петрококино Гем. И., 193, 482, 510, 591, 599.
- Плансон Г. А., 420—422, 439, 497, 498, 560, 562.
- Плене В. К., 18, 21, 24, 403, 407, 410, 432, 446—448, 450, 457, 461, 465.
- Плеске Э. Д., 449, 452, 453, 456, 467.
- Победоносцев К. П., 52.
- Позднеев Д. М., 235, 237, 317, 318, 323—332, 340, 341.
- Покотилов Д. Д., 29, 53, 91, 101—108, 120, 134, 148—156, 171—173, 175, 176, 178, 190—201, 203—205, 215, 216, 218, 237, 238, 245, 262—264, 266, 267, 273—277, 289, 301—303, 306, 314, 342, 344—348, 364, 369, 370, 373—375, 379, 381, 382, 384, 402, 405, 421, 430, 438, 452, 458, 485, 549, 555, 599—601.
- Половцов А. А., 43.
- Поляков Л. С., 397.
- Померанцев А. А., 591, 599.
- Попов, золотопромышл., 372.
- Посыет К. Н., 51.
- Протасьев И. Н., 430, 431.
- Пуанкарэ Р., 533, 541, 542.
- Путилов А. И., 377, 381, 382, 493, 515, 552, 553.
- Псафенус А. Е., 381.
- Псафенус К. Е., 380, 381.
- Псейфер Ф., 599.
- Радолин, кн., 88, 94, 180—182, 188, 206, 256, 261, 294, 476—478, 490, 519, 524, 525.
- Распопов Н. А., 441, 481.
- Рафалович Артур Л., 87, 88, 96, 476, 477, 486—488, 493, 494, 500, 511, 514, 515, 533.
- Ревельсток, лорд, 518.
- Ристельгюбер, 94.
- Ф.-Рихтгофен, 254, 255, 360.
- Рихтер О. Б., 132.
- Родзянко М. В., 389.
- Рождественский З. П., 496, 507.
- Розен Р. Р., бар., 416—419, 435, 436.
- Розенфельд А. Ю., 382.
- Рокхиль Уильям, 566.
- Романов П. М., 91, 101, 114, 116, 150, 157, 158, 162—165, 168—171, 177, 178, 207, 210, 215—218, 267, 277, 284, 377, 452, 467, 474.
- Ромберг, 499.
- Росс, 375.
- Ротшильд, лорд (лондонский), 477, 518, 526, 530, 531.
- Ротшильд (парижский), 398, 477, 519, 530, 531, 533.
- Ротштейн А. Ю., 89, 91, 94, 108, 110, 116, 117, 120, 121, 123, 134, 155—158, 168—170, 178, 193, 238, 239, 377—379, 385, 388, 450, 483, 484, 486, 549, 550, 552, 591, 593, 599—601.
- Ротштейн Ю., 599.
- Рувье, 491, 510, 514—516, 519, 525, 527, 530—532, 541.
- Рузвельт Т., 30, 31, 473, 498, 514, 516, 517.
- Русин А. И., 306, 442.
- Рутковский М. В., 474, 526, 527.
- Сазонов С. Д., 552, 554.
- Сатоу Эрнест, 305, 319.
- Сахаров В. В., 432, 433.
- Сеймур, адм., 248.
- Серебряков М. Аполл., 389, 397, 548.
- Сипягин Д. С., 252, 257—260, 293, 360, 362, 398, 400.
- Скидельский, подрядчик, 453.
- Скотт Чарльз, 215, 220, 221, 225, 229, 230, 303, 305, 306, 363, 364, 426.
- Смит Уильям, 551—553.

Соловейчик А. Э., 382.
 Сольсбери Роберт-Артур, маркиз, 197,
 200, 212, 220, 229, 253, 309, 316, 318.
 Сомов А. С., 561, 566.
 Спринг-Райс Сесиль, 473.
 Стааль Е. Е., 199, 200, 226.
 Старцев, 85, 91.
 Столыпин П. А. 27, 541, 552, 562.
 Суботич Д. И., 21, 38, 39.
 Сузуки, 333.
 Сумароков-Эльстон Ф. Ф., гр., 389.
 Сутэки, 316.
 Сюй Цзинчэн, 117, 126, 199, 238, 329.

Тагаками, дир. Япон. банка, 564.
 Такшина, 341.
 Тимашев С. И., 529.
 Толстой Л. Н., гр., 361.
 Тоуер Р. (Tower), 517.
 Троицкий А. А., 372, 381, 487.
 Тыртов П. П., 416.

Унтербергер, П., 561.
 Уольсэйд, лорд, 199.
 Утин Я. И., 599.
 Ухтомский Э. Э., кн., 61, 105, 108, 109,
 116—118, 121, 149, 161—163, 168—178,
 188, 192, 250—253, 257—260, 263—
 267, 273—278, 304, 326, 327, 599.
 Уэбб (Creighton Webb), 474, 475.

Федоров Н. Н., 389.
 Филиппов Н. И., 193, 599.
 Фредерикс В. Б., бар., 386, 389—391.

Харт Роберт, 7, 8, 178, 416.
 Хикс-Бич, 200.
 Хилков М. И., кн., 84.
 Хиллиер Вальтер, 555.
 Хорват Д. Л., 559.
 Ху Юйфын, 173, 175.
 Хэнт (Hunt), 375, 401.

Цзы Си, 17, 117, 163, 170, 246, 250, 421,
 565.

Цзэн, 267.
 Цзяньвеньси, 267.
 Циглер Ф.-Шафгаузен Э. К., 162, 164,
 165, 170, 237, 238, 599.
 Цин, кн., 264, 277, 321, 324, 328, 329,
 340—347, 381, 420—423, 563.

Чарыков Н. В., 86—88.
 Чемберлен О., 359, 477.
 Череванский В. П., 132, 461.
 Чжан Иньхуань, 48, 107.
 Чжоумянь, 267.
 Ф.-Чиршский, 182—184.
 Чихачев Н. М., 68, 74.

Шабриер, 91.
 Шайкевич Е. Г., 593.
 Шаянский А. Л., 372.
 Шарлье Р., 591, 599.
 Шванебах П. Х., 461, 463.
 Шенк Ф.-Швейнсберг, 94.
 Шишов И. П., 112, 113, 257, 284, 326,
 328, 486, 532, 550, 551, 600, 601.
 Шифф Яков, 496, 526, 556, 563—565.
 Шишкин Н. П., 67, 152.
 Шоклэй, амер. инж., 176, 177.
 Шпейер А. Н., 179, 219.
 Шпек Ф.-Штернбург, 473, 498, 517.
 Штейн Е. Ф., 364.

Щербатов П. Б., кн., 389.

Эвморфопуло Г. И., 599.
 Эдуард VII, 317, 362, 477.
 Экардштейн, 308—312, 316, 363, 476.

Юань Шикай, 329, 344, 421, 565.
 Югович А. И., 162, 166, 251, 280, 322,
 370, 413.
 Юсупов, кн., 389, 397, 548.

Ягодин Г. И., 382.
 Ямагата, 142, 144.
 Ямамото, 364.
 Ян Ю, 284, 303.

2. Географический и предметный.¹

Австрия, 491, 534.

Ажехэ, р. и г., 372.

Айгунь, 34, 136, 252.

Акционерные компании и Товарищества:

Акционерное Общество Цзяпигуоуских Рудников, 382.

Амгунская Золотопромышленная К-о, 593.

American China Development C-o, 102.

Амурское Общество Пароходства и Торговли, 83.

Англо-Русская Компания (Anglo-Russian Exploration C-ny), 375, 378, 381, 382.

Англо-франко-бельгийский синдикат для скупки польских предприятий (проект 1906 г.), 556.

Верхне-Амурская Золотопромышленная Компания, 372.

Восточно-Азиатская Промышленная Компания, 387, 388, 391, 392, 395, 396, 399, 400, 405, 410, 455, 462—465.

Harrison, Gould and C-o (амер.), 556.

Zee Pau Mining Company (анг.-рус.), 382.

Ильберт и К-о (англ.), 375.

Ишэнсин («Мукденская Горнопромышленная К-о», рус.-кит.), 379, 381, 402.

Компания золотопромышленников гр. Апраксина, Попова и Емельянова, 372.

Ленское Золотопромышленное Т-во, 591, 593.

Loicq de Lobel's American Syndicate, 556.

Манчжурское Горнопромышленное Товарищество, 24, 377—383, 401, 402, 405—407, 432, 449, 450, 455, 464, 487, 547—554, 602.

Монголор (Акционерное Общество Рудного Дела Тушетухановского и Це-

ценхановского Аймаков в Монголии), 14, 193, 482, 552—554, 599 сл.

Приамурское Золотопромышленное Т-во, 593.

Российское Золотопромышленное Общество, 193, 380, 482, 487, 591—598, 599, 604 сл.

Русское Лесопромышленное Товарищество на Дальнем Востоке, 432, 444, 447, 450—455, 458, 459, 464, 548—555.

Синдикат для исследования рудных богатств Китая 1897 г., 14, 193, 482, 599 сл.

Соединенная Акционерная Золотопромышленная Компания, 372.

Southern Pacific (амер.), 556.

Fives-Lille (фр.), 94, 149.

Хуасяли (рус.-кит.), 381, 382, 554.

Union Pacific (амер.), 556.

Алжезирас, см. Конференция в А.

Аляска, 7.

Амой, 180, 394.

Амур, 39, 51, 84, 98, 372, 380, 418, 425, 441.

Амурская ж. д. (проект 1906—1908 г.г.), 5, 27, 28, 32, 556, 557, 563.

Амурский участок Сибирского пути 1895 г., 65, 83, 84, 556.

Англия: [правительство] 7—16, 19, 21—27, 33, 59, 61, 65—71, 75, 85, 87, 97, 146, 151, 174, 177—181, 185, 186, 189, 195, 197, 199—209, 212—215, 218—229, 231, 232, 235, 241, 245, 246, 287, 291, 294, 295, 306—312, 314, 316, 318, 319, 328, 330—333, 339—345, 349—352, 355, 356, 360, 363—365, 394, 398, 422, 423, 425, 430, 471—478, 480, 486, 489, 490, 498, 501, 505—507, 518, 519, 522, 523, 534, 535, 558; [капитал] 6, 7, 9, 17, 26, 52, 55, 59, 61, 85—89, 96, 99, 134, 150, 173, 175—177, 194, 195, 198,

¹ Опущены, как часто встречающиеся, слова: Россия, Китай, Д. Восток, Манчжурия (в целом; М. Южная и Северная вошли в указатель).

203, 210—212, 214, 216, 224, 225, 230, 232, 237, 241, 243, 246, 374, 410, 483, 486, 518, 525, 531, 532, 534, 537, 555.

Анна, 7, 94.

Антанта, 5, 26, 32, 471, 498, 531, 536, 538—540.

Аньдун, 22, 207.

Аргунь, 372.

Асахи, яп. газ., 424.

Африка, 309; 474.

Багдадская ж. д., 535.

Байкал 18, 20, 52, 62, 65, 82, 366.

Балтийское море, 556.

Банки:

Бр. Бэринг, 518, 526.

Вавельберг (банк. д.), 593, 599, 602.

Варшавский Коммерческий банк, 594.

Волжско-Камский Коммерческий, 90.

Главное общество для содействия развитию торговли и промышленности во Франции, 90.

Главное Общество Промышленного и Торгового Кредита (Фр.), 90.

Гонконг-Шанхайский, 96, 149, 150, 173, 175, 194, 203, 211, 213, 214, 218, 229, 230, 237, 281.

Государственный Банк (Российский), 65, 118, 119, 122, 126, 286, 377—379, 382, 397, 402, 450, 469, 528, 529, 554, 593.

Готтингер и К-о, 90, 91, 511, 592.

Даршадтский, 520.

бр. Джемгаровы (банк. д.), 599, 603.

Disconto Gesellschaft, 482.

Имперский Банк в Берлине (Reichsbank), 530.

Индо-Китайский, 485, 486.

Консорциум французских и русских банков (проект 1906 г.), 544, 545.

Корейский Национальный (проект), 149, 150.

Кун, Лэб и К-о (амер.), 543, 563, 564.

Лионский Кредит, 90, 91, 490, 499, 500, 511.

Международный в Париже, 482, 592.

Международный консорциум 1905 г., 527—530, 550.

Мейер Э. М. (банк. д.), 596, 604.

Мендельсон (банк. д.), 488, 499, 500, 511, 514—516, 520, 534, 599, 604.

Монгольский (проект 1906 г.), 600.

Мэй Эрн. (банк. д.), 599, 604.

Национальная Учетная Контора в Париже, 90, 91; (Шанхайское отделение) 91, 228.

Нелькен М. (банк. д.), 596.

Немецко-Азиатский, 96, 204.

Парижско-Нидерландский, 87, 90, 91, 482, 511, 514, 533, 543, 592, 593, 596.

Поляковские банки, 397.

Русский для внешней торговли, 90.

Русский Торгово-Промышленный, 597.

Русско-Азиатский, 554.

Русско-Корейский, 150, 151, 157—159, 167, 169, 178, 186, 378, 386.

Русско-Китайский, 13, 14, 49, 90—94, 106, 108, 111—113, 116—126, 149, 150,

153, 156, 168, 170, 174, 175, 193, 210, 215—217, 219, 221, 225—228, 230, 233,

235—237, 241, 275, 296, 299, 323—330, 340, 343, 344, 346, 369—385, 388, 391,

393, 395, 400—405, 410, 420, 424, 442, 450, 455, 457, 463, 475, 482, 484—487,

549—551, 599—601, 604; (Шанхайское Отделение), 91; (командитный капитал Кит. пр-ва), 125.

С.-Петербургский Международный Коммерческий, 90, 91, 193, 237, 482, 552, 592, 593, 597, 604.

С.-Петербургский Учетный и Судный, 90, 482, 592, 597.

Северный, 545.

Société Générale pour l'Industrie en Russie, 599, 604.

Франко-Американский (проект 1906 г.), 543.

Французский Банк (Banque de France), 530.

Шерешевский Г. и К-о (банк. д.), 592, 599.

Юнкер (банк. д.), 592, 593, 599, 605.

Японский Банк, 155, 564.

Японские банки в Корее, 178.

Барлыкские горы, 95.

Бельгия (капитал) 6, 216, 482, 547, 552, 553, 599—602.

Биньчжоу, 372.

Бирма, 7, 202.

Биртан, оз., 561.

Благовещенск, 34, 41, 83, 92, 95, 97, 98, 252, 425, 428, 441.

Ближний Восток, 25, 33, 52, 540.

Бобр-Наревская ж. д., 432, 492.

Бодунз, 126, 158 (ж. д.), 161, 188, 320, 372, 415.

Боксерское вознаграждение, 17, 35, 261, 262, 280, 281, 285, 299, 300, 349, 350, 417.

Боксерское восстание, 17, 131, 235, 239, 240, 247—263, 291, 311, 348, 359, 392, 393, 440, 600.

Брутона пролив, 68.

Бюро Ленуар в Париже, 468.

Вай-ву-бу, 422.

Вафандянь (каменноугольные копи), 241.

Вашингтон, см. Конференция в В.

Великая Стена, 15, 80, 209, 215, 218, 231, 233, 246.

Вичжу, см. Ийчжу.

Владивосток, 3, 5, 9, 13, 27, 38, 53, 57, 62, 63, 80, 84, 92, 97—100, 103, 113, 129, 136, 146, 186, 240, 254, 279, 288, 393, 414, 436, 516, 562.

Военные комиссары русские в Манчжурии, 270, 289, 295.

Войны:

Англо-китайская 1839—42 г.г., 6.

Англо-китайская 1858—60 г.г., 7.

Русско-турецкая 1877—78 г.г., 52.

Японо-китайская 1894—95 г., 10, 11, 65—79, 82, 83, 85, 114, 139, 140, 241, 334, 471, 472.

Испано-американская 1897—98 г.г., 16, 242.

Англо-бурская, 14, 245, 309, 358.

Русско-японская 1904—1905 г.г. (и ее подготовка), 5, 19, 20—25, 27, 28, 30, 43, 46, 50, 130, 131, 188, 207, 293, 307, 310, 312, 313, 330, 333, 348, 351, 352, 354, 356, 364, 365, 367, 389, 403,

407, 424, 442, 443, 445, 448, 460, 465, 466, 467, 469—471, 473, 479, 480, 489, 490—492, 493, 496—499, 503, 504, 508—510, 512, 513, 516, 517, 519, 523, 524, 536, 537, 540—542, 544, 546, 560; (Ляоян) 23, 465, 496; (Порт-Артур) 494, 512, 513, 537; (Мукден) 511—514, 537, 546, 550; (Цусима) 515, 516, 537; (вопрос о мире) 26, 31, 498, 504, 507, 508, 512, 515—517, 519—523, 525, 537. Мировая 1914 сл. г.г. 34, 35, 479.

Вокэньхэ, см. Давокэнь.

Волга, 51.

Вооруженные силы:

России: [флот] 4, 27, 38, 60, 61, 68, 69, 73, 74, 79, 113, 137, 184—187, 189, 190, 192—194, 206, 355, 362, 364, 409, 412, 429, 432, 484, 493, 496, 501, 503, 507, 508, 526; [сухопутные войска] 27, 67, 74, 113, 364, 433, 436, 472, 484, 496, 507, 508, 513, 514, 526, 540, 546; [то же в Манчжурии в 1900—1903 г.г.] 136, 137, 248—250, 252—255, 260, 268—270, 279, 280, 288—292, 295—297, 301, 306, 314, 315, 317, 319, 320, 322, 323, 329, 334, 340, 349, 354, 355, 367, 376, 409, 412—414, 417, 418, 425, 427—429, 432, 438, 439, 441, 447. Японии: [флот] 308, 310, 354, 355, 362, 364, 412, 442, 469, 496; [сухопутные войска] 10, 73, 307, 308, 310, 336, 354, 412, 442, 447, 472, 547, 562.

Китай: [регулярные войска в Манчжурии в 1901—1903 г.г.] 268, 270, 273, 279, 288, 292, 295, 297, 300, 302, 320—322, 340, 342, 361, 415; [полицейская стража в Манчжурии в 1901—1903 г.г.] 270, 279, 289, 341, 342.

Вэйхайвэй, 15, 67, 68, 200, 209, 210.

Гавайские о. о., 14.

Гамильтона порт, 8, 195.

Ганьсу, 62, 298.

Генан, о., см. Хайнань.

Гензан, 142, 178, 364.

Германия: [правительство] 8, 12—15, 19, 24, 25, 35, 70, 71, 78, 80, 81, 86,

93, 94, 96, 132, 155, 180—191, 199, 201, 205, 206, 209, 241, 253—256, 291, 294, 295, 306—312, 338, 349, 351—359, 362, 365, 396, 473, 475, 478, 479, 481, 483, 489, 490, 492, 496, 498—502, 506, 514, 519—524, 530, 534, 537, 558; [капитал] 6, 86—89, 91, 94, 96, 99, 194, 216, 241, 246, 359, 469, 475, 489, 493, 495, 500, 508, 509, 512, 513, 516, 525, 532, 534, 536.

Гималаи, 63.

Гиринь, 103, 136, 158 (ж. д.), 160, 161, 168 (ж. д.), 187 (ж. д.), 211, 241, 279, 280, 320, 370, 373, 393, 394, 413.

Гириньская провинция, 112, 137, 241, 270, 286, 320, 370—372, 375, 380, 381, 405, 415, 418, 419, 441, 460.

Голландия (капитал), 6, 534.

Гонконг, 243.

Горные правила 4/17 марта 1902 г. в Китае, 373, 376.

Государственная Дума, 25, 27, 28, 526, 533, 538, 563.

Государственное Казначейство Российское (расходы), 5, 21, 26, 28, 37, 39, 42—45, 50, 53—56, 64, 65, 84, 116, 118, 119, 121, 124, 125, 130, 157, 158, 169, 236—239, 241, 242, 244, 245, 251, 257, 262, 286, 287, 299, 312, 349, 352, 355, 365, 371, 376, 378, 379, 399, 402—408, 410—412, 414, 438, 444, 449, 450, 452, 454, 456, 457, 459, 460, 462—466, 468, 469, 470, 474, 477, 486, 487, 494—496, 508, 509, 511, 513, 540, 549, 553, 556, 563, 600, 601.

Гуандун, 94, 246.

Гуанси, 94, 100, 197.

Гуанчжоувань, 15, 16.

Гуаньшаньский округ Хэйлуанц. пров., (золотопром. концессия), 380, 549, 554, 555.

Гульский инцидент, 500, 537.

Давокэн (Вокэнхэ), р. в Манчжурии, 372, 381.

Дагу, см. Таку.

Дагушань, 422.

Дадунгоу, 22.

Дажелет, о. в Японском море (концессия Бринера), 389.

Далай-Лама, 601.

Далайнор, 372.

Дальний, 37, 44, 210, 240, 243, 313, 410.

Далыньвань, 130, 132, 136, 187, 188, 191, 193, 195—198, 200—203, 207, 208.

Дания (капитал), 6.

Дипломатические акты (и их проекты):

Ливадийский договор 1879 г., 85.

С.-Петербургский договор 1881 г., 32, 95.

Японо-китайский договор о Корее 1885 г., 8, 9, 52.

Франко-русские соглашения 1891—1892 г.г., 55, 472, 534, 535, 538, 540.

Русско-германский торговый договор 1894 г., 19, 472.

Японо-китайский мирный договор, подписанный в Симоносеки 5/17 апреля 1895 г., 10—11, 21, 69, 70, 75, 79, 86, 131, 139, 191, 354, 480.

Ультиматум России, Германии и Франции Китаю о возвращении Ляодуна, апрель—октябрь 1895 г., 12, 23, 77, 79, 84, 133, 140, 180, 359, 480, 483.

Русско-японский торговый договор 27 мая/8 июня 1895 г., 13.

Франко-китайские соглашения 8/20 июня 1895 г., 93, 94.

Японо-китайское соглашение 27 октября/8 ноября 1895 г., 79.

Сеульский меморандум (русско-японский), 2/14 мая 1896 г., 141, 142.

Московский договор (русско-китайский) 22 мая 1896 г., 13, 14, 24, 29, 47, 110, 111 (текст), 117, 127, 129, 131, 134, 135, 188, 203, 312, 313.

Московский протокол (русско-японский) 28 мая/9 июня 1898 г., 142—144, 147, 155, 179.

«Ответные пункты [русского прав-ва] корейскому послу», июнь 1896 г., 144—146, 155.

Англо-китайское соглашение 4 февраля 1897 г. о Бирме и Тибете, 180.

Франко-китайская декларация 15 марта 1897 г. о неотчуждении о. Хайнаня, 180.

Англо-китайская декларация о неотчуждении района Янцзы 11 февраля 1898 г., 202, 203.

То же об английском инспекторате Китайских Морских Таможен 13 февраля 1898 г., 7, 202, 203.

Германо-китайское соглашение об аренде Цзяочжоу 6 марта 1898 г., 201.

Русско-китайская конвенция об аренде Ляодуна 15/27 марта 1898 г., 15, 24, 48, 204, 208, 209, 244, 298.

Русско-китайский дополнительный протокол 25 апреля/7 мая 1898 г., 209—211, 231, 290, 298.

Японо-китайское соглашение 26 апреля 1898 г. о неотчуждении Фуцзяня, 10, 15.

Англо-китайское соглашение об аренде Вэйхайвэя 19 июня/1 июля 1898 г., 209.

Русско-японский договор о Корее 13/26 апреля 1898 г., 15, 206—208, 222.

Американо-испанский договор 10 декабря 1898 г., 242.

Русско-английское соглашение 16/28 апреля 1899 г., 15, 24, 214—239, 314, 486.

Русско-китайское соглашение о жел. дор. линии к Пекину 20 мая—5 июня 1899 г., 234, 238, 299.

Русско-китайские соглашения 1899 г. о Цзяло-шэ-цзюй, 241.

Нота С. Ш. А. 6/18 сентября 1899 г. о сферах влияния в Китае, 16, 242, 243.

Русская ответная нота пр-ву С. Ш. А. 18/30 декабря 1899 г., 244.

Русско-китайское «предварительное соглашение» 27 октября—13 ноября 1900 г., 267, 268 (текст), 272, 277, 289, 295, 305, 349.

Англо-германское «соглашение о Янцзы» 3/16 октября 1900 г., 294, 311.

Коллективная нота держав Китаю 9 декабря 1900 г., 282, 283.

Заключительный протокол 25 августа/7 сентября 1901 г., 17, 261, 318, 321.

Русско-китайское «сепаратное соглашение» о Манчжурии (переговоры о нем, проекты) 1901—1902 г., 17, 264, 266, 269, 272, 273, 276, 278, 280, 282, 287—295, 296—299 (тексты), 300—307, 310—312, 315, 317—325, 328, 329, 332, 341, 342, 345—347, 349, 350, 357, 396, 488.

Проект соглашения кит. пр-ва с Об-вом К. В. ж. д. 1901 г., 284—288, 296, 299, 300.

Проект соглашения кит. пр-ва с Русско-Китайским банком 1901 г., 24, 323—325, 326 (текст), 327—330, 340—343, 344 (текст), 345, 346, 351, 368, 373, 401.

Русско-японское соглашение по манчжурскому и корейскому вопросам (проекты и переговоры 1901—1904 гг.), 306, 313, 316, 318, (Ито) 330—339, 343, 350—352, 356, 365, 396, 402, 417—419, 426, 435—437, 445, 447, 448, 460, 490. Англо-японский договор 17/30 января 1902 г., 18, 19, 32, 311, 312, 316—318, 330, 331, 339, 340, 347, 351, 352, 354, 356, 358, 362, 363, 365, 367, 401, 472, 477, 491.

Нота С. Ш. А. 3 февраля 1902 г. по поводу проекта соглашения Кит. пр-ва с Русско-Кит. банком, 18, 345.

Русско-германская декларация по поводу англо-японского союзного договора (проект 1902 г.), 352, 353, 356, 359.

Франко-русская декларация 3/16 марта 1902 г., 362, 476, 479.

Русско-китайской договор 26 марта 1902 г., 18, 21, 22, 41, 291, 292, 348, 354, 355, 361, 363, 364, 367, 368, 370, 405, 409, 412, 414, 415, 417, 419, 421, 425, 429, 430, 436, 437, 439, 441, 447; дополнительное к нему соглашение о «гарантиях» (проекты, переговоры 1903 г.), 24, 38, 417—421, 427, 429, 431, 433, 435, 437—442, 447, 491.

Дипломатические акты (продолж.):

Итало-французское соглашение 1902 г. о взаимном ненападении, 355.

Мюрцштегская программа 20 сентября 1903 г., 24, 491.

Торговые договоры С. Ш. А. и Японии с Китаем 8 октября 1903 г., 22, 422, 423, 473.

Японская нота русскому правительству 23 января/5 февраля 1904 г., 420.

Англо-французское соглашение 8 апреля 1904 г., 25, 359, 360, 364, 476—479, 496, 500, 536.

Торговый договор между Россией и Германией 15 июля 1904 г., 19, 25, 488, 493, 495, 536.

Русско-германский договор, подписанный в Бюрке 11/24 июля 1905 г., 479, 504, 519—526, 530, 538.

Портсмутский договор 23 августа/5 сентября 1905 г., 5, 10, 26—33, 520, 524, 525, 538, 541, 548, 553, 555, 557, 558.

Японо-китайское соглашение 9/22 декабря 1905 г., 27.

Франко-японское соглашение 10 июня 1907 г., 560.

Вербальная нота Бомпара 16/29 июня 1906 г., 542.

Русско-японское политическое соглашение 1907 г., 27, 554, 560.

Англо-русское соглашение 1907 г., 26, 29, 535, 540.

Обмен нот Рут-Такахира 30 ноября 1908 г., 31.

«Проект Нокса» (1909 г.), 30, 31, 34, 245.

Русско-японское соглашение 21 июня/4 июля 1910 г., 32—34.

Русский ультиматум Китаю 30 января 1911 г., 32.

Русские соглашения относительно Монголии 1912 сл. г.г., 34.

Англо и франко-русские соглашения 1914 г. о К. В. ж. д., 27.

Японо-китайское соглашение 1915 г. о Фуцзяне, 10.

Русско-японское соглашение 20 июня 1916 г., 35.

Советско-китайское соглашение 31 мая 1924 г., 35.

Советско-японское соглашение 20 января 1925 г., 36.

Дипломатические чиновники русские в Манчжурии, 270, 271, 289.

Добровольный флот, 52.

Дулуха, р. в Манчжурии (золотопром. концессия), 372, 380.

Дунхуасянь, г. в Мукденской пров., 177, 374.

Дунхуасяньский округ Гириньской пров. (золотопром. концессия), 372.

Дэли Телеграф (The Daily Telegraph), 135.

Европа, 4, 6, 16, 25, 26, 29, 33, 46, 57—60, 63, 73, 80, 109, 241, 343, 354, 355, 357, 359, 360, 365, 366, 483, 523, 546.

Египет, 87.

Железные дороги в Китае и в Корее:

Айгунь—Цицикар—Бодунь—Гиринь («конв. Кассини», 1896 г.), 136.

Аньдун—Мукдень (япон. проект 1909 г.), 31, 566.

Бирма—Юньнань (англ. проект 1897 г.), 100, 180, 202.

Бодунь—Гиринь—порт в Корее (русский проект 1897 г.), 158, 159, 171, 172, 197.

Владивосток—Хуньчунь—Гиринь («конв. Кассини», 1896 г.), 136.

Гиринь—Пектусан—Ийчжу—Порт-Артур (проект Вовлярярского 1899 г.), 393, 394.

Иркуск—Ланьжоуфу (проект Бадмаева, 1893 г.), 62, 83.

Ичжоу—Чжэньцзян (герм. проект 1898 г.), 216.

Кайпин—Тяньцзинь, 53.

Куаньчэнцзы—Гиринь (рус. проект 1903 г.), 413.

Инкоу—Мукдень (кит. проект 1898 г., с уч. англ.), 211.

Люди́ньду — Тайюаньфу (проект, при уч. Р.-Кит. б., 1897 г.), 216, 237, 238.
 Мукденъ — корейская граница (ам. проект, 1896 г.), 103.
 Мукденская ветвь К. В. ж. д. (рус. проект, 1897 г.), 14, 15, 166, 171.
 Никольск-Уссурийский — Нингута — Бодунэ (проект Духовского 1896 г.), 98.
 Пекинская ветвь К. В. ж. д. (проект 1897—1902 г.г.), 17, 100, 140, 146, 170—174, 205, 232, 234, 238, 239, 281, 284, 287, 292, 299, 300, 302, 303, 314, 321, 350, 398, 480, 483, 600.
 Пекин—Калган—Урга—Кяхта: (амер. проект, 1910 г.), 34, (рус. проект 1899 г.) 400, 601.
 Пекин — Ханькоу (амер. проект 1896 г., франц. 1897 г.), 102, 103, 216.
 Сеул—Ийчжу (фр. проект 1896 г.), 151, 152, 164, 451.
 Сеул—Чемульпо (амер. проект 1896 г.), 143, 151, 152, 164.
 Сретевск — Мергенъ — Благовещенск (рус. проект 1895—1896 г.г.), 41, 83, 92, 97, 98.
 Сивьминьтин — Гоубаньцзы, 230, 232.
 Тонкин — Лунчжоу — Наньниньфу (фр. проект 1895 г.), 94.
 Тяньцзинь — Цзинаньфу (герм. проект 1897 г.), 216.
 Фузан — Ийчжу (яп. проект 1895 г.), 140.
 Ханькоу — Кантон (амер. проект 1896 г.), 102, 103, 243.
 Цзиньчжоу — Айгунь — Благовещенск (амер. проект 1910 г.), 34.
 Цзиньчжоу — Нючжуан — Мукденъ (яп. проект 1895 г.), 140.
 Цидикар — Гиринь — Мукденъ — Нючжуан — Ляодун (амер. проект 1896 г.), 103.
 Шанхай — Сучжоу (англ. проект 1896 г.), 100.
 Шаньхайгуань — Пекин, 53, 100, 101, 136, 238.
 Шаньхайгуань — Нючжуан, 102, 175,

210—214, 218, 222, 224, 229—232, 238, 281, 292, 299, 314, 410, 427, 445, 600.
 Шаньхайгуань — Гиринь (кит. проект 1896 г.), 98, 136 («конв. Кассини», уч. России), 160, 173, 211 (кит. проект 1898 г., с уч. амер.).
 Шаньхайгуань — Мукденъ (предыдущ., уч. Р.-Кит. банка, 1897 г.), 170.
 Шаньхайгуань — Цзиньчжоу (кит. и рус. проекты 1896—1898 г.г.), 101, 169, 211.
 Желтое море, 97, 99, 100, 133, 209; (ж. д. ветвь к нему) 14, 114, 115, 133, 146, 162—169, 194, 196, 197, 201, 205, 207, 480; (порт на берегу) 14, 115, 169, 186, 192, 194, 201, 205.
 Забайкалье, 15, 98, 100, 436.
 Забайкальская ж. д., 52, 83.
 Займы:
 Русский 3% 1891 г., 474.
 Китайские в Англии 1894 г., 85, 86.
 Корейский в Японии 1894 г. 140, 149, 153, 155.
 Китайский во Франции 1895 г., 13, 86—90, 94, 96, 281, 290, 474, 481.
 Китайский в Англии и Германии 1896 г., 96, 101, 481.
 Корейский в России (проект 1896—1897 г.г.), 145, 150, 151, 153—157, 159.
 Японский в Англии 1897 г., 19.
 Китайский в Англии или России (переговоры 1897—1898 г.г.), 16, 191, 192, 195—206, 218, 233.
 Китайский в Англии 1899 г. (для сооружения ж. д. в Ю. Манчжурии), 210—214, 218, 222, 229, 230, 232, 237, 238, 314.
 Русский во Франции 1901 г., 357, 398, 479, 488.
 Японский во Франции (переговоры 1901 г.), 316, 331, 332, 340.
 Гириньского цзян-цзюня в Рус.-Кит. банке 1901 г., 371.
 Русский в Германии 1902 г., 359, 488.
 Русский во Франции 1904 г., 25, 28, 463, 493, 494, 496, 545, 562.

Займы (продолж.):

- Японский во Франции (проект 1904 г.), 496.
 Русский в Германии 15 декабря 1904 г., 495, 500, 511, 512, 537.
 Русский во Франции (февральские переговоры 1905 г.), 511, 512.
 Русский в Германии 1905 г., 514, 516, 537, 540.
 Китайский в Англии 1905 г. для выкупа К. В. ж. д. (проект), 554.
 Китайский в Америке 1905 г. для того же (проект), 554.
 Русский (ликвидационный) на международном рынке 1906 г., 26, 28, 518, 519, 525—529, 531—538, 540—543.
 Русский во Франции 1909 г., 28, 31, 542, 562.
 Китайский «реорганизационный» (проект 1911 г.), 33.
 Закавказье (денежный кризис 1905 г.), 529.
 Золотой запас (русский), 469—471, 528, 529, 533, 536.
 Зубатовщина, 403.
 Ийчу (Вичжу), 140, 179, 207, 393.
 Илийский край, 7, 281, 298.
 Илу (кам. уголь), 374.
 Империализм, 4, 5, 7, 13, 14, 17, 32, 46, 80, 233, 354, 365, 383, 387, 403, 471, 472, 474, 475, 481, 483, 538, 540, 544, 545.
 Индия, 59, 295, 523.
 Инкоу, 11, 24, 136, 192, 201, 208, 211, 254, 268, 286, 287, 299, 314, 350, 375, 410, 420, 424, 435, 442, 457.
 Инцзы, см. Инкоу.
 Иркутск, 13, 52, 83.
 Испания, 14, 242.
 Италия, 8, 14, 291, 534.
 Ичжоу, 216.
 Ишль, 238, 239.
 Кабинет его величества, 385, 386, 388—390, 392, 396, 399, 401.
 Кайпин, 53, 136, 285.

Калган, 34, 600.

Канадская ж. д., 57, 58.

Кантон, 10, 250.

Капитал:

- русский: [в Китае] 87, 90, 91, 99, 193, 214, 243, 286, 365, 486; [в Манчжурии] 100, 216, 246, 290, 334, 344, 368, 369, 371, 373, 375—377, 379, 383, 384, 391, 399, 400, 404, 409, 417, 434, 436, 437, 444, 450, 455, 462—464, 487; [монополии в Китае] 192, 200, 209, 263, 265, 275—277, 281, 282, 286, 291, 298, 321, 323—325, 327, 330, 340, 343, 345, 346, 351, 371, 401, 438, 440, 445, 449, 455, 458, 459, 462—464, 487, 489.
 иностранный: [в Китае] 6, 58, 60, 102, 365, 368, 388; [в Манчжурии] 21, 27, 100, 104, 281, 290, 324, 325, 351, 361, 368, 369, 373, 376, 379, 395, 404, 406, 407, 409, 410, 412, 417, 430, 434, 435, 437, 444, 445, 455, 457, 463—465, 472, 487, 546; [в России] 89, 355, 398, 400, 467, 468, 470, 474, 475, 482, 483, 493, 508, 509, 513, 515, 517, 519, 525, 526, 532, 536, 541—546, 554—556, 592 сл.
 Каргодо, о., 68.
 Кашгар, 263, 265, 274, 277, 281, 286, 293, 302.
 Квантун, см. Ляодун.
 Киаочао, см. Цзяочжоу.
Китайская Восточная жел. дор.:
 Соглашение русского правительства с Русско-Китайским банком 18 мая 1896 г., 119—121, 126.
 Протокол Правления Русско-Китайского банка 23 мая 1896 г., 116 (текст), 117, 118, 134, 246, 265.
 Контракт на сооружение Китайской Восточной ж. д. 27 августа 1896 г., 29, 41, 47, 101, 104—117, 121, 123—129, 131, 134, 149, 160, 161, 169, 209, 224, 242, 244, 262, 285, 287, 291, 295, 297, 557.
 Общество К. В. ж. д., 35, 44, 49, 116—127, 157, 160, 162—174, 190, 192, 301, 224, 233, 237—244, 262, 267, 271, 276,

280, 281, 284—288, 291, 296, 299, 302, 303, 313, 314, 321, 322, 334, 350, 366, 370, 371, 386, 398, 402, 412, 425, 455, 463, 553, 557.

Устав Об-ва К. В. ж. д., 29, 119, 121, 122, 125, 127, 128, 135, 139, 160.

Соглашение Русско-Китайского банка с Госуд. банком о ссуде под акции К. В. ж. д. 1896 г., 126.

Акционерный капитал об-ва К. В. ж. д., 119—121, 123, 124, 455.

Облигационный капитал об-ва К. В. ж. д., 118, 124, 125, 169.

Магистраль К. В. ж. д., 5, 26, 29, 41, 42, 46, 48, 84, 95, 97, 99, 100, 105, 106, 110, 113, 114, 126, 130, 139, 149, 160, 161, 163—165, 193, 209, 211, 236, 315, 414, 417, 418, 555, 556.

Южно-манчжурская линия, 15, 26, 31, 37, 40, 114, 130, 134, 166, 170, 174, 196, 201, 204, 205, 208, 214, 252, 270, 281, 297, 299, 313, 334, 361, 386, 393, 394, 427, 553, 555, 556.

Железнодорожная линия в целом, 5, 13, 14, 17, 18, 20, 26—32, 45, 128, 169, 188, 218, 222, 231, 232, 245, 247, 249, 252, 259, 263, 268, 274, 281, 285, 300, 320, 334, 338, 342, 349, 367, 393, 394, 412, 413, 425, 439, 441, 445, 462, 474, 555, 556, 600.

Охранная стража (Отдельный корпус Пограничной стражи), 26, 45, 240, 251, 271, 279, 295, 297, 315, 342, 351, 367, 413, 418, 424, 425, 557.

Таможни, 197, 274, 281, 288, 416, 440.

Морское пароходство К. В. ж. д., 44, 130, 465.

Досрочный выкуп К. В. ж. д., 30, 31, 123, 124, 128, 245, 285, 286, 555, 556, 562—566.

Задолженность Об-ва К. В. ж. д. русскому правительству, 124, 555.

Кобэ, 67.

Комитет Сибирской ж. д., 56.

«Конвенция Кассини» 1896 г., 135—139, 160, 186.

Конференция в Алжезирасе 1906 г., 531, 533, 534, 538.

Конференция в Вашингтоне 1921 г., 15.

Концессии в Манчжурии, 17, 23, 24, 209, 281, 284, 299, 300, 302, 321, 325—327, 330, 340, 341, 345, 346, 368—377, 380, 381, 383, 400, 402, 405, 420, 435, 438, 440, 449, 451, 455, 463, 475, 482, 487, 548—554; соглашение Любы о Гириньской пров., 1901 г., 371, 372; соглашение Кроткова о Хэйлуцзянской пров. 1901 г., 372; золото, 286, 369, 371, 372, 374—376, 380—382; каменный уголь, 286, 369—371, 374, 449, 451; леса, 286, 369, 370, 410; железо, 369, 374; медь, 374; нефть, 286, 369; никкель, 286, 369; серебро, 370, 374; пароходство по Ляохэ, 405, 451; электрическое освещение в Мукдене, 405, 451.

Корейский залив, 11, 99, 196, 205, 209, 393, 447.

Корейский пролив, 8, 335, 337.

Корея, 7—15, 20, 22, 24, 28, 30, 31, 33, 38, 46, 52, 55, 61, 65—70, 72—74, 77, 79—81, 85, 111, 112, 115, 131, 139—156, 159, 160, 169, 177—179, 187—189, 194, 205—208, 218, 293, 308, 313, 316, 333—340, 343, 350—352, 359, 361, 362, 385—389, 393—395, 398—402, 409, 412, 419, 424, 427, 435—437, 442, 443, 447, 448, 497, 560, 561; незамерзающий порт, 71, 72, 75, 78, 79, 103, 133, 157, 167, 169, 170—172, 180, 197; дворцовый переворот 1895 г., 141; русская экспедиция в К. в 1898 г., 387, 390.

Коулунский п. о., 15.

Кохинхина, 7.

Кризис в России 1899 сл. г.г., 18, 45, 245, 309, 357, 365, 366, 397, 485, 600.

Кронштадт, 38, 362.

Кругобайкальская ж. д., 20, 366.

Куаньхэ (золотопр. концессия), 372.

Куаньчэнцзы (Чанчунь), 26, 280, 555.

Куба, 14.

- Курильские о. о., 7.
 Карыйский округ (концессии), 286, 298, 302.
 Кяхта, 6, 34.
 Лазарева порт, 8, 70.
 Ланьчжоуфу (жел. дор. на Л.), 62, 83.
 «Лихунчангский фонд», 49—51, 115, 122
 (указ), 124, 199, 246, 247, 265, 301,
 324, 328, 329, 348, 361, 371.
 Лунчжоу, 94.
 Ляодунский залив, 103, 205, 209.
 Ляодунский п. о., 10, 15, 20, 24, 30,
 37—40, 42, 46, 70, 77, 79, 92, 93, 99,
 130, 132, 134, 140, 146, 187, 189, 204,
 207, 209, 210, 219, 241, 262, 272, 281,
 283, 298, 334, 348, 438, 439, 441, 447,
 480, 491; порт на нем, 157, 158, 170.
 Ляохэ, 285, 314, 320, 405, 415, 451.
 Ляоян, 177, 250, 280.
 Малая Азия (жел. дор.), 350.
 Малый Хинган, 286.
 Мамахоло (концессии), 374.
 Манчжурия: Северная, 23, 26, 37—42, 95,
 98, 129, 135, 137, 138, 146, 157, 158,
 161, 172, 315, 320, 394, 414, 415, 418,
 425, 437, 557, 559, 561; Южная, 10,
 12, 20, 23, 26, 31, 38—40, 46, 52, 71,
 74, 115, 129, 133, 139, 146, 158, 167,
 168, 170, 173, 176, 177, 205, 211, 212,
 237, 250, 268, 314, 361, 427, 443, 472,
 480, 491, 561.
 Манчжурия, ст. К. В. ж. д., 288.
 Марокко, 312, 531, 533.
 Марсель, 109.
 Масампо, 337.
 Мергенъ, 83, 98.
 Монголия, 14, 32, 34, 36, 103, 192, 193,
 196, 198, 200, 206, 215, 221, 228, 233,
 263, 265, 274, 275, 277, 281, 286, 298,
 302, 303, 459, 560, 599, 600.
 Moniteur Officiel de Commerce, 476.
 Морские таможи в Китае, 7, 8, 87, 90,
 96, 126, 197, 202, 416.
 Москва, 9, 112, 113, 116, 120, 129, 133,
 144, 149.
 Московское вооруженное восстание
 1905 г., 529.
 Муданьцзян, 372, 381.
 Мукденъ, 22, 103, 136, 140, 166, 170,
 177, 211, 230, 241, 268, 269, 275, 279,
 280, 295, 299, 370, 373, 393, 420, 422,
 451, 458, 491; ж. д. через М., 14, 167,
 168, 187.
 Мукденская провинция, 161, 166, 266,
 268, 270, 286, 320, 370, 374, 376, 380—
 382, 405, 415, 418, 441.
 Нагасаки, 196.
 Наместничество на Д. Востоке, 38, 44,
 408, 409, 443, 444, 446, 461, 462.
 Наньнинфу, 94, 202.
 Незамерзающий порт на тихоокеанском
 побережье, 79, 80, 105, 106, 114, 146,
 170, 190, 192, 219, 384, 385.
 Никольск-Уссурийский, 84, 160, 240, 546.
 Нингута, 84, 161, 188, 280, 372, 425,
 428.
 Нинъюаньский округ Мукд. пров. (кон-
 цессии), 382.
 Ново-Цурухайтуйский караул, 83, 85, 98.
 Нонни, 415, 561.
 The North China Herald, 135, 137, 139.
 Нючжуан, 100, 103, 140, 218, 240, 241,
 298, 347, 426.
 Одесса, 105, 106, 109.
 Омск, 10.
 Орхон, 599.
 Особое Совещание для рассмотрения
 вопросов, касающихся деятельности
 Об-ва КВЖД. 1906 сл. г.г., 558.
 Особый комитет Д. Востока, 44, 446, 458,
 461, 462.
 «Основания русского правительствен-
 ного надзора в Манчжурии» 1900 г.,
 266, 269—273, 278, 280, 289, 297,
 414.
 «Открытые двери» в Китай, 16, 17, 21,
 26, 30, 35, 212, 214, 219, 221, 222, 233,
 242, 243, 290, 304, 305, 311, 334, 339,
 345, 350, 352, 363, 367, 410, 422, 423,
 425, 433, 435, 437, 438, 442, 472, 473.

Пекин, 10, 15, 17, 20, 98, 101, 105, 106, 168, 171, 175, 215, 226, 238, 264, 266, 283, 365; [русские и иностранные войска в П. в 1900—1901 г. г.] 248, 251—260, 263, 293, 294, 318, 321, 322, 349.

Пектусан (ж. д. через П.), 393.

Пеньян, П. провинция, 337, 401.

Персия, 350, 526, 535.

Пескадорские о. о., 72, 74, 93.

Петербург, 48, 104—107, 109, 118, 133.

Печилийский залив, 133, 172, 174, 175, 196, 205, 209, 289.

Пограничная, ст. К. В. ж. д., 288.

Подушный сбор в Манчжурии, 459.

Порт-Артур, 15, 20, 22, 37, 41, 42, 46—51, 67—71, 74, 130—132, 136, 148, 179, 186, 191, 193—198, 200—208, 210—212, 219, 240, 241, 248, 254, 266, 267, 270, 279, 288, 302, 313, 334, 337, 348, 355, 361, 364, 384, 386, 394, 405, 412, 420, 439, 447, 450, 451, 455, 458, 493, 494, 496, 507, 512, 513, 537.

Порт-Саид, 106, 109.

Порто-Рико, 14.

Португалия (капитал), 6.

Потемкин (восстание на П.), 518, 523.

Приамурский край, 7, 27, 51, 69, 98, 100, 251, 270, 419, 437—439, 546, 562.

Приморская область, 7, 8, 15, 27, 36, 482, 547.

Размен кред. билетов на золото в России, 469—471, 493, 532, 536, 538.

Равгун, (жел. дор. в Р.), 100.

Революция в России, 5, 20, 25, 358, 360, 366, 404, 471, 510, 512, 515, 523, 528, 532, 533, 537, 540, 542, 550, 553.

Риу-Киу, 7.

Самодержавие, 368, 383, 397, 401, 403, 404, 411, 446, 471, 474—477, 479, 481, 483, 489, 532, 536.

Савьсинский округ Гирииск. пров., 372, 381, 554.

Сахалин, 7, 26, 36, 546, 547, 550.

Свидания политические:

Петергоф (Вильгельм — Николай, 1897 г.), 180—184, 481.

Дандиг (Вильгельм—Николай, 1901 г.), 356—360, 488.

Спала (Николай — Генрих Прусский, 1901 г.), 358—362, 398.

Ревель (Вильгельм — Николай, 1902 г.), 360, 362, 404.

Висбаден (Вильгельм — Николай, 1903 г.), 364, 452, 490.

Роминген (Вильгельм—Витте, 1905 г.), 524.

Свинемюнде (Вильгельм — Николай, 1907 г.), 521.

Священная дружина, 387.

Седлец-Бологовская ж. д., 357.

Семипалатинская область, 95.

Семиреченская область, 95.

Сеул, 7, 8, 10, 65, 141—145, 149—151, 153, 159, 164, 179, 385.

Сианьфу, 264, 277, 302, 303.

Сибирская ж. д., 3—5, 9, 10, 13, 18, 20, 28, 41, 42, 51—64, 68, 71—73, 77, 79, 82, 83, 85, 92, 97—99, 101—103, 108, 115, 128, 129, 133, 136, 138, 146, 187, 200, 207, 252, 367, 474—476, 480, 481.

Сибирь, 3, 4, 27, 56—58, 364, 529.

Сикким, 7.

Син-вэнь-бао, газ., 106.

Сияньминьтин, 230, 232.

Совещания о японо-китайской войне 1894—95 г., 66—81, 131, 138.

Совещание 31 октября 1900 г. о Манчжурии, 269, 273.

Совещание 28 июня 1901 г. о Манчжурии, 314, 321.

Совещания по Манчжурскому вопросу 1903—1904 г. г.: 11 января 1903 г., 416—418; 25 января 1903 г., 416—420, 436; 26 марта 1903 г., 406—408, 411, 421, 470; 13 апреля 1903 г., 425, 427; 7 мая 1903 г., 410, 411, 429, 431, 432; Порт-Артурские в июне 1903 г., 22, 423, 429, 433, 435, 437—439, 442, 447, 457; 1 августа 1903 г., 22, 440, 441, 442, 447; 15 декабря 1903 г., 448,

- 460; 26 января 1904 г., 478; «Предварительное» 10 января—30 мая 1904 г., 33, 460—465.
- Соединенные Штаты Америки: [правительство] 8, 9, 12, 14, 16—26, 30, 31, 33—35, 60, 65, 212, 241, 242, 245, 291, 295, 304, 306, 315, 342—346, 350, 352, 359, 422, 423, 472, 473, 490, 498, 507, 516, 517, 547; [капитал] 6, 7, 9, 16, 17, 21, 30, 31, 33, 84, 85, 102—104, 148, 152, 153, 211, 212, 242, 243, 304, 370, 374, 375, 401, 407, 472, 474, 475, 525, 527, 529, 530, 532, 534, 537, 546, 547, 551, 553, 555, 556, 558, 563—565.
- Соляной откуп в Манчжурии, 197, 459.
- Сончжияпо, 337.
- Союзы (и проекты с. с.):*
- Франко-русский, 19, 26, 257, 258, 349, 355, 362—364, 467, 471, 474, 476, 478, 479, 484, 487, 488, 490—492, 501, 503, 504, 509, 510, 521, 525, 527, 532, 534, 537, 542.
- Тройственный (итало-австро-германский), 310, 311, 351, 362.
- Русско-японский, 23 (проект Безобразова), 31, 33, 34.
- Русско-китайский, 13, 29, 46, 47, 59, 61, 85, 111, 114, 117, 129, 130, 134, 483.
- Русско-германский (проект), 19, 25, 353, 357, 358, 361, 479, 492, 501—504, 506, 507, 519—522, 524, 537, 538.
- Франко-германо-русский (проект), 46, 394, 396, 483, 492, 501, 502, 505, 521.
- Англо-японо-германский (проект), 307—308.
- Англо-японский, см. дипломатич. акты.
- Сретенск, 41, 52, 82, 83, 95, 98, 414, 556.
- Стачки 1903 г. в России, 443.
- Сунгари, 95, 240, 280, 288, 372, 380, 415, 418, 425, 428, 441, 561.
- Сучавский лес, 396, 399.
- Сучжоу, 100.
- Суэц, 57, 58, 109.
- Сыантан, 202.
- Сянцзян, 197.
- Таймс (The Times), 88, 295, 526.
- Тайюаньфу, 226, 264.
- Таку (Дагу), 248, 250, 257, 258, 260, 261, 315.
- Le Temps, 525, 541.
- Тавхезе (минер. воды), 405.
- Тарбогатайский округ, 298.
- Тихий океан, 4, 10, 27, 31, 38, 52, 57, 63, 68, 71, 133, 143, 170, 186, 187, 190, 205, 219, 359, 362, 364, 415, 472, 474, 484, 556.
- Тонкин, 93, 94.
- Тонкинский залив, 180.
- Тумень, р., 178, 385, 415, 436.
- Туннель Хинганский (К. В. ж. д.), 367.
- Туркестан (Китайский), 282.
- Турция, 87.
- Талин, 280, 382.
- Тяньцзинь, 53, 94, 169, 216, 247, 248, 254, 257, 263, 266.
- Уйхэ, 380.
- Улясугай, 600.
- Уницзян, 197.
- Управление императорских китайских ж. д., 53.
- Урал, 12, 51, 474, 482.
- Урга, 34, 600, 601.
- Уссурийская ж. д., 39, 52—54.
- Фашода, 14, 227.
- Филиппины, 14, 30, 242.
- Финансовый советник в Корее, 8, 11, 15, 145—147, 149, 150, 153—156, 158, 159, 177, 179, 206, 207, 316.
- Формоза, 10, 74.
- Формозский пролив, 93.
- Франция: [правительство] 7, 8, 12, 14—16, 19, 24—27, 33, 65, 75, 78, 93, 94, 102, 155, 180, 198—200, 202, 205, 227, 257, 260, 310, 330, 331, 343, 349, 355, 358—360, 362—365, 471, 473—476, 478, 480, 481, 484, 485, 487, 489—492, 496, 498, 500—502, 504—506, 507, 509, 511, 512, 514, 517—519, 521—524, 526, 532, 534, 535, 540—542, 549; [капитал] 6, 9, 12, 13, 28, 56, 69, 70, 72,

- 86—92, 94, 96, 99, 120, 121, 149, 216, 217, 226, 227, 233, 235, 236, 241, 243, 349, 357—359, 407, 451, 467—469, 471, 474—477, 481—489, 493—496, 499, 500, 508—510, 512, 514, 516—518, 525—527, 532, 536, 541—544, 549, 550, (акционеры Рос. Зол. Об-ва) 592; [пресса] 468, 469, 494, 496, 510, 511, 519, 544.
- Фудутуны в Манчжурии, 270, 272, 289, 298, 497.
- Фузан, 140, 142, 178, 187.
- Фулярди, 425, 428.
- Фуцзянь, 15.
- Фушунь (каменноугольные копи), 26, 31, 166, 381, 382, 405, 432, 449, 451, 549—555.
- Фынхуанчэн, 177.
- Хабаровск, 82, 83, 414, 556.
- Хайлар, 425, 428.
- Хайнань, о., 75, 180.
- Хайчэн, 11.
- Хамкионская провинция в Корее, 401.
- Ханькоу, 94, 226.
- Харбин, 160, 240, 241, 279, 288, 425, 428, 497, 516, 555.
- Хотанский округ, 286, 298, 302.
- Хуанхэ, 216.
- Хуланьхэ, 372.
- Хуланьчэн, 161.
- Хунань, 197.
- Хунхузы, 131, 406, 497, 549.
- Хуньчунь, 52, 320, 372, 375, 425, 428, 441; ж. д. к Х., 131, 160.
- Хэйлуцзянская провинция, 112, 137, 241, 270, 286, 372, 375, 380, 418, 441, 460.
- Хэнань, 217.
- Цейлон, 59.
- Цзинаньфу, 216.
- Цзиньчжоу, 34, 101, 140, 169, 173, 211.
- Цзиньчжоутун, 281, 290, 298, 421.
- Цзун-ли-ямынь, 94, 104, 106, 138, 171, 176, 180, 182, 185, 190, 195, 196, 198, 199.
- Цзян-цзюни манчжурские, 172, 190, 264, 266—268, 270, 272, 273, 276, 280, 289, 292, 295, 297, 298, 322, 348, 370, 379, 381, 384, 402, 497.
- Цзяочжоу (Киао-Чао), 15, 47, 106, 182, 133, 136, 139, 170, 180—190, 193, 201, 480.
- Цзю-шэ-цзюй, 127, 240.
- Цзяпигу (концессия), 376, 380, 382, 549.
- Цзяшань (концессия), 382.
- Цинampo, 447.
- Циндао, 184.
- Циньвандао, 286, 315.
- Цицикар, 84, 108, 136, 160, 161, 279, 280, 425, 428, 441.
- Цусима, 130, 195.
- Челябинск, 53, 54.
- Чемульпо, 155, 164, 178, 364, 447.
- Черное море, 52, 109, 556.
- Чжендинфу, 226.
- Чжилыйскал провинция, 139, 210, 215, 253, 256, 261, 282, 283, 285, 314, 321.
- Чжэньцзян, 216, 226.
- Чжэцзян, пров., 217.
- Чита, 5, 85, 288.
- Шанхай, 10, 58, 85, 100, 106, 109, 118, 159, 170, 176, 263, 364, 369, 486.
- Шаньдун, 15, 35, 177, 183, 194, 205, 206, 209, 241, 483.
- Шаньхайгуань, 53, 101, 136, 175, 211, 215, 232, 299, 315, 375.
- Швеция (капитал), 6.
- Шестакова порт, 394.
- Шимьяоцзыгоу, 374, 375.
- Юньнань, 94, 100, 180, 205.
- Юлиньпу, см. Люиньпу.
- Ялуцзян, 11, 201, 207, 208, 286, 350, 374, 384, 393, 399, 405, 407, 447, 448, 451; «заслон», 20, 47, 407; лесная концессия в Корее, 20, 178, 350, 383—386, 389, 390, 395, 399, 405, 406, 436, 437; лесная концессия в Манчжурии, 20, 286, 369, 383, 384, 402, 405, 406, 408, 421, 436, 458, 459.

- Япцзы, 16, 80, 197, 202, 212, 213, 216, 225, 226, 228, 231, 233, 236, 246, 261, 426, 486.
- Яньтай (каменноугольные копи), 31, 241.
- Япония: [правительство] 5, 7, 8, 10—15, 19—37, 46, 47, 61, 65—79, 86, 93, 104, 114, 133, 140—148, 150, 151, 153, 155, 156, 179, 187, 189, 196, 200, 204, 206—208, 219, 222, 246, 253, 291, 293—295, 302, 303, 306—319, 328, 330—339, 342, 343, 345, 347, 350—352, 354, 361, 363—366, 412, 417, 422, 423, 426, 427, 429, 441, 442, 460, 470—473, 479, 480, 489, 490, 498, 506, 509, 522, 533, 546—549, 551, 553—557; [капитал] 9, 58, 61, 65, 99, 140, 148, 178, 200, 248, 369.
- Японское море, 3, 152.
- Яркендский округ (концессии), 286, 298, 302.
-

Российское Золотопромышленное Общество¹.

Открыло свои действия 26 мая 1895 г. Учредители *О. И. Петрокино* и *К. А. Варгуни*. Акц. капитал 5 мил. р., разделенных на 50 тыс. акций. Из них 6750 акций передавались бар. *Г. Е. Гинцбургу* в обмен на 225 паев *Ленского Золотопромышленного Т-ва* (из общего числа 900). В правление об-ва вошли: *О. Петрокино*, *К. Варгуни*, *А. Ф. Масловский* и *А. И. Нерпин*. В Совет: *Г. Е. Гинцбург*, *Д. И. Петрокино*, *А. Ю. Ротштейн*, *Л. Виллар*, *А. А. Померанцев*, *Н. Н. Богданов*, *К. Д. Бенардаки*, *Р. Шарлье* и *Т. Р. Ломбардо*.

К общему собранию 26 мая 1895 г. представили акции: 1) Придворная контора в. кн. *Николая Николаевича* (250); 2) *Альчевский А. К.* (500); 3) *Баймаков Ф. Ф.*, служ. Уч. и Суд. банка (16); 4) *Бенардаки Н. Д.* (312); 5) *Бенардаки К. Д.* (156); 6) *Богданов Н. Н.*, чл. сов. Р. д. Вн. Торг. банка (312); 7) *Богданов Н. А.* (62); 8) *Буге Ф.* (62); 9) *Вавельберг Г.* (750); 10) *Вальцов Д. П.*, упр. дел. в. кн. *Ник. Ник.* (50); 11) *Варгуни К. А.*, вице-предс. Правл. Уч. и Сс. б. (1250); 12) *Вебер О. О.*, довер. Межд. Ком. банка (62); 12) *Герберг Б. В.*, дир. Дон.-Юр. об-ва (125); 14) *Гинцбург Г. О.* (125); 15) *Гинцбург Д. Г.* (500); 16) *Глоков Л. К.*, дов. Уч. и Сс. б. (20); 17) *Гольденберг М. Д.* (50); 18) *Гольдштанд И. Л.*, чл. Правл. Межд. Ком. б. (250); 19) *Голубев В. Ф.* (375); 20) *Грубе Р. И.*, бирж. макл. (62); 21) *Губер К. К.*, чл. Упр. Каз. ж. д. (18); 22) *Десмон Р. И.*, дов. Уч. и Сс. б. (16); 23) *Журавлев М. Н.*, вице-пред. Правл. Уч. и Сс. б. (375); 24) *Картавцев Е. Е.*, чл. Сов. Р. д. Вн. Торг. б. (125); 25) *Кестлин И. И.*, тов. дир. Р. д. Вн. Торг. б. (62); 26) *Костылев Н. А.*, чл. Правл. В.-Кам. б. (250); 27) *Кох А. Ф.*, чл. Правл. Межд. Ком. б. (250); 28) *Ломбардо Т. Р.*, Правл. об-ва Ю.-Вост. ж. д. (125); 29) *Лепенау Г.* (62); 30) *Макаров Н. В.*, дов. Уч. и Сс. б. (19); 31) *Максимов И. М.* (125); 32) *Манасевич Т. А.* (37); 33) *Масловский А. Ф.*, пред. Правл. СПб.-Тул. с. б. (200); 34) *Маслов А. Н.* (15); 35) *Мейер Э. М.* и *К-о* (625); 36) *Моор М. А.*, дов. Уч. и Сс. б. (15); 37) *Мураний А. И.*, дир. СПб. Частн. Ком. б. (312); 38) *Мухин А. Ф.*, дир. В.-Камск. б. (750); 39) *Нерпин А. И.*, тов. расп. Верхне-Амур. и Амгунск. К-о (300); 40) *Нецлин Э.*, дир. Парижско-Нидерл. б. (250); 41) *Новицкий З. О.* (21); 42) *Нотгафт Ф. К.*, дир. Межд. Ком. б. (250); 43) *Палашковский С. Е.*, инженер (1250); 44) *Петрокино О. И.* (1134); 45) *Петрокино Д. И.*, дир. Уч. и Сс. б.

¹ Данные для этой справки взяты нами из фонда Рос. Зол. Об-ва, д.д. №№ 339—353.

(438); 46) Петрококино А. И., комиссионер (312); 47) Петрококино Ф. И., бирж. макл. (250); 48) Петрококино братья (250); 49) Подменер К. Г. (187); 50) Полежаев Н. М., чл. Правл. Уч. и Сс. б. (1250); 51) Померанцев А. А., пред. Совета Р. Торг.-Пром. б. (125); 52) Попов В. В. (62); 53) Пюффер Ф. А., дов. Межд. Ком. б. (62); 54) Рамсейер Ю. И., дов. Уч. и Сс. б. (24); 55) Рафалович А-др Ф. (62); 56) Рафалович Арт. Ф., чл. Правл. Р. д. Вн. Торг. б. (125); 57) Романов В. А. (62); 58) Ротштейн А. Ю., дир. Межд. Ком. б. (1125); 59) Сементовский-Курило К. М. (62), 60) Скальковский П. А. (62); 61) Смит Вертольд, Рос. Об-во Морск. Страх. (62); 62) СПБ. Международный Коммерческий банк (1875); 63) СПБ. Учетный и Ссудный банк (4113); 64) Утеман Ф. В., чл. Правл. Уч. и Сс. б. (312); 65) Утин Я. И., вице-пред. Правл. Уч. и Сс. б. (125); 66) Френкель А. О., дир. Р. д. Вн. Торг. б. (375); 67) Хессин П. Я., пок. и прод. %/о бум. (62); 68) Шарль Рене, чл. Правл. Уч. и Сс. б. (62); 69) Шерешевский Г. и К^о (125); 70) Шефтель М. И. (125); 71) Шмидт К. Ф., чл. Правл. Амур. Об-ва пар-ва и торг. (62); 72) Шнейдер М. В. (20); 73) Эбенау Р. И., дов. Уч. и Сс. б. (17); 74) Эвморфопуло Г. И., бирж. макл. (200); 75) Эрк Н. П., депутат Уч. и Сс. б. (62); 76) Юнкер И. В. и К^о (500); 77) Вязмитинов Н. П. (70); 77а) Петрококино О. И. (6750) — [всего у русских акционеров 31250]; иностранные акционеры¹: 78) Парижский и Нидерландский банк [Эрк] (3639); 79) Гейне и К^о [Рамсейер] (625); 80) Готтингер и К^о [Рамсейер] (312); 81) К. Гогель и К^о [Шнейдер] (312); 82) Вдова Кинен и К^о [Шнейдер] (312); 83) Международный банк в Париже [Ломбардо] (2500); 84) Ефруси и Поржес [Десмон] (1000); 85) А. И. Стери и К^о [Десмон] (675); 86) Демаши и Ф. Сельер [Макаров] (400); 87) Г. Бамбергер [Макаров] (500); 88) Граф Жермини [Новицкий] (337); 89) Евг. Гуэн [Новицкий] (400); 90) Нейлин Э. [Глоков] (362); 91) Исидор Салла [Баймаков] (82); 92) Артур Рафалович [Баймаков] (250); 93) Жозеф Торс [Глоков] (200); 94) Л. Виллар [Моор] (325); 95) Джеймс Гирш [Моор] (125); 96) Гуго Тейсье [Скальковский] (125); 97) Гуго Финали [Скальковский] (125); 98) В. Мак Свинэй и К^о [Эбенау] (500); 99) Н. И. и С. Бардак [Эбенау] (500); 100) А. Тардые [Смит] (250); 101) К. Блох [Смит] (125); 102) Э. Тери [Губер] (62); 103) Раф. Жорж Леви [Губер] (75); 104) Эрн. Дютильель [Буге] (300); 105) Раф. Бауер [Буге] (334); 106) Шопен де Жанври [Романов] (82); 107) Эд. Шевро [Романов] (164); 108) Луи де Штейгер [Вязмитинов] (77); 109) Евг. Латес [Вязмитинов] (18); 110) Вилли Кан [А. Петрококино] (25); 111) К. Г. Дюмен [А. Петрококино] (75); 112) Генр. ван Вик [Палашковский] (25); 113) Жоссе Аллард [Шарлье] (25); 114) Граф Ферд. Ультремон [Ломбардо] (25); 115) Гр. Иван Ультремон [Нерпин] (25); 116) Герм. Стери [Нерпин] (60); 117) Ник. Гуртадо [Шмидт] (25); 118) К. Бельзер [Шмидт] (30); 119) Авг. Леон [Шарлье] (38); 120) Луи Бауер [Грубе] (25); 121) Кассель и К^о [Грубе] (30); 122) Г. Рулофс [Богданов] (13); 123) Фр. Филиппсон [Богданов] (30); 124) Сигм. Бернштейн [Гольденберг] (13); 125) Р. Рейтинс [Утин] (25); 126) Ф. Поллак [Утин] (125); 127) Жак Гинцбург [Вебер] (100); 128) М. Бертов (75); 129) И. Люссон и К^о (75); 130) П. Кринос (190); 131) Ад. Чаманский [Эрк] (150); 132) О. И. Петрококино (2253). — Всего 50000.

¹ В прямых скобках указаны лица, расписавшиеся на списке за владельцев.

В течение двух лет Об-во широко раскинуло свою деятельность, увеличив основной капитал до 7 1/2 мил. р. К июню 1897 г. 6/7 капитала было вложено в: 1) акции Ленск. Зол. Т-ва 1.500.000 р.; 2) приiski в Забайкальи 450.000 р.; 3) Мариинские приiski 25.000 р.; 4) Южно-Уральские приiski 350.000 р.; 5) пайи Приамурского Зол. Т-ва 150.000 р.; 6) пайи Амгунской Зол. К^о 3.700.000р. — всего 6.025.000 р. Впервые прибыль (67.362 р. 27 к.) была показана в отчете за 1898 г., но уже в 1899 г. особая комиссия, выделенная для обследования положения дел в об-ве, признала его неблагополучным. На собрание 27 мая 1900 г. представители СПБ. Межд. б., Вавельберга и Юнкера внесли предложение о дополнительном выпуске привилегированных акций на 2 1/2 мил. р. Однако, к концу 1900 г. акции Об-ва котировались по 20 р. штука, и новый выпуск оказался невозможен. Когда в марте 1901 г. собрание акционеров постановило уменьшить основной капитал до 2 мил. р., заменив старые 50 тыс. акций по 150 р. новыми 20 тысячами по 100 р., и после этого провести дополнительный выпуск на 2 1/2 мил. р., убытки Об-ва достигали уже 223.750 р. Самое крупное предприятие Об-ва, приiski Амгунской К^о, настолько запуталось, что в 1902 г. единственным выходом из положения было признано заложить пайи этой К^о, находившиеся в распоряжении Об-ва, в Гос. Банке.

С 1898 г. состав Правления переизбирался ежегодно: 1 декабря 1898 г. — бар. Н. Е. Врангель, Ротштейн, К. Варгунин, Ломбардо; 3 ноября 1899 г. — А. А. Давидов, Н. Д. Никифоров, И. Ефрон; 8 декабря 1900 г. — Врангель, Ротштейн, Ломбардо; 1 декабря 1901 г. — Давидов, Ефрон, Кольберг, Шайкевич; 4 февраля 1903 г. — Врангель, С. И. Литтауер, Ротштейн.

Приводим сводный список акционеров и число акций, представлявшихся ими к ежегодным общим собраниям 27 июня 1896 г., 5 июня 1897 г., 1 декабря 1898 г., 3 ноября 1899 г., 8 декабря 1900 г., 1 декабря 1901 г. и 4 февраля 1903 г. (звездочкой при цифрах отмечены акции, представленные в Парижский и Нидерландский банк).

Владельцы акций:	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1903
1) Альванг А. Э., упр. Стр. О-ва Якорь.	—	—	10	—	—	—	—
2) Амирагов Г., куп.	25	—	—	—	—	—	—
3) Антипов В. Н., упр. Ник. ж. д.	—	—	—	—	25	25	25.
4) Архангельский В. В., СПБ. Окр. Пут. С.	—	—	—	—	—	25	—
5) Ассафрей А. Ф., инж. п. с.	—	—	10	—	—	—	—
6) Багницкий Д. Р.	—	—	—	—	—	—	12
7) Бари В. В., куп. СПБ.	—	—	100	100	25	25	25
8) Бастиан Ф., бирж. макл.	—	25	—	—	—	—	—
9) Башилов А. П., домвл. СПБ., СПБ. Бирж. К-т	—	—	60	—	—	—	—
10) Бедряга А. В.	—	—	25	50	—	—	—
11) Белюстин Н. И., дир. д-та таж. сб.	—	—	12	—	—	—	—
12) Бенардаки К. Д.	191	131	131	35	35	—	—
13) гр. Берг Г. Г., ген.-м.	—	1000	—	—	—	—	—
						38	

Владельцы акций:	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1903
14) Берензон И. Д.	—	—	—	25	25	35	25
15) Бизер	—	50*	—	—	—	—	—
16) Бистром Ф. Р., домвл. СПБ.	—	—	75	75	—	25	—
17) Богданов Н. Н., чл. Сов. Р. д. Вн. Т. б.	35	35	35	35	35	—	35
18) Ф. Бреверн Н. О.	100	100	—	—	—	—	—
19) Бродский Лазарь	—	—	—	2025	2025	2025	2025
20) Бумагин М. Я.	—	—	1	1	1	1	1
21) Вавельберг Г., вл. Банк. д.	—	2700	3906	4549	1839	—	100
22) Варгунин К. А., чл. Правл. Уч. и Сс. б.	675	70	675	70	70	—	—
23) Варгунин А. И. и К ^о	—	605	—	—	—	—	—
24) Варшавский Ком. банк . .	640	—	—	—	—	—	—
25) Вебер О. О., дов. СПБ. Межд. б.	—	—	—	—	200	200	200
26) Ф. Вендрих А. А., воен. инж.	25	—	200	—	—	—	—
27) Виллар Л.	35	35	35	35	35	—	—
	+50*	+50*	+50*				
28) Винтерфельд В. Я.	—	—	—	—	—	50	—
29) Витте Н. А., дир. Правл. Азовск. пар-ва	—	—	30	—	—	—	—
30) Воробьев А. М.	—	—	—	—	25	25	25
31) Воронин Н. А., куп. СПБ. .	—	—	175	—	—	150	—
32) бар. Врангель Н. Е. горн. инж.	—	—	50	70	70	70	70
33) Вульфсон Б. (Л.?), чл. СПБ. Ломб.	—	15	80	—	—	—	—
34) Выставкин В. К., бухг. Гос. Контр.	—	—	—	28	24	24	24
35) Гангель и К ^о	86*	—	—	—	—	—	—
36) Гейне и К ^о	200*	—	—	—	—	—	—
37) Гинцбург Г. Е.	1535	1635	—	—	—	—	—
38) Гольдштадт И., чл. Правл. Межд. б.	200	—	—	—	100	100	100
39) Гольдштадт Л.	—	—	—	—	252	172	172
40) Гельстрем А.	40	—	—	—	—	—	—
41) Гордон С.	—	115	115	—	—	—	—
42) Гравкин Н.	—	1	5	—	—	—	—
43) Гренцер С. А., куп. 1 гильд.	—	25	—	—	—	—	—
44) Грюнинг Б.	—	—	75	—	—	—	—
45) Гуэн Е.	100*	100*	100*	—	—	—	—
46) Гурилева Ф. А., жена куп. 1 гильд.	30	100	—	—	—	—	—
47) Гутман А. Е.	—	—	—	—	—	150	—
48) Давидов А. А., дов. СПБ. Межд. б.	—	—	50	170	170	170	345
49) Демаши и Сельер	100*	100*	100*	—	—	—	—

Владельцы акций:	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1903
50) Добротворский А. Я., врач.	—	—	—	—	15	—	—
51) Дюээн Ш.	25*	25*	25*	—	—	—	—
52) Ерошенко А. И., вл. мен. лавки	—	—	15	—	25	10	25
53) Ершов Д. М., домовл. СПб. .	—	32	—	—	—	—	—
54) Ефрон И. А., дир. изд-ва. .	—	—	—	50	70	70	70
55) Жельветр А. В., франц. инж.	—	35	35	35	35	—	—
56) Жохов П. К., от. кап.	—	20	—	—	—	—	—
57) Жубер	150*	—	150*	—	—	—	—
58) Зеленой И. А., зав. двор. в. кн. Конст. Конст.	—	25	1	1	1	1	1
59) Зеринг А. И.	—	—	—	—	12	50	12
60) Зобов И. В., куп. СПб. . . .	—	—	—	—	80	10	80
61) Исаев И. Г.	—	—	25	—	—	—	—
62) Кадетов И. М., домовл. СПб.	—	—	—	1	5	—	—
63) Каралли Н. И., бирж. макл.	—	—	50	—	—	—	—
64) Картавцев Е. Е., чл. Сов. Р. д. Вн. Т. б.	—	—	150	—	—	—	—
65) Кашинский И.	5	—	—	—	—	—	—
66) Квитте Ф. М., куп.	—	25	—	—	—	—	—
67) Кейзерлинг А. Г., дир. О-ва Алдр. каменол.	—	—	75	—	—	—	—
68) Кобылкин С. А., куп. СПб.	200	—	—	—	—	—	—
69) Кобычев А. А., чл. О-ва Сод. торг. и пром.	12	12	12	—	12	12	12
70) Козлов С. С., гр. инж.	—	12	—	—	—	—	—
71) Колесов К.	—	25	—	—	—	—	—
72) Кольберг Г. А., горн. инж.	—	—	—	70	70	70	70
73) Конасов Н. А.	25	—	—	—	—	—	—
74) Конасов И. Н.	—	10	—	15	15	15	15
75) Корепанов В. А.	—	—	15	—	—	—	—
76) Коробков А. И., банк. д. М. Нелькен	25	—	50	—	—	100	100
77) Кох А. Ф., чл. Правл. СПб. Межд. б.	255	255	1000	500	170	481	661
78) Кротте Р.	—	—	20	—	—	—	—
79) Кухта К. П., чин. ос. пор. М. Ф.	—	100	—	—	—	—	—
80) Литтауер С. И., горн. инж.	—	—	—	70	70	70	70
81) Ломбардо Т. Р., правл. О. Ю.-В. ж. д.	35	35	110	70	70	70	70
82) Макрюков С. М.	—	—	15	20	20	20	20
83) Максимов П. А., домовл. СПб.	60	—	—	—	—	—	—
84) Мандель Э. С., прис. стр. Ком. суда	—	25	—	—	—	—	—
85) Матусовский Б.	—	—	50	—	—	—	—

<i>Владельцы акций:</i>	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1903
86) Матусовский Н.	—	—	25	—	—	—	—
87) Мейер и К ^о , банк. дом . . .	740	—	—	—	—	—	—
88) Меньев К. С., домовл. СПб., г. Думы	—	12	25	12	50	—	50
89) Нелькен М., влад. банк. дома в СПб.	—	1200	—	—	—	—	—
90) Нерони А. И., тов. расп. В.- Амур. и Амг. Зол. К ^о . .	280	70	130	70	70	—	—
91) Никифоров Н. Д., кам.-юнк.	—	—	3	70	70	70	70
92) Николай Ю. Ф., дов. СПб. Межд. б.	—	—	—	—	—	100	100
93) Носов И. Н., домовл. СПб. .	—	20	—	—	—	—	—
94) Нотгафт Т.	50	—	—	—	—	—	—
95) Осипов А.	—	20	—	—	—	—	—
96) Пазухин П.	—	—	5	—	—	—	—
97) Палашковский С. Е., инж. .	470	470	70	70	—	—	—
98) Палибин М. И.	—	100	—	—	—	—	—
99) Парижский и Нидерланд- ский банк.	686*	419*	929*	—	—	—	—
100) Пеншюн г-жа	15	—	—	—	—	—	—
101) Петрокино Ф. И.	1270 +60*	1110 +33*	1370 +33*	1440	—	1070	1070
102) Петрокино Д. И., чл. Правл. Уч. и Сс. б. . . .	535	285	320	35	35	—	—
103) Петрокино Ф. И., бирж. макл.	100	—	—	—	—	—	—
104) Печенкин и К-о, банк. конт.	—	15	25	—	25	—	—
105) Подгорный К. П.	—	—	100	—	—	—	—
106) Полежаев Н. М., Уч. и Сс. б.	685	685	—	—	—	—	—
107) Полежаев Н. Н., Р. д. Вн. Т. б.	25	25	90	—	—	—	—
108) Полуэктов А., меняльн. лавка	—	—	30	15	—	—	12
109) Померанцев А. А., пред. Сов. Р. Т.-Пр. б.	35	35	35	35	35	—	—
110) Попов Д. А., куп. СПб. . .	—	250	250	—	—	—	—
111) Прелин А. С.	—	—	—	—	—	25	—
112) Прохоров М. Ф.	5	22	—	—	—	—	—
113) Пфейфер Ф. А., дов. СПб. Межд. б.	—	37	—	—	200	200	200
114) Ратьков-Рожнов В. А., гор. гол. СПб.	—	200	1350	1350	1000	915	915
115) Ратьков-Рожнов Я. В., дир. Об-ва Самолеп	—	—	815	500	—	1000	1000
116) Рафалович А. Ф., чл. Правл. Р. д. Вн. Т. б.	—	—	25	—	—	—	—
117) Резвицов А. Д.	—	—	—	—	24	24	24
118) Резцов А. Д.	—	—	—	28	—	—	—

Владельцы акций:	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1903
119) Родзевич А. А., вл. техн. кооп. СПБ.	—	—	—	20	—	—	—
120) Ромашов Н. М., кап. 2 ранга.	—	—	40	—	—	—	—
121) Ротштейн А. Ю., чл. Правл. СПБ. Межд. б.	516	336	3035	1070	1441	1070	1233
122) Русский Торгово-Промышленный банк	140	—	—	—	—	—	—
123) Смирнов И. И.	—	300	—	—	—	—	—
124) Смирнов Н. И.	120	—	—	—	—	—	—
125) Соколов А. А.	—	—	—	15	—	—	—
126) Соловейчик М. А., тов. дир. Сиб. Т. б.	—	25	—	—	—	—	—
127) Сонгайло Л. К., горн. инж.	—	—	—	70	70	70	70
128) Спитцер Г. К., чл. Правл. СПБ. Межд. б.	—	—	500	100	210	—	701
129) СПБ. Международный Коммерч. банк	3500	8000 ¹	5000	4000	4585	4800	4800
130) СПБ. Учетный и Ссудный банк	500	150	600	300	—	—	—
131) Стерн и К ^о	175*	175*	100*	—	—	—	—
132) Суцов Н. И., чл. Сов. Р. д. Вн. Т. б.	100	—	—	—	—	—	—
133) Тейсье.	25*	25*	25*	—	—	—	—
134) Терк Г. Т., дир. Правл. Т-ва Богатов. сах. зав., деп. Уч. и Сс. б.	150	—	—	—	—	—	—
135) Трубе А., куп. СПБ.	25	—	—	—	—	—	—
136) Утеман Ф. В., чл. Правл. Уч. и Сс. б.	300	—	—	—	—	—	—
137) Утин Я. И., вице-предс. Правл. Уч. и Сс. б.	315	235	270	35	35	—	—
138) Федоров А. С.	—	—	25	—	—	—	—
139) Федоров И. Ф.	—	—	15	—	—	—	—
140) Филева Е. Е.	—	12	—	—	—	—	—
141) Фурман Б. Е., архитектор	—	25	25	—	—	—	—
142) Шабишев С. С., чл. ликв. ком. Глебовских зав.	—	—	1	1	1	1	1
143) Шайкевич Е. Г., чл. Правл. СПБ. Межд. б.	—	—	50	200	200	1062	381
144) Шарлье Р., чл. Правл. Уч. и Сс. б.	380	170	240	70	70	—	—
145) Шевран	25*	25*	25*	—	—	—	—
146) Шестель М. И., прис. пов.	—	—	12	—	—	—	—
147) Шлумбергер О. А.	—	—	50	—	—	—	—

¹ К чрезвычайному общему собранию 30 июня 1898 г. СПБ. Межд. банк представил пакет в 9300 акций.

<i>Владельцы акций:</i>	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1903
148) Шляков П. А., дир. СПБ. Межд. б., т. дир. Р.-Кит. б.	—	—	—	—	25	25	25
149) Шопен де Жанври	20*	20*	20*	—	—	—	—
150) Шпанов В. С., прис. пов. .	—	—	25	25	—	—	12
151) Штибель Е. Я., стр. Об-во Россия	—	35	—	—	—	—	—
152) Штифтер М. В., дов. банк. д. Нелькен	—	—	25	—	—	—	—
153) Эллерс В. Г.	—	—	20	—	—	—	—
154) Эрк Н. П., депутат Уч. и Сс. б.	30	30	50	—	—	35	—
155) Эссен	25	—	—	—	—	—	—
156) Юнкер Б. Ф., вкладч. б. д. Юнкер и К ^о	—	—	—	—	100	50	100
157) Юнкер И. В. и К ^о	100	100	90	100	100	100	100
Всего . . .	15201	22174	23800	17731	13972	14828	15454

Синдикат 1897 года и Монголор¹.

«Синдикат для исследования рудных богатств в Китае» (Syndicat pour l'exploration des richesses minières en Chine), по договору между участниками от 14 июня 1897 г., учреждался с капиталом в 500.000 р., разделенным на 100 паев, с тем что прибыли будут делиться: 50% членам Синдиката, 22½% Русско-Китайскому банку, 22½% Российскому Золотопромышленному Обществу, и 5% членам Комитета, в который вошли: О. И. Петрокино, А. Ю. Ротштейн, А. И. Нерпин, Н. И. Филиппов, Д. Д. Покотилов и В. Ю. Грот.

Участники Синдиката, подписавшие договор: 1) О. И. Петрокино (10 паев); 2) СПБ. Международный банк (10 паев); 3) И. Гольдштанд (3 пая); 4) А. Ротштейн (4); 5) А. Кох (4); 6) С. Палашковский (1); 7) Г. Вавельберг (3); 8) Д. И. Петрокино (2); 9) Я. Утин (1); 10) Р. Шарль (1); 11) А. А. Померанцев (2); 12) А. И. Нерпин (2); 13) Н. Н. Богданов (2); 14) И. В. Юнкер и Ко (2); 15) И. Кестлин (2); 16) Н. Костылев (1); 17) Н. Филиппов (3); 18) С. Кербедз (1); 19) Ю. Ротштейн (1); 20) А. Кан (2); 21) Д. Шерешевский (1); 22) Эмворфопуло (2); 23) Ф. Пейфер (½); 24) К. Нотгафт (1); 25) О. Вебер (½); 26) Циглер-ф. Шафгаузен (1); 27) К. А. Варгуин (1); 28) Э. Ухтомский (1); 29) В. Ю. Грот (1).

Участники Синдиката, письменно известившие Русско-Китайский банк о согласии принять участие: 30) Ф. И. Петрокино; 31) Мендельсон, Берлин; 32) Эрн. Мэй, Париж; 33) бр. Джамгаровы, Москва; 34) Э. Нейлин; 35) Л. Бродский, Киев; 36) Société Générale pour l'Industrie en Russie, Париж; 37) Моск. Отделение СПБ. Международного банка.

26 января 1900 г. комитет Синдиката постановил образовать акционерное общество для эксплуатации концессий на разработку золота, полученных Гротом от китайского правительства, в пределах Тушетухановского и Цеценхановского аймаков в Монголии (по теч. р. Орхон с притоками), с капиталом в 3 мил. р., разделенным на 12 тыс. акций по 250 р. (устав утв. 4 апреля 1900 г.). Из них 1 мил. р. брала на себя «бельгийская группа». В Правление общества вошли: Ухтомский, А. Броун де Тъж, Грот, Ротштейн и А. А. Дави-

¹ Данные для этой справки взяты нами из д. № 23, 3 отд. К. М. Ф., и из д.д. №№ 24, 19, 11, 15, 6, 4 и 8 Монголора.

дов. Директором-распорядителем и Уполномоченным Об-ва в Монголии назначен был Грот.

По некоторым признакам, с самого начала не предполагалось ограничить деятельность Общества одною только разработкою золотоносных площадей громадного района предоставленного Гроту «предписанием» Улусутайского цзянцзюня на 25 лет в мае 1899 г.¹ По стопам Об-ва в Ургу и Улусутай уже весной 1900 г. двинулся и Русско-Китайский банк со своими агентствами, и Грот, которому была поручена их организация, прямо ставил вопрос об учреждении там «впоследствии» Монгольского банка «в связи с золотопромышленным обществом»². Более того: тотчас по получении своей концессии, в июле 1899 г., Грот в Петербурге виделся с Витте и получил от него «принципиальное согласие» на «получение им [Гротом] концессии на линию на Калган», т. е. по тому самому направлению к Пекину, к которому, как рассказано выше (стр. 237 сл.), Витте как раз в эти дни искал способа подойти посредством выкупа у англичан займа под Шаньхайгуаньскую ж. д.; а, когда Грот стал задерживаться с хлопотами по этому делу, весной 1900 г., еще до выступления боксеров, Гирс обращался к нему с напоминаниями о «желательности» «хлопот по этому предмету»³. После разговора с Ротштейном в январе 1901 г. и свидания с Витте, который и на этот раз «пожелал ему полного успеха», Грот весной 1901 г., когда с боксерами было уже покончено, отправил, наконец, двух шведских инженеров «для исследования дистанции Пекин — Калган», а заодно и людей для открытия агентства Русско-Китайского банка в Калгане — в полном убеждении, «что он действует с полного одобрения нашего правительства»⁴. Немудрено, что не только сам Грот, но и, напр., такой всегда безукоризненно чуткий агент Витте, как Покотиллов, знавший, как было дело, совсем не ожидали того взрыва, который произвело в Петербурге донесение русского консула в Урге о предположенной поездке инженеров — летом 1901 г. По категорическому требованию Витте Грот тотчас же был уволен от службы по Русско-Китайскому банку, а вместе с ним погребена была и всякая мысль о Пекин-Калганской ж. д., и все дело приняло вид, будто в Петербурге раньше ни о чем подобном и не помышляли: июль 1899 г., действительно, был совсем не похож на лето 1901 г., «время экономическое» был теперь совсем «дурное», манчжурская петля затягивалась все туже и не было видно конца тратам по Китайской Восточной ж. д., а, между тем, более тысячи верст нового рельсового пути приходилось бы брать теперь, очевидно, на средства все той же казны. Бельгийский миллион в Обществе Рудного дела к осени 1901 г. был совсем на исходе, а скоро и над самыми золотопромышленными предприятиями Общества нависла опасность краха⁵.

¹ См. перевод «предписания» в д. № 23, ч. I.

² См. там же, тел. Грота Ротштейну от 18/31 августа 1900 г.

³ См. частное письмо Покотилова к Шипову от 16 января 1902 г. там же.

⁴ См. там же, донесение консула в Урге Шишмарева от 4 мая 1901 г. и цит. письмо Покотилова.

⁵ Крутой оборот, какой приняла история с Гротом, объясняется, однако, не только существом дела и нелепостью новой железнодорожной затеи, но и обстоятельствами совсем личного свойства. Когда Ламсдорф запросил Витте об экспедиции инженеров Грота, Витте ответил, что ему «неизвестен даже самый

По всем имеющимся данным, Грот, не имея «никакого злого умысла» и «поступая по крайнему своему разумению», «повел дело крайне легкомысленно и неумело» и меньше, чем в два года, «израсходовал почти без всяких результатов, главным образом на нерациональную покупку разных машин в Америке, весь предоставленный в его распоряжение капитал», а дальше, попрежнему бессильный поставить «правильную эксплуатацию» разведанных приисков, некоторое время существовал за счет кредита частью в Русско-Китайском банке, частью у местных китайцев. Когда, наконец, осенью 1903 г. Правление Общества решило порвать с Гротом и командировать на место специалиста инженера, а сам Грот, «не имея за душой ни гроша», уехал в Америку «простым рабочим» на Калифорнийские прииски, за Обществом числившем долга китайцам около 120.000 р. и банку около 500.000 р., а убыток по балансу на 1 октября 1904 г. выражался в цифре 666.889 р. В ноябре 1904 г. в Петербург приезжал «представитель бельгийских акционеров» и, «ознакомившись с положением дела, предполагал предложить своим доверителям вложить в дело еще до 500—600 тыс. р., чтобы попытаться поставить на ноги все предприятие». Но уже к концу декабря в Петербурге были получены сведения, что предположения бельгийца отпадают, «при чем главною помехою являются крайне неблагоприятно сложившиеся политические обстоятельства», — и Правление Русско-Китайского банка подняло вопрос «о ликвидации всего дела»¹. Однако, «с политической точки зрения» Коковцов нашел «неудобным приступить именно теперь к ликвидации единственного крупного русского промышленного дела в Монголии, которая с прибытием в Ургу Далай-Ламы приобретает для нас особенно важное значение», и Об-ву была выдана ссуда в 50 тыс. р., которая

проект сооружения) Калганской линии. Тогда-то Ламсдорф и сообщил Витте выписку из донесения Шишмарева, смысл которой никак не вязался с утверждением Витте и вел к заключению, что Общество «по составу участников», тут же и перечислявшихся, «имеет ближайшее касательство к деятельности м-ва фин. и что «министр финансов — главный участник и руководитель как Общества, так и банка, хотя негласный» (см. в д. № 23, ч. I, письма Ламсдорфа от 8 августа и Витте от 5 августа 1901 г.). Этот-то слух, исходивший, на первый взгляд, не иначе, как от Грота, и взорвал Витте. Ср. пометы его, на выписке из Шишмарева, про Грота: «сук. сын», и на письме Ламсдорфа: «ответить МИД, прося его принять меры, дабы Китайское правительство не допускало делать изысканий. Просить поставить в известность Шишмарева о том, что никто [1] в м-ве фин. в этом деле не участвует и что это ложь, распускаемая лицами заинтересованными. М-ву фин. совершенно неизвестна [1] деятельность Грота и оно не находится с ним ни в каких [1] отношениях. Одновременно я распорядился, чтобы Грот не принимал участия в Русско-Китайском банке. Передать Гирсу, Давыдову и Шипову, что я не согласен, чтобы Грот принимал какое либо участие в Русско-Китайском банке, находя неудобным данное совместительство. Требую немедленного приведения сего в действие. Когда вернется Родштейн, прошу передать ему, что я крайне недоволен произвольностью действий Грота и что мне надоело постоянно иметь неприятности из за действий г. Родштейна, что если это будет еще повторяться, буду вынужден принять меры. Д-ру канцелярии для точного исполнения».

¹ См. в д. № 23, ч. II, донесения Любы из Урги от 23 июля 1904 г. и Долбежева из Урги от 26 марта 1904 г., записку Покотилова от 2 сентября 1904 г. и письмо Правления Русско-Китайского банка м-ру фин. от 29 декабря 1904 г. Ср. также отчеты Акц. Об-ва Рудного Дела Тушетухановского и Цеценхановского Аймаков в Монголии за 1901 г. и за 1902—1904 г.

и должна была дать ему «возможность продолжать работы в скромных размерах в течение приблизительно одного года, в ожидании, что за это время выяснится политическое положение на Дальнем Востоке, а вместе с тем окончательно определится и отношение бельгийских акционеров к вопросу о продолжении деятельности Об-ва»¹. Как только кончилась война, «отношение бельгийских акционеров» удалось «определить» в положительном смысле, как известно, приманкою передачи Монголу всего ассортимента угольных и золотых концессий, какими располагало русское правительство в Манчжурii (ср. выше стр. 552 сл.).

Приводим сводный список акционеров и число акций, представившихся ими к общим собраниям 14 апреля 1901 г., 21 июня 1902 г., 30 декабря 1903 г., 24 сентября 1905 г. и 8 августа 1906 г. Список 1900 г. составлен на основании квитанций Международного банка в приеме квитанций Русско-Китайского банка о взносе по акциям (д. № 24, Монг.).

<i>Владельцы акций:</i>	1900	1901	1902	1903	1905	1906
1) Арон И.	28	—	—	—	—	—
2) де Бац, франц. инж.	12	—	—	—	—	—
3) Берг К. В., дов. Рус.-Кит. б.	—	—	—	—	30	—
4) Берендт Э. Р.	—	—	60	60	60	—
5) Бертельс (А. Bertels)	—	—	—	—	—	150
6) Бихнер Е. А., домовл. СПб.	—	—	1	1	1	—
7) Блейлер К. С., дов. Рус.-Кит. б.	—	—	100	50	50	100
8) Богданов Н.	28	—	—	—	—	—
9) Бок П. А., дов. Рус.-Кит. б.	—	30	30	30	30	85
10) Бродский Лазарь	14	—	—	—	—	—
11) Бродский Лев	14	—	—	—	—	—
12) Броун де Тьеж А. (de Brown de Tiège)	1520	5320	5320	—	840	750
13) Броун де Тьеж К.	—	—	—	—	500	700
14) Бунге Эд. (Bunge Edouard) .	—	—	—	—	500	700
15) Буссе В. Ю.	—	—	40	—	—	—
16) Вавельберг Г., вл. банк. дома.	84	—	—	—	—	—
17) Ваперо (Varegeau Ch.)	—	8	—	—	—	—
18) Варгунин К. А., в.-предс. Правл. Уч. и Сс. б.	14	—	—	—	—	—
19) Вебер О. О., тов. дир. Рус.-Кит. б.	7	7	7	7	—	—
20) Верт А., дир. Шанх. Отд. Рус.-Кит. б.	28	—	—	—	—	—
21) Виллар Л.	14	—	—	—	—	—
22) Вутерс Эм. (de Wouters d'Oplinter)	—	—	—	—	500	700

¹ См. д. № 23, ч. II, всеп. докл. м-ру фин. от 7 января 1905 г.

Владельцы акций:	1900	1901	1902	1903	1905	1906
23) Вышнеградский А. И., в.- дир. Ос. К. по Кр. Ч.	—	—	—	—	59	30
24) Геде Ф.	—	—	1	1	1	—
25) Гестлер М. Ф.	—	—	40	—	—	—
26) Гольдштанд И.	42	—	—	—	—	—
27) Гордон И. С.	—	36	—	—	—	—
28) Готсон Д.	—	—	40	—	—	—
29) Грейнерт И. И.	—	—	60	—	—	—
30) Грот В. Ю., чин. кит. службы	1232 +400*	1232	1232	1114	—	—
31) Гурьев А. (Н.? член Уч. К-та М. Ф.)	—	—	1	1	1	—
32) Давидова Т. Е.	—	—	5	5	5	—
33) Давидов А. А., дов. СПБ. Межд. б.	2	36	30	30	30	85
34) Девильтер Л.	—	—	60	—	—	—
35) Дейтрик Дж. (Deitrick J.) .	24	56	—	—	—	—
36) Деопр А. (A. Dehoerge) . .	—	—	—	—	—	150
37) бр. Джамгаровы, банк. дом .	14	—	—	—	—	—
38) Евстифеев Н. П.	—	1	—	—	—	—
39) Ефрон И. А., дир. изд-ва .	34	94	34	—	—	—
40) Жарден Ф. (Fern. de Jardin).	—	—	—	—	500	700
41) Кан Альберт	56	—	—	—	—	—
42) Капплер Генрих (Урга) . . .	—	—	—	—	—	12
43) Кербедз С. И., тов. предс. Правл. КВЖД, предс. Сов. СПБ. Межд. б.	28	—	—	—	—	—
44) Кестлин И. И., чл. Правл. Р. д. Вн. Торг. б.	28	—	—	—	—	—
45) Корлес I.	—	—	—	—	50	80
46) Коробков А. И., дов. СПБ. Межд. банка	—	—	200	100	—	—
47) Костылев Н. А., чл. Правл. Волжско-Кам. б.	14	—	—	—	—	—
48) Кох А. Ф., чл. Правл. СПБ. Межд. б.	98	70	70	70	—	—
49) Крипин В. Л.	—	—	75	30	50	—
50) Левенсон В. А.	—	—	—	—	100	60
51) Леви Г.	—	—	1	1	1	—
52) Литтауер С. И., инж.	—	30	40	40	40	40
53) Ляховский В. А.	—	—	20	20	20	60
54) Магэо И. (Maheo).	—	—	—	30	30	100
55) Мантейфель В.	—	—	—	35	35	100
56) Мейер Н. И., дов. СПБ. Межд. б.	—	—	75	50	50	—

* Китайцы.

<i>Владельцы акций:</i>	1900	1901	1902	1903	1905	1906
57) Мейер Э. М. и К ^о , банк. дом.	84	—	—	—	—	84
58) Мендельсон и К ^о , Берлин .	56	—	—	—	—	—
59) Молс Ал. (Alexis MoIs) . .	—	—	—	—	500	—
60) Мушкин И. Я.	—	—	—	—	20	—
61) Мэй Эрнст	28	—	—	—	—	—
62) Нерпин А. И., тов. расп. В.-Амур. Зол. К ^о	60	—	—	—	—	—
63) Непцин Э., дир. Париж.- Нидерл. б.	224	—	224	224	224	224
64) Нолькен Н. бар.	6	14	—	—	—	—
65) Палашковский С. Е., инж. .	14	—	—	—	—	—
66) Паули Г. Л., секретарь при дир. СПБ. Межд. б. . . .	—	—	20	20	—	—
67) Петрококино О. И.	88	—	—	—	—	—
68) Петрококино Д. И., чл. Правл. Уч. и Сс. б. . . .	28	—	—	—	—	—
69) Пименов В.	—	—	—	45	—	—
70) Покотилов Д. Д., чл. Правл. Рус.-Кит. б. в Пекине . .	20	—	20	20	20	—
71) Попов П., ген. консул в Пе- кине	—	8	—	—	—	—
72) Пфейфер Ф. А., тов. дир. Рус.-Кит. б., чл. дирекции СПБ. Межд. б.	7	7	7	7	7	—
73) Розенфельдт А. Ю., дов. Рус.-Кит. б.	—	—	—	50	—	—
74) Российское Золотопромыш- ленное Об-во	630	570	630	630	630	630
75) Ротштейн А. Ю., чл. Правл. Рус.-Кит. и СПБ. Межд. б.	200	200	30	30	—	—
76) Русско-Китайский банк . .	630	1734	630	630	630	570
	+1174*					
77) Сережников Д. И., дов. СПБ. Межд. б.	—	—	59	59	—	—
78) де Серсэ, граф	—	14	—	—	—	—
79) Соловейчик А. Э., дов. Рус.- Кит. б.	—	—	200	100	100	100
80) Société Générale pour l'In- dustrie en Russie (Париж).	112	—	—	—	—	—
81) Спидер Г. К., чл. Правл. СПБ. Межд. б.	28	28	—	—	—	—
82) СПБ. Международн. банк.	504	532	810	810	810	810
83) Старцев А. Д., домвл. СПБ.	—	28	—	—	—	—
84) Стевенс (H. Stevens)	—	—	—	—	—	150
85) Стефанский Л. К.	—	—	20	20	20	75
86) Стирих А. А. (Стириг) . .	—	—	—	30	—	100

* Шанхайское Отделение банка.

<i>Владельцы акций:</i>	1900	1901	1902	1903	1905	1906
87) Сыркин М. С.	—	—	—	—	45	100
88) Торс Ж.	14	—	—	—	—	—
89) Трахтенберг И. Г., делопр. Монгогора	—	—	—	—	—	70
90) Утин Я. И., вице-предс. Правл. Уч. и Сс. б.	14	—	—	—	—	—
91) Ухтомский Э. Э., предс. Правл. Рус.-Кит. б.	48	48	48	128	128	128
92) Ушинская М.	14	—	—	—	—	—
93) Филиппев Н. И., чл. Правл. СПБ. Межд. б.	62	—	—	—	—	—
94) Фрилинг Вилли (Willy Fri- ling).	—	—	—	—	460	150
95) Хрулев С. С., предс. Правл. СПБ. Межд. б.	—	—	40	40	40	40
96) Шайкевич Е. Г., чл. Правл. СПБ. Межд. б.	—	—	200	200	200	—
97) Шенк Альберт (Schenck). . .	—	—	—	—	500	150
98) Шлезигер Г. Ф., пом. бух. Правл. Владик. ж. д.	—	—	1	1	1	—
99) Шляков П. А., член дирек- ции СПБ. Межд. б.	28	28	28	—	—	—
100) Шмидт К. г-жа	14	—	—	—	—	—
101) Шупкий С. М.	—	1	—	—	—	—
102) Эвморфопуло Г. И., бирж. макл.	28	—	—	28	5	—
103) Энгельман И. Г.	—	—	40	40	40	—
104) Эрк Н. П.	—	—	—	—	30	—
105) Эттингер М. Н.	—	—	—	—	30	—
106) Юнкер И. В. и К ^о , банк дом. Мекс. б.	28	—	—	—	—	28
107) Якобс Ф. С., дов. СПБ. Межд. б.	—	—	100	50	50	—
Всего . . .	7878	10132	10649	4837	7973	7799

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТР.
<i>От издательства</i>	III
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	V
ВВЕДЕНИЕ. Основные моменты в русской политике на Дальнем Востоке в 1892—1917 гг.	3
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Происхождение Манчжурского вопроса (1892—1895)	37
ГЛАВА ВТОРАЯ. «Мирное» проникновение России в Манчжурию (1895—1896)	82
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. «Захват» китайской территории в Южной Манчжурии (1896—1898)	129
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. «Гибельное» отступление перед Англией на север от Великой Стены (1898—1899)	209
ГЛАВА ПЯТАЯ. «Временная» оккупация всей Манчжурии (1900—1902)	240
ГЛАВА ШЕСТАЯ. На последнем перегоне перед войной (1902—1904)	354
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Международно-финансовые отношения России во время войны (1904—1906)	466
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. «Крупные предприятия» в Манчжурии после войны	540
УКАЗАТЕЛИ: 1. Личный	571
2. Предметный и географический	577
ПРИЛОЖЕНИЯ: I. Российское Золотопромышленное О-во	591
II. Синдикат 1897 г. и Монголор	599
ИСТОРИЧЕСКАЯ КАРТА: Россия в Манчжурии (1892—1906).	

(1892-1906)

Масштаб

